9(4)
D-42

Крилеин

02 03
9(и)
Д 42
393310

Генри Джорджъ.

ПРОГРЕССЪ и БѢДНОСТЬ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ПРИЧИНЫ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ЗАСТОЕВЪ И БѢДНОСТИ,

РАСТУЩЕЙ ВМѢСТѢ СЪ РОСТОМЪ БОГАТСТВА.

СРЕДСТВО ИЗБАВЛЕНІЯ.

Обсужденіе предложеній Джорджа можетъ принести значительную общественную пользу и заставить земельныхъ собственниковъ обратить большее вниманіе на исполненіе обязанностей, которыя возлагаетъ на нихъ владѣніе землей. *Гладстонъ.*

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО **С. Д. НИКОЛАЕВА.**

ПРОВѢРЕННЫЙ **М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКИМЪ.**

Київський інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

1896.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Проблема 1

КНИГА I.

Заработная плата и капиталъ.

Глава I. Господствующее ученіе о заработной платѣ, — его неудовлетворительность 9
› II. Значеніе терминовъ 20
› III. Заработная плата берется не изъ капитала, а производится трудомъ 35
› IV. Содержаніе рабочихъ берется не изъ капитала. 52
› V. Истинныя функціи капитала 59

КНИГА II.

Народонаселеніе и средства къ жизни.

Глава I. Теорія Мальтуса, ея происхожденіе и опора 66
› II. Выводы изъ фактовъ 76
› III. Выводы изъ аналогій 97
› IV. Опроверженіе теоріи Мальтуса. 106

КНИГА III.

Законы распредѣленія богатства.

Глава I. Ограниченіе изслѣдованія законами распредѣленія. Необходимое отношеніе между этими законами 115
› II. Рента и законъ ренты 125

Кривенко

ВВЕДЕНІЕ.

ПРОБЛЕМА.

Наше столѣтіе ознаменовалось чрезвычайнымъ ростомъ производительныхъ силъ. Утилизація пара и электричества, введеніе усовершенствованныхъ способовъ производства и сберегающихъ трудъ машинъ, все большее и большее подраздѣленіе и расширеніе размѣровъ производства, удивительное облегченіе обмѣна, — несомнѣнно, въ огромной степени усилили производительность труда.

Въ началѣ этой поразительной эры ожидали, да и было естественно ожидать, что сокращающія трудъ машины облегчатъ трудъ и улучшатъ положеніе рабочаго, и огромный ростъ производительныхъ силъ сдѣлаетъ существующую бѣдность достояніемъ прошлаго. Если бы человѣкъ прошлаго вѣка, какъ Франклинъ или Пристли, созерцая будущее, могъ представить себѣ пароходы, занявшіе мѣсто парусныхъ судовъ, желѣзнодорожные поѣзда—мѣсто прежнихъ повозокъ, жатвенную машину—мѣсто косы и молотилку—мѣсто цѣпа; если бы онъ могъ услышать дрожаніе машинъ, которыя въ подчиненіи человѣческой волѣ и ради удовлетворенія человѣческихъ желаній развиваютъ силу, превышающую соединенныя силы всѣхъ людей и рабочаго скота на землѣ; если бы онъ могъ увидѣть лѣсныя деревья, превращающіяся въ законченныя издѣлія,—въ двери, ставни, ящики и бочки,—почти безъ прикосновенія человѣческой руки; обширныя мастерскія, гдѣ сапоги и башмаки вырабатываются цѣлыми ящиками съ затратой меньшаго количества труда, чѣмъ сколько нужно его было прежнему мастеру затратить на одну подошву; фабрики, гдѣ подъ присмотромъ какой нибудь дѣвочки хлопокъ превращается въ ткань быстрѣе, чѣмъ его могла изработать сотня искусныхъ ткачей на своихъ ручныхъ станкахъ; если бы онъ могъ увидѣть паровые молоты, выковывающіе гигантскіе валы и огромные

всюду стремится матеріальный прогрессъ, осуществлены съ наибольшей полнотой, то есть, гдѣ наиболѣе плотное населеніе, наибольшее богатство и въ наивысшей степени развитъ механизмъ производства и обмѣна, тамъ мы встрѣчаемъ и самую ужасную бѣдность, самую острую борьбу за существованіе и самыя тяжелыя формы безработицы.

Вѣдь въ болѣе новыя страны, то есть, въ страны, гдѣ матеріальный прогрессъ находится еще на своихъ болѣе раннихъ ступеняхъ развитія,—отправляются рабочіе въ поискахъ за болѣе высокой заработной платой, и устремляется капиталъ въ погонѣ за болѣе высокимъ процентомъ. Вѣдь въ болѣе старыхъ странахъ, другими словами, въ странахъ, гдѣ матеріальный прогрессъ достигъ болѣе позднихъ ступеней развитія, находимъ мы и широкораспространенную бѣдность посреди наибольшаго богатства. Отправьтесь въ одну изъ тѣхъ странъ, гдѣ англосаксонская мощь еще только вступаетъ на путь прогресса, гдѣ механизмъ производства и обмѣна еще грубъ и неразвитъ, гдѣ приращеніе богатства еще не настолько значительно, чтобы дать возможность какому либо классу жить въ спокойствіи и въ роскоши, гдѣ лучшій домъ есть не что иное, какъ бревенчатая хижина, палатка или шалашъ, а самый богатый человѣкъ поставленъ въ необходимость ежедневно работать, и вы, хотя и замѣтите отсутствіе богатства и всѣхъ его спутниковъ, не встрѣтите однако нищихъ. Тамъ нѣтъ роскоши, но нѣтъ тамъ и нищеты. Никто не живетъ покойной жизнью, никто не живетъ очень хорошей жизнью; но всякій имѣетъ возможность добывать себѣ средства къ жизни, и никого, могущаго и желающаго работать, не безпокоитъ боязнь нищеты.

Но лишь только такая страна начнетъ приближаться къ условіямъ, къ которымъ стремятся всѣ цивилизованныя страны, и станетъ дѣлать успѣхи въ развитіи матеріальнаго прогресса; лишь только болѣе густое населеніе, болѣе тѣсное сношеніе съ остальнымъ міромъ и бо̀льшая утилизація сокращающихъ трудъ машинъ сдѣлаютъ возможной бо̀льшую экономію въ производствѣ и обмѣнѣ, и богатство вслѣдствіе этого начнетъ расти,—не только въ своей общей суммѣ, но и въ отношеніи къ народонаселенію, — какъ тотчасъ же и бѣдность принимаетъ болѣе мрачный видъ. Одни живутъ уже безконечно лучше и свободнѣй, а другіе едва только могутъ существовать. Бродяга является вмѣстѣ съ локомотивомъ, а богадѣльни и тюрьмы такіе же вѣрные признаки матеріальнаго прогресса, какъ роскошные дома, богатые магазины и великолѣпные храмы. На улицахъ, освѣщенныхъ газомъ и охраняемыхъ полицейскими въ мундирахъ, нищіе поджидаютъ прохожихъ, а на тротуарахъ университетовъ, библіотекъ и музеевъ собираются болѣе отвратительные гунны и болѣе дикіе вандалы, чѣмъ тѣ, о которыхъ пророчилъ Маколей.

И этотъ фактъ, — этотъ великій фактъ, что бѣдность и ея спутники

являются сами собой въ обществахъ, лишь только они, развиваясь, достигаютъ тѣхъ условій, къ которымъ стремится матеріальный прогрессъ,—доказываетъ, что общественныя затрудненія, существующія всюду, гдѣ только прогрессъ достигъ извѣстной ступени, возникаютъ не изъ мѣстныхъ причинъ, но такъ или иначе порождаются самимъ прогрессомъ.

Какъ ни непріятно можетъ быть такое признанье, а наконецъ все же становится дѣломъ явнымъ, что огромный ростъ производительныхъ силъ, который ознаменовалъ собой настоящее столѣтіе и который еще продолжается и теперь съ возрастающей быстротой, не стремится къ тому, чтобы вырвать бѣдность или облегчить положеніе людей, обремененныхъ работой. Онъ просто расширяетъ пропасть между богачемъ и бѣднымъ Лазаремъ и усиливаетъ борьбу за существованіе. Рядъ изобрѣтеній далъ человѣчеству такія силы, о какихъ сто лѣтъ тому назадъ не могло мечтать и самое смѣлое воображеніе. А на фабрикахъ, гдѣ сберегающія трудъ машины достигли своего наиболѣе удивительнаго развитія, работаютъ малыя дѣти; всюду, гдѣ только новыя силы утилизируются съ большей или меньшей полнотой, цѣлыя массы народа живутъ общественной благотворительностью или едва сводятъ концы съ концами; среди наибольшаго скопленія богатства люди умираютъ съ голода и болѣзненныя дѣти сосутъ изсохшія груди своихъ матерей, и всюду жажда наживы и поклоненіе богатству указываютъ на силу страха передъ нуждой. Обѣтованная земля бѣжитъ передъ нами подобно миражу. Плоды дерева знанія, лишь только мы беремся за нихъ, превращаются въ содомскія яблоки и разсыпаются отъ прикосновенія.

Что богатство чрезвычайно увеличилось и что средній уровень достатка и образованія возвысился, — это не подлежитъ сомнѣнію; но эти выгоды отнюдь не всеобщи. Низшіе классы не принимаютъ въ нихъ участія *). Я не говорю, что положеніе низшихъ классовъ нигдѣ и ни въ чемъ не улучшилось; но я не вижу нигдѣ улучшеній, которыя можно бы было приписать росту производительныхъ силъ. И мнѣ кажется, что матеріальный прогрессъ никоимъ образомъ не стремится къ тому, чтобы существенно улучшить положеніе низшаго класса въ смыслѣ болѣе здоровой и счастливой жизни. Мало этого, я думаю, что онъ стремится еще болѣе стѣснить его

---

*) Правда, самый бѣдный человѣкъ въ наше время можетъ иногда пользоваться такими вещами, какія были недоступны въ прошломъ вѣкѣ и богачу; но это не можетъ служить доказательствомъ улучшенія въ его положеніи, пока не будетъ доказано, что возросла легкость добыванія средствъ къ жизни. Нищій въ большомъ городѣ можетъ пользоваться многими вещами, недоступными фермеру въ глуши, но это не доказываетъ того, чтобы жизненныя условія у городского нищаго были лучше, чѣмъ у независимаго фермера.

положеніе. Новыя силы, хотя и возвышающія по своей природѣ, не дѣйствуютъ на общественный строй снизу, какъ то долгое время хотѣли думать и вѣрить, но какъ клинъ устремляются въ точку срединную между вершиной и основаніемъ. Тѣхъ, которые находятся наверху, онѣ подымаютъ еще выше, а тѣхъ, которые оказываются внизу, онѣ только давятъ къ землѣ.

Если этотъ гнетущій эффектъ не повсюду наблюдается, то только потому, что онъ не бываетъ замѣтенъ тамъ, гдѣ уже издавна существовалъ классъ людей, едва имѣвшій возможность существовать. Тамъ, гдѣ низшій классъ ведетъ самую скудную жизнь, какъ это было съ давняго времени во многихъ частяхъ Европы, тамъ для него невозможно перейти къ еще болѣе низкому состоянію, ибо ближайшая низшая ступень дѣлаетъ невозможнымъ самое существованіе, и потому никакое стремленіе къ дальнѣйшему стѣсненію тамъ не можетъ легко обнаружиться. Но гдѣ страны вновь заселяемыя въ своемъ развитіи переходятъ къ условіямъ болѣе древнихъ странъ, тамъ легко можно наблюдать, что матеріальный прогрессъ не только не облегчаетъ бѣдности, но на дѣлѣ самъ ее производитъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя бы, ясно видно, что грязь и нищета и тѣ пороки, которые вытекаютъ изъ нихъ, всюду увеличиваются въ то время, когда деревня превращается въ городъ и ходъ развитія приноситъ съ собой выгоды улучшенныхъ способовъ производства и обмѣна. Вѣдь именно въ болѣе древнихъ и богатыхъ частяхъ Союза нищета и нужда среди рабочихъ классовъ принимаетъ наиболѣе мрачный видъ. И если въ Санъ-Франциско нѣтъ такой ужасной бѣдности, какъ въ Нью Іоркѣ, то развѣ это не потому, что Санъ-Франциско отстаетъ еще отъ Нью-Іорка въ томъ, къ чему стремятся они оба? Кто можетъ сомнѣваться, что и на улицахъ Санъ-Франциско также появятся оборванныя и босыя дѣти когда онъ, въ своемъ развитіи, достигнетъ той точки, которой достигъ теперь Нью-Іоркъ?

Этотъ союзъ бѣдности съ прогрессомъ есть великая загадка нашего времени. Это центральный фактъ, изъ котораго вытекаютъ тѣ промышленныя, общественныя и политическія затрудненія, которыя спутываютъ міръ и съ которыми тщетно борятся государственные люди, филантропы и педагоги. Отъ него подымаются тѣ тучи, которыя застилаютъ собой будущее самыхъ прогрессивныхъ и независимыхъ націй. Это загадка, которую Сфинксъ Судьбы задалъ нашей цивилизаціи, и не разгадать которой значитъ погибнуть. До тѣхъ поръ пока весь ростъ богатства, который вызывается матеріальнымъ прогрессомъ, будетъ уходить лишь на образованіе огромныхъ состояній, на увеличеніе роскоши и на усиленіе контраста между Домомъ Изобилія и Домомъ Нужды, до тѣхъ поръ прогрессъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ и прочнымъ. Реакція должна наступить. Башня наклоняется у самаго основанія, и каждый новый этажъ лишь ускоряетъ ко-

нечную катастрофу. Обучать людей, приговоренныхъ къ бѣдности, значитъ ожесточать ихъ; основывать на состояніи самаго явнаго общественнаго неравенства политическія учрежденія, при которыхъ всѣ люди теоретически равны, значитъ ставить пирамиду на ея вершину.

Какъ ни всеобъемлюще важенъ этотъ вопросъ, повсюду вызывающій къ себѣ болѣзненно напряженное вниманіе, но онъ еще не получилъ такого рѣшенія, которое давало бы отчетъ во всѣхъ фактахъ и указывало бы на какое либо ясное и простое лѣкарство. Это видно уже по крайнему разнообразію попытокъ, направленныхъ къ уясненію господствующаго угнетеннаго состоянія промышленности. Оно не только указываетъ на разногласіе между народными понятіями и научными теоріями, но показываетъ также, что то согласіе, которое должно бы было существовать между людьми, открыто признающими однѣ и тѣ же теоріи, разбивается о практическіе вопросы и уступаетъ мѣсто анархіи мнѣній. Одинъ высоко авторитетный экономистъ объясняетъ господствующее угнетенное состояніе промышленности перепотребленіемъ; другой, равно авторитетный,—перепроизводствомъ; затѣмъ военные расходы, постройка желѣзныхъ дорогъ, попытки рабочихъ поддержать заработную плату, демонетизація серебра, выпускъ бумажныхъ денегъ, увеличеніе числа сокращающихъ трудъ машинъ, открытіе болѣе короткихъ торговыхъ путей и пр. и пр., все это порознь выставляется, какъ причина разстройства, писателями все болѣе или менѣе извѣстными.

А въ то время, какъ ученые такъ расходятся, идеи, что существуетъ непримиримое разногласіе между капиталомъ и трудомъ, что машины есть зло, что конкурренція должна быть ограничена, а процентъ отмѣненъ, что богатство можетъ быть создаваемо выпускомъ денегъ, что давать капиталъ и работу есть долгъ правительства, быстро распространяются среди огромной массы народа, который живо чувствуетъ зло и отчетливо сознаетъ несправедливость. Эти идеи, ставящія огромныя массы народа, хранителя конечной политической власти, подъ предводительство шарлатановъ и демагоговъ,—исполнены опасности; однако съ ними нельзя успѣшно бороться до тѣхъ поръ, пока политическая экономія не дастъ такого отвѣта на великій вопросъ, который согласовался бы со всѣми ея ученіями и подходилъ бы къ понятіямъ огромной массы людей.

Дать такой отвѣтъ должно быть во власти политической экономіи. Ибо политическая экономія не есть рядъ догматовъ. Она есть объясненіе извѣстной группы фактовъ. Это наука, которая среди извѣстныхъ явленій старается прослѣживать взаимныя отношенія ихъ и связывать причину со слѣдствіемъ, все равно какъ то дѣлаютъ физическія науки среди явленій другого порядка. Она кладетъ свои основанія на твердую почву. Посылки, изъ которыхъ она дѣлаетъ свои выводы, суть истины, имѣющія наивысшую санкцію;

онѣ суть аксіомы, которыя всѣ мы признаемъ, которыя мы увѣренно кладемъ въ основу соображеній и дѣйствій повседневной жизни и которыя могутъ быть сведены къ метафизическому выраженію того физическаго закона, что движеніе направляется по линіи наименьшаго сопротивленія, къ тому положенію, что люди стремятся удовлетворять свои желанія съ наименьшей затратою силъ. При столь надежномъ основаніи, и самые процессы ея, состоящіе просто изъ признанія сходства и различія, имѣютъ такую же высокую степень достовѣрности. Въ этомъ смыслѣ, политическая экономія такая же точная наука, какъ геометрія, которая изъ подобныхъ же истинъ, относящихся къ пространству, выводитъ свои заключенія подобными же средствами, и ея заключенія, разъ они правильны, должны быть тоже какъ бы само-понятными. И хотя въ области политической экономіи мы и не можемъ повѣрять нашихъ теорій искусственно произведенными комбинаціями и условіями, какъ то можно дѣлать въ случаѣ нѣкоторыхъ другихъ наукъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ пользоваться тутъ не менѣе убѣдительной повѣркой, сравнивая общества, въ которыхъ существуютъ различныя условія, или, въ воображеніи, отдѣляя, комбинируя, придавая или выдѣляя силы и факторы, дѣйствіе которыхъ извѣстно.

На слѣдующихъ страницахъ я предполагаю сдѣлать попытку къ разрѣшенію посредствомъ методовъ политической экономіи великой проблемы, представленной мною. Я предполагаю отыскать законъ, который связываетъ бѣдность съ прогрессомъ и увеличиваетъ нужду съ ростомъ богатства; и я полагаю, что въ объясненіи этого парадокса мы найдемъ объясненіе тѣхъ часто повторяющихся періодовъ промышленнаго и коммерческаго застоя, которые кажутся столь необъяснимыми, когда ихъ разсматриваютъ независимо отъ ихъ отношеній къ болѣе общимъ явленіямъ. Такое изслѣдованіе, должнымъ образомъ начатое и заботливо произведенное, должно привести къ заключенію, которое выдержитъ всякую повѣрку и, какъ истина, будетъ имѣть связь со всѣми другими истинами. Ибо въ порядкѣ явленій нѣтъ мѣста случайности. Каждое слѣдствіе имѣетъ причину и каждымъ фактомъ предполагается предшествующій фактъ.

Что политическая экономія, въ томъ видѣ, какъ она излагается въ настоящее время, не объясняетъ устойчиваго положенія бѣдности среди растущаго богатства способомъ, который согласовался бы съ глубоко-коренящимися понятіями людей; что тѣ безспорныя истины, которымъ она учитъ, являются безсвязными и разрозненными, что она не настолько проникла въ народное сознаніе, какъ должна была-бы проникнуть всякая истина, хотя бы и непріятная; что, напротивъ того, послѣ ста лѣтъ разработки, въ теченіе которыхъ она останавливала на себѣ вниманіе наиболѣе проницательныхъ и сильныхъ мыслителей, ей пришлось быть отвергнутой государственными людьми,

осмѣянной массами и низведенной во мнѣніи многихъ образованныхъ и мыслящихъ людей до степени псевдо-науки, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ничего твердаго,—все это должно, мнѣ кажется, зависѣть не отъ безсилія самой науки, будь она должнымъ образомъ понята, а отъ нѣкотораго ложнаго шага въ ея посылкахъ или отъ упущеннаго изъ виду фактора въ ея выводахъ. А такъ какъ ошибки такого рода обыкновенно остаются незамѣченными благодаря уваженію, которое оказываютъ авторитетамъ, то я предполагаю въ этомъ изслѣдованіи ничего не принимать за доказанное и даже признанныя теоріи подвергать повѣркѣ помощью основныхъ принциповъ, а когда онѣ не будутъ выдерживать такой повѣрки, обращаться прямо къ фактамъ, стараясь непосредственно открыть ихъ законъ.

Я предполагаю ничего не принимать на вѣру, не отступать ни передъ какимъ заключеніемъ, но слѣдовать за истиной всюду, куда бы она ни повела. Искать этотъ законъ—нашъ долгъ, ибо въ самомъ сердцѣ нашей цивилизаціи, у насъ на глазахъ, изнемогаютъ женщины и стонутъ маленькія дѣти. Но какимъ можетъ оказаться этотъ законъ—дѣло не наше. Если заключенія, которыхъ мы достигнемъ, встанутъ въ противорѣчіе съ нашими предразсудками,—не будемъ колебаться, и если они будутъ враждебны установившимся понятіямъ,—не будемъ отступать.

КНИГА I.

Заработная плата и капиталъ.

Тотъ, кто хочетъ изучать философію,
долженъ быть человѣкомъ свободнаго ума.

Птоломей.

ГЛАВА I.

Господствующее ученіе о заработной платѣ,—его неудовлетворительность.

Мы дали самое краткое выраженіе проблемѣ, составляющей предметъ нашего изслѣдованія; разберемъ теперь, возможно подробнѣе, то разъясненіе, какое даетъ ей политическая экономія въ лицѣ выдающихся авторитетовъ.

Причина, которая производитъ бѣдность среди возрастающаго богатства, очевидно, тождественна съ причиной, которая обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ повсемѣстномъ стремленіи заработной платы къ минимуму. Слѣдовательно,

мы можемъ выразить самую суть нашего изслѣдованія въ такой сжатой формѣ:

Почему, несмотря на ростъ производительныхъ силъ, заработная плата стремится къ минимуму, дающему лишь одно голое существованіе.

На этотъ вопросъ господствующая политическая экономія отвѣчаетъ такъ: заработная плата опредѣляется отношеніемъ числа работниковъ къ количеству капитала, посвящаемаго на ихъ наемъ, и постоянно стремится къ самой низкой нормѣ, при какой только работники согласны будутъ жить и обзаводиться семействами по той причинѣ, что ростъ числа работниковъ естественно стремится слѣдовать за всякимъ возрастаніемъ капитала и обгонять его. Такъ какъ возрастаніе дѣлителя ограничивается только необходимостью извѣстной минимальной величины для частнаго, то дѣлимое можетъ возрастать до безконечности безъ всякаго результата для частнаго.

Въ текущей литературѣ доктрина эта считается почти неопровержимой. Она заручилась авторитетомъ величайшихъ экономистовъ и, если подвергалась нападкамъ, то—нападкамъ скорѣе формальнымъ, чѣмъ реальнымъ *). Она была положена Боклемъ въ основу его обобщеній по всемірной исторіи. Она преподается во всѣхъ или почти во всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ англійскихъ и американскихъ университетахъ и излагается въ трактатахъ, которые ставятъ себѣ задачею пріучить массу правильно разсуждать о практическихъ дѣлахъ. Въ то же время она, повидимому, гармонируетъ и съ новой философіей, которая въ короткое время овладѣла почти всѣмъ научнымъ міромъ и быстро проникаетъ теперь въ сознаніе массъ.

Засѣвши такъ крѣпко въ болѣе высокихъ областяхъ мысли, доктрина эта, въ болѣе грубой формѣ, еще того крѣпче держится въ ея, такъ сказать, болѣе низменныхъ областяхъ. Если что придаетъ такую живучесть заблужденіямъ покровительственной системы, несмотря на ихъ явную несостоятель-

---

*) Къ ихъ категоріи, мнѣ кажется, слѣдуетъ отнести возраженія Торнтона, который хотя и отрицаетъ существованіе предопредѣленнаго фонда заработной платы, состоящаго изъ нѣкоторой части капитала, отдѣляемой на покупку труда, тѣмъ не менѣе все же держится того взгляда (а это самая суть дѣла), что заработная плата берется изъ капитала, и что ростъ или растрата капитала есть ростъ или растрата фонда, идущаго на заработную плату. Самое энергичное нападеніе на доктрину фонда заработной платы, какое только я знаю, сдѣлано было профессоромъ Ф. А. Уокеромъ («The Wages Question», N. V. 1876), однако и онъ допускаетъ, что заработная плата значительной частію берется изъ капитала, а допустить это значитъ допустить все то, чего только можетъ требовать самый ревностный приверженецъ теоріи фонда заработной платы; притомъ же, онъ цѣликомъ признаетъ и Мальтусову теорію. Такимъ образомъ его практическія заключенія ничуть не отличаются отъ тѣхъ, къ какимъ приходятъ приверженцы господствующей теоріи.

ность и нелѣпость, такъ это именно та идея, что сумма, долженствующая раздѣляться въ видѣ заработной платы, въ каждой странѣ есть нѣчто постоянное, и конкурренція «иностраннаго труда» должна вести къ болѣе мелкому дробленію ея. Та же самая идея лежитъ въ основѣ большинства теорій, предлагающихъ уничтоженіе процента и ограниченіе конкурренціи, какъ средства, могущія увеличить долю рабочаго въ общей массѣ богатства, и сказывается всюду на взглядахъ тѣхъ людей, которые недостаточно еще развиты, чтобы придерживаться какихъ либо теорій, какъ то можно видѣть изъ газетныхъ статей и споровъ въ законодательныхъ собраніяхъ.

Но какъ ни широко распространена эта теорія, какъ ни глубоко пустила она корни, все же, мнѣ кажется, она не согласуется съ самыми очевидными фактами. Если бы заработная плата зависѣла отъ отношенія между количествомъ труда, ищущаго занятія, и количествомъ капитала, посвящаемаго на его наемъ, то относительная рѣдкость или изобиліе одного изъ этихъ факторовъ сопутствовались бы относительнымъ изобиліемъ или рѣдкостью другого. Такимъ образомъ капиталъ находился бы въ относительномъ изобиліи тамъ, гдѣ заработная плата высока, а гдѣ она низка, тамъ чувствовался бы въ немъ недостатокъ. Затѣмъ, такъ какъ капиталъ, идущій на выдачу заработной платы, значительной своею частію долженъ бы былъ состоять изъ капитала, постоянно ищущаго помѣщенія, то и обычный размѣръ процента долженъ бы былъ являться мѣрою относительнаго изобилія или рѣдкости капитала. Если бы на самомъ дѣлѣ заработная плата зависѣла отъ отношенія между количествомъ труда, ищущаго занятія, и количествомъ капитала, посвящаемаго на его занятіе, то высокая заработная плата (признакъ относительной рѣдкости труда) должна бы была всегда сопровождаться низкимъ процентомъ (признакомъ относительнаго изобилія капитала) и, обратно, низкая заработная плата должна бы была всегда сопровождаться высокимъ процентомъ.

А этого-то и не бываетъ, а бываетъ какъ разъ обратное. Если исключить изъ процента элементъ страховки и разсматривать лишь собственно процентъ или вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, то всюду будетъ оказываться справедливымъ то положеніе, что процентъ бываетъ высокъ тогда, когда заработная плата высока, и низокъ, когда низка заработная плата. Заработная плата и процентъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ одно и то же время были выше, чѣмъ въ Англіи, а въ Тихоокеанскихъ штатахъ въ одно и то же время были выше, чѣмъ въ Атлантическихъ. И развѣ это не общеизвѣстное явленіе, что куда направляется трудъ за болѣе высокой заработной платой, туда направляется также и капиталъ за болѣе высокимъ процентомъ? Развѣ не справедливо, что всюду, гдѣ наблюдается общее повышеніе или паденіе заработной платы, наблюдается также одновременно по-

добное же повышеніе или паденіе процента? Въ Калифорніи, напримѣръ, когда заработная плата была выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свѣтѣ, былъ такъ же высокъ и процентъ. А затѣмъ заработная плата и процентъ въ Калифорніи одновременно падали. Когда обычной заработной платой было 5 долларовъ, тогда обычнымъ банковымъ размѣромъ процента было двадцать четыре годовыхъ. Теперь, когда заработная плата равняется двумъ или двумъ съ половиною долларамъ въ день, и обычный банковый процентъ равенъ десяти или двѣнадцати.

Это постоянное явленіе, что заработная плата въ новыхъ странахъ, гдѣ капиталъ относительно рѣдокъ, бываетъ выше, чѣмъ въ старыхъ странахъ, гдѣ капиталъ находится въ относительномъ изобиліи, слишкомъ бросается въ глаза, чтобъ оставаться неизвѣстнымъ. И, хоть и касаясь его ужъ очень то слегка, его все же отмѣчаютъ представители господствующей школы политической экономіи. Но уже самый способъ, какимъ его отмѣчаютъ, указываетъ на его крайнее противорѣчіе общепризнанной теоріи заработной платы. Ибо, объясняя его, такіе писатели, какъ Милль, Фосэттъ и Прайсъ, нечувствительно покидаютъ ту теорію заработной платы, которую они формально признаютъ въ своихъ трактатахъ. Хотя они и объявляютъ, что заработная плата опредѣляется отношеніемъ между капиталомъ и работниками, тѣмъ не менѣе объясняютъ болѣе высокіе заработную плату и процентъ въ новыхъ странахъ относительно большимъ производствомъ богатства. Я докажу потомъ, что этого нѣтъ, и что, напротивъ, производство богатства въ старыхъ и густо заселенныхъ странахъ бываетъ относительно больше, чѣмъ въ новыхъ и малозаселенныхъ. Теперь же я просто желаю указать на самое противорѣчіе. Ибо сказать, что болѣе высокая плата въ новыхъ странахъ зависитъ отъ относительно бо́льшаго производства, очевидно, значитъ сдѣлать моментомъ, опредѣляющимъ заработную плату, отношеніе къ производству, а не отношеніе къ капиталу.

Хотя это противорѣчіе, повидимому, и не было усмотрѣно тѣми писателями, которыхъ я упомянулъ, тѣмъ не менѣе оно было замѣчено однимъ изъ наиболѣе логичныхъ представителей господствующей школы политической экономіи, именно проф. Кэрнзомъ *). Профессоръ этотъ старается остроумнѣйшимъ образомъ примирить факты съ теоріей, предполагая что въ новыхъ странахъ, гдѣ промышленность вообще направлена на производство пищи и сырого матеріала, на уплату заработной платы идетъ гораздо большая часть капитала, употребляемаго на производство, чѣмъ въ болѣе старыхъ странахъ, гдѣ весьма значительную часть его приходится затрачивать на машины и матеріалъ, и дѣлая отсюда тотъ выводъ, что въ новой странѣ, хотя ка-

*) «Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded», гл. I, часть II.

питала и меньше (а процентъ выше), все же количество его, идущее на уплату заработной платы въ сущности больше, и потому заработная плата выше. Напримѣръ, изъ 100000 долларовъ, затрачиваемыхъ въ какой нибудь старой странѣ въ фабричной промышленности, вѣроятно, тысячъ 80 было бы затрачено на зданія, машины и покупку матеріаловъ, и только лишь тысячъ 20 остались бы на уплату заработной платы, тогда какъ въ новой странѣ изъ 30000 долларовъ, затрачиваемыхъ въ земледѣліи и т. п., потребовалось бы не болѣе 5000 долларовъ на орудія и пр., а остальныя 25000 должны бы были распредѣлиться въ видѣ заработной платы. И такимъ-то путемъ объясняется, почему фондъ заработной платы можетъ быть сравнительно обширнымъ тамъ, гдѣ капиталъ относительно рѣдокъ, и почему высокая заработная плата можетъ существовать совмѣстно съ высокимъ процентомъ.

Ниже, я полагаю, мнѣ удастся доказать, что это объясненіе основывается на полномъ непониманіи отношеній труда къ капиталу, на основной ошибкѣ въ отношеніи того фонда, изъ котораго берется заработная плата; но теперь намъ необходимо лишь выставить на видъ, что связь между колебаніями заработной платы и процента въ однѣхъ и тѣхъ же странахъ и въ однѣхъ и тѣхъ же отрасляхъ промышленности не можетъ быть такимъ образомъ объяснена. При столь обычныхъ для насъ смѣнахъ промышленнаго оживленія и застоя, энергичный спросъ на трудъ и хорошая заработная плата всегда сопровождаются энергичнымъ спросомъ на капиталъ и высокой нормой процента. А когда работники не могутъ найти занятія и заработная плата падаетъ, тогда всегда наблюдается и скопленіе капитала, ищущаго помѣщенія за малый процентъ *). Теперешнее угнетенное состояніе промышленности отличалось трудностью находить занятіе и нуждой среди рабочихъ классовъ не менѣе, чѣмъ скопленіемъ свободнаго капитала во всѣхъ большихъ центрахъ и ничтожнымъ размѣромъ процента на капиталъ, при наиболѣе надежномъ его помѣщеніи. Такимъ образомъ при условіяхъ, которыя не допускаютъ объясненія согласнаго съ господствующей теоріей, мы встрѣчаемъ высокій процентъ совмѣстно съ высокой заработной платой и низкій процентъ вмѣстѣ съ низкой заработной платой,—капиталъ, повидимому, рѣдкій, когда мало рабочихъ рукъ, и изобиліе капитала, когда и рабочихъ рукъ изобиліе.

Всѣ эти хорошо извѣстные факты, согласующіеся между собой, указываютъ на нѣкоторое отношеніе между заработной платой и процентомъ, на отношеніе согласія, но не противоположности. Они, очевидно, совсѣмъ не вяжутся съ той теоріей, согласно которой заработная плата опредѣляется отношеніемъ между трудомъ и капиталомъ или нѣкоторой частью капитала.

*) Во времена торговой паники наблюдается высокій размѣръ учетнаго процента, но это, очевидно, не есть высокій размѣръ процента въ собственномъ смыслѣ, а высокій размѣръ страховки отъ риска.

Является вопросъ, какимъ же образомъ могла возникнуть самая теорія? Какимъ образомъ могла она признаваться цѣлымъ рядомъ экономистовъ, со времени Адама Смита и до нашихъ дней?

Если мы вникнемъ въ то разсужденіе, на которое опирается въ общераспространенныхъ трактатахъ эта теорія, то мы сразу замѣтимъ, что оно не есть индукція изъ наблюдаемыхъ фактовъ, а есть лишь дедукція изъ заранѣе допущеннаго положенія,—будто заработная плата берется изъ капитала. Разъ допущено, что капиталъ есть источникъ заработной платы, то уже необходимо приходится заключить, что и заработная плата въ массѣ должна ограничиваться суммой капитала, посвященнаго найму труда, и, стало быть, что та доля, какую можетъ получать каждый отдѣльный работникъ, должна опредѣляться отношеніемъ между числомъ работниковъ и количествомъ капитала, имѣющагося для ихъ вознагражденія *). Разсужденіе это логично, но выводъ, какъ мы видѣли, не согласуется съ фактами. Ошибка, стало быть, должна заключаться въ посылкахъ. Провѣримъ это.

Я знаю, что теорема, будто заработная плата берется изъ капитала, есть одна изъ самыхъ основныхъ и, на видъ, одна изъ наилучше установленныхъ теоремъ господствующей политической экономіи, и что она признавалась какъ бы за аксіому всѣми великими мыслителями, посвящавшими свои силы на разработку нашей науки. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, можно доказать, что теорема эта есть основная ошибка, — плодовитая мать длиннаго ряда ошибокъ, которыя извращаютъ самыя важныя практическія заключенія. Сейчасъ я и постараюсь дать это доказательство. Необходимо, чтобы оно было ясно и убѣдительно, такъ какъ доктрина, на которой основывается такое множество важныхъ разсужденій, которая опирается на столь великіе авторитеты, которая столь правдоподобна сама по себѣ и столь способна возрождаться въ новыхъ формахъ — не можетъ быть опровергнута однимъ махомъ.

Я постараюсь доказать положеніе, что *заработная плата берется не*

---

*) Мэкъ-Келлокъ напримѣръ (прим. 4 къ «Богатству Народовъ») выражается такъ: «Та часть капитала или богатства какой либо страны, которую работодатели имѣютъ въ виду или желаютъ затратить на покупку труда, можетъ быть въ одно время значительно больше, чѣмъ въ другое. Но какова бы ни была ея абсолютная величина, все же эта часть, очевидно, является единственнымъ источникомъ, изъ котораго должна уплачиваться вся заработная плата. Не существуетъ никакого иного фонда, изъ котораго работникъ, какъ таковой, могъ бы получить хоть одинъ шиллингъ. И отсюда *слѣдуетъ*, что средній размѣръ заработной платы или та доля народнаго капитала, предназначаемаго на занятіе труда, которая приходится въ среднемъ на каждаго работника, должна цѣликомъ зависѣть отъ количества этого капитала сравнительно съ числомъ тѣхъ лицъ, среди которыхъ онъ будетъ распредѣляться». Подобныя этой цитаты можно бы было привести изъ всѣхъ выдающихся экономистовъ.

изъ капитала, а берется на дѣлѣ изъ продукта того труда, за который она выплачивается *).

А такъ какъ и общепринятая теорія, будто заработная плата берется изъ капитала, утверждаетъ также, что капиталъ снова возвращается изъ производства, то на первый взглядъ можетъ показаться, что мы добиваемся отнюдь не чего либо существеннаго, а лишь простой перемѣны въ терминологіи, разсуждать о которой значило бы лишь заводить безполезныя словопренія и нагружать политическую экономію безжизненнымъ академическимъ балластомъ. Однако тутъ есть нѣчто гораздо бо́льшее, чѣмъ формальное различіе, и это станетъ очевиднымъ, если принять во вниманіе, что на этой разницѣ между двумя предложеніями строятся всѣ господствующія теоріи отношеній между капиталомъ и трудомъ; что изъ нея выводятся доктрины, считающіяся и сами какъ бы аксіомами, которыя связываютъ, направляютъ и держатъ въ подчиненіи самыхъ способныхъ мыслителей при обсужденіи наиболѣе важныхъ вопросовъ. Ибо на томъ допущеніи, что заработная плата берется прямо изъ капитала, а не изъ продукта труда, основывается не только та доктрина, что заработная плата зависитъ отъ отношенія между капиталомъ и трудомъ, но и та доктрина, что промышленность ограничивается капиталомъ, — что капиталъ долженъ быть накопленъ прежде, чѣмъ трудъ получитъ занятіе, а трудъ не можетъ имѣть занятія, пока не будетъ накопленъ капиталъ; затѣмъ — доктрина, будто каждое приращеніе капитала даетъ, или способно давать, добавочное занятіе труду; доктрина, будто превращеніе оборотнаго капитала въ основной уменьшаетъ фондъ, могущій быть примѣненнымъ къ содержанію труда; доктрина, будто при низкой заработной платѣ большее число работниковъ можетъ имѣть занятіе, чѣмъ при высокой; доктрина, будто капиталъ, примѣняемый въ земледѣліи, можетъ содержать больше работниковъ, чѣмъ если его примѣнять къ фабричной промышленности; доктрина, что прибыль бываетъ велика или мала, смотря по тому низка или высока заработная плата, и что размѣръ ея зависитъ отъ стоимости содержанія работниковъ; а затѣмъ такіе парадоксы, какъ тотъ, будто спросъ на товары не есть спросъ на трудъ, или какъ тотъ, будто нѣкоторые товары могутъ повышаться въ цѣнѣ вслѣдствіе сокращенія заработной платы или понижаться вслѣдствіе ея роста.

Короче, всѣ ученія господствующей политической экономіи, въ самой обширной и наиболѣе важной ея области, основываются болѣе или менѣе прямо на томъ допущеніи, будто трудъ содержится и оплачивается изъ су-

*) Мы говоримъ о трудѣ, затрачиваемомъ на производство, а такого рода трудомъ, ради простоты, и лучше будетъ ограничить изслѣдованіе. Всякій вопросъ, могущій возникнуть въ умѣ читателя касательно заработной платы непроизводительныхъ лицъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ.

ществующаго капитала, прежде чѣмъ получается продуктъ, который составляетъ конечную его цѣль. И если бы было доказано, что это—ошибка, и что, напротивъ того, содержаніе и оплата труда даже и временно не опирается на капиталъ, а прямо берется изъ продукта труда, то и вся эта обширная надстройка осталась бы безъ опоры и должна бы была рухнуть. Подобнымъ же образомъ должны бы были рухнуть и ходячія теоріи, также имѣющія свою основу въ вѣрованіи, будто сумма, которая должна распредѣляться въ видѣ заработной платы, есть нѣчто постоянное, и доля каждаго работника въ ней должна необходимо уменьшаться съ увеличеніемъ числа работниковъ.

Разница между господствующей теоріей и той, которую устанавливаю я, на дѣлѣ подобна разницѣ между меркантильной теоріей международнаго обмѣна и той теоріей, которую поставилъ на ея мѣсто Адамъ Смитъ. Между той теоріей, что торговля есть обмѣнъ товаровъ на деньги, и той теоріей, что она есть обмѣнъ товаровъ на товары, повидимому, не будетъ существенной разницы, если замѣтить, что приверженцы меркантильной теоріи не допускали, чтобы деньги могли имѣть какое либо другое употребленіе, кромѣ, какъ быть вымѣниваемыми на товары. Однако, при практическомъ приложеніи этихъ двухъ теорій, сказывалась вся разница между строгимъ государственнымъ покровительствомъ и свободной торговлей.

Если мною сказано достаточно, чтобы показать читателю крайнюю важность того разсужденія, въ которомъ я буду просить его слѣдовать за мною, то мнѣ не будетъ необходимости напередъ оправдывать ни элементарности, ни растянутости моихъ объясненій. Выступая противъ доктрины такой важности,—доктрины, поддерживаемой такою массою авторитетовъ, необходимо заботиться и о ясности, и о полнотѣ изложенія.

Если бы не это обстоятельство, для меня было-бы очень соблазнительно отвергнуть безъ дальнѣйшихъ разсужденій предположеніе, что заработная плата берется изъ капитала. Ибо вся та обширная надстройка, которую господствующая политическая экономія воздвигаетъ на этой доктринѣ, опирается въ сущности на основаніе, которое просто лишь принимается за достаточное, безъ малѣйшей попытки различить кажущееся отъ дѣйствительнаго. Изъ того, что заработная плата обыкновенно уплачивается деньгами, и во множествѣ промышленныхъ операцій выплачивается ранѣе, чѣмъ продуктъ бываетъ вполнѣ законченъ, или ранѣе, чѣмъ онъ можетъ быть утилизируемъ,—дѣлаютъ тотъ выводъ, что заработная плата берется изъ ранѣе существующаго капитала, и что, стало-быть, промышленность ограничивается капиталомъ,—другими словами, что трудъ не можетъ быть занятъ, пока не будетъ накопленъ капиталъ, и можетъ быть занятъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой накопленъ капиталъ.

Однако въ тѣхъ же самыхъ трактатахъ, въ которыхъ ограниченіе размѣровъ промышленности капиталомъ устанавливается безъ всякихъ оговорокъ и кладется въ основу наиболѣе важныхъ разсужденій и сложныхъ теорій, въ тѣхъ же самыхъ трактатахъ признается, что капиталъ есть запасенный или накопленный трудъ, — есть «та часть богатства, которая сберегается, чтобы содѣйствовать будущему производству». Если мы замѣнимъ слово «капиталъ» этимъ опредѣленіемъ его, то получимъ предложеніе, которое въ самомъ себѣ будетъ нести свое опроверженіе; что трудъ не можетъ имѣть занятія, пока не будутъ накоплены результаты труда,—предложеніе, уже слишкомъ нелѣпое, чтобы о немъ стоило разсуждать.

Тѣмъ не менѣе, если-бы мы рѣшили кончить дѣло этимъ *reductio ad absurdum* мы, вѣроятно, встрѣтились бы съ нѣкоторымъ объясненіемъ. Насъ не стали бы увѣрять въ томъ, что первые работники были снабжены Провидѣніемъ капиталомъ, необходимымъ для работы; но намъ заявили бы, что предложеніе это относится къ такому состоянію общества, когда производство сдѣлалось уже сложной операціей.

Однако во всякомъ экономическомъ разсужденіи нужно твердо держаться и отнюдь не терять изъ виду той основной истины, что общество, въ наиболѣе высокихъ его формахъ, есть лишь развитіе общества, въ его грубомъ, первоначальномъ состояніи, и что принципы, очевидные при болѣе простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ, только лишь замаскировываются, а отнюдь не уничтожаются или не замѣниваются обратными при болѣе запутанныхъ общественныхъ отношеніяхъ, являющихся результатомъ раздѣленія труда и пользованія сложными орудіями и способами производства. Паровая мельница, съ ея сложнымъ механизмомъ, гдѣ можно видѣть всевозможные роды движенія, представляетъ изъ себя просто то же, что представляла изъ себя въ свое время каменная ступка, вырытая изъ древняго русла рѣки, — орудіе для размалыванія зерна. И каждый человѣкъ, занятый на этой мельницѣ, подкидываетъ ли онъ дрова въ топку, слѣдитъ ли за машиной, насѣкаетъ ли жернова, клеймитъ ли мѣшки, ведетъ ли книги,—въ сущности, посвящаетъ свой трудъ тому же дѣлу, какъ и до-историческій дикарь, когда онъ толокъ въ своей ступкѣ, — приготовленію зерна для питанія человѣка.

И такимъ же образомъ, если мы сведемъ къ простѣйшему выраженію всѣ сложныя операція современнаго производства, мы замѣтимъ, что каждый индивидуумъ, который принимаетъ участіе въ этомъ безконечно-подраздѣляющемся и перепутывающемся сплетеніи производства и обмѣна, въ сущности дѣлаетъ то же, что дѣлалъ и первобытный человѣкъ, когда онъ лазилъ на деревья за плодами или шелъ, собирая моллюсковъ, за отступающимъ приливомъ, — старается цѣною своего труда добиться отъ природы удовлетво-

Київський інститут народного господарства БІБЛІОТЕКА

ренія своихъ желаній. Если мы, не упуская этого изъ виду, будемъ разсматривать производство, какъ нѣчто цѣльное,—какъ кооперацію всѣхъ, занятыхъ въ его великихъ подраздѣленіяхъ удовлетвореніемъ различныхъ желаній каждаго, то мы вполнѣ поймемъ, что вознагражденіе, которое каждый получаетъ за свои труды, получается столь же несомнѣнно и столь же прямо отъ природы, какъ и результатъ того труда, который затрачивался первымъ человѣкомъ.

Пояснимъ это. При самомъ простомъ общественномъ состояніи, какое мы можемъ только себѣ представить, каждый человѣкъ самъ разыскиваетъ приманку и самъ ловитъ рыбу. Но вскорѣ становятся ясными выгоды раздѣленія труда, и одинъ ищетъ приманку въ то время, какъ другіе ловятъ рыбу. Тѣмъ не менѣе — очевидно, что тотъ, кто разыскиваетъ приманку, въ сущности принимаетъ въ ловлѣ рыбы такое же участіе, какъ и тѣ, которые непосредственно ее ловятъ. Затѣмъ становятся извѣстными преимущества лодокъ, и вмѣсто того, чтобы всѣмъ отправляться на рыбную ловлю, одинъ остается дома и дѣлаетъ или чинитъ лодки. Но и лодочникъ, въ сущности, посвящаетъ въ такой же мѣрѣ свой трудъ ловлѣ рыбы, какъ и сами рыбаки, и рыба, которую онъ ѣстъ вечеромъ, когда рыбаки возвращаются съ ловли, есть въ такой же мѣрѣ продуктъ его труда, какъ труда рыбаковъ. И когда вполнѣ устанавливается раздѣленіе труда, когда никто уже не стремится удовлетворять своихъ желаній, непосредственно обращаясь къ природѣ, а одинъ ловитъ рыбу, другой охотится, третій собираетъ ягоды, четвертый снимаетъ плоды, пятый приготовляетъ орудія, шестой строитъ хижины и седьмой заготовляетъ платье, — тогда тоже всякій въ той мѣрѣ, въ какой онъ обмѣниваетъ непосредственные результаты своего собственнаго труда на непосредственные результаты труда другихъ, въ сущности самъ прилагаетъ свой трудъ къ производству тѣхъ предметовъ, какими пользуется,—въ сущности удовлетворяетъ свои собственныя желанія, примѣняя къ дѣлу свои собственныя силы,—и, значитъ, то, что онъ получаетъ, онъ на самомъ дѣлѣ производитъ. Если онъ выкапываетъ коренья и вымѣниваетъ ихъ на дичь, то онъ на самомъ дѣлѣ является такимъ же пріобрѣтателемъ этой дичи, какъ если бы онъ самъ ходилъ на охоту и предоставлялъ охотнику самому выкапывать для себя свои коренья. Обычное выраженіе «я сдѣлалъ себѣ то-то и то-то», означающее «я добылъ то-то и то-то» или «я добылъ деньги, на которыя я купилъ то-то и то-то», съ экономической точки зрѣнія, является не метафорически, а буквально вѣрнымъ. Добывать значитъ дѣлать.

Если мы прослѣдимъ эти принципы, довольно очевидные при простомъ состояніи общества, до ихъ сложныхъ проявленій при томъ состояніи, которое мы называемъ цивилизованнымъ, то намъ станетъ яснымъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда трудъ обмѣнивается на товары, производство на самомъ дѣлѣ

предшествуетъ пользованію; что плата, получаемая рабочимъ, есть его пріобрѣтеніе,—другими словами, созданіе труда, а не выдача впередъ капитала, и что работникъ, который получаетъ свою заработную плату въ деньгахъ (отчеканенныхъ или отпечатанныхъ, можетъ быть, ранѣе, чѣмъ начался его трудъ), на самомъ дѣлѣ получаетъ ее взамѣнъ того прибавленія, какое онъ сдѣлалъ своимъ трудомъ къ общему запасу богатства—приказъ на нѣкоторую выдачу изъ этого запаса, — приказъ, который онъ можетъ утилизировать въ какой либо отдѣльной формѣ богатства, наиболѣе соотвѣтствующей его желаніямъ; и ни деньги, которыя есть лишь обязательство, ни та отдѣльная форма богатства, которую онъ получаетъ при ихъ помощи, нимало не представляютъ изъ себя капитала, выданнаго впередъ на содержаніе работника, а напротивъ того, представляютъ изъ себя то богатство или ту часть богатства, которую трудъ работника уже вложилъ въ общій запасъ.

Имѣя въ виду эти принципы, мы поймемъ, что чертежникъ, который, затворившись въ мрачной комнатѣ на берегу Темзы, приготовляетъ чертежи огромной пароходной машины, на самомъ дѣлѣ посвящаетъ свой трудъ производству хлѣба и мяса въ такой же мѣрѣ, какъ если бы онъ самъ собиралъ хлѣбъ въ Калифорніи или бросалъ арканъ въ степяхъ Ла-Платы; что онъ въ такой же мѣрѣ самъ приготовляетъ себѣ одежду, какъ если бы самъ стригъ овецъ въ Австраліи или ткалъ сукно въ Песли; въ такой же мѣрѣ самъ производитъ для себя кларетъ, который пьетъ за обѣдомъ, какъ если бы онъ самъ собиралъ виноградъ на берегахъ Гаронны. Рудокопъ, который въ двухъ тысячахъ футовъ подъ землею въ нѣдрахъ Кемстока выкапываетъ серебряную руду, на самомъ дѣлѣ, при посредствѣ тысячи мѣновыхъ сдѣлокъ, собираетъ жатву въ долинахъ, лежащихъ на пять тысячъ футовъ ближе къ центру земли; охотится за китами въ Ледовитомъ Океанѣ; срываетъ табачные листья въ Виргиніи; обираетъ кофейныя зерна въ Гондурасѣ; срѣзаетъ сахарный тростникъ на Гавайскихъ островахъ; собираетъ хлопокъ въ Георгіи и превращаетъ его въ ткань въ Манчестерѣ или Лоуэллѣ; дѣлаетъ изящныя деревянныя игрушки для своихъ дѣтей въ горахъ Гарца или срываетъ среди зелени и золотистыхъ плодовъ въ садахъ Лосъ-Ангелесъ апельсины, которые онъ, по окончаніи смѣны, приноситъ домой своей больной женѣ. Что такое та плата, которую онъ получаетъ въ субботу вечеромъ при выходѣ изъ шахты, какъ не свидѣтельство предъ лицомъ всего свѣта въ томъ, что онъ произвелъ всѣ эти вещи,—какъ ни первая мѣновая сдѣлка въ томъ рядѣ ихъ, который преобразуетъ его трудъ въ вещи, ради которыхъ онъ въ сущности работалъ.

Все это кажется яснымъ, будучи разсматриваемо съ принятой нами точки зрѣнія; но чтобы выбить то заблужденіе, будто трудъ содержится и оплачивается капиталомъ, изъ всѣхъ его твердынь и засадъ, мы должны замѣ-

нить дедуктивную форму нашего изслѣдованія индуктивной. Посмотримъ же, достигнемъ ли мы, начавъ съ фактовъ и прослѣживая ихъ взаимныя отношенія, тѣхъ заключеній, которыя были столь очевидными въ томъ случаѣ, когда мы, начавъ съ первыхъ принциповъ, прослѣживали проявленія этихъ принциповъ въ сложныхъ фактахъ.

ГЛАВА II.

Значеніе терминовъ.

Прежде чѣмъ вести дальше наше изслѣдованіе, постараемся разобраться въ значеніи самыхъ терминовъ, ибо всякая неточность въ ихъ употребленіи неизбѣжно должна вести къ двусмысленности и неясности въ разсужденіяхъ. Не только въ политико-экономическихъ разсужденіяхъ является еще дѣломъ желательнымъ, чтобы такія слова, какъ «богатство», «капиталъ», «рента», «заработная плата» и тому подобныя имѣли болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ какой имъ придаютъ въ обыкновенныхъ разговорахъ, но, къ несчастію, даже и въ самой политической экономіи нѣтъ общаго согласія въ отношеніи точнаго значенія нѣкоторыхъ изъ указанныхъ терминовъ; различные авторы даютъ одному и тому же термину различныя значенія, и одни и тѣ же авторы часто употребляютъ одинъ и тотъ же терминъ въ различныхъ смыслахъ. Ничто такъ не убѣждаетъ въ истинности всего, что говорилось такимъ множествомъ знаменитыхъ авторовъ относительно важности ясныхъ и точныхъ опредѣленій, какъ примѣръ (отнюдь не рѣдкій) тѣхъ же самыхъ авторовъ, впадающихъ въ грубыя ошибки какъ разъ вслѣдствіе тѣхъ упущеній, отъ которыхъ они предостерегали другихъ. И ничто въ такой мѣрѣ не оттѣняетъ роли языка въ разсужденіи, какъ зрѣлище даже проницательныхъ мыслителей, основывающихъ важныя заключенія на употребленіи одного и того же слова въ различныхъ значеніяхъ. Я постараюсь избѣжать такого рода опасностей. И всякій разъ, встрѣчаясь съ мало-мальски важнымъ терминомъ, я буду точно оговариваться относительно того, что я понимаю подъ нимъ, и пользоваться имъ только въ этомъ указанномъ смыслѣ. И я просилъ бы читателя замѣчать мои опредѣленія и всегда имѣть ихъ въ виду, ибо иначе я не могу разсчитывать на то, что буду понятъ надлежащимъ образомъ. Я не буду придавать произвольныхъ значеній словамъ или чеканить новые термины, даже когда и удобно бы было это сдѣлать, но буду во всѣхъ случаяхъ сколь возможно ближе согласоваться съ обычаемъ, стараясь

только устанавливать значеніе словъ такимъ образомъ, чтобы они могли ясно выражать мысль.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, точно ли на самомъ дѣлѣ заработная плата берется изъ капитала. Но предварительно намъ надо будетъ объяснить, что̀ мы называемъ заработной платой и что̀ мы называемъ капиталомъ. Первому слову экономистами придано было достаточно опредѣленное значеніе, но что касается второго, то употребленіе его связано съ такой двусмысленностью, что мы можемъ установить его значеніе лишь послѣ подробнаго разсмотрѣнія.

Въ своемъ обычномъ разговорномъ употребленіи, слово «заработная плата» означаетъ собой вознагражденіе, уплачиваемое наемному лицу за его услуги, и мы говоримъ объ одномъ человѣкѣ, «работающемъ за заработную плату», въ противоположность и въ отличіе отъ другого, «работающаго на себя». Употребленіе термина еще болѣе съуживается благодаря обычаю прилагать его только къ вознагражденію за физическій трудъ. Мы не говоримъ о заработной платѣ человѣка свободной профессіи, управляющаго или приказчика, но говоримъ объ ихъ гонорарѣ, содержаніи или жалованьѣ. Такимъ образомъ обычнымъ значеніемъ слова «заработная плата»—является вознагражденіе, уплачиваемое наемному лицу за «физическій трудъ». Но въ политической экономіи слово заработная плата имѣетъ болѣе широкое значеніе и обнимаетъ всѣ виды вознагражденія за трудъ. Ибо, какъ объясняютъ политико-экономы, въ производствѣ участвуютъ три дѣятеля или фактора: земля, трудъ и капиталъ, и та часть продукта, которая идетъ на долю второго изъ этихъ факторовъ, называется ими заработной платой.

Такимъ образомъ терминъ трудъ обнимаетъ всѣ виды человѣческой дѣятельности, направленной къ производству богатства, а заработная плата, будучи той частью продукта, которая достается труду, обнимаетъ всѣ виды вознагражденія за такую дѣятельность. И, стало-быть, въ политико экономическомъ смыслѣ термина «заработная плата» уже нѣтъ различія въ отношеніи рода труда, равно какъ нѣтъ различія и въ отношеніи того, есть ли она вознагражденіе, получаемое при посредствѣ хозяина или безъ него, и терминомъ этимъ обозначаютъ вознагражденіе, получаемое за затрату труда въ отличіе отъ вознагражденія, получаемаго за пользованіе капиталомъ, и вознагражденія, получаемаго землевладѣльцемъ за пользованіе землей. Человѣкъ, который обработываетъ землю отъ себя, получаетъ свою заработную плату въ видѣ произведеній этой земли, все равно, какъ, пользуясь своимъ капиталомъ или владѣя своей землей, онъ могъ бы также получать процентъ и ренту; заработную плату охотника составляетъ та дичь, которую онъ убиваетъ; заработную плату рыбака — та рыба, которую онъ ловитъ. Золото, промытое работавшими отъ себя лицами, въ такой же мѣрѣ есть ихъ зара-

ботная плата, какъ деньги, уплачиваемыя наемнымъ рабочимъ въ угольныхъ копяхъ покупщикомъ ихъ труда *); высокая прибыль розничныхъ торговцевъ, какъ то доказываетъ Адамъ Смитъ, въ значительной мѣрѣ есть ихъ заработная плата, такъ какъ является болѣе вознагражденіемъ за ихъ трудъ, чѣмъ за ихъ капиталъ. Короче, все получаемое, какъ результатъ труда или какъ вознагражденіе за трудъ, есть «заработная плата».

Вотъ и все, что необходимо замѣтить теперь относительно «заработной платы», и важно только не упускать этого изъ виду. Ибо въ классическихъ сочиненіяхъ по политической экономіи этотъ смыслъ термина заработная плата если и признается съ большей или меньшей опредѣленностью, то только лишь для того, чтобы тотчасъ же забыть о немъ.

Труднѣе будетъ освободить понятіе о капиталѣ отъ тѣхъ двусмысленностей, которыми оно затемнѣно, и установить научное употребленіе этого термина. Въ обычномъ разговорѣ всѣ тѣ роды предметовъ, которые имѣютъ цѣнность или могутъ давать доходъ, относятся вообще къ капиталу, а экономическіе писатели употребляютъ этотъ терминъ столь различно, что едва ли можетъ быть и рѣчь о его постоянномъ значеніи. Сравнимъ между собой опредѣленія нѣкоторыхъ выдающихся авторовъ:

«Та часть запасовъ человѣка», говоритъ Адамъ Смитъ (кн. 2, гл. I), «отъ которой ожидается доходъ, называется его капиталомъ», а капиталъ страны или общества, продолжаетъ онъ, состоитъ: 1) изъ машинъ и ремесленныхъ инструментовъ, которые облегчаютъ или сокращаютъ трудъ; 2) изъ зданій, не просто жилищъ,—а такихъ, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ орудія промышленности, каковы: лавки, сельскохозяйственныя постройки и пр.; 3) изъ улучшеній въ землѣ, которыя дѣлаютъ ее болѣе пригодной для обработки или культуры; 4) изъ пріобрѣтенныхъ и полезныхъ способностей всѣхъ жителей; 5) изъ денегъ; 6) изъ продовольственныхъ запасовъ, находящихся въ рукахъ производителей или торговцевъ, отъ продажи которыхъ они надѣются получить прибыль; 7) изъ сырыхъ матеріаловъ и полуфабрикатовъ, еще находящихся въ рукахъ производителей или торговцевъ; 8) изъ готовыхъ предметовъ, еще находящихся въ рукахъ производителей или торговцевъ. Первыя четыре группы онъ называетъ основнымъ капиталомъ, а послѣднія четыре оборотнымъ,—различіе, говорить о которомъ для нашихъ цѣлей нѣтъ необходимости.

Рикардо даетъ такое опредѣленіе:

---

*) Это признавалось и въ разговорномъ языкѣ въ Калифорніи, гдѣ работавшіе на пріискахъ называли добытое ими своей «заработной платой, Wages», при чемъ говорили о высокой или о низкой заработной платѣ, смотря по тому, сколько добывалось ими золота.

«Капиталъ есть та часть богатства страны, которая употребляется въ производствѣ, и состоитъ изъ пищи, одежды, орудій, сырыхъ матеріаловъ, машинъ и пр., необходимыхъ для осуществленія труда».—«Принципы политической экономіи», гл. 5.

Опредѣленіе это, какъ видно, весьма отличается отъ опредѣленія Адама Смита, ибо имъ исключается изъ категоріи капитала множество предметовъ, которые включаются опредѣленіемъ Смита,—какъ-то: пріобрѣтенные таланты, предметы роскоши и произведенія искусствъ, находящіеся во владѣніи производителей или торговцевъ, и включаются нѣкоторыя вещи, которыя исключаются тѣмъ опредѣленіемъ,—какъ-то: пища, одежда и пр. въ обладаніи потребителя.

Мэкъ-Келлокъ даетъ такое опредѣленіе:

«Капиталъ народа на самомъ дѣлѣ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ произведенія промышленности, имѣющейся у него, которыя *могутъ быть* непосредственно употребляемы или на поддержаніе человѣческаго существованія, или на споспѣшествованіе производству».—Примѣчанія къ «Богатству народовъ», кн. 2, гл. 1.

Это опредѣленіе подходитъ къ опредѣленію Рикардо, но шире его. Исключая изъ категоріи капитала все, что неспособно помогать производству, оно включаетъ въ нее все, что можетъ ему помогать безъ всякаго отношенія къ тому, даютъ-ли данному предмету такое употребленіе и необходимо-ли его давать—лошадь, запряженная въ экипажъ для катанья, согласно взгляду Мэкъ-Келлока, какъ онъ опредѣленно утверждаетъ, такой же капиталъ, какъ лошадь, которая везетъ плугъ, ибо и ее можно, въ случаѣ надобности, запречь въ плугъ.

Джонъ Стьюартъ Милль, слѣдуя въ общемъ тому же направленію какъ Рикардо и Мэкъ-Келлокъ, отличительнымъ признакомъ капитала выставляетъ не употребленіе, не способность къ употребленію, а предназначеніе къ употребленію. Онъ говоритъ:

«Всѣ тѣ вещи, которыя предназначены для того, чтобы снабжать производительный трудъ кровомъ, защитой, орудіями и матеріалами, которыхъ требуетъ работа, и для того, чтобы кормить и вообще содержать работника во время работы, суть капиталъ».—«Основныя начала политической экономіи», кн. 1, гл. 4.

Цитаты эти наглядно показываютъ, какъ расходятся между собою первоклассные авторы. Между второстепенными авторами существуетъ еще большее несогласіе, какъ то можно доказать нѣсколькими примѣрами.

Профессоръ Уэйлэндъ, котораго «Элементы политической экономіи» въ теченіе долгаго времени были любимымъ учебникомъ во всѣхъ американскихъ

учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ имѣли хоть маленькое поползновеніе преподавать политическую экономію, даетъ такое ясное опредѣленіе:

«Слово капиталъ употребляется въ двухъ смыслахъ. По отношенію къ продукту оно означаетъ всякое вещество, на какое имѣетъ быть направлена промышленная дѣятельность. По отношенію къ промышленной дѣятельности, тотъ матеріалъ, которому промышленная дѣятельность имѣетъ сообщить цѣнность или которому она сообщила цѣнность; инструменты, которые употребляются для сообщенія цѣнности, также какъ средства существованія, на которыя содержится животное или человѣкъ. въ то время, когда оно занято выполненіемъ самой операціи».—«Элементы политической экономіи», кн. 2, гл. 1.

Генри Ч. Кэри, американскій апостолъ протекціонизма, опредѣляетъ капиталъ, какъ «орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ достигаетъ господства надъ природой, включая сюда физическія и умственныя силы самого человѣка». Профессоръ Пэрри, массачусетскій приверженецъ свободной торговли, весьма обстоятельно возражаетъ ему, что этимъ опредѣленіемъ онъ безнадежно спутываетъ границы между капиталомъ и трудомъ, а затѣмъ самъ въ свою очередь безнадежно спутываетъ границы между капиталомъ и землей, опредѣляя капиталъ какъ «всякую цѣнную вещь внѣ самого человѣка, отъ пользованія которой получается денежный приростъ или прибыль». Одинъ весьма извѣстный англійскій писатель, М. В. Торнтонъ, начинаетъ свое обстоятельное разсмотрѣніе отношеній между трудомъ и капиталъ («О трудѣ») съ заявленія, что онъ считаетъ землю за капиталъ, а это совсѣмъ то же, какъ если бы кто нибудь, приступая къ изложенію алгебры, началъ бы съ заявленія, что онъ будетъ разсматривать знаки плюсъ и минусъ, какъ означающіе одно и то же и имѣющіе одно и то же значеніе. Одинъ американскій авторъ, также очень извѣстный, профессоръ Фрэнсисъ А. Уокеръ, дѣлаетъ такое же заявленіе въ своемъ обстоятельномъ сочиненіи, озаглавленномъ «Вопросъ о заработной платѣ». Другой англійскій писатель, Н. А. Никольсонъ («Наука объ обмѣнѣ», Лондонъ 1873), кажется, достигаетъ высшихъ степеней нелѣпости, говоря въ одномъ параграфѣ (стр. 26), что «капиталъ долженъ, конечно, накопляться путемъ сбереженія», и утверждая тотчасъ же, въ слѣдующемъ параграфѣ, что «земля, которая производитъ жатву, плугъ, который разворачиваетъ землю, трудъ, который доставляетъ продукты, и сами продукты, если можетъ быть получена прибыль отъ ихъ употребленія, суть одинаково капиталъ». Но какимъ образомъ земля и трудъ могутъ быть накоплены путемъ сбереженія, этого онъ нигдѣ не удостоиваетъ объяснить. Такимъ же образомъ извѣстный американскій писатель, профессоръ Амаза Уокеръ («Наука о Богатствѣ»), сначала завляетъ, что капиталъ составляется изъ чистыхъ сбереженій труда, и затѣмъ тотчасъ же утверждаетъ, что земля есть капиталъ.

Я могъ бы исписать цѣлыя страницы, приводя противорѣчащія другъ другу и самимъ себѣ опредѣленія. Но это лишь утомило бы читателя. Нѣтъ надобности увеличивать числа выписокъ. Достаточно уже и приведенныхъ для доказательства того, какъ велико различіе въ пониманіи термина капиталъ. Всякій, кто нуждается въ дальнѣйшихъ примѣрахъ «той путаницы самой запутанной», которая существуетъ въ отношеніи этого предмета среди писателей по политической экономіи, можетъ найти ихъ въ любой библіотекѣ, гдѣ сочиненія этихъ авторовъ стоятъ рядомъ одно съ другимъ.

Собственно, не имѣетъ большой важности, какое названіе мы даемъ извѣстнымъ вещамъ, если мы, употребляя названіе, всегда имѣемъ въ виду именно эти, а не другія вещи. Но трудность, возникающая для экономическихъ разсужденій изъ этихъ неопредѣленныхъ и различающихся опредѣленій капитала, состоитъ именно въ томъ, что терминъ лишь въ посылкахъ употребляется въ томъ особомъ смыслѣ, какой ему дается въ опредѣленіи, а въ тѣхъ практическихъ заключеніяхъ, которыхъ достигаютъ, онъ всегда употребляется, или по крайней мѣрѣ всегда понимается, въ другомъ, болѣе общемъ и опредѣленномъ смыслѣ. Когда, напримѣръ, говорятъ, что заработная плата берется изъ капитала, то въ этомъ случаѣ слово капиталъ уже понимается въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ, когда говоримъ объ недостаткѣ или изобиліи, увеличеніи или уменьшеніи, растратѣ или приращеніи капитала, въ томъ общеизвѣстномъ и опредѣленномъ смыслѣ, въ которомъ капиталъ отличается отъ другихъ факторовъ производства, земли и труда, и отъ другихъ подобныхъ же вещей, употребляемыхъ просто лишь на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. И въ сущности, большая часть людей достаточно хорошо понимаетъ, что̀ такое капиталъ, пока они не начнутъ опредѣлять его, да и экономическіе писатели, которые столь широко расходятся въ своихъ опредѣленіяхъ, употребляютъ этотъ терминъ, что̀, мнѣ думается, нетрудно замѣтить изъ ихъ сочиненій, въ его обычно понимаемомъ смыслѣ во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ своихъ опредѣленій и разсужденій, основанныхъ на нихъ.

Обычное значеніе термина «капиталъ»—это богатство, посвящаемое добыванію бо̀льшаго богатства. Адамъ Смитъ точно выражаетъ это обычное пониманіе, говоря: «Та часть запасовъ человѣка, отъ которой ожидается доходъ, называется его капиталомъ». А капиталъ какой либо страны есть, очевидно, сумма такого рода индивидуальныхъ запасовъ, или та часть совокупнаго запаса, отъ которой ожидается произведеніе бо̀льшаго богатства. Таковъ и этимологическій смыслъ термина. Слово капиталъ, какъ это объясняютъ филологи, дошло до насъ отъ того времени, когда богатство оцѣнивалось числомъ головъ скота (лат. caput—голова перев.) и доходъ человѣка зависѣлъ отъ числа головъ скота, который онъ могъ содержать для прироста.

Трудности, съ которыми сопряжено употребленіе слова капиталъ, какъ точнаго термина, выступающія въ обычныхъ политическихъ и общественныхъ разсужденіяхъ даже съ большей наглядностью, чѣмъ въ опредѣленіяхъ экономистовъ, обусловливаются двумя обстоятельствами:—во-первыхъ, тѣмъ, что нѣкоторые разряды вещей, обладаніе которыми для индивидуума совершенно равноцѣнно обладанію капиталомъ, не составляютъ какой либо части капитала страны; и во-вторыхъ, тѣмъ, что вещи одного и того же рода могутъ быть или не быть капиталомъ, смотря по той цѣли, для какой онѣ назначаются.

Удѣливъ нѣсколько вниманія на эти пункты, не трудно будетъ достигнуть достаточно яснаго и опредѣленнаго представленія о томъ, что̀ собственно обнимается терминомъ капиталъ, какъ его вообще употребляютъ; такого представленія, какое давало бы намъ возможность сказать, какія вещи суть капиталъ и какія—не капиталъ, и употреблять это слово, не вводя двусмысленностей и не плодя ошибокъ.

Земля, трудъ и капиталъ суть три фактора производства. Если мы вспомнимъ, что капиталъ, такимъ образомъ, есть терминъ, употребляемый въ противоположность землѣ и труду, то мы сразу замѣтимъ, что все, надлежащимъ образомъ относимое къ классу «трудъ» или «земля», не можетъ уже быть надлежащимъ образомъ относимо къ классу «капиталъ». Терминъ «земля» необходимо обнимаетъ собою не только поверхность земли, въ отличіе отъ воды и воздуха, но и всю матеріальную вселенную, кромѣ самого человѣка, ибо лишь имѣя доступъ къ землѣ, отъ которой взято и его тѣло, человѣкъ можетъ входить въ соприкосновеніе съ природой или пользоваться ею. Терминъ земля охватываетъ, короче, всѣ естественные матеріалы, силы и дары природы, и потому все, что прямо доставляется природой, не можетъ уже быть относимо надлежащимъ образомъ къ классу «капиталъ». Плодородное поле, богатое рудное мѣсторожденіе, сила падающей воды, которая утилизируется, могутъ давать владѣльцу выгоды, равноцѣнныя обладанію капиталомъ, но относить всѣ эти вещи къ классу «капиталъ» значило бы уничтожить различіе между землей и капиталомъ и, поскольку они относятся другъ къ другу, лишать эти два термина всякаго значенія. Терминомъ «трудъ», подобнымъ же образомъ, обнимается всякая человѣческая дѣятельность, и потому человѣческія способности, врожденныя или пріобрѣтенныя, никогда не могутъ быть надлежащимъ образомъ относимы къ классу «капиталъ». Въ обычномъ разговорѣ мы часто выражаемся, что знаніе человѣка, его искусство или трудолюбіе составляютъ его капиталъ; но это, очевидно, лишь метафорическій способъ выраженія, котораго слѣдуетъ избѣгать въ разсужденіяхъ, гдѣ требуется точность. Превосходство въ такихъ качествахъ можетъ повышать доходъ какого либо индивидуума, все равно какъ его повышалъ бы капи-

талъ, и развитіе знанія, искусства или трудолюбія въ какой либо странѣ можетъ оказывать то же дѣйствіе на размѣры ея производства, какъ и ростъ капитала; но это дѣйствіе зависитъ отъ увеличенной силы труда, а не отъ капитала. Увеличеніе скорости можетъ оказывать на силу удара пушечнаго ядра такое же дѣйствіе, какъ и увеличеніе вѣса, тѣмъ не менѣе все же вѣсъ остается вѣсомъ, а скорость—скоростью.

Такимъ образомъ мы должны исключить изъ категоріи капитала все то, что можетъ быть отнесено къ категоріямъ земли или труда. При этомъ у насъ останутся лишь такія вещи, которыя не могутъ считаться ни землею, ни трудомъ, но которыя получились отъ соединенія этихъ двухъ первичныхъ факторовъ производства. Ничто не можетъ быть въ собственномъ смыслѣ капиталомъ, что не состоитъ изъ этихъ вещей, — другими словами, ничто не можетъ быть капиталомъ, что не есть богатство.

Но и двусмысленное употребленіе этого болѣе общаго термина «богатство» тоже породило не мало двусмысленностей, опутывающихъ терминъ капиталъ.

Въ своемъ обычномъ употребленіи, слово «богатство» прилагается ко всему, имѣющему мѣновую цѣнность. Но при его употребленіи, какъ термина политической экономіи, ему приходится придавать смыслъ болѣе ограниченный и опредѣленный, такъ какъ въ обыкновенномъ разговорѣ къ богатству причисляется множество вещей, которыя, когда принимаютъ въ соображеніе коллективное богатство или всю массу богатства, отнюдь уже не могутъ быть разсматриваемы, какъ богатство. Вещи такого рода имѣютъ мѣновую цѣнность, и о нихъ обыкновенно говорятъ, какъ о богатствѣ, ибо между индивидуумами или между группами индивидуумовъ въ нихъ выражается способность достигнуть обладанія богатствомъ; но онѣ не представляютъ изъ себя дѣйствительнаго богатства, такъ какъ ихъ увеличеніе или уменьшеніе не вліяетъ на всю сумму богатства. Таковы облигаціи, закладныя, заемныя письма, банковые билеты и другія обязательства по передачѣ богатства. Таковы рабы, которыхъ цѣнность обусловливается просто способностью одного класса присвоивать себѣ плоды трудовъ другого. Таковы земли или другіе дары природы, цѣнность которыхъ есть лишь результатъ признанія за нѣкоторыми лицами исключительнаго права пользованія этими дарами и зависитъ лишь отъ вытекающаго отсюда права владѣльцевъ требовать себѣ извѣстной доли богатства, производимаго тѣми лицами, которыя ими пользуются. Никакой приростъ въ суммѣ облигацій, закладныхъ, заемныхъ писемъ и банковыхъ билетовъ не можетъ увеличить богатства общества, которое состоитъ какъ изъ тѣхъ лицъ, которыя обязуются платить, такъ и изъ тѣхъ, которыя имѣютъ право получать. Порабощеніе нѣкоторой части народа не можетъ увеличить богатства этого народа, ибо что пріобрѣтали бы поработители, то теряли бы порабощенные. Приращеніе въ

земельныхъ цѣнностяхъ не представляетъ приращенія въ массѣ богатства, ибо что выигрываютъ землевладѣльцы благодаря болѣе высокимъ цѣнамъ, то теряютъ арендаторы или покупатели, которые должны платить имъ. И все это относительное богатство, которое, въ обычномъ представленіи и разговорахъ, въ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ законѣ не отличается отъ дѣйствительнаго богатства, могло бы быть, безъ уничтоженія или потребленія чего либо бо́льшаго нѣсколькихъ капель чернилъ и клочка бумаги, превращено въ абсолютный нуль. Указомъ высшей государственной власти долги могли бы быть уничтожены, рабы освобождены, а земля возвращена въ общую собственность всего народа, и при этомъ совокупность богатства не уменьшилась бы ни на іоту, ибо что потеряли бы одни, то выиграли бы другіе. Не было никакого уничтоженія богатства и не было никакого созданія его, когда Елизавета Тюдоръ обогащала своихъ любимыхъ придворныхъ, жалуя ихъ монополіями, или когда Борисъ Годуновъ превратилъ русскихъ крестьянъ въ продажную собственность.

Не всякая вещь, имѣющая мѣновую цѣнность, есть богатство въ томъ единственномъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ можетъ быть употребляемъ въ политической экономіи. Богатствомъ могутъ быть лишь вещи, производство которыхъ увеличиваетъ и уничтоженіе которыхъ уменьшаетъ всю совокупность богатства. Если мы разсмотримъ, что это за вещи и какова ихъ природа, то намъ не встрѣтится затрудненія и въ опредѣленіи богатства.

Когда мы говоримъ о какой либо странѣ, что богатство ея увеличилось,— напр., когда мы говоримъ, что богатство Англіи увеличилось со времени восшествія на престолъ Викторіи, или что Калифорнія стала теперь болѣе богатой страной, чѣмъ была въ то время, когда считалась Мексиканской территоріей,—то мы отнюдь не хотимъ сказать, что въ этой странѣ стало больше земли, или что естественные рессурсы ея стали обильнѣе, или что тамъ стало больше народа (когда мы желаемъ выразить именно эту мысль, мы говоримъ о ростѣ народонаселенія), или что долги и прочія обязательства однихъ жителей по отношенію къ другимъ увеличились; но хотимъ сказать, что тамъ замѣчается увеличеніе въ количествѣ нѣкоторыхъ осязательныхъ вещей, имѣющихъ дѣйствительную, а не просто относительную цѣнность,— какъ-то: зданій, скота, орудій, машинъ, земледѣльческихъ и минеральныхъ продуктовъ, фабричныхъ издѣлій, судовъ, вагоновъ, хозяйственныхъ принадлежностей и тому подобнаго. Увеличеніе количества такихъ вещей составляетъ увеличеніе богатства; его уменьшеніе есть уменьшеніе богатства; и та страна, которая, въ отношеніи къ числу ея жителей, имѣетъ наибольшее количество такихъ вещей, есть самая богатая страна. Общимъ свойствомъ этихъ вещей является то, что онѣ состоятъ изъ природныхъ веществъ или продуктовъ, которые были приспособлены человѣческимъ тру-

домъ къ пользованію человѣка или къ удовлетворенію его нуждъ, и цѣнность ихъ зависитъ отъ количества труда, которое въ среднемъ потребно для ихъ производства.

Такимъ образомъ богатство, согласно тому значенію, какое этотъ терминъ только и можетъ имѣть въ политической экономіи, состоитъ изъ естественныхъ продуктовъ, которые были добыты, перемѣщены, скомбинированы, раздѣлены или какъ либо иначе измѣнены человѣческой дѣятельностью съ цѣлью приспособить ихъ къ удовлетворенію человѣческихъ желаній. Богатство, другими словами, есть трудъ, сообщенный веществу съ тѣмъ, чтобы скопить въ немъ, какъ солнечная теплота скоплена въ углѣ, способность человѣческаго труда къ удовлетворенію человѣческихъ желаній. Богатство не есть единственный объектъ труда, ибо трудъ расходуется также и на непосредственное удовлетвореніе желаній; но оно есть объектъ и результатъ того труда, который мы называемъ производительнымъ, т. е. того труда, который придаетъ цѣнность матеріальнымъ предметамъ. Все то, что природа даетъ человѣку безъ его труда, не есть богатство, равнымъ образомъ не можетъ дать въ результатѣ богатства и затрата труда въ томъ случаѣ, если она не выражается въ какомъ либо осязательномъ продуктѣ, который имѣетъ и сохраняетъ въ себѣ способность къ удовлетворенію человѣческихъ желаній.

Затѣмъ, такъ какъ капиталъ есть богатство, посвящаемое на служеніе извѣстной цѣли, то стало-быть все, что не подпадаетъ подъ это опредѣленіе богатства, не можетъ быть и капиталомъ. Зная это и удерживая въ виду, мы освободимся отъ тѣхъ ложныхъ понятій, которыя запутываютъ всякое разсужденіе, въ которое они вкрадываются, затемняютъ народное сознаніе и вводятъ въ лабиринтъ противорѣчій даже проницательныхъ мыслителей.

Но хотя всякій капиталъ есть богатство, тѣмъ не менѣе не всякое богатство есть капиталъ. Капиталъ есть лишь часть богатства, — именно, та часть, которая посвящается на содѣйствіе производству. При проведеніи этой линіи между богатствомъ, которое есть капиталъ, и богатствомъ, которое не есть капиталъ, возникаетъ еще новый рядъ недоразумѣній.

Ошибки, которыя я указывалъ, и которыя состоятъ въ смѣшеніи съ богатствомъ и капиталомъ вещей, существенно отличныхъ отъ нихъ, или имѣющихъ лишь относительное значеніе, въ сущности—просто вульгарныя ошибки. Правда, онѣ широко распространены, глубоко пустили корни и являются достояніемъ не только менѣе образованныхъ классовъ, но, повидимому, и значительнаго большинства тѣхъ людей, которые въ такихъ передовыхъ странахъ, какъ Англія или Соединенные Штаты, формуютъ и направляютъ общественное мнѣніе, обсуждаютъ законы въ парламентахъ, конгрессахъ и законодательныхъ собраніяхъ, и слѣдятъ за ихъ выполненіемъ въ судахъ Онѣ обнаруживаются, сверхъ того, и въ разсужденіяхъ множества слабыхъ писателей, которые на-

водили печать и запутали мысль массою разныхъ политическихъ экономій, служащихъ учебниками для начинающихъ и авторитетомъ для тѣхъ, кто не способенъ самостоятельно мыслить. Тѣмъ не менѣе это все же вульгарныя ошибки, ибо онѣ не встрѣчаются у лучшихъ писателей по политической экономіи. Хотя Адамъ Смитъ, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ упущеній, которыхъ не чуждъ его великій трудъ, и которыя являются поразительнымъ доказательствомъ несовершенствъ его величайшаго таланта, и причислилъ къ капиталу нѣкоторыя личныя качества, что несовмѣстимо и съ его первоначальнымъ опредѣленіемъ капитала, какъ запаса, отъ котораго ожидается доходъ, однако этой ошибки избѣжали его наиболѣе знаменитые преемники, и она уже не встрѣчается въ вышеприведенныхъ опредѣленіяхъ Рикардо, Мэкъ-Келлока и Милля. Но ни въ ихъ опредѣленіяхъ, ни въ опредѣленіи Смита, мы не встрѣчаемъ той вульгарной ошибки, которая заключается въ смѣшеніи съ дѣйствительнымъ капиталомъ вещей, которыя суть лишь относительный капиталъ, какъ-то: долговыя обязательства, земельныя цѣнности и пр. Что же касается тѣхъ вещей, которыя и на самомъ дѣлѣ суть богатство, то тутъ ихъ опредѣленія расходятся между собой и значительно расходятся съ опредѣленіемъ Смита въ отношеніи того, что изъ нихъ можетъ и что не можетъ быть разсматриваемо, какъ капиталъ. Запасъ ювелира, напримѣръ, включается въ капиталъ по опредѣленію Смита, а пища и одежда въ обладаніи работника исключаются изъ него. А опредѣленія Рикардо и Мэкъ-Келлока исключаютъ изъ понятія капитала запасъ ювелира, какъ исключаетъ его и опредѣленіе Милля, если понимать такъ, какъ большая часть людей поняла бы цитированныя мною слова. Но, какъ онъ поясняетъ, ни природа, ни назначеніе самой вещи не опредѣляютъ того, есть ли она капиталъ или не есть, а дѣлаетъ ее капиталомъ намѣреніе ея собственника посвятить или ее, или цѣнность, полученную отъ ея продажи, на снабженіе производительнаго труда орудіями, матеріалами и средствами къ жизни. Всѣ эти опредѣленія, однако, сходятся въ томъ, что включаютъ въ капиталъ продовольствіе и одежду работника, которыя исключаетъ Смитъ.

Разсмотримъ эти три опредѣленія, въ которыхъ выражаются наиболѣе выработанныя ученія господствующей политической экономіи.

Противъ Мэкъ-Келлокова опредѣленія капитала, какъ «тѣхъ произведеній промышленности, которыя могутъ быть непосредственно употребляемы или на поддержаніе человѣческаго существованія, или на споспѣшествованіе производству», имѣются очевидныя возраженія. Всякій, кто прогуляется по любой главной улицѣ какого либо цвѣтущаго города или столицы, увидитъ магазины, наполненные разнаго рода цѣнными предметами, которые, хотя и не могутъ быть употребляемы ни на поддержаніе человѣческаго существованія, ни на споспѣшествованіе производству, тѣмъ не менѣе, составляютъ,

безъ сомнѣнія, часть капитала магазинщиковъ и часть капитала страны; и тутъ же увидимъ произведенія промышленности, способныя поддерживать человѣческое существованіе или споспѣшествовать производству, которыя потребляются на тщеславіе или безполезную роскошь. Такія произведенія, конечно, хотя и могли бы составлять, тѣмъ не менѣе все же не составляютъ части капитала.

Рикардовское опредѣленіе не грѣшитъ включеніемъ въ капиталъ вещей, которыя могли бы употребляться, но не употребляются въ производствѣ, обнимая лишь такія, которыя употребляются. Но оно открыто для перваго возраженія противъ Мэкъ-Келлоковскаго опредѣленія. Если только богатство, которое можетъ быть употребляемо или употребляется, или предназначено употребляться на содержаніе производителей или на споспѣшествованіе производству, есть капиталъ, то и товары ювелировъ, игрушечниковъ, табачниковъ, кондитеровъ, картинныхъ торговцевъ и пр., вообще говоря всѣ запасы, которые состоятъ, поскольку они состоятъ изъ предметовъ роскоши, не будутъ уже капиталомъ.

Если Милль, относя различіе къ душѣ капиталиста, избѣгаетъ этой трудности (что для меня далеко не ясно), то лишь дѣлая самое различіе столь неопредѣленнымъ, что требовалось бы не меньше, какъ всевѣдѣніе, для того, чтобы можно было сказать, что въ данной странѣ въ данное время есть и что не есть капиталъ.

Но главный недостатокъ, который присущъ безразлично всѣмъ этимъ опредѣленіямъ капитала, заключается въ томъ, что ими захватываются такія вещи, которыя отнюдь не могутъ быть причисляемы къ капиталу, если только слѣдуетъ сохранять какое либо различіе между работникомъ и капиталистомъ. Ибо они относятъ къ категоріи капитала пищу, одежду и пр., находящіяся въ обладаніи поденщика, которыя будутъ потреблены имъ, будетъ ли онъ работать или нѣтъ, наравнѣ съ тѣмъ запасомъ въ рукахъ капиталиста, которымъ онъ предполагаетъ заплатить работникамъ за ихъ трудъ.

Очевидно, однако, что терминъ капиталъ употребляется названными авторами не въ этомъ смыслѣ, когда они говорятъ о трудѣ и капиталѣ, какъ объ имѣющихъ различное участіе въ дѣлѣ производства и получающихъ различныя доли въ распредѣленіи его продуктовъ, когда они говорятъ о заработной платѣ, какъ получаемой изъ капитала или зависящей отъ отношенія между трудомъ и капиталомъ, да и всегда, когда имъ вообще приходится употреблять этотъ терминъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ терминъ капиталъ употребляется ими въ его общепринятомъ смыслѣ, въ смыслѣ той части богатства, которой собственники ея предполагаютъ воспользоваться не для непосредственнаго удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній, а для добыванія

бо́льшаго богатства. Короче, какъ экономисты всюду, кромѣ ихъ опредѣленій и основныхъ принциповъ, такъ и всѣ люди вообще капиталомъ называютъ, говоря словами Адама Смита, «ту часть запасовъ человѣка, отъ которой ожидается доходъ». Только въ этомъ смыслѣ терминъ капиталъ выражаетъ сколько нибудь опредѣленную идею, только при этомъ смыслѣ мы можемъ съ нѣкоторой ясностью различать его отъ богатства и противополагать труду. Ибо, если бы мы должны были разсматривать, какъ капиталъ, все то, что идетъ на снабженіе работника пищею, одеждою, кровомъ и пр., то, чтобы найти работника, который не былъ бы капиталистомъ, намъ пришлось бы отыскивать абсолютно нагого человѣка, лишеннаго даже заостренной палки или норы въ землѣ, — положеніе, въ какомъ, иначе какъ въ результатѣ исключительныхъ обстоятельствъ, никогда еще не было находимо ни одно человѣческое существо.

Мнѣ кажется, что разнообразіе и неточность этихъ опредѣленій происходятъ отъ того, что понятіе о капиталѣ выводилось изъ заранѣе составленнаго представленія о томъ, какъ капиталъ помогаетъ производству. Вмѣсто того, чтобы опредѣлить, что̀ такое капиталъ, и затѣмъ наблюдать, что̀ онъ дѣлаетъ, приписывали сначала извѣстныя функціи капиталу и уже затѣмъ давали такое опредѣленіе капиталу, чтобы имъ обнимались бы всѣ вещи, которыми выполняются или могутъ быть выполняемы эти функціи. Дадимъ обратное направленіе мысли и, придерживаясь естественнаго порядка, будемъ разсматривать сначала, что̀ такое представляетъ изъ себя данный предметъ и затѣмъ уже будемъ опредѣлять его назначеніе. Все, что намъ придется сдѣлать,—все, что̀ намъ необходимо сдѣлать, сводится лишь къ тому, чтобы установить, такъ сказать, предѣлъ и границы того термина, главная часть котораго понимается правильно,—сдѣлать опредѣленнымъ, то-есть, отчетливымъ и яснымъ въ своихъ предѣлахъ, обычное понятіе.

Если-бы дюжинѣ смышленныхъ людей, которые никогда ни однимъ глазомъ не заглядывали въ политическую экономію, представлены были in situ предметы, составляющіе дѣйствительное богатство, имѣющееся въ данное время въ какой либо странѣ, то, сомнительно, разошлись ли бы они во взглядахъ хотя бы на одинъ изъ этихъ предметовъ касательно того, считать его капиталомъ или нѣтъ. Деньги, которыя ихъ собственникъ имѣетъ, чтобы пользоваться для своего дѣла или для спекуляціи, были бы признаны за капиталъ; а тѣ деньги, которыя онъ имѣетъ для своихъ домашнихъ расходовъ, не были бы признаны за таковой. Та часть жатвы крестьянина, которую онъ пускаетъ въ продажу, на сѣмена или на прокормленіе своего работника въ счетъ его платы, была бы сочтена за капиталъ; но не была бы сочтена за него та часть, которая пойдетъ на его семью. Лошади и карета извозчика были бы отнесены къ капиталу, но экипажъ, содержимый для удовольствія

его владѣльца, не былъ бы отнесенъ къ капиталу. Такимъ же образомъ, никому и въ голову не пришло бы считать за капиталъ фальшивыя волосы на головѣ женщины, сигару во рту курильщика или игрушку въ рукахъ ребенка; но товаръ парикмахера, табачнаго или игрушечнаго торговца безъ всякаго колебанія былъ бы признанъ капиталомъ. Сюртукъ, который сшилъ портной на продажу, былъ бы сочтенъ за капиталъ; но не былъ бы сочтенъ за него сюртукъ, который онъ сшилъ для себя. Пища въ буфетѣ гостиницы или ресторана была бы сочтена за капиталъ, но не была бы сочтена за него пища въ чуланѣ хозяйки или въ плетушкѣ рабочаго. Чугунная болванка въ рукахъ горнозаводчика, литейщика или торговца была бы сочтена за капиталъ; но не была бы сочтена за него чугунная болванка, лежащая, какъ балластъ, въ трюмѣ яхты. Мѣхи кузнеца, станки на фабрикѣ были бы признаны капиталомъ, но не была бы признана имъ швейная машинка женщины, которая шьетъ лишь на свою семью; было бы признано капиталомъ зданіе, отдаваемое въ наймы или занятое подъ какое либо заведеніе или производство, но не былъ бы признанъ имъ просто чей-либо жилой домъ особнякъ. Короче, я полагаю, оказалось бы, что и теперь, какъ въ то время, когда писалъ Д-ръ Адамъ Смитъ, «та часть запасовъ человѣка, отъ которой ожидается доходъ, называется его капиталомъ». А если исключить несчастный промахъ Адама Смита, касающійся личныхъ качествъ, и точнѣе опредѣлить отношеніе денегъ къ капиталу, то сомнительно, чтобы мы могли улучшить списокъ различныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ капитала, какой Смитъ даетъ въ томъ мѣстѣ, которое мы цитировали въ сжатомъ видѣ въ началѣ этой главы.

Затѣмъ, если отдѣливъ такимъ образомъ богатство, которое есть капиталъ, отъ богатства, которое не есть капиталъ, мы начнемъ искать различія между этими двумя классами, то мы не найдемъ его ни въ характерѣ, ни въ свойствахъ, ни въ конечномъ назначеніи самихъ вещей, гдѣ его тщетно пытались обнаружить, а обнаружимъ его, мнѣ кажется, въ томъ обстоятельствѣ, находятся ли или не находятся эти вещи въ обладаніи потребителя *). Тѣ предметы богатства, которые сами по себѣ, при своемъ употребленіи или въ своихъ продуктахъ, еще имѣютъ быть обмѣниваемы, суть капиталъ; тѣ

*) О деньгахъ можно сказать, что онѣ находятся въ обладаніи потребителя, когда онѣ посвящены удовлетворенію его желаній, ибо, хотя сами по себѣ онѣ и не могутъ служить потребленію, тѣмъ не менѣе можетъ служить потребленію то богатство, которое представляется ими, и потому обычная классификація, о которой сейчасъ только была рѣчь, вполнѣ совпадаетъ съ этимъ различіемъ и является по существу правильной. Я говорю, конечно, о звонкой монетѣ, ибо бумажныя деньги, хотя выполняютъ всѣ функціи монеты, тѣмъ не менѣе не могутъ быть капиталомъ, потому что не представляютъ изъ себя богатства.

предметы богатства, которые находятся въ рукахъ потребителей, не суть капиталъ. Отсюда, если мы опредѣлимъ капиталъ, какъ богатство въ состояніи обмѣна, понимая подъ обмѣномъ не только переходъ изъ рукъ въ руки, но также и тѣ превращенія, которыя происходятъ при утилизаціи воспроизводительныхъ или преобразующихъ силъ природы ради увеличенія богатства,—мы охватимъ всѣ тѣ вещи, которыя собственно обнимаетъ вообще понятіе капитала, и исключимъ все, что не обнимается имъ. Подъ это опредѣленіе, мнѣ кажется, подпали бы, напримѣръ, всѣ тѣ орудія, которыя на самомъ дѣлѣ суть капиталъ. Орудіе является капиталомъ, или просто богатствомъ смотря по тому, пользуемся-ли мы имъ въ цѣляхъ обмѣна или нѣтъ. Такимъ образомъ, токарный станокъ промышленника, употребляемый для выдѣлки вещей, которыя пойдутъ въ обмѣнъ, есть капиталъ, но не будетъ капиталомъ токарный станокъ господина, который держитъ его ради своего удовольствія. Такимъ же образомъ, богатство употребленное на постройку желѣзной дороги, общественной телеграфной линіи, почтовой кареты, театра, гостиницы и пр., можетъ быть признано находящимся въ состояніи обмѣна. Обмѣнъ этотъ выполняется не разомъ, а мало-по-малу, съ неопредѣленнымъ числомъ людей. Тѣмъ не менѣе здѣсь есть обмѣнъ, и «потребителями» желѣзной дороги, телеграфной линіи, почтовой дороги, театра или гостиницы, являются не собственники ихъ, а тѣ люди, которые отъ поры до времени пользуются ими.

Не расходится это опредѣленіе и съ представленіемъ о капиталѣ, какъ о части богатства, посвящаемой производству. Лишь при слишкомъ узкомъ пониманіи смысла термина, производство можно ограничить только изготовленіемъ предметовъ. Производство вообще обнимаетъ не просто изготовленіе предметовъ, но и доставленіе ихъ потребителю. Торговецъ въ сущности есть такой же производитель, какъ и фабрикантъ или фермеръ, и его запасъ или капиталъ въ такой же мѣрѣ посвященъ производству, какъ капиталъ фабриканта или фермера. Но теперь не время вдаваться въ разсмотрѣніе функцій капитала, опредѣлить которыя намъ будетъ удобнѣе потомъ. Да и само выставленное мною опредѣленіе не имѣетъ большого значенія. Я пишу не учебникъ, а стараюсь лишь открыть законы, на которые опирается великая общественная проблема, и если читатель дошелъ до яснаго представленія о томъ, какія вещи мы понимаемъ подъ капиталомъ, моя цѣль достигнута.

Но прежде чѣмъ кончить это отступленіе, я позволю себѣ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое часто забывается. При своемъ употребленіи въ политической экономіи, термины «богатство», «капиталъ», «заработная плата» и прочіе, суть отвлеченные термины, и относительно обозначаемыхъ ими вещей нельзя вообще утверждать или отрицать ничего такого, чего нельзя утверждать или отрицать о всемъ классѣ вещей, ко-

торый они обнимаютъ. Упущеніе изъ виду этого обстоятельства порождало не мало путаницы и давало возможность заблужденіямъ, при иныхъ условіяхъ явнымъ, сходить за очевидныя истины. Богатство есть отвлеченный терминъ и не слѣдуетъ забывать, что понятіе о немъ связано съ понятіемъ обмѣниваемости. Обладаніе богатствомъ въ извѣстномъ количествѣ есть потенціально обладаніе всякимъ другимъ или всѣми другими видами богатства въ эквивалентномъ для обмѣна количествѣ. То же, слѣдовательно, нужно имѣть въ виду и относительно капитала.

ГЛАВА III.

Заработная плата берется не изъ капитала, а производится трудомъ.

Важность этого отступленія, мнѣ кажется, будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе очевидной по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ въ нашемъ изслѣдованіи; но его значеніе для занимающаго насъ вопроса, ясно уже и теперь.

Съ перваго же взгляда очевидно, что при утвержденіи, будто заработная плата берется изъ капитала, теряютъ изъ виду экономическое значеніе термина «заработная плата», а сосредоточиваютъ вниманіе на обычномъ и узкомъ значеніи его. Ибо уже и тѣхъ случаевъ, когда работникъ является въ то же время и хозяиномъ и непосредственно получаетъ произведенія своего труда, какъ вознагражденіе за свой трудъ, достаточно для доказательствъ того, что заработная плата берется не изъ капитала, но является прямо произведеніемъ труда. Если, напримѣръ, я посвящаю свой трудъ собиранію птичьихъ яицъ или дикихъ ягодъ, то яйца или ягоды, которыя я такимъ образомъ соберу, суть моя заработная плата. Безъ сомнѣнія никто не будетъ утверждать, что въ этомъ случаѣ заработная плата берется изъ капитала. Тутъ нѣтъ никакого капитала. Абсолютно нагой человѣкъ, выброшенный на островъ, куда ранѣе не ступала человѣческая нога, можетъ уже собирать яица или искать ягоды.

Или, если я беру кусокъ кожи и шью изъ него башмаки, то башмаки эти и будутъ моей заработной платой,—вознагражденіемъ за мой трудъ. Безъ сомнѣнія они берутся не изъ капитала,—моего капитала или капитала другого лица, а являются на свѣтъ благодаря труду, составляя его заработную плату, и вырабатывая эти башмаки, какъ плату за мой трудъ, я

ни на минуту и ни на іоту не уменьшалъ капитала. Ибо, если говорить о капиталѣ, мой капиталъ въ началѣ работы состоялъ изъ куска кожи, нитокъ и пр. По мѣрѣ того, какъ двигалась впередъ моя работа, ея цѣнность, постоянно увеличивалась, и когда мой трудъ выразился въ готовыхъ башмакахъ, я имѣлъ мой капиталъ плюсъ разница въ цѣнности между матеріаломъ и башмаками. И добывая эту добавочную цѣнность, мою заработную плату, развѣ я бралъ ее въ какой нибудь моментъ изъ капитала?

Адамъ Смитъ, давшій то направленіе экономической мысли, которое привело къ господствующимъ сложнымъ теоріямъ объ отношеніяхъ между заработной платой и капиталомъ, признавалъ фактъ, что въ такихъ простыхъ случаяхъ, какъ тѣ, которые я привелъ въ примѣръ, заработная плата является продуктомъ труда; свою главу о вознагражденіи за трудъ (гл. VIII) онъ начинаетъ такъ:

«*Продуктъ труда составляетъ естественное вознагражденіе или заработную плату труда.* При первичномъ состояніи вещей, предшествующемъ и обращенію въ собственность земли, и накопленію запаса, весь продуктъ труда принадлежитъ работнику. Тутъ нѣтъ ни помѣщика, ни хозяина, съ которыми бы ему приходилось дѣлиться».

Если бы великій шотландецъ сдѣлалъ это положеніе исходнымъ пунктомъ своего разсужденія и продолжалъ смотрѣть на продуктъ труда, какъ на естественное вознагражденіе труда, а на помѣщиковъ и на хозяевъ, какъ на участниковъ въ немъ, то онъ пришелъ бы къ весьма отличнымъ заключеніямъ, и политическая экономія нашего времени не заключала бы въ себѣ такой массы противорѣчій и нелѣпостей; но вмѣсто того, чтобы сдѣлать эту истину, очевидную при простыхъ способахъ производства, руководящей нитью при изслѣдованіи болѣе запутанныхъ отношеній при болѣе сложныхъ формахъ промышленной организаціи, онъ лишь на минуту призналъ ее, чтобы затѣмъ немедленно бросить; заявивъ, что «повсемѣстно въ Европѣ приходится двадцать человѣкъ, работающихъ у хозяина, на одного независимаго работника», онъ начинаетъ изслѣдованіе уже съ той точки зрѣнія, съ которой хозяинъ разсматривается, какъ человѣкъ, выдающій изъ своего капитала заработную плату своимъ рабочимъ.

Очевидно, что, опредѣляя такимъ образомъ отношеніе числа независимыхъ работниковъ къ числу работающихъ на хозяина равнымъ лишь единицѣ къ двадцати, Адамъ Смитъ имѣлъ въ виду только ремесленный трудъ, и что отношеніе всѣхъ работниковъ, получающихъ свой заработокъ прямо безъ посредничества хозяевъ, даже въ Европѣ сто лѣтъ тому назадъ, было гораздо больше этой величины. Ибо, не говоря уже о независимыхъ земледѣльцахъ, какихъ теперь имѣется во всѣхъ странахъ значительное число, въ обширныхъ областяхъ Европы земледѣліе, уже со времени Римской Имперіи,

держалось исполной системы, при которой капиталистъ получаетъ свое вознагражденіе отъ работника, вмѣсто того, чтобы работнику получать свое отъ капиталиста. Во всякомъ случаѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ общій законъ заработной платы долженъ бы былъ обнаруживаться въ такой же полнотѣ, какъ и въ Европѣ, и гдѣ, не смотря на развитіе мануфактурной промышленности, весьма значительная часть населенія состоитъ еще изъ самостоятельныхъ фермеровъ, количество работниковъ, получающихъ свою заработную плату чрезъ хозяина, выражается, сравнительно, весьма небольшимъ числомъ.

Однако намъ нѣтъ необходимости разбирать отношенія, въ какихъ самостоятельные работники всюду стоятъ къ наемнымъ рабочимъ, какъ и нѣтъ необходимости подтверждать новыми примѣрами той очевидной истины, что гдѣ работникъ прямо беретъ свою заработную плату, тамъ она состоитъ изъ продуктовъ его труда; ибо, лишь только будетъ понято, что терминомъ «заработная плата» обнимается все зарабатываемое трудомъ, берется ли оно непосредственно работникомъ въ видѣ результатовъ его труда, или получается отъ хозяина, какъ тотчасъ же станетъ очевиднымъ, что положеніе, будто заработная плата берется изъ капитала, на которомъ, какъ на всеобщей истинѣ, столь смѣло строятъ такую массу выводовъ въ общепринятыхъ политико-экономическихъ трактатахъ, по меньшей мѣрѣ значительной своей частью невѣрно, и что самое крайнее, что̀ съ бо̀льшимъ или меньшимъ правдоподобіемъ можетъ быть утверждаемо, такъ это то, что нѣкоторые виды заработной платы (именно заработная плата, получаемая работникомъ отъ капиталиста) берутся изъ капитала. Это ограниченіе большой посылки сразу лишаетъ силы всѣ тѣ выводы, какіе дѣлаются изъ нея; но, не останавливаясь здѣсь, посмотримъ, согласуется ли эта посылка съ фактами даже въ этомъ ограниченномъ смыслѣ. Возьмемся за ту нить, которую бросилъ Адамъ Смитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее бросилъ, и, подвигаясь мало-по-малу впередъ, попытаемся уяснить себѣ, точно ли отношеніе между фактами, которое очевидно при самыхъ простыхъ формахъ производства, утрачивается при наиболѣе сложныхъ его формахъ.

Ближайшимъ по простотѣ къ тому «первичному» и далеко не рѣдкому состоянію вещей, при которомъ весь продуктъ труда принадлежитъ работнику, будетъ порядокъ, при которомъ работникъ, хотя и работаетъ на другое лицо или съ капиталомъ другого лица, но тѣмъ не менѣе получаетъ свою заработную плату натурой, то-есть, въ тѣхъ вещахъ, которыя его трудъ производитъ. Въ этомъ случаѣ также очевидно, какъ и въ случаѣ работающаго отъ себя работника, что заработная плата на самомъ дѣлѣ берется изъ продукта труда, а вовсе не изъ капитала. Если я нанимаю человѣка собирать яица, искать ягоды или шить башмаки, платя ему изъ

яицъ, изъ ягодъ или изъ башмаковъ, которые добываются его трудомъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что источникомъ заработной платы является тутъ тотъ трудъ, за который она уплачивается. Къ этой формѣ найма принадлежитъ та своеобразная система арендованія скота, столь обстоятельно разобранная Генри Мэномъ въ его «Древнѣйшей Исторіи учрежденій», при которой настолько сильно выражено было отношеніе хозяина и наемника, что тотъ, кто бралъ внаймы скотъ, дѣлался какъ бы подчиненнымъ или вассаломъ капиталиста, который такимъ образомъ нанималъ его. Именно на такого-то рода условіяхъ Іаковъ работалъ на Лавана, да и въ наше время, даже въ цивилизованныхъ странахъ, это нерѣдкій способъ найма труда. Обработка земли изъ доли, въ значительной степени преобладающая въ Южныхъ штатахъ Союза и въ Калифорніи, испольная система въ Европѣ, равно какъ множество тѣхъ случаевъ, когда управляющіе, продавцы и пр., оплачиваются извѣстнымъ процентомъ изъ дохода, являются тоже не чѣмъ инымъ, какъ наймомъ труда за плату, которая состоитъ изъ части имъ производимаго.

Слѣдующей ступенью при переходѣ отъ болѣе простого къ болѣе сложному будетъ тотъ случай, когда заработная плата, хотя и оцѣнивается натурою, но выплачивается въ эквивалентномъ количествѣ чего либо другого. Напримѣръ, на американскихъ китоловныхъ судахъ существуетъ обычай платить не опредѣленную заработную плату, а извѣстную долю добычи, которая измѣняется отъ одной шестнадцатой или двѣнадцатой для капитана и до одной трехсотой для юнги. Такимъ образомъ, когда китоловное судно приходитъ въ Нью-Бэдфордъ или Санъ-Франциско послѣ удачнаго плаванія, то везетъ въ своемъ трюмѣ заработную плату своего экипажа, равно какъ прибыль своихъ владѣльцевъ и нѣкоторый эквивалентъ въ уплату имъ за тѣ запасы, которые потреблены были во время плаванія. Можетъ ли быть что̀ яснѣе того, что эта заработная плата,—этотъ жиръ и усы, добытые экипажемъ китобойнаго судна,—взяты не изъ капитала, а представляютъ изъ себя въ дѣйствительности часть произведеннаго трудомъ экипажа? Ни мало не измѣняется или не затемняется этотъ фактъ и тогда, когда ради удобства, вмѣсто того, чтобы распредѣлять между экипажемъ то количество жира и уса, какое приходится на него, доля каждаго служащаго оцѣнивается согласно рыночнымъ цѣнамъ и выплачивается деньгами. Деньги суть лишь эквивалентъ дѣйствительной заработной платы, жира и уса. Никакой предварительной выдачи капитала нѣтъ въ этомъ платежѣ. Никакого обязательства къ уплатѣ заработной платы не возникаетъ до тѣхъ поръ, пока та цѣнность, изъ которой она должна выплачиваться, не доставляется въ гавань. Въ тотъ самый моментъ, какъ собственникъ выдаетъ изъ своего капитала деньги въ уплату экипажу, онъ придаетъ къ своему капиталу жиръ и усъ.

До сихъ поръ не можетъ быть никакого спора. Сдѣлаемъ теперь еще одинъ шагъ впередъ, который приведетъ насъ къ обычному способу найма руда и выдачи заработной платы.

Фереллонскіе острова, противъ залива Санъ-Франциско, являются излюбленнымъ морскими птицами мѣстомъ для кладки яицъ, и компанія, которая имѣетъ права на эти острова, нанимаетъ въ надлежащее время людей для собиранія яицъ. Она могла бы нанимать этихъ людей за извѣстную долю собираемыхъ ими яицъ, какъ то дѣлается въ китобойномъ промыслѣ, и вѣроятно такъ бы и дѣлала, если бы съ этимъ дѣломъ была связана большая неопредѣленность; но такъ какъ птицъ изобиліе и онѣ ручныя, и приблизительно извѣстно, сколько яицъ можетъ быть собрано при такой-то затратѣ труда, то компанія находитъ болѣе удобнымъ платить своимъ рабочимъ заранѣе назначенную плату. Люди отправляются на эти острова и остаются тамъ, собирая яица и принося ихъ къ пристани, откуда, чрезъ промежутки въ нѣсколько дней, ихъ доставляютъ на маленькомъ суднѣ въ Санъ-Франциско и продаютъ. Когда сезонъ кончается, люди возвращаются и получаютъ договорную плату деньгами. Но развѣ сущность сдѣлки не сводилась бы къ тому же, если бы, вмѣсто того, чтобы выплачивать договорную плату деньгами, ее выплачивали эквивалентнымъ количествомъ собранныхъ яицъ? Развѣ деньги не представляютъ тѣхъ яицъ, путемъ продажи которыхъ онѣ были добыты, и развѣ эта заработная плата не есть такой же продуктъ труда, за который она выплачивается, какъ и яйца, которыя находятся въ рукахъ человѣка, собиравшаго ихъ отъ себя, безъ всякаго вмѣшательства какого либо хозяина?

Возьмемъ другой примѣръ, который покажетъ съ обратной стороны тождественность заработной платы въ деньгахъ съ заработной платой натурой. Въ Санъ-Буэнавентурѣ живетъ одинъ человѣкъ, который охотится на островахъ, въ проливѣ Св. Варвары за тюленями, получая прекрасный доходъ отъ продажи жира и шкуръ. Отправляясь на эту охоту, онъ берегъ себѣ въ подмогу двоихъ или троихъ китайцевъ, съ которыми сначала онъ расплачивался цѣликомъ деньгами. Но оказалось, что китайцы высоко цѣнятъ нѣкоторые органы тюленя, которые они сушатъ, превращаютъ въ порошокъ и употребляютъ, какъ лѣкарство, и что длинные волосы на щекахъ у тюленей-самцовъ, если они превосходятъ извѣстную длину, также имѣютъ для нихъ особую цѣну въ виду какого-то назначенія, мало понятнаго для иноземныхъ варваровъ. Вотъ этотъ человѣкъ и сообразилъ, что китайцы очень охотно будутъ брать вмѣсто денегъ эти части убитыхъ тюленей, и теперь, въ значительной мѣрѣ расплачивается съ ними такимъ образомъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны признать тождество заработной платы въ деньгахъ съ заработной платой натурою; не должны ли мы при-

знать его также вообще во всѣхъ случаяхъ, когда заработная плата выплачивается за производительный трудъ? Не фондъ ли, создаваемый трудомъ, является въ дѣйствительности тѣмъ фондомъ, изъ котораго уплачивается заработная плата?

Но, быть можетъ, скажутъ: «Въ этихъ случаяхъ есть нѣкоторая разница. Когда человѣкъ работаетъ на себя, или когда онъ, работая на хозяина, получаетъ свою плату натурою, тогда его плата зависитъ отъ результата его труда. Случись такъ, что вслѣдствіе какого нибудь неблагопріятнаго обстоятельства результатъ этотъ окажется ничтожнымъ, и онъ ничего не получитъ. Тогда какъ, работая на хозяина, онъ какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ получаетъ свою плату, — она зависитъ отъ затраты труда, а не отъ результата труда». Но это очевидно только воображаемое различіе. Ибо, въ среднемъ, трудъ, который отдается за заранѣе установленную плату, не только доставляетъ всю эту плату, но и нѣчто больше; иначе хозяева не могли бы имѣть прибыли. Въ случаѣ условленной заработной платы, хозяинъ принимаетъ на себя весь рискъ и получаетъ за это соотвѣтственное вознагражденіе, ибо такая заработная плата всегда бываетъ нѣсколько ниже не установленной заранѣе. Но хотя, когда выговорена опредѣленная заработная плата, работникъ, выполнившій съ своей стороны договоръ, и имѣетъ обыкновенно право требовать, чтобы хозяинъ также выполнилъ свои обязательства, тѣмъ не менѣе нерѣдко случается, если только не всегда такъ бываетъ, что несчастіе, которое помѣшало хозяину воспользоваться результатами труда, является вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ и для уплаты имъ заработной платы. И въ одной важной отрасли промышленности хозяинъ по закону освобождается отъ уплаты ея въ случаѣ несчастія, хотя бы въ контрактѣ оговорена была опредѣленная, а не измѣняющаяся заработная плата. Ибо въ морскомъ правѣ держатся принципа, что «провозная плата есть мать заработной», и если даже матросъ выполнитъ все то, для чего онъ былъ нанятъ, все же несчастіе, лишающее судно провозной платы, лишаетъ и его права требовать своей заработной платы.

Въ основѣ этого правоваго принципа лежитъ та истина, которую я отстаиваю. Производство всегда есть мать заработной платы. Безъ производства не было бы и не могло бы быть заработной платы. Заработная плата получается изъ продукта труда, а не изъ капитала.

И это всюду будетъ оказываться вѣрнымъ, гдѣ бы мы ни анализировали факты. Ибо трудъ всегда предшествуетъ заработной платѣ. Это универсальная истина, столь же приложимая къ заработной платѣ, получаемой работникомъ отъ хозяина, какъ и къ заработной платѣ непосредственно получаемой работникомъ, который самъ себѣ хозяинъ. Въ обоихъ случаяхъ вознагражденіе обусловливается затратою труда. Заработную плату уплачиваютъ

иногда поденно, чаще по-недѣльно или по-мѣсячно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по истеченіи года, а во многихъ отрасляхъ производства по-штучно, но всегда уплата заработной платы хозяиномъ работнику предполагаетъ предварительное расходованіе труда работникомъ въ пользу хозяина, ибо тѣ немногіе случаи, когда выдается впередъ плата за личныя услуги, очевидно относятся или къ благотворительности или къ разрядамъ гарантіи и покупки. Задатокъ, даваемый адвокатамъ есть не что иное, какъ гарантія, а деньги, которыя выдаются впередъ матросамъ въ Англіи и Америкѣ въ видѣ жалованья и которыя извѣстны у нихъ подъ характернымъ названіемъ, «blood money» (деньги за кровь), выдаются въ сущности, какъ деньги при покупкѣ,—ибо и англійскій, и американскій законы считаютъ матроса такимъ же товаромъ, какъ и свинью.

Я настаиваю на томъ очевидномъ фактѣ, что трудъ всегда предшествуетъ заработной платѣ потому, что имѣть его на виду безусловно необходимо для пониманія болѣе сложныхъ явленій заработной платы. Но какъ ни очевидна эта истина въ томъ выраженіи, какое я ей далъ, тѣмъ не менѣе положеніе, будто заработная плата берется изъ капитала,—положеніе, которое лежитъ въ основѣ такихъ важныхъ и многообъемлющихъ выводовъ,—получаетъ свое правдоподобіе главнымъ образомъ отъ утвержденія, которое игнорируетъ эту истину и отклоняетъ отъ нея вниманіе, отъ того утвержденія, будто трудъ не можетъ проявить своей производительной способности, пока капиталъ не дастъ ему содержанія *). Довѣрчивый читатель сразу признаетъ тотъ фактъ, что работникъ долженъ имѣть пищу, одежду и пр., для того, чтобы имѣть возможность дѣлать дѣло, и слыша, что пища, одежда и пр., употребляемыя производительными работниками, суть капиталъ, согласится съ тѣмъ заключеніемъ, что потребленіе капитала необходимо для приложенія труда; а отсюда будетъ естественно вывести, что промышленность ограничивается капиталомъ,—что спросъ на трудъ зависитъ отъ предложенія капитала и что, стало быть, заработная плата зависитъ отъ отношенія числа работниковъ, ищущихъ занятія, къ количеству капитала, посвященнаго на ихъ наемъ.

---

*) «Промышленность ограничивается капиталомъ: промышленность не можетъ развиваться далѣе того, сколько хватаетъ матеріаловъ для работы и пищи для прокормленія. Какъ ни очевидна та истина, что населеніе всякой страны содержится и удовлетворяетъ свои нужды изъ произведеній прошлаго труда, а не теперешняго, тѣмъ не менѣе она часто забывается. Люди потребляютъ то, что уже было произведено, а не то, что еще имѣетъ быть произведено. А изъ того, что было произведено, только лишь часть идетъ на поддержаніе производительнаго труда, и этого труда не будетъ и не можетъ быть больше того, сколько можетъ удѣляемая такимъ образомъ часть (которая есть капиталъ страны) прокормить и снабдить матеріалами и инструментами, потребными для производства».—Джонъ Стьюартъ Милль, «Основныя начала политической экономіи», кн. I, гл. 5, § I.

Но, я полагаю, анализъ предшествующей главы дастъ возможность каждому найти ошибку въ этомъ разсужденіи, ошибку, благодаря которой и нѣкоторые изъ наиболѣе проницательныхъ мыслителей запутывались въ своихъ собственныхъ построеніяхъ. Она заключается въ употребленіи термина капиталъ въ двухъ смыслахъ. Въ основномъ положеніи, что капиталъ необходимъ для проявленія производительнаго труда, терминъ «капиталъ» понимается, какъ нѣчто включающееся въ себя пищу, одежду, кровъ и пр.; тогда какъ въ выводахъ, которые дѣлаютъ изъ этого положенія въ концѣ концовъ, терминъ этотъ употребляется въ его обычномъ и законномъ значеніи богатства, посвящаемаго не на непосредственное удовлетвореніе желаній, а на добываніе большаго богатства,—въ смыслѣ богатства, находящагося въ рукахъ нанимателей, въ отличіе отъ богатства въ рукахъ работниковъ. Получается заключеніе не болѣе основательное, какъ если бы кто изъ того, допустимъ справедливаго, положенія, что работникъ не можетъ идти на работу безъ завтрака и кой-какого платья, сдѣлалъ бы выводъ, что работники не могутъ идти на работу, безъ того, чтобы хозяева не снабдили ихъ сначала завтраками и платьемъ. На самомъ дѣлѣ работники вообще сами заботятся о завтракѣ и объ одеждѣ, въ которой имъ идти на работу; и на самомъ дѣлѣ капиталъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ отличіе отъ труда) въ исключительныхъ случаяхъ иногда можетъ, но никогда это для него не является необходимостью, платить сколько нибудь работнику впередъ, прежде чѣмъ начнется работа. Изъ всей массы незанятыхъ рабочихъ, какая есть теперь въ цивилизованномъ мірѣ, не найдется, вѣроятно, и одного, желающаго работать, котораго нельзя бы было поставить къ дѣлу безъ всякой выдачи впередъ изъ заработной платы. Огромная часть ихъ, безъ сомнѣнія, охотно стала бы работать на условіяхъ, при которыхъ не потребовалось бы платить заработной платы ранѣе конца мѣсяца; сомнительно, чтобы можно было сосоставить мало-мальски многочисленную группу изъ тѣхъ, которые не стали бы работать и ждать своей заработной платы до конца недѣли, какъ это обыкновенно водится у большинства рабочихъ; и не нашлось бы, навѣрное, ни одного, который не сталъ бы ждать своей платы до конца дня или, если хотите, до ближайшаго часа завтрака или обѣда. Точное обозначеніе времени платежа заработной платы вещь несущественная; существенно лишь то, и я это подчеркиваю, что она уплачивается *послѣ* выполненія работы.

Уплата заработной платы, стало быть, всегда предполагаетъ предварительную затрату труда. А что же необходимо для этой затраты труда? Очевидно производство богатства, которое есть капиталъ, если оно предназначается для обмѣна или производства. Стало быть уплата капитала въ видѣ заработной платы уже предполагаетъ производство капитала трудомъ, за который эта заработная плата уплачивается. И такъ какъ хо-

зяинъ вообще получаетъ прибыль, то уплата заработной платы, по отношенію къ хозяину, есть лишь возвращеніе рабочему нѣкоторой доли того капитала, который онъ получилъ отъ рабочаго: а работникъ, получая заработную плату, получаетъ лишь нѣкоторую долю того капитала, который предварительно произведенъ былъ его трудомъ. Если цѣнность уплачиваемая въ заработной платѣ, такимъ образомъ, обмѣнивается на цѣнность, созданную трудомъ, то какъ же можно говорить, что заработная плата берется изъ капитала или выдается впередъ капиталомъ? Такъ какъ при обмѣнѣ труда на заработную плату хозяинъ всегда получаетъ капиталъ, создаваемый трудомъ прежде, чѣмъ онъ выдаетъ капиталъ въ заработной платѣ, то гдѣ же можетъ уменьшаться его капиталъ, хотя бы временно *)?

Разсмотримъ вопросъ въ связи съ фактами. Возьмемъ, для примѣра, нанимателя-фабриканта, который занятъ превращеніемъ сырого матеріала въ готовые продукты,—хлопка въ ткань, желѣза въ скобяной товаръ, кожъ въ обувь, и такъ далѣе, что бы то ни было, и который расплачивается съ своими рабочими, какъ это обыкновенно и бываетъ, разъ въ недѣлю. Составьте точный инвентарь его капиталу въ понедѣльникъ утромъ передъ началомъ работы, и онъ окажется состоящимъ изъ зданій, машинъ, сырыхъ матеріаловъ, денегъ въ кассѣ и запаса готовыхъ продуктовъ. Предположите, для простоты, что онъ ничего не продаетъ и не покупаетъ въ теченіе недѣли, и составьте новый инвентарь его капиталу въ субботу вечеромъ, послѣ окончанія работы и расплаты съ рабочими. Денегъ окажется меньше, ибо онѣ ушли на уплату заработной платы; меньше будетъ сырыхъ матеріаловъ, меньше угля и пр., придется сдѣлать извѣстный вычетъ и изъ стоимости зданій и машинъ па погашеніе за недѣлю. Но если онъ ведетъ прибыльное дѣло, а въ среднемъ такъ оно и должно быть, то стои-

---

*) Я говорю о трудѣ, производящемъ капиталъ, лишь въ виду большей ясности. То, что всегда производится трудомъ, есть или богатство (которое можетъ быть, а можетъ и не быть капиталомъ), или услуги; при чемъ тѣ случаи, въ которыхъ ничего не производится, являются лишь исключительными случаями, зависящими отъ какого либо несчастія. Гдѣ объектомъ труда является просто удовлетвореніе личныхъ потребностей нанимателя, какъ это бываетъ, когда я нанимаю человѣка чистить мнѣ сапоги, тамъ и заработная плата уплачивается не изъ капитала, а изъ богатства служащаго цѣлямъ потребленія ради удовлетворенія личныхъ нуждъ, а не производительнымъ цѣлямъ. Если даже и разсматривать уплачиваемую такимъ образомъ заработную плату, какъ берущуюся изъ капитала, то все же при этомъ актѣ она переходила бы изъ категоріи капитала въ категорію богатства, идущаго на личное пользованіе владѣльца, все равно какъ это бываетъ въ случаѣ, когда табачный торговецъ беретъ дюжину сигаръ изъ запаса, который онъ имѣетъ для продажи, и кладетъ въ свой карманъ для собственнаго употребленія.

мость готовыхъ продуктовъ окажется на столько больше прежней, что уравновѣситъ всѣ эти потери и въ конечномъ результатѣ выразится въ нѣкоторомъ приращеніи капитала. Очевидно, въ такомъ случаѣ, что цѣнность, которую онъ уплачиваетъ своимъ рабочимъ, берется не изъ его капитала и не изъ капитала какого либо другого лица. И берется она не изъ капитала, а изъ цѣнности, создаваемой самимъ трудомъ. Здѣсь нѣтъ предварительной выдачи капитала, какъ ея не было бы въ томъ случаѣ, если бы этотъ хозяинъ нанялъ рабочихъ собирать ракушекъ и разсчитывался бы съ ними нѣкоторой частью собранныхъ ими ракушекъ. Ихъ заработная плата является такимъ же продуктомъ ихъ труда, какъ заработная плата первобытнаго человѣка, когда онъ задолго «до обращенія земли въ собственность и накопленія запаса» добывалъ устрицъ, сбивая ихъ камнемъ со скалъ.

Такъ какъ работникъ, работающій на хозяина, получаетъ свою заработную плату не раньше, чѣмъ выполнитъ работу, то его положеніе подобно положенію вкладчика въ банкѣ, который не можетъ получить денегъ изъ банка, пока не положитъ ихъ въ банкъ. И какъ банковый вкладчикъ, вынимая тѣ деньги, которыя онъ предварительно внесъ, не уменьшаетъ капитала банка, такъ и работники, получая заработную плату, не уменьшаютъ, даже и временно, капитала хозяина или совокупнаго капитала страны. Ихъ заработная плата также мало берется изъ капитала, какъ и вклады, вынимаемые изъ банка,—изъ капитала банка. Правда, работники, получая заработную плату, обыкновенно получаютъ назадъ богатство не въ той формѣ, въ какой они вносили его; но и банковые вкладчики получаютъ назадъ свои вклады не въ тѣхъ же самыхъ монетахъ или билетахъ, въ какихъ они ихъ внесли, а лишь въ эквивалентной формѣ; и какъ мы считаемъ себя вправѣ говорить, что вкладчикъ получаетъ изъ банка тѣ деньги, которыя онъ внесъ, такъ мы вправѣ сказать, что и рабочій получаетъ въ заработной платѣ то богатство, которое онъ внесъ въ видѣ своего труда.

Что эта универсальная истина такъ часто затемняется,—зависитъ главнымъ образомъ отъ того обильнаго источника экономическихъ ошибокъ, какой представляетъ изъ себя смѣшеніе богатства съ деньгами; и поучительно видѣть, какъ множество лицъ, обстоятельно доказывавшихъ по почину Д-ра Адама Смита, поставившаго яйцо его острымъ концомъ, — заблужденія меркантильной системы, впадаетъ какъ разъ въ заблужденія того же рода, разсматривая отношенія между капиталомъ и трудомъ. Такъ какъ деньги являются общимъ посредникомъ мѣновыхъ сдѣлокъ, и всякое богатство при своемъ преобразованіи изъ одной формы въ другую всегда почти предварительно проходитъ черезъ эту форму, то какое бы затрудненіе ни представлялось для обмѣна, оно всегда почти обнаруживается при обращеніи различныхъ формъ богатства въ деньги; обмѣнять деньги на какую либо другую

форму богатства, бываетъ легче, чѣмъ обмѣнять богатство въ какой либо особой формѣ на деньги, ибо обыкновенно имѣется болѣе лицъ, обладателей богатства, желающихъ обмѣна вообще, чѣмъ лицъ, желающихъ обмѣна на что либо опредѣленное. Такимъ-то образомъ, для хозяина производителя, который уплатилъ деньги, какъ заработную плату, можетъ иногда оказаться дѣломъ труднымъ обратить быстро назадъ въ деньги ту увеличенную цѣнность, на которую въ сущности обмѣнены были его деньги, и о немъ говорятъ въ такихъ случаяхъ, что онъ затратилъ или выдалъ впередъ свой капиталъ на уплату заработной платы. Однако тутъ нѣтъ никакой затраты капитала; капиталъ не уменьшился, а лишь перемѣнилъ свою форму. Новая цѣнность, созданная трудомъ, не меньше уплаченной заработной платы (обратное бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ), и капиталъ, который онъ ранѣе имѣлъ въ деньгахъ, онъ имѣетъ теперь въ товарахъ.

Есть одна отрасль промышленности, въ отношеніи которой, повидимому, всего менѣе могутъ имѣть мѣсто тѣ недоразумѣнія, которыя зависятъ отъ привычки оцѣнивать капиталъ на деньги, такъ какъ продуктомъ этой промышленности является обычный и основной денежный матеріалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, случайно, промышленность эта представляетъ намъ, почти рядомъ, примѣры перехода отъ самой простой до наиболѣе сложныхъ формъ производства.

Въ Калифорніи прежняго времени, какъ потомъ въ Австраліи, искатель золота, находившій въ ложѣ рѣки или на поверхности земли блестящія частички, которыя накоплялись тамъ вслѣдствіе медленныхъ, цѣлые вѣка продолжавшихся процессовъ природы, выбиралъ или вымывалъ свою добычу (свою «wages», заработную плату, какъ ее и называли) какъ разъ въ видѣ настоящихъ денегъ, ибо чеканная монета была рѣдкостью, и вмѣсто денегъ отвѣшивали сколько слѣдовало золотого песку, такъ что къ концу дня онъ имѣлъ свою заработную плату въ видѣ денегъ въ карманѣ въ замшевомъ мѣшкѣ. Не можетъ быть никакого спора относительно того, бралась или не бралась эта заработная плата изъ капитала. Очевидно она была произведеніемъ его труда. Не могло бы быть никакого спора и относительно того случая, когда владѣлецъ особенно богатаго участка нанималъ людей къ себѣ на работу и уплачивалъ имъ деньгами, тождественными съ тѣми, которыя ихъ трудъ добывалъ изъ потоковъ и съ отмелей. Когда стало больше монеты и когда, въ виду ея преимущества въ смыслѣ устраненія хлопотъ и потерь при взвѣшиваніи, золотому песку указано было мѣсто товара, тогда хозяинъ розсыпи сталъ расплачиваться съ своими рабочими монетой, полученной отъ продажи золотого песка, добытаго ихъ трудомъ. Но иногда, имѣя достаточный запасъ монеты, хозяинъ розсыпи, вмѣсто того, чтобы продавать свой золотой песокъ въ ближайшій складъ и дѣлиться прибылью съ

торговцемъ, удерживалъ этотъ песокъ у себя, пока его не накапливалось количество, достаточное для того, чтобы отправиться съ нимъ самому или отправить его съ нарочнымъ въ Санъ-Франциско, гдѣ на монетномъ дворѣ его можно было обмѣнивать на монету, не платя за чеканку. Накапливая такимъ образомъ золотой песокъ, онъ уменьшалъ свой запасъ монеты, все равно какъ фабрикантъ, накапливая запасъ товаровъ, уменьшаетъ свой запасъ денегъ. Однако едва ли бы нашелся такой тупой человѣкъ, который вообразилъ бы, будто получая такимъ образомъ золотой песокъ и выдавая монету, золотопромышленникъ уменьшалъ свой капиталъ.

Но розсыпи, которыя можно было разрабатывать безъ предварительныхъ затратъ, скоро истощились, и добыча золота быстро приняла болѣе сложный видъ. Прежде чѣмъ довести золотоносный участокъ до такого состоянія, при какомъ онъ могъ бы давать доходъ, приходилось уже рыть глубокія шахты, строить огромныя плотины, прорывать длинные тоннели черезъ горы изъ самыхъ твердыхъ породъ, прокладывать водопроводы на цѣлыя мили черезъ горные хребты и глубокія долины и заводить цѣнныя машины. Такихъ сооруженій нельзя было выполнять безъ капитала. Иногда ихъ постройка требовала нѣсколькихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ нельзя было надѣяться ни на какой доходъ, тогда какъ рабочимъ, занятымъ при этомъ, надо было уплачивать заработную плату каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ. Конечно, скажутъ, въ такихъ случаяхъ, если даже оставить всѣ другіе, заработная плата на самомъ дѣлѣ берется уже изъ капитала; на самомъ дѣлѣ выдается впередъ капиталомъ; и уплата ея необходимо должна уменьшать капиталъ! Конечно, здѣсь по крайней мѣрѣ, промышленность ограничивается капиталомъ, ибо безъ капитала нельзя бы было вести такихъ дѣлъ! Посмотримъ, такъ ли это.

Примѣры такого рода всегда приводятся, когда желаютъ доказать, что заработная плата выдается впередъ изъ капитала. Ибо ясно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда заработная плата уплачивается прежде, чѣмъ добытъ или законченъ самый предметъ труда,—какъ въ земледѣліи, гдѣ пахота и посѣвъ предшествуютъ на нѣсколько мѣсяцевъ жатвѣ; какъ при сооруженіи зданій, при постройкѣ судовъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и пр., — собственники капитала, уплачиваемаго въ заработной платѣ, не могутъ надѣяться на немедленное вознагражденіе, но, какъ говорятъ, должны «расходовать», «затрачивать» его на нѣкоторое время, иногда на нѣсколько лѣтъ. И потому, если не упускать изъ виду основныхъ принциповъ, легко бываетъ придти къ заключенію, что заработная плата выдается впередъ капиталомъ.

Но такіе примѣры не собьютъ съ толку читателя, который ясно понялъ сказанное мною ранѣе. И легкій анализъ покажетъ, что примѣры уплачиванія заработной платы прежде, чѣмъ продуктъ законченъ или даже

произведенъ, не представляютъ какого либо исключенія изъ правила, очевиднаго тамъ, гдѣ продуктъ заканчивается прежде, чѣмъ выплачивается заработная плата.

Если я прихожу къ мѣнялѣ, чтобы обмѣнять серебро на золото, то онъ беретъ мое серебро, считаетъ его и кладетъ въ ящикъ, и затѣмъ вручаетъ мнѣ эквивалентъ золота, минусъ его коммисія. Выдаетъ ли мнѣ мѣняла впередъ капиталъ? Конечно, нѣтъ. Что онъ имѣлъ ранѣе въ золотѣ, то онъ имѣетъ теперь въ серебрѣ, плюсъ его прибыль. А такъ какъ онъ беретъ серебро ранѣе, чѣмъ выплачиваетъ золото, то даже и на минуту не бываетъ съ его стороны выдачи впередъ капитала.

Эта операція мѣнялы совершенно аналогична тому, что дѣлаетъ капиталистъ, когда онъ, какъ въ разсматриваемыхъ нами теперь случаяхъ, выдаетъ капиталъ на заработную плату. Такъ какъ затрата труда предшествуетъ уплатѣ заработной платы и такъ какъ затрата труда на производство предполагаетъ созданіе цѣнности, то хозяинъ получаетъ цѣнность прежде, чѣмъ онъ уплачиваетъ цѣнность,—лишь обмѣниваетъ капиталъ въ одной формѣ на капиталъ въ другой. Ибо созданіе цѣнности отнюдь не зависитъ отъ того, законченъ или не законченъ продуктъ; а совершается на каждой ступени процесса производства, являясь немедленно въ результатѣ приложенія труда; и стало быть, трудъ въ какомъ бы длинномъ процессѣ онъ ни былъ занятъ, всегда увеличиваетъ капиталъ прежде, чѣмъ беретъ изъ капитала свою заработную плату.

Вотъ кузнецъ на своей наковальнѣ выковываетъ мотыки. Ясно, что онъ создаетъ капиталъ, прибавляетъ мотыки къ капиталу своего хозяина, прежде, чѣмъ беретъ изъ него въ видѣ денегъ свою заработную плату. Вотъ строитель машинъ или котельщикъ, работаетъ при постройкѣ огромнаго океанскаго парохода. Развѣ не справедливо, что и онъ создаетъ цѣнность, вырабатываетъ капиталъ? Гигантскій пароходъ, какъ и мотыка, суть виды богатства, орудія производства, и хотя пароходъ строятъ нѣсколько лѣтъ, а мотыку выковываютъ въ нѣсколько минутъ, все же работа каждаго дня и въ первомъ случаѣ, и во второмъ, означаетъ собой производство богатства, — увеличеніе капитала. Въ случаѣ парохода, какъ и въ случаѣ мотыки, послѣдній ударъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ первый, придаетъ цѣнность законченному продукту, и созданіе цѣнности идетъ непрерывно, вытекая немедленно изъ затраты труда.

Мы видимъ это очень ясно всюду, гдѣ вслѣдствіе дѣленія труда уже установился такой порядокъ, что различныя части полнаго процесса производства ведутся различными группами производителей, — другими словами, всюду, гдѣ мы уже привыкли представлять себѣ отдѣльно тѣ цѣнности, которыя создаются трудомъ, затрачиваемымъ на какой либо предварительной

ступени производства. Минутное размышленіе покажетъ, что то же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ огромному большинству продуктовъ. Возьмите корабль, зданіе, ножикъ, книгу, наперстокъ или хлѣбъ. Все это законченные продукты. Но они не были произведены при одной какой либо операціи или одной какой либо группою производителей. А разъ это такъ, то мы легко можемъ намѣтить различные пункты или ступени въ созданіи той цѣнности, которую они представляютъ, какъ законченные предметы. Когда мы не различаемъ отдѣльныхъ частей въ конечномъ процессѣ производства, мы различаемъ цѣнность матеріаловъ. А цѣнность матеріаловъ часто можетъ быть снова разложена, и много разъ, обнаруживая каждый разъ ясно опредѣленную ступень въ созданіи конечной цѣнности. И на каждой изъ этихъ ступеней мы обыкновенно отмѣчаемъ созданіе цѣнности, нѣкоторое прибавленіе къ капиталу. Хлѣба, которые пекарь вынимаетъ изъ печи, имѣютъ извѣстную цѣнность. Но въ эту цѣнность входитъ составной частью цѣнность той муки, изъ которой выдѣлано было тѣсто. А она составляется въ свою очередь изъ цѣнности пшеницы, изъ цѣнности, созданной помоломъ, и пр. Желѣзо въ видѣ болванки очень далеко отъ того, чтобы быть законченнымъ продуктомъ. Оно должно еще пройти чрезъ нѣсколько или, можетъ быть, чрезъ множество ступеней производства, прежде чѣмъ явится въ видѣ тѣхъ законченныхъ предметовъ, которые составляли конечную цѣль при добываніи желѣзной руды изъ земли. А развѣ болванка желѣза не есть капиталъ? Такимъ же образомъ процессъ производства на самомъ дѣлѣ еще не заканчивается ни со сборомъ хлопка, ни съ счисткой его отъ сѣмянъ и прессовкой; ни съ доставкой его въ Лоуэлль или Манчестеръ; не заканчивается онъ и въ то время, когда хлопокъ превращается въ пряжу, и когда пряжа превращается въ коленкоръ; но заканчивается лишь тогда, когда готовый товаръ попадаетъ, наконецъ, въ руки потребителя. Однако на каждой ступени этого производства мы ясно можемъ различить созданіе цѣнности,—прибавленіе къ капиталу. Почему же, въ такомъ случаѣ, мы не вправѣ сказать, что и въ то время, когда вспахивается земля подъ хлѣбъ, имѣетъ мѣсто созданіе цѣнности, — увеличеніе капитала, хотя мы обыкновенно и не отличаемъ и не оцѣниваемъ ея? Ужъ не потому ли, что можетъ случиться плохая погода и зерно не уродится? Очевидно, нѣтъ: ибо подобная возможность неудачи связана съ каждой изъ множества ступеней въ производствѣ законченнаго предмета. Въ среднемъ, можно навѣрное разсчитывать на жатву, и что столько то пахоты и посѣва, въ среднемъ, дастъ столько-то хлопка-сырца, также вѣрно, какъ-то, что столько-то тканья бумажной пряжи дастъ столько-то коленкору.

Короче, такъ какъ заработная плата всегда обусловливается затратой труда, то и уплата заработной платы при производствѣ, все равно какъ бы

ни былъ длиненъ процессъ производства, никоимъ образомъ не можетъ означать собой выдачи впередъ капитала, или хотя бы временнаго его уменьшенія. Можетъ требоваться годъ и даже годы, чтобы построить корабль, но созданіе цѣнностей, суммой которыхъ является цѣнность законченнаго корабля, продолжается каждый день и каждый часъ, начинаясь съ того времени, какъ укладывается киль или даже расчищается мѣсто. Уплачивая заработную плату прежде, чѣмъ бываетъ построенъ корабль, владѣлецъ верфи не уменьшаетъ ни своего капитала, ни капитала страны, такъ какъ цѣнность частію построеннаго корабля становится на мѣсто цѣнности, выплачиваемой въ заработной платѣ. И нѣтъ при такой уплатѣ заработной платы никакой выдачи впередъ капитала, такъ какъ трудъ рабочихъ въ теченіе недѣли или мѣсяца создаетъ и доставляетъ строителю болѣе капитала, чѣмъ сколько уплачивается рабочимъ назадъ въ концѣ недѣли или мѣсяца, какъ то доказывается тѣмъ фактомъ, что строитель, если бы ему во время постройки пришлось продать недостроенный еще корабль, все же бы разсчитывалъ и на нѣкоторую прибыль.

Такимъ же образомъ не было никакой выдачи впередъ капитала и при прорытіи тоннеля въ Сутро или С. Готардѣ или Суэзскаго канала. Тоннель или каналъ, по мѣрѣ того, какъ прорывается, становится такимъ же капиталомъ, какъ тѣ деньги, которыя затрачиваются на его прорытіе, или, если угодно, какъ порохъ, сверла и пр., потребляемые при работѣ, и пища, одежда и пр., потребляемыя рабочими,—какъ это видно изъ того факта, что цѣнность складочнаго капитала компаніи при этомъ не уменьшается, ибо капиталъ въ указанныхъ формахъ постепенно замѣняется капиталомъ въ формѣ тоннеля или канала. Напротивъ цѣнность его, вѣроятно, и въ среднемъ, почти всегда увеличивается по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ работа, все равно какъ увеличивался бы въ среднемъ и капиталъ, вложенный въ болѣе краткосрочныя предпріятія.

То же очевидно и въ земледѣліи. Что созданіе цѣнности наступаетъ не сразу во время жатвы, а совершается постепенно во время всего процесса, составной частью котораго является жатва, и что уплата заработной платы въ теченіе промежуточнаго времени не уменьшаетъ капитала фермера, бываетъ очень замѣтно въ томъ случаѣ, когда земля продается или сдается въ аренду во время самаго процесса производства; вспаханная земля цѣнится дороже, чѣмъ не вспаханная, а засѣянная дороже, чѣмъ только вспаханная. Очень бываетъ это замѣтно и тогда, когда продается хлѣбъ на корню, или когда фермеръ не убираетъ самъ хлѣба, а сдаетъ его по договору собственнику машинъ, которыми хлѣбъ убирается. Очень это замѣтно и въ случаѣ плодовыхъ садовъ или виноградниковъ, которые, еще не принося плодовъ, повышаются въ цѣнѣ пропорціонально своему возрасту. Очень за-

мѣтно и въ случаѣ лошадей, рогатаго скота и овецъ, которые дорожаютъ по мѣрѣ своего приближенія къ зрѣлому возрасту. И если это увеличеніе цѣнности не всегда бываетъ осязательно замѣтно, такъ сказать, между обычными пунктами обмѣна въ производствѣ, то все же оно навѣрное наступаетъ при каждой затратѣ труда. Стало быть, гдѣ трудъ затрачивается прежде, чѣмъ выплачивается заработная плата, тамъ выдача впередъ капитала въ дѣйствительности дѣлается трудомъ и дѣлается отъ рабочаго къ хозяину, а не отъ хозяина къ рабочему.

«Однако», могутъ сказать, «въ тѣхъ случаяхъ, какіе были сейчасъ разсмотрѣны, капиталъ все же требуется!» Конечно; я противъ этого и не спорю. Но онъ требуется не для предварительной уплаты труду. Онъ требуется совсѣмъ для другой цѣли. И не трудно понять, что это за цѣль.

Когда заработная плата уплачивается натурою,—то-есть, богатствомъ того самаго рода, какое производитъ трудъ; какъ напримѣръ, когда я нанимаю людей рубить лѣсъ, условливаясь отдавать имъ въ вознагражденіе за ихъ трудъ часть срубаемаго ими лѣса (методъ, иногда практикуемый владѣльцами лѣсовъ или покупщиками лѣса на срубъ),—тогда бываетъ очевидно, что не требуется никакого капитала для уплаты заработной платы. Не требовалось бы его и тогда, когда ради взаимнаго удобства, въ виду того факта, что сразу большое количество лѣса можетъ быть продано легче и выгоднѣе, чѣмъ нѣсколько маленькихъ партій, я условился бы уплачивать заработную плату не лѣсомъ, а деньгами, такъ какъ могъ бы обмѣнять лѣсъ на деньги, прежде чѣмъ уплачивать заработную плату. И только лишь, когда бы я не могъ сдѣлать такого, или такого выгоднаго обмѣна, какъ-бы я желалъ, иначе какъ накопивъ значительное количество лѣса, я имѣлъ бы нужду въ капиталѣ. И даже въ этомъ случаѣ я бы не нуждался въ капиталѣ, ибо я могъ-бы сдѣлать частичный или временный обмѣнъ, заложивъ мой лѣсъ. И только если бы я не могъ или не находилъ удобнымъ продавать или закладывать лѣса, а все же находилъ бы нужнымъ продолжать накопленіе лѣса, я нуждался бы въ капиталѣ. Но очевидно, я нуждался бы тогда въ капиталѣ не для уплаты заработной платы, а для накопленія запасовъ лѣса. Равнымъ образомъ и при прорытіи тоннеля. Если бы съ рабочими расплачивались тоннелемъ (что, при случаѣ, легко бы можно сдѣлать, расплачиваясь съ ними акціями компаніи), то не требовалось бы никакого капитала для уплаты заработной платы. И лишь когда предприниматели желали бы скопить капиталъ въ видѣ тоннеля, имъ былъ бы нуженъ капиталъ. Обращаясь къ нашему первому примѣру: мѣняла, которому я продаю свое серебро, не можетъ вести своего дѣла безъ капитала. Но ему нуженъ этотъ капиталъ не потому, что онъ дѣлаетъ мнѣ какую либо выдачу впередъ капитала, когда получаетъ отъ меня серебро и даетъ мнѣ золото. Ему нуженъ

этотъ капиталъ потому, что природа его дѣла требуетъ наличности нѣкотораго количества капитала, чтобы, когда приходитъ кліентъ, онъ былъ въ состояніи сдѣлать тотъ обмѣнъ, котораго пожелаетъ этотъ кліентъ.

То же самое мы найдемъ и во всякой отрасли производства. Никогда не требуется откладывать капитала для уплаты заработной платы, если произведенія труда, за которыя и уплачивается заработная плата, обмѣниваются, по мѣрѣ того, какъ они производятся; требуется это лишь тогда, когда произведенія эти накапливаются или, что для индивидуума одно и то же, когда пускаются въ потокъ мѣны и не берутся изъ него тотчасъ же назадъ,— то есть, когда продаются въ кредитъ. Но капиталъ, который при этомъ требуется, требуется не для уплаты заработной платы, не для предварительныхъ выдачъ труду, такъ какъ капиталъ этотъ всегда воспроизводится въ произведеніяхъ труда. Предприниматель нуждается въ капиталѣ отнюдь не какъ наниматель труда; если онъ нуждается въ капиталѣ, то потому, что онъ не только нанимаетъ трудъ, но также торгуетъ или спекулируетъ произведеніями труда, или накапливаетъ ихъ. Это обыкновенно и имѣетъ мѣсто въ отношеніи нанимателей.

Повторимъ вкратцѣ сказанное: человѣкъ, который работаетъ на себя, получаетъ свою заработную плату въ тѣхъ предметахъ, которые онъ производитъ, по мѣрѣ того, какъ онъ ихъ производитъ, и обмѣниваетъ эту цѣнность на цѣнность въ другой какой либо формѣ всякій разъ, какъ продаетъ свои произведенія. Человѣкъ, который работаетъ на другого за договоренную плату въ деньгахъ, работаетъ на условіяхъ мѣны. Онъ тоже создаетъ свою заработную плату, когда отдаетъ свой трудъ, но онъ получаетъ ее не иначе, какъ въ установленные сроки, въ установленныхъ количествахъ и въ другой формѣ. Выполняя свою работу, онъ начинаетъ обмѣнъ, который заканчивается, когда онъ получаетъ свою заработную плату. Все то время, какъ онъ заработываетъ свою заработную плату, онъ выдаетъ впередъ капиталъ нанимателю, но никогда, если только заработная плата не уплачивается прежде, чѣмъ выполнена работа, наниматель не выдаетъ ему впередъ капитала. И будетъ ли наниматель, который получаетъ этотъ продуктъ въ обмѣнъ на заработную плату, немедленно вновь обмѣнивать его, или будетъ удерживать его у себя нѣкоторое время, это такъ же мало измѣняетъ характеръ самаго акта, какъ и окончательное назначеніе, какое можетъ получить продуктъ отъ того лица, которое получитъ его въ концѣ концовъ, быть можетъ, на другомъ концѣ свѣта и послѣ цѣлаго ряда, послѣ нѣсколькихъ сотенъ мѣновыхъ сдѣлокъ.

ГЛАВА IV.

Содержаніе рабочихъ берется не изъ капитала.

Читателя однако можетъ смущать или можетъ смутить еще одно обстоятельство.

Такъ какъ пахарь не можетъ ѣсть борозды, а недостроенная паровая машина никоимъ образомъ не можетъ помогать производству платья, которое носитъ рабочій на механическомъ заводѣ, то ужъ не забылъ ли я, говоря словами Джона Стьюарта Милля, того, «что населеніе каждой страны получаетъ содержаніе и удовлетворяетъ свои нужды не изъ произведеній теперешняго, а изъ произведеній минувшаго труда»? Или, пользуясь выраженіемъ одной популярной элементарной книжки,—г-жи Фосеттъ *),—ужъ не забылъ ли я, «что много мѣсяцевъ должно протечь между посѣвомъ зерна и тѣмъ временемъ, когда выросшее изъ сѣмени превращено будетъ въ хлѣбъ», изъ чего очевидно, что рабочіе не могутъ жить на то богатство, которое производится при содѣйствіи ихъ труда, а содержатся на то богатство, которое ихъ трудъ или трудъ другихъ предварительно произвелъ богатство, которое и есть капиталъ»?

Лежащее въ основѣ этихъ мнѣній предположеніе, будто то положеніе, что трудъ долженъ получать средства къ существованію отъ капитала, настолько ужъ очевидно, что его стоитъ лишь выразить, чтобы съ нимъ согласиться, кладетъ особый отпечатокъ на весь строй господствующей политической экономіи. Признавая съ такой увѣренностью, что содержаніе труда получается отъ капитала, признаютъ непреложной истиной и то положеніе, будто «народонаселеніе регулируется фондомъ, который имѣется для его занятія и, стало-быть, всегда увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ увеличенія или уменьшенія капитала» **), и въ свою очередь смѣло кладутъ это положеніе въ основу важныхъ разсужденій.

Но если разобрать эти положенія, то они окажутся не только не очевидными, а прямо нелѣпыми; ибо они заключаютъ въ себѣ мысль, что трудъ не можетъ быть затрачиваемъ ранѣе, чѣмъ накоплены будутъ продукты труда,—ставятъ такимъ образомъ продуктъ, предшествующимъ производству.

И по изслѣдованіи оказывается, что кажущееся правдоподобіе этихъ положеній обусловливается нѣкоторымъ недоразумѣніемъ.

---

*) «Политическая экономія для начинающихъ» Г-жи М. Г. Фосеттъ гл. 3.

**) Цитированныя слова взяты у Рикардо (гл. 2); но мысль эта встрѣчается зачастую въ классическихъ трактатахъ.

Я уже указывалъ на то, что положеніе, будто промышленность ограничивается капиталомъ, ибо для производительнаго труда необходимы пища, одежда и кровъ, основывается на заблужденіи, прикрытомъ ошибочнымъ опредѣленіемъ капитала. Сказать, что работникъ долженъ имѣть завтракъ, прежде чѣмъ пойдетъ на работу, еще не значитъ сказать, что онъ не можетъ идти на работу, пока капиталистъ не снабдитъ его завтракомъ, ибо его завтракъ можетъ браться, да на дѣлѣ во всякой странѣ, гдѣ нѣтъ дѣйствительнаго голода, всегда и берется, не изъ богатства, откладываемаго на содѣйствіе производству, а изъ богатства, откладываемаго на продовольствіе. И, какъ то было ранѣе показано, пища, одежда и пр., — короче всѣ предметы богатства,—остаются капиталомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они находятся въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя предполагаютъ ихъ не потреблять, а обмѣнивать на другіе товары или производительныя услуги, и перестаютъ быть капиталомъ,—когда переходятъ въ руки тѣхъ лицъ, которыя желаютъ ихъ потреблять; ибо при этомъ актѣ они выходятъ изъ запаса богатства, который имѣется для цѣлей добыванія другого богатства, и поступаютъ въ запасъ богатства, который имѣется для цѣлей удовлетворенія человѣческихъ потребностей, независимо отъ того послужитъ ли потребленіе этихъ предметовъ въ помощь производству или нѣтъ. Не сохранивъ этого различія, невозможно будетъ провести границы между богатствомъ, которое есть капиталъ, и богатствомъ, которое не есть капиталъ, даже и отнеся различіе къ «душѣ владѣльца», какъ это дѣлаетъ Джонъ Стьюартъ Милль. Ибо люди ѣдятъ или воздерживаются отъ пищи, носятъ платье или ходятъ нагими, отнюдь не въ зависимости отъ того, предполагаютъ ли они заниматься производительнымъ трудомъ или нѣтъ. Они ѣдятъ, потому что бываютъ голодны, и носятъ платье, потому что безъ него имъ было бы неудобно. Вотъ на столѣ завтракъ рабочаго, который можетъ быть будетъ сегодня работать, а можетъ быть— нѣтъ, смотря по тому какъ сложатся обстоятельства. Если отличіе капитала отъ не-капитала сводить къ поддержанію производительнаго труда, то будетъ или нѣтъ эта пища капиталомъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ не могъ бы ни самъ рабочій, ни любой мыслитель Рикардо-Миллевской школы. Нельзя бы было отвѣтить на него и тогда, когда пища поступила бы въ желудокъ рабочаго, а предположивъ, что онъ не сразу получилъ бы работу, а продолжалъ бы искать ея, нельзя бы было отвѣтить на него и тогда, когда пища эта поступила бы въ его плоть и кровь. Однако рабочій все равно съѣлъ бы свой завтракъ.

Но хотя и было бы логически достаточно, тѣмъ не менѣе едва ли бы было безопасно остановиться здѣсь, поставивъ рѣшеніе занимающаго насъ вопроса въ зависимость отъ различія между богатствомъ и капиталомъ. Да нѣтъ въ этомъ и необходимости. Мнѣ кажется, что предложеніе, будто настоящій трудъ дол-

женъ содержаться за счетъ произведеній минувшаго труда, окажется по изслѣдованіи вѣрнымъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что трудъ послѣ завтрака долженъ выполняться при помощи ѣды за завтракомъ, или что ѣсть зайца можно не раньше, какъ поймавъ и изжаривъ его. А это, очевидно, отнюдь не тотъ смыслъ, въ какомъ употребляется это предложеніе для обоснованія тѣхъ важныхъ выводовъ, которые основываются на немъ. Смыслъ, въ какомъ оно употребляется, тотъ, что до выполненія работы, которая не даетъ немедленно богатства въ формѣ, пригодной для поддержанія человѣческаго существованія, долженъ существовать такой запасъ средствъ къ жизни, какой необходимъ для содержанія рабочихъ во время этой работы. Посмотримъ, вѣрно ли это.

Когда Робинзонъ Крузо съ такими безконечными трудами и усиліями дѣлалъ себѣ лодку, то это было производство, при которомъ его трудъ не могъ получать немедленнаго вознагражденія. Но было ли необходимо для него, прежде чѣмъ начать эту работу, накопить запасъ пищи, достаточный для его содержанія за то время, когда онъ рубилъ дерево, вытесывалъ лодку и, наконецъ, спускалъ ее въ море? Вовсе нѣтъ. Нужно было лишь, чтобы онъ посвящалъ часть своего времени на добываніе пищи, удѣляя другую часть на постройку и спускъ лодки. Или предположимъ, сотня людей была бы высажена, безъ всякаго запаса продовольствія, на берегъ необитаемой страны. Было ли необходимо для этихъ людей накопить годичный запасъ продовольствія, прежде чѣмъ начать обработку земли? Вовсе нѣтъ. Необходимо было бы лишь такое обиліе рыбы, дичи, ягодъ и пр., что труда части этой сотни хватало бы на ежедневное снабженіе ими всѣхъ этихъ людей, и чтобы между ними существовало такое сознаніе взаимности интересовъ или такое соотношеніе между желаніями, что люди, которые тотчасъ же добывали бы пищу, чувствовали бы побужденіе дѣлить ее (мѣнять) съ тѣми, усилія которыхъ направлены бы были на будущія пріобрѣтенія. Что вѣрно въ этихъ случаяхъ, вѣрно во всѣхъ случаяхъ. Производство вещей, которыя не могутъ быть употребляемы, какъ средства существованія, или не могутъ быть немедленно утилизируемы, не требуетъ предварительнаго произведенія богатства, потребнаго для содержанія рабочихъ за все время, пока они будутъ работать. Оно требуетъ только того, чтобы существовало, гдѣ бы то ни было въ кругу обмѣна, одновременное производство достаточнаго продовольствія для рабочихъ и готовность обмѣнивать предметы продовольствія на вещи, на добываніе которыхъ затрачивается трудъ этихъ рабочихъ.

Да и на самомъ-то дѣлѣ, развѣ не видимъ мы того, что при нормальномъ порядкѣ вещей потребленіе покрывается одновременнымъ производствомъ?

Вотъ сибаритъ, который не занятъ никакимъ производительнымъ трудомъ, умственнымъ или физическимъ, а живетъ, скажемъ, на тѣ средства, которыя оставилъ ему отецъ въ видѣ надежныхъ государственныхъ бумагъ. Откуда на дѣлѣ получается его содержаніе: изъ богатства, накопленнаго въ минувшее время, или отъ производительнаго труда, который совершается вокругъ него? На его столѣ свѣжія яйца, масло, сбитое лишь за нѣсколько дней, молоко, утренняго удоя, рыба, которая вчера еще плавала въ морѣ, мясо, которое мясникъ принесъ какъ разъ къ тому времени, когда его надо было готовить, свѣжія овощи изъ огорода, свѣжіе фрукты изъ сада,—короче, почти все вещи, которыя только что оставила рука производителей, ибо къ категоріи послѣднихъ относятся и лица, занятыя доставкой и распредѣленіемъ, наравнѣ съ тѣми, которыя заняты на первыхъ ступеняхъ производства), и нѣтъ на его столѣ ничего такого, что было бы произведено за болѣе или менѣе долгое время, кромѣ, можетъ быть, нѣсколькихъ бутылокъ стараго вина. Что этотъ человѣкъ наслѣдовалъ отъ своего отца, и на что, говоримъ мы, живетъ онъ, это въ сущности вовсе не богатство, а лишь право на полученіе богатства, производимаго другими. И изъ этого-то современнаго производства и получается его содержаніе.

На пятидесяти квадратныхъ миляхъ, на которыхъ построенъ Лондонъ, имѣется безъ сомнѣнія больше богатства, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ на такомъ же пространствѣ. Однако, если бы производительный трудъ въ Лондонѣ абсолютно прекратился, то чрезъ нѣсколько часовъ народъ сталъ бы умирать, подобно шелудивымъ овцамъ, и чрезъ нѣсколько недѣль, самое большее чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не осталось бы въ живыхъ почти ни одного человѣка. Ибо совершенное прекращеніе производительнаго труда повлекло бы за собой нѣчто худшее, чѣмъ тѣ бѣдствія, какія испытывалъ когда либо осажденный городъ. Оно равнялось бы не просто внѣшней линіи окоповъ въ родѣ той, какою Титъ окружилъ Іерусалимъ, останавливающей подвозъ припасовъ, потребляемыхъ великимъ городомъ, а имѣло бы то же дѣйствіе, какъ если бы отдѣлены были окопами домъ отъ дома. Представьте себѣ подобную остановку труда въ какой либо странѣ, и вы поймете, насколько справедливо, что человѣчество живетъ въ сущности изодня въ день; что ежедневный трудъ страны снабжаетъ страну ея хлѣбомъ насущнымъ.

Подобно тому какъ содержаніе рабочихъ, которые строили пирамиды, получалось не изъ заранѣе накопленныхъ запасовъ, а изъ періодически собираемыхъ урожаевъ Нильской долины; подобно тому какъ современныя правительства, предпринимая крупныя работы, требующія для своего выполненія нѣсколькихъ лѣтъ, ассигновываютъ на нихъ не произведенное уже богатство, а богатство, которое еще только имѣетъ быть произведено и ко-

торое правительства будутъ брать отъ производителей въ формѣ налоговъ по мѣрѣ выполненія этихъ работъ; такъ и содержаніе рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, которое не даетъ непосредственно продовольствія, берется изъ тѣхъ средствъ существованія, которыя одновременно производятся другими.

Если мы прослѣдимъ тотъ кругъ обмѣна, посредствомъ котораго трудъ, затрачиваемый на производство огромной паровой машины, доставляетъ работающему хлѣбъ, мясо, одежду и кровъ, то мы найдемъ, что хотя между рабочимъ, выдѣлывающимъ машину, и производителями хлѣба, мяса и пр. можетъ имѣть мѣсто цѣлая тысяча промежуточныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, тѣмъ не менѣе все же самый актъ, если его привести къ простѣйшему выраженію, сводится къ обмѣну труда между нимъ и ими. Причина побуждающая затрачивать трудъ на машину, очевидно, заключается въ томъ, что кто-то такой, имѣющій власть дать то, что хочетъ имѣть рабочій, выдѣлывающій машину, желаетъ, въ свою очередь, получить въ обмѣнъ машину—другими словами, причина эта заключается въ томъ, что существуетъ спросъ на машину со стороны людей, которые производятъ то, чего желаютъ производители хлѣба, мяса и пр. Этотъ спросъ и направляетъ трудъ слесаря на производство машины, и, стало быть, обратно, спросъ слесаря на хлѣбъ, мяса и пр., на самомъ дѣлѣ направляетъ эквивалентное количество труда на производство хлѣба, мяса и пр., и такимъ образомъ трудъ слесаря, на дѣлѣ затрачиваемый на производство машины, въ сущности производитъ тѣ вещи, на которыя этотъ слесарь расходуетъ свою заработную плату.

Или, формулируя этотъ принципъ:

Спросомъ со стороны потребителей опредѣляется направленіе, въ какомъ будетъ затрачиваться трудъ на производство.

Этотъ принципъ настолько простъ и очевиденъ, что не нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ; тѣмъ не менѣе при его свѣтѣ пропадаетъ вся сложность нашего предмета, и мы достигаемъ такимъ образомъ того же взгляда на дѣйствительный предметъ и вознагражденіе труда при запутанной организаціи современнаго производства, какого мы достигли путемъ наблюденія болѣе простыхъ формъ производства и обмѣна при самомъ началѣ цивилизаціи. Мы видимъ, что и теперь, какъ тогда, каждый работникъ стремится добиться своими трудами удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній; мы видимъ, что хотя при дробномъ дѣленіи труда каждый производитель производитъ лишь ничтожнѣйшую долю тѣхъ предметовъ, ради которыхъ онъ трудится, или даже совсѣмъ ихъ не производитъ тѣмъ не менѣе, помогая производству того, чего желаютъ другіе производители, онъ направляетъ трудъ другихъ на производство тѣхъ предметовъ, которыхъ онъ самъ желаетъ,—производитъ ихъ въ сущности самъ. И такимъ образомъ, если онъ вырабатываетъ ножи и ѣстъ пшеницу, то пшеница эта есть въ дѣйствительности такой

же продуктъ его труда, какъ если бы онъ самъ выращивалъ ее для себя, предоставляя хлѣбопашцу дѣлать для себя ножи.

Такимъ образомъ, мы должны признать полной и совершенной истиной то положеніе, что во всемъ, что берутъ или потребляютъ рабочіе въ возвратъ на затраченный трудъ, нѣтъ никакой выдачи впередъ капитала рабочимъ. Если я изготовилъ ножи, и на полученную за работу плату купилъ пшеницы, то я просто обмѣнялъ ножи на пшеницу,—прибавилъ ножи къ существующему запасу богатства и взялъ изъ него пшеницы. А такъ какъ спросъ со стороны потребленія опредѣляетъ собой то направленіе, въ которомъ трудъ будетъ затрачиваться на производство, то нельзя даже сказать, пока не достигнутъ предѣлъ производства пшеницы, чтобы я уменьшалъ запасъ пшеницы, ибо, помѣщая ножи въ обмѣниваемый запасъ богатства и извлекая изъ него пшеницу, я направилъ трудъ на другомъ концѣ мѣноваго ряда на производство пшеницы, все равно какъ производитель пшеницы, вкладывая пшеницу и требуя ножей, направлялъ трудъ на производство ножей, какъ на легчайшій способъ, какимъ можно получить пшеницу.

Вотъ человѣкъ идетъ за плугомъ;—хотя хлѣбъ, ради котораго онъ выворачиваетъ землю еще не засѣянъ, да и послѣ того, какъ онъ будетъ засѣянъ, пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ онъ созрѣетъ,—тѣмъ не менѣе человѣкъ этотъ, затрачивая свой трудъ на пахоту, въ сущности производитъ ту пищу, которую онъ ѣстъ, и ту заработную плату, которую онъ получаетъ. Ибо хотя пахота есть лишь часть всѣхъ операцій по производству хлѣба, тѣмъ не менѣе она все же есть часть, и часть столь же необходимая, какъ и жатва. Выполненіе ея есть шагъ впередъ въ дѣлѣ добыванія хлѣба, шагъ, который, создавая увѣренность въ будущей жатвѣ, даетъ возможность получать изъ постоянно поддерживаемаго запаса содержаніе и заработную плату пахаря. Это вѣрно не только въ теоріи, это вѣрно и на практикѣ, вѣрно и въ буквальномъ смыслѣ. Пусть, когда надо было бы быть пахотѣ, пахоты бы не было. Развѣ не стали ли бы симптомы недостатка въ хлѣбѣ обнаруживаться сразу, еще до времени жатвы? Пусть не было бы пахоты, развѣ не дали бы себя чувствовать слѣдствія этого немедленно и въ конторѣ, и на механическомъ заводѣ, и на фабрикѣ? Развѣ не стояли ли бы вскорѣ ткацкій станокъ и веретена въ такомъ же бездѣйствіи, какъ и плугъ? Что такъ бы это и было, это мы видимъ по тѣмъ явленіямъ, которыя немедленно слѣдуютъ за неблагопріятной для урожая погодой. А если это такъ, то человѣкъ, который пашетъ, развѣ не производитъ своего содержанія и заработной платы все равно также, какъ если бы его трудъ въ теченіе дня или недѣли на самомъ дѣлѣ приносилъ бы ему тѣ вещи, на которыя обмѣнивается его трудъ?

На самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ трудъ ищетъ занятія, недостатокъ капитала

не препятствуетъ собственнику земли сдать ее, если эта земля обѣщаетъ хорошій урожай, на который существуетъ спросъ. Или земельный собственникъ сдаетъ ее на условіяхъ обработки изъ доли, способъ обычно практикуемый въ нѣкоторыхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ; въ этомъ случаѣ работники, если они не имѣютъ средствъ существованія, получаютъ кредитъ изъ ближайшей лавки, благодаря самой своей работѣ, или, если владѣлецъ предпочитаетъ платить деньгами, то кредитуется самъ, и такимъ образомъ работа на полѣ утилизируется или обмѣнивается немедленно, по мѣрѣ того, какъ она выполняется. Если бы при этомъ размѣры потребленія были нѣсколько большими, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда рабочіе принуждены жить милостыней, вмѣсто того, чтобы работать (такъ какъ во всякой цивилизованной странѣ при нормальныхъ условіяхъ рабочій во всякомъ случаѣ долженъ имѣть пропитаніе), то нужныя для этого средства получились бы изъ запаснаго капитала, который былъ бы помѣщенъ въ разсчетѣ на замѣщеніе его работой, что и дѣйствительно должно было бы произойти. Такъ, въ чисто земледѣльческихъ округахъ Южной Калифорніи въ 1877 году была страшная засуха, и отъ милліоновъ овецъ остались лишь однѣ кости. Въ огромной Санъ-Уэкимской Долинѣ множество фермеровъ не имѣло достаточно хлѣба даже для прокормленія своихъ семействъ до ближайшаго урожая, не говоря уже о прокормленіи работниковъ. А когда въ надлежащее время снова пошли дожди, тѣ же самые фермеры принялись нанимать рабочихъ для пахоты и посѣва. Ибо то тамъ, то тутъ оказывались фермеры, у которыхъ сохранялась въ запасѣ часть прежней жатвы. Какъ скоро начались дожди, они стали продавать свои запасы въ виду пониженія цѣнъ, которое должно бы было наступить послѣ новой жатвы, и хлѣбъ, сохраняемый такимъ образомъ въ запасѣ, при посредствѣ механизма обмѣна и кредита, перешелъ въ руки рабочихъ, — былъ освобожденъ, въ сущности,—былъ произведенъ работою, подготовлявшей новый урожай.

Рядъ мѣновыхъ сдѣлокъ, который соединяетъ производство съ потребленіемъ, можетъ быть уподобленъ изогнутой трубкѣ, наполненной водою. Если нѣкоторое количество вливается въ нее на одномъ концѣ, то такое же количество выливается изъ нея на другомъ ея концѣ. Выливается не та самая вода, которая вливается, а ея эквивалентъ. Такимъ же образомъ и тѣ люди, которые ведутъ дѣло производства, берутъ изъ него лишь то, что вкладываютъ въ него, берутъ въ своемъ содержаніи и заработной платѣ лишь то, что производится ихъ трудомъ.

ГЛАВА V.

Истинныя функціи капитала.

Могутъ спросить теперь, если капиталъ не требуется для уплаты заработной платы или на содержаніе труда во время производства, то въ чемъ же состоятъ его функціи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ предшествующаго изслѣдованія. Капиталъ, какъ мы видѣли, состоитъ изъ богатства, употребляемаго на добываніе бо́льшаго богатства, въ отличіе отъ богатства, идущаго на непосредственное удовлетвореніе желаній; или, какъ мнѣ думается, это можно выразить: изъ богатства, находящагося въ состояніи обмѣна.

Капиталъ, стало-быть, увеличиваетъ способность труда къ произведенію богатства: 1) давая возможность прилагать трудъ болѣе производительно, напр. выкапывать раковины лопатою, вмѣсто рукъ, или двигать судно, подкидывая уголь въ топку, вмѣсто того, чтобы ворочать веслами; 2) давая возможность труду пользоваться воспроизводительными силами природы, какъ-то: добывать хлѣбъ, высѣвая его, или животныхъ, выращивая ихъ; 3) допуская дѣленіе труда и такимъ образомъ, съ одной стороны, увеличивая производительность человѣческаго фактора производства путемъ утилизаціи спеціальныхъ способностей, выработки искусства и сокращенія потерь, а, съ другой стороны, вызывая наивысшую производительность естественнаго фактора путемъ извлеченія выгодъ изъ различій въ почвѣ, климатѣ и положеніи, при чемъ каждый отдѣльный видъ богатства добывается тамъ, гдѣ природа всего болѣе тому благопріятствуетъ.

Капиталъ не доставляетъ матеріаловъ, которые перерабатываются трудомъ въ богатство, какъ то ошибочно полагаютъ; матеріалы богатства доставляются природою. Но такіе матеріалы, частію переработанные и находящіеся въ состояніи обмѣна, суть капиталъ.

Капиталъ не доставляетъ и не выдаетъ впередъ заработной платы, какъ то ошибочно полагаютъ. Заработная плата есть получаемая рабочимъ часть продукта его труда.

Капиталъ не содержитъ рабочихъ во время ихъ работы, какъ то ошибочно полагаютъ. Работники сами содержатъ себя своимъ трудомъ, ибо человѣкъ, который производитъ, цѣликомъ или частію, что либо такое, что будетъ обмѣнено на предметы продовольствія, въ сущности, самъ производитъ это продовольствіе.

Капиталъ, стало-быть, не ограничиваетъ размѣровъ промышленности, какъ это ошибочно полагаютъ; единственная граница промышленности заклю-

чается въ доступности естественныхъ матеріаловъ. Но капиталъ можетъ ограничивать извѣстныя формы промышленности и производительность ея, ограничивая пользованіе орудіями и дѣленіе труда.

Что капиталъ можетъ ограничивать формы промышленной дѣятельности, это ясно. Безъ фабрики, не могло бы быть фабричныхъ рабочихъ; безъ швейной машины — машиннаго шитья; безъ сохи или плуга — пахаря; а безъ значительнаго капитала, занятаго дѣломъ обмѣна, промышленность не могла бы принять множества спеціальныхъ формъ, соприкасающихся съ обмѣномъ. Также ясно и то, что отсутствіе орудій должно чрезвычайно ограничивать производительность промышленности. Если бы фермеръ долженъ былъ работать лопатой, потому-что онъ не имѣлъ бы достаточно капитала, чтобы завести соху или плугъ, серпомъ вмѣсто жатвенной машины, цѣпомъ вмѣсто молотилки; если бы рабочій въ механической мастерской долженъ былъ пользоваться зубиломъ, чтобы рѣзать желѣзо; ткачъ — работать на ручномъ станкѣ и т. д., производительность промышленности не могла бы достигнуть и десятой доли того, что производится при помощи капитала въ видѣ наилучшихъ орудій, употребляемыхъ въ настоящее время. Не могло бы и дѣленіе труда пойти далѣе самыхъ грубыхъ и едва замѣтныхъ начальныхъ ступеней развитія, не могъ бы и обмѣнъ, который дѣлаетъ это дѣленіе труда возможнымъ, выйти изъ круга ближайшихъ сосѣдей, пока часть произведенныхъ предметовъ не оставалась бы постоянно въ запасѣ или въ перевозкѣ. Даже такія дѣла, какъ охота, рыбная ловля, собираніе орѣховъ или изготовленіе оружія, не могли бы спеціализироваться такъ, чтобы одинъ какой либо индивидуумъ могъ посвящать себя лишь одному изъ нихъ, пока нѣкоторая часть того, что добывалось бы каждымъ, не стала бы сохраняться отъ немедленнаго потребленія, при чемъ тотъ, кто посвящалъ бы себя добыванію вещей одного рода, могъ бы получать другія, когда онѣ ему понадобятся, и могъ бы изъ излишка одного дня покрывать недоборъ другого. И какое огромное количество богатства различныхъ наименованій должно постоянно содержаться въ запасѣ и въ перевозкѣ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ то дробное дѣленіе труда, которое является характеристичной чертой и необходимой принадлежностью высокой цивилизаціи. Чтобы дать возможность жителю цивилизованной страны обмѣнивать свой трудъ, когда только онъ того пожелаетъ, на трудъ окружающихъ его людей и на трудъ людей, живущихъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ земного шара, необходимо имѣть запасы товаровъ и въ амбарахъ, и въ лавкахъ, и въ трюмахъ судовъ, и въ вагонахъ, все равно какъ для того, чтобы дать возможность жителю большого города имѣть, когда ему вздумается, стаканъ воды, приходится держать сотни милліоновъ галлоновъ воды въ резервуарахъ, прогоняя ее цѣлыя мили по трубамъ.

Но сказать, что капиталъ можетъ ограничивать форму или производительность промышленности, далеко не значитъ сказать, что капиталъ ограничиваетъ размѣры промышленности. А обычное положеніе господствующей политической экономіи, что «промышленность ограничивается капиталомъ», имѣетъ отнюдь не то значеніе, что капиталомъ ограничиваются формы трудовой дѣятельности или производительность труда, а именно то значеніе, что имъ ограничивается самая затрата труда. Положеніе это получаетъ свое кажущееся правдоподобіе отъ допущенія, будто капиталъ снабжаетъ трудъ матеріалами и содержаніемъ, — допущенія, какъ мы видѣли, неосновательнаго, допущенія, которое становится явно несообразнымъ тотчасъ же, какъ только вспомнить, что капиталъ производится трудомъ, и что, стало быть, трудъ долженъ предшествовать капиталу. Капиталомъ могутъ ограничиваться формы и производительность промышленности; но это еще не значитъ сказать, чтобы не могло бы быть никакой промышленности безъ капитала; вѣдь нельзя бы было сказать, что безъ механическаго ткацкаго станка не было бы тканья; безъ швейной машины — шитья; земледѣлія безъ плуга; или что въ какой нибудь странѣ съ однимъ жителемъ, въ родѣ острова Робинзона Крузо, не могло бы быть никакого труда, потому что тамъ не могло быть никакого обмѣна.

И сказать, что капиталъ *можетъ* ограничивать формы и производительность промышленности, еще не значитъ сказать, чтобы онъ и на самомъ дѣлѣ ограничивалъ ихъ. Ибо случаи, въ которыхъ съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что форма и производительность промышленности страны ограничиваются капиталомъ, окажутся, мнѣ думается, по изслѣдованіи болѣе теоретическими, чѣмъ дѣйствительными. Очевидно, что въ такихъ странахъ, какъ Мексика или Тунисъ, болѣе широкое и болѣе общее употребленіе капитала чрезвычайно сильно измѣнило бы форму промышленности и въ огромной мѣрѣ увеличило бы ея производительность; и часто говорятъ о такихъ странахъ, что онѣ нуждаются въ капиталѣ для развитія ихъ естественныхъ богатствъ. Но нѣтъ ли позади этого недостатка еще чего нибудь, — нѣтъ ли тутъ другого какого недостатка, которымъ и обусловливается и недостатокъ въ капиталѣ? Не видимъ ли мы тутъ хищничества и злоупотребленій правительства, необезпеченности собственности, невѣжества и предразсудковъ населенія, и не они ли препятствуютъ накопленію капитала и пользованію имъ? Не ими ли въ дѣйствительности налагаются тѣ ограниченія на промышленность, которыя приписываютъ недостатку капитала, ибо капиталомъ тамъ не пользовались бы, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ доставленъ туда. Мы можемъ, конечно, представить себѣ такое общество, въ которомъ недостатокъ капитала былъ бы единственнымъ препятствіемъ къ увеличенію производительности труда, но мы можемъ его представить себѣ, лишь вообразивъ та-

кое сочетаніе обстоятельствъ, какое встрѣчается, если только встрѣчается, лишь рѣдко, являясь лишь случайностью или преходящей фазой. Страна, въ которой капиталъ былъ уничтоженъ войной, пожаромъ или землетрясеніемъ, и, пожалуй страна, въ которой только что водворилось цивилизованное населеніе, мнѣ кажется, представляютъ изъ себя единственные примѣры такого рода. Однако, издавна было замѣчено, какъ быстро капиталъ обычно употребляемый, воспроизводится въ странѣ, въ которой онъ былъ уничтоженъ войной; также бросается въ глаза и быстрое производство капитала въ случаѣ новой страны, когда она можетъ или расположена имъ пользоваться.

Я не въ состояніи представить себѣ какихъ либо иныхъ условій, кромѣ этихъ рѣдкихъ и преходящихъ, когда производительность труда дѣйствительно ограничивалась бы недостаткомъ капитала. Ибо, если въ какой либо странѣ и могутъ находиться индивидуумы, которые вслѣдствіе недостатка въ капиталѣ не могутъ затрачивать своего труда такъ производительно, какъ они того желали бы, то все же, пока въ этой странѣ въ общемъ имѣется достаточно капитала, дѣйствительнымъ ограниченіемъ будетъ являться не недостатокъ капитала, а отсутствіе его надлежащаго распредѣленія. Если плохое правительство отымаетъ у работника его капиталъ, если несправедливые законы лишаютъ производителя того богатства, при помощи котораго онъ содѣйствовалъ бы производству, и передаютъ его въ руки тѣхъ людей, которые висятъ, такъ сказать, на шеѣ у промышленности, то дѣйствительнымъ ограниченіемъ для производительности труда будетъ плохое управленіе, а не недостатокъ капитала. То же можно сказать и о невѣжествѣ и обычаѣ, или другихъ условіяхъ, препятствующихъ пользованію капиталомъ. Именно эти условія, а не недостатокъ капитала, въ дѣйствительности являются ограниченіемъ. Дать круглую пилу обитателю Огненной Земли, локомотивъ—бедуину или швейную машину—индѣйской женщинѣ изъ племени Плоскоголовыхъ не значило бы увеличить производительность ихъ труда. Да, кажется, едва ли и возможно дать такимъ людямъ что нибудь такое, что увеличило бы ихъ капиталъ, ибо всякое богатство сверхъ того, чѣмъ они привыкли пользоваться, какъ капиталомъ, было бы ими потреблено или брошено. Отнюдь не недостатокъ въ сѣменахъ или орудіяхъ удерживаетъ Апачей и Сіу отъ занятія земледѣліемъ. Если бы и снабдить ихъ сѣменами и орудіями, все же они не воспользовались бы ими производительно, пока въ то же время ихъ не удержали бы отъ бродячаго образа жизни и не научили обработкѣ земли. Если бы весь капиталъ Лондона данъ былъ имъ при ихъ теперешнемъ положеніи, то онъ просто лишь пересталъ бы быть капиталомъ, ибо они могли бы воспользоваться производительно лишь той безконечно малой частью его, которая годилась бы имъ для охоты, да даже и этой

частью они не стали бы пользоваться до тѣхъ поръ, пока вся съѣдобная часть запаса, привалившая такимъ образомъ къ нимъ, не была бы потреблена. Но тотъ капиталъ, въ какомъ они нуждаются, они заботятся пріобрѣсти, и въ нѣкоторыхъ формахъ пріобрѣтаютъ его, не взирая на крайнія трудности. Эти дикія племена охотятся и сражаются съ самымъ лучшимъ оружіемъ, какое только производится на американскихъ и англійскихъ фабрикахъ, придерживаясь самыхъ послѣднихъ усовершенствованій. Только лишь сдѣлавшись цивилизованными, они стали бы заботиться о прочихъ видахъ капитала, который требуется при цивилизованномъ состояніи, или только лишь въ этомъ случаѣ эти виды капитала могли бы быть полезными для нихъ.

Въ царствованіе Георга IV нѣкоторые возвращавшіеся въ Англію миссіонеры взяли съ собой одного изъ новозеландскихъ начальниковъ, по имени Хонги. Его благородный видъ и красивая татуировка обратили на него общее вниманіе, и передъ тѣмъ, какъ ему вернуться къ своему народу, ему подаренъ былъ монархомъ и нѣкоторыми религіозными обществами значительный запасъ инструментовъ, земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ. Признательный новозеландецъ именно и употребилъ этотъ капиталъ на производство пищи, но такимъ способомъ, о какомъ едва ли думали его англійскіе друзья. Въ Сиднеѣ, на возвратномъ пути, онъ обмѣнялъ все подаренное ему на оружіе и боевые припасы, съ которыми, по возвращеніи домой, онъ началъ войну противъ другого племени съ такимъ успѣхомъ, что на первомъ же боевомъ полѣ было изжарено и съѣдено три сотни его плѣнныхъ, при чемъ главное пиршество началось съ того, что Хонги выкололъ и проглотилъ глаза своего смертельно раненаго противника, вождя непріятелей, и напился его теплой крови *). А теперь, когда прекратились тамъ нѣкогда постоянныя войны и остатокъ племени Маори уже въ широкой мѣрѣ усвоилъ себѣ европейскіе обычаи, между ними имѣется много такихъ, которые владѣютъ значительнымъ количествомъ капитала и пользуются имъ.

Равнымъ образомъ, было бы ошибкой приписать тѣ простые способы производства и обмѣна, къ какимъ прибѣгаютъ въ новыхъ странахъ, единственно недостатку въ капиталѣ. Эти способы, требуя мало капитала, сами по себѣ грубы и недѣйствительны, но если принять во вниманіе условія такихъ странъ, то они окажутся въ дѣйствительности наиболѣе производительными. Огромная фабрика со всѣми новѣйшими усовершенствованіями является самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ, какое только придумано было, для превращенія шерсти и хлопка въ ткань, но только въ томъ случаѣ, когда приходится оперировать надъ большими количествами. Ткань, потребная

*) «Новая Зеландія и ея обитатели», Ричарда Тэйлора. Лондонъ 1855, гл. XXI.

для небольшой деревушки, могла бы быть произведена съ гораздо меньшимъ трудомъ при помощи самопрялки ручного станка. Усовершенствованный печатный станокъ даетъ на каждаго работающаго по нѣскольку тысячъ отпечатковъ въ то время, какъ рабочій съ мальчикомъ напечатали бы лишь какую нибудь сотню на станкѣ Стэнгопа или Франклина; однако для печатанія маленькой провинціальной газеты старинный станокъ является гораздо болѣе пригоднымъ. Чтобы отъ поры до времени перевезти двоихъ пассажировъ, лодка является лучшимъ перевозочнымъ средствомъ, чѣмъ пароходъ; нѣсколько мѣшковъ муки могутъ быть перевезены съ меньшей затратой труда на ломовой лошади, чѣмъ въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ; держать огромный запасъ товаровъ въ какой нибудь лавочкѣ на проселочной дорогѣ въ деревенской глуши, значило бы лишь уничтожать капиталъ. И вообще оказалось бы, что грубые способы производства и обмѣна, преобладающіе среди рѣдкаго народонаселенія новыхъ странъ, зависятъ не столько отъ недостатка въ капиталѣ, сколько отъ невозможности съ выгодой примѣнять его.

Сколько бы ни лили въ ведро воды, а больше ведра въ немъ не можетъ помѣститься; такъ и во всякой странѣ не большее количество богатства можетъ быть употребляемо въ качествѣ капитала, чѣмъ сколько его требуется механизмомъ производства и обмѣна, наиболѣе пригоднымъ для этой страны при существующихъ условіяхъ,—образованіи, привычкахъ, безопасности, плотности народонаселенія. И я склоненъ думать, что, какъ общее правило, это количество всегда имѣется на лицо,—что общественный организмъ какъ бы выдѣляетъ необходимое количество капитала, все равно какъ человѣческій организмъ при здоровомъ состояніи выдѣляетъ потребное для него количество жира.

Но хотя бы когда либо количество капитала и ставило предѣлъ производительности промышленности и опредѣляло такимъ образомъ максимумъ, котораго не могла бы перейти заработная плата, очевидно, что не отъ относительнаго недостатка въ капиталѣ происходитъ бѣдность народныхъ массъ въ цивилизованныхъ странахъ. Ибо заработная плата не только нигдѣ не достигаетъ предѣла, устанавливаемаго производительностью промышленности, но даже оказывается наиболѣе низкой тамъ, гдѣ наибольшее изобиліе капитала. Орудій и машинъ для производства во всѣхъ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, очевидно, избытокъ, сравнительно съ тѣмъ употребленіемъ, какое дѣлается изъ нихъ, и при всякомъ случаѣ, подающемъ надежду на выгодное помѣщеніе, предлагается больше, чѣмъ сколько требуется капитала. Ведро не только полно; вода льется уже черезъ край. Это настолько очевидно, что не только среди невѣждъ, но и среди людей, извѣстныхъ за выдающихся экономистовъ, угнетенное состояніе промышленности приписы-

вается изобилію машинъ и накопленію капитала; а на войну, которая есть уничтоженіе капитала, смотрятъ, какъ на причину оживленія торговли и повышенія заработной платы,—взглядъ, къ удивленію раздѣляемый множествомъ людей, которые утверждаютъ, что капиталъ даетъ занятіе труду и выплачиваетъ заработную плату—такъ велика путаница въ занимающихъ насъ вопросахъ.

Цѣль нашего изслѣдованія состоитъ въ рѣшеніи проблемы, на которую даютъ такое множество противорѣчащихъ самимъ себѣ отвѣтовъ. Опредѣливши ясно, что такое есть въ дѣйствительности капиталъ и что онъ дѣлаетъ, мы сдѣлали первый и чрезвычайно важный шагъ. Но все же это лишь первый шагъ. Повторимъ вкратцѣ сказанное и пойдемъ далѣе.

Мы видѣли, что господствующее ученіе, будто заработная плата зависитъ отъ отношенія между числомъ работниковъ и количествомъ капитала, посвящаемаго на ихъ занятіе, стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ общимъ фактомъ, что заработная плата и процентъ вмѣстѣ повышаются и вмѣстѣ падаютъ.

Мы видѣли далѣе, когда натолкнувшись на это противорѣчіе обратились къ изслѣдованію самыхъ основъ теоріи, что въ противность господствующему представленію, заработная плата берется вовсе не изъ капитала, а получается прямо изъ тѣхъ произведеній труда, за которыя она выплачивается. Мы видѣли, что капиталъ не выдаетъ впередъ заработной платы и не содержитъ работниковъ, но что его функціи состоятъ въ томъ, чтобы содѣйствовать труду въ производствѣ — орудіями, сѣменами и пр., а также тѣмъ богатствомъ, которое потребно для производства мѣновыхъ операцій.

И мы такимъ образомъ волей-неволей пришли къ практическимъ заключеніямъ настолько важнымъ, что они вполнѣ окупаютъ трудъ, который мы затратили, прежде чѣмъ достигли до нихъ.

Ибо, если заработная плата берется не изъ капитала, а изъ продукта труда, то, стало быть, господствующія теоріи отношеній между трудомъ и капиталомъ,—несостоятельны, и всѣ средства, которыя предлагались представителями экономической науки или трудящимися для облегченія бѣдности, путемъ увеличенія капитала, путемъ ограниченія числа работниковъ или путемъ ограниченія производительности ихъ труда, должны быть отвергнуты.

Если каждый работникъ, затрачивая свой трудъ, въ дѣйствительности создаетъ тотъ фондъ, изъ котораго берется его заработная плата, то, стало-быть, заработная плата не можетъ уменьшаться отъ увеличенія числа работниковъ, а напротивъ того, должна бы быть, при равенствѣ прочихъ условій, тѣмъ выше, чѣмъ больше число работниковъ, такъ какъ производительность труда, очевидно, возрастаетъ съ увеличеніемъ числа работниковъ.

Но это необходимая оговорка, «при равенствѣ прочихъ условій», приво-

дитъ насъ къ разсмотрѣнію одного вопроса, съ которымъ мы должны покончить, прежде чѣмъ идти далѣе. Вопросъ этотъ такого рода: стремятся ли производительныя силы природы ослабѣвать при возрастаніи на нихъ требованій со стороны увеличивающагося народонаселенія?

КНИГА II.

Народонаселеніе и средства къ жизни.

ГЛАВА I.

Мальтусова теорія, ея происхожденіе и опора.

За теоріей, которую мы разсматривали, стоитъ теорія, которую намъ еще слѣдуетъ разсмотрѣть. Господствующая доктрина, относительно происхожденія и закона заработной платы, находитъ самую могущественную опору въ той доктринѣ, столь же широко распространенной, которой Мальтусъ оставилъ свое имя, — будто народонаселеніе въ силу естественныхъ законовъ стремится увеличиваться быстрѣе, чѣмъ растутъ средства къ жизни. Эти-то двѣ доктрины, находящіяся въ полномъ соотвѣтствіи между собою, и внушаютъ тотъ отвѣтъ, который господствующая политическая экономія даетъ на великую проблему, которую мы стремимся разрѣшить.

Въ предшествовавшемъ изложеніи, я полагаю, въ такой мѣрѣ была обнаружена неосновательность господствующаго ученія, будто заработная плата опредѣляется отношеніемъ между капиталомъ и работниками, что могло показаться удивительнымъ, какъ могло оно получить такое общее распространеніе и держаться столь долгое время. Однако приходится удивляться не тому, что подобная теорія могла возникнуть при томъ состояніи общества, когда огромная масса работниковъ, повидимому зависитъ въ отношеніи занятія и заработной платы отъ обособленнаго класса капиталистовъ, и не тому, что при такихъ условіяхъ теорія эта признавалась за истину среди народныхъ массъ, которыя рѣдко обезпокоиваютъ себя различеніемъ реальнаго отъ кажущагося; но приходится удивляться тому, что теорія, оказывающаяся по разсмотрѣніи столь неосновательной, могла послѣдовательно признаваться множествомъ проницательныхъ мыслителей, которые въ теченіе настоящаго

столѣтія посвящали свои силы разъясненію и развитію политико-экономическихъ учеій.

И единственое объясненіе этому, иначе непостижимому, факту можно найти лишь въобщемъ признаніи Мальтусовой теоріи. Ходячая теорія заработной платы никогда не подвергалась серьезной критикѣ, ибо поддерживаемая Мальтусовой теоріей, она представлялась уму политико-экономистовъ какъ бы само-понятной истиной. Эти двѣ теоріи взаимно пополняли, подкрѣпляли и защщали другъ друга, причемъ обѣ онѣ получали добавочную поддержку отъ принципа, который былъ рельефно выдвинутъ при обсужденіи теоріи рент., — именно того принципа, что за извѣстнымъ предѣломъ приложеніе труд и капитала къ землѣ даетъ уменьшающійся доходъ. Вмѣстѣ эти теоріи давал объясненіе явленіямъ, представляющимся въ высоко организованныхъ и прогрессивныхъ обществахъ, повидимому, вполнѣ соотвѣтствующее фактамъ, и такимъ образомъ отклоняли отъ болѣе внимательнаго изслѣдованія.

За какой из этихъ двухъ теорій слѣдуетъ признать право на историческое первенсто,—трудно сказать. Теорія народонаселенія была формулирована такимъ бразомъ, что получила видъ научной догмы, лишь послѣ того, какъ это ыло сдѣлано относительно теоріи заработной платы. Но онѣ зародились и рсли естественно вмѣстѣ, и обѣ существовали въ формѣ болѣе или менѣе рубой задолго до того, какъ сдѣлана была какая либо попытка къ постренію системы политической экономіи. Очевидно изъ многихъ мѣстъ, что Малтусова теорія въ зачаточной формѣ представлялась уму Адама Смита, хоя онъ нигдѣ не развилъ ее въ ея полнотѣ, и главнымъ образомъ этому бстоятельству, кажется мнѣ, слѣдуетъ приписать то ложное направленіе,какое приняла его мысль въ вопросѣ о заработной платѣ. Но, какъ бы тони было, эти двѣ теоріи такъ тѣсно связаны одна съ другой и такъ совершенно дополняютъ другъ друга, что Бокль, обозрѣвая исторію политической экономіи въ своемъ «Изслѣдованіи развитія шотландской мысли въ восемнадцатомъ столѣтіи», приписываетъ главнымъ образомъ Мальтусу честь «окончательнаго доказательства» принятой теоріи заработной платы путемъ усновленія господствующаго ученія о давленіи народонаселенія на средсва къ жизни. Въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи», т. III гл. V, онъ говоритъ:

«Едва толькоминовало восемнадцатое столѣтіе, какъ было окончательно доказано, что вознагражденіе труда зависитъ единственно отъ двухъ факторовъ, именно: от величины того національнаго фонда, изъ котораго оплачивается трудъ, и отъ числа работниковъ, между которыми этотъ фондъ долженъ распредѣляться. Этимъ огромнымъ шагомъ въ нашемъ знаніи мы обязаны, главнымъ образомъ, хотя и не цѣликомъ, Мальтусу, ра-

бота котораго о народонаселеніи, сама по себѣ составляющая эпоху въ исторіи спекулятивной мысли, привела уже къ значительнымъ практическимъ результатамъ и поведетъ, вѣроятно, къ другимъ еще болѣе значительнымъ. Она была опубликована въ 1798 году, такъ что Адамъ Смитъ, который умеръ въ 1790 году, не дожилъ до того, что было бы для него величайшимъ удовольствіемъ, видѣть въ этой работѣ его собственные взгляды скорѣе еще далѣе развитыми, чѣмъ исправленными. Дѣйствительно, можно быть увѣреннымъ, что безъ Смита не было бы и Мальтуса; то-есть, если бы Смитъ не положилъ основанія, то и Мальтусъ не могъ бы построить зданія».

Знаменитая доктрина, которая съ самаго своего возникновенія такъ могущественно вліяла на мысль не только въ области политической экономіи, но даже и въ болѣе возвышенныхъ областяхъ знанія, была формулирована Мальтусомъ въ предположеніи, будто народонаселенію, какъ то указываетъ ростъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, присуще естественное стремленіе удваиваться по меньшей мѣрѣ каждыя двадцать пять лѣтъ и такимъ образомъ увеличиваться въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства къ жизни, которыя могутъ быть получены отъ земли, «при обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ для человѣческой дѣятельности, никоимъ образомъ не могутъ увеличиваться быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи, или путемъ прибавленія, за каждыя двадцать пять лѣтъ, количества, равнаго тому, которое производится въ данное время». «Сопоставивъ эти двѣ различныя нормы роста», наивно продолжаетъ Мальтусъ, «мы неизбѣжно прійдемъ къ поразительнымъ результатамъ». И вотъ (гл. I) онъ ихъ сопоставляетъ:

«Скажемъ, что народонаселеніе Великобританіи равно одиннадцати милліонамъ; и предположимъ, что теперешнее производство можетъ легко поддерживать такое число жителей. Спустя первыя двадцать пять лѣтъ, народонаселеніе увеличится до двадцати двухъ милліоновъ, и средства существованія, тоже удвоиваясь, будутъ въ соотвѣтствіи съ такимъ увеличеніемъ. Въ слѣдующія двадцать пять лѣтъ народонаселеніе возрастетъ до сорока четырехъ милліоновъ, а средствъ существованія будетъ достаточно лишь для содержанія тридцати трехъ милліоновъ. Въ слѣдующій періодъ народонаселеніе будетъ равно восьмидесяти восьми милліонамъ, а средствъ существованія будетъ достаточно лишь для содержанія половины этого числа. А къ концу перваго столѣтія, народонаселеніе достигло бы цифры ста семидесяти шести милліоновъ, а средствъ существованія было бы достаточно лишь для содержанія пятидесяти пяти милліоновъ: остальное же народонаселеніе, въ сто двадцать одинъ милліонъ, цѣликомъ лишено бы было пропитанія».

«Возьмемъ всю землю вмѣсто этого острова—при этомъ вліяніе эмигра-

ціи, конечно, будетъ исключено—и предположимъ, что теперешнее народонаселеніе ея равно тысячѣ милліоновъ; тогда человѣческій родъ увеличился бы какъ числа 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, а средства существованія какъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. За два столѣтія народонаселеніе встало бы къ средствамъ существованія въ отношеніе 256 къ 9; за три столѣтія 4096 къ 13, а за двѣ тысячи лѣтъ разница стала бы почти неисчислимой».

Такой результатъ, конечно, предупреждается тѣмъ физическимъ фактомъ, что народу можетъ существовать не болѣе, чѣмъ сколько можетъ найти средствъ къ жизни, отсюда и вытекаетъ Мальтусово заключеніе, что это стремленіе народонаселенія къ неопредѣленному увеличенію должно быть сдерживаемо или нравственнымъ ограниченіемъ воспроизводительной способности или различными причинами, увеличивающими смертность, которыя онъ сводитъ къ пороку и нищетѣ. Тѣ причины, которыя предупреждаютъ размноженіе, онъ называетъ предупредительными задержками, тѣ причины, которыя увеличиваютъ смертность, онъ называетъ разрушительными задержками. Такова Мальтусова доктрина, какъ она обнародована была самимъ Мальтусомъ въ «Опытѣ о народонаселеніи».

Не стоитъ долго останавливаться на заблужденіи, заключающемся въ допущеніи геометрическаго и ариѳметическаго размѣровъ роста, на этой игрѣ съ пропорціями, которая едва ли можетъ равняться достоинствомъ съ таковой же въ общеизвѣстномъ софизмѣ о зайцѣ и черепахѣ, когда выходитъ, что заяцъ будетъ вѣчно гнаться за черепахой и никогда ея не догонитъ. Ибо это допущеніе не необходимо для мальтусовой доктрины, или по крайней мѣрѣ открыто отвергается нѣкоторыми изъ писателей, вполнѣ признающихъ самую доктрину; какъ напримѣръ, Джонъ Стьюартъ Милль говоритъ объ этомъ допущеніи, какъ о «несчастной попыткѣ придать точность вещамъ, которыя не допускаютъ ея, и точность, какъ то долженъ видѣть всякій человѣкъ способный разсуждать, совершенно излишнюю для доказательства» *). Сущность Мальтусовой доктрины это то, что народонаселеніе стремится увеличиваться быстрѣе, чѣмъ увеличивается возможность получать пропитаніе, а выражается ли эта разница въ видѣ геометрическаго отношенія для народонаселенія и ариѳметическія отношенія для средствъ существованія, какъ у Мальтуса, или въ видѣ постояннаго отношенія для народона-

*) «Принципы политической экономіи», книга II, гл. IX, параграф. VI — Однако, не взирая на то, что говоритъ Милль, ясно, что самъ Мальтусъ придавалъ большое значеніе своимъ геометрическимъ и ариѳметическимъ отношеніямъ, и вѣроятно также, что этимъ отношеніямъ Мальтусъ въ широкой мѣрѣ обязанъ былъ своею славою, ибо они представляли собой одну изъ тѣхъ громкихъ формулъ, которыя для большинства имѣютъ гораздо болѣе вѣса, чѣмъ самое ясное разсужденіе.

селенія и уменьшающагося отношенія для средствъ существованія, какъ у Милля, и это вопросъ второстепенный. Жизненный пунктъ, въ которомъ сходятся оба ученія, состоитъ, выражаясь словами Мальтуса, въ томъ, «что существуетъ въ народонаселеніи естественная склонность и постоянное стремленіе размножаться свыше средствъ существованія».

Мальтусова доктрина, какъ ее теперь представляютъ, можетъ быть выражена въ наиболѣе сильной и наименѣе поддающейся возраженіямъ формѣ такимъ образомъ.

Народонаселеніе, постоянно стремящееся увеличиваться, не будучи сдерживаемо, должно въ концѣ концовъ натолкнуться на предѣлы средствъ существованія, не какъ на неподвижную, но какъ на эластичную преграду, которая дѣлаетъ добываніе средствъ къ жизни все болѣе и болѣе труднымъ. И такимъ образомъ, всюду, гдѣ воспроизводительная способность имѣла достаточно времени, чтобы проявить свою силу, и не сдерживалась благоразуміемъ, должна существовать такая степень нужды, какая можетъ удерживать народонаселеніе въ границахъ средствъ существованія.

Въ дѣйствительности, теорія эта не болѣе противорѣчитъ представленію о гармоническомъ устроеніи вселенной творческой благостью и мудростью, чѣмъ та любезная не-теорія, которая сваливаетъ отвѣтственность за бѣдность съ ея спутниками на неисповѣдимыя велѣнія Провидѣнія, не пытаясь даже и изслѣдовать ихъ. Тѣмъ не менѣе, открыто признавъ порокъ и страданіе необходимыми послѣдствіями естественнаго инстинкта, съ которымъ связаны самыя чистыя и самыя нѣжныя чувства, теорія эта встала въ рѣзкое противорѣчіе съ идеями, глубоко коренящимися въ человѣческомъ духѣ, и тотчасъ же вслѣдъ за своимъ формальнымъ провозглашеніемъ вызвала противъ себя самыя отчаянныя нападенія, при которыхъ, правда, нерѣдко обнаруживалось болѣе усердія, чѣмъ логики. Однако она съ тріумфомъ выдержала испытанія, и не смотря на опроверженія Годвиновъ и обличенія Коббетовъ, не смотря на всѣ тѣ стрѣлы, которыя направляли въ нее логика, сарказмъ, насмѣшка и чувство, стоитъ теперь въ мірѣ мысли, какъ признанная истина, которую вынуждены признавать даже тѣ люди, которые рады бы были не вѣрить ей.

Нельзя сказать, чтобы были неясны причины ея тріумфа, источники ея силы. Повидимому, опираясь на неоспоримую ариѳметическую истину, — что постоянно увеличивающееся народонаселеніе должно наконецъ превзойти способность земли доставлять пропитаніе или даже мѣсто, гдѣ встать, мальтусова теорія поддерживается аналогіями изъ животнаго и растительнаго царства, гдѣ жизнь повсюду безпощадно разбивается о тѣ барьеры, которые сдерживаютъ различные виды ея, — аналогіями, которымъ ходъ современной мысли, сглаживающій различія между отдѣльными формами жизни,

придавалъ все болѣе и болѣе вѣса, и видимо подтверждается многими несомнѣнными фактами, таковы: преобладаніе бѣдности, порока и страданія среди болѣе плотнаго народонаселенія; обычный результатъ матеріальнаго прогресса въ смыслѣ увеличенія народонаселенія безъ облегченія пауперизма; быстрый ростъ народонаселенія во вновь заселяемыхъ странахъ и очевидное замедленіе роста въ болѣе плотно заселенныхъ странахъ вслѣдствіе смертности среди класса, обреченнаго на нужду.

Мальтусова теорія доставляетъ общій принципъ, который даетъ объясненіе этимъ и подобнымъ фактамъ, и притомъ такое объясненіе, которое гармонируетъ съ доктриною, будто заработная плата получается отъ капитала, и со всѣми тѣми принципами, которые выводятся изъ нея. Согласно господствующимъ ученіямъ о заработной платѣ, заработная плата падаетъ, лишь только увеличеніе числа работниковъ вынуждаетъ болѣе дробное дѣленіе капитала; согласно мальтусовой теоріи, бѣдность является, лишь только увеличеніе въ народонаселеніи вынуждаетъ болѣе дробное дѣленіе средствъ существованія. Требуется лишь отождествленіе капитала со средствами существованія и числа работниковъ съ народонаселеніемъ, а это и дѣлается въ общераспространенныхъ трактатахъ по политической экономіи, гдѣ эти термины часто замѣняютъ другъ друга.—чтобы сдѣлать эти два предложенія столь же тождественными по формѣ, какъ они тождественны по сущности *). Вотъ такимъ то образомъ, какъ это замѣтилъ Бокль въ ранѣе цитированномъ мѣстѣ, теорія народонаселенія, установленная Мальтусомъ, и явилась, какъ бы для окончательнаго доказательства теоріи заработной платы, установленной Смитомъ.

Рикардо, который нѣсколько лѣтъ спустя послѣ обнародованія «Опыта о народонаселеніи» исправилъ ошибку, въ которую впалъ Смитъ относительно природы и причины ренты, доставилъ мальтусовой теоріи добавочную поддержку, обративъ вниманіе на тотъ фактъ, что рента увеличивается, лишь только потребности ростущаго народонаселенія заставляютъ обращаться къ обработкѣ земель все менѣе и менѣе производительныхъ или на тѣхъ же земляхъ, къ пунктамъ все меньшей и меньшей производительности,—чѣмъ онъ и объяснялъ происхожденіе ренты. Такимъ путемъ образовалось какъ бы тройственный союзъ, и мальтусова доктрина была подперта съ обѣихъ сторонъ,—причемъ принятое ранѣе ученіе о заработной платѣ и принятое потомъ ученіе о рентѣ являлись какъ бы частными случаями примѣненія общаго принципа, съ которымъ связано было имя Мальтуса, а паденіе за-

*) Вліяніе Мальтусовой доктрины на опредѣленія капитала, я полагаю, можно замѣтить изъ сравненія (см. стр. 28, 1-й т.) опредѣленія Смита, который писалъ до Мальтуса, съ опредѣленіями Рикардо, Мэкъ-Келлока и Милля, которые писали-послѣ него.

работной платы и повышеніе ренты, сопутствующія росту народонаселенія, представлялись лишь способами проявленія той силы, которая тѣснитъ народонаселеніе въ предѣлахъ средствъ существованія.

Такимъ образомъ, входя составной частью въ самый остовъ политической экономіи (ибо наука эта, въ ея общепринятомъ видѣ, не испытала никакого существеннаго измѣненія или улучшенія со времени Рикардо, хотя и была улучшаема и развиваема въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ), Мальтусова теорія, хотя и противорѣчитъ чувствамъ, о которыхъ была рѣчь выше, но не только не противорѣчитъ идеямъ, которыя, по крайней мѣрѣ, въ болѣе старыхъ странахъ вообще преобладаютъ среди рабочихъ классовъ,— напротивъ того, подобно теоріи заработной платы, которой она поддерживается и которую она въ свою очередь поддерживаетъ, гармонируетъ съ этими идеями. Для мастероваго или для фабричнаго причина низкой заработной платы и невозможности найти занятіе есть очевидно конкуренція массы другихъ рабочихъ, ищущихъ работы, и въ грязныхъ жилищахъ бѣдняковъ, что можетъ казаться яснѣе того, что ужъ слишкомъ то много народу на свѣтѣ?

Но главная причина торжества этой теоріи заключается въ томъ обстоятельствѣ, что она не только не грозитъ какому либо законному праву, не только не выступаетъ противъ какого либо могущественнаго интереса, но даже, напротивъ, чрезвычайно ласкаетъ и успокоиваетъ тѣ классы, которые, владѣя силою богатства, въ широкой мѣрѣ властвуютъ и надъ мыслью.—Она явилась на выручку именно тѣхъ привилегій, благодаря которымъ немногіе монополизировали столь много благъ этого міра, она же и провозгласила естественной причину нужды и страданія, приписать которыя политическимъ учрежденіямъ, значило бы осудить всякое правительство, при которомъ они существуютъ. «Опытъ о народонаселеніи» открыто выступалъ противъ «изслѣдованія о политической справедливости» Вильяма Годвина.

Цѣлью «опыта» было оправдать существующее неравенство, сваливъ отвѣтственность за него съ человѣческихъ учрежденій на законы Творца. Въ этомъ собственно, не было ничего новаго, такъ какъ Уоллесъ, почти за сорокъ лѣтъ до того, уже ставилъ на видъ опасность чрезмѣрнаго размноженія, въ отвѣтъ на требованія справедливости относительно равномѣрнаго распредѣленія богатства, но обстоятельства времени были таковы, что та же самая идея, будучи выражена Мальтусомъ, оказалась особенно пріятной для могущественнаго класса, въ которомъ сильный страхъ предъ всякимъ выраженіемъ недовѣрія къ существующему положенію вещей порожденъ былъ взрывомъ Французской революціи.

И въ настоящее время, какъ въ то время, мальтусова доктрина откло-

вяетъ всякое требованіе реформы и ставитъ себялюбіе внѣ вопроса и сомнѣнія, сводя дѣло къ какой то неизбѣжной необходимости. Именно она даетъ начало той философіи, благодаря которой скупой богачъ, пируя, можетъ отогнать отъ себя образъ Лазаря, томимаго голодомъ у его двери; благодаря которой человѣкъ состоятельный можетъ съ спокойной совѣстью застегивать свой сюртукъ, когда бѣднота проситъ подаянія, и благодаря которой богатый христіанинъ, склоняясь по воскресеньямъ на коврикѣ въ церкви, можетъ молить о благихъ дарахъ Отца всѣхъ людей, безъ всякаго сознанія отвѣтственности за ту грязь и нищету, которыя онъ видитъ тутъ же въ двухъ шагахъ отъ себя. Ибо бѣдность, нужда и голодъ, согласно этой теоріи, не могутъ быть приписываемы ни личной жадности, ни общественнымъ неурядицамъ, а являются неизбѣжными слѣдствіями міровыхъ законовъ, сѣтовать на которые, не будь это даже дѣломъ нечестивымъ, было бы также безцѣльно, какъ сѣтовать на законъ тяготѣнія. Съ этой точки зрѣнія, тотъ, кто среди нужды, скопилъ себѣ богатство, только лишь укрылся въ маленькомъ оазисѣ отъ сыпучаго песка, который иначе похоронилъ бы и его. Онъ лишь сдѣлалъ пользу себѣ, но никому не повредилъ. И даже если бы богачи буквально выполнили повелѣніе Христа и раздѣлили свое богатство между бѣдными, то все же ничего не было бы достигнуто. Народонаселеніе возрасло бы, только для того, чтобы снова сдавить себя въ предѣлахъ средствъ существованія или капитала, и равенство, которое было бы установлено, оказалось бы лишь равенствомъ общей нищеты. И такимъ то образомъ реформы, могущія столкнуться съ интересами какого либо могущественнаго класса, отвергаются, какъ безполезныя. Такъ какъ нравственный законъ запрещаетъ такъ или иначе заранѣе пускать въ ходъ тѣ мѣры, посредствомъ которыхъ природа отдѣлывается отъ излишка народонаселенія и сдерживаетъ стремленіе къ размноженію, достаточно сильное чтобы покрыть поверхность земнаго шара человѣческими существами, размѣстивъ ихъ на подобіе сардинъ въ жестянкѣ, то, въ сущности, ничего не можетъ сдѣлать ни личное усиліе, ни совокупное усиліе общества для того, чтобы искоренить бѣдность, кромѣ какъ положиться на дѣйствіе воспитанія и проповѣдывать необходимость благоразумія.

Теорія, которая, совпадая, съ привычками мысли болѣе бѣдныхъ классовъ, такимъ образомъ оправдываетъ жадность богача и себялюбіе человѣка могущественнаго, имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы быстро распространиться и глубоко пустить корни. Такъ это и было съ теоріей, предложенной Мальтусомъ.

Въ послѣдніе годы Мальтусова теорія получила новую поддержку вслѣдствіе быстрой перемѣны идей, касающихся происхожденія человѣка и образованія видовъ. И кажется мнѣ, нетрудно бы было показать, что Бокль

былъ правъ, говоря, что обнародованіе Мальтусовой теоріи отмѣчаетъ собой эпоху въ исторіи спекулятивной мысли; но какъ не интересно бы было прослѣдить ея вліяніе на болѣе высокія области философіи, а оно оказалось и на самомъ Боклѣ,—тѣмъ не менѣе сдѣлать этого мы не можемъ, не выходя за предѣлы нашего изслѣдованія. Однако та поддержка, косвенная ли, прямая ли, которую даетъ Мальтусовой теоріи новая философія развитія, теперь быстро распространяющаяся во всѣхъ направленіяхъ, во всякомъ случаѣ должна быть указана при оцѣнкѣ тѣхъ средствъ, отъ которыхъ эта теорія получаетъ свою теперешнюю силу. Какъ въ политической экономіи, поддержка, получаемая отъ ученія о заработной платѣ и отъ ученія о рентѣ, содѣйствовали поднятію Мальтусовой теоріи до степени центральной истины, такъ распространеніе идей того же рода на развитіе жизни во всѣхъ ея формахъ въ результатѣ давало ей еще болѣе высокое и неприступное положеніе. Агассизъ, который до дня своей смерти былъ отчаяннымъ противникомъ новой философіи, выразился о Дарвинѣ какъ о «Мальтусѣ съ головы до пятокъ» *), и самъ Дарвинъ говоритъ, что борьба за существованіе есть доктрина Мальтуса, примѣненная съ сугубой силой ко всему животному и растительному царству».

Какъ бы то ни было, мнѣ не кажется вполнѣ правильнымъ говорить, что теорія развитія путемъ естественнаго подбора или путемъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ есть мальтузіанизмъ въ дальнѣйшемъ развитіи, ибо доктрина Мальтуса не заключала въ себѣ первоначально и не заключаетъ въ себѣ необходимо идеи совершенствованія. Но эта идея была вскорѣ присоединена къ ней. Мэкъ-Келлокъ приписываетъ «принципу роста» общественное усовершенствованіе и прогрессъ въ искусствахъ, и заявляетъ, что бѣдность, которую этотъ ростъ порождаетъ, дѣйствуетъ, какъ могущественный стимулъ къ развитію трудолюбія, распространенію науки и накопленію богатства высшимъ и среднимъ классами, стимулъ, безъ котораго общество живо впало бы въ апатію и безсиліе. Что это такое, какъ не признаніе въ отношеніи къ человѣческому обществу развивающаго дѣйствія «борьбы за существованіе» и «переживанія наиболѣе приспособленныхъ», о которыхъ говорятъ, опираясь на авторитетъ естественныхъ наукъ, какъ о средствахъ, которыми природа пользовалась, чтобы произвести всѣ тѣ безконечно-разнообразныя и чуднымъ образомъ приспособленныя формы, въ которыя выливается бьющая ключемъ жизнь земнаго шара? Что это какъ не признаніе

---

*) Рѣчь передъ Массачусетскимъ земледѣльческимъ совѣтомъ, 1872. Отчетъ Департамента Земледѣлія (Соединенныя Штаты), 1873.

*) «Происхожденіе видовъ», гл. III.

*) Примѣчаніе къ «Богатству народовъ».

той силы, на видъ жестокой и немилосердной, которая, однако, въ теченіе неизмѣримаго ряда вѣковъ выработала моллюска изъ какого то болѣе низкаго типа, обезьяну изъ моллюска, человѣка изъ обезьяны и девятнадцатое столѣтіе изъ каменнаго вѣка?

Такимъ образомъ рекомендованная и повидимому доказанная, такимъ образомъ сцѣпленная и подпертая, Мальтусова теорія,—то ученіе, будто бѣдность зависитъ отъ стѣсненія народонаселенія въ средствахъ существованія, или, выражая ее въ другой ея формѣ, то ученіе, будто стремленіе къ увеличенію въ числѣ работниковъ должно постоянно вести къ сокращенію заработной платы до минимума, при какомъ рабочіе могутъ только сохранять свою численность,—въ настоящее время вообще принимается какъ неоспоримая истина, при свѣтѣ которой объясняются явленія общественной жизни, все равно какъ объяснялись въ теченіе столѣтій явленія звѣзднаго неба на основаніи предположенія о неподвижности земли или факты геологіи на основаніи буквальнаго пониманія Библіи. Если принять во вниманіе только авторитетъ этой доктрины, то, чтобы формально отвергнуть ее, кажется, требуется столько же смѣлости, сколько было ея у того проповѣдника, который недавно выступилъ въ походъ противъ мнѣнія, будто земля движется вокругъ солнца, ибо въ той или другой формѣ, Мальтусова доктрина встрѣчаетъ въ мірѣ мысли почти всеобщее одобреніе, и даетъ знать себя всюду, какъ въ лучшихъ, такъ и въ самыхъ заурядныхъ произведеніяхъ литературы по текущимъ вопросамъ. Она одобряется экономистами и государственными людьми, историками и натуралистами, конгрессами по соціальнымъ наукамъ и рабочими союзами, духовными лицами и матеріалистами, консерваторами самаго строгаго закала и радикальнѣйшими изъ радикаловъ. Она признается множествомъ лицъ, которыя никогда ничего не слышали о Мальтусѣ, и кладется въ основу разсужденій людьми, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое его теорія.

Тѣмъ не менѣе, какъ основанія господствующей теоріи заработной платы оказывались несостоятельными, будучи подвергнуты безпристрастному изслѣдованію, такъ я думаю, окажутся несостоятельными и основанія этой теоріи, ея двойника. Доказавъ, что заработная плата берется не изъ капитала мы уже подняли съ земли этого Антэя.

ГЛАВА II.

Выводы изъ фактовъ.

Общее признаніе мальтусовой теоріи и высокій авторитетъ, которымъ она пользуется, мнѣ думалось, дѣлали нужнымъ изслѣдованіе ея основаній и тѣхъ причинъ, которыя помогли ей получить такое огромное значеніе при обсужденіи общественныхъ вопросовъ.

Но подвергнувъ самую теорію безпристрастному анализу, мы найдемъ ее, я полагаю, такой же несостоятельной, какой оказалась господствующая теорія заработной платы.

Во-первыхъ, факты, которые приводятся въ подтвержденіе этой теоріи, не подтверждаютъ ее, и аналогіи не говорятъ въ ея пользу.

И, во-вторыхъ, существуютъ факты, которые рѣшительно опровергаютъ ее.

Я перейду къ самой сути дѣла, заявивъ, что, ни опытъ, ни аналогія, не даютъ никакого основанія предполагать, что населеніе стремится вырастать быстрѣе, чѣмъ средства къ жизни. Факты, приводимые для доказательства этого положенія, просто доказываютъ, что тамъ, гдѣ люди, вслѣдствіе рѣдкости народонаселенія, какъ въ новыхъ странахъ, или вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія богатства, какъ среди болѣе бѣдныхъ классовъ старыхъ странъ, — гдѣ люди заняты лишь удовлетвореніемъ своихъ физическихъ потребностей, тамъ стремленіе къ воспроизведенію достигаетъ такого размѣра, что не будь на пути его преградъ, такъ оно въ извѣстное время превзошло бы самыя средства существованія. Однако не было бы законнымъ выводомъ изъ этого сказать, что это стремленіе къ воспроизведенію будетъ обнаруживаться съ той же самой силой и тамъ, гдѣ народонаселеніе достаточно густо, а распредѣленіе богатства достаточно равномѣрно, чтобы поставить все общество выше необходимости отдавать всѣ свои силы на борьбу изъ-за одного только голаго существованія. Нельзя также предположить, что это стремленіе къ воспроизведенію, причиняя бѣдность, дѣлаетъ невозможнымъ самое существованіе такого общества; ибо допустить это, очевидно, значило бы допустить какъ разъ самый пунктъ спора и такимъ образомъ впасть въ заколдованный кругъ. Даже если и допустить, что стремленіе къ размноженію должно бы было въ концѣ концовъ произвести бѣдность, то все же на основаніи одного этого допущенія нельзя бы было утверждать относительно существующей бѣдности, что она зависитъ именно отъ этой причины, пока не было бы доказано, что не существуетъ никакихъ другихъ причинъ, на счетъ дѣйствія которыхъ

можно бы было эту бѣдность отнести,—чего при теперешнемъ состояніи администраціи, законовъ и обычаевъ очевидно сдѣлать нельзя.

Все это съ чрезвычайной полнотой доказывается въ самомъ «Опытѣ о народонаселеніи». Знаменитая книга эта, о которой гораздо чаще говорятъ, чѣмъ читаютъ, очень стоитъ того, чтобы съ ней познакомиться, хотя бы даже только, какъ съ литературнымъ куріозомъ. Контрастъ между достоинствами самой книги и тѣмъ дѣйствіемъ, какое она произвела или, по меньшей мѣрѣ, какое ей приписывается (ибо хотя Джемсъ Стьюартъ, Таунсендъ и другіе, раздѣляютъ съ Мальтусомъ славу открытія «принципа народонаселенія», тѣмъ не менѣе лишь обнародованіе «Опыта о народонаселеніи» рельефно выдвинуло этотъ принципъ впередъ), контрастъ этотъ кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ въ исторіи литературы; и легко понять, почему Годвинъ, котораго «Политическая справедливость» вызвала появленіе «Опыта о народонаселеніи», до старости своей, считалъ унизительнымъ для себя отвѣчать на него. Книга начинается съ допущенія, что народонаселеніе стремится увеличиваться въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства существованія въ лучшемъ случаѣ могутъ быть увеличиваемы въ ариѳметической,—допущенія столь же законнаго и отнюдь не болѣе законнаго, чѣмъ если бы кто на основаніи того факта, что хвостъ щенка удлинился вдвое, за то время какъ вѣсъ его увеличился на столько-то фунтовъ, сталъ бы говорить о ростѣ хвоста въ геометрической прогрессіи и прибыли вѣса въ ариѳметической. А выводъ изъ этого допущенія былъ бы какъ разъ таковъ, что Свифтъ въ своей сатирѣ могъ вложить его въ уста ученыхъ на островѣ, гдѣ до того времени не было собакъ; ученые, сопоставивъ эти двѣ прогрессіи, могли бы вывести самое «ужасное заключеніе», что въ то время, какъ вѣсъ собаки возрастетъ до пятидесяти фунтовъ, ея хвостъ будетъ имѣть около мили длины, такъ что имъ будетъ крайне трудно махать, и потому рекомендовали бы предусмотрительную задержку въ видѣ стягиванія хвоста бинтами, какъ единственную альтернативу къ положительной задержкѣ, въ видѣ постоянныхъ ампутацій хвоста. Въ этой книгѣ, которая начинается такой нелѣпостью содержится длинное доказательство необходимости обложенія пошлиною ввоза хлѣба и уплаты преміи при вывозѣ хлѣба, мысли давно уже упрятанной въ складъ раскрытыхъ заблужденій. Но повсюду въ разсужденіяхъ наталкиваешься на мѣстечки, которыя доказываютъ самую плачевную неспособность къ логическому мышленію достопочтеннаго джентльмена.—Вотъ напримѣръ, такое изреченіе если бы заработная плата увеличилась съ восемьнадцати пенсовъ или двухъ шиллинговъ въ день до пяти шиллинговъ, то мясо непремѣнно возросло бы въ цѣнѣ съ восьми или девяти пенсовъ до двухъ или трехъ шиллинговъ за фунтъ, и положеніе рабочихъ классовъ, слѣдовательно, не улучши-

лось бы, — утвержденіе, по моему мнѣнію, совершенно аналогичное тому, которое я однажды слышалъ отъ одного наборщика, серьезно доказывавшаго, что въ виду того, что одинъ авторъ, котораго онъ зналъ, былъ сорока лѣтъ, когда ему было двадцать, то автору этому должно теперь быть восемьдесятъ лѣтъ, потому-что, ему (наборщику) теперь сорокъ. Эта путаница въ мысляхъ не просто обнаруживается то тутъ, то тамъ, но характеризуетъ собой весь этотъ трудъ *). Главное содержаніе книги состоитъ изъ вещей, являющихся въ дѣйствительности опроверженіемъ теоріи, приводимой въ книгѣ, ибо сдѣланное Мальтусомъ обозрѣніе того, что онъ называетъ положительными задержками роста народонаселенія, просто доказываетъ, что результаты, которые онъ приписываетъ излишку народонаселенія, въ дѣйствительности зависятъ отъ другихъ причинъ. Изъ всѣхъ приводимыхъ имъ случаевъ, а почти весь міръ проходитъ предъ глазами обозрѣвателя, въ которыхъ порокъ и нищета задерживаютъ ростъ народонаселенія, ограничивая число браковъ и укорочивая продолжительность человѣческой жизни, нѣтъ ни единаго случая, въ которомъ порокъ и нищета могли бы быть на самомъ дѣлѣ отнесены на счетъ увеличенія числа ртовъ свыше способности одновременно являющихся рукъ кормить ихъ; но во всѣхъ случаяхъ замѣтно, что порокъ и нищета происходятъ или отъ противообщественнаго невѣжества и жадности, или отъ дурнаго управленія, несправедливыхъ законовъ или опустошительныхъ войнъ.

И то, что Мальтусу не удалось доказать, то никѣмъ и послѣ него не было доказано. Оглядите весь міръ, просмотрите исторію, и вы тщетно будете искать хотя бы одинъ примѣръ сколь нибудь значительной страны **),

---

*) Другія сочиненія Мальтуса, хотя и написанныя послѣ того, какъ онъ сдѣлался знаменитостью, не останавливали на себѣ вниманія, и съ презрѣніемъ упоминаются даже тѣми, которые видятъ въ «Опытѣ» великое открытіе. Тамъ, напримѣръ «Encyclopedia Britannica», хотя и вполнѣ принимающая Мальтусову теорію, о Мальтусовой «Политической Экономіи» отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Она составлена очень плохо, и ни въ какомъ отношеніи не представляетъ изъ себя практичнаго или научнаго изложенія предмета. Большая часть ея занята разсмотрѣніемъ различныхъ частей оригинальныхъ доктринъ Рикардо и изслѣдованіемъ природы и причинъ цѣнности. Ничто однако, не можетъ быть болѣе неудовлетворительнымъ, чѣмъ эти обсужденія. Въ сущности г. Мальтусъ никогда не имѣлъ сколь нибудь яснаго или точнаго представленія о теоріяхъ Рикардо и о тѣхъ принципахъ, которыми опредѣляется мѣновая цѣнность различныхъ предметовъ.

**) Я говорю «сколько нибудь значительной страны» потому, что могутъ быть маленькіе острова, въ родѣ острова Питкернъ, отрѣзанные отъ сообщенія съ остальнымъ міромъ и, слѣдовательно, не знающіе обмѣна, необходимаго для улучшенныхъ способовъ производства, потребныхъ при уплотняющемся народонаселеніи; такіе острова можетъ показаться, представляютъ подтверждающіе примѣры. Минутнаго размышленія достаточно, однако, чтобы замѣтить, что эти исключительные случаи не идутъ къ дѣлу.

въ которой бѣдность и нужду по справедливости можно бы было приписать давленію увеличивающагося народонаселенія. Каковы бы ни были возможныя опасности, заключающіяся въ способности человѣчества къ размноженію, онѣ никогда еще не обнаруживали себя. Какое только зло не угнетало иногда человѣчество, но зла отъ этой способности никогда еще не видали люди. Народонаселеніе постоянно стремится выйти за предѣлы средствъ существованія! Какже тогда могло случиться, что наша земля, послѣ столькихъ тысячъ, а какъ теперь думаютъ, милліоновъ лѣтъ, которыя человѣкъ проводилъ на ней, населена еще столь слабо? Какже тогда могло случиться, что такое множество человѣческихъ ульевъ стоитъ теперь покинутыми, что нѣкогда обработываемые поля покрыты кустарникомъ, и дикій звѣрь лижетъ своихъ дѣтенышей тамъ, гдѣ нѣкогда суетились люди?

Считая наши увеличивающіеся милліоны, мы склонны бываемъ упускать изъ виду тотъ фактъ, что упадокъ народонаселенія, поскольку намъ извѣстна міровая исторія, есть столь же обычное явленіе, какъ и его ростъ. Тѣмъ не менѣе—это фактъ. Больше ли теперь народонаселеніе земли, въ его цѣломъ, чѣмъ въ какую либо предшествующую эпоху, на это можно отвѣчать, лишь прибѣгая къ догадкамъ. Со времени Монтескьё, въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, утверждавшаго (и это въ то время, вѣроятно, было господствующимъ взглядомъ), что народонаселеніе земли, со времени христіанской эры, въ огромной мѣрѣ уменьшилось, взгляды на этотъ предметъ было измѣнились. Но новѣйшіе изслѣдователи стали придавать больше вѣры показаніямъ древнихъ историковъ и путешественниковъ, которыя сочтены были преувеличенными, и открыли слѣды болѣе плотнаго народонаселенія и болѣе подвинувшихся впередъ цивилизацій, чѣмъ тѣ, которыя ранѣе подозрѣвались, равно какъ слѣды болѣе глубокой древности человѣческаго рода. Основывая наши разсчеты народонаселенія, на развитіи торговли, на успѣхахъ техники и на величинѣ городовъ, мы склонны бываемъ оцѣнивать слишкомъ низко плотность того народонаселенія, которое способно бываетъ поддерживать тѣ способы интенсивной культуры, которыми характеризуются болѣе раннія цивилизаціи,—особенно тамъ, гдѣ прибѣгаютъ къ искусственному орошенію. Судя по тѣмъ мѣстностямъ Китая и Европы, гдѣ земля тщательно обрабатывается, есть полное основаніе думать, что весьма значительное народонаселеніе съ простыми привычками можетъ легко существовать при весьма слабомъ развитіи торговли, при значительно низшемъ состояніи тѣхъ искусствъ, въ которыхъ всего болѣе выражался современный прогрессъ, и безъ того стремленія къ концентраціи въ города, которое выказываетъ теперешнее народонаселеніе *).

*) Какъ это мы можемъ видѣть изъ карты въ Бенкрофтовыхъ «Туземныхъ расахъ», округъ Веракрусъ не принадлежитъ къ тѣмъ частямъ Мексики, которыя замѣчательны

Но какъ бы то ни было, единственнымъ континентомъ, относительно котораго можно съ увѣренностью утверждать, что онъ заключаетъ въ себѣ теперь болѣе плотное народонаселеніе, чѣмъ когда либо прежде, является Европа. Но это вѣрно не относительно всѣхъ частей Европы. Навѣрно Греція, острова Средиземнаго моря и Европейская Турція, вѣроятно Италія и возможно Испанія, заключали въ себѣ болѣе многочисленное народонаселеніе, чѣмъ теперь; равнымъ образомъ, оно могло быть болѣе многочисленнымъ въ Сѣверо-западной Европѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Центральной и Восточной.

Народонаселеніе Америки также увеличивалось за то время, за какое мы что-либо знаемъ о ней; но это увеличеніе не на столько значительно, какъ обыкновенно полагаютъ, такъ какъ по нѣкоторымъ разсчетамъ выходитъ, что одно только Перу во время открытія Америки имѣло большее народонаселеніе, чѣмъ какое существуетъ теперь на всемъ континентѣ Южной Америки. И всѣ признаки указываютъ на то, что во время, предшествовавшее открытію Америки, народонаселеніе ея уже шло на убыль. Какія великія націи заканчивали свое поприще, какія имперіи подымались и падали въ «семъ новомъ свѣтѣ, который старъ», это мы можемъ только рисовать въ своемъ воображеніи. Тѣмъ не менѣе остатки массивныхъ развалинъ до сихъ поръ еще свидѣтельствуютъ о какой-то болѣе величественной цивилизаціи, предшествовавшей Инкамъ; а среди тропическихъ лѣсовъ Юкатана и Центральной Америки встрѣчаются остатки великихъ городовъ, забытыхъ уже ко времени Испанскаго завоеванія; Мексика, въ томъ видѣ въ какомъ нашелъ ее Кортесъ, представляла наслоеніе варварства поверхъ болѣе высокаго общественнаго развитія, тогда какъ на большей части пространства, занимаемаго въ настоящее время Соединенными Штатами, разбросаны окопы, которые указываютъ на нѣкогда сравнительно плотное народонаселеніе, а тамъ и тутъ, какъ въ мѣдныхъ рудникахъ у Верхняго Озера, встрѣчаются слѣды болѣе высокаго искусства, чѣмъ какое извѣстно было индѣйцамъ, съ которыми бѣлые пришли въ соприкосновеніе.

Относительно Африки уже не можетъ быть никакого сомнѣнія. Сѣверная Африка, можетъ быть, содержитъ въ себѣ лишь малую часть того народо-

---

по своимъ древностямъ. Однако Гюго Финкъ, изъ Кордовы, въ своемъ сообщеніи Институту Смитсона (Доклады, 1870) пишетъ что едвали есть хотя бы одинъ футъ во всемъ округѣ, гдѣ при раскопкахъ не были бы находимы или разбитый обсидіановый ножъ или черепокъ отъ глиняной посуды; что вся страна пересѣчена параллельными рядами камней, предназначенными предохранять землю отъ смыванія въ дождливое время года, которые показываютъ, что даже самая плохая земля была обработываема, и что невозможно противиться заключенію, что это древнее народонаселеніе было по меньшей мѣрѣ столь же плотнымъ, какъ теперь въ самыхъ людныхъ мѣстностяхъ Европы.

населенія, какое имѣла она въ древнія времена; Нильская долина нѣкогда заключала въ себѣ несравненно большее народонаселеніе, чѣмъ теперь, тогда какъ къ югу отъ Сахары ничто не указываетъ на увеличеніе населенія въ историческія времена, а невольническій торгъ причинялъ, конечно, огромное опустошеніе въ народонаселеніи.

Что касается Азіи, которая даже теперь содержитъ болѣе половины человѣческаго рода, хотя плотность народонаселенія тамъ лишь немногимъ болѣе половины плотности народонаселенія въ Европѣ, то существуютъ указанія на то, что Индія, какъ и Китай, содержали нѣкогда большее народонаселеніе, чѣмъ теперь, а та великая колыбель человѣчества, изъ которой выходили огромныя толпы, наводнявшія обѣ эти страны и въ видѣ огромныхъ волнъ достигавшія Европы, несомнѣнно должна была обладать нѣкогда гораздо болѣе многочисленнымъ народонаселеніемъ. Но самую замѣтную перемѣну встрѣчаемъ мы въ Малой Азіи, Сиріи, Вавилоніи, Персіи, короче говоря, въ той обширной странѣ, которая подчинилась завоевательному оружію Александра. Гдѣ нѣкогда были великіе города и цвѣтущее народонаселеніе, тамъ теперь жалкія деревни и голыя пространства.

Нѣсколько странно, что среди всѣхъ теорій, которыя возникали, мы не встрѣчаемъ теоріи опредѣленнаго количества человѣческой жизни на нашей землѣ. Она по крайней мѣрѣ болѣе согласовалась бы съ историческими фактами, чѣмъ теорія постояннаго стремленія народонаселенія превзойти средства къ жизни. Ясно, что народонаселеніе въ одномъ мѣстѣ прибывало, а въ другомъ убывало; центры его мѣнялись; возникали новыя націи и вымирали старыя; рѣдко заселенныя страны становились населенными, а населенныя страны теряли свое народонаселеніе; но на сколько мы можемъ видѣть въ прошломъ, не отдаваясь цѣликомъ какимъ либо теоріямъ, мы ничего не замѣчаемъ такого, что указывало бы на постоянное увеличеніе народонаселенія, или даже ясно указывало бы на совокупное его увеличеніе отъ времени до времени. Насколько мы можемъ судить, народы-піонеры никогда не направлялись въ ненаселенныя страны, —ихъ поступательное движеніе всегда сопровождалось столкновеніями съ другими народами, ранѣе владѣвшими землею; изъ-за рисующихся въ туманѣ царствъ выступаютъ какіе-то еще болѣе смутные призраки царствъ. Что народонаселеніе земли должно было начинаться съ маленькаго, это мы можемъ утверждать съ увѣренностью, ибо мы знаемъ, что была геологическая эпоха, когда человѣческая жизнь не могла существовать, и мы не можемъ вѣрить тому, чтобы люди возникли всѣ разомъ, какъ бы изъ драконовыхъ зубовъ, посѣянныхъ Кадмомъ; однако уже въ томъ отдаленномъ прошломъ, котораго едва достигаютъ слабые лучи, бросаемые исторіею, преданіями и памятниками, мы различаемъ крупныя группы народонаселенія. И въ теченіе всѣхъ этихъ длинныхъ періо-

довъ принципъ народонаселенія не былъ достаточно силенъ, земля вполнѣ не заселилась, и даже, поскольку мы можемъ это видѣть, чтобы существенно не увеличилась и вся совокупность ея народонаселенія. Сравнительно съ своею способностью къ поддержанію человѣческой жизни, земля въ ея цѣломъ еще чрезвычайно слабо заселена.

Есть еще другой фактъ общаго характера, который долженъ поразить всякаго, кто, думая объ этомъ предметѣ, броситъ взглядъ за предѣлы современнаго общества. Доктрина Мальтуса утверждаетъ всеобщій законъ, что естественное стремленіе народонаселенія направлено къ тому, чтобы превзойти средства существованія. Если бы существовалъ такой законъ, то онъ долженъ бы былъ, всюду, гдѣ народонаселеніе достигаетъ извѣстной плотности, становится столь же очевиднымъ, какъ всякій изъ тѣхъ великихъ естественныхъ законовъ, которые всегда и вездѣ признавались. Какъ же тогда могло случиться, что ни въ вѣрованіяхъ и кодексахъ классической древности, ни въ кодексахъ и вѣрованіяхъ Евреевъ, Египтянъ, Индусовъ, Китайцевъ или другого какого либо народа изъ тѣхъ, которые жили въ видѣ замкнутыхъ ассоціацій и создавали вѣрованія и кодексы, мы не находимъ никакого предписанія придерживаться мальтусовскихъ благоразумныхъ самоограниченій; но, напротивъ, мудрость вѣковъ, религіи міра всегда внушали понятія гражданскаго и религіознаго долга, какъ разъ противоположныя тѣмъ, которыя выдвигаетъ господствующая политическая экономія, и которыя Анна Бизентъ въ настоящее время старается популяризировать въ Англіи.

Не должно забывать и того, что существовали государства, въ которыхъ общество гарантировало каждому члену занятіе и средства къ жизни. По мнѣнію Джона Стьюарта Милля (книга II, гл. XII, отд. II), дать такую гарантію безъ государственнаго регулированія браковъ и рожденій, значило бы создать состояніе всеобщей нищеты и нравственной порчи. «Послѣдствія этой мѣры», говоритъ онъ, «столь часто и столь ясно указывались болѣе или менѣе извѣстными авторами, что невѣдѣніе ихъ со стороны образованныхъ лицъ не можетъ болѣе считаться извинительнымъ». И однако въ Спартѣ, въ Перу, въ Парагваѣ, какъ и въ тѣхъ промышленныхъ обществахъ, которыя кажется почти повсюду составляли первобытную земледѣльческую организацію, повидимому, царило полное невѣдѣніе этихъ ужасныхъ послѣдствій естественнаго стремленія.

Кромѣ этихъ общихъ фактовъ, указанныхъ мною, существуютъ факты, стоящіе на виду у каждаго, которые кажутся совершенно несовмѣстимыми съ такого рода чрезмѣрнымъ стремленіемъ къ размноженію. Если бы стремленіе къ воспроизведенію было такъ сильно, какъ то предполагаетъ Мальтусова доктрина, то какъ могло бы быть, чтобы столь часто угасали фамиліи, и притомъ среди людей, которымъ нужда неизвѣстна? Какъ тогда

могло бы быть, чтобы въ то время. какъ путемъ наслѣдственныхъ титуловъ и наслѣдственныхъ владѣній обезпечивались всевозможныя преимущества не только за принципомъ размноженія, но и за сохраненіемъ генеологическихъ свѣдѣній и доказательствомъ родства,—среди такой аристократіи, какъ англійская, прекратилось столько пэрскихъ линій и палата лордовъ сохранялась изъ вѣка въ вѣкъ лишь благодаря новымъ возведеніямъ въ пэры.

За единственнымъ примѣромъ семейства, хотя бы и обезпеченнаго въ отношеніи средствъ существованія и почета, которое пережило бы сколько нибудь значительный періодъ времени, мы должны обратиться къ Китаю, не вѣдающему перемѣнъ. Тамъ еще существуютъ потомки Конфуція, которые пользуются особыми привилегіями и вниманіемъ, образуя, въ сущности, единственную наслѣдственную аристократію. При томъ предположеніи, что народонаселеніе стремится удваиваться каждыя двадцать пять лѣтъ, ихъ должно было бы быть, чрезъ 2150 лѣтъ, послѣ смерти Конфуція, 859,559,193,106,709,670,198,710,528 душъ. Вмѣсто какого либо такого невообразимаго числа, потомки Конфуція, чрезъ 2150 лѣтъ послѣ его смерти, въ царствованіе Канги, исчислялись 11.000 душъ мужского пола, то-есть всего 22000 душъ. Это не маленькая разница, и она является еще болѣе поразительной, если принять во вниманіе, что уваженіе, съ какимъ относились къ этому роду, ради его родоначальника, «самаго святого древняго учителя» предупреждало дѣйствіе положительной задержки, а правила Конфуція отнюдь не содѣйствуютъ предупредительной задержкѣ.

Но могутъ сказать, что и это увеличеніе значительно. Двадцать двѣ тысячи человѣкъ, происшедшихъ отъ одной пары въ теченіе 2150 лѣтъ,— это еще очень далеко до Мальтусовой нормы. Тѣмъ не менѣе, это все же можетъ внушить мысль о возможномъ переполненіи.

Но вникните. Умноженіе потомковъ еще не доказываетъ увеличенія въ народонаселеніи. Оно могло бы доказывать его лишь въ случаѣ совершенной изолированности семей. Смитъ и его жена имѣютъ сына и дочь, которые сочетаются бракомъ съ дочерью и сыномъ какихъ либо другихъ лицъ и имѣютъ по парѣ дѣтей. Смитъ и его жена такимъ образомъ стали бы имѣть четверыхъ внуковъ; но въ одномъ поколѣніи было бы не болѣе лицъ, чѣмъ въ другомъ, — каждый ребенокъ имѣлъ бы двухъ дѣдовъ и двухъ бабокъ. При томъ предположеніи, что этотъ процессъ продолжался бы, линія потомства должна бы была постоянно захватывать сотни, тысячи и милліоны лицъ; однако въ каждомъ поколѣніи потомковъ находилось бы не болѣе индивидуумовъ, чѣмъ въ какомъ либо предшествовавшемъ поколѣніи предковъ. Послѣдовательность поколѣній похожа на сѣть или на діагональныя нити въ ткани. Начавъ съ какой либо точки на одномъ концѣ, глазъ замѣчаетъ линіи, широко расходящіяся къ другому концу; но начавъ

съ какой либо точки этого другого конца, вы видите линіи, которыя точно также расходятся, приближаясь къ первому концу. Сколько дѣтей можетъ имѣть человѣкъ, это еще вопросъ. Но что онъ имѣлъ двоихъ родителей, это внѣ сомнѣнія, и что они опять имѣли двоихъ родителей каждый, это тоже внѣ сомнѣній. Прослѣдите эту геометрическую прогрессію за нѣсколько поколѣній, и вы увидите, что она ведетъ къ такимъ же «ужаснымъ послѣдствіямъ», какъ и Мальтусово заселеніе свѣта.

Но отъ такихъ то размышленій, перейдемъ къ болѣе опредѣленному изслѣдованію. Я утверждаю, что факты, обыкновенно приводимые въ примѣръ переполненія народонаселеніемъ, не выдерживаютъ критики. Самые крупные изъ этихъ фактовъ доставляютъ Индія, Китай и Ирландія. Въ каждой изъ этихъ странъ множество народу гибло отъ голода и многочисленныя группы населенія доходили до крайней бѣдности или были вынуждаемы эмигрировать. Но дѣйствительно ли зависѣло это отъ чрезмѣрнаго роста народонаселенія?

Сравнивая сумму народонаселенія съ величиной поверхности, мы видимъ, что Индія и Китай далеки отъ того, чтобы быть наиболѣе плотно населенными странами въ свѣтѣ. Согласно вычисленіямъ Бэма и Вагнера, народонаселеніе Индіи составляетъ лишь 132 человѣка на квадратную милю, народонаселеніе Китая 119, тогда какъ въ Саксоніи приходится 442 человѣка на квадратную милю; въ Бельгіи 441; въ Англіи 422; въ Голландіи 291, въ Италіи 234 и Японіи 233 *). Въ обѣихъ странахъ существуютъ значитъ обширныя пространства необрабатываемой или не вполнѣ обрабатываемой земли; но не можетъ быть сомнѣнія, что и въ своихъ наиболѣе плотно населенныхъ частяхъ обѣ эти страны могли бы поддерживать гораздо большее народонаселеніе и на гораздо болѣе высокой ступени благосостоянія, чѣмъ теперь, ибо въ обѣихъ этихъ странахъ трудъ прилагается къ производству самыми грубыми и наименѣе дѣйствительными способами, а великія естественныя богатства остаются въ полномъ пренебреженіи. И это зависитъ не отъ врожденной неспособности самого народа, ибо индусы, какъ показало сравнительное языкознаніе, одной съ нами крови, а Китай стоялъ уже на высокой ступени цивилизаціи и обладалъ зачатками наи-

---

*) Я беру эти цифры изъ «Smithsonian Report» за 1873 годъ, отбрасывая десятичныя дроби. Г. Г. Бэмъ и Вагнеръ опредѣляютъ народонаселеніе Китая цифрою 446.500.000, тогда какъ нѣкоторые авторы утверждаютъ, что оно не превышаетъ 150.000.000. Далѣе, они опредѣляютъ народонаселеніе Индостана въ 206.225.580, что даетъ 132,29 на квадратную милю; народонаселеніе Цейлона въ 2.405.287, или 97,36 на квадратную милю; Индокитая въ 21.018.062, или 27,94 на квадратную милю. Народонаселеніе всего свѣта они опредѣляютъ цифрою 1.377.000.000, въ среднемъ 26,64 на квадратную милю.

болѣе важныхъ новѣйшихъ изобрѣтеній въ то время, какъ наши предки бродили дикарями. А зависитъ это отъ той формы, которую приняла въ обѣихъ этихъ странахъ общественная организація, ибо форма эта сковывала производительныя силы и лишала трудолюбіе должной награды.

Въ Индіи съ незапамятныхъ временъ рабочіе классы были доведены поборами и притѣсненіями до положенія самаго безпомощнаго и безнадежнаго разоренія. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, земледѣлецъ считалъ себя счастливымъ, если изъ добытаго имъ сильная рука вымогателя оставляла ему достаточно для поддержанія жизни и для посѣва; нигдѣ нельзя было спокойно накапливать капитала или примѣнять его въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ къ цѣлямъ производства; все богатство, которое можно было выжать изъ народа, было во владѣніи князей, которые немногимъ были лучше разбойничьихъ атамановъ, завладѣвшихъ страной, или во владѣніи ихъ арендаторовъ, или любимцевъ, и расточалось на безполезную или на хуже чѣмъ безполезную роскошь, въ то время какъ религія, превратившись въ многосложную и страшную систему суевѣрія, также тиранически господствовала надъ умами, какъ физическая сила надъ тѣлами людей. При такихъ условіяхъ, если какія искусства и могли развиваться, такъ это только тѣ, которыя служили тщеславію или роскоши знати. Слоны раджи наряжены были въ золото утонченной работы, и зонтики, бывшіе символами его царственной власти, сіяли драгоцѣнными камнями; а плугъ райота представлялъ изъ себя лишь заостренную рогатину. Женщины въ гаремѣ раджи драппировались въ кисею столь тонкую, что ее называли тканнымъ вѣтромъ, а орудія ремесленника были самаго жалкаго и грубаго вида, и торговлю можно было вести только какъ бы украдкой.

Развѣ не ясно, что эта тираннія и необезпеченность производили нужду и голодъ въ Индіи; а не то, чтобы, согласно Боклю, стѣсненіе народонаселенія въ средствахъ къ жизни производило нужду, а нужда тираннію *). Вотъ что писалъ Вильямъ Теннентъ, священникъ, состоявшій на службѣ Остъ-Индской Компаніи, въ 1796 году, за два года до обнародованія «Опыта о народонаселеніи»:

«Когда подумаешь о великомъ плодородіи Индостана, то представляется удивительнымъ столь часто повторяющійся тамъ голодъ. Онъ очевидно происходитъ не отъ безплодія почвы или неблагопріятнаго климата; зло это должно быть отнесено на счетъ дѣйствія нѣкоторой политической причины,

*) «Исторія Цивилизаціи», томъ I, гл. II. Въ этой главѣ Бокль собралъ множество доказательствъ угнетенія и разоренія индійскаго народа съ самыхъ отдаленныхъ временъ, но такое положеніе дѣлъ Бокль, ослѣпленный мальтусовой доктриной, которую онъ признавалъ и которую сдѣлалъ краеугольнымъ камнемъ своей теоріи развитія цивилизаціи, приписываетъ легкости, съ какой можно добывать тамъ пропитаніе.

и требуется очень немного проницательности, чтобы открыть ее въ жадности и вымогательствахъ разнаго рода правительствъ. Великая союзница трудолюбія, обезпеченность, тамъ отсутствуетъ. Потому никто не сѣетъ болѣе хлѣба, чѣмъ сколько необходимо только для него самого, и первый неблагопріятный урожай производитъ голодъ.

«Монгольское правительство никогда не давало полнаго обезпеченія князю, того менѣе его вассаламъ; крестьянамъ оно оказывало покровительство самое жалкое изъ всѣхъ. Управленіе его было непрерывной цѣпью насилій и возмущеній, измѣнъ и наказаній, и при немъ не могли процвѣтать ни торговля, ни искусства, не могло и земледѣліе усвоить чего либо похожаго на систему. За его паденіемъ послѣдовало состояніе вещей еще болѣе жалкое, ибо анархія есть нѣчто худшее, чѣмъ дурное управленіе. Плохо было магометанское правительство; однако не европейскимъ націямъ принадлежитъ честь его ниспроверженія. Оно пало подъ тяжестью собственной испорченности, и мѣсто его тогда же заступила разнообразная тираннія мелкихъ князьковъ, которыхъ право на управленіе создавалось ихъ измѣной государству, и которыхъ вымогательства отъ крестьянъ были столь же безграничны, какъ ихъ жадность. Поземельные доходы правительства собирались, а гдѣ управляютъ туземцы, то и теперь еще собираются, дважды въ годъ немилосердными бандитами, образующими какъ бы армію, которые по собственному произволу уничтожаютъ или уносятъ столько изъ всего добытаго крестьяниномъ, сколько можетъ удовлетворить ихъ прихоть или насытить ихъ жадность, заставивъ предварительно несчастныхъ крестьянъ бѣжать изъ деревень въ лѣса. Всякая попытка крестьянъ защитить свою личность или собственность, заперевшись въ глинобитныхъ стѣнахъ своихъ деревень, наводитъ лишь на этихъ полезныхъ, но несчастныхъ смертныхъ, еще болѣе лютое мщеніе. На нихъ тогда нападаютъ съ ружьями и пушками, пока не прекратится сопротивленіе, а затѣмъ оставшихся въ живыхъ продаютъ, а ихъ жилища сжигаютъ и сравниваютъ съ землей. Поэтому вы часто встрѣчаете райотовъ, собирающихъ разбросанные остатки того, что вчера было ихъ жилищемъ, когда только страхъ позволитъ имъ возвратиться; но чаще, послѣ вторичнаго посѣщенія такого рода, остаются лишь тлѣющія развалины, и ни одно человѣческое существо не нарушаетъ ужасной тишины опустошенія. Такое описаніе примѣнимо не только къ магометанскимъ начальникамъ; но оно равно приложимо къ раджамъ въ округахъ, управляемыхъ индусами *).

За этимъ безпощаднымъ хищничествомъ, которое создало бы нужду и голодъ даже тамъ, гдѣ народонаселеніе состояло бы лишь изъ одного человѣка на квадратную милю, а земля была бы эдемскимъ садомъ, слѣдовало,

*) «Индійскія замѣтки», В. Теннента. Лондонъ 1804. т. I, § XXXIX.

въ первомъ періодѣ британскаго правленія въ Индіи, столь же безпощадное хищничество, опиравшееся на еще болѣе непреодолимую силу. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ времени Маколей, въ своемъ опытѣ о лордѣ Клейвѣ:

«Огромныя состоянія быстро накапливались въ Калькуттѣ, въ то время какъ милліоны человѣческихъ существъ доводились до самой крайней нищеты. Они привыкли жить подъ властію тирановъ, но такой тиранніи они еще не видали. Они находили маленькій палецъ компаніи болѣе сильнымъ, чѣмъ чресла Сурайи Даулы... Правительство это скорѣе походило на правительство злыхъ духовъ, чѣмъ тирановъ-людей. Иногда они сживались съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Иногда бѣгали отъ бѣлаго человѣка, какъ ихъ отцы обыкновенно бѣгали отъ Магараттовъ, и паланкинъ англійскаго путешественника часто слѣдовалъ безлюдными деревнями и городами, жители которыхъ бѣжали, лишь только заслышали о его приближеніи».

На ужасы, которыхъ едва касается тутъ Маколей, живое краснорѣчіе Бёрка бросаетъ бо[illegible] свѣтъ,—вы видите цѣлые округа, отданные на произволъ, на удовлетвореніе необузданной жадности самаго худшаго сорта людей; разоренныхъ крестьянъ, подвергаемыхъ дьявольскимъ мученьямъ съ цѣлью заставить ихъ выдать ихъ малое богатство, и нѣкогда людныя страны, превращенныя въ пустыни.

Беззаконной распущенности прежняго англійскаго управленія, однако, давно уже былъ положенъ конецъ. Всему огромному народонаселенію сильная рука Англіи дала болѣе, чѣмъ римскій миръ; всюду примѣнены были справедливые принципы англійскаго закона посредствомъ выработанной системы кодексовъ и назначены судебныя лица для того, чтобы обезпечить за самымъ малымъ изъ этихъ отверженныхъ людей права англо-саксонскаго свободнаго гражданина; весь полуостровъ былъ перерѣзанъ желѣзными дорогами, и были выполнены огромныя оросительныя работы. Однако все чаще и чаще голодъ слѣдовалъ за голодомъ, свирѣпствуя съ возрастающей силой и захватывая все болѣе и болѣе обширныя пространства.

Развѣ это не доказательство мальтусовой теоріи? Развѣ это не указываетъ на то, что, какъ бы ни увеличивалась легкость добыванія средствъ къ жизни, народонаселеніе все же будетъ стѣснено въ этихъ средствахъ? Развѣ это не показываетъ, какъ то утверждалъ Мальтусъ, что закрыть тѣ шлюзы, чрезъ которые уходитъ избытокъ народонаселенія, значитъ только заставить природу открыть какіе либо новые шлюзы, и если источники человѣческаго размноженія не будутъ сдержаны благоразумнымъ ограниченіемъ, то голодъ все же будетъ альтернативой войны? Это и считалось непогрѣшимымъ объясненіемъ. Но, какъ то видно изъ фактовъ, обнаружившихся при недавнемъ обсужденіи индійскихъ дѣлъ въ англійской печати, истина за-

ключается въ томъ, что голодные годы въ Индіи, которые уносили и теперь уносятъ цѣлые милліоны, зависятъ отъ стѣсненія народонаселенія въ естественныхъ предѣлахъ средствъ существованія не болѣе, чѣмъ зависѣло отъ него опустошеніе Карнатика, когда наѣздники Гейдеръ-Али налетѣли на него въ вихрѣ разрушенія.

Многомилліонное населеніе Индіи гнуло спину подъ игомъ множества завоевателей, но всего хуже пришлось ему отъ неумолимаго, всесокрушающаго бремени англійскаго владычества,—бремени, которое буквально отымаетъ жизнь у милліоновъ людей и, какъ то доказывалось англійскими писателями, неминуемо ведетъ къ самой ужасной и широко-захватывающей катастрофѣ. Другіе завоеватели жили въ этой странѣ, и какъ ни плохо и тираннично было ихъ направленіе, но они понимали народъ и народъ понималъ ихъ; тогда какъ Индія настоящаго времени похожа на огромное помѣстье, принадлежащее не живущему въ немъ иностранцу. Чрезвычайно дорогая военная и гражданская администрація поддерживается, управляется и укомплектовывается англичанами, которые смотрятъ на Индію только какъ на мѣсто временной ссылки; и огромная сумма денегъ, оцѣниваемая по меньшей мѣрѣ въ 20.000.000 ф. стерл. ежегодно (собираемая съ населенія, гдѣ работникъ во многихъ мѣстностяхъ бываетъ радъ въ хорошее время работать за $1^1/_2$—4 пенса въ день), уходитъ въ Англію въ видѣ переводныхъ векселей, пенсій, европейскихъ расходовъ правительства и т. п., составляя такимъ образомъ какъ бы дань, уплачиваемую ни за что ни про что. Огромныя деньги, ушедшія на постройку желѣзныхъ дорогъ, затрачены были, какъ то явствуетъ изъ доходности ихъ, экономически непроизводительно; огромныя оросительныя работы въ большинствѣ случаевъ оказались лишь дорогими, но неудачными затѣями. Во многихъ мѣстностяхъ Индіи англичане, увлеченные желаніемъ создать классъ земельныхъ собственниковъ, превратили землю въ абсолютную собственность наслѣдственныхъ сборщиковъ податей, которые жмутъ земледѣльцевъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ рента еще берется государствомъ въ видѣ земельнаго налога, оцѣнка настолько высока, и налоги собираются такъ неумолимо, что райоты, имѣющіе лишь самое скудное пропитаніе въ хорошіе годы, волей-неволей попадаютъ въ когти ростовщиковъ, которые, при случаѣ, бываютъ даже болѣе хищными, чѣмъ земиндары. Соль, предметъ первой необходимости повсюду, и особенно тамъ, гдѣ пища почти исключительно растительная, обложена налогомъ почти въ 1200 процентовъ, такъ что различныя промышленныя примѣненія ея почти невозможны, и огромныя массы народа не въ состояніи получать ея въ количествѣ, достаточномъ для поддержанія себя и своего скота въ здоровомъ состояніи. За англійскими чиновниками слѣдуетъ цѣлая орда туземныхъ исполнителей, дѣло которыхъ тѣснить и вымогать.

Англійскій законъ, съ его строгими правилами и, для туземца, таинственнымъ судопроизводствомъ, сдѣлался лишь могучимъ орудіемъ грабежа въ рукахъ мѣстныхъ ростовщиковъ, у которыхъ крестьяне принуждены занимать деньги на уплату податей на самыхъ чудовищныхъ условіяхъ, и которымъ они легко соглашаются давать обязательства, смысла которыхъ сами не понимаютъ. «Мы не заботимся объ индійскомъ народѣ», пишетъ Флоренція Найтингель, видимо съ глубокой грустью. «Самое жалкое существо, какое можно встрѣтить на востокѣ, да вѣроятно и на всемъ свѣтѣ, это крестьянинъ нашей Восточной имперіи». Затѣмъ она указываетъ, какъ на причины ужасныхъ голодныхъ годовъ, на налоги, которые лишаютъ земледѣльца самыхъ орудій производства, и на фактическое рабство, въ которое обращены райоты, являющееся какъ «слѣдствіе нашихъ собственныхъ законовъ», производящихъ «въ самой плодородной странѣ на свѣтѣ гнетущую, хроническую жизнь впроголодь во многихъ мѣстахъ, гдѣ то, что̀ называется голодомъ невозможно» *). «Голодные годы, опустошавшіе Индію», пишетъ Г. М. Гейндменъ **) оказываются по большей части финансовыми голодными годами. Мужчины и женщины не могутъ достать пищи потому, что они не могутъ сберечь денегъ, чтобы купить ея. Однако, какъ мы выражаемся, «мы поставлены въ необходимость еще болѣе облагать податями этихъ людей». И онъ показываетъ, какъ даже изъ голодающихъ мѣстностей хлѣбъ увозится на уплату налоговъ и какъ вся Индія вообще находится подъ дѣйствіемъ могучаго высасывающаго аппарата, который, комбинируясь съ огромными расходами правительства, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе истощаетъ народъ. Вывозъ Индіи состоитъ почти исключительно изъ земледѣльческихъ продуктовъ; по меньшей мѣрѣ за одну треть ихъ, какъ доказываетъ Гейндменъ, равнехонько ничего не получается въ возвратъ, и эта треть представляетъ изъ себя какъ бы дань,—деньги, идущія по переводамъ англичанъ

---

*) Г-жа Найтингель («Индійскій Народъ», въ Nineteenth Century за августъ, 1878) приводитъ примѣры, по ея словамъ, представляющіе собой милліоны случаевъ того состоянія рабства, въ которое обращены земледѣльцы Южной Индіи вслѣдствіе тѣхъ удобствъ, которыя представляютъ наши гражданскіе суды для обмановъ и притѣсненій со стороны ростовщиковъ и низшихъ туземныхъ должностныхъ лицъ. «Наши гражданскіе суды разсматриваются, какъ учрежденія, дающія возможность богатому гнать съ лица земли бѣдняка, и многіе принуждены бываютъ искать убѣжища отъ ихъ юрисдикціи въ предѣлахъ туземной территоріи», говоритъ Уэддербёрнъ въ статьѣ о покровительствуемыхъ князьяхъ въ Индіи, въ предшествующемъ (іюльскомъ) номерѣ того же журнала, при чемъ онъ останавливается также на одномъ изъ туземныхъ государствъ, гдѣ налоги сравнительно легки, какъ на примѣрѣ наиболѣе преуспѣвающаго народонаселенія въ Индіи.

**) См. статьи въ Nineteenth Century за октябрь 1878 и мартъ 1879.

въ Индіи, или расходы англійской вѣтви индійскаго правительства *). А за остальное, въ возвратъ, идутъ по большей части правительственные заказы или предметы комфорта или роскоши, потребные для англійскихъ властителей Индіи. Онъ доказываетъ, что расходы правительства въ огромной мѣрѣ возросли подъ императорскимъ управленіемъ, и что облагать безпощадно налогами населеніе столь плачевно-бѣдное, что массы народа живутъ на половину впроголодь, значитъ отымать у него тѣ скудныя средства, которыми онъ располагаетъ для обработки земли; что число воловъ (въ Индіи—упряжное животное) уменьшается, и жалкія орудія обработки переходятъ къ ростовщикамъ, у которыхъ «мы, дѣловые люди, заставляемъ земледѣльцевъ занимать изъ-за 12, 24, 60 процентовъ **) деньги для сооруженія и для уплаты процентовъ на капиталъ, затраченный на сооруженіе обширныхъ общественныхъ работъ, которыя никогда не приносили и пяти процентовъ». Далѣе Г. Гейндменъ утверждаетъ, что: «въ сущности, индійскій народъ въ его цѣломъ ужаснымъ образомъ обѣднѣлъ подъ нашимъ управленіемъ, и этотъ процессъ обѣднѣнія продолжается и теперь съ чрезвычайной быстротой», истина, въ которой не можетъ быть сомнѣнія въ виду фактовъ, представленныхъ не только такими авторами, какъ тѣ, на которыхъ я ссылался, но и самыми индійскими чиновниками. Самыя усилія, дѣлаемыя правительствомъ для облегченія голода, посредствомъ введенія увеличенныхъ налоговъ, лишь усиливаютъ и раздвигаютъ на большее пространство дѣйствіе его причины. Хотя во время послѣдняго голода въ Южной Индіи насчитывалось до шести милліоновъ человѣкъ, погибшихъ голодной смертью, и огромная масса оставшихся въ живыхъ были въ конецъ разорены, тѣмъ не менѣе налоги не были сокращены, а соляной налогъ, уже бывшій запретительнымъ для огромной массы разореннаго населенія, былъ увеличенъ на сорокъ процентовъ, подобно тому какъ послѣ ужаснаго бенгальскаго голода въ 1770 году налоги на дѣлѣ были увеличены, вслѣдствіе распредѣленія всей суммы податей между оставшимися въ живыхъ и вслѣдствіе строгаго ихъ взысканія.

Нужду и голодъ въ Индіи теперешняго времени, какъ и въ Индіи прежнихъ временъ, только самый поверхностный наблюдатель можетъ приписать тому обстоятельству, что народонаселеніе разрослось свыше способности

---

*) Проф. Фосеттъ, въ недавней статьѣ «О предполагаемыхъ займахъ Индіи», обращаетъ вниманіе на такіе расходы, какъ 1200 ф. стерл. на экипировку и дорогу члена генералъ-губернаторскаго совѣта; 2450 ф. стерл. на экипировку и дорогу калькуттскаго и бомбейскаго епископовъ.

**) Ф. Найтингель утверждаетъ, что сто процентовъ тамъ обычное явленіе, при чемъ даже въ этомъ случаѣ земледѣльца грабятъ на разные лады, чему она и приводитъ примѣры. Едва ли нужно говорить, что эти проценты, подобно процентамъ закладчиковъ, не представляютъ изъ себя процента въ экономическомъ значеніи этого слова.

земли доставлять пропитаніе. Имѣй возможность земледѣльцы сохранить капиталы, имѣй они возможность освободиться отъ того высасывающаго механизма, который, даже и не въ голодные годы, удерживаетъ ихъ на нормѣ продовольствія, которое не только ниже того, что считается необходимымъ для сипаевъ, но даже ниже того, что англійское гуманное чувство даетъ арестантамъ въ тюрьмахъ,—и ожившая промышленность, усвоивъ болѣе производительныя формы, безъ сомнѣнія, оказалась бы въ состояніи поддерживать гораздо большее народонаселеніе. Въ Индіи еще существуютъ обширныя пространства нераспаханной земли, огромныя минеральныя богатства, которыхъ еще не касалась человѣческая рука, и съ увѣренностью можно утверждать, что народонаселеніе Индіи не достигло, да въ историческія времена не достигало, дѣйствительнаго предѣла способности земли доставлять пропитаніе, или даже той точки, когда эта способность начинаетъ ослабѣвать съ увеличеніемъ предъявляемыхъ къ ней требованій. Дѣйствительной причиной нужды въ Индіи было и до сихъ поръ остается хищничество человѣка, а не скупость природы.

Это вѣрно относительно Индіи, вѣрно и относительно Китая. Какъ бы плотно ни была населена эта страна во многихъ своихъ частяхъ, однако множество фактовъ указываютъ на то, что крайняя бѣдность низшихъ классовъ должна быть приписана причинамъ, подобнымъ тѣмъ, которыя дѣйствовали въ Индіи, а не слишкомъ большому народонаселенію. Обезпеченности нѣтъ, производство ведется въ самой невыгодной обстановкѣ, а обмѣнъ крайне стѣсненъ. Тамъ, гдѣ управленіе выражается лишь въ систематическомъ притѣсненіи, а обезпеченность для капитала какого бы то ни было рода должна быть покупаема у мандарина, гдѣ человѣческія плечи являются самымъ надежнымъ средствомъ передвиженія товаровъ внутри страны, гдѣ джонки должны строиться такимъ образомъ, чтобы ими нельзя было воспользоваться для морского плаванія, гдѣ пиратство является обыкновеннымъ промысломъ, а разбойники часто маршируютъ полками, тамъ бѣдность будетъ господствующимъ явленіемъ, и за неурожаемъ будетъ слѣдовать голодъ, все равно какъ бы рѣдко не было народонаселеніе *). Что Китай способенъ поддерживать гораздо большее населеніе, доказывается не только огромнымъ пространствомъ необрабатываемой земли, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, но и обширными неразрабатываемыми минеральными богатствами, которыя, какъ извѣстно, тамъ существуютъ. Въ Китаѣ, напримѣръ, имѣются обширныя залежи превосходнаго каменнаго угля, самыя обширныя изъ всѣхъ, которыя до сихъ поръ гдѣ либо были открыты. А какъ сильно разработка этихъ угольныхъ залежей увеличила бы способность земли под-

*) Недавній голодъ въ Китаѣ захватывалъ отнюдь не самыя населенныя мѣстности.

держивать большее народонаселеніе, это совсѣмъ нетрудно себѣ представить. Уголь—не пища, это правда; но его добываніе равнозначно добыванію пищи. Ибо не только уголь можетъ быть обмѣниваемъ на пищу, какъ это дѣлается во всѣхъ горнопромышленныхъ округахъ, но и самая сила, развиваемая при его потребленіи, можетъ быть направлена на добываніе пищи, или можетъ дѣлать трудъ свободнымъ для добыванія пищи.

Слѣдовательно ни въ Индіи, ни въ Китаѣ, бѣдность и голодовки не могутъ быть относимы на счетъ стѣсненія народонаселенія въ средствахъ къ жизни. Не плотное народонаселеніе, а причины, препятствующія общественной организаціи принять ея естественныя формы и лишающія трудъ его полной награды, вотъ что̀ удерживаетъ тамъ многомилліонное населеніе на самой границѣ существованія, то и дѣло заставляя цѣлые милліоны людей переступать за эту границу. Что рабочій индусъ считаетъ себя счастливымъ, когда имѣетъ горсть рису, что китайцы ѣдятъ крысъ и щенятъ, зависитъ отъ стѣсненія народонаселенія въ предѣлахъ средствъ существованія не болѣе, чѣмъ зависитъ отъ такого стѣсненія тотъ фактъ, что нѣкоторыя индійскія племена только и живутъ, что кузнечиками, или что туземные обитатели Австраліи ѣдятъ червей, находимыхъ въ гнилыхъ деревьяхъ.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы меня правильно поняли. Я не хочу просто сказать, что при болѣе высокомъ развитіи цивилизаціи Индія и Китай могли бы содержать большее народонаселеніе, съ чѣмъ согласился бы и всякій послѣдователь Мальтуса. Мальтусова доктрина отнюдь не отрицаетъ того, что прогрессъ техники даетъ возможность находить для себя пропитаніе большему народонаселенію. Но мальтусова доктрина утверждаетъ,—и это ея сущность,—что, каковы бы ни были средства производства, а народонаселеніе, въ силу естественнаго роста, все же будетъ стремиться превзойти ихъ, и это его стремленіе будетъ порождать, пользуясь выраженіемъ Мальтуса, ту степень порока и нищеты, которая необходима для того, чтобы предупредить дальнѣйшій ростъ народонаселенія; такъ что, лишь только увеличивается производительная сила, какъ увеличивается соотвѣтственно и народонаселеніе, и въ короткое время въ результатѣ сказывается то же, что̀ было прежде. Я же утверждаю вотъ что: нигдѣ мы не встрѣчаемъ ни одного примѣра, который подтверждалъ бы эту теорію; нигдѣ нужда не можетъ быть по справедливости приписываема перевѣсу въ ростѣ народонаселенія надъ способностью добывать пропитаніе при существующей въ данномъ мѣстѣ степени человѣческихъ знаній: всюду порокъ и нищета, которые приписываютъ излишку народонаселенія, могутъ быть отнесены на счетъ дѣйствія войнъ, тиранніи и притѣсненій, которыя препятствуютъ пользоваться знаніемъ и создаютъ состояніе необезпеченности, гибельное для производства. Ту причину, въ силу которой естественный ростъ народонаселенія от-

нюдь не производитъ нужды, мы разсмотримъ потомъ. Теперь же мы желаемъ лишь отмѣтить тотъ фактъ, что до настоящаго времени ростъ этотъ нигдѣ еще не производилъ нужды. Этотъ фактъ очевиденъ относительно Индіи и Китая. И онъ, кромѣ того, будетъ очевиденъ всюду, гдѣ бы мы ни прослѣдили до ихъ причины тѣ результаты, которые при поверхностномъ взглядѣ часто принимаютъ за слѣдствія излишняго роста народонаселенія.

Ирландія, изъ всѣхъ европейскихъ странъ, всего чаще приводится въ примѣръ, когда идетъ рѣчь о чрезмѣрномъ народонаселеніи. На крайнюю бѣдность крестьянъ и низкій размѣръ господствующей тамъ заработной платы, на ирландскій голодъ и на ирландскую эмиграцію постоянно ссылаются, какъ на доказательство мальтусовой теоріи, стоящее передъ глазами всего цивилизованнаго міра. Не думаю, чтобы можно было представить болѣе поразительный примѣръ способности предвзятой теоріи ослѣплять людей относительно дѣйствительнаго отношенія между фактами. Ибо на самомъ дѣлѣ, и истина эта замѣтна съ перваго взгляда, Ирландія никогда еще не имѣла такого народонаселенія, котораго она благодаря своимъ естественнымъ богатствамъ не могла бы содержать въ полномъ благосостояніи при существующемъ состояніи техники. Въ періодъ своего наиболѣе плотнаго заселенія (1840—45 г.г.) Ирландія имѣла нѣсколько болѣе восьми милліоновъ жителей. Но наибольшая часть этого населенія, что называется, едва сводила концы съ концами,—люди жили въ жалкихъ хижинахъ, одѣвались въ нищенскіе лохмотья и питались почти исключительно картофелемъ. Когда появилась на картофелѣ болѣзнь, то они мёрли тысячами. Но развѣ неспособность земли содержать столь большое народонаселеніе принуждала огромное множество людей жить такой жалкой жизнью и подвергала ихъ голодной смерти при одномъ только неурожаѣ картофеля? Напротивъ того, все это дѣлало то же самое безпощадное хищничество, которое отнимало у индійскаго райота плоды его трудовъ и заставляло его умирать отъ голода тамъ, гдѣ природа давала всего въ изобиліи. Безжалостныя шайки сборщиковъ податей не ходили тамъ по землѣ, грабя и мучая, но работника такъ же основательно обирала безжалостная орда лэндлордовъ, между которыми раздѣлена была земля, какъ ихъ абсолютная собственность, безъ всякаго вниманія къ правамъ тѣхъ людей, которые жили на ней.

Вникните въ тѣ условія производства, при которыхъ вели свою жизнь эти восемь милліоновъ до появленія картофельной болѣзни. То было такое положеніе дѣлъ, что къ нему какъ разъ могутъ быть примѣнены слова Теннента, сказанныя имъ относительно Индіи:—«великая союзница трудолюбія, обезпеченность, тамъ отсутствовала». Обработка земли большею частію велась на короткій срокъ арендаторами, которые, если бы даже и дозволяла имъ чрезмѣрная вносимая ими по принужденію арендная плата, все же не

рѣшились бы вводить какія либо улучшенія, ибо это было бы лишь сигналомъ къ дальнѣйшему повышенію ренты. Такимъ образомъ трудъ прилагался самымъ недѣйствительнымъ и неразсчетливымъ образомъ, и въ нелѣпой праздности расточались тѣ силы, которыя неослабно примѣнялись бы къ дѣлу, будь хоть сколь нибудь обезпечены тамъ за трудящимся плоды его трудовъ. Но даже и при такихъ условіяхъ Ирландія въ дѣйствительности прокармливала болѣе восьми милліоновъ. Ибо даже въ то время, когда она имѣла наибольшее народонаселеніе, она была страной, вывозящей хлѣбъ. Даже въ голодный годъ тянулись къ гаванямъ воза съ хлѣбомъ, мясомъ, масломъ, сыромъ по дорогамъ, среди голодающихъ, возлѣ канавъ, въ которыя сваливали умершихъ. И за этотъ увозимый хлѣбъ или, по крайней мѣрѣ, за наибольшую часть его не было никакого вознагражденія. Поскольку это касается ирландскаго народа, было бы все равно, если бы хлѣбъ, увозимый такимъ образомъ, былъ сожженъ или брошенъ въ море, или если бы онъ вовсе не былъ произведенъ. Онъ шелъ не въ обмѣнъ, а шелъ въ уплату дани, шелъ для уплаты ренты лэндлордамъ чужеземцамъ, какъ поборъ, взятый съ производителей людьми, которые никоимъ образомъ не содѣйствовали производству.

Если бы этотъ хлѣбъ оставался у тѣхъ, которые выращивали его; если бы земледѣльцамъ позволялось сохранять у себя и пользоваться тѣмъ капиталомъ, который производился ихъ трудомъ; если бы обезпеченность содѣйствовала развитію трудолюбія и позволяла вводить экономическіе способы производства, то средствъ существованія было бы заглаза довольно, чтобы содержать въ полномъ благосостояніи самое большое народонаселеніе, какое когда либо имѣла Ирландія, а картофельная болѣзнь могла бы появляться и прекращаться, не лишая ни одного человѣческаго существа сытнаго обѣда. Ибо отнюдь не неблагоразуміе «ирландскихъ крестьянъ», какъ холодно заявляютъ англійскіе экономисты, побуждало ихъ дѣлать картофель своей главной пищей. Ирландскіе эмигранты, когда они могутъ имѣть и другую пищу, не питаются исключительно картофелемъ, и въ Соединенныхъ Штатахъ среди ирландцевъ всюду замѣчается та благоразумная черта, что они стараются приберечь что-нибудь и на черный день. Но они жили на картофелѣ потому, что безобразная рента отымала у нихъ все прочее. И съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что бѣдность и нищета Ирландіи никогда по справедливости не могли быть приписываемы излишку народонаселенія.

Мэкъ-Кёллокъ въ 1838 г. такъ выражался въ Примѣчаніи IV къ «Богатству Народовъ»:

«Удивительная плотность народонаселенія въ Ирландіи есть непосредственная причина ужасной бѣдности и угнетеннаго положенія большей части народа. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что теперь въ Ирландіи слишкомъ вдвое больше народа, чѣмъ сколько, при существующихъ производитель-

ныхъ средствахъ, можетъ имѣть тамъ постоянное занятіе или жить въ умѣренной степени благосостоянія».

Такъ какъ въ 1841 году народонаселеніе Ирландіи опредѣлялось въ 8.175.124 человѣка, то въ 1838 году мы можемъ принять его приблизительно равнымъ восьми милліонамъ. Такимъ образомъ, преобразуя Мэкъ-Кёллоково отрицательное положеніе въ утвердительное, мы должны допустить, согласно теоріи излишка народонаселенія, что Ирландія была бы въ состояніи давать занятіе и умѣренную степень благосостоянія безъ малаго четыремъ милліонамъ человѣкъ. А въ началѣ прошлаго столѣтія, когда Свифтъ писалъ свое «Скромное предложеніе», народонаселеніе Ирландіи составляло около двухъ милліоновъ. Такъ какъ ни средства, ни способы производства въ Ирландіи не подвинулись чувствительно впередъ за этотъ промежутокъ времени, то, приписывая ужасную бѣдность и угнетенное положеніе ирландскаго народа въ 1838 году излишку народонаселенія, мы должны бы были признать, на основаніи допущенія Мэкъ-Кёллока, что въ Ирландіи въ 1727 году могли имѣть болѣе, чѣмъ постоянное занятіе, и значительно болѣе, чѣмъ умѣренную степень благосостоянія всѣ два милліона человѣкъ. Однако этого не было, а ужасная бѣдность и угнетенное положеніе ирландскаго народа въ 1727 году были таковы, что Свифтъ съ жгучей, ѣдкой ироніей предлагалъ избавиться отъ излишка народонаселенія, развивая вкусъ къ жаренымъ младенцамъ и доставляя ежегодно на мясной рынокъ, въ качествѣ лакомой пищи для богачей, по сотнѣ тысячъ ирландскихъ дѣтей.

Для человѣка, который просматривалъ литературу ирландской нищеты, какъ это пришлось сдѣлать мнѣ, когда я писалъ эту главу, трудно говорить въ приличныхъ терминахъ о томъ успокоительномъ пріемѣ приписывать ирландскую нужду и несчастія излишку народонаселенія, который встрѣчается даже въ трудахъ такихъ благородныхъ людей, какъ Милль или Бокль. Я не знаю ничего, что̀ могло бы въ большей мѣрѣ волновать кровь, какъ холодное повѣствованіе о необузданной, всеподавляющей тиранніи, въ рукахъ которой находился ирландскій народъ, и именно ей, а совсѣмъ не неспособности земли содержать свое народонаселеніе,—должны быть приписаны ирландскій пауперизмъ и ирландскій голодъ; и если бы все дѣло не обусловливалось тѣмъ разслабляющимъ вліяніемъ, которое, какъ это доказываетъ міровая исторія, повсюду является результатомъ крайней бѣдности, такъ трудно бы было подавить въ себѣ нѣчто въ родѣ презрѣнія къ народу, который, будучи угнетаемъ такими несправедливостями, ограничивался лишь единичными случаями протеста.

Былъ ли гдѣ излишекъ народонаселенія причиною пауперизма и голода, это остается открытымъ вопросомъ; но пауперизмъ и голодъ въ Ирландіи можно приписывать излишку народонаселенія не съ бо̀льшимъ правомъ, съ

какимъ можно приписывать торговлю невольниками излишку народонаселенія въ Африкѣ, или разрушеніе Іерусалима—несоотвѣтствію между средствами существованія и способностью къ воспроизведенію. Если бы Ирландія по своей природѣ была рощей изъ банановъ и хлѣбныхъ деревьевъ, если бы ея берега были окаймлены чинчасскими залежами гуано, а тропическое солнце вызывало кипучую жизнь на ея сырой почвѣ, то все же господствовавшія тамъ общественныя условія производили бы бѣдность и голодъ. Да и какъ могло не быть нищеты и голода тамъ, гдѣ безобразная арендная плата отнимала у земледѣльца все, что создавалъ его трудъ, за исключеніемъ того, что было безусловно необходимо ему, чтобы не умереть съ голода въ урожайные годы; гдѣ отсутствіе прочной аренды не допускало улучшеній и дѣлало возможной лишь хищническую и грубую систему земледѣлія; гдѣ арендаторъ не рѣшался на накопленіе капитала, даже если бы это и было возможно для него, изъ-за страха, что землевладѣлецъ вытребуетъ его у него въ видѣ ренты; гдѣ арендаторъ, въ сущности, представлялъ изъ себя презрѣннаго раба, котораго, по одному мановенію другого ему подобнаго человѣческаго существа, можно было во всякое время выгнать изъ его жалкой землянки и превратить въ бездомнаго, безпріютнаго бродягу, который не смѣлъ бы даже собирать лѣсныхъ плодовъ и ягодъ или ловить въ западню зайцевъ для того, чтобы насытить свой голодъ? Все равно какъ бы ни было рѣдко народонаселеніе, все равно, какъ бы ни были велики естественныя богатства, развѣ не будутъ нищета и голодъ обычными явленіями въ странѣ, гдѣ производители богатства принуждены работать при условіяхъ, которыя отнимаютъ у нихъ надежду, самоуваженіе, энергію и обезпеченность, гдѣ лэндлорды-чужеземцы уносятъ къ себѣ безъ возврата по меньшей мѣрѣ четвертую часть всего, что даетъ земля, гдѣ и, помимо того, едва влачащая свое существованіе промышленность должна содержать еще туземныхъ лэндлордовъ, съ ихъ лошадьми и псарнями, съ ихъ агентами, коммиссіонерами, посредниками и управляющими, государственную церковь, которая остается чуждой для народа и которая гордо попираетъ его религіозные предразсудки, цѣлую армію полицейскихъ и солдатъ, которыхъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать и подавлять всякое сопротивленіе господствующей несправедливой системѣ? Развѣ это не нечестіе, гораздо худшее атеизма, относить на счетъ дѣйствія естественныхъ законовъ нищету, причиняемую такимъ образомъ?

Что вѣрно относительно этихъ трехъ случаевъ окажется по изслѣдованіи вѣрнымъ и относительно всѣхъ случаевъ. На основаніи имѣющихся на лицо фактовъ, мы можемъ смѣло отвергать, чтобы народонаселеніе когда либо, вслѣдствіе своего роста, было настолько стѣснено въ средствахъ къ жизни, что должны бы были явиться порокъ и нищета; чтобы увеличеніе

народонаселенія уменьшало когда либо относительное производство пищи. Случаи голода въ Индіи, Китаѣ и Ирландіи можно относить на счетъ избытка народонаселенія не съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ и случаи голода въ мало заселенной Бразиліи. Порокъ и грязь, которые суть слѣдствія нужды, приписывать скупости природы можно не съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ приписывать ей гибель шести милліоновъ человѣкъ, отъ меча Чингизъ Хана, тамерлановскую пирамиду изъ череповъ или исчезновеніе древнихъ бриттовъ, и первобытнаго населенія Вестъ-Индіи.

ГЛАВА III.

Выводы изъ аналогій.

Если мы отъ разсмотрѣнія фактовъ, яко-бы подтверждающихъ мальтусову теорію, обратимся къ тѣмъ аналогіямъ, на которыя она опирается, то мы и въ нихъ не найдемъ ничего убѣдительнаго.

Энергія воспроизводительной силы въ животномъ и растительномъ царствахъ,—такіе факты, какъ тотъ, что одна пара лососей, будь она избавлена отъ естественныхъ враговъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ заполнила бы океанъ; что пара кроликовъ, при тѣхъ же условіяхъ, скоро заселила бы сушу; что многія растенія даютъ по сотнѣ сѣмянъ, а нѣкоторыя насѣкомыя кладутъ цѣлыя тысячи яицъ; и что повсюду въ этихъ царствахъ каждый видъ постоянно стремится превзойти и, если не ограничивается массою враговъ, то, очевидно, превосходитъ предѣлы средствъ къ жизни,—все это постоянно приводилось, начиная съ Мальтуса и кончая современными учебниками, какъ доказательство того, что народонаселеніе тоже стремится превзойти средства къ жизни и что естественный ростъ народонаселенія, не будучи ограничиваемъ другими средствами, долженъ необходимо вести къ такой низкой заработной платѣ и такой нуждѣ или (если и этого оказывается недостаточно и ростъ продолжается), къ такому значительному проявленію голода, что ростъ этотъ будетъ удержанъ въ предѣлахъ средствъ существованія.

Но основательная ли эта аналогія? Вѣдь человѣкъ получаетъ свою пищу отъ растительнаго и животнаго царства, и слѣдовательно бо́льшая энергія производительной силы среди растительнаго и животнаго царствъ, чѣмъ среди людей, просто доказываетъ способность средствъ къ жизни расти быстрѣе, чѣмъ растетъ народонаселеніе. Развѣ фактъ, что все, доставляющее человѣку средства къ жизни, имѣетъ способность къ быстрому раз-

множенію, воспроизводя то многія тысячи, то многіе милліоны и даже билліоны себѣ подобныхъ въ то время, какъ люди лишь удваиваются въ числѣ, развѣ этотъ фактъ не доказываетъ того, что, будь человѣческимъ существамъ предоставлено размножаться со всею силою ихъ воспроизводительной способности, такъ ростъ народонаселенія никогда не могъ бы превзойти средствъ существованія? Это станетъ яснымъ, если вспомнить, что хотя въ растительномъ и животномъ царствахъ каждый видъ, въ силу своей воспроизводительной способности, естественно и необходимо наталкивается на условія, которыя ограничиваютъ его дальнѣйшій ростъ, но все же эти условія нигдѣ не представляютъ изъ себя чего либо неподвижнаго и окончательнаго. Ни одинъ видъ не достигаетъ конечнаго предѣла почвы, воды, воздуха или солнечнаго свѣта; но дѣйствительный предѣлъ размноженія каждаго вида обусловливается существованіемъ другихъ видовъ, его соперниковъ, его враговъ, или его пищи. А вліяніе условій, которыя ограничиваютъ существованіе видовъ, доставляющихъ человѣку средства къ жизни, человѣкъ можетъ сдерживать (въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже одно появленіе его сдерживаетъ ихъ вліяніе), и такимъ образомъ воспроизводительныя способности тѣхъ видовъ, которые удовлетворяютъ его потребности, вмѣсто того, чтобы разбиваться о стоявшій ранѣе предѣлъ, могутъ устремляться впередъ, служа человѣку съ такой силой, съ какой не могутъ тягаться его воспроизводительныя способности. Онъ только стрѣляетъ ястребовъ, и уже появляется болѣе дичи; онъ только ловитъ лисицъ, и ужъ множатся кролики; шмель подвигается за піонеромъ, а органическими веществами, которыми человѣкъ наполняетъ рѣки, кормится рыба.

Даже если исключить всякое соображеніе о конечныхъ цѣляхъ, даже если не допускать и мысли о томъ, что могущественная и непрерывная производительная сила въ растеніяхъ и животныхъ установлена была съ цѣлью сдѣлать ихъ способными для служенія на пользу человѣка, и что крайнее стѣсненіе болѣе низкихъ формъ жизни въ средствахъ существованія не можетъ еще, слѣдовательно, быть принимаемо за доказательство того, что въ такомъ же стѣсненіи долженъ находиться и человѣкъ, «вершина и вѣнецъ всего существующаго», то все же остается еще нѣкоторое различіе между человѣкомъ и всѣми прочими живыми существами, которое дѣлаетъ невозможной аналогію. Изъ всего живущаго, человѣкъ есть единственное существо, могущее содѣйствовать развитію тѣхъ самыхъ воспроизводительныхъ силъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ его собственная, которыя доставляютъ ему пищу. Звѣри, насѣкомыя, птицы и рыбы берутъ только то, что они находятъ. Ихъ размноженіе совершается на счетъ ихъ пищи, и разъ они достигли существующихъ границъ продовольствія, ихъ пища должна умножиться, прежде чѣмъ они получатъ возможность увеличиваться въ числѣ. Но въ отличіе

отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ, размноженіе человѣка въ самомъ себѣ уже заключаетъ умноженіе его пищи. Если бы вмѣсто людей переселялись изъ Европы на сѣверо-американскій континентъ медвѣди, то теперь тамъ было бы ихъ не болѣе, чѣмъ во времена Колумба, а возможно, что и менѣе, ибо и пища медвѣжья не увеличивалась бы, и условія медвѣжьей жизни не улучшались бы, вслѣдствіе иммиграціи медвѣдей, а имѣло бы мѣсто, вѣроятно, обратное. Однако въ предѣлахъ однихъ только Соединенныхъ Штатовъ живетъ теперь сорокъ пять милліоновъ человѣкъ, гдѣ въ то время было только нѣсколько сотъ тысячъ, и тѣмъ не менѣе теперь въ предѣлахъ этой территоріи приходится на каждаго изъ сорока пяти милліоновъ человѣкъ гораздо болѣе пищи, чѣмъ сколько въ то время приходилось на каждаго изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Не умноженіе пищи вызвало размноженіе людей, но размноженіе людей повело къ умноженію пищи. Стало больше пищи просто потому, что стало больше людей.

Вотъ разница между животными и человѣкомъ. И коршунъ и человѣкъ ѣдятъ цыплятъ, но чѣмъ больше является коршуновъ, тѣмъ меньше бываетъ цыплятъ, тогда какъ чѣмъ больше является людей, тѣмъ больше бываетъ цыплятъ. И тюлень и человѣкъ ѣдятъ лососей, но когда тюлень хватаетъ лосося, становится однимъ лососемъ меньше, и когда размноженіе тюленей переходитъ на извѣстный предѣлъ, число лососей уменьшается; тогда какъ, помѣщая малявокъ лосося въ благопріятныя условія, человѣкъ можетъ увеличивать число лососей въ большей мѣрѣ, чѣмъ сколько требуется для пополненія всего того, что онъ можетъ взять, и такимъ образомъ, все равно въ какой бы мѣрѣ ни размножались люди, ихъ размноженіе никогда не должно превзойти запаса лососей.

Короче говоря, въ то время какъ повсюду въ растительномъ и животномъ царствахъ предѣлъ средствъ существованія независимъ отъ тѣхъ существъ, которыя ими пользуются, для человѣка предѣлъ средствъ существованія, если только исключить конечный предѣлъ земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, находится въ зависимости отъ самого человѣка. И потому, та аналогія, которую стараются проводить между низшими формами жизни и человѣкомъ, является очевидно несостоятельной. Въ то время какъ растенія и животныя ограничены предѣлами ихъ средствъ существованія, человѣкъ не можетъ быть ограниченъ предѣлами его средствъ существованія до тѣхъ поръ, пока не будутъ достигнуты предѣлы самого земного шара. Замѣтьте, что это вѣрно не только относительно цѣлаго, но и относительно всѣхъ частей. Какъ уровень воды въ какомъ либо малѣйшемъ заливѣ или гавани опредѣляется не только уровнемъ океана, съ которымъ они сообщаются, но и уровнемъ всѣхъ морей и океановъ въ мірѣ, такъ и предѣлъ средствъ существованія въ какомъ либо отдѣльномъ мѣстѣ опредѣляется не

только физическимъ предѣломъ этого мѣста, но и физическимъ предѣломъ всего земного шара. Пятьдесятъ квадратныхъ миль земли могутъ, при теперешнемъ состоянiи техники, доставлять средства къ жизни только лишь нѣсколькимъ тысячамъ народа, но на пятидесяти квадратныхъ миляхъ, которыя занимаетъ городъ Лондонъ, содержится три съ половиною миллiона народа, и средства къ его существованiю увеличиваются по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ народонаселенiе. Поскольку касается предѣла средствъ къ жизни, Лондонъ можетъ расти до такой степени, что народонаселенiе его достигнетъ ста миллiоновъ или пятисотъ миллiоновъ, или тысячи миллiоновъ, ибо онъ получаетъ средства существованiя со всего земного шара, и предѣлъ, который средства къ жизни ставятъ росту лондонскаго народонаселенiя, есть предѣлъ способности земного шара доставлять пропитанiе для своихъ жителей.

Здѣсь мы встрѣчаемся, однако, съ другою идеею, отъ которой мальтусова теорiя получаетъ самую сильную поддержку,—идеею уменьшающейся производительности земли. Какъ окончательное доказательство закона уменьшающейся производительности, въ общераспространенныхъ трактатахъ приводится то соображенiе, что если бы, переходя извѣстный предѣлъ, земля не давала все менѣе и менѣе богатства на добавочныя приложенiя труда и капитала, то и ростъ народонаселенiя не причинялъ бы никакого расширенiя площади посѣва, и все увеличенiе въ спросѣ могло бы покрываться и покрывалось бы безъ всякаго занятiя подъ земледѣлiе новыхъ земель. Въ признанiи этого положенiя, повидимому, необходимо заключается и признанiе той доктрины, будто трудность добыванiя средствъ къ жизни должна возрастать съ возрастанiемъ народонаселенiя.

Но я думаю, что необходимость такого признанiя только лишь кажущаяся. Стоитъ только подвергнуть это предложенiе анализу, чтобы замѣтить его принадлежность къ разряду тѣхъ истинъ, которыя сохраняютъ свою силу, лишь при извѣстномъ, заключающемся въ нихъ или подразумѣваемомъ ими ограниченiи,—представляетъ изъ себя истину относительную, которая, будучи взята въ абсолютномъ смыслѣ, перестаетъ быть истиной. Ибо, что человѣкъ не можетъ исчерпать или уменьшить силъ природы, слѣдуетъ уже изъ законовъ неуничтожаемости вещества и сохраненiя энергiи. Производство и потребленiе суть лишь относительные термины. Абсолютно говоря, человѣкъ ничего не создаетъ, ничего не потребляетъ. Весь человѣческiй родъ, работай онъ до безконечности, не могъ бы сдѣлать нашего вертящагося шара ни на одинъ атомъ тяжеле, ни на одинъ атомъ легче, не могъ бы ни увеличить, ни уменьшить ни на iоту суммы тѣхъ силъ, которыхъ непрерывное превращенiе производитъ все движенiе и поддерживаетъ всю жизнь. Какъ вода, которую мы беремъ изъ океана, должна снова вернуться

въ океанъ, такъ и та пища, которую мы беремъ изъ хранилищъ природы, уже съ того самаго момента, какъ мы беремъ ее, находится на пути къ этимъ хранилищамъ. То, что мы беремъ съ ограниченнаго пространства земли, можетъ временно уменьшить производительность этой земли, потому что возвращено оно можетъ быть на другую землю, можетъ быть раздѣлено между этой и какой либо другой землей или, между всею землею; однако эта возможность дефицита уменьшается по мѣрѣ того, какъ принимаютъ въ разсчетъ все большую и большую площадь, и совершенно пропадаетъ, когда берется въ разсмотрѣніе весь земной шаръ. Что земля могла бы содержать тысячу билліоновъ народа такъ же легко, какъ и тысячу милліоновъ, есть необходимый выводъ изъ тѣхъ очевидныхъ истинъ, что, по крайней мѣрѣ, насколько это можетъ касаться нашего житья-бытья, матерія вѣчна и сила должна безъ конца продолжать свое дѣйствіе. Жизнь не можетъ растратить тѣхъ силъ, которыя поддерживаютъ жизнь. Мы вступаемъ въ матеріальный міръ, ничего не принося съ собою; мы ничего не беремъ съ собою, и оставляя его. Человѣческое существованіе, разсматриваемое съ физической точки зрѣнія, есть лишь переходящая форма матеріи, измѣняющійся родъ движенія. Матерія остается и сила продолжаетъ дѣйствіе. Ничто не уменьшается, ничто не ослабѣваетъ. А изъ этого слѣдуетъ, что предѣломъ народонаселенія земного шара можетъ быть лишь предѣлъ пространства.

А эта граница пространства,—и съ ней та опасность, что человѣческій родъ, размножаясь, можетъ зайти такъ далеко, что негдѣ будетъ ни встать, ни сѣсть,—такъ далека отъ насъ, что имѣетъ для насъ не болѣе практическаго интереса, чѣмъ возвращеніе ледяного періода или конечное угасаніе солнца. Но какъ ни далека, какъ ни призрачна эта возможность, тѣмъ не менѣе именно эта возможность и придаетъ мальтусовой теоріи кажущійся характеръ очевидности. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, и эта опора пропадаетъ, ибо она тоже построена на ложной аналогіи. Что растительная и животная жизнь стремятся достигнуть предѣловъ пространства, отнюдь не доказываетъ того же стремленія въ человѣческой жизни.

Допустимъ, что человѣкъ есть лишь болѣе высоко развитое животное; что хвостатая обезьяна есть его дальній родственникъ, который постепенно развилъ въ себѣ акробатическія наклонности, а китъ еще болѣе отдаленный родственникъ, который въ первичные періоды развитія жизни приспособился къ морю; допустимъ, что послѣ нихъ человѣкъ родня растеніямъ и остается подчиненнымъ и теперь тѣмъ же самымъ законамъ, какъ растенія, рыбы, птицы и четвероногія. Однако все же между человѣкомъ и всѣми прочими животными останется та разница, что человѣкъ является единственнымъ животнымъ, котораго желанія растутъ по мѣрѣ того, какъ они удовлетворяются; единственнымъ животнымъ, которое никогда не бываетъ

удовлетворено. Потребности всякаго другого живого существа однообразны и постоянны. Волъ въ наше время желаетъ не болѣе того, чего желалъ волъ въ то время, когда человѣкъ впервые надѣлъ на него ярмо. Чайка въ Ламаншѣ, которая носится надъ быстрымъ пароходомъ, желаетъ не лучшей пищи и не лучшаго помѣщенія, чѣмъ чайки, которыя вились кругомъ судовъ Цезаря, когда эти суда впервые коснулись своимъ килемъ Британскаго берега. Какъ-бы ни было изобильно то, что предлагаетъ природа; всѣ живыя существа, кромѣ человѣка, могутъ брать лишь столько, сколько требуется для удовлетворенія ихъ нуждъ, нуждъ опредѣленныхъ и постоянныхъ. Единственное употребленіе, которое они могутъ сдѣлать изъ этого изобилія, предлагаемаго природой, сводится къ ускоренію размноженія.

Въ другомъ положеніи находится человѣкъ. Не успѣютъ еще удовлетвориться его животныя потребности, какъ уже возникаютъ новыя. Сначала онъ ищетъ пищи, какъ и животныя; затѣмъ крова, какъ и животныя; разъ это имѣется, въ немъ начинаютъ говорить его воспроизводительные инстинкты, какъ то бываетъ и съ животными. Но здѣсь человѣкъ и животное разстаются. Животное ни въ какомъ случаѣ не идетъ далѣе; а человѣкъ при этомъ только лишь вступаетъ на тотъ безконечный путь, на который никогда не выходитъ животное, путь слишкомъ далекій и слишкомъ высокій для животнаго.

Чуть только удовлетворяются требованія человѣка въ количественномъ отношеніи, какъ онъ ищетъ уже качества. Тѣ самыя желанія, которыя общи для него и животныхъ, становятся болѣе развитыми, утонченными, возвышенными. Въ пищѣ онъ ищетъ удовлетворенія уже не просто голода, но вкуса; въ одеждѣ онъ ищетъ уже не просто удобства, но и украшенія; грубый шалашъ замѣняется домомъ; безразличное половое влеченіе начинаетъ превращаться въ нѣжныя чувства, и на грубой и простой основѣ его животной жизни начинаютъ развиваться наивысшія проявленія красоты. По мѣрѣ того какъ увеличивается его способность удовлетворять желаніямъ, растутъ и его желанія. При болѣе низменномъ уровнѣ желаній, Лукуллъ хочетъ ужинать съ Лукулломъ; чтобы приготовить для Антонія вкусный кусокъ мяса, жарятъ на вертелѣ дюжину свиныхъ тушъ; всѣ царства природы обшариваются для того, чтобы увеличить прелести Клеопатры, и являются мраморныя колоннады, висячіе сады и пирамиды, могущія поспорить величиной съ горами. Затѣмъ являются болѣе высокія формы желанія, и то, что дремало въ растеніи и едва шевелилось въ животномъ, пробуждается въ человѣкѣ. Открываются его духовныя очи, и въ немъ является страстное желаніе знать. Онъ презираетъ палящій зной пустыни и ледяные вѣтры полярныхъ морей, но не ради пищи; онъ бодрствуетъ цѣлыя ночи и только лишь ради того, чтобы прослѣдить обращеніе вѣчныхъ звѣздъ. Онъ дѣлаетъ усиліе за уси-

ліемъ, чтобы насытить голодъ, котораго не чувствовало ни одно животное, чтобы утолить жажду, которой не вѣдаютъ другія существа.

Наружу—къ природѣ, внутрь—въ самаго человѣка, назадъ, чрезъ туманъ, застилающій прошлое, впередъ, чрезъ ту тьму, которая скрываетъ будущее, направляется то неугомонное желаніе, которое возникаетъ, лишь только удовлетворенныя животныя потребности смолкаютъ. За явленіями, человѣкъ ищетъ ихъ закона; онъ желаетъ знать, какъ созданъ былъ земной шаръ, какъ поставлены были звѣзды; онъ хочетъ прослѣдить до ихъ источника различныя проявленія жизни. А затѣмъ, по мѣрѣ того какъ въ человѣкѣ развиваются болѣе благородныя стороны его природы, зарождается въ немъ желаніе еще болѣе высокаго типа,—зарождается страсть страстей, надежда надеждъ,—желаніе такъ или иначе содѣйствовать съ своей стороны тому, чтобы сдѣлать жизнь лучше и свѣтлѣй, чтобы уничтожить нужду и порокъ, горе и позоръ. Онъ подчиняетъ и обуздываетъ въ себѣ животное; онъ отклоняется отъ пиршества и отказывается отъ власти; онъ предоставляетъ другимъ накапливать богатство, наслаждаться чувственными удовольствіями и проводитъ короткій день, грѣясь на солнышкѣ. Онъ работаетъ ради тѣхъ, кого никогда не видалъ и никогда не можетъ видѣть; ради славы, а можетъ быть только ради приближенія къ сколь нибудь справедливому строю жизни, который можетъ наступить лишь спустя долгое время послѣ того, какъ комья земли загремятъ о крышку его гроба. Онъ работаетъ впереди, среди холода, встрѣчая мало привѣтливыхъ взглядовъ отъ людей; по острымъ камнямъ и чрезъ густой терновникъ подвигается онъ впередъ. Среди обидъ современниковъ и ихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, онъ строитъ для будущаго; онъ прокладываетъ тропинку, которую прогрессивное человѣчество можетъ впослѣдствіи обратить въ большую дорогу. А тамъ въ еще болѣе высокія и величественныя сферы возносятъ и зовутъ его желанія, и звѣзда, восходящая на востокѣ, руководитъ уже имъ. И вотъ, въ человѣкѣ являются стремленія Бога,—онъ хочетъ уже управлять теченіемъ міровой жизни.

Развѣ эта пропасть не слишкомъ широка для того, чтобы чрезъ нее могла переступить аналогія? Дайте болѣе пищи, предоставьте болѣе жизненныхъ удобствъ, и растеніе или животное будетъ лишь размножаться. Человѣкъ же будетъ развиваться. Въ первомъ случаѣ творческая сила будетъ лишь вызывать жизнь въ новыхъ особяхъ, во второмъ—она будетъ развивать жизнь, создавая болѣе высокія формы ея и вызывая болѣе разностороннія проявленія духа. Человѣкъ есть животное; но онъ есть животное плюсъ еще кое-что. Онъ есть то миѳическое дерево, котораго корни находятся въ землѣ, но котораго верхнія вѣтви могутъ цвѣсти въ небесахъ!

Такимъ образомъ, то разсужденіе, на которое опирается теорія, будто

народонаселеніе стремится выйти изъ предѣловъ средствъ существованія, съ какой бы точки зрѣнія мы его ни разсматривали, оказывается совершенно бездоказательнымъ, логически несостоятельнымъ. Факты его не оправдываютъ, а аналогіи отнюдь не говорятъ въ его пользу. Оно является такой же химерой, какъ тѣ химеры, которыя въ теченіе долгаго времени удерживали людей отъ признанія шарообразности и движенія земли. Это такая же точно теорія, какъ и та, согласно которой подъ нами, съ другой стороны земли, всякій предметъ, не прикрѣпленный къ землѣ, долженъ отъ нея отвалиться; какъ та теорія, будто мячъ, пущенный съ мачты движущагося корабля, долженъ упасть позади этой мачты; какъ та теорія, будто живая рыба, помѣщенная въ сосудъ, наполненный до краевъ водою, нисколько не вытѣснитъ воды. Теорія эта столь же неосновательна, если не столь же смѣшна, какъ то предположеніе, которое могъ сдѣлать Адамъ, будь у него наклонность къ ариѳметикѣ и вздумай онъ высчитать ростъ своего перваго ребенка по тѣмъ даннымъ, которыя представляли бы первые мѣсяцы его жизни. Изъ того факта, что при рожденіи его ребенокъ вѣсилъ десять фунтовъ, а черезъ восемь мѣсяцевъ сталъ вѣсить двадцать, онъ могъ бы,—при тѣхъ ариѳметическихъ познаніяхъ, которыми, по мнѣнію нѣкоторыхъ мудрецовъ, онъ обладалъ,—придти къ столь же ужаснымъ результатамъ, какъ и Мальтусъ; именно, что достигнувъ десятилѣтняго возраста, его ребенокъ будетъ вѣсить столько же, сколько вѣситъ быкъ, къ двѣнадцати-лѣтнему возрасту—сколько вѣситъ слонъ, и къ тридцати годамъ будетъ вѣсить не менѣе 175.716.339.548 тоннъ.

На самомъ дѣлѣ, смущаться стѣсненіемъ народонаселенія въ средствахъ къ жизни для насъ имѣетъ не болѣе смысла, чѣмъ для Адама тревожиться за быстрый ростъ его ребенка. Поскольку заключеніе подтверждается фактами или указывается аналогіей, мы должны признать, что законъ народонаселенія заключаетъ въ себѣ такіе же чудные элементы приспособленія, какіе изслѣдованія обнаруживали ранѣе въ другихъ естественныхъ законахъ, и утверждать, что инстинктъ воспроизведенія, при естественномъ развитіи общества, стремится къ созданію нищеты и порока, мы имѣемъ не болѣе права, чѣмъ утверждать, что сила тяготѣнія должна бросить луну на землю и землю на солнце, или, исходя изъ того факта, что вода превращается въ ледъ при температурѣ ниже нуля, утверждать, что рѣки и озера должны замерзать до дна при всякомъ морозѣ, и страны умѣреннаго климата должны становиться, такимъ образомъ, необитаемыми даже въ мягкія зимы. Что рядомъ съ положительной и предусмотрительной задержкой Мальтуса, существуетъ еще третья задержка, которая начинаетъ оказывать дѣйствіе при возвышеніи общаго уровня благосостоянія и съ развитіемъ интеллекта, на это указываетъ множество хорошо извѣстныхъ фак-

товъ. Относительное число рожденій, какъ всѣмъ извѣстно, бываетъ больше въ новыхъ поселеніяхъ, гдѣ борьба съ природой оставляетъ мало удобствъ для интеллектуальной жизни; и между подавленными бѣдностью классами болѣе старыхъ странъ, которые среди богатства лишены всѣхъ его выгодъ и доведены до голаго животнаго существованія, рожденій бываетъ больше, чѣмъ среди тѣхъ классовъ, которымъ увеличеніе богатства доставило независимость, досугъ, благосостояніе и болѣе полную и разнообразную жизнь. Этотъ фактъ, давно уже признанный народной мудростью «богатому счастье, а бѣдному— дѣти», отмѣченъ былъ и Адамомъ Смитомъ, который разсказываетъ, что нѣтъ ничего необыкновеннаго встрѣтить въ Сѣверной Шотландіи бѣдныхъ, полуголодныхъ женщинъ, которыя были матерями двадцати трехъ или двадцати четырехъ дѣтей; да и повсюду этотъ фактъ такъ бросается въ глаза что достаточно только сослаться на него.

Если дѣйствительному закону народонаселенія дать то выраженіе, какое онъ долженъ бы имѣть по моему мнѣнію, то нужно сказать, что стремленіе къ размноженію, вмѣсто того, чтобы быть всегда одинаковымъ, бываетъ сильно тамъ, гдѣ увеличеніе народонаселенія можетъ увеличить благосостояніе и гдѣ существованію расы угрожаетъ смертность, вызываемая враждебными условіями,—но ослабѣваетъ, лишь только становится возможнымъ болѣе высокое развитіе личности и обезпечивается существованіе расы. Другими словами, законъ народонаселенія согласуется съ закономъ интеллектуальнаго развитія и подчиняется ему, и опасность, что человѣческія существа могутъ явиться на свѣтъ и не найти тамъ для себя пропитанія, обусловливается не порядками природы, а общественными неустройствами, которыя среди богатства отдаютъ людей въ жертву нужды. Справедливость этого положенія, я полагаю, будетъ убѣдительно доказана, когда мы, расчистивъ почву, выяснимъ истинные законы общественнаго роста. Но мы нарушили бы естественный ходъ доказательства, если бы теперь же обратились къ нимъ. Если мнѣ удалось доказать отрицательное положеніе, доказать, что мальтусова теорія не оправдывается тѣми аргументами, на которые она опирается,— то этого пока достаточно. Въ слѣдующей главѣ, я предполагаю дать положительное рѣшеніе и доказать, что теорія эта опровергается фактами.

ГЛАВА IV.

Опроверженіе Мальтусовой теоріи.

Доктрина, что ростъ народонаселенія стремится понизить заработную плату и создать бѣдность, такъ глубоко пустила корни и такъ сложно переплетается съ ученіями господствующей политической экономіи, такъ совершенно гармонируетъ съ такими общераспространенными взглядами и такъ легко возникаетъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, что я считалъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности и доказать несостоятельность тѣхъ доводовъ, на которые она опирается, прежде чѣмъ подвергнуть ее испытанію на фактахъ; ибо общее признаніе этой теоріи является однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ той легкости, съ какой люди игнорируютъ факты, будучи ослѣплены какой-либо предвзятой теоріей,—едва ли не самый поразительный примѣръ изъ всего множества ихъ, представляемаго исторіей мысли. Теперь мы можемъ съ полнымъ удобствомъ подвергнуть эту теорію высочайшему и конечному испытанію на фактахъ. Очевидно, что вопросъ о томъ, имѣетъ-ли ростъ народонаселенія необходимую тенденцію къ уменьшенію заработной платы и созданію нужды, есть просто вопросъ о томъ, имѣетъ-ли этотъ ростъ тенденцію уменьшать то количество богатства, которое можетъ быть произведено опредѣленнымъ количествомъ труда.

Именно это и утверждаетъ господствующая доктрина. Чѣмъ болѣе, говоритъ она, требуютъ отъ природы, тѣмъ скупѣе удовлетворяетъ она такія требованія, такъ что, удвоивъ приложеніе труда, мы не удвоимъ продукта; и стало-быть, ростъ народонаселенія долженъ стремиться къ пониженію заработной платы и увеличенію бѣдности или, говоря словами Мальтуса, долженъ вести къ пороку и нищетѣ. Вотъ какъ выражается по этому поводу Джонъ Стьюартъ Милль:

«Бо́льшее количество народа, при любомъ состояніи цивилизаціи, не можетъ въ совокупности продовольствоваться столь же хорошо, какъ меньшее. Именно скупость природы, а не общественная несправедливость, есть причина тѣхъ бѣдствій, которыя связаны съ излишнимъ народонаселеніемъ. Несправедливое распредѣленіе богатства отнюдь не увеличиваетъ зла, но самое большее заставляетъ лишь почувствовать его нѣсколько ранѣе. Напрасно говорятъ, что всякій ротъ, котораго ростъ человѣчества выноситъ на свѣтъ, ведетъ за собой и руки. Новые рты требуютъ столько же пищи, сколько и старые, а руки не производятъ ея столько же. Если бы всѣ орудія производства составили общую собственность всего народа, а производимое дѣлилось съ полнымъ равенствомъ между всѣми, и если бы въ обществѣ, устроенномъ такимъ образомъ, промышленность была столь же дѣя-

тельной, а производство велось въ такомъ же размѣрѣ, какъ и въ настоящее время, то этого было бы достаточно, чтобы дать существующему народонаселенію полное благосостояніе; но каково бы было положеніе народонаселенія, когда оно удвоилось бы, что при существующихъ привычкахъ народа, при такомъ-то привольѣ, безъ сомнѣнія совершилось бы немногимъ болѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ? То обстоятельство, что для прокормленія народонаселенія, увеличившагося, въ такой мѣрѣ пришлось бы обратиться къ обработкѣ худшихъ земель и къ усиленной и менѣе прибыльной обработкѣ земель худшаго качества, роковымъ образомъ заставило бы обѣднѣть всѣхъ членовъ общества, если бы только промышленныя искусства не усовершенствовались за это время почти въ безпримѣрной степени. Если бы народонаселеніе продолжало увеличиваться въ той же самой мѣрѣ, то скоро наступило бы такое время, когда никто не имѣлъ бы болѣе того, чѣмъ сколько необходимо для жизни, а вслѣдъ затѣмъ—такое время, когда и въ этомъ отношеніи сталъ бы чувствоваться недостатокъ, и дальнѣйшій ростъ народонаселенія былъ бы остановленъ смертностью» *).

Все это я отрицаю. Я утверждаю, что справедливо какъ разъ обратное. Я утверждаю, что при любомъ состояніи цивилизаціи бо́льшее количество народа можетъ въ совокупности лучше продовольствоваться, чѣмъ меньшее. Я утверждаю, что общественная несправедливость, а вовсе не скаредность природы, есть причина нужды и нищеты, которыя господствующая теорія приписываетъ излишку народонаселенія. Я утверждаю, что новые рты, которыхъ выводитъ на свѣтъ ростъ народонаселенія, требуютъ не болѣе пищи, чѣмъ старые, тогда какъ руки, которыя сопутствуютъ имъ, могутъ, слѣдуя естественному порядку вещей, производить болѣе. Я утверждаю, что чѣмъ многочисленнѣе народонаселеніе, тѣмъ больше то благосостояніе, которое при равенствѣ прочихъ условій должно дать каждому индивидууму справедливое распредѣленіе богатства. Я утверждаю, что при состояніи равенства естественный ростъ народонаселенія сталъ бы стремиться къ тому, чтобы сдѣлать каждаго индивидуума богаче, а не бѣднѣе.

Такимъ образомъ я точно обозначаю пунктъ спора, и подвергаю вопросъ испытанію фактовъ.

Но при этомъ, рискуя повторяться, я желалъ бы удержать читателя отъ одной путаницы, которая встрѣчается даже у очень извѣстныхъ авторовъ. Вопросъ факта, къ которому сводится споръ, не есть вопросъ о томъ, при какомъ народонаселеніи производится всего болѣе средствъ къ жизни, а есть вопросъ о томъ, при какомъ народонаселеніи развивается наибольшая способность къ произведенію богатства. Ибо способность производить бо-

*) «Начала Политической Экономіи», книга 1, глава XIII, отд. 11.

гатство въ какой бы то ни было формѣ есть способность производить средства къ жизни, — точно также какъ потребленіе богатства въ какой либо формѣ или потребленіе силы, производящей богатство, равнозначуще потребленію средствъ существованія. У меня имѣется, напримѣръ, въ карманѣ извѣстная сумма. На эти деньги я могу купить или пищу, или сигары, или какую либо драгоцѣнную вещь, или театральные билеты, и, тратя такъ или иначе мои деньги, я соотвѣтственно тому направляю трудъ на производство пищи, или сигаръ, или драгоцѣнныхъ вещей, или театральныхъ зрѣлищъ. Бриллiантовый уборъ имѣетъ цѣнность равную цѣнности столькихъ-то мѣшковъ муки,—то-есть, для того, чтобы произвести бриллiанты, требуется въ среднемъ столько же труда, сколько требуется для произведенія такого-то количества муки. И если я наряжаю мою жену въ бриллiанты, то эта такая же трата силы, производящей средства къ жизни, какъ если бы я израсходовалъ ради цѣлей тщеславія столько же пищи. Если я держу лакея, то, въ немъ я отрываю, быть можетъ, пахаря отъ сохи. Выращиваніе и содержаніе бѣговой лошади требуетъ столько заботы и труда, сколько хватило бы на выращиваніе и содержаніе множества рабочихъ лошадей. Такимъ образомъ способность какого либо народонаселенія къ производству предметовъ первой необходимости измѣряется не количествомъ этихъ предметовъ, дѣйствительно производимыхъ, но затратой силы во всѣхъ ея видахъ.

Въ нашемъ случаѣ не при чемъ отвлеченныя разсужденія. Весь вопросъ есть вопросъ голаго факта. Уменьшается ли съ ростомъ народонаселенія относительная способность къ произведенію богатства?

Факты настолько очевидны, что стоитъ только обратить на нихъ вниманіе. Мы видѣли въ наше время ростъ народонаселенія во многихъ странахъ. Развѣ въ то же самое время не росло ихъ богатство, даже болѣе быстро? Мы видимъ множество странъ, народонаселеніе которыхъ и теперь увеличивается. Развѣ не увеличивается также ихъ богатство еще быстрѣе? Можетъ ли быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что, когда народонаселеніе Англіи увеличивалось въ размѣрѣ двухъ процентовъ за годъ, ея богатство росло въ еще большемъ размѣрѣ? Развѣ не правда, что за то время, какъ народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ удваивалось каждые двадцать девять лѣтъ, богатство ихъ удваивалось за гораздо болѣе короткіе сроки? Развѣ не правда, что при сходныхъ условіяхъ, — другими словами, среди государствъ со сходнымъ населеніемъ и стоящихъ на одинаковой ступени цивилизаціи, — наиболѣе плотно населенная страна является и наиболѣе богатой? Развѣ болѣе плотно населенные Восточные Штаты не богаче, въ соразмѣрности съ ихъ народонаселеніемъ, болѣе рѣдко населенныхъ Западныхъ или Южныхъ Штатовъ? Развѣ Англія, гдѣ народонаселеніе даже плотнѣе, чѣмъ въ Восточныхъ Штатахъ Союза, также не богаче пропор-

ціонально? Гдѣ богатство употребляется самымъ расточительнымъ образомъ на непроизводительныя цѣли,—на дорогія постройки, утонченное убранство комнатъ, роскошные экипажи, статуи, картины, увеселительные сады и яхты? Развѣ не правда, что скорѣе тамъ, гдѣ народонаселеніе наиболѣе плотное, чѣмъ тамъ, гдѣ оно наиболѣе рѣдко? Гдѣ вы находите въ наибольшемъ числѣ людей, которымъ общее производство даетъ возможность жить безъ всякаго производительнаго труда съ ихъ стороны,—людей, живущихъ доходами, людей, ведущихъ беззаботную свѣтскую жизнь, воровъ, прислугу, адвокатовъ, литераторовъ и тому подобныхъ? Не тамъ ли скорѣе, гдѣ народонаселеніе плотно, чѣмъ тамъ, гдѣ оно рѣдко? Въ какомъ направленіи перемѣщаются капиталы съ цѣлью доходнаго помѣщенія? Не изъ плотно-ли заселенныхъ странъ въ страны съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ? Эти факты убѣдительно доказываютъ, что богатства бываетъ всего болѣе тамъ, гдѣ населеніе наиболѣе плотно; и что богатство, производимое даннымъ количествомъ труда, увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ народонаселенія. Факты эти очевидны повсюду, куда бы мы ни устремили нашего взгляда. На одномъ и томъ же уровнѣ цивилизаціи, при одномъ и томъ же промышленномъ и политическомъ развитіи и пр., наиболѣе населенныя страны бываютъ всегда и наиболѣе богатыми.

Возьмемъ одинъ частный случай, притомъ такой случай, который изъ всѣхъ, какіе только могутъ быть приведены, кажется при первомъ взглядѣ всего болѣе поддерживающимъ ту теорію, которую мы разсматриваемъ, — случай страны, гдѣ заработная плата сильно упала въ то время, какъ народонаселеніе сильно увеличилось, и гдѣ представлялось уже не шаткимъ выводомъ, а очевиднымъ фактомъ, что великодушіе природы уменьшилось. Страна эта—Калифорнія. Когда, по открытіи золота, первая волна иммиграціи хлынула въ Калифорнію, то казалось, природа въ этой странѣ находилась въ самомъ великодушномъ настроеніи. На рѣчныхъ берегахъ и отмеляхъ, блестящія песчинки, отлагавшіяся цѣлыя тысячи лѣтъ, можно было добывать самыми первобытными способами въ такихъ количествахъ, что одинъ унцъ (16 долларовъ) въ день представлялъ изъ себя лишь самую обыкновенную заработную плату. На равнинахъ, покрытыхъ густою травою, паслись безчисленныя стада лошадей и рогатаго скота, такія огромныя стада, что всякому путешественнику дозволялось переложить свое сѣдло на новую лошадь или убить бычка, если ему былъ нуженъ кусокъ мяса, оставляя шкуру, единственную цѣнную часть, его владѣльцу. Богатая почва, впервые поступившая подъ обработку, будучи только вспахана и засѣяна, давала такіе урожаи, какіе въ болѣе старыхъ странахъ, если только можно было получить, и то не иначе, какъ при самомъ старательномъ удобреніи и обработкѣ. И въ прежней Калифорніи, при такой щедрости природы, заработная плата и процентъ были выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свѣтѣ.

Эта первобытная щедрость природы постоянно истощалась по мѣрѣ все бо́льшихъ и бо́льшихъ требованій, которыя предъявлялись возраставшимъ народонаселеніемъ. Стали обращаться къ разработкѣ все болѣе и болѣе бѣдныхъ залежей, а теперь и вовсе нельзя найти какой либо залежи, о которой стоило бы говорить; золотопромышленность требуетъ уже бо́льшаго капитала, значительнаго искусства и сложныхъ машинъ, да и связана съ большимъ рискомъ. Теперь «кони стоятъ денегъ», а скотъ, выращиваемый на поросшихъ шалфеемъ равнинахъ Невады, перевозится по желѣзной дорогѣ черезъ горы и убивается на бойняхъ Санъ-Франциско; фермеры начинаютъ беречь солому и искать удобренія, и даже такая земля поступила въ обработку, которая едва ли бы въ теченіе 3-хъ лѣтъ изъ четырехъ приносила жатву безъ искусственнаго орошенія. За это-же время и заработная плата съ процентомъ все падали и падали. Множество людей рады теперь работать цѣлую недѣлю за плату меньшую той, которую нѣкогда требовали за день, и деньги ссужаются на годъ за такой процентъ, который прежде едва ли бы сочли лихоимствомъ взять за мѣсяцъ. Но дѣйствительно ли въ этомъ случаѣ пониженная производительность природы и пониженный размѣръ заработной платы стоятъ между собою въ отношеніи причины къ слѣдствію? Правда ли, что заработная плата тутъ ниже потому, что трудъ создаетъ менѣе богатства?

Напротивъ того. Способность труда производить богатство не только не меньше въ Калифорніи въ 1879, сравнительно съ 1849, но, по моему убѣжденію, больше. И, мнѣ кажется, вникнувъ, въ какой огромной мѣрѣ увеличивалась за эти годы производительность труда въ Калифорніи благодаря устройству шоссе, желѣзныхъ дорогъ, пристаней, каналовъ, пароходовъ, телеграфовъ и всякаго рода машинъ, благодаря болѣе близкой связи съ прочимъ міромъ и благодаря тѣмъ безчисленнымъ выгодамъ, которыя являются результатомъ многочисленнаго народонаселенія, никто не усумнится въ томъ, что вознагражденіе, которое трудъ въ Калифорніи получаетъ отъ природы, въ цѣломъ, гораздо больше въ настоящее время, чѣмъ во времена неисчерпаемыхъ розсыпей и дѣвственной почвы,—ибо увеличивавшаяся сила человѣческаго фактора болѣе чѣмъ уравновѣшивала упадокъ силы естественнаго фактора. Что заключеніе это правильно, въ этомъ убѣждаетъ насъ множество фактовъ, показывающихъ, что потребленіе богатства теперь гораздо значительнѣе, сравнительно съ числомъ работниковъ, чѣмъ оно было въ прежнее время. Мы видимъ теперь огромное число женщинъ и дѣтей тамъ, — гдѣ прежде народонаселеніе состояло почти исключительно изъ молодыхъ мужчинъ, да и число другихъ лицъ, изъ категоріи не-производителей, возросло въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ народонаселеніе; мы видимъ роскошь, увеличившуюся въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ упала

заработная плата; отели, могущіе поспорить своимъ великолѣпіемъ съ европейскими дворцами, воздвигнутые тамъ, гдѣ прежде лучшими жилищами были палатки и шалаши; парадные экипажи на улицахъ Санъ-Франциско и увеселительныя яхты въ его заливѣ; постоянно разростающійся классъ людей, пышно живущихъ своими доходами; теперь есть богачи, предъ которыми самые богатые люди прежняго времени показались бы недалеко ушедшими отъ бѣдняка,—словомъ, всюду мы наталкиваемся на самыя поразительныя и рѣшительныя доказательства того, что производство и потребленіе богатства увеличивалось даже съ большею быстротою, чѣмъ росло народонаселеніе, и что если какой либо классъ общества получаетъ менѣе, то единственно вслѣдствіе бо̀льшаго неравенства въ распредѣленіи.

Что очевидно въ этомъ частномъ случаѣ, то можно замѣтить и всюду, куда бы мы ни направили нашего взгляда. Самыми богатыми странами являются не тѣ страны, гдѣ природа всего богаче; но тѣ, гдѣ трудъ наиболѣе производителенъ,—не Мексика, но Мессечусетсъ; не Бразилія, но Англія. Тѣ страны, гдѣ населеніе наиболѣе плотно и наиболѣе стѣснено въ выгодахъ и удобствахъ, предоставляемыхъ природой, при равенствѣ прочихъ условій, бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ странами, гдѣ наибольшая доля производимаго можетъ уходить на роскошь и на содержаніе не-производительныхъ классовъ, странами, гдѣ наибольшее изобиліе капитала, странами, въ крайности, напримѣръ, во время войны, могущими выносить наибольшую потерю силъ. Что производство богатства, въ отношеніи къ затрачиваемому труду, должно быть обильнѣе въ плотно населенныхъ странахъ, въ родѣ Англіи, чѣмъ въ новыхъ странахъ, гдѣ заработная плата и процентъ выше, очевидно изъ того факта, что въ старыхъ странахъ (хотя производительнымъ трудомъ тамъ бываетъ занята значительно меньшая часть народонаселенія), значительно большій излишекъ труда употребляется на другія цѣли, сверхъ удовлетворенія физическихъ потребностей. Въ новой странѣ вся наличная сила общества уходитъ на производство; нѣтъ ни одного здороваго мужчины, который бы не имѣлъ какой либо производительной работы, ни одной здоровой женщины, избавленной отъ хозяйственныхъ трудовъ. Нѣтъ тутъ ни бѣдняковъ, ни нищихъ, нѣтъ праздныхъ богачей, нѣтъ такихъ классовъ, которые тратили бы свой трудъ на служеніе удобству или прихоти богачей, нѣтъ чисто литературнаго или научнаго класса, нѣтъ преступниковъ, которые живутъ грабя общество, нѣтъ огромнаго класса, содержимаго для охраны отъ нихъ общества. Однако, хотя вся сила общества такимъ образомъ уходитъ на производство, тутъ все же нѣтъ и не можетъ быть такого потребленія богатства, въ отношеніи ко всему народонаселенію, какое имѣетъ мѣсто въ старыхъ странахъ; ибо, хотя положеніе низшихъ классовъ тутъ и лучше, и нѣтъ никого, кто не имѣлъ бы возможности зарабатывать себѣ

пропитанія, однако нѣтъ тутъ и никого, кто зарабатывалъ бы значительно болѣе, и мало такихъ людей, а то и вовсе нѣтъ ихъ, которымъ мало-мальски доступно бы было то, что въ болѣе старыхъ странахъ назвали бы роскошью или даже благосостояніемъ. Другими словами, въ болѣе старыхъ странахъ потребленіе богатства въ отношеніи къ народонаселенію бываетъ больше, хотя доля труда, посвящаемая производству богатства, бываетъ меньше,— меньшее число работниковъ производятъ болѣе богатства; ибо богатство должно быть произведено прежде, чѣмъ оно можетъ быть потребляемо.

Однако могутъ сказать, что изобиліе богатства въ болѣе старыхъ странахъ зависитъ не отъ большей интенсивности производительныхъ силъ, а отъ накопленія богатства, которое еще не успѣло совершиться въ новыхъ странахъ.

Небезполезно будетъ остановиться на минуту на этой идеѣ накопленнаго богатства. Въ сущности богатство можетъ быть накапливаемо лишь въ очень слабой мѣрѣ, и общества на самомъ дѣлѣ живутъ, какъ и огромное большинство индивидуумовъ,—что называется, со дня на день. Богатство не допускаетъ значительнаго накопленія; за исключеніемъ нѣсколькихъ неважныхъ формъ, оно не можетъ быть сохраняемо. Міровая матерія, которая, будучи переработана трудомъ въ желаемыя формы, составляетъ богатство, постоянно стремится вернуться къ своему первоначальному состоянію. Нѣкоторыя формы богатства могутъ существовать нѣсколько часовъ, нѣкоторыя нѣсколько дней, нѣкоторыя нѣсколько мѣсяцевъ, нѣкоторыя нѣсколько лѣтъ; и есть лишь весьма немного такихъ формъ богатства, которыя могутъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому. Возьмите богатство въ одной изъ его наиболѣе полезныхъ и устойчивыхъ формъ,—какъ напр. суда, дома, желѣзныя дороги, машины. Если только трудъ не расходуется постоянно на ихъ сохраненіе и обновленіе, они почти немедленно утрачиваютъ свою пригодность. Остановите трудъ въ какой либо странѣ, и богатство начнетъ исчезать почти такъ же быстро, какъ исчезаетъ струя фонтана, когда останавливаютъ притокъ воды. Пусть только снова начнетъ расходоваться трудъ, и богатство почти тотчасъ же начнетъ возрождаться. Это издавна наблюдалось тамъ, гдѣ война или другое какое либо бѣдствіе уничтожало богатство, оставляя въ цѣлости населеніе. Теперь въ Лондонѣ не меньше богатства, чѣмъ до 1666 года, когда тамъ былъ огромный пожаръ; не меньше богатства и въ Чикаго, несмотря на огромный пожаръ въ 1870 году. Вдоль улицъ, опустошенныхъ огнемъ, воздвигнуты, благодаря труду, еще болѣе роскошныя зданія, съ болѣе обширными магазинами; и путешественникъ, незнакомый съ исторіей города, проходя по этимъ прекраснымъ улицамъ, нигдѣ не встрѣтитъ и намека на то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, все это представляло изъ себя лишь груды обгорѣлыхъ развалинъ. Та же истина,—

что богатство непрерывно обновляется,—бросается въ глаза и въ каждомъ новомъ городѣ. Дайте то же народонаселенію и такую же производительность труду, и всякій новый городъ будетъ столь же великимъ и богатымъ какъ и городъ, основанный римлянами. Никто изъ тѣхъ, кто видѣлъ Мельбёрнъ или Сан-Франциско, не станетъ сомнѣваться, что если бы населеніе Англіи перенесено было въ Новую Зеландію, и все накопленное богатство было оставлено на мѣстѣ, то Новая Зеландія вскорѣ сдѣлалась бы такой же богатой, какъ Англія въ настоящее время; или наоборотъ, если бы народонаселеніе Англіи сдѣлалось столь же рѣдкимъ, какъ народонаселеніе Новой Зеландіи, то, несмотря на накопленное богатство, оно вскорѣ сдѣлалось бы и столь же бѣднымъ. Накопленное богатство по отношенію къ общественному организму играетъ, повидимому, роль подходящую къ той, какую играетъ накопленныя пищевыя вещества по отношенію къ физическому организму. Нѣкоторое количество накопленнаго богатства необходимо и, до извѣстнаго предѣла, можетъ идти на покрытіе чрезвычайныхъ надобностей; но богатство, произведенное минувшими поколѣніями, можетъ служить для потребленія въ настоящемъ не болѣе, чѣмъ обѣды, которые человѣкъ съѣлъ въ прошломъ году, для пополненія тѣхъ тратъ, которыя онъ дѣлаетъ въ настоящемъ.

Я привожу эти соображенія болѣе въ виду ихъ общаго значенія, чѣмъ въ виду ихъ спеціальнаго значенія для занимающаго насъ вопроса. Ибо и помимо нихъ очевидно, что большимъ накопленіемъ богатства можетъ объясняться большее потребленіе богатства лишь въ случаяхъ, когда накопленное богатство убываетъ, а когда количество накопленнаго богатства остается постояннымъ, и тѣмъ болѣе, когда оно увеличивается, тогда большимъ потребленіемъ богатства неминуемо предполагается и большее производство богатства. Затѣмъ, будемъ ли мы сравнивать между собою различныя страны или одну и ту же страну въ различные періоды времени, мы всегда замѣтимъ, что прогрессивное состояніе, которое характеризуется ростомъ народонаселенія, характеризуется также и усиленнымъ накопленіемъ богатства, не только въ массѣ, но и per capita. И такимъ образомъ, ростъ народонаселенія, какъ онъ совершался до сихъ поръ повсюду, означаетъ собой не уменьшеніе, а увеличеніе въ среднемъ производства богатства.

И причина этого очевидна. Ибо, даже если ростъ народонаселенія и ослабляетъ силу естественнаго фактора въ производствѣ богатства, вынуждая обращаться къ болѣе бѣднымъ землямъ и т. п., то все же онъ въ такой огромной мѣрѣ увеличиваетъ силу человѣческаго фактора, что даже пожалуй болѣе чѣмъ уравновѣшиваетъ невыгодныя стороны своего дѣйствія. Двадцать человѣкъ, работая вмѣстѣ тамъ, гдѣ природа скупа, произведутъ такое количество богатства, которое будетъ болѣе чѣмъ въ двадцать разъ превосходить количество богатства, создаваемое однимъ человѣ-

комъ тамъ, гдѣ природа наиболѣе щедра. Чѣмъ плотнѣе народонаселеніе, тѣмъ болѣе дробное возможно дѣленіе труда, тѣмъ болѣе экономичнымъ становятся производство и распредѣленіе, и стало быть, если что вѣрно, такъ какъ разъ прямо противоположное тому, что утверждаетъ доктрина Мальтуса; ибо въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ, насколько мы можемъ судить, ростъ народонаселенія можетъ совершаться болѣе многочисленное народонаселеніе при любомъ состояніи цивилизаціи, можетъ производить, по отношенію къ своему числу, бо̀льшее количество богатства и съ бо̀льшей полнотой удовлетворять своимъ потребностямъ, чѣмъ это возможно для народонаселенія менѣе многочисленнаго.

Взгляните просто на факты. Можетъ ли быть что яснѣе того, что причина бѣдности, гноящейся въ центрахъ цивилизаціи, кроется не въ слабости производительныхъ силъ? Очевидно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ бѣдность приняла самыя ужасныя формы, производительныя силы достаточно велики, будь они употребляемы надлежащимъ образомъ, чтобы доставить бѣднѣйшему жителю не только благосостояніе, но и роскошь. Промышленный застой, угнетенное состояніе торговли, которые какъ проклятія тяготѣютъ надо всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, очевидно зависятъ не отъ недостатка въ производительныхъ силахъ. Отчего бы не происходило разстройство, оно, очевидно, происходитъ не отъ того, чтобы способность къ произведенію богатства была слаба.

Этотъ-то именно фактъ, — что нужда появляется тамъ, гдѣ производительныя силы наиболѣе развиты и производство богатства достигаетъ наибольшаго размѣра, этотъ-то фактъ и составляетъ ту загадку, которая смущаетъ цивилизованный міръ и которую мы пытаемся разгадать. Очевидно, что теорія Мальтуса, приписывая нужду упадку производительныхъ силъ, не можетъ объяснить этой загадки. Теорія эта стоитъ въ крайнемъ противорѣчіи со всѣми фактами. Она произвольно приписываетъ законамъ Бога результаты, которые, какъ мы должны заключить даже изъ этого изслѣдованія, вытекаютъ изъ человѣческой неправды, — заключеніе, которое по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ, будетъ все болѣе и болѣе оправдываться. Ибо намъ предстоитъ еще изслѣдовать, что въ дѣйствительности производитъ бѣдность среди растущаго богатства.

КНИГА III.

Законы распредѣленія.

Машины, устраиваемыя впервые для выполненія какого либо особаго движенія, всегда бываютъ наиболѣе сложными, а послѣдующіе изобрѣтатели обыкновенно открываютъ, что тѣ же результаты могутъ быть легче достигнуты съ меньшимъ числомъ колесъ, съ меньшимъ числомъ разнаго рода движеній, чѣмъ было примѣнено первоначально. Такимъ же образомъ, первыя философскія системы всегда бываютъ наиболѣе сложными, и особая связущая цѣпь, особый принципъ обыкновенно признаются необходимыми для объединенія каждой пары повидимому разрозненныхъ явленій; но затѣмъ часто случается, что одного великаго объединяющаго принципа оказывается достаточно, чтобы связать вмѣстѣ всѣ разрозненныя явленія, свойственныя всему классу явленій.—Адамъ Смитъ, *Опытъ о принципахъ, которые руководятъ философскими изслѣдованіями и даютъ имъ направленіе, поскольку эти принципы выясняются исторіей астрономіи.*

ГЛАВА I.

Ограниченіе изслѣдованія законами распредѣленія. Необходимое отношеніе между этими законами.

Предшествующее разсмотрѣніе, я полагаю, должно было окончательно убѣдить въ томъ, что обычно предлагаемое отъ имени политической экономіи рѣшеніе проблемы, какую мы стремимся разрѣшить, вовсе не есть рѣшеніе.

То обстоятельство, что съ развитіемъ матеріальнаго прогресса заработная плата не повышается, а скорѣе стремится понизиться, не можетъ быть объяснено теоріей утверждающей, что вслѣдствіе увеличенія числа работниковъ та основная сумма, изъ которой выплачивается заработная плата, имѣетъ тенденцію дѣлиться на меньшія и меньшія доли. Ибо, какъ мы видѣли, заработная плата берется не отъ капитала, но есть непосредственное произведеніе труда. Каждый производительный работникъ, работая, создаетъ себѣ плату, и съ каждымъ прибавочнымъ работникомъ является прибавка и къ истинному фонду заработной платы, — прибавка къ общей суммѣ богатства, которая бываетъ говоря вообще, значительно больше того количества, какое онъ беретъ въ заработной платѣ.

Не можетъ это обстоятельство быть объяснено и теоріей, утверждающей будто природа все менѣе полно удовлетворяетъ увеличивающіяся требованія, какія предъявляются растущимъ народонаселеніемъ; ибо возрастаніе производительности труда приводитъ къ постоянному возрастанію производства per capita, вслѣдствіе чего страны съ наиболѣе плотнымъ народонаселеніемъ, при равенствѣ прочихъ условій, всегда бываютъ странами наиболѣе богатыми.

До сихъ поръ мы только увеличивали трудности проблемы. Мы опровергли теорію которая, такъ или иначе, давала объясненіе существующимъ фактамъ; и въ результатѣ получилось, что существующіе факты стали казаться лишь еще болѣе необъяснимыми. Положеніе такое, какъ если бы во время господства Птоломеевой теоріи было доказано, что солнце и звѣзды не обращаются вокругъ земли. Явленія дня и ночи и видимаго движенія небесныхъ тѣлъ остались бы однако необъясненными, и неизбѣжно заставили бы обращаться за объясненіемъ къ старой теоріи, пока какая либо лучшая новая теорія не встала на ея мѣсто. Наше разсужденіе привело насъ къ тому заключенію, что каждый производительный работникъ производитъ свою собственную заработную плату, и что возрастаніе числа работниковъ должно повышать заработную плату каждаго; тогда какъ у всѣхъ на виду факты, что множество работниковъ не могутъ найти себѣ заработка, и что всякое увеличеніе въ числѣ работниковъ ведетъ къ пониженію заработной платы. Мы пришли, короче, къ тому заключенію, что заработная плата должна быть всего выше тамъ, гдѣ она въ дѣйствительности бываетъ всего ниже.

Тѣмъ не менѣе, даже и въ этомъ случаѣ, мы подвинулись нѣсколько впередъ. Чтобы найти то, что мы ищемъ, важно знать уже и то, гдѣ безполезно искать. Мы ограничили по крайней мѣрѣ поле изслѣдованія. Ибо хоть одно, по меньшей мѣрѣ, теперь ясно, — что причина, которая вопреки огромному росту производительныхъ силъ, заставляетъ ограничиваться огромную массу производителей наименьшей долей продукта, при какой они только соглашаются существовать, что причина эта заключается не въ скудости капитала и не въ скудости силъ природы, которыя вознаграждаютъ трудъ. И если, слѣдовательно, причину эту нельзя найти въ законахъ, которыми опредѣляется производство богатства, то ея должно искать въ законахъ, которые управляютъ распредѣленіемъ. Къ нимъ мы и обратимся.

Необходимо будетъ разсмотрѣть въ его главныхъ подраздѣленіяхъ весь строй распредѣленія богатства. Чтобы открыть причину, которая съ ростомъ народонаселенія и развитіемъ техники усугубляетъ бѣдность низшихъ классовъ, мы должны найти законъ, которымъ опредѣляется та часть производимаго, которая достается труду въ видѣ заработной платы. Чтобы найти законъ заработной платы или, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться въ немъ, если-бы мы его нашли, мы должны также выяснить законы, которыми опредѣ-

ляется та часть продукта, которая достается капиталу и та часть, которая поступаетъ въ пользу землевладѣльцевъ, ибо производство богатства совершается при совмѣстномъ участіи земли, труда и капитала, и стало-быть, между ними долженъ дѣлиться и продуктъ

Подъ продуктомъ производства какой либо страны понимается вся сумма богатства, производимаго этой страной, — весь тотъ общій фондъ, изъ котораго (если только не уменьшается существовавшій ранѣе запасъ богатства), должно покрываться все потребленіе и должны браться всѣ доходы. Какъ я уже объяснялъ, производство означаетъ собой не только выработку какихъ либо новыхъ предметовъ, но обнимаетъ также и повышеніе цѣнности, создаваемое перемѣщеніемъ или обмѣномъ предметовъ. Существуетъ производство богатства въ чисто коммерческой странѣ, какъ оно существуетъ въ чисто земледѣльческой или фабричной; и въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ и третьемъ, нѣкоторая часть продукта достается капиталу, нѣкоторая часть труду, и нѣкоторая часть, если земля имѣетъ какую нибудь цѣнность, собственникамъ земли. Въ дѣйствительности, извѣстная доля производимаго богатства постоянно уходитъ на возстановленіе капитала, который непрерывно потребляется и непрерывно замѣняется новымъ. Но нѣтъ необходимости принимать въ разсчетъ, этого обстоятельства, ибо оно устраняется въ томъ случаѣ, если разсматривать капиталъ, какъ нѣчто постоянное, что мы обыкновенно и дѣлаемъ, думая или говоря о немъ. Когда мы говоримъ о продуктѣ, то мы понимаемъ подъ нимъ, слѣдовательно, ту часть производимаго богатства, которая остается за вычетомъ количества необходимаго для замѣщенія капитала, потребленнаго въ производствѣ; и когда мы говоримъ о процентѣ или о доходѣ на капиталъ, мы понимаемъ подъ нимъ все то, что достается капиталу, сверхъ той доли, которая идетъ на возстановленіе или поддержаніе капитала.

Далѣе, въ дѣйствительности, въ каждой странѣ, вышедшей изъ самаго первобытнаго состоянія, нѣкоторая доля производимаго берется въ видѣ налоговъ и потребляется правительствомъ. Однако при изысканіи законовъ распредѣленія, намъ нѣтъ необходимости принимать въ соображеніе этого обстоятельства. Мы можемъ разсматривать налоги, какъ несуществующіе или какъ сокращающіе на столько то продуктъ. То же самое, скажемъ мы и о томъ, что берется изъ производимаго нѣкоторыми видами монополіи, о которыхъ будетъ упомянуто въ одной изъ послѣдующихъ главъ (гл. IV) и которыя оказываютъ дѣйствіе аналогичное налогамъ. Когда мы откроемъ законы распредѣленія, тогда мы будемъ въ состояніи уяснить себѣ и то отношеніе, въ какомъ стоятъ къ нимъ налоги, если такое отношеніе существуетъ.

Мы должны сами найти всѣ эти законы распредѣленія, или, по меньшей

мѣрѣ, найти два такихъ закона изъ трехъ. Ибо, что законы эти (по крайней мѣрѣ въ цѣломъ) не понимаются правильно господствующей политической экономіей, можно видѣть, независимо отъ нашего предшествовавшаго разсмотрѣнія, изъ любаго общераспространеннаго курса.

Это очевидно, прежде всего, изъ употребляемой терминологіи.

Во всѣхъ политико-экономическихъ сочиненіяхъ намъ говорятъ, что факторы производства суть земля, трудъ и капиталъ, и что весь продуктъ первоначально раздѣляется на три соотвѣтственныя части. Требуются, слѣдовательно, три термина, каждый изъ которыхъ ясно выражалъ бы одну изъ этихъ трехъ частей, не захватывая прочихъ. Рента, какъ ее опредѣляютъ, достаточно ясно выражаетъ первую изъ этихъ частей—ту часть, которая достается собственникамъ земли. Заработная плата, какъ ее опредѣляютъ, достаточно ясно выражаетъ вторую,—ту часть, которая представляетъ изъ себя вознагражденіе труда. Но что касается третьяго термина, который долженъ бы былъ выражать вознагражденіе капитала,—то въ отношеніи его мы встрѣчаемъ въ общераспространенныхъ сочиненіяхъ крайнюю сбивчивость и путаницу.

Изъ общеупотребительныхъ словъ наиболѣе подходящимъ для выраженія исключительно идеи вознагражденія за пользованіе капиталомъ является слово процентъ, которое въ своемъ обычномъ употребленіи вызываетъ представленіе о вознагражденіи за пользованіе капиталомъ, исключая мысль о какомъ либо трудѣ при пользованіи или распоряженіи имъ и о какомъ либо рискѣ, кромѣ того, какой можетъ имѣть мѣсто въ наиболѣе надежномъ предпріятіи. Слово прибыль, въ своемъ обычномъ употребленіи, есть почти синонимъ дохода; оно означаетъ собой барышъ, сумму остающуюся за вычетомъ затраченной суммы, и часто за прибыль считаютъ получки, которыя суть собственно рента; вмѣстѣ съ тѣмъ к прибыли почти всегда относятъ получки, которыя суть собственно заработная плата или вознагражденіе за рискъ, присущій различнымъ примѣненіямъ капитала. И стало быть, безъ крайняго насилія надъ смысломъ этого слова, оно не можетъ быть примѣняемо въ политической экономіи для означенія той части продукта, которая достается капиталу, въ отличіе отъ тѣхъ частей, которыя достаются труду и землевладѣльцамъ.

Все это признается въ важнѣйшихъ сочиненіяхъ по политической экономіи. Адамъ Смитъ прекрасно выясняетъ въ какой широкой мѣрѣ входятъ въ прибыль заработная плата и вознагражденіе за рискъ, доказывая, что высокая прибыль аптекарей и мелкихъ розничныхъ торговцевъ есть въ сущности плата за ихъ трудъ, а не процентъ на ихъ капиталъ; и что огромная прибыль, получаемая иногда въ рискованныхъ занятіяхъ, какъ контрабанда или лѣсопромышленность, есть въ сущности вознагражденіе за рискъ, который, въ конечномъ результатѣ, низводитъ доходъ на капиталъ, вложен-

ный въ такія дѣла, до обыкновеннаго или до ниже чѣмъ обыкновеннаго, размѣра. Подобные примѣры приводятся и въ большинствѣ позднѣйшихъ сочиненій, гдѣ прибыль формально опредѣляется въ ея обычномъ смыслѣ, при исключеніи, пожалуй ренты. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ читателю сообщаютъ, что прибыль составляется изъ трехъ элементовъ,—изъ заработной платы предпринимателя, изъ вознагражденія за рискъ и изъ *процента*, или платы за пользованіе капиталомъ.

Такимъ образомъ слово прибыль, въ своемъ обычномъ значеніи, или въ томъ вполнѣ опредѣленномъ значеніи, какое придается ему въ господствующей политической экономіи, никоимъ образомъ не можетъ входить въ разсужденіе о распредѣленіи богатства между тремя факторами производства. Брать ли это слово въ его обычномъ значеніи или въ томъ значеніи, какое ему придаютъ въ политической экономіи, но говорить о распредѣленіи богатства въ видѣ ренты, заработной платы и прибыли,—значитъ тоже, что говорить о дѣленіи человѣческаго рода на мужчинъ, женщинъ и человѣческихъ существъ. А это какъ разъ и дѣлается во всѣхъ классическихъ сочиненіяхъ, крайне сбивая съ толку читателя. Разложивъ формально прибыль на заработную плату предпринимателя, вознагражденіе за рискъ и процентъ,—только лишь вознагражденіе за пользованіе капиталомъ,—далѣе знай себѣ толкуютъ о распредѣленіи богатства въ видѣ ренты съ земли, платы за трудъ и прибыли на капиталъ.

Я не сомнѣваюсь, что найдутся тысячи людей, которые тщетно ломали голову надъ этой путаницей терминовъ и складывали руки въ отчаяніи, считая невозможной ошибку со стороны такихъ великихъ мыслителей и порѣшивъ, что во всемъ виновата ихъ собственная безтолковость. Если это можетъ сколько нибудь утѣшить такихъ людей, то пусть они обратятся къ «Исторіи цивилизаціи» Бокля и посмотрятъ, какая отчаянная неразбериха получилась въ головѣ человѣка, который, конечно, имѣлъ поразительно отчетливое представленіе обо всемъ, что читалъ, и который внимательно читалъ всѣхъ важнѣйшихъ экономистовъ, начиная съ самого Смита,—благодаря этой путаницѣ прибыли съ процентомъ. Ибо Бокль (томъ I, гл. II и примѣч.) всюду говоритъ о распредѣленіи богатства въ видѣ ренты, заработной платы, процента и прибыли.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ибо, формально разложивъ прибыль на вознагражденіе предпринимателя, страховку и процентъ, экономисты, разсматривая тѣ причины, которыми обусловливается общій размѣръ прибыли, говорятъ о вещахъ, которыя очевидно вліяютъ только на ту часть прибыли, которую они назвали процентомъ; а затѣмъ, говоря о размѣрѣ процента, или даютъ пустую формулу спроса и предложенія, или приводятъ причины, которыя вліяютъ на вознагражденіе за рискъ, очевидно употреб-

ляя при этомъ слово «прибыль» въ его обычномъ значеніи, а не въ томъ экономическомъ значеніи, которое они дали ему и которымъ уже исключается вознагражденіе за рискъ. Если читатель возьметъ «Начала политической экономіи», Джона Стьюарта Милля и сравнитъ главу о прибыли (кн. II, гл. XV) съ главою о процентѣ (кн. III, гл. XXIII), то онъ натолкнется тутъ, у самаго логичнаго изъ англійскихъ экономистовъ, на такой поразительный примѣръ путаницы, возникающей благодаря указанной причинѣ, что окажутся излишними дальнѣйшіе примѣры.

Однако, такіе люди впадали въ эту путаницу не безъ причины. Если они, одинъ за другимъ, слѣдовали Д-ру Адаму Смиту какъ мальчики въ игрѣ «слѣдуй за вожакомъ» («follow my leader»), прыгая, гдѣ онъ прыгнулъ, и падая, гдѣ онъ упалъ, то была, значитъ, какая нибудь загородка, гдѣ онъ прыгнулъ, и какая нибудь яма, гдѣ онъ упалъ.

Затрудненіе, породившее среди нихъ эту путаницу, кроется во предвзятой теоріи заработной платы. Вслѣдствіе причинъ, которыя ранѣе были указаны мною, имъ казалось очевидной истиной, будто заработная плата нѣкоторыхъ классовъ работниковъ зависитъ отъ отношенія между капиталомъ и числомъ работниковъ. Однако существуютъ нѣкоторые виды вознагражденія за трудъ, къ которымъ эта теорія не могла быть примѣнена; и вотъ терминъ «заработная плата» былъ ограниченъ въ употребленіи такъ, что сталъ обнимать только заработную плату въ узкомъ, обычномъ смыслѣ. При такомъ положеніи дѣла, если бы терминъ «процентъ» сталъ употребляться (какъ согласно съ вышеуказанными опредѣленіями терминъ этотъ и долженъ бы былъ употребляться) для обозначенія третьей доли распредѣляемаго продукта, то всѣ виды вознагражденія за личный трудъ, кромѣ тѣхъ, которые обыкновенно называютъ поденной или сдѣльной платой, очевидно совершенно были-бы исключены изъ разсмотрѣнія.

Но говоря о распредѣленіи богатства между рентой, заработной платой и прибылью, вмѣсто того, чтобы говорить о распредѣленіи богатства между рентой, заработной платой и процентомъ, экономисты это затрудненіе обходили, и всякая заработная плата, не подходившая подъ предвзятый законъ заработной платы, безъ дальнихъ разговоровъ относилась къ прибыли, какъ предпринимательское вознагражденіе.

Достаточно только прочесть со вниманіемъ, что пишутъ экономисты о распредѣленіи богатства, чтобы убѣдиться въ томъ, что, хотя они и правильно опредѣляютъ заработную плату, но употребляютъ слово это, разсматривая распредѣленіе, не въ смыслѣ заработной платы вообще, а въ смыслѣ только извѣстной заработной платы, именно платы за ручной трудъ, получаемой отъ хозяина. Такимъ образомъ всѣ прочіе виды заработной платы причисляются къ доходамъ на капиталъ и включаются въ терминъ прибыль,

при чемъ уже не остается сколько нибудь яснаго различія между доходами на капиталъ и доходами отъ человѣческаго труда. Дѣло въ томъ, что господствующая политическая экономія не даетъ сколь нибудь точнаго и удовлетворительнаго отчета о распредѣленіи богатства. Законъ ренты установленъ точно, но стоитъ изолированно. Все же остальное представляетъ изъ себя туманную и безсвязную массу.

Самый планъ сочиненій экономистовъ доказываетъ эту путаницу и непослѣдовательность въ мысляхъ. Ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ экономическомъ трактатѣ законы распредѣленія не разсматриваются такъ, чтобы читатель имѣлъ возможность сразу обозрѣть ихъ и понять ихъ взаимное отношеніе; но говоря о какомъ либо изъ нихъ, обыкновенно припутываютъ еще массу разнаго рода политическихъ и нравственныхъ размышленій и разсужденій. Причину этого не трудно разгадать. Свести вмѣстѣ эти законы распредѣленія, въ томъ видѣ, какъ ихъ излагаютъ теперь, значитъ сразу обнаружить отсутствіе необходимаго соотношенія между ними.

Законы распредѣленія богатства, очевидно, суть законы пропорціональнаго дѣленія и должны находиться между собою въ такомъ отношеніи, что если были бы даны какіе либо два, то третій можно бы было вывести. Ибо сказать, что одна изъ трехъ частей цѣлаго увеличивается или уменьшается, значитъ сказать, что одна изъ остальныхъ двухъ частей или обѣ онѣ, наоборотъ, уменьшаются или увеличиваются. Если Томъ, Дикъ и Гарри участники какого либо предпріятія, то условіе, которымъ опредѣляется доля одного въ прибыли, должно въ то же самое время опредѣлять доли другого и третьяго, вмѣстѣ или порознь. Опредѣлить долю Тома въ 40 процентовъ, значитъ оставить лишь 60 процентовъ на долю Дика и Гарри. Опредѣлить долю Дика въ 40 процентовъ, а долю Гарри въ 35, значитъ опредѣлить долю Тома въ 25 процентовъ.

Но между законами распредѣленія богатства, какъ ихъ излагаютъ въ классическихъ сочиненіяхъ, такого соотношенія не существуетъ. Если мы выведемъ эти законы на чистую воду и сведемъ вмѣстѣ, то они представятся въ такомъ видѣ:

Заработная плата опредѣляется отношеніемъ между количествомъ капитала, предназначеннаго для оплаты и содержанія труда, и числомъ работниковъ, ищущихъ занятія.

Рента опредѣляется предѣломъ культуры, при чемъ всѣ земли даютъ въ видѣ ренты ту часть своихъ произведеній, которая представляетъ излишекъ предъ тѣмъ, что можетъ быть получено при равномъ приложеніи труда и капитала съ самыхъ худшихъ земель, находящихся въ пользованіи.

Процентъ опредѣляется соотношеніемъ между спросомъ заемщиковъ и предложеніемъ капитала со стороны заимодавцевъ. Или (если мы возьмемъ тотъ

законъ, который предлагаютъ, какъ законъ прибыли) процентъ опредѣляется заработной платой,—падая, когда повышается заработная плата, и повышаясь, когда она падаетъ,—или, пользуясь выраженіемъ Милля, опредѣляется стоимостью труда для капиталистовъ.

Сопоставленіе этихъ общепринятыхъ законовъ распредѣленія богатства сразу показываетъ, что имъ недостаетъ того отношенія другъ къ другу, которое должны имѣть истинные законы распредѣленія. Они остаются безъ всякой связи и соотвѣтствія между собой. Стало быть, по меньшей мѣрѣ два изъ этихъ трехъ законовъ или ложно поняты или ложно выражены. Это заключеніе совпадаетъ съ тѣмъ, что мы уже и ранѣе видѣли, именно, что обычное пониманіе закона заработной платы, а стало быть и закона процента, не выдерживаетъ критики. Въ такомъ случаѣ, будемъ сами искать истинные законы распредѣленія продуктовъ труда въ видѣ заработной платы, ренты и процента. А доказательство того, что мы нашли ихъ, будетъ состоять въ ихъ соотношеніи,—въ томъ, что они будутъ стоять между собой во взаимной связи и соотвѣтствіи и будутъ взаимно ограничиваться одинъ другимъ.

До прибыли этому изслѣдованію, очевидно, нѣтъ никакого дѣла. Намъ нужно лишь найти то, чѣмъ опредѣляется дѣленіе совокупнаго продукта между землей, трудомъ и капиталомъ, а прибыль не есть терминъ, который относился бы къ какому либо одному изъ этихъ трехъ элементовъ. Изъ трехъ частей, на которыя раздѣляется прибыль политико-экономами—вознагражденіе за рискъ, предпринимательское вознагражденіе и плата за пользованіе капиталомъ,—послѣдняя обнимается терминомъ процентъ, охватывающимъ всѣ виды вознагражденія за пользованіе капиталомъ и исключающемъ все прочее; предпринимательское вознагражденіе обнимается терминомъ заработная плата, который охватываетъ всѣ виды вознагражденія за человѣческую дѣятельность и исключаетъ все прочее; а вознагражденіе за рискъ вовсе не можетъ имѣть мѣста въ данномъ случаѣ, такъ какъ рискъ устраняется, разъ мы беремъ всю промышленную дѣятельность страны во всей ея совокупности. Я буду, слѣдовательно, въ согласіи съ опредѣленіями политико-экономовъ, пользоваться терминомъ процентъ, обозначая имъ ту часть продукта, которая приходится на долю капитала.

Суммируемъ сказанное:

Земля, трудъ, капиталъ—суть факторы производства. Терминъ земля обнимаетъ собой всѣ естественныя удобства или силы; терминъ трудъ—всякое человѣческое усиліе, и терминъ капиталъ—всякое богатство, употребляемое для произведенія большаго богатства. На вознагражденіе этихъ трехъ факторовъ и распредѣляется весь продуктъ. Та часть, которая поступаетъ къ землевладѣльцамъ, въ видѣ платы за пользованіе естественными удобствами, называется рентой; та часть, которая образуетъ вознагражденіе за чело-

вѣческій трудъ, называется заработной платой, и та часть, которая образуетъ вознагражденіе за пользованіе капиталомъ, называется процентомъ. Термины эти взаимно исключаютъ другъ друга. Доходъ отдѣльнаго лица можетъ получаться изъ какого либо одного, изъ двухъ или изъ всѣхъ трехъ этихъ источниковъ, но, стремясь открыть законы распредѣленія, мы должны разсматривать ихъ отдѣльно.

Я позволю себѣ начать намѣченное мною изслѣдованіе съ замѣчанія, что вся эта путаница, введенная въ политическую экономію и, мнѣ кажется, достаточно выясненная нами, зависѣла, по моему мнѣнію, отъ принятія ошибочной точки зрѣнія. Живя и дѣлая наблюденія при томъ состояніи общества, при которомъ капиталистъ обыкновенно снимаетъ землю и нанимаетъ трудъ и, такимъ образомъ, является какъ бы предпринимателемъ и первымъ двигателемъ производства, великіе представители науки и стали смотрѣть на капиталъ, какъ на главный факторъ въ производствѣ, на землю, какъ на его инструментъ, и на трудъ, какъ на исполнителя его велѣній или какъ на его орудіе. Такой взглядъ обнаруживается на каждой страницѣ, — обнаруживается изъ формы и хода ихъ разсужденій, изъ характера ихъ примѣровъ и даже изъ ихъ выбора терминовъ. Всюду капиталъ является точкой отправленія, капиталистъ — центральной фигурой. Это заходитъ такъ далеко, что и Смитъ, и Рикардо пользуются терминомъ «естественная заработная плата» для обозначенія того минимума, при какомъ работники могутъ только существовать; тогда какъ, если не считать несправедливости за что-либо естественное, подъ естественной заработной платой скорѣе слѣдовало бы понимать все, что производитъ работникъ. Эта привычка смотрѣть на капиталъ, какъ на работодателя, привела обоихъ экономистовъ къ теоріи, будто заработная плата зависитъ отъ относительнаго обилія капитала, а также къ теоріи, будто процентъ измѣняется въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ, отклонивъ ихъ отъ истины, которая, не будь этой привычки, была бы для нихъ очевидна. Короче, тотъ ложный шагъ, который, поскольку это касается великихъ законовъ распредѣленія, завелъ экономистовъ въ дебри, вмѣсто того, чтобы привести ихъ на горныя вершины, былъ сдѣланъ тогда, когда Адамъ Смитъ въ своей первой книгѣ покинулъ точку зрѣнія, выраженную въ сентенціи: «Продуктъ труда составляетъ естественное вознагражденіе или заработную плату труда», чтобы стать на ту точку зрѣнія, при которой капиталъ разсматривается, какъ нѣчто, дающее работу труду и уплачивающее заработную плату.

Но когда мы вникнемъ въ происхожденіе и естественную послѣдовательность явленій, мы замѣтимъ совсѣмъ обратный порядокъ; и капиталъ, вмѣсто того, чтобы быть первымъ, окажется послѣднимъ; вмѣсто того, чтобы быть дающимъ работу труду, окажется, въ дѣйствительности, употребляемымъ

трудомъ. Земля должна существовать прежде, чѣмъ можетъ быть затрачиваемъ трудъ, и трудъ долженъ быть затраченъ прежде, чѣмъ можетъ быть произведенъ капиталъ. Капиталъ есть результатъ труда, и употребляется трудомъ, чтобы помогать ему въ дальнѣйшемъ производствѣ. Трудъ есть активная и начальная сила, и трудъ, слѣдовательно, даетъ примѣненіе капиталу. Трудъ можетъ быть затрачиваемъ лишь на землѣ, и изъ земли должно быть взято то вещество, которое онъ преобразуетъ въ богатство. Земля, слѣдовательно, есть предшествующее условіе, мѣсто примѣненія и матеріалъ труда. Естественный порядокъ таковъ: земля, трудъ, капиталъ, и вмѣсто того, чтобы брать исходнымъ пунктомъ капиталъ, мы должны будемъ начать наше изслѣдованіе съ земли.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Капиталъ не есть необходимый факторъ производства. Трудъ, примѣняемый къ землѣ, можетъ производить богатство безъ помощи капитала, и въ неизбѣжномъ порядкѣ вещей долженъ былъ производить такимъ образомъ богатство ранѣе, чѣмъ могъ существовать капиталъ. Слѣдовательно, законъ ренты и законъ заработной платы должны находиться между собой въ извѣстномъ соотвѣтствіи и составлять совершенное цѣлое, независимо отъ закона капитала, такъ какъ въ противномъ случаѣ эти законы не обнимали бы тѣхъ случаевъ, которые легко можно представить, и которые до извѣстной степени на самомъ дѣлѣ существуютъ, когда капиталъ не принимаетъ участія въ производствѣ. А такъ какъ капиталъ, какъ часто выражаются, есть лишь накопленный трудъ, то онъ представляетъ изъ себя лишь нѣкоторую форму труда, нѣкоторое подраздѣленіе общаго термина трудъ, и его законъ долженъ быть подчиненъ закону заработной платы и быть въ соотвѣтствіи съ закономъ заработной платы, независимо отъ закона ренты, такъ чтобы оба эти первые закона могли обнимать тѣ случаи, въ которыхъ весь продуктъ раздѣляется между трудомъ и капиталомъ, безъ всякаго вычета въ пользу ренты. Обращаясь къ примѣру, который мы ранѣе приводили: дѣленіе продукта между землей, трудомъ и капиталомъ должно быть такимъ, какъ если бы оно совершилось между Томомъ, Дикомъ и Гарри, при чемъ Томъ и Дикъ были первоначальными сотрудниками, а Гарри вступилъ въ дѣло лишь какъ помощникъ Дика, имѣя долю въ его прибыли.

ГЛАВА II.

Рента и законъ ренты.

Терминъ рента, въ его экономическомъ смыслѣ, — когда его употребляютъ, какъ и я его употребляю, для означенія той части продукта, которая достается на долю собственниковъ земли или другихъ естественныхъ богатствъ въ силу ихъ права собственности, — отличается по своему значенію отъ слова рента, какъ его обыкновенно употребляютъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это экономическое значеніе уже обычнаго значенія, въ другихъ отношеніяхъ шире.

Оно уже вотъ когда: въ обычной рѣчи мы прилагаемъ слово рента (аренда) къ платежамъ за пользованіе зданіями, фабриками, различными недвижимыми имуществами и пр., равно какъ къ платежамъ за пользованіе землей или другими естественными богатствами; и, говоря о рентѣ какого либо дома или о рентѣ какой либо фермы, мы не отдѣляемъ цѣны за пользованіе постройками и улучшеніями отъ цѣны за пользованіе самой землей. Но въ экономическомъ значеніи ренты, платежи за пользованіе какимъ бы то ни было продуктомъ человѣческаго труда исключаются изъ ренты, и въ общей суммѣ платежей за пользованіе домами, фермами и пр. только та часть считается рентой, которая составляетъ вознагражденіе за пользованіе землей, — при чемъ та часть, которая уплачивается за пользованіе зданіями и другими приспособленіями, представляетъ уже изъ себя собственно процентъ, ибо она есть вознагражденіе за пользованіе капиталомъ.

Значеніе это шире вотъ когда: въ обычной рѣчи мы говоримъ о рентѣ только въ томъ случаѣ, когда собственникъ и владѣлецъ два разныхъ лица. Но въ экономическомъ смыслѣ есть также рента и тамъ, гдѣ одно и то же лицо является и собственникомъ и владѣльцемъ. Гдѣ собственникъ и владѣлецъ такимъ образомъ есть одно и то же лицо, тамъ та часть его дохода, которую онъ могъ бы получать, сдавая свою землю другому, есть рента, а вознагражденіемъ за его трудъ и капиталъ будетъ та часть его дохода, которую они приносили бы ему въ томъ случаѣ, если бы онъ, не имѣя земли, снималъ ее. Рента выражается также въ продажной цѣнѣ. При покупкѣ земли, плата, которую вносятъ за право собственности, или за право непрерывнаго пользованія землею, представляетъ изъ себя замѣщенную или капитализированную ренту. Если я покупаю землю за ничтожную цѣну и владѣю ею до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удастся продать ее за болѣе дорогую цѣну, то я обогащаюсь при этомъ не отъ заработной платы за мой трудъ и не отъ процента на мой капиталъ, а лишь благодаря росту

ренты. Рента, словомъ, есть та доля въ произведенномъ богатствѣ, которую даетъ собственнику исключительное право пользованія естественными богатствами. Всюду гдѣ земля имѣетъ мѣновую цѣнность, есть и рента, въ экономическомъ значеніи этого слова. Гдѣ земля, имѣющая цѣнность, примѣняется къ дѣлу собственникомъ или лицомъ, снимающимъ землю, тамъ есть фактическая рента: гдѣ земля не примѣняется къ дѣлу, хотя и имѣетъ цѣнность, тамъ есть потенціальная рента. Именно эта способность давать ренту и придаетъ цѣнность землѣ. До тѣхъ поръ, пока право собственности на землю не можетъ дать никакой выгоды, земля не имѣетъ цѣнности *).

Такимъ образомъ рента или цѣнность земли обусловливается отнюдь не производительностью или полезностью земли. Рента никоимъ образомъ не выражаетъ какой либо помощи или выгоды, доставляемой производству, но выражаетъ просто возможность захватывать въ свое обладаніе часть результатовъ производства. Каковы бы ни были богатства земли, но земля не будетъ давать ренты и не будетъ имѣть цѣнности до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не пожелаетъ платить своимъ трудомъ или результатами своего труда за привилегію пользоваться ею; и если кто пожелаетъ платить, то это будетъ зависѣть не отъ качества земли вообще, но отъ ея качества, сравнительно съ тою землею, которую можно имѣть задаромъ. Я могу имѣть очень богатую землю, но она не будетъ давать ренты и не будетъ имѣть цѣнности до тѣхъ поръ, пока будетъ другая земля столь же хорошая, которую можно имѣть даромъ. Но вотъ когда эта другая земля будетъ обращена въ чью либо собственность, а лучшая земля, которую можно получить безплатно, будетъ уже хуже моей, по своему плодородію, положенію или другому качеству, тогда моя земля получитъ цѣнность и начнетъ давать ренту. И хотя бы производительность моей земли падала, но если производительность земли, которую можно получить даромъ, уменьшается въ большей пропорціи, рента, которую я могу получать, а слѣдовательно, и цѣнность моей земли будетъ постоянно возрастать. Рента, словомъ, есть цѣна монополіи, возникающая благодаря обращенію въ личную собственность тѣхъ элементовъ, которые не могутъ быть ни произведены, ни увеличены человѣческимъ трудомъ.

Если бы какой нибудь человѣкъ владѣлъ всею землею, доступной для какого либо общества, то онъ могъ бы, само собой разумѣется, требовать такихъ цѣнъ за пользованіе ею или предлагать ее на такихъ условіяхъ, какія только казались бы ему подходящими; и пока признавалось бы его право собственности, всѣ прочіе члены общества должны были-бы подчиниться его условіямъ или избрать альтернативу смерти или эмиграцію. Такъ

*) Говоря о цѣнности земли, я пользуюсь и буду пользоваться этимъ выраженіемъ для означенія цѣнности голой земли. Когда же мнѣ случится говорить о цѣнности земли и вмѣстѣ земельныхъ улучшеній, я уже буду пользоваться именно этими словами.

оно и было во многихъ странахъ; но при теперешнемъ строѣ общества земля, хотя вообще и обращена въ личную собственность, тѣмъ не менѣе находится въ рукахъ слишкомъ большаго числа различныхъ лицъ, чтобы цѣна, которую эти лица могли получать за пользованіе землею опредѣлялась просто ихъ капризомъ или желаніемъ. Хотя каждый отдѣльный собственникъ и старается взять, что только возможно, тѣмъ не менѣе существуетъ нѣкоторый предѣлъ тому, что онъ можетъ взять, предѣлъ, который опредѣляется рыночной цѣной или рыночной рентой данной земли; предѣлъ этотъ бываетъ различенъ для разныхъ земель и въ разное время. Законъ или отношеніе, которымъ опредѣляется, при условіи свободной конкурренціи между всѣми сторонами (условіе, которое всегда должно предполагаться при разсмотрѣніи принциповъ политической экономіи), какая рента или цѣна можетъ быть получена собственникомъ, называется закономъ ренты. Разъ законъ этотъ будетъ выраженъ точно, мы будемъ имѣть болѣе, чѣмъ достаточную опору для тѣхъ законовъ, которыми регулируются заработная плата и процентъ. Ибо распредѣленіе богатства есть извѣстнаго рода раздѣлъ, и потому, узнавъ, чѣмъ опредѣляется доля продукта, достающаяся, какъ рента, мы также узнаемъ и то, чѣмъ опредѣляется та доля, которая остается на заработную плату, гдѣ нѣтъ никакого участія капитала; или то, чѣмъ опредѣляется соединенная доля, остающаяся на заработную плату и процентъ, гдѣ капиталъ принимаетъ участіе въ производствѣ.

Къ счастію, относительно закона ренты мы не встрѣчаемъ ни какихъ разногласій. Авторитеты и здравый смыслъ здѣсь сходятся *), и общепринятое положеніе господствующей политической экономіи имѣетъ характеръ очевидности, свойственный геометрическимъ аксіомамъ. Этотъ признанный законъ ренты, который Джонъ Стьюартъ Милль называетъ pons asinorum политической экономіи, иногда называется «Рикардовскимъ закономъ ренты», не потому собственно, чтобы Рикардо первый провозгласилъ его, а потому, что онъ съ особенной силой выставилъ его на видъ **). Вотъ этотъ законъ:

*) Я не хочу сказать, чтобы принятый законъ ренты никогда не былъ оспариваемъ. Во всей массѣ хлама, которая при теперешнемъ разрозненномъ состояніи науки печаталась подъ названіемъ политической экономіи, трудно было бы найти что нибудь такое, что не было бы оспариваемо. Но я хочу сказать, что законъ этотъ имѣлъ санкцію всѣхъ экономическихъ писателей, которыхъ на самомъ дѣлѣ можно считать авторитетами. Какъ говоритъ Джонъ Стьюартъ Милль (кн. II, гл. XVI) «немного найдется людей, которые отказывались признать этотъ законъ, если исключить тѣхъ, которые не вполнѣ понимали его. Нельзя не замѣтить, что тѣ кто старались опровергнуть этотъ законъ, понимали его очень неясно и неточно». Наблюденіе, которое подтверждалось и множествомъ позднѣйшихъ примѣровъ.

**) Согласно Мэк-Келлоку, законъ ренты впервые былъ установленъ въ одной брошюрѣ Dr. Джемсомъ Андерсономъ изъ Эдинбурга въ 1777 году и въ началѣ этого столѣтія одновременно Эдуардомъ Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо.

Рента съ земли опредѣляется излишкомъ производимаго этой землею сравнительно съ тѣмъ, что можетъ быть получено при тѣхъ же усиліяхъ съ наименѣе производительныхъ земель, находящихся въ употребленіи.

Законъ этотъ, который конечно прилагается и къ землямъ, употребляющимся для иныхъ цѣлей, чѣмъ сельско-хозяйственныя, и ко всѣмъ естественнымъ источникамъ силъ, каковы рудники, рыбныя ловли и пр., былъ исчерпывающимъ образомъ истолкованъ и изъясненъ выдающимися экономистами начиная съ Рикардо; но уже одно выраженіе его имѣетъ всю силу очевиднаго предложенія, ибо ясно, что конкурренція всегда стремится сдѣлать самое низшее вознагражденіе, за какое трудъ и капиталъ могутъ участвовать въ производствѣ, наивысшимъ вознагражденіемъ, какого они могутъ требовать; и, стало быть, всегда стремится дать собственнику болѣе производительной земли возможность брать въ свою пользу въ видѣ ренты все вырабатываемое сверхъ того, что требуется для вознагражденія труда и капитала въ размѣрѣ обычной нормы,—то-есть, въ размѣрѣ того, что они могли бы добыть на наименѣе производительной землѣ, изъ находящихся въ употребленіи (или въ наименѣе производительномъ пунктѣ), гдѣ конечно, уже не платится никакой ренты.

Пожалуй, для болѣе полнаго пониманія закона ренты, его можно выразить въ такой формѣ: Право собственности на какой либо естественный факторъ производства даетъ возможность собственнику брать себѣ ту долю богатства, производимаго при помощи этого фактора трудомъ и капиталомъ, которая представляетъ собой излишекъ сравнительно съ тѣмъ вознагражденіемъ, какое можетъ быть получено при затратѣ того-же труда и капитала въ наименѣе производительномъ изъ занятій, къ какому этотъ трудъ и капиталъ имѣютъ свободный доступъ.

Въ сущности, это выраженіе ничѣмъ не отличается отъ предъидущаго, ибо не существуетъ ни одного занятія, въ которомъ трудъ и капиталъ могутъ имѣть примѣненіе, которое не требовало бы пользованія землею; и сверхъ того, обработка или иные способы пользованія землей всегда будутъ доводиться до самой низкой точки вознагражденія, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, на которую люди добровольно соглашаются въ какомъ-либо иномъ занятіи. Предположите для примѣра страну, въ которой часть труда и капитала посвящается земледѣлію, и часть фабричной промышленности. Самая бѣдная земля, находящаяся въ обработкѣ, даетъ среднее вознагражденіе, которое мы обозначимъ цифрою 20, и 20 будетъ, слѣдовательно, среднимъ вознагражденіемъ труда и капитала, какъ въ фабричной промышленности, такъ и въ земледѣліи. Предположите, что вслѣдствіе нѣкоторой постоянной причины вознагражденіе въ фабричной промышленности

опускается теперь до 15. Ясно, что трудъ и капиталъ, занятые въ фабричной промышленности, будутъ переходить къ земледѣлію, и процессъ этотъ не остановится до тѣхъ поръ, пока, или вслѣдствіе расширенія культуры на худшія земли или до болѣе низкихъ пунктовъ производительности на той же землѣ, или вслѣдствіе повышенія относительной цѣнности фабричныхъ продуктовъ, зависящаго отъ сокращенія производства,—или, какъ это бываетъ обыкновенно, вслѣдствіе обѣихъ этихъ причинъ,—доходъ труда и капитала въ обоихъ занятіяхъ не доведенъ будетъ, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, снова до одного и того же уровня; такъ что каковъ бы ни былъ конечный пунктъ производительности, при какомъ будетъ продолжаться фабричная промышленность, будь это 18, 17, или 16,—земледѣліе тоже распространится до этого пункта. И такимъ образомъ, сказать, что рента будетъ представлять изъ себя излишекъ въ производительности сравнительно съ доходомъ на границѣ культуры или на самомъ низкомъ пунктѣ культуры, то же самое, что сказать, что рента будетъ представлять изъ себя излишекъ продукта сравнительно съ тѣмъ, каковой получается при равномъ количествѣ труда и капитала въ наименѣе вознаграждающемъ занятіи.

Законъ ренты въ дѣйствительности есть лишь выводъ изъ закона конкурренціи и сводится просто къ утвержденію такого рода: такъ какъ заработная плата съ процентомъ стремятся къ нѣкоторому общему уровню, то весь излишекъ производимаго богатства, сравнительно съ тѣмъ, что трудъ и капиталъ, при равной затратѣ, могли бы добыть для себя, будучи примѣнены къ самому бѣдному естественному фактору, находящемуся въ употребленіи, пойдетъ въ пользу землевладѣльцевъ въ видѣ ренты. Этотъ законъ опирается, въ конечномъ анализѣ, на тотъ фундаментальный принципъ, который для политической экономіи тоже, что принципъ всемірнаго тяготѣнія для физики,—что люди стремятся къ удовлетворенію своихъ желаній съ наименьшимъ трудомъ.

Вотъ и весь законъ ренты. Хотя многіе классическіе трактаты слишкомъ то уже слѣдуютъ примѣру Рикардо, который, повидимому, понималъ этотъ законъ только лишь въ его отношеніи къ земледѣлію и во многихъ мѣстахъ выражается въ томъ смыслѣ, что, молъ, фабрики не приносятъ никакой ренты (тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, фабрики и торговыя заведенія приносятъ наивысшую ренту, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ болѣе высокой цѣнности земли въ фабричныхъ и торговыхъ городахъ), не раскрывая, такимъ образомъ, полнаго значенія этого закона,—тѣмъ не менѣе, самый законъ, уже со времени Рикардо, былъ ясно понятъ и вполнѣ признанъ. Нельзя того же сказать о выводахъ изъ него. Какъ они не просты, тѣмъ не менѣе принятая доктрина заработной платы (поддерживаемая и подкрѣпляемая не только такъ, какъ это ранѣе было объяснено, но и путемъ соображеній,

огромное значеніе которыхъ будетъ видно, когда мы прійдемъ къ тому логическому заключенію, къ какому стремимся) до сего времени препятствовала ихъ признанію *). Однако, развѣ это не такъ-же просто, какъ самое простое геометрическое доказательство, что выводомъ изъ закона ренты будетъ законъ заработной платы, въ тѣхъ случаяхъ, когда раздѣлъ продукта совершается только между рентой и заработной платой; или законъ заработной платы и процента, взятыхъ вмѣстѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда весь продуктъ дѣлится на ренту, заработную плату и процентъ? Съ своей оборотной стороны, законъ ренты есть необходимо законъ заработной платы и процента взятыхъ вмѣстѣ, ибо онъ есть утвержденіе, что, какіе бы результаты не давало приложеніе къ производству труда и капитала, но эти два фактора будутъ получать въ заработной платѣ и процентѣ лишь такую часть производимаго, какую они могли бы произвести на землѣ, доступной для нихъ безъ платежа ренты, то-есть, на наименѣе производительной землѣ или въ наименѣе производительномъ пунктѣ, находящемся въ употребленіи. Ибо, если весь продуктъ, за вычетомъ той суммы, которую трудъ и капиталъ могли бы добыть отъ земли, за которую не платится ренты, долженъ идти къ землевладѣльцамъ какъ рента, то все, чего могутъ требовать трудъ и капиталъ, какъ заработной платы и процента, выразится той суммой богатства, какую они могли бы добыть отъ земли, не приносящей ренты.

Или, представляя то же въ алгебраической формѣ:

Такъ какъ Продуктъ=Рентѣ+Заработная плата+Процентъ, то слѣдовательно, Продуктъ—Рента=Заработной платѣ+Процентъ.

Такимъ образомъ, заработная плата и процентъ зависятъ не отъ того, что производится трудомъ и капиталомъ, но отъ того, что остается послѣ того, какъ будетъ взята рента; или зависитъ отъ того продукта, который можно было бы получить, не платя ренты, то-есть, съ наиболѣе бѣдной земли, находящейся въ употребленіи. И стало-быть, какъ бы ни былъ быстръ ростъ производительныхъ силъ, но если и ростъ ренты не отстаетъ отъ него, то ни заработная плата, ни процентъ не могутъ повыситься.

Разъ будетъ признано это простое отношеніе, и лучъ свѣта озаритъ то, что было ранѣе необъяснимымъ, и повидимому несообразные факты окажутся подчиненными нѣкоторому очевидному закону. Ростъ ренты, совершающійся въ прогрессивныхъ странахъ, сразу окажется ключемъ къ разгадкѣ того явленія, что заработная плата и процентъ не увеличиваются съ ростомъ производительныхъ силъ. Ибо богатство, производимое въ каждой странѣ,

---

*) Бокль (гл. II «Исторіи цивилизаціи») признаетъ существованіе необходимаго отношенія между рентой, процентомъ и заработной платой, но онъ видимо никогда не розыскивалъ этого отношенія.

раздѣляется на двѣ части, если можно такъ выразиться, линіей ренты, которая опредѣляется предѣломъ культуры или тѣмъ вознагражденіемъ, которое трудъ и капиталъ могли бы получить съ тѣхъ естественныхъ удобствъ, которыя доступны для нихъ безъ платежа ренты. Изъ той части продукта, которая оказывается ниже этой линіи, уплачиваются заработная плата и процентъ. А все, что оказывается выше ея, идетъ къ собственникамъ земли. Такимъ образомъ, тамъ гдѣ земля имѣетъ малую цѣнность, тамъ производство богатства можетъ быть незначительнымъ, и однако же норма заработной платы и процента можетъ быть высока, какъ напр. въ новыхъ странахъ. А тамъ, гдѣ цѣнность земли высока, тамъ можетъ быть весьма обильное производство богатства и однако же низкая норма заработной платы и процента, какъ это мы видимъ въ старыхъ странахъ. Гдѣ производительныя силы возрастаютъ, какъ онѣ возрастаютъ во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ, тамъ заработная плата съ процентомъ будутъ измѣняться, но не прямо въ зависимости отъ этого возрастанія, а въ зависимости отъ того дѣйствія, какое оно будетъ оказывать на ренту. Если цѣнность земли будетъ пропорціонально увеличиваться, все увеличеніе производства будетъ поглощено рентою, а заработная плата и процентъ будутъ оставаться такими же, какъ прежде. Если цѣнность земли будетъ увеличиваться въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ производительныя силы, рента будетъ поглощать даже больше, чѣмъ все это увеличеніе, и, между тѣмъ какъ продуктъ труда и капитала будетъ значительно увеличиваться, заработная плата и процентъ будутъ падать. Только лишь когда цѣнность земли не будетъ рости столь же быстро, какъ производительныя силы, заработная плата и процентъ могутъ увеличиваться съ ростомъ производительныхъ силъ. Все это подтверждается и на примѣрахъ, взятыхъ изъ дѣйствительности.

ГЛАВА III.

О процентѣ и причинѣ процента.

Установивъ законъ ренты, мы получили, какъ необходимое слѣдствіе его, законъ заработной платы для того случая, когда дѣленіе продукта совершается между рентой и заработной платой, и законъ заработной платы и процента, взятыхъ вмѣстѣ, для того случая, когда дѣленіе совершается между тремя факторами. Зная какая доля продукта берется въ видѣ ренты, мы уже можемъ опредѣлить, какая доля остается на заработную плату, если производство ведется лишь при участіи земли и труда; или какая доля

будетъ дѣлиться между заработной платой и процентомъ, если и капиталъ принимаетъ участіе въ производствѣ.

Однако оставляя въ сторонѣ этотъ выводъ, будемъ искать каждый изъ этихъ законовъ отдѣльно и независимо. И если, придя такимъ путемъ къ этимъ законамъ, мы увидимъ, что они будутъ въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ то и наши заключенія получатъ наивысшую степень достовѣрности.

Такъ какъ открытіе закона заработной платы составляетъ конечную цѣль нашего изслѣдованія, то мы сначала займемся процентомъ.

Я уже указывалъ на разницу въ значеніи терминовъ прибыль и процентъ. Небезполезно будетъ, далѣе, замѣтить, что процентъ, какъ отвлеченный терминъ въ ученіи о распредѣленіи богатства, отличается по своему значенію отъ этого слова, въ его обычномъ употребленіи, тѣмъ, что терминъ этотъ обнимаетъ всѣ виды вознагражденія за пользованіе капиталомъ, а не одно только то вознагражденіе, которое получаетъ заимодавецъ отъ заемщика, а также и тѣмъ, что терминъ этотъ исключаетъ вознагражденіе за рискъ, которое составляетъ столь значительную часть того, что обыкновенно называютъ процентомъ. Вознагражденіе за рискъ есть, очевидно, лишь средство для уравненія дохода между различными примѣненіями капитала. Намъ же необходимо найти,—чѣмъ опредѣляется общій размѣръ собственно процента. Различныя нормы вознагражденія за рискъ, будучи прибавлены къ такому проценту, дадутъ намъ общепринятыя нормы коммерческаго процента.

Далѣе, очевидно что наибольшія различія въ томъ, что обыкновенно называется процентомъ, слѣдуетъ приписать различіямъ въ рискѣ; однако очевидно и то, что между различными странами и различными періодами времени существуютъ также значительныя различія и въ размѣрѣ собственно процента. Въ Калифорніи одно время два процента въ мѣсяцъ не считались чрезмѣрнымъ процентомъ при томъ обезпеченіи, при какомъ теперь могутъ быть заключены займы по семи или по восьми процентовъ въ годъ, и хотя нѣкоторая часть разницы можетъ быть отнесена на счетъ увеличившагося довѣрія къ общей устойчивости положенія, тѣмъ не менѣе большая часть этой разницы, очевидно, должна быть приписана какой-то другой причинѣ общаго характера. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ общемъ норма процента всегда была выше, чѣмъ въ Англіи; а въ болѣе новыхъ Штатахъ Союза выше, чѣмъ въ болѣе старыхъ; наклонность процента падать, по мѣрѣ прогресса общества бросается въ глаза и давно уже была замѣчена. Въ чемъ-же заключается тотъ законъ, который охватываетъ всѣ эти различія и обнаруживаетъ ихъ причину?

Было бы излишне послѣ всего сказаннаго нами приводить дальнѣйшія доказательства несостоятельности господствующей политической экономіи въ дѣлѣ опредѣленія истиннаго закона процента. Въ ея разсужденіяхъ по этому

предмету уже нѣтъ той опредѣленности и связности, которыя дали возможность общепризнанной теоріи заработной платы держаться наперекоръ свидѣтельству фактовъ, почему разсужденія эти не требуютъ столь же подробнаго разсмотрѣнія. Что они расходятся съ фактами—очевидно. Что процентъ не зависитъ отъ производительности труда и капитала, доказывается тѣмъ общимъ фактомъ, что гдѣ трудъ и капиталъ являются наиболѣе производительными, тамъ процентъ оказывается самымъ низкимъ. Что процентъ не стоитъ въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ (или къ стоимости труда), опускаясь, когда подымается заработная плата, и подымаясь, когда она падаетъ, доказывается тѣмъ общимъ фактомъ, что процентъ бываетъ высокъ, когда высока заработная плата, и низокъ, когда заработная плата низка.

Начнемъ же съ самаго начала. Природа и функціи капитала были уже достаточно выяснены; однако, рискуя сдѣлать нѣчто въ родѣ отступленія, постараемся опредѣлить причину процента, прежде чѣмъ разсматривать его законъ. Ибо выясненіе этой причины помимо того, что можетъ намъ помочь въ нашемъ изслѣдованіи, давъ болѣе основательное и болѣе ясное представленіе о предметѣ, съ которымъ намъ предстоитъ теперь имѣть дѣло, можетъ также направить насъ къ заключеніямъ, практическая важность которыхъ будетъ потомъ очевидна.

Гдѣ причина и въ чемъ оправданіе процента? Почему заемщикъ долженъ возвращать назадъ заимодавцу болѣе, чѣмъ имъ было получено? Эти вопросы стоятъ того, чтобы на нихъ отвѣчать, не только въ виду ихъ спекулятивной, но и въ виду ихъ практической важности. Убѣжденіе, будто процентъ есть грабежъ промышленности все распространяется и растетъ, и на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана сказывается все сильнѣе и сильнѣе въ популярной литературѣ и въ народныхъ движеніяхъ. Истолкователи господствующей политической экономіи утверждаютъ, что нѣтъ никакого конфликта между трудомъ и капиталомъ, и отвергаютъ, всѣ мѣры для ограниченія вознагражденія, которое получаетъ капиталъ, какъ одинаково несправедливыя и по отношенію къ труду и по отношенію къ капиталу; однако, тутъ же въ тѣхъ-же сочиненіяхъ излагается доктрина, будто заработная плата и процентъ стоятъ другъ къ другу въ обратномъ отношеніи, и процентъ долженъ быть низокъ или высокъ, смотря потому, высока или низка заработная плата *). Само собой разумѣется, разъ эта доктрина справедлива, то единственнымъ, логичнымъ возраженіемъ, какое съ точки зрѣнія работника можетъ быть сдѣлано противъ какого либо плана сокращенія процента, можетъ заключаться въ указаніи на неисполнимость этого плана—возраженіе, очевидно, слишкомъ

*) Это на самомъ дѣлѣ утверждается относительно прибыли; но, очевидно, въ этомъ случаѣ терминъ прибыль употребляется въ смыслѣ дохода на капиталъ.

слабое въ то время, когда еще такъ распространены представленія о всемогуществѣ законодательныхъ учрежденій; и хотя такое возраженіе можетъ повести къ тому, что одинъ какой либо изъ такихъ плановъ будетъ брошенъ, тѣмъ не менѣе оно не предупредитъ погони за другимъ.

Почему-бы процентъ долженъ былъ существовать? Процентъ, говорятъ намъ во всѣхъ классическихъ сочиненіяхъ, есть вознагражденіе за воздержаніе. Но, очевидно, это не даетъ достаточнаго объясненія для него. Воздержаніе не активное, а пассивное качество; оно не есть дѣланіе,—а есть просто недѣланіе. Воздержаніе само по себѣ ничего не производитъ. Почему же, въ такомъ случаѣ, нѣкоторую часть того, что производится, можно требовать за него? Если бы я имѣлъ нѣкоторую сумму денегъ и держалъ ее подъ замкомъ въ теченіе года, то я выказалъ бы столько же воздержанія, какъ если бы я отдалъ ее въ займы. Однако, хотя въ послѣднемъ случаѣ я ожидалъ бы, что она вернется ко мнѣ съ нѣкоторой добавочной суммой, благодаря проценту, въ первомъ случаѣ я имѣлъ бы лишь ту же самую сумму, безъ всякаго прироста. Но воздержаніе было бы то же самое. Если бы сказали, что ссужая эту сумму, я оказываю заемщику нѣкоторую услугу, то на это можно бы было возразить, что онъ также оказываетъ мнѣ услугу, сберегая эту сумму въ цѣлости, — услугу, которая при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ быть весьма цѣнной, и за которую я охотно сталъ бы платить, лишь бы только имѣть ее; услугу, которая для нѣкоторыхъ формъ капитала можетъ быть даже болѣе очевидной, чѣмъ для денегъ. Ибо существуетъ множество формъ капитала, которыя не могутъ сохраняться, но должны постоянно обновляться; и много такихъ формъ, которыя трудно сохранять, если только кто нибудь немедленно не пользуется ими. Такъ что, если лицо, которое накапливаетъ капиталъ, помогаетъ лицу, которое пользуется капиталомъ, занимая его, то не выплачиваетъ ли полностію долга пользующійся капиталомъ, возвращая назадъ этотъ капиталъ? Не есть ли заботливое сохраненіе, содержаніе и возобновленіе капитала полное вознагражденіе за пользованіе имъ? Накопленіе есть конецъ и цѣль воздержанія. Воздержаніе не идетъ дальше этого и болѣе ничего не можетъ выполнить; само по себѣ оно не можетъ выполнить даже и это. Если бы мы просто воздержались пользоваться богатствомъ, то сколько бы его пропало за одинъ годъ? И какъ мало бы его осталось къ концу второго года... Стало-быть, если за воздержаніе требуютъ болѣе простого возврата въ цѣлости капитала, то не есть ли это несправедливость по отношенію къ труду? Идеи, подобныя этимъ, лежатъ въ основѣ широкораспространеннаго мнѣнія, будто процентъ можетъ возникать лишь на счетъ труда и есть, въ сущности, грабежъ труда, грабежъ который при общественномъ строѣ, основанномъ на справедливости, былъ бы уничтоженъ.

Попытки опровергнуть такіе взгляды, по моему мнѣнію, были не всегда

успѣшны. Для примѣра возьмемъ у Бастіа одно изъ типичныхъ опроверженій такого рода, именно часто цитируемый примѣръ рубанка. Одинъ плотникъ, Яковъ, затративъ десять дней работы, сдѣлалъ себѣ рубанокъ, котораго хватитъ для работы на 290 изъ 300 рабочихъ дней въ году. Вильямъ, другой плотникъ, желаетъ взять взаймы этотъ рубанокъ, предлагая возвратить къ концу этого времени, когда рубанокъ уже сдѣлается негоднымъ для употребленія, новый рубанокъ, столь же хорошій. Яковъ возражаетъ противъ отдачи взаймы рубанка на такихъ условіяхъ, выставляя на видъ, что если онъ только получитъ назадъ рубанокъ, то онъ ничѣмъ не будетъ вознагражденъ за лишеніе той выгоды, которую давало бы ему въ теченіе года пользованіе рубанкомъ. Вильямъ, признавая это возраженіе, соглашается не только возвратить рубанокъ, но въ прибавку дать Якову новую доску. На этомъ они и порѣшили къ взаимному удовольствію. Рубанокъ изнашивается въ теченіе года, но въ концѣ года Яковъ получаетъ столь же хорошій рубанокъ и доску въ придачу. Каждый годъ онъ отдаетъ взаймы новый рубанокъ, пока тотъ наконецъ не достается въ руки его сына, «который еще продолжаетъ отдавать его взаймы», получая каждый разъ по доскѣ. Доска эта, представляющая процентъ, является, говорятъ, естественнымъ и справедливымъ вознагражденіемъ, такъ какъ, давая ее взамѣнъ пользованія рубанкомъ, Вильямъ «получаетъ существующую въ инструментѣ силу увеличивать производительность труда» и ничего не теряетъ сравнительно съ тѣмъ, какъ если бы онъ не занималъ рубанка; тогда какъ Яковъ получаетъ не болѣе того, что онъ имѣлъ бы, если бы онъ оставилъ у себя свой рубанокъ и самъ пользовался имъ, вмѣсто того чтобы отдавать его взаймы.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь отнюдь не утверждается, чтобы Яковъ могъ сдѣлать рубанокъ, а Вильямъ не могъ, ибо тогда доска представляла бы изъ себя награду за большее искусство. Утверждается только, что Яковъ воздерживался отъ потребленія результата своего труда, пока онъ не накопилъ его въ формѣ рубанка, — что и выражаетъ основную идею капитала.

Если бы Яковъ не отдавалъ взаймы своего рубанка, то онъ могъ бы пользоваться имъ въ продолженіи 290 дней, когда тотъ сдѣлался бы негоднымъ къ употребленію, и долженъ бы былъ остающіеся отъ рабочаго года десять дней употребить на то, чтобы сдѣлать новый рубанокъ. Если бы Вильямъ не занималъ рубанка, то онъ употребилъ бы десять дней на то, чтобы сдѣлать себѣ рубанокъ, которымъ онъ могъ бы затѣмъ пользоваться остающіеся 290 дней. Такимъ образомъ, если мы примемъ, что доска представляетъ собой плоды однодневнаго труда съ помощью рубанка, то каждый изъ нихъ въ концѣ года, не будь никакого займа, въ отношеніи рубанка находился бы какъ разъ

въ томъ же положеніи, съ какого онъ началъ, Яковъ съ рубанкомъ, а Вильямъ безъ него, и каждый имѣлъ бы, какъ результатъ годоваго труда, 290 досокъ. Если бы они пришли къ соглашенію на томъ условіи, какое Вильямъ сначала предложилъ, а именно на условіи возврата новаго рубанка, то какъ разъ такое положеніе и было бы достигнуто. Вильямъ работалъ бы 290 дней, а послѣдніе десять дней употребилъ бы на то, чтобы сдѣлать новый рубанокъ для возврата Якову. Яковъ употребилъ бы первые десять дней года на то, чтобы сдѣлать другой рубанокъ, который служилъ бы ему 290 дней, когда онъ получилъ бы новый рубанокъ отъ Вильяма. Такимъ образомъ, простое возвращеніе рубанка ставило бы каждаго въ то самое положеніе въ концѣ года, какъ если бы не имѣлъ мѣста никакой займъ. Яковъ ничего не терялъ бы къ выгодѣ Вильяма, а Вильямъ ничего не выгадывалъ бы въ ущербъ Якову. Каждый имѣлъ бы то вознагражденіе, которое и безъ того принесъ бы ему его трудъ, именно 290 досокъ, а у Якова было бы то самое преимущество, съ какимъ онъ началъ, — новый рубанокъ.

Но когда въ прибавку къ возвращаемому рубанку дается доска, тогда Яковъ въ концѣ года оказывается въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ тѣмъ, какъ если бы не было займа, а Вильямъ въ худшемъ. Яковъ будетъ имѣть 291 доску и новый рубанокъ, а Вильямъ будетъ имѣть 289 досокъ и у него не будетъ рубанка. Если бы теперь Вильямъ занялъ рубанокъ, а также и доску, на тѣхъ же условіяхъ, какъ прежде, то ему пришлось бы въ концѣ года возвратить Якову рубанокъ, двѣ доски и нѣкоторую дробь доски, и если бы все это онъ снова занялъ, и такъ далѣе, то, очевидно, доходъ одного сталъ бы прогрессивно падать, а доходъ другого прогрессивно возрастать, пока не наступило бы такого времени, когда, въ результатѣ первоначальнаго займа рубанка, Яковъ сталъ бы забирать весь результатъ труда Вильяма, — то-есть, Вильямъ сдѣлался бы въ сущности его рабомъ.

Можно ли тогда считать процентъ естественнымъ и справедливымъ? Въ приведенномъ примѣрѣ ничто не доказываетъ, чтобы процентъ былъ таковымъ. Очевидно, что выдаваемая Бастіа (и многими другими) за основаніе процента, «существующая въ инструментѣ сила увеличивать производительность труда», ни съ точки зрѣнія справедливости, ни въ силу факта, не можетъ считаться основаніемъ процента. Заблужденіе, которое дѣлаетъ примѣръ Бастіа убѣдительнымъ въ глазахъ тѣхъ, которые не даютъ себѣ труда анализировать этотъ примѣръ, какъ это сдѣлано было нами, заключается въ томъ, что съ займомъ рубанка связываютъ мысль о переносѣ возросшей производительной силы, которую рубанокъ даетъ труду. Но это отнюдь не предполагается примѣромъ Бастіа. Существенное въ томъ, что Яковъ отдавалъ взаймы Вильяму, заключалось отнюдь не въ увеличеніи силы, которую трудъ пріобрѣтаетъ вслѣдствіе пользованія рубанками. Чтобы предположить, это,

мы должны бы были предложить, что приготовленіе рубанковъ и пользованіе ими составляетъ промышленный секретъ или охраняется патентомъ, и тогда самый примѣръ касался бы монополіи, а не капитала. Существенное въ томъ, что Яковъ отдазалъ взаймы Вильяму, заключалось не въ привилегіи примѣнять трудъ болѣе производительнымъ образомъ, а въ пользованіи конкретнымъ результатомъ десятидневнаго труда. Если бы «существующая въ инструментахъ сила увеличивать производительность труда» была причиной процента, то размѣръ процента возрасталъ бы съ прогрессомъ изобрѣтеній. А этого не бываетъ; не бываетъ и того, чтобы отъ меня требовали большій процентъ тогда, когда я занимаю пятидесятидолларовую швейную машину, чѣмъ тогда, когда я занимаю на пятьдесятъ долларовъ иголокъ; когда я занимаю паровую машину, чѣмъ когда я занимаю груду кирпичей равной стоимости. Капиталъ, подобно богатству, обладаетъ свойствомъ обмѣниваемости. Онъ не есть одна какая либо вещь, но есть всякая вещь равной цѣнности въ кругу обмѣна. Усовершенствованіе инструментовъ не увеличиваетъ воспроизводительной способности капитала; оно увеличиваетъ производительную силу труда.

И я склоненъ думать, что если бы все богатство состояло изъ такихъ вещей, какъ рубанки, а все производство было бы такимъ, какъ плотницкое дѣло,—то-есть, если бы богатство состояло лишь изъ инертнаго вещества вселенной, а производство изъ преобразованія этого вещества въ различныя формы,—процентъ былъ бы лишь грабежомъ промышленности и не могъ бы долго существовать. Это не значило бы сказать, что не было бы накопленія. Ибо, хотя надежда на приростъ и является побудительной причиной къ превращенію богатства въ капиталъ, тѣмъ не менѣе она не представляетъ изъ себя побудительной причины или, по крайней мѣрѣ, главной побудительной причины для накопленія. Дѣти будутъ сберегать свои грошики на Рождество; пираты будутъ пополнять свои зарытыя сокровища; восточные князья будутъ накапливать груды звонкой монеты; и люди, подобные Стьюарту или Вандербильту, разъ ими овладѣетъ страсть къ накопленію, будутъ продолжать, пока могутъ, умножать свои милліоны, хотя бы накопленное ими и не давало никакого прироста. Сказать это не значило бы сказать, что не было бы ни займовъ, ни ссудъ, ибо къ нимъ, въ обширной мѣрѣ, побуждало бы взаимное удобство. Если бы у Вильяма была работа, которую онъ долженъ бы былъ начать немедленно, а у Якова—работа, которую онъ долженъ бы былъ начать лишь спустя десять дней, то могла бы быть взаимная выгода въ займѣ рубанка, хотя бы и не приходилось при этомъ давать доску.

Но не всякое богатство одной природы съ рубанками, или досками, или деньгами, и не всякое производство есть преобразованіе въ другія формы инертнаго вещества вселенной. Если бы я сберегалъ деньги, я не имѣлъ бы

прироста, это правда. Но предположите, что я сберегаю вино. Къ концу года я буду имѣть возросшую цѣнность, ибо вино улучшится въ качествѣ. Или предположите, что я, въ пригодномъ для этого мѣстѣ, держу пчелъ; къ концу года у меня будетъ больше роевъ и меду, который онѣ накопятъ. Или предположите, что гдѣ есть для этого мѣсто, я держу овецъ, свиней или крупный скотъ; къ концу года я, въ среднемъ, также буду имѣть приростъ.

То, что даетъ приростъ въ этихъ случахъ есть нѣчто такое, что хотя вообще и требуетъ труда, чтобы быть утилизированнымъ, но тѣмъ не менѣе есть нѣчто отличное и отдѣлимое отъ труда, — дѣятельная сила природы, начало роста, воспроизведенія, которымъ повсюду характеризуются всѣ формы того таинственнаго явленія или условія, которое мы называемъ жизнью. И мнѣ кажется, что именно эта-то сила и есть причина процента или прироста капитала свыше того, что слѣдуетъ труду. Существуютъ, такъ сказать, въ постоянномъ потокѣ природы, въ его теченьи, нѣкоторые жизненные потоки, которые, если мы пользуемся ими, помогаютъ намъ съ силой, независимой отъ нашихъ собственныхъ усилій, въ дѣлѣ преобразованія вещества въ желаемыя нами формы, то-есть, въ богатство.

Хотя можно указать много вещей, которыя, подобно деньгамъ или рубанкамъ, или доскамъ, или машинамъ, или одеждѣ, не заключаетъ въ себѣ способности къ приросту, тѣмъ не менѣе существуютъ другія вещи, обнимаемыя терминами богатство и капиталъ, которыя, подобно вину, сами по себѣ могутъ улучшаться въ качествѣ до извѣстнаго предѣла; или, подобно пчеламъ и скоту, могутъ сами по себѣ увеличиваться въ количествѣ; и нѣкоторые другіе предметы, напримѣръ сѣмена, хотя и требующіе затраты труда для достиженія прироста, но тѣмъ не менѣе дающіе при этомъ условіи, приростъ или вознагражденіе превышающее то, которое можетъ быть приписываемо труду.

Далѣе, обмѣниваемость богатства необходимо ведетъ къ распредѣленію между всѣми видами богатства какой либо особой выгоды, которая вытекаетъ изъ владѣнія однимъ какимъ либо видомъ богатства, ибо никто не сталъ бы держать капиталъ въ данной формѣ, когда онъ могъ бы превратить его въ другую, болѣе выгодную форму. Никто, напримѣръ, не сталъ бы молоть свою пшеницу и держать муку въ запасѣ для удобства тѣхъ, которые пожелали бы отъ поры до времени обмѣнять свою пшеницу или что-либо равноцѣнное ей на муку, пока онъ не могъ бы при такомъ обмѣнѣ обезпечить за собой приростъ равный тому, который, принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства, онъ могъ бы получить, посѣявъ свою пшеницу. Никто, имѣя возможность содержать овецъ, не отдалъ бы теперь своего стада съ тѣмъ условіемъ, чтобы на слѣдующій годъ ему возвратили такое же стадо, по учету

чистаго вѣса мяса животныхъ, ибо, владѣя овцами онъ имѣлъ бы на слѣдующій годъ не только такое же количество мяса, но также еще ягнятъ и шерсть. Никто не сталъ бы копать оросительной канавы, пока лица, которыя при ея помощи получили бы возможность утилизировать воспроизводительныя силы природы, не стали бы давать ему такую часть прироста, полученнаго ими, какой было бы достаточно, чтобы и его капиталъ сталъ приносить ему столько же, сколько приносили бы имъ ихъ капиталы. И такимъ образомъ, во всякомъ мѣновомъ кругу, способность къ приросту, которую воспроизводительныя или жизненныя силы природы даютъ нѣкоторымъ видамъ капитала, должна выравниваться между всѣми видами его; и тотъ, кто ссужаетъ или пускаетъ въ обмѣнъ деньги, рубанки, кирпичи или платье, не лишается возможности получить такой же приростъ, какой онъ имѣлъ бы въ томъ случаѣ, если бы ссужалъ или примѣнялъ къ производительному дѣлу капиталъ въ формѣ, способной къ приросту.

Точно также, въ утилизированіи различій въ силахъ природы или человѣка, которое выполняется обмѣномъ, также имѣетъ мѣсто нѣкоторый приростъ нѣсколько напоминающій приростъ, который производится жизненными силами природы. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, данное количество труда даетъ 200 единицъ растительной пищи или 100 единицъ животной. Въ другомъ мѣстѣ, условія стоятъ въ обратномъ отношеніи, и то же количество труда произведетъ 100 единицъ растительной пищи или 200 животной. Въ одномъ мѣстѣ цѣнность растительной пищи къ животной будетъ относиться, какъ два къ одному, а въ другомъ, какъ одинъ къ двумъ; предположивъ, что требуются равныя количества каждаго рода пищи, одно и то же количество труда будетъ давать въ одномъ мѣстѣ, какъ и въ другомъ, 150 единицъ обоихъ родовъ пищи вмѣстѣ. Но примѣняя трудъ въ одномъ мѣстѣ къ добыванію растительной пищи, а въ другомъ къ добыванію животной, и затѣмъ обмѣнивая результаты труда, жители этихъ двухъ мѣстъ имѣли бы возможность съ тѣмъ же количествомъ труда добывать 200 единицъ обоихъ родовъ пищи вмѣстѣ, минусъ потери и расходы при обмѣнѣ; и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ продуктъ изъятый изъ употребленія и пущенный въ обмнѣнъ возвращался бы съ приростомъ. Вотъ почему котъ Уиттинтона, отправленный въ далекую страну, гдѣ кошки были рѣдкостью и гдѣ было множество крысъ, вернулся къ нему въ видѣ тюковъ товара и мѣшковъ золота.

Понятно, трудъ необходимъ для обмѣна, какъ онъ необходимъ для утилизаціи воспроизводительныхъ силъ природы, и продуктъ обмѣна, какъ продуктъ земледѣлія, есть очевидно продуктъ труда; однако же и въ первомъ случаѣ, и во второмъ, существуетъ нѣкоторая отличная отъ труда сила, помогающая труду, которая дѣлаетъ невозможнымъ измѣрять результатъ единственно по количеству затраченнаго труда, но дѣлаетъ количество капи-

тала и время, которое капиталъ находился въ употребленіи, составными частями всей суммы силъ. Капиталъ помогаетъ труду во всевозможныхъ видахъ производства, тѣмъ не менѣе существуетъ различіе въ отношеніи между этими двумя факторами, трудомъ и капиталомъ, въ такихъ видахъ производства, которые состоятъ только въ измѣненіи формы или мѣста вещества, какъ строганіе досокъ или добываніе каменнаго угля, и въ такихъ видахъ производства, гдѣ пользуются воспроизводительными силами природы или способностью приращенія, возникающей изъ различій въ распредѣленіи естественныхъ или человѣческихъ силъ, каковы хлѣбопашество или обмѣнъ льда на сахаръ. Въ производствѣ перваго рода, одинъ только трудъ является дѣйствующей силой; останавливается трудъ и останавливается производство. Когда плотникъ бросаетъ свою доску съ заходомъ солнца, приростъ цѣнности, который онъ съ своимъ рубанкомъ создаетъ, прекращается, пока онъ снова не начнетъ своей работы на слѣдующее утро. Когда фабричный звонокъ даетъ знать чтобъ кончали, когда уходятъ рабочіе изъ рудника, производство останавливается до тѣхъ поръ, пока не возобновится работа. Промежуточное время, по скольку это касается производства, могло бы хоть и не существовать. Теченіе дней, перемѣна временъ года, не представляетъ изъ себя никакого элемента въ производствѣ, которое зависитъ лишь отъ количества затраченнаго труда. Но въ другихъ видахъ производства, на которые я указывалъ, гдѣ участіе труда можетъ быть уподоблено дѣлу пильщиковъ, которые бросаютъ свои бревна въ рѣку, предоставляя теченію нести ихъ до плотины лѣсопильни, за много миль внизъ по рѣкѣ, время представляетъ уже изъ себя нѣкоторый элементъ. Сѣмя въ землѣ проростаетъ и растетъ въ то время, когда крестьянинъ спитъ или пашетъ другія поля, и вѣчно продолжающіяся теченія воздуха и океана несутъ, въ сказочной области, Уиттинтонова кота къ правителю, не знающему покоя отъ крысъ.

Обратимся теперь къ примѣру Бастіа. Если есть какая нибудь причина, почему Вильямъ въ концѣ года долженъ возвратить Якову болѣе, чѣмъ такой же хорошій рубанокъ, то она очевидно обусловливается не увеличенной силой, которую инструментъ даетъ труду, какъ это полагалъ Бастіа, ибо такое увеличеніе производительной силы, какъ это было доказано мною, отнюдь не входитъ составнымъ элементомъ въ операцію займа, но обусловливается элементомъ времени,—разницей на одинъ годъ между отдачей взаймы и возвратомъ рубанка. И если мы ограничимся однимъ этимъ примѣромъ, мы не найдемъ въ немъ ничего такого, что указывало бы, какимъ образомъ долженъ дѣйствовать элементъ времени, ибо рубанокъ въ концѣ года имѣетъ не большую цѣнность, чѣмъ рубанокъ въ началѣ. Но возьмемъ вмѣсто рубанка теленка, и намъ станетъ вполнѣ яснымъ, что Вильямъ, чтобы поставить Якова въ столь же хорошее положеніе, какое онъ имѣлъ, если бы не давалъ вза-

долженъ бы былъ въ концѣ года возвратить уже не теленка, а корову. Или предположимъ, что десять дней труда затрачено было Яковомъ на то, чтобы засѣять хлѣбомъ какую либо полоску, и мы тотчасъ же замѣтимъ, что Яковъ не былъ бы вполнѣ вознагражденъ, если бы въ концѣ года онъ получилъ просто такое же количество засѣяннаго хлѣба, ибо втеченіе года засѣянное зерно проросло бы, выросло и умножилось; такимъ же образомъ, если бы рубанокъ былъ пущенъ въ обмѣнъ, то онъ могъ бы впродолженіе года обернуться нѣсколько разъ, при каждомъ обмѣнѣ принося приростъ Якову. И такъ какъ трудъ Якова могъ быть затраченъ любымъ изъ этихъ способовъ, — или, что сводится къ тому же, нѣкоторая часть труда, посвящаемаго на изготовленіе рубанковъ могла быть обмѣнена такимъ образомъ, то Яковъ и не сталъ бы дѣлать рубанка съ тѣмъ, чтобы Вильямъ пользовался имъ втеченіе года, если онъ при этомъ не получалъ обратно болѣе одного рубанка. И Вильяму есть изъ чего вернуть болѣе одного рубанка, ибо одинаковость вознагражденія труда въ различныхъ видахъ производства, даетъ ему возможность получать отъ своего труда ту выгоду, которую создаетъ элементъ времени. Вотъ это-то общее выравниваніе, это-то равномѣрное распредѣленіе выгодъ, по необходимости имѣющее мѣсто повсюду гдѣ общественныя потребности требуютъ различныхъ видовъ производства, и даетъ богатству, которое неспособно само по себѣ къ возрастанію, такую же выгоду, какая получается богатствомъ, выигрывающимъ отъ вліянія времени. Въ конечномъ же анализѣ, выгода, которая создается теченіемъ времени, вытекаетъ изъ творческой силы природы и изъ различій въ силахъ природы или человѣка.

Если бы качество и состояніе вещества было повсюду одинаково и если бы вся производительная сила сосредоточивалась въ человѣкѣ, то не было бы и процента. Выгода отъ болѣе усовершенствованныхъ орудій могла бы по временамъ передаваться на условіяхъ, напоминающихъ уплату процента, но сдѣлки такого рода не были бы обычнымъ и постояннымъ явленіемъ, были бы исключеніемъ, а не правиломъ. Ибо способность получать такого рода доходъ не была бы, какъ теперь, присуща владѣнію капиталомъ, а выгода отъ времени могла бы проявляться лишь при особенныхъ обстоятельствахъ. Что я, имѣя тысячу долларовъ, могу навѣрняка отдать ихъ взаймы за проценты, обусловливается отнюдь не тѣмъ фактомъ, что есть другіе люди, не имѣющіе тысячи долларовъ, которые охотно станутъ платить мнѣ за пользованіе деньгами, не имѣя возможности получить ихъ иначе; но обусловливается тѣмъ фактомъ, что капиталъ, который представляетъ моя тысяча долларовъ, имѣетъ свойство давать приростъ всякому, кто только владѣетъ имъ, хотя бы и милліонеру. Ибо цѣна, по которой предметъ продается, зависитъ не столько отъ того, что покупатель согласится дать скорѣе, чѣмъ отказаться

отъ предмета, сколько отъ того, что продавецъ можетъ получить иначе. Напримѣръ, фабрикантъ, который желаетъ удалиться отъ дѣлъ, имѣетъ машинъ на 100,000 долларовъ. Если онъ не можетъ по продажѣ взять эти 100,000 долларовъ и помѣстить ихъ такъ, чтобы они приносили ему проценты, то для него было-бы совершенно безразлично, предполагая устраненнымъ рискъ, получить ли всю продажную сумму цѣликомъ или по частямъ; и если бы покупатель имѣлъ потребный капиталъ, что мы должны предположить для того, чтобы сдѣлка опиралась лишь на присущія ей условія, то и для покупателя въ этомъ случаѣ было бы несущественно, заплатить ли деньги сразу или спустя извѣстное время. Если бы покупатель не имѣлъ потребнаго капитала, то могло бы быть, что для его удобства пришлось бы отсрочить платежъ, но только лишь въ исключительныхъ условіяхъ продавецъ сталъ бы требовать, чтобы ему заплатили, или покупатель согласился бы уплатить въ виду этого нѣкоторую премію, да въ такихъ случаяхъ эта премія и не была бы въ сущности процентомъ. Ибо процентъ, собственно, не есть плата за пользованіе капиталомъ, но есть доходъ, вытекающій изъ возрастанія капитала. Если бы капиталъ не давалъ прироста, то лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ собственникъ получалъ бы премію. Вильямъ скоро отказался-бы отъ своего условія, если-бы ему не было выгодно расплачиваться одной доской за привилегію отсрочивать платежъ за рубанокъ Якова.

Короче, анализируя производство, мы находимъ, что оно распадается на три вида, именно:

Приспособленіе, или измѣненіе произведеній природы, ихъ формы или мѣста, съ цѣлью сдѣлать ихъ пригодными для удовлетворенія человѣческихъ желаній.

Выращиваніе, или утилизація жизненныхъ силъ природы,—какъ напр. разведеніе растеній или животныхъ.

Обмѣниваніе, или утилизированіе, въ видахъ увеличенія общей суммы богатства, болѣе могущественныхъ силъ природы, измѣняющихся въ зависимости отъ мѣста, а также утилизированіи силъ человѣка, измѣняющихся въ зависимости отъ положенія, занятія или характера человѣка.

И въ каждомъ изъ этихъ трехъ видовъ производства капиталъ можетъ помогать труду,—или, выражаясь болѣе точнѣе, въ производствѣ перваго вида капиталъ *можетъ* помогать труду, но не абсолютно необходимъ; въ производствѣ второго и третьяго вида капиталъ *долженъ* помогать труду, или необходимъ.

Безъ сомнѣнія, и приспособляя капиталъ, преобразовывая его въ надлежащія формы, мы можемъ увеличивать способность труда придавать веществу характеръ богатства, какъ это бываетъ, напримѣръ, когда мы даемъ дереву и желѣзу форму и употребленіе рубанка, или желѣзу, углю,

водѣ и маслу—форму и употребленіе паровой машины, или камню, глинѣ, дереву и желѣзу форму и употребленіе зданія,—тѣмъ не менѣе, во всѣхъ этихъ случаяхъ вся выгода отъ капитала заключается въ самомъ пользованіи имъ. Тогда какъ примѣняя капиталъ вторымъ способомъ, какъ это бываетъ, когда мы сѣемъ зерно въ землю или выгоняемъ скотъ на пастбищѣ, или сберегаемъ вино съ той цѣлью, чтобы оно улучшилось отъ времени, мы получаемъ доходъ не отъ употребленія, а отъ прироста капитала. Такимъ же образомъ, примѣняя капиталъ третьимъ способомъ, когда, вмѣсто того чтобы пользоваться какимъ либо предметомъ, мы пускаемъ его въ обмѣнъ, мы получаемъ доходъ отъ прироста или отъ большей цѣнности предметовъ, получаемыхъ въ обмѣнъ.

Первоначально, тѣ доходы, которые получаются отъ приспособленія, достаются труду, а тѣ, которые получаются отъ прироста,—капиталу. Но такъ какъ раздѣленіе труда и обмѣниваемость богатства дѣлаетъ необходимымъ и въ самомъ себѣ уже заключаетъ извѣстное выравниваніе доходовъ, то, поскольку различные виды производства стоятъ между собой во взаимной зависимости, постольку доходы, которые получаются въ одномъ видѣ производства, выравниваются съ доходами, которые получаются въ другихъ видахъ, ибо ни капиталъ, ни трудъ не станутъ обращаться къ какому либо виду производства въ то время, какъ въ другихъ какихъ либо видахъ его, открытыхъ для нихъ, они могутъ получать большее вознагражденіе. И такимъ образомъ, трудъ, затрачиваемый въ производствѣ перваго вида начинаетъ приносить не все вознагражденіе, но вознагражденіе минусъ такая часть, какая необходима для того, чтобы дать капиталу тотъ приросъ, какой онъ могъ бы имѣть въ другихъ видахъ производства, а капиталъ, занятый въ производствѣ второго и третьяго вида начинаетъ получать не весь приростъ, а приростъ минусъ та часть, которая достаточна для того, чтобы дать труду такую награду, какую онъ имѣлъ бы при затратѣ въ производствѣ перваго вида.

Такимъ образомъ, процентъ обусловливается способностью къ приросту, которую воспроизводительныя силы природы и. аналогичная по своему дѣйствію, способность къ обмѣну, придаютъ капиталу. Процентъ не есть что-либо произвольное, а есть нѣчто естественное; процентъ не есть результатъ извѣстной общественой организаціи, а есть результатъ законовъ вселенной, на которые опирается общество. И стало быть, процентъ есть нѣчто справедливое.

Люди, которые толкуютъ объ уничтоженіи процента, впадаютъ въ ошибку подобную той, которая, какъ мы ранѣе указывали, придаетъ благовидность доктринѣ, будто заработная плата получается отъ капитала. Когда они думаютъ о процентѣ, то имъ представляется лишь процентъ, который уплачивается собственнику капитала лицомъ пользующимся капиталомъ. Но очевидно это еще не есть процентъ вообще, а есть только одинъ изъ ви-

довъ процента. Всякій, кто только пользуется капиталомъ и получаетъ приростъ, который онъ способенъ давать, получаетъ процентъ. Если я сажаю дерево и ухаживаю за нимъ до тѣхъ поръ, пока оно не начнетъ давать плодовъ, то я получаю въ плодахъ его процентъ на капиталъ, который я такимъ образомъ накопилъ, т. е. на трудъ, который я затратилъ. Если я выращиваю корову, то молоко, которое она даетъ мнѣ утромъ и вечеромъ, есть не просто вознагражденіе за трудъ, при этомъ затрачиваемый; но представляетъ изъ себя и процентъ на капиталъ, который мой трудъ, затраченный на выращиваніе коровы, скопилъ въ ней. И такимъ же образомъ, если я пользуюсь моимъ собственнымъ капиталомъ для того, чтобы непосредственно помогать производству, напр. потребляя машины, или помогая производству косвенно посредствомъ обмѣна, я получаю особую и отличную выгоду отъ воспроизводительнаго характера капитала, выгоду, которая въ этомъ случаѣ столь же реальна, хотя быть можетъ и не столь же ясна, какъ и въ томъ случаѣ, когда я отдаю займы мой капиталъ другому человѣку и онъ платитъ мнѣ процентъ.

ЛАВА IV.

О мнимомъ капиталѣ и о доходахъ часто ошибочно принимаемыхъ за процентъ.

Мнѣніе, будто процентъ есть грабежъ промышленности, мнѣ кажется, въ значительной мѣрѣ обязано своимъ существованіемъ тому обстоятельству, что не различаютъ должнымъ образомъ того, что на самомъ дѣлѣ есть капиталъ, отъ того, что не есть капиталъ, и доходовъ, которые на самомъ дѣлѣ суть процентъ, отъ доходовъ, которые получаются изъ другихъ источниковъ, помимо пользованія капиталомъ. Въ обиходной рѣчи и литературѣ называютъ капиталистомъ всякаго, кто владѣетъ собственностью, которая независимо отъ его труда можетъ приносить доходъ, называя все, что получаютъ такія лица, доходомъ на капиталъ, и то и дѣло говорятъ о конфликтѣ между трудомъ и капиталомъ. Есть ли на самомъ дѣлѣ такой конфликтъ между трудомъ и капиталомъ, читатель пусть подождетъ еще рѣшать; теперь же постараемся разъяснить лишь нѣкоторыя недоразумѣнія, спутывающія въ этомъ случаѣ мысль.

Мы уже обращали вниманіе на фактъ, что земельныя цѣнности, которыя составляютъ столь значительную часть того, что обыкновенно назы-

вается капиталомъ, вовсе не представляютъ изъ себя капитала; и что рента, которую обыкновенно причисляютъ къ доходамъ на капиталъ, и которая захватываетъ все возрастающую долю продукта прогрессирующаго общества, отнюдь не есть вознагражденіе капитала и должна быть заботливо отдѣляема отъ процента. Въ этомъ отношеніи не требуется никакихъ дальнѣйшихъ поясненій. Равнымъ образомъ мы уже обращали вниманіе на фактъ, что государственные процентные билеты, облигаціи и т. п., которые составляютъ другую великую часть того, что обыкновенно называютъ капиталомъ, вовсе не суть капиталъ; но, въ нѣкоторыхъ своихъ видахъ, эти долговыя обязательства весьма близко подходятъ къ капиталу и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно отправляютъ или повидимому отправляютъ функціи капитала, принося доходъ владѣльцамъ ихъ, доходъ, о которомъ не только говорятъ, какъ о процентѣ, но который имѣетъ всѣ внѣшніе признаки процента, и потому далеко не будетъ лишнимъ, прежде чѣмъ пытаться освободить понятіе о процентѣ отъ другихъ двусмысленностей, которыя спутываютъ его, заняться болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ указанныхъ двусмысленностей.

Ничто не можетъ быть капиталомъ—и этого никогда не слѣдуетъ забывать—что не есть богатство,—то-есть, ничто не можетъ быть капиталомъ, что не состоитъ изъ дѣйствительныхъ, осязаемыхъ вещей, не изъ произвольныхъ даровъ природы,—вещей, которыя сами по себѣ, а не въ силу того, что представляется ими, обладаютъ способностью прямо или косвенно служить человѣческому желанію.

Такимъ образомъ, правительственныя облигаціи не суть капиталъ, не являются онѣ и представителями капитала. Капиталъ, который былъ нѣкогда полученъ за нихъ правительствомъ, въ свое время былъ потребленъ. Облигація не можетъ представлять капитала, который уничтоженъ. Она вовсе не представляетъ капитала. Она есть просто торжественное заявленіе, что правительство, въ извѣстное время, возьметъ путемъ налоговъ изъ имѣющаго существовать тогда народнаго достоянія столько то богатства и передастъ его владѣльцу облигаціи; и что, до этого времени, оно будетъ брать тѣмъ же путемъ столько, сколько требуется, чтобы возмѣстить владѣльцу облигаціи тотъ приростъ, который давалъ бы ему обѣщанный капиталъ, будь онъ на самомъ дѣлѣ въ его обладаніи. Громадныя суммы, которыя въ настоящее время такимъ образомъ берутся изъ продукта во всѣхъ странахъ на уплату процентовъ по государственнымъ займамъ, не представляютъ изъ себя прибыли или прироста на капиталъ,—не представляютъ изъ себя въ дѣйствительности процента въ точномъ смыслѣ этого слова, а являются лишь налогами, которыми облагается все производимое трудомъ и капиталомъ, налогами, послѣ которыхъ остается на столько то меньше въ пользу заработной платы и на столько то меньше въ пользу дѣйствительнаго процента.

Но предположимъ, что облигаціи были выпущены съ цѣлью углубленія ложа рѣки, возведенія маяка или постройки крытаго рынка; или предположимъ, сохраняя сущность, но измѣняя форму примѣра, что онѣ были выпущены желѣзнодорожной компаніей. Въ этомъ случаѣ онѣ представляютъ капиталъ, существующій и примѣненный къ производительнымъ цѣлямъ, и подобно акціямъ компаніи, выплачивающей дивидендъ, могутъ быть разсматриваемы, какъ удостовѣренія въ правѣ собственности на капиталъ. Но ихъ можно разсматривать, какъ таковыя удостовѣренія, лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ дѣйствительно представляютъ капиталъ, и отнюдь не тогда, когда онѣ выпущены въ излишкѣ противу затраченнаго капитала. Почти всѣ наши (сѣверо-американскія) желѣзнодорожныя и другія предпріятія сильно раздуты такимъ путемъ. Гдѣ на самомъ дѣлѣ затрачено было капиталу на одинъ долларъ, тамъ выпускалось бумагъ на два, на три, на четыре, на пять или даже на десять долларовъ, и на эту то фиктивную сумму выплачиваются болѣе или менѣе регулярно проценты или дивидендъ. Такимъ образомъ все, что сверхъ суммы, причитающійся въ процентъ на дѣйствительно затраченный капиталъ, получается и выплачивается этими компаніями, вмѣстѣ съ тѣми огромными суммами, которыя поглощаются заправилами и которыя никогда въ счетъ не идутъ, очевидно берется изъ совокупнаго продукта общества не въ счетъ услугъ, оказываемыхъ капиталомъ, и все это не есть процентъ. Если мы будемъ ограничиваться терминологіей экономическихъ писателей, которые разлагаютъ прибыль на процентъ, страховку и предпринимательское вознагражденіе, то мы должны будемъ отнести все это къ категоріи предпринимательскаго вознагражденія.

Однако предпринимательское вознагражденіе, какъ это всякій понимаетъ, заключаетъ въ себѣ доходъ, обусловливаемый такими личными способностями, какъ искусство, смѣтливость, предпріимчивость, организаторскій талантъ, изобрѣтательная способность, характеръ и пр., тогда какъ прибыли, о которыхъ идетъ рѣчь, обусловливаются содѣйствіемъ другого элемента, который лишь произвольно можетъ быть относимъ къ одному классу съ личными качествами,—элемента монополіи.

Когда Іаковъ I пожаловалъ своему любимцу исключительную привилегію изготовленія золотой и серебряной канители и воспретилъ подъ страхомъ суроваго наказанія кому либо другому заниматься производствомъ ея, то доходъ, которымъ Бёкингемъ пользовался благодаря этому праву, получался не отъ процента на капиталъ, затраченный въ производство, не отъ искусства тѣхъ, которые на дѣлѣ вели производство, но отъ того, что ему далъ король, — именно, отъ исключительной привилегіи, — на самомъ дѣлѣ, отъ права собирать въ свою пользу налогъ со всѣхъ, кто пользуется такой канителью. Изъ подобнаго то источника и получается значительная часть тѣхъ

доходовъ, которые обыкновенно смѣшиваются съ доходами на капиталъ. Доходы отъ патентовъ, выдаваемыхъ на извѣстное число лѣтъ съ цѣлью поощренія изобрѣтеній, очевидно должны быть относимы къ тому же источнику; къ нему же слѣдуетъ относить и доходы, получаемые отъ монополій, создаваемыхъ покровительственными тарифами, подъ предлогомъ поощренія отечественной промышленности. Но существуетъ еще другая, болѣе опасная и болѣе обычная, форма монополіи. Соединеніе огромныхъ массъ капитала подъ общимъ управленіемъ развиваетъ новую силу, существенно отличную отъ способности къ приросту, составляющей характеристичный признакъ капитала и дающей начало проценту. Въ то время какъ послѣдняя способность является, такъ сказать, созидающей по своей природѣ, способность, возникающая вслѣдствіе соединенія капитала, есть нѣчто разрушительное. Это есть способность того же рода, какъ та, которую Іаковъ I далъ Бёкингему, и она часто обнаруживаетъ свое дѣйствіе съ такимъ же полнымъ презрѣніемъ не только къ имущественнымъ, но и къ личнымъ правамъ индивидуумовъ. Желѣзнодорожная компанія подходитъ къ маленькому городу съ угрозой: «Если вы не согласитесь на наши условія, то мы оставимъ вашъ городъ въ двухъ или трехъ миляхъ отъ линіи». Угроза столь же сильна, какъ приказаніе: «остановись и подай кошелекъ», когда его поддерживаетъ пистолетъ со взведеннымъ куркомъ. Ибо желѣзнодорожная компанія не просто угрожаетъ лишить городъ тѣхъ благодѣяній, которыя можетъ дать желѣзная дорога, но угрожаетъ поставить городъ въ худшее положеніе, сравнительно съ тѣмъ, какъ если бы никакой желѣзной дороги не было выстроено. Или напр., гдѣ имѣется пароходное сообщеніе, появляется конкуррирующая компанія; плата за проѣздъ понижается до тѣхъ поръ, пока не прогонятъ конкурента, и затѣмъ публика принуждена бываетъ выплачивать всѣ расходы по этой операціи, какъ авганцы выплачивать четыре милліона рупій, за которыя Сурайа Даула нанялъ у Уорренъ Гестинса англійскихъ солдатъ въ подмогу къ своимъ, для опустошенія ихъ страны и истребленія ея населенія. Какъ рыцари большихъ дорогъ соединяются, чтобы грабить совмѣстно и дѣлить добычу, такъ и магистральныя желѣзнодорожныя линіи соединяются, чтобы повышать тарифы и дѣлить барыши, такъ и тихоокеанскія дороги входятъ въ соглашеніе съ Тихоокеанскимъ Почтовымъ Пароходствомъ, благодаря которому въ сущности устраиваются таможенныя заставы и на сушѣ и на морѣ. И какъ Бёкингемовскіе агенты, пользуясь патентомъ на золотую канитель, обыскивали дома частныхъ лицъ и захватывали бумаги и людей, съ цѣлью насилія и вымогательствъ, такъ и большая телеграфная компанія, которая, опираясь на силу ассоціированнаго капитала, мѣшаетъ населенію Соединенныхъ Штатовъ пользоваться всѣми выгодами благодѣтельнаго изобрѣтенія, продѣлы-

ваетъ разныя темныя эксперименты съ корреспонденціей и давитъ тѣ органы прессы, которые враждебно настроены противъ нея.

Мы лишь отмѣчаемъ эти факты, настаивать на нихъ намъ нѣтъ необходимости. Всякому извѣстны та тиранія и то хищничество, какія проявляетъ капиталъ, при своей концентраціи въ огромныя массы, его подкупы, грабежи и разрушенія. На что я желалъ бы обратить вниманіе читателя, такъ это на то, что прибыли, получаемыя такимъ образомъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ истиннымъ вознагражденіемъ капитала, какъ дѣятеля производства. Прибыли эти, по большей части, должны быть приписываемы неудовлетворительному составу законодательныхъ учрежденій, слѣпой привязанности къ остаткамъ варварской старины и суевѣрному благоговѣнію предъ узкопрофессіональными пріемами въ дѣлѣ примѣненія закона; а общая причина, которая въ прогрессивныхъ обществахъ стремится съ концентраціей богатства концентрировать и власть, можетъ быть найдена лишь при рѣшеніи той великой проблемы, которую мы поставили и которую пока мы еще не въ состояніи разрѣшить.

Вообще, при анализѣ мы замѣтимъ, что множество тѣхъ прибылей, которыя въ общемъ представленіи смѣшиваются съ процентомъ, въ дѣйствительности зависитъ не отъ силы капитала вообще, а отъ силы концентрированнаго капитала или отъ силы концентрированнаго капитала, дѣйствующей при плохихъ общественныхъ порядкахъ; и мы замѣтимъ также, что весьма часто смѣшиваются съ прибылями на капиталъ доходы, которые несомнѣнно представляютъ изъ себя предпринимательское вознагражденіе.

Такимъ же образомъ, доходы, собственно зависящіе отъ элемента риска, часто смѣшиваются съ процентомъ. Нѣкоторые люди наживаютъ деньги, пускаясь въ такія предпріятія, въ которыхъ большинство людей необходимо должно нести потери. Таковы многія формы спекуляціи и особенно биржевая игра. Смѣлость, умъ, обладаніе капиталомъ, и хищническіе таланты, даютъ выгоду индивидууму; но въ этомъ случаѣ, какъ и за карточнымъ столомъ, одинъ выигрываетъ лишь то, что теряетъ кто нибудь другой.

Обращаясь затѣмъ къ тѣмъ огромнымъ состояніямъ, на которыя столь часто ссылаются для поясненія накопляющей способности капитала,—каковы состоянія Герцога Уэстминстерскаго и Маркиза Бьюта, Ротшильда, Астора, Стьюарта, Вандербильта, Гульда, Стенфорда и Флуда, мы легко замѣтимъ, вникнувъ въ дѣло, что состоянія эти составились, большею или меньшею своею частію, не благодаря проценту, а благодаря элементамъ, сходнымъ съ только что разсмотрѣнными.

Насколько необходимо имѣть въ виду тѣ различія, на которыя я обращалъ вниманіе читателя, доказывается ходячими разсужденіями, гдѣ щитъ является попеременно то бѣлымъ, то чернымъ, вслѣдствіе того, что видятъ

то одну его сторону, то другую. Одни намъ указываютъ на существованіе ужасной бѣдности бокъ о бокъ съ огромными скопленіями богатства, какъ на доказательство враждебнаго отношенія капитала къ труду, другіе въ отвѣтъ доказываютъ, что капиталъ помогаетъ труду, и въ силу этого требуютъ отъ насъ признанія тѣхъ мнѣній, что нѣтъ ничего несправедливаго или неестественнаго въ огромной пропасти, отдѣляющей богатаго отъ бѣднаго; что богатство есть лишь награда за трудолюбіе, знаніе, бережливость, а бѣдность лишь наказаніе за лѣность, невѣжество и неблагоразуміе.

ГЛАВА V.

Законъ процента.

Обратимся теперь къ закону процента, сохраняя въ виду два положенія, которыя мы выяснили ранѣе:

Первое. Что не капиталъ даетъ занятіе труду, но трудъ даетъ занятіе капиталу.

Второе. Что капиталъ не представляетъ изъ себя постояннаго количества, но всегда можетъ увеличиваться и уменьшаться: 1) вслѣдствіе бо́льшаго или меньшаго приложенія труда къ производству богатства и 2) вслѣдствіе превращенія богатства въ капиталъ или капитала въ богатство, ибо капиталъ есть лишь богатство, употребляемое извѣстнымъ образомъ, и терминъ богатство есть болѣе широкій и объемлющій терминъ.

Очевидно, что при условіи свободы наибольшей платой за пользованіе капиталомъ будетъ тотъ приростъ, который капиталъ приноситъ, а наименьшей или нулемъ будетъ возмѣщеніе капитала; ибо если бы эта плата стала выше первой точки, то капиталъ приносилъ бы заемщику убытокъ, а если бы стала ниже второй, то капиталъ не могъ бы сохраняться.

Замѣтимъ снова, въ противность опрометчивымъ утвержденіямъ нѣкоторыхъ авторовъ, что максимумъ платы обусловливается не увеличеніемъ производительности труда благодаря тому, что капиталу дается какая либо особая форма или примѣненіе, а средней нормой способности къ приросту, которая вообще свойственна капиталу. Способность находить себѣ примѣненіе въ выгодныхъ формахъ есть достояніе труда, на которое капиталъ, какъ капиталъ, не имѣетъ никакого права и въ которомъ онъ не можетъ имѣть никакой доли. Лукъ и стрѣлы даютъ индѣйцу возможность убивать, скажемъ, одного буйвола въ день, тогда какъ съ палками и камнями онъ едва могъ бы убить и одного въ недѣлю; тѣмъ не

менѣе оружейный мастеръ племени не можетъ требовать отъ охотника шести штукъ отъ каждыхъ семи убиваемыхъ буйволовъ, какъ вознагражденіе за пользованіе лукомъ и стрѣлами; такимъ же образомъ и капиталъ, вложенный въ шерстяную фабрику, не будетъ давать капиталисту разницы между производствомъ фабрики и тѣмъ, что при такой же затратѣ труда можно было бы добыть съ самопрялкою и ручнымъ станкомъ. Вильямъ, когда онъ занимаетъ рубанокъ у Якова, не получаетъ въ рубанкѣ выгоды увеличенной производительности труда отъ струганія доски рубанкомъ, а не раковиной или кремнемъ. Прогрессъ знанія сдѣлалъ преимущество, заключающееся въ употребленіи рубанка, общимъ достояніемъ и свойствомъ труда. Вилльямъ получаетъ отъ Якова только ту выгоду, какая заключается въ обладаніи втеченіе года тѣмъ капиталомъ, который представляетъ изъ себя рубанокъ.

Далѣе, если жизненныя силы природы, которыя придаютъ выгоду элементу времени, составляютъ причину процента, то изъ этого повидимому слѣдовало бы, что максимальная норма процента должна бы опредѣляться напряженностью этихъ силъ и размѣромъ, въ какомъ онѣ заняты въ производствѣ. Но хотя воспроизводительныя силы природы, повидимому, измѣняются въ огромной мѣрѣ, — какъ мы можемъ это видѣть изъ разницы между лососемъ, который мечетъ тысячи икринокъ, и китомъ, который приноситъ одного дѣтеныша въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, между кроликомъ и слономъ, чертополохомъ и гигантской сосной,—тѣмъ не менѣе изъ того способа, какимъ поддерживается естественное равновѣсіе, явствуетъ, что существуетъ нѣкоторое соотношеніе между воспроизводительными и разрушительными силами природы, которое на самомъ дѣлѣ подводитъ начало роста къ однообразной нормѣ. Это естественное равновѣсіе человѣкъ имѣетъ возможность, въ тѣсныхъ предѣлахъ, нарушать и, видоизмѣняя естественныя условія, можетъ пользоваться согласно своему желанію измѣняющимся напряженіемъ воспроизводительной силы въ природѣ. Но при этомъ, огромное разнообразіе его желаній вызываетъ къ дѣйствію другое начало, которое устанавливаетъ въ приращеніи богатства соотношеніе и равновѣсіе подобныя тѣмъ, которыя имѣютъ мѣсто въ природѣ по отношенію къ различнымъ формамъ жизни. Это равновѣсіе устанавливается при помощи цѣнности. Если въ странѣ, пригодной для этого, я занимаюсь разведеніемъ кроликовъ, а вы разведеніемъ лошадей, то мои кролики, пока еще не достигнутъ естественный предѣлъ, могутъ давать приростъ большій, чѣмъ ваши лошади. Но мой капиталъ не будетъ увеличиваться быстрѣе, чѣмъ вашъ, ибо различіе въ нормахъ прироста будетъ вызывать пониженіе цѣнности кроликовъ сравнительно съ цѣнностью лошадей и повышать цѣнность лошадей сравнительно съ цѣнностью кроликовъ.

Хотя различія въ напряженіи жизненныхъ силъ природы и приводятся

такимъ образомъ къ однообразію, тѣмъ не менѣе на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія можетъ быть нѣкоторая разница въ сравнительной долѣ участія, какую имѣютъ эти жизненныя силы во всей совокупности производства. Однако относительно этого предмета мы должны сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, хотя и нельзя отрицать, что въ такой странѣ, какъ Англія, участіе мануфактуръ во всей совокупности производства значительно возросло сравнительно съ земледѣліемъ, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это наблюденіе вѣрно въ весьма значительной степени лишь по отношенію къ политическимъ или географическимъ дѣленіямъ, но не по отношенію къ всему промышленному обществу. Ибо промышленныя общества не ограничиваются политическими дѣленіями, границами для нихъ служатъ не моря и не горныя цѣпи. Они ограничиваются лишь предѣлами ихъ мѣновыхъ сдѣлокъ, и то отношеніе, въ какомъ въ промышленной экономіи Англіи земледѣліе и скотоводство стоятъ къ мануфактурной промышленности, нельзя оцѣнить, не принявъ въ соображеніе Айова и Иллинойза, Техаса и Калифорніи, Канады и Индіи, Куинслэнда и Прибалтійскаго края,—короче, всѣхъ тѣхъ странъ, которыя охватываетъ міровая торговля Англіи. И затѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя прогрессъ цивилизаціи и стремится къ относительно большему развитію мануфактуръ, сравнительно съ земледѣліемъ, и слѣдовательно къ пропорціонально меньшему обращенію къ производительнымъ силамъ природы, тѣмъ не менѣе стремленіе это сопровождается соотвѣтственнымъ расширеніемъ обмѣна, и стало-быть, бо́льшимъ пользованіемъ той способностью къ приросту, которая возникаетъ благодаря обмѣну. Такимъ образомъ эти стремленія до значительной степени, и, поскольку дѣло касается насъ, вѣроятно, совершенно, уравновѣшиваютъ другъ друга и поддерживаютъ въ равновѣсіи средній приростъ капитала или нормальный размѣръ процента.

А этотъ нормальный уровень процента, лежащій между необходимымъ максимумомъ и необходимымъ минимумомъ вознагражденія капиталу, на чемъ бы этотъ уровень не основывался, долженъ быть такимъ, чтобы принимая въ соображеніе всѣ обстоятельства (какъ-то, сознаніе обезпеченности, желанія копить и пр.), вознагражденіе капитала и вознагражденіе труда были равны,— то-есть, чтобы и въ томъ и въ другомъ случаѣ усилія и жертвы приводили къ одинаково привлекательнымъ результатамъ. Быть можетъ, невозможно дать формулы для нахожденія этого пункта, такъ какъ заработная плата обыкновенно выражается въ видѣ извѣстнаго количества, а процентъ въ видѣ отношенія; но если мы предположимъ, что данное количество богатства есть продуктъ даннаго количества труда, затрачиваемаго въ теченіе извѣстнаго количества времени вмѣстѣ съ опредѣленнымъ количествомъ капитала, то и отношеніе, въ какомъ будетъ дѣлиться продуктъ между трудомъ и капиталомъ уже будетъ допускать сравненіе. Долженъ быть такой пунктъ, на которомъ

или, скорѣе, около котораго будетъ стремиться установиться размѣръ процента, такъ какъ если не будетъ достигнуто извѣстнаго равновѣсія, трудъ не будетъ допускать употребленіе капитала, или капиталъ не будетъ предоставляться въ распоряженіе труда. Ибо трудъ и капиталъ суть лишь различныя формы одного и того же,—человѣческаго усилія. Капиталъ производится трудомъ; онъ есть, на дѣлѣ, лишь трудъ, отпечатанный на веществѣ, — трудъ накопленный въ веществѣ, чтобы его можно было снова выпустить на свѣтъ божій, когда это понадобится, все равно какъ освобождается въ горнѣ солнечная теплота, накопленная въ каменномъ углѣ. Употребленіе капитала въ производствѣ есть, слѣдовательно, лишь одинъ изъ видовъ употребленіе труда. Такъ какъ капиталъ можно употреблять, лишь потребляя его, то его употребленіе есть расходованіе труда, и для сохраненія капитала, его производство трудомъ должно соразмѣряться съ его потребленіемъ въ помощь труду. И такимъ образомъ тотъ принципъ, который при обстоятельствахъ, допускающихъ свободную конкурренцію, приводитъ заработную плату къ общей нормѣ, а прибыль къ равенству, по существу, — тотъ принципъ, что люди стремятся удовлетворять свои желанія съ наименьшими усиліями, — устанавливаетъ и поддерживаетъ также равновѣсіе между заработной платой и процентомъ.

Это естественное отношеніе между процентомъ и заработной платой,—это равновѣсіе, при которомъ обѣ эти формы дохода представляютъ равныя вознагражденія за равные труды,—можетъ быть выражено и въ формѣ, указывающей какъ бы на отношеніе противоположности; однако противоположность эта только кажущаяся. Въ примѣненіи къ товариществу между Дикомъ и Гарри, то положеніе, что Дикъ получаетъ извѣстную долю прибыли, какъ бы заключаетъ въ себѣ признаніе того, что доля Гарри будетъ меньше или больше, въ зависимости отъ того, будетъ ли доля Дика больше или меньше; но гдѣ, какъ въ нашемъ случаѣ, каждый получаетъ лишь то, что онъ прибавляетъ къ общему фонду, тамъ, понятно, увеличеніе доли одного никоимъ образомъ не можетъ уменьшать того, что получаетъ другой.

Разъ будетъ удержано въ виду это отношеніе, станетъ очевиднымъ, что процентъ и заработная плата должны подыматься и падать вмѣстѣ, и что процентъ не можетъ быть увеличенъ безъ увеличенія заработной платы, а заработная плата не можетъ быть понижена безъ того, чтобы это пониженіе не отразилось угнетающимъ образомъ и на процентѣ. Ибо если заработная плата падаетъ, процентъ тоже долженъ пропорціонально падать, иначе сдѣлается болѣе выгоднымъ превращать трудъ въ капиталъ, вмѣсто того чтобы прилагать его непосредственно; а если процентъ падаетъ, то и заработная плата тоже должна пропорціонально падать, или иначе было бы остановлено приращеніе капитала.

Мы говоримъ, конечно, не о какихъ либо особыхъ видахъ заработной платы и не о какихъ либо особыхъ видахъ процента, но объ общемъ размѣрѣ заработной платы и объ общемъ размѣрѣ процента (понимая всегда подъ процентомъ доходъ, который можетъ дать капиталъ, за вычетомъ страховки и предпринимательскаго вознагражденія). Въ какомъ либо особомъ случаѣ или въ какомъ либо отдѣльномъ занятіи стремленіе заработной платы и процента къ равновѣсію можетъ какъ будто и не проявляться; но на общемъ размѣрѣ заработной платы и на общемъ размѣрѣ процента стремленіе это должно быстро обнаруживать свое дѣйствіе. Ибо хотя въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства и можно легко провести раздѣльную линію между тѣми людьми, которые доставляютъ трудъ и тѣми, которые доставляютъ капиталъ, тѣмъ не менѣе даже въ странахъ, гдѣ мы замѣчаемъ въ общемъ самое рѣзкое различіе между классомъ работниковъ и классомъ капиталистовъ, эти два класса переходятъ другъ въ друга путемъ нечувствительныхъ градацій, и на границѣ, гдѣ эти два класса представляются одними и тѣми же лицами, взаимодѣйствіе, которое возстановляетъ равновѣсіе или, скорѣе, предупреждаетъ его нарушеніе, можетъ совершаться безпрепятственно, какія бы помѣхи не стояли на его пути тамъ, гдѣ раздѣленіе этихъ классовъ оказывается полнымъ. И сверхъ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ было замѣчено ранѣе, что капиталъ есть лишь нѣкоторая часть богатства, отличная отъ богатства вообще лишь тѣмъ назначеніемъ, какое она получаетъ, и, слѣдовательно, вся масса богатства оказываетъ на отношенія между капиталомъ и трудомъ такое же уравнивающее вліяніе, какое имѣетъ маховикъ на ходъ машины, вбирая въ себя капиталъ, когда онъ имѣется въ избыткѣ, и выпуская его снова, когда въ немъ недостатокъ; какъ ювелиръ даетъ носить своей женѣ свои бриллiанты, когда у него ихъ слишкомъ большой запасъ, и снова укладываетъ ихъ въ витрину, когда его запасъ истощается. Такимъ образомъ, всякое поползновеніе со стороны процента нарушить въ свою сторону равновѣсіе съ заработной платой должно немедленно вызывать не только стремленіе направлять трудъ къ производству капитала, но также и стремленіе давать богатству назначеніе капитала; въ то же время, всякое поползновеніе со стороны заработной платы нарушить равновѣсіе въ ея пользу должно подобнымъ же образомъ вызывать не только стремленіе отвлекать трудъ отъ производства капитала, но также и стремленіе уменьшать наличность капитала, направляя отъ производительнаго къ не-производительному употребленію нѣкоторые виды богатства, изъ которыхъ составляется капиталъ.

Повторимъ сказанное: Существуетъ нѣкоторое отношеніе между заработной платой и процентомъ, опредѣляемое причинами, если и не обсолютно постоянными, то все же медленно измѣняющимися; благодаря ему всегда бу-

детъ обращаемо въ капиталъ количество труда достаточное, чтобы образовать капиталъ, потребный для производства на извѣстной ступени знанія, при данномъ состояніи техники, при существующей плотности народонаселенія, характерѣ занятій, разнообразіи, распространенности и быстротѣ обмѣна; отношеніе это постоянно поддерживается взаимодѣйствіемъ труда и капитала; такъ что процентъ долженъ повышаться и падать, вмѣстѣ съ повышеніемъ и паденіемъ заработной платы.

Пояснимъ это. Цѣна муки опредѣляется цѣною пшеницы и стоимостью размола. Стоимость размола измѣняется медленно и лишь немного, такъ что разница даже за долгіе промежутки времени, бываетъ едва замѣтной; тогда какъ цѣна пшеницы измѣняется часто и сильно. Такъ что мы вполнѣ основательно можемъ сказать, что цѣна муки зависитъ отъ цѣны пшеницы. Или, выражая это предложеніе въ той же формѣ, какъ предыдущее, мы скажемъ: Существуетъ нѣкоторое отношеніе между цѣнностью пшеницы и цѣнностью муки, опредѣляемое стоимостью размола, — отношеніе постоянно поддерживаемое взаимодѣйствіемъ между спросомъ на муку и предложеніемъ пшеницы; вслѣдствіе чего цѣна муки должна повышаться и падать съ повышеніемъ и паденіемъ цѣны пшеницы.

Или, опуская связующее звено вывода, цѣну пшеницы, мы скажемъ, что цѣна муки зависитъ отъ особенностей временъ года, войнъ и пр. Такимъ же образомъ, мы можемъ и законъ процента представить въ такой формѣ, которая непосредственно будетъ связывать этотъ законъ съ закономъ ренты, сказавъ, что общій размѣръ процента опредѣляется доходомъ на капиталъ на самой бѣдной землѣ, къ какой капиталъ свободно прилагается,—то-есть, на самой лучшей землѣ, доступной для капитала безъ платежа ренты. И такимъ образомъ мы можемъ дать закону процента форму, которая будетъ показывать, что онъ есть выводъ изъ закона ренты.

Мы можемъ прійти къ тому же заключенію другимъ путемъ. Ибо, что процентъ долженъ падать, когда рента повышается, мы можемъ ясно видѣть, исключивъ вліяніе заработной платы. Съ этой цѣлью мы должны, конечно, вообразить себѣ вселенную, организованную согласно совершенно отличнымъ принципамъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ представить себѣ страну, которую Карлейль назвалъ бы раемъ дураковъ, гдѣ производство богатства совершалось бы безъ содѣйствія труда и единственно воспроизводительной силой капитала, — гдѣ овцы носили бы готовую одежду на своихъ спинахъ, коровы давали бы масло и сыръ, а быки, достигнувъ надлежащей полноты, сами разрѣзались бы на бифштексы и котлеты; гдѣ дома выростали бы изъ сѣмянъ, а перочинный ножикъ, брошенный на землю, пускалъ бы корень и въ должное время приносилъ бы жатву, ассортиментъ ножевого товара. Вообразите, что въ такую-то страну перенесены нѣкоторые капита-

листы съ ихъ капиталомъ въ соотвѣтственныхъ формахъ. Они стали бы получать въ видѣ дохода на ихъ капиталъ всю сумму производимаго имъ богатства, очевидно, лишь до тѣхъ поръ, пока ничего не требовали бы съ нихъ въ видѣ ренты. А когда возникла бы рента, то ее стали бы брать изъ продукта капитала, и по мѣрѣ того какъ она росла бы, необходимо долженъ бы былъ уменьшаться и доходъ собственниковъ капитала. Если мы предположимъ, что страна, гдѣ капиталъ обладаетъ этой способностью производить богатство безъ помощи труда, имѣетъ ограниченное протяженіе, напримѣръ представляетъ изъ себя островъ, то мы замѣтимъ, что какъ только капиталъ увеличится до того предѣла, при какомъ только можетъ поддерживать его этотъ островъ, доходъ на капиталъ долженъ будетъ упасть до точки, которая на бездѣлицу будетъ выше его минимума, простого замѣщенія, а землевладѣльцы получатъ почти весь продуктъ въ видѣ ренты, ибо при этомъ единственной альтернативой для капиталистовъ являлось бы бросить ихъ капиталъ въ море. Если-же мы предположимъ, что такой островъ находится въ сообщеніи съ остальнымъ міромъ, то доходъ на капиталъ установится въ размѣрѣ дохода въ другихъ мѣстахъ. Процентъ былъ бы здѣсь не выше, не ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Рента поглощала бы всю избыточную выгоду и земля на этомъ островѣ имѣла бы огромную цѣнность.

Подводя итогъ сказанному, мы выразимъ законъ процента такимъ образомъ:

Отношеніе между заработной платой и процентомъ опредѣляется средней способностью къ приросту, свойственной капиталу при его употребленіи для производительныхъ цѣлей. При появленіи ренты, процентъ будетъ падать, когда заработная плата падаетъ или будетъ опредѣляться предѣломъ культуры.

Я старался съ такой подробностью разобрать и выяснить законъ процента болѣе во вниманіе къ существующей терминологіи и привычкамъ мысли, чѣмъ вслѣдствіе какихъ либо реальныхъ необходимостей нашего изслѣдованія, не будь на его пути разнаго рода сбивчивыхъ представленій. Въ сущности, основнымъ способомъ распредѣленія богатства является дѣленіе его на двѣ, а не на три части. Капиталъ есть лишь одна изъ формъ труда, и его отличіе отъ труда дѣлаетъ его въ сущности лишь подраздѣленіемъ труда, такимъ же подраздѣленіемъ, какое представляетъ изъ себя трудъ мастеровой или чернорабочій. Въ нашемъ изслѣдованіи мы достигли той же самой точки, какой мы достигли бы, если бы разсматривали капиталъ просто какъ форму труда и искали бы закона, который управляетъ дѣленіемъ продукта между рентой и заработной платой, то-есть, между владѣльцами двухъ факторовъ, веществъ и силъ природы, съ одной стороны,

и человѣческаго труда съ другой, тѣхъ двухъ факторовъ, которые, соединяясь, производятъ всѣ виды богатства.

ГЛАВА VI.

Заработная плата и законъ заработной платы.

Мы уже достигли закона заработной платы, какъ вывода изъ болѣе общаго положенія. Но чтобы провѣрить дедукцію и освободить предметъ отъ всякихъ двусмысленностей, будемъ искать этотъ законъ, принявъ независимую точку отправленія.

Не существуетъ, конечно, ничего подобнаго общему размѣру заработной платы въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуетъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ общій размѣръ процента. Заработная плата, понимая подъ ней всѣ доходы, получаемые отъ труда, не только бываетъ различной смотря по способностямъ индивидуумовъ, но, по мѣрѣ того какъ осложняется организація общества, въ огромной степени измѣняется и смотря по занятіямъ. Тѣмъ не менѣе, между всѣми видами заработной платы существуетъ нѣкоторое общее отношеніе, такъ что мы выражаемъ ясную и вполнѣ понятную идею, когда мы говоримъ, что заработная плата выше или ниже въ такое то время или въ такомъ-то мѣстѣ, чѣмъ въ другое время или въ другомъ мѣстѣ. Всѣ виды заработной платы подымаются или падаютъ, подчиняясь нѣкоторому общему закону. Что же это за законъ?

Основной принципъ человѣческаго дѣйствія, — законъ, который для политической экономіи то же, что законъ тяготѣнія для физики, — заключается въ томъ, что люди стараются удовлетворить свои желанія съ наименьшимъ усиліемъ. Очевидно, этотъ принципъ при посредствѣ конкурренціи, которую онъ пораждаетъ, долженъ привести къ равенству вознагражденія за равныя усилія при сходныхъ обстоятельствахъ. Когда люди работаютъ на себя, тогда равенство это будетъ достигаться главнымъ образомъ благодаря уравненію цѣнъ; но то же стремленіе къ равенству будетъ обнаруживаться также и между тѣми, которые работаютъ на себя, и тѣми которые работаютъ на другихъ. Каковы же будутъ, въ такомъ случаѣ, при свободныхъ отношеніяхъ, условія, на какихъ одинъ человѣкъ, хозяинъ, можетъ нанять другихъ работниковъ, чтобы они работали на него? Очевидно, условія эти будутъ опредѣляться тѣми результатами, какихъ эти работники могли бы достигнуть, работая на себя. Принципъ, который не дозволитъ хозяину

дать что либо большее того, что необходимо, чтобы вызвать желаемую перемѣну въ направленіи ихъ дѣятельности, не дозволитъ также и имъ взять что либо меньшее. Требуй рабочіе большаго, и конкурренція другихъ работниковъ лишила бы ихъ возможности найти занятіе. Предлагай хозяинъ меньше, и никто не принялъ бы его условій, такъ какъ можно бы было достигнуть большихъ результатовъ, работая на себя. Такимъ образомъ, хотя работодатель желаетъ заплатить какъ можно меньше, а работники получить какъ можно больше, заработная плата все же опредѣлится цѣнностью или результатами труда для самихъ работниковъ. Лишь только заработная плата временно зайдетъ выше или ниже этой линіи, какъ тотчасъ же возникаетъ стремленіе вернуть ее назадъ.

Но результатъ или заработокъ труда, какъ легко видѣть въ тѣхъ первичныхъ и основныхъ занятіяхъ, къ которымъ трудъ прежде всего направляется, и которыя, даже при наиболѣе высоко развитомъ состояніи общества, образуютъ еще основаніе производства, не зависитъ единственно отъ напряженности или качества самаго труда. Богатство есть продуктъ двухъ факторовъ, земли и труда, и то, что данное количестве труда можетъ произвести, измѣняется въ зависимости отъ характера тѣхъ естественныхъ удобствъ, къ которымъ прилагается этотъ трудъ. Разъ это такъ, то въ силу того принципа, что люди стремятся удовлетворить свои желанія съ наименьшими усиліями, и заработная плата будетъ опредѣляться продуктомъ труда въ пунктѣ наивысшей естественной производительности, открытомъ для труда. Далѣе, въ силу того же принципа, высшимъ пунктомъ естественной производительности, открытымъ для труда при существующихъ условіяхъ, будетъ самый низкій пунктъ, при которомъ ведется производство, ибо люди, побуждаемые высшимъ закономъ человѣческаго духа искать удовлетворенія ихъ желаній съ наименьшими усиліями, не будутъ расходовать труда на низшемъ пунктѣ производительности, пока будетъ открытъ для нихъ болѣе высокій. Такимъ образомъ, заработная плата, которую долженъ платить наниматель, будетъ опредѣляться наинизшимъ пунктомъ естественной производительности, до котораго простирается производство, и заработная плата будетъ подыматься или падать, смотря по тому какъ этотъ пунктъ подымается или падаетъ.

Пояснимъ это. При наименѣе сложномъ состояніи общества, каждый человѣкъ, какъ это первоначально обыкновенно и бываетъ, работаетъ на себя,— одинъ, скажемъ, охотится, другой ловитъ рыбу, третій обрабатываетъ землю. Предположимъ, что земледѣліе только еще возникло, и обрабатываемая земля вся одного и того же качества и всюду одинаково вознаграждаетъ трудъ. Заработной платой, слѣдовательно,—хотя здѣсь нѣтъ ни работодателя, ни работника, а заработная плата все же существуетъ, — будетъ весь продуктъ

труда, и, принимая въ соображеніе различіе въ пріятности, въ рискѣ и пр. въ этихъ трехъ родахъ дѣятельности, заработная плата въ среднемъ будетъ одинакова для каждаго изъ нихъ, то-есть, равные труды будутъ давать равные результаты. Если бы кто нибудъ изъ числа этихъ людей пожелалъ нанять кой кого изъ своихъ товарищей, чтобы они работали на него, вмѣсто того чтобы работать на себя, то онъ долженъ бы былъ дать имъ заработную плату, опредѣляемую этимъ полнымъ, среднимъ продуктомъ труда.

Допустимъ, что прошелъ нѣкоторый періодъ времени. Земледѣліе расширилось и, вмѣсто земли одного и того же качества, захватываетъ теперь земли различныхъ качествъ. Заработной платой теперь уже не будетъ, какъ прежде, средній продуктъ труда. Ею будетъ средній продуктъ труда на границѣ обработки, или въ пунктѣ самаго низкаго вознагражденія. Ибо люди стремятся удовлетворить свои желанія съ возможно меньшимъ усиліемъ, и пунктъ самаго низкаго вознагражденія въ земледѣліи долженъ доставлять труду вознагражденіе эквивалентное среднему вознагражденію въ охотѣ и рыбной ловлѣ.*) Трудъ уже не будетъ болѣе давать одинаковаго вознагражденія за одинаковыя усилія, а будетъ такъ, что люди затрачивающіе свой трудъ на землѣ высшаго качества, станутъ при равныхъ усиліяхъ получать больше продукта, чѣмъ люди, обрабатывающіе землю худшаго качества. Заработная плата, тѣмъ не менѣе, все же будетъ оставаться одинаковой, ибо тотъ излишекъ, который будетъ получать человѣкъ, обрабатывающій землю лучшаго качества, будетъ въ сущности рентой, и если бы земля дѣлалась индивидуальной собственностью, излишекъ этотъ придалъ бы ей извѣстную цѣнность. Если бы, при такихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, одинъ членъ общества пожелалъ нанять другихъ,чтобы они работали на него, то ему пришлось бы платить лишь то, что трудъ добываетъ на самомъ низкомъ пунктѣ обработки. Если бы послѣ того предѣлъ обработки сталъ падать до пунктовъ все низшей и нисшей производительности, то стала бы падать тоже и заработная плата; если бы, напротивъ того, онъ сталъ подыматься, то соотвѣтственно стала бы подыматься и заработная плата; ибо, какъ падающее тѣло стремится кратчайшимъ путемъ къ центру земли, такъ и люди стремятся легчайшимъ образомъ достигнуть удовлетворенія своихъ желаній.

И мы получаемъ такимъ образомъ законъ заработной платы, какъ выводъ изъ принципа наиболѣе очевиднаго и наиболѣе общаго. Что заработная плата зависитъ отъ предѣла культуры, — что она будетъ больше или меньше, смотря по тому, больше или меньше тотъ продуктъ, который трудъ можетъ получить отъ наивысшихъ естественныхъ удобствъ открытыхъ для него, вытекаетъ изъ того принципа, что люди стремятся удовлетворять свои нужды съ наименьшимъ усиліемъ.

*) Это выравниваніе будетъ выполняться путемъ уравненія цѣнъ.

Затѣмъ, если мы отъ простого состоянія общества обратимся къ сложнымъ явленіямъ высоко-цивилизованныхъ обществъ, мы найдемъ, по изслѣдованіи, что и они также подчиняются этому закону.

Въ такихъ обществахъ заработная плата широко различается, но все же различные виды ея сохраняютъ болѣе или менѣе опредѣленное и очевидное отношеніе между собой. Это отношеніе не есть что либо неизмѣнное; знаменитый философъ въ одно время можетъ заработать своими уроками во много разъ больше лучшаго ремесленника, а въ другое едва можетъ разсчитывать на плату ливрейнаго лакея; въ большомъ городѣ заработная плата можетъ быть высокой въ такихъ занятіяхъ, которыя во вновь заселяемыхъ мѣстахъ доставляютъ сравнительно малый заработокъ; однако эти различія въ заработной платѣ при всевозможныхъ условіяхъ и не взирая на произвольныя измѣненія въ ней, поражаемыя обычаемъ, закономъ и пр., могутъ быть отнесены на счетъ вліянія извѣстныхъ обстоятельствъ. Въ одной изъ наиболѣе интересныхъ своихъ главъ, Адамъ Смитъ такимъ образомъ перечисляетъ главныя обстоятельства, «которыя примиряютъ съ малой денежной прибылью въ нѣкоторыхъ занятіяхъ и уравновѣшиваютъ большую прибыль въ другихъ: Во-первыхъ, пріятность или непріятность самыхъ занятій. Во-вторыхъ, легкость и дешевизна, или трудность и высокая стоимость изученія ихъ. Въ-третьихъ, постоянство или непостоянство работы въ нихъ. Въ-четвертыхъ, меньшая или большая степень довѣрія, требуемая въ этихъ занятіяхъ. Въ-пятыхъ, большая или меньшая вѣроятность успѣха въ нихъ» *). И намъ нѣтъ необходимости входить въ подробности касательно этихъ причинъ различія въ заработной платѣ между различными занятіями. Онѣ были удивительно хорошо объяснены и пояснены примѣрами Адамомъ Смитомъ и экономистами, слѣдовавшими за нимъ, которые прекрасно разрабатывали подробности, даже если имъ и не удавалось понять главнаго закона.

Вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, порождающихъ различія въ заработной платѣ между различными занятіями, можетъ быть сведено къ ихъ дѣйствію на предложеніе и спросъ, и будетъ совершенно правильно сказать, что заработная плата въ различныхъ занятіяхъ представляетъ относительныя различія въ зависимости отъ различій въ предложеніи и спросѣ на трудъ,—понимая подъ спросомъ тѣ требованія, какія общество въ его цѣломъ предъявляетъ на услуги извѣстнаго рода, и подъ предложеніемъ—относительное количество труда, которое, при существующихъ условіяхъ, можетъ быть направлено на выполненіе услугъ этого рода. Но сказать такъ можно лишь тогда, когда рѣчь идетъ объ относительныхъ различіяхъ въ заработ-

*) Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, аналогичнымъ элементу риска въ доходѣ, объясняется высокая заработная плата выдающихся юристовъ, врачей, подрядчиковъ, актеровъ и пр.

ной платѣ; а когда говорятъ, какъ это обыкновенно бываетъ, что общій размѣръ заработной платы опредѣляется предложеніемъ и спросомъ, тогда слова эти бываютъ лишены всякаго значенія. Ибо предложеніе и спросъ суть лишь относительные термины. Предложеніе труда можетъ означать собой лишь трудъ, предлагаемый въ обмѣнъ на трудъ или на продуктъ труда, и спросъ на трудъ можетъ означать лишь трудъ или продуктъ труда, предлагаемый въ обмѣнъ на трудъ. Предложеніе есть такимъ образомъ спросъ, а спросъ предложеніе, и въ обществѣ, въ его цѣломъ, одно должно имѣть такіе же размѣры, какъ другое. Все это ясно понимается господствующей политической экономіей въ отношеніи торговыхъ сдѣлокъ, а разсужденія Рикардо, Милля и другихъ, которыми доказывается, что измѣненія въ предложеніи и спросѣ не могутъ производить общаго повышенія или паденія цѣнностей, хотя и могутъ вызывать повышеніе или пониженіе въ цѣнности одного какого отдѣльнаго предмета,—столь же приложимы и къ труду. И если не замѣчаютъ нелѣпости общей формулы предложенія и спроса въ отношеніи къ труду, то только вслѣдствіе привычки думать, что спросъ на трудъ получаетъ свое начало отъ капитала и есть нѣчто отличное отъ предложенія труда; а анализъ, которому была ранѣе подвергнута эта идея, достаточно доказалъ ея ошибочность. Съ перваго же взгляда очевидно, что заработная плата никогда не можетъ на болѣе или менѣе долгое время быть выше производимаго трудомъ и что, стало-быть, не существуетъ никакого фонда, изъ котораго заработная плата, въ теченіе какого-бы то ни было времени, могла выплачиваться кромѣ того фонда, который постоянно создается трудомъ.

Но хотя всѣ тѣ обстоятельства, которыя производятъ различія въ заработной платѣ между занятіями, и могутъ быть разсматриваемы, какъ дѣйствующія чрезъ предложеніе и спросъ, тѣмъ не менѣе они (или, скорѣе, результатъ ихъ дѣйствія,—ибо иногда одна и та же причина проявляетъ свое дѣйствіе въ различныхъ направленіяхъ) могутъ быть раздѣлены на два класса, смотря потому, стремятся ли они поднять только кажущимся образомъ заработную плату, или они стремятся дѣйствительно поднять заработную плату,—то-есть, увеличить среднее вознагражденіе за равныя усилія. Высокая заработная плата въ нѣкоторыхъ занятіяхъ очень походитъ на то, съ чѣмъ сравниваетъ ее Адамъ Смитъ, на выигрыши въ лоттереѣ, гдѣ большая прибыль одного лица составляется изъ потерь множества другихъ лицъ. Это вѣрно не только относительно заработной платы тѣхъ профессій, на которыхъ д-ръ Смитъ поясняетъ принципъ, но въ широкой мѣрѣ вѣрно и о предпринимательскомъ вознагражденіи въ торговыхъ предпріятіяхъ, какъ это видно изъ факта, что свыше девяноста процентовъ торговыхъ фирмъ, начинающихъ дѣло, въ концѣ концовъ банкротится. Болѣе высокая заработная плата въ тѣхъ занятіяхъ, которыя можно вести лишь при извѣстныхъ

состояніяхъ погоды, или которыя въ силу другихъ какихъ либо причинъ представляютъ изъ себя нѣчто перемежающееся и невѣрное, также принадлежитъ къ этому классу; тогда какъ различія въ заработной платѣ, вытекающія изъ того, что данная работа признается тягостной, унизительной или вредной для здоровья и пр., обусловливаются разницею въ жертвѣ, увеличенное вознагражденіе за которую только лишь предупреждаетъ отклоненія отъ уровня одинаковаго вознагражденія за одинаковыя усилія. Всѣ эти различія приводятъ въ сущности лишь къ равенству, вытекая изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя, говоря словами Адама Смита, «возмѣщаютъ малый денежный доходъ въ нѣкоторыхъ занятіяхъ и служатъ противовѣсомъ для большаго—въ другихъ». Но кромѣ этихъ чисто кажущихся различій, существуютъ дѣйствительныя различія въ заработной платѣ между занятіями, различія, вызываемыя большей или меньшей рѣдкостью потребныхъ качествъ,—большія способности или искусство, врожденныя или пріобрѣтенныя, даютъ право разсчитывать въ общемъ на большую заработную плату. Однако эти качества, будь они наслѣдственныя или пріобрѣтенныя, по сущности своей аналогичны различіямъ въ силѣ и ловкости при ручномъ трудѣ, и какъ при ручномъ трудѣ болѣе высокая заработная плата, уплачиваемая человѣку, который можетъ болѣе дѣлать, должна учитываться на основаніи той платы, какую получаютъ люди, которые могутъ выполнять лишь среднее количество работы, такъ и заработная плата въ занятіяхъ требующихъ высшихъ способностей и искусства должна зависѣть отъ обычной заработной платы, уплачиваемой людямъ обыкновенныхъ способностей и искусства.

И дѣйствительно, наблюденіе показываетъ, какъ это и должно быть согласно теоріи, что каковы бы ни были обстоятельства, которыя производятъ разницу въ заработной платѣ въ различныхъ занятіяхъ, и какъ бы часто не измѣняли различные виды заработной платы своего взаимнаго отношенія, обнаруживая, смотря по времени и мѣсту, большія или меньшія относительныя различія, все-же размѣръ заработной платы въ одномъ занятіи всегда зависитъ отъ размѣра ея въ другомъ, и такъ далѣе, вплоть до самаго низкаго и широкаго слоя заработной платы, въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ спросъ обнаруживаетъ наибольшее однообразіе и гдѣ всего свободнѣе можно найти работу.

Хотя для занятія какимъ либо дѣломъ и могутъ существовать преграды въ видѣ большей или меньшей трудности его, тѣмъ не менѣе количество труда, которое можетъ быть направляемо на какое либо дѣло, нигдѣ не бываетъ абсолютно постояннымъ. Всякій ремесленникъ можетъ работать въ качествѣ чернорабочаго, и многіе чернорабочіе могутъ легко сдѣлаться ремесленниками; всякій магазинщикъ можетъ вести торговлю въ лавочкѣ, и многіе лавочники легко могли бы сдѣлаться магазинщиками; многіе земле-

дѣльцы могли бы, если бы оказалась къ тому побудительная причина, сдѣлаться охотниками или рудокопами, рыбаками или моряками, и многіе охотники, рудокопы, рыбаки или моряки достаточно знакомы съ земледѣліемъ, чтобы обратиться въ случаѣ надобности къ этому занятію. Во всякомъ занятіи есть люди, которые близко знакомы съ другими занятіями или которые занимаются то однимъ дѣломъ, то другимъ, да и молодые люди, постоянно вступающіе въ ряды работниковъ и пополняющіе ихъ, ищутъ занятія въ направленіи наибольшихъ выгодъ и наименьшаго сопротивленія. И сверхъ того, всѣ градаціи заработной платы переходятъ другъ въ друга съ нечувствительной постепенностью, вмѣсто того чтобы представлять изъ себя нѣчто рѣзко обособленное. Заработная плата даже наименѣе получающаго ремесленника вообще выше заработной платы простого рабочаго, но всегда найдутся такіе ремесленники, которые не могутъ, въ цѣломъ, заработать столько, сколько получаютъ нѣкоторые рабочіе; самые дорогіе адвокаты получаютъ значительно болѣе высокую заработную плату, чѣмъ наиболѣе зарабатывающіе чиновники, но наиболѣе зарабатывающіе чиновники получаютъ больше, чѣмъ нѣкоторые адвокаты, и, въ сущности, наименѣе зарабатывающіе чиновники получаютъ болѣе, чѣмъ наименѣе зарабатывающіе адвокаты. Такимъ образомъ, на границѣ каждаго занятія стоятъ люди, у которыхъ выборъ между однимъ занятіемъ и другимъ обусловливается побужденіями столь тонко уравновѣшенными, что малѣйшаго измѣненія достаточно, чтобы направить ихъ трудъ въ эту сторону или въ другую. Потому, всякое увеличеніе или уменьшеніе въ спросѣ на трудъ извѣстнаго рода можетъ только лишь временно поднять заработную плату въ соотвѣтственномъ занятіи выше, или сбить ее ниже того относительнаго уровня заработной платы въ другихъ занятіяхъ, который опредѣляется ранѣе указанными обстоятельствами, какъ-то относительной пріятностью или постоянствомъ работы, и пр. и пр. И, какъ показываетъ опытъ, даже искусственныя преграды для такого взаимодѣйствія, въ видѣ ограничительныхъ законовъ, гильдейскихъ постановленій, кастъ и пр., могутъ лишь затруднять сохраненіе этого равновѣсія, но отнюдь не могутъ ему помѣшать. Онѣ дѣйствуютъ лишь подобно плотинѣ, которая можетъ поднять воду въ рѣкѣ выше ея естественнаго уровня, но не можетъ остановить ея теченья.

Такимъ образомъ, хотя отношеніе между различными видами заработной платы и можетъ отъ поры до времени измѣняться вмѣстѣ съ измѣненіемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми опредѣляется ея относительный уровень въ различныхъ занятіяхъ, тѣмъ не менѣе, очевидно, что заработная плата во всѣхъ слояхъ должна въ концѣ концовъ зависѣть отъ заработной платы въ самомъ низкомъ и самомъ широкомъ слоѣ,—и общій размѣръ заработной платы будетъ повышаться или падать, смотря по тому повышается или падаетъ заработная плата именно въ этомъ слоѣ.

Но первичными и основными занятіями, на которыхъ, такъ сказать, воздвигаются всѣ прочія, являются, очевидно, тѣ, которыя направлены непосредственно на добываніе богатства изъ природы, и, стало-быть, законъ заработной платы для нихъ долженъ быть общимъ закономъ заработной платы. А такъ какъ заработная плата въ такихъ занятіяхъ, очевидно, зависитъ отъ того, что трудъ можетъ произвести на самомъ низкомъ пунктѣ естественной производительности, къ которому онъ вообще прилагается, то значитъ и заработная плата вообще зависитъ отъ предѣла культуры или, выражаясь болѣе точно, отъ наивысшаго пункта естественной производительности, къ которому трудъ можетъ прилагаться безъ платежа ренты.

Такъ очевиденъ этотъ законъ, что, даже не вѣдая его, на него часто опираются въ разсужденіяхъ. То и дѣло говорятъ о такихъ странахъ, какъ Калифорнія или Невада, что дешевый трудъ въ огромной степени содѣйствовалъ бы ихъ развитію, такъ какъ онъ сдѣлалъ бы возможной разработку болѣе бѣдныхъ, но за то болѣе обширныхъ, рудныхъ мѣсторожденій. И люди, которые говорятъ такимъ образомъ, замѣчаютъ связь между низкой заработной платой и низкимъ пунктомъ производства но, они перепутываютъ причину со слѣдствіемъ.

Не низкая заработная плата повела бы къ разработкѣ менѣе богатыхъ рудныхъ мѣсторожденій, но расширеніе производства до болѣе низкой ступени повело бы къ уменьшенію заработной платы. Если бы заработная плата была понижена произвольнымъ образомъ, какъ иногда и дѣлались къ тому попытки путемъ регламентаціи, то все же болѣе бѣдные рудники не стали бы разрабатываться до тѣхъ поръ, пока можно было разрабатывать болѣе богатые. Но если бы предѣлъ культуры былъ произвольно пониженъ, какъ это могло бы быть, если бы болѣе значительныя естественныя удобства находились въ собственности людей, которые предпочитали бы скорѣе дожидаться будущаго повышенія ихъ цѣнности, чѣмъ допустить теперь же пользованіе ими, то необходимо упала бы и заработная плата.

Мы закончили доказательство, достигнувъ закона заработной платы, который вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ закона ренты и вполнѣ гармонируетъ съ закономъ процента. Законъ этотъ выражается въ томъ, что —

Заработная плата зависитъ отъ предѣла производства, или отъ того продукта, который трудъ можетъ получить въ наивысшемъ пунктѣ естественной производительности, открытомъ для него безъ платежа ренты.

Этотъ законъ заработной платы находится въ согласіи со всѣми фактами и вполнѣ объясняетъ тѣ явленія, которыя, безъ пониманія его, кажутся безсвязными и противорѣчивыми.

Изъ него явствуетъ, что:

Гдѣ земля свободна и гдѣ трудъ обходится безъ содѣйствія капитала, тамъ весь продуктъ будетъ доставаться труду, въ видѣ заработной платы.

Гдѣ земля свободна и гдѣ трудъ пользуется содѣйствіемъ капитала, тамъ заработная плата будетъ состоять изъ всего продукта, минусъ та часть его, которая необходима для того, чтобы побудить къ накопленію труда въ видѣ капитала.

Гдѣ существуетъ частная собственность на землю и гдѣ возникаетъ рента, тамъ заработная плата опредѣляется той цѣнностью, какую трудъ можетъ получить отъ наивысшихъ естественныхъ удобствъ, доступныхъ для него безъ платежа ренты.

Гдѣ всѣ естественныя удобства уже монополизированы, тамъ заработная плата можетъ быть доведена конкурренціей между работниками до минимума, при какомъ только работники будутъ согласны на воспроизведеніе.

Этотъ необходимый минимумъ заработной платы (который Смитъ и Рикардо считали пунктомъ «естественной заработной платы», а Милль регуляторомъ заработной платы, которая будетъ выше или ниже, смотря потому будутъ ли рабочіе классы согласны на воспроизведеніе при высшемъ или низшемъ уровнѣ благосостоянія), вытекаетъ, однако, изъ закона заработной платы, какъ онъ сейчасъ былъ выраженъ, ибо очевидно, что предѣлъ производства не можетъ опуститься ниже того пункта, на которомъ на долю заработной платы будетъ приходиться количество продуктовъ достаточное для того, чтобы сохраненіе труда было обезпечено.

Этотъ законъ заработной платы, подобно закону Рикардо, изъ котораго онъ есть лишь выводъ, въ самомъ себѣ несетъ свое доказательство и становится очевиднымъ будучи лишь выраженъ. Ибо законъ этотъ есть ничто иное какъ одно изъ выраженій той центральной истины, которая лежитъ въ основѣ всякаго экономическаго разсужденія, той истины, что люди стремятся къ удовлетворенію своихъ желаній съ наименьшимъ усиліемъ. Средній человѣкъ не станетъ работать на хозяина за что либо меньшее того, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, что онъ можетъ заработать самъ, работая на себя; не станетъ онъ работать и на себя изъ-за чего либо меньшаго того, что онъ можетъ заработать, работая на хозяина, и стало-быть, вознагражденіе, какое трудъ можетъ получить отъ тѣхъ естественныхъ удобствъ, къ которымъ онъ имѣетъ свободный доступъ, должно опредѣлять собой ту заработную плату, какую трудъ получаетъ повсюду. Другими словами, линія ренты необходимо опредѣляетъ собой размѣръ заработной платы. Въ сущности, общепризнанный законъ ренты требуетъ для своего признанія предварительнаго признанія этого закона заработной платы, его и признаютъ во множествѣ случаевъ, хотя не сознавая того. Положеніе, что земля какого либо особаго качества будетъ приносить въ видѣ ренты излишекъ производимаго ею сравни-

тельно съ тѣмъ, что можетъ дать наименѣе производительная земля, находящаяся въ употребленіи, становится очевиднымъ лишь благодаря пониманію того факта, что собственникъ земли высшаго качества можетъ привлечь трудъ для обработки своей земли, уплачивая столько, сколько этотъ трудъ могъ бы произвести, затрачиваясь на землѣ худшаго качества.

Въ своихъ болѣе простыхъ проявленіяхъ, этотъ законъ заработной платы признается людьми, которые и знать не знаютъ никакой политической экономіи, все равно какъ тотъ фактъ, что тяжелое тѣло падаетъ на землю, задолго признавался людьми, которые никогда не слыхали о законѣ тяготѣнія. Совсѣмъ не нужно быть философомъ, чтобы понять ту истину, что если бы въ какой нибудь странѣ открыты были такія естественныя удобства, которыя дали бы возможность работникамъ, работая на себя, имѣть заработокъ болѣе высокій, чѣмъ самая низкая заработная плата, которую они теперь получаютъ, то и общій размѣръ заработной платы повысился бы; и самый невѣжественный и недалекій пріисковый рабочій прежней Калифорніи зналъ, что какъ только розсыпи поистощатся или будутъ монополизированы, такъ и заработная плата должна будетъ упасть. Нѣтъ надобности ни въ какой хитросплетенной теоріи и для того, чтобы объяснить, почему заработная плата столь высока по отношенію къ производству въ новыхъ странахъ, гдѣ земля еще не монополизирована. Причина у всѣхъ на виду. Одинъ человѣкъ не будетъ работать на другого за плату меньшую того вознагражденія, какое его трудъ въ дѣйствительности давалъ бы ему, если бы онъ отправился на одинъ изъ ближайшихъ участковъ и устроилъ тамъ свое собственное хозяйство. Лишь когда земля становится монополизированной и эти естественныя удобства становятся недоступными для труда, работники принуждены бываютъ конкуррировать другъ съ другомъ изъ за занятія, и для фермера становится возможнымъ, для выполненія своихъ работъ, нанимать рабочихъ, а самому жить на разницу между тѣмъ, что производитъ ихъ трудъ и тѣмъ, что онъ платитъ имъ за трудъ.

Адамъ Смитъ тоже понималъ причину высокой заработной платы тамъ, гдѣ земля еще свободна для заселенія, хотя онъ и не оцѣнилъ всей важности и значенія этого факта. Разсматривая причины процвѣтанія новыхъ колоній (глава VII, книга IV, «Богатства Народовъ»), онъ говоритъ:

«Каждый поселенецъ получаетъ земли больше, чѣмъ сколько онъ можетъ обработать. Онъ не платитъ ренты и не платитъ почти никакихъ налоговъ, онъ сильно наклоненъ, поэтому, собирать себѣ работниковъ со всѣхъ сторонъ и платить имъ самую щедрую плату. Но эта щедрая плата, въ соединеніи съ плодородіемъ и дешевизною земли, скоро побуждаетъ этихъ работниковъ оставлять его, чтобы самимъ сдѣлаться помѣщиками и вознаграждать съ такою же щедростью другихъ работниковъ, которые вскорѣ оставляютъ ихъ

въ силу того же побужденія, въ силу какого они оставляли своихъ первыхъ хозяевъ».

Эта глава содержитъ множество выраженій, которыя, подобно вступительному изреченію въ главѣ о заработной платѣ труда, доказываютъ, что Адамъ Смитъ, если и не оцѣнилъ истинныхъ законовъ распредѣленія богатства, то только лишь потому, что онъ оставилъ безъ вниманія болѣе раннія формы общественной организаціи и искалъ первыхъ принциповъ среди сложныхъ общественныхъ явленій, гдѣ онъ былъ ослѣпленъ предвзятой теоріей функцій капитала, и, какъ мнѣ кажется, смутнымъ признаніемъ той доктрины, которая два года спустя послѣ его смерти была формулирована Мальтусомъ. И читая сочиненія экономистовъ, которые со времени Смита трудились надъ построеніемъ и разъясненіемъ ученій политической экономіи, невозможно не замѣтить, какъ они то и дѣло наталкиваются на законъ заработной платы, отнюдь не признавая его. Но, «если-бы это была собака, она бы ихъ искусала». Въ сущности, трудно отрѣшиться отъ той мысли, что нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно видѣли этотъ законъ заработной платы, но, устрашившись практическихъ заключеній, къ которымъ онъ повелъ бы, предпочли скорѣе не узнать и утаить его, чѣмъ воспользоваться имъ какъ ключемъ къ тѣмъ проблемамъ, которыя безъ него представляются столь запутанными. Великая истина для поколѣнія, которое отбрасываетъ ее и попираетъ ногами, есть не слово мира, а мечъ!

Будетъ полезно, пожалуй, прежде чѣмъ кончить эту главу, напомнить читателю, о чемъ я ранѣе предупреждалъ его,—что я употребляю слово заработная плата не въ смыслѣ какого либо количества, но въ смыслѣ извѣстной доли. Если я говорю, что заработная плата падаетъ, когда повышается рента, то я утверждаю при этомъ не то, что количество богатства, получаемаго работниками въ видѣ заработной платы необходимо будетъ меньше, а то, что отношеніе, въ какомъ оно находится ко всему продукту, необходимо будетъ меньше. Отношеніе можетъ уменьшиться въ то время, какъ количество остается тѣмъ же или даже увеличится. Если предѣлъ культуры опускается съ производительнаго пункта, который мы обозначимъ цифрою 25, до производительнаго пункта въ 20, то рента со всѣхъ земель, которыя ранѣе приносили ренту, увеличится на эту разницу, а та доля всего продукта, которая достается работникамъ въ видѣ заработной платы, въ той же мѣрѣ уменьшится; но если въ то же время успѣхи техники и удобства, вытекающіе изъ большаго народонаселенія, настолько увеличатъ производительную силу труда, что и при 20 съ той же затратой труда будетъ производиться столько же богатства, сколько прежде при 25, то работники будутъ получать въ видѣ заработной платы такое же количество продукта, какъ и прежде, и относительное паденіе заработной

платы будетъ замѣтно не по уменьшенію благосостоянія работниковъ, а лишь по возросшей цѣнности земли и по большимъ доходамъ и болѣе расточительной жизни класса получающаго ренту.

ГЛАВА VII.

Взаимная связь и соотношеніе между этими законами.

Заключенія, которыхъ мы достигли въ отношеніи законовъ, управляющихъ распредѣленіемъ богатства, придаютъ совсѣмъ другой видъ обширной и наиболѣе важной части политической экономіи, сравнительно съ тѣмъ, какъ она теперь излагается, устраняя нѣкоторыя изъ ея наиболѣе разработанныхъ теорій и проливая новый свѣтъ на нѣкоторыя изъ ея наиболѣе важныхъ проблемъ. И при этомъ изслѣдованіи мы нигдѣ не становились на сколь нибудь сомнительную почву и нигдѣ не опирались на такой основной принципъ, который не былъ бы уже признанъ.

Законъ процента и законъ заработной платы, которые мы поставили на мѣсто обычно излагаемыхъ, суть необходимые выводы изъ того великаго закона, который только и дѣлаетъ сколь нибудь возможной науку политической экономіи, того все-понуждающаго закона, который столь же неотдѣлимъ отъ человѣческаго духа, сколь неотдѣлимо притяженіе отъ вещества, и безъ котораго было бы невозможно ни предусматривать, ни принимать въ расчетъ никакого человѣческаго дѣйствія, будь оно самое простое или самое важное. Этотъ основной законъ, что люди стремятся удовлетворять свои желанія съ наименьшимъ усиліемъ, становится, когда его разсматриваютъ по отношенію къ одному изъ факторовъ производства, закономъ ренты; по отношенію къ другому, закономъ процента; и по отношенію къ третьему, закономъ заработной платы. И если признается законъ ренты, который со времени Рикардо признавали всѣ болѣе или менѣе извѣстные экономисты, и который, подобно геометрической аксіомѣ, достаточно только понять, чтобы считать истиннымъ, за тѣмъ самымъ признаются и его необходимыя слѣдствія, законъ процента и законъ заработной платы, какъ они выражены мною. Да на самомъ-то дѣлѣ они могутъ быть названы слѣдствіями лишь относительно, такъ какъ признать законъ ренты, значитъ признать также и ихъ. Ибо отъ чего зависитъ признаніе закона ренты? Очевидно, отъ признанія того факта, что конкурренція стремится не допустить того, чтобы вознагражденіе труду и капиталу было гдѣ-либо больше,

чѣмъ на самой бѣдной землѣ, находящейся въ употребленіи. Понимая это, мы заключаемъ, что собственникъ земли въ состояніи будетъ требовать, какъ ренты, всей той части ея продуктовъ, которая представляетъ изъ себя излишекъ, сравнительно съ тѣмъ, что могло бы быть получено при равной затратѣ труда и капитала на самой бѣдной землѣ, находящейся въ употребленіи.

Гармонія и соотношеніе этихъ законовъ распредѣленія, какъ мы ихъ теперь выяснили, представляютъ поразительный контрастъ съ отсутствіемъ гармоніи, каторымъ характеризуются эти законы въ томъ видѣ, какъ они излагаются господствующей политической экономіей. Поставимъ рядомъ ихъ формулы:

Обычное выраженіе.	Истинное выраженіе.
Рента зависитъ отъ предѣла культуры, подымаясь, когда онъ падаетъ, и падая, когда онъ подымается.	*Рента* вависитъ отъ предѣла культуры, подымаясь, когда онъ падаетъ, и падая, когда онъ подымается.
Заработная плата зависитъ отъ отношенія между числомъ работниковъ и количествомъ капитала, предназначеннаго для найма ихъ.	*Заработная плата* зависитъ отъ предѣла культуры, падая, когда онъ падаетъ, и подымаясь, когда онъ подымается.
Процентъ зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ капитала; или, какъ говорятъ о прибыли, отъ заработной платы (или стоимости труда), подымаясь, когда заработная плата падаетъ, и падая, когда заработная плата подымается.	*Процентъ* (его отношеніе къ заработной платѣ опредѣляется независящей отъ труда способностью къ приросту, свойственной капиталу) зависитъ отъ предѣла культуры, падая когда онъ падаетъ, и подымаясь, когда онъ подымается.

Въ обычномъ выраженіи законы распредѣленія не имѣютъ общаго центра, не имѣютъ взаимной связи; они не представляютъ изъ себя соотвѣтственныхъ дѣленій нѣкотораго цѣлаго, но являются лишь мѣрами различныхъ количествъ. При томъ выраженіи, какое мы имъ дали, они всѣ исходятъ изъ одного начала, поддерживаютъ и дополняютъ другъ друга, и являются соотвѣтственными дѣленіями совершеннаго цѣлаго.

ГЛАВА VIII.

Статика проблемы такимъ образомъ выяснена.

Мы достигли теперь ясной, простой и послѣдовательной теоріи распредѣленія богатства, которая согласуется съ первыми принципами и существующими фактами и которая, будучи разъ понята, кажется уже очевидной.

Прежде чѣмъ выработать эту теорію, я считалъ необходимымъ окончательно доказать неудовлетворительность общепринятыхъ теорій; ибо въ мысли, какъ и въ дѣйствіи, большинство людей слѣдуетъ лишь за своими вожаками, а теорія заработной платы, которая не только имѣетъ опору въ великихъ именахъ, но глубоко коренится и въ общественныхъ понятіяхъ и предразсудкахъ, до тѣхъ поръ пока не была-бы доказана ея ошибочность, не допускала бы даже и разсмотрѣнія какой либо другой теоріи, какъ теорія, что земля есть центръ вселенной недопускала никакого размышленія о той теоріи, что земля вращается на своей оси и обращается вокругъ солнца, пока не было ясно доказано, что кажущееся движеніе небесныхъ тѣлъ не могло быть объяснено съ точки зрѣнія теоріи неподвижности земли.

И на самомъ дѣлѣ, есть замѣчательное сходство между политической экономіей, какъ ее теперь излагаютъ, и астрономіей, какъ ее излагали до принятія теоріи Коперника. Измышленія, посредствомъ которыхъ господствующая политическая экономія стремится объяснить тѣ общественныя явленія, которыя невольно обращаютъ теперь на себя вниманіе цивилизованнаго міра, можно удачно сравнить съ сложной системой цикловъ и эпицикловъ, построенной учеными для объясненія небесныхъ явленій способомъ, согласнымъ съ ученіями авторитетовъ и съ грубыми представленіями и предразсудками толпы. И какъ наблюденія, которыя доказывали, что эта теорія цикловъ и эпицикловъ не можетъ объяснить всѣхъ небесныхъ явленій, расчищали путь для выработки болѣе простой теоріи, заступившей ея мѣсто, такъ и признаніе несостоятельности ходячихъ теорій въ объясненіи общественныхъ явленій расчищаетъ путь для выработки теоріи, могущей придать политической экономіи такую же простоту и гармонію, какую придала астрономіи теорія Коперника.

Но здѣсь и кончается параллель. Что «неподвижная и не мѣняющая своего мѣста въ пространствѣ земля» должна въ дѣйствительности нестись, вращаясь, въ пространствѣ съ невообразимой быстротой,—есть нѣчто противное первымъ понятіямъ людей всѣхъ состояній и положеній; тогда какъ та истина, которую я желаю выяснить, представляется уму человѣка, какъ нѣчто естественное; она признавалась у всѣхъ народовъ, въ начальномъ

періодѣ ихъ развитія, и затемнилась лишь вслѣдствіе крайней сложности цивилизованнаго строя, вліянія себялюбивыхъ интересовъ и того ложнаго направленія, какое приняла работа ученыхъ. Чтобы признать эту истину, намъ нужно только вернуться къ первымъ принципамъ и вникнуть въ простыя представленія. Ничто не можетъ быть яснѣе той мысли, что если заработная плата не возрастаетъ съ ростомъ производительной силы, то это зависитъ отъ роста ренты.

Три фактора соединяются для производства: трудъ, капиталъ и земля.

Три разряда лицъ дѣлятъ между собой продуктъ: работники, капиталисты и землевладѣльцы.

Если, съ увеличеніемъ производства, и работники получаютъ не болѣе, чѣмъ прежде, и капиталисты получаютъ не болѣе, чѣмъ прежде, то необходимымъ выводомъ отсюда будетъ то, что вся выгода достается землевладѣльцамъ.

И факты согласуются съ этимъ выводомъ. Хотя ни заработная плата, ни процентъ нигдѣ не увеличиваются съ развитіемъ матеріальнаго прогресса, тѣмъ не менѣе постояннымъ спутникомъ и признакомъ матеріальнаго прогресса является ростъ ренты,—ростъ земельныхъ цѣнностей.

Растетъ рента, и потому не увеличивается ни заработная плата, ни процентъ. Что даетъ доходъ землевладѣльцамъ, то лишаетъ дохода работниковъ и капиталистовъ. Если заработная плата и процентъ бываютъ въ новыхъ странахъ выше, чѣмъ въ старыхъ, то зависитъ это не отъ того, какъ полагаютъ руководящіе экономисты, что природа тамъ болѣе вознаграждаетъ за приложеніе труда и капитала, а отъ того, что земля тамъ дешевле, потому что меньшая доля продукта берется въ видѣ ренты, и трудъ съ капиталомъ могутъ оставлять на свою долю большую часть того, что даетъ въ вознагражденіе природа. Доля, которая распредѣляется между заработной платой и процентомъ, опредѣляется не всѣмъ продуктомъ вообще, но лишь той частью продукта, которая остается за вычетомъ ренты. Сталобыть, размѣръ заработной платы и процента опредѣляется повсюду не столько производительностью труда, сколько цѣнностью земли. Всюду, гдѣ цѣнность земли относительно низка, заработная плата и процентъ относительно высоки; всюду, гдѣ цѣнность земли относительно высока, заработная плата и процентъ относительно низки.

Не выйди производство изъ того простого состоянія, когда весь трудъ прямо прилагается къ землѣ и вся заработная плата выплачивается въ ея произведеніяхъ, и та истина, что если землевладѣлецъ беретъ большую долю, то работникъ долженъ довольствоваться меньшей, не была бы потеряна изъ виду.

Но сложность производства въ цивилизованномъ состояніи, когда столь

значительная часть получается обмѣномъ и такъ много труда затрачивается на матеріалы послѣ того, какъ они уже бываютъ отдѣлены отъ земли, хотя и можетъ, для человѣка мало думающаго, затемнить, тѣмъ не менѣе не можетъ измѣнить того факта, что и въ этомъ случаѣ все производство ведется соединеніемъ двухъ факторовъ, земли и труда, и что рента (доля землевладѣльцевъ) не можетъ увеличиваться иначе, какъ на счетъ заработной платы (доли работниковъ) и процента (доли капитала). Все равно какъ та часть урожая, которую при болѣе простыхъ формахъ промышленной организаціи собственникъ полевой земли получаетъ въ концѣ жатвы, какъ свою ренту, уменьшаетъ ту сумму, которая остается земледѣльцу, какъ его заработная плата и процентъ, такъ и рента съ земли, на которой построенъ фабричный или торговый городъ, уменьшаетъ ту сумму, которая дѣлится, какъ заработная плата и процентъ, между трудомъ и капиталомъ, занятыми тамъ производствомъ или обмѣномъ богатства.

Короче, цѣнность земли цѣликомъ зависитъ отъ способности, какую даетъ право собственности на землю, къ присвоенію богатства, создаваемаго трудомъ, и ростъ земельныхъ цѣнностей совершается всегда на счетъ цѣнности труда. Стало-быть, если ростъ производительныхъ силъ не увеличиваетъ заработной платы, то потому, что онъ увеличиваетъ цѣнность земли. Рента поглощаетъ всю выгоду и пауперизмъ является спутникомъ прогресса.

Нѣтъ необходимости ссылаться на факты. Они сами будутъ представляться читателю. Вѣдь это обычное явленіе, и повсюду наблюдаемое, что какъ только увеличивается цѣнность земель, такъ возникаетъ и контрастъ между богатствомъ и нуждой. Вѣдь это фактъ универсальный, что гдѣ цѣнность земли наивысшая, тамъ и цивилизація выказываетъ наибольшую роскошь рядомъ съ самой жалкой нищетой. Чтобы видѣть человѣческія существа въ самомъ жалкомъ, самомъ безпомощномъ и самомъ безнадежномъ положеніи, вы должны отправиться не въ неогороженныя степи и не въ бревенчатыя хижины на только что разчищенныхъ лѣсныхъ пространствахъ, гдѣ человѣкъ одинъ на одинъ вступаетъ въ борьбу съ природой, и гдѣ земля еще ничего не стоитъ, но въ большіе города, гдѣ право собственности на маленькій клочекъ земли означаетъ собой уже цѣлое состояніе.

КНИГА IV.

Вліяніе матеріальнаго прогресса на распредѣленіе богатства.

ГЛАВА I.

Динамику проблемы еще нужно найти.

Признавъ, что рента поглощаетъ то приращеніе въ производствѣ, къ которому ведетъ матеріальный прогрессъ, но которое не достается труду; убѣдившись, что антагонизмъ интересовъ существуетъ не между трудомъ и капиталомъ, какъ это обыкновенно думаютъ, а въ сущности между трудомъ и капиталомъ съ одной стороны и землевладѣніемъ съ другой, мы достигли заключенія, которое должно повести къ самымъ важнымъ практическимъ результатамъ. Но касаться ихъ теперь было бы не время, ибо мы еще не разрѣшили вполнѣ проблемы, поставленной нами съ самаго начала. Сказать, что заработная плата остается низкой вслѣдствіе того, что повышается рента, имѣетъ то же значеніе, какъ сказать, что пароходъ движется, потому что вертятся его колеса. На очереди стоитъ вопросъ, что заставляетъ ренту повышаться? Какого рода сила или какого рода необходимость дѣлаетъ то, что, съ развитіемъ производительныхъ силъ, распредѣляется въ видѣ ренты все бо́льшая и бо́льшая доля продукта?

Какъ на причину, вызывающую повышеніе ренты, Рикардо указалъ только на ростъ народонаселенія; увеличиваясь, оно требуетъ все бо́льшаго и большаго количества пищи для своего продовольствія и тѣмъ самымъ заставляетъ расширять площадь культуры, заставляетъ обращаться къ новымъ землямъ худшаго качества или къ пунктамъ низшей производительности на тѣхъ же земляхъ; а въ наиболѣе распространенныхъ сочиненіяхъ другихъ авторовъ, когда рѣчь идетъ о причинахъ повышенія ренты, этому расширенію культуры на земли худшаго качества удѣляется такое исключительное вниманіе, что Кэри (а за нимъ профессоръ Перри и другіе) даже вообразилъ, будто онъ опровергнулъ теорію ренты Рикардо, отвергнувъ то положеніе, что прогрессъ земледѣльческой культуры совершается въ направленіи отъ земель лучшаго къ землямъ худшаго качества *).

---

*) По этому поводу не лишне замѣтить: 1) Что переходъ отъ обработки земель лучшаго качества къ землямъ худшаго слѣдуетъ считать общимъ правиломъ, насколько это указывается ходомъ земледѣлія въ болѣе новыхъ штатахъ Союза и свойствомъ земель, остающихся внѣ обработки въ болѣе старыхъ штатахъ. 2) Что идетъ ли рас-

Далѣе, хотя я и признаю несомнѣнно истиннымъ, что возрастающее стѣсненіе народонаселенія въ средствахъ къ жизни, побуждающее обращаться къ менѣе производительнымъ мѣстамъ, можетъ и должно подымать ренту, тѣмъ не менѣе я не считаю основательными всѣ тѣ выводы, которые обыкновенно дѣлаютъ изъ этого принципа, и не допускаю, чтобы этимъ обстоятельствомъ вполнѣ объяснялся ростъ ренты, идущій параллельно съ развитіемъ матеріальнаго прогресса. Очевидно, существуютъ другія причины, содѣйствующія повышенію ренты, но причины эти, повидимому, цѣликомъ или частію, ускользали отъ вниманія, благодаря тѣмъ ошибочнымъ взглядамъ на функціи капитала и на происхожденіе заработной платы, которые были въ ходу. Чтобы видѣть, каковы эти причины и какъ онѣ дѣйствуютъ, прослѣдимъ то дѣйствіе, которое матеріальный прогрессъ оказываетъ на распредѣленіе богатства.

Измѣненія, изъ коихъ слагается матеріальный прогрессъ или которыя содѣйствуютъ ему, сводятся къ слѣдующимъ тремъ группамъ: 1) къ увеличенію народонаселенія; 2) къ улучшенію въ техникѣ производства и обмѣна; 3) къ усовершенствованію въ наукахъ, въ дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ государственнаго устройства и управленія, въ нравахъ и въ обычаяхъ, поскольку они увеличиваютъ способность производить богатство. Матеріальный прогрессъ, какъ его обыкновенно понимаютъ, составляется изъ этихъ трехъ элементовъ, развивается въ этихъ трехъ направленіяхъ, и каждая изъ прогрессивныхъ націй за время своего прежняго развитія испытывала на себѣ такого рода перемѣны, хотя и въ различной степени. Такъ какъ, будучи разсматриваемы съ точки зрѣнія матеріальныхъ силъ или сбереженій, развитіе знаній, улучшенія въ управленіи и пр. имѣютъ то же значеніе, какъ и усовершенствованія въ техникѣ, то и нѣтъ необходимости разсматривать ихъ въ этомъ случаѣ отдѣльно. Какое отношеніе къ нашей проблемѣ имѣетъ умственный или нравственный прогрессъ, просто какъ таковой, это мы разсмотримъ потомъ. Въ настоящее же время мы имѣемъ дѣло съ матеріальнымъ прогрессомъ, которому эти факторы содѣйствуютъ лишь постольку, поскольку они увеличиваютъ производительныя силы, и мы познакомимся съ вліяніемъ этихъ факторовъ ознакомившись съ вліяніемъ техническихъ усовершенствованій.

ширеніе культуры въ направленіи отъ абсолютно лучшихъ земель къ абсолютно худшимъ землямъ, или наоборотъ (да и не мало есть указаній на то, что понятія «лучшее» или «худшее» въ этомъ случаѣ выражаютъ только состояніе нашихъ знаній и что при дальнѣйшихъ успѣхахъ ихъ могутъ быть открыты драгоцѣнныя качества въ тѣхъ земляхъ, которыя теперь считаются самыми безплодными), — оно во всякомъ случаѣ совершается, и по природѣ человѣческаго духа, должно непремѣнно совершаться, отъ земель, которыя при теперешнихъ условіяхъ считаются лучшими, къ землямъ, которыя при теперешнихъ условіяхъ считаются худшими. 3) Что законъ ренты Рикардо зависитъ не отъ направленія, въ которомъ расширяется культура, а отъ предположенія, что если земля извѣстнаго качества даетъ нѣкоторый доходъ, то земля лучшаго качества даетъ больше дохода.

Чтобы опредѣлить вліяніе матеріальнаго прогресса на распредѣленіе богатства, мы должны будемъ, слѣдовательно, разсмотрѣть вліяніе роста народонаселенія, независимо отъ вліянія усовершенствованій въ техникѣ, затѣмъ вліяніе техническихъ усовершенствованій, независимо отъ вліянія роста народонаселенія.

ГЛАВА II.

Вліяніе роста народонаселенія на распредѣленіе богатства.

Способъ, какимъ возрастаніе народонаселенія вызываетъ повышеніе ренты, какъ это излагаютъ и объясняютъ въ общераспространенныхъ трактатахъ, сводится къ тому, что возрастающій спросъ на средства къ жизни вынуждаетъ обращаться къ обработкѣ худшихъ земель или къ производству на менѣе производительныхъ пунктахъ. Такъ, если при данномъ народонаселеніи предѣльная норма обработки захватываетъ земли, производительность которыхъ оцѣнивается цифрою 30, то всѣ земли, производительность которыхъ превышаетъ эту цифру, будутъ давать ренту. Если народонаселеніе удваивается, то является надобность въ извѣстномъ увеличеніи продовольственныхъ средствъ, и это увеличеніе не можетъ быть достигнуто безъ расширенія культуры, которое и ведетъ къ тому, что начинаютъ давать ренту земли, которыя ранѣе ея не давали. Если это расширеніе коснется земель, производительность которыхъ оцѣнивается цифрою 20, то всѣ земли, производительность которыхъ находится въ предѣлмхъ отъ 20 до 30, будутъ приносить ренту и имѣть извѣстную цѣнность, а всѣ земли, производительность которыхъ выше 30, будугъ приносить ренту въ увеличенномъ размѣрѣ, и цѣнность ихъ повысится.

Вотъ здѣсь-то доктрина Мальтуса и получаетъ отъ обычныхъ объясненій теоріи ренты ту поддержку, о которой я говорилъ, когда перечислялъ причины, совмѣстное дѣйствіе которыхъ придало этой доктринѣ въ глазахъ большинства характеръ неоспоримой истины. Согласно теоріи Мальтуса стѣсненіе народонаселенія въ средствахъ къ жизни прогрессивно увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ народонаселенія, и хотя съ каждымъ новымъ ртомъ являются на свѣтъ Божій и двѣ руки, тѣмъ не менѣе, говоря словами Джона Стьюарта Милля, становится все труднѣе и труднѣе для новыхъ рукъ прокармливать новые рты. Согласно Рикардовской теоріи ренты, рента возникаетъ изъ разницы въ производительности земель, находящихся

въ пользованіи, и, по объясненію Рикардо и слѣдовавшихъ за нимъ экономистовъ, ростъ ренты, всегда являющійся по указаніямъ опыта спутникомъ роста народонаселенія, вызывается невозможностью добывать болѣе пищи, иначе какъ при большихъ издержкахъ производства, причемъ и предѣлъ культуры оттѣсняется къ болѣе низкимъ пунктамъ производительности, при соотвѣтственномъ увеличеніи ренты. Такимъ образомъ, между обѣими теоріями, какъ я объяснилъ и ранѣе, устанавливается полная гармонія, полное соотвѣтствіе,—законъ ренты становится лишь частнымъ приложеніемъ болѣе общаго закона, предложеннаго Мальтусомъ, а ростъ ренты, сопутствующій росту народонаселенія, доказательствомъ непреодолимаго вліянія этого закона. Я говорю объ этомъ лишь попутно, ибо намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть заблужденіе, благодаря которому доктрина ренты сдѣлалась опорой для теоріи, которая въ дѣйствительности отнюдь не можетъ разсчитывать на ея поддержку. Теорія Мальтуса уже была опровергнута нами и окончательное доказательство ея ошибочности, которое устранитъ послѣднюю тѣнь сомнѣнія, будетъ представлено ниже, когда мы увидимъ, что явленія, приписываемыя стѣсненію народонаселенія въ средствахъ къ жизни обнаруживались бы, при существующихъ условіяхъ, и въ томъ случаѣ, если бы народонаселеніе не измѣнялось въ своей численности.

Заблужденіе, къ которому я теперь и перехожу, и которое необходимо разъяснить для надлежащаго пониманія того дѣйствія, какое оказываетъ ростъ народонаселенія на распредѣленія богатства, заключается въ предположеніи, явно или неявно входящемъ во всякое разсужденіе касающееся ренты и ея отношенія къ народонаселенію, будто всякій переходъ къ болѣе низкимъ пунктамъ производительности приводитъ къ сокращенію общей суммы продукта по отношенію къ затраченному труду; что не всегда такъ бываетъ, это открыто признается въ отношеніи къ разнаго рода земледѣльческимъ усовершенствованіямъ, которыя разсматриваются, говоря словами Милля «какъ частичное освобожденіе отъ оковъ, которыя налагаетъ ростъ народонаселенія». Однако этого сокращенія продукта не наблюдается даже и тогда, когда нѣтъ никакого прогресса въ техникѣ, и когда обращеніе къ болѣе низкимъ пунктамъ производительности является несомнѣнно результатомъ увеличившагося спроса со стороны увеличившагося народонаселенія. Ибо увеличившееся народонаселеніе уже само по себѣ, помимо всякаго прогресса въ техникѣ, ведетъ къ увеличенію производительной силы труда. Трудъ ста человѣкъ, при равенствѣ прочихъ условій, производитъ гораздо больше, чѣмъ сто разъ взятый трудъ одного человѣка, а трудъ тысячи человѣкъ гораздо больше, чѣмъ десять разъ взятый трудъ ста человѣкъ; и такимъ образомъ, каждой парѣ рукъ, которая прибавляется съ ростомъ народонаселенія, соотвѣтствуетъ болѣе чѣмъ пропорціональная прибавка къ

производительной силѣ труда. Такъ что, съ ростомъ народонаселенія, возможно обращеніе къ производительнымъ силамъ природы худшаго качества не только безъ всякаго уменьшенія въ среднемъ количествѣ производимаго богатства, въ отношеніи къ затраченному труду, но и безъ всякаго уменьшенія количества продукта даже въ пунктахъ наименьшей производительности. Удваивается народонаселеніе, и земля, производительность которой оцѣнивается лишь цифрою 20, можетъ давать на то же количество труда столько же, сколько ранѣе давала земля, производительность которой оцѣнивалась цифрою 30. Ибо не слѣдуетъ забывать (а это часто забываютъ), что производительность земли, какъ и производительность труда, измѣряется производствомъ не одного какого-либо предмета, а всѣхъ предметовъ, въ которыхъ мы имѣемъ потребность. Поселенецъ съ семействомъ можетъ собирать съ земли, отстоящей на сто миль отъ ближайшаго жилья, столько же хлѣба, сколько онъ собиралъ бы, если бы его земля находилась въ центрѣ населеннаго округа. Но въ населенномъ округѣ, затрачивая столько же труда, онъ могъ бы жить также хорошо, пользуясь землей худшаго качества, или на землѣ равнаго качества могъ бы жить также хорошо, уплачивая высокую ренту, ибо среди многочисленнаго народонаселенія трудъ его сдѣлался бы болѣе производительнымъ, если не въ производствѣ хлѣба, то въ производствѣ богатства, вообще въ дѣлѣ пріобрѣтенія тѣхъ товаровъ и тѣхъ услугъ, которыя въ сущности составляютъ цѣль его труда.

Но даже и тамъ, гдѣ имѣется на лицо уменьшеніе производительности труда въ пунктахъ наименьшей производительности и гдѣ, значитъ, увеличивавшійся спросъ на богатство оттѣснилъ производство къ пунктамъ естественной производительности настолько низкой, что и увеличивавшаяся вслѣдствіе роста народонаселенія сила труда оказывается недостаточнымъ противовѣсомъ, даже и тамъ не было бы основанія заключить, чтобы вся совокупность производимаго богатства, въ ея отношеніи къ затраченному труду, уменьшилась.

Возьмемъ какую нибудь землю, которая идетъ ухудшаясь въ качествѣ Лучшіе участки ея, естественно, будутъ заселены сначала, а когда увеличится народонаселеніе, то будутъ заняты слѣдующіе по качеству участки, и такъ далѣе. Но такъ какъ ростъ народонаселенія, давая возможность дѣлать бо́льшія сбереженія, увеличиваетъ производительность труда, то причина, заставляющая обращаться послѣдовательно къ землѣ все худшаго и худшаго качества, въ то же самое время будетъ увеличивать и то количество богатства, которое эта земля можетъ принести при затратѣ даннаго количества труда. Но причина эта будетъ также дѣлать и нѣчто бо́льшее,— она будетъ увеличивать производительность труда на всѣхъ земляхъ высшаго качества, уже находящихся въ обработкѣ. Если отношенія количества и

качества при этомъ процессѣ будутъ таковы, что растущее народонаселеніе будетъ болѣе увеличивать производительность труда, чѣмъ понуждать обращаться къ менѣе пригоднымъ для обработки землямъ, то, не смотря на то, что граница культуры захватитъ земли худшаго качества, а рента повысится, въ результатѣ все же окажется повышеніе минимальнаго вознагражденія, достающагося труду. Другими словами, въ то время какъ заработная плата относительно понизится, количественно она возрастетъ. Въ среднемъ производство богатства увеличится. Если эти отношенія будутъ таковы, что увеличивающаяся производительность труда какъ разъ будетъ компенсировать меньшую производительность тѣхъ земель, къ которымъ пришлось бы обратиться, то ростъ народонаселенія приведетъ къ повышенію ренты, включая въ границу культуры худшія земли и не уменьшая заработной платы въ смыслѣ извѣстнаго количества, и приведетъ въ среднемъ къ увеличенію производства. Предположимъ теперь, что народонаселеніе еще болѣе будетъ увеличиваться, но что между самой худшей землей, находящейся въ обработкѣ, и землей, слѣдующей за ней по своимъ качествамъ, къ которой придется обратиться, разница будетъ настолько значительна, что она не будетъ компенсироваться соотвѣтственнымъ увеличеніемъ производительной силы труда, зависящимъ отъ роста народонаселенія; — въ этомъ случаѣ минимумъ того, что достается труду, будетъ понижаться, и съ ростомъ ренты заработная плата будетъ падать не только относительно, но и количественно. Но если только въ этомъ случаѣ разница въ качествѣ земли не будетъ болѣе рѣзкой, чѣмъ мы вообще вправѣ предположить, или чѣмъ какая, по моему мнѣнію, когда либо существовала, производство, въ среднемъ, все же будетъ возрастать, ибо увеличеніе производительности, наступающее вслѣдствіе роста народонаселенія, который понуждаетъ обращаться къ землѣ худшаго качества, будетъ касаться всѣхъ видовъ труда, и выигрышъ на земляхъ высшаго качества будетъ съ избыткомъ покрывать недочеты въ производствѣ на землѣ худшаго качества, только что пущенной въ обработку. Общая совокупность производимаго богатства, въ отношеніи къ общей совокупности затраченнаго труда, будетъ больше, хотя распредѣленіе этого богатства будетъ болѣе неравномѣрнымъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, ростъ народонаселенія, вызывая переходъ къ обработкѣ земель худшаго качества, ведетъ къ повышенію ренты и къ сокращенію заработной платы, какъ доли, но можетъ повести, или не повести, къ сокращенію заработной платы, какъ количества; въ рѣдкихъ случаяхъ ростъ населенія можетъ привести къ уменьшенію общей совокупности производимаго богатства въ отношеніи къ общей совокупности затрачиваемаго труда, хотя на дѣлѣ этого, вѣроятно, никогда не бываетъ; обыкновенно же, наоборотъ, возрастаніе населенія ведетъ къ относительному увеличенію богатства, и часто весьма значительному.

Но, хотя ростъ народонаселенія такимъ образомъ и увеличиваетъ ренту, отодвигая предѣлъ культуры къ землямъ худшаго качества, было бы однако ошибкой видѣть въ этомъ единственный способъ, какимъ рента повышается съ ростомъ народонаселенія. Увеличивающееся народонаселеніе повышаетъ ренту, и не понижая предѣловъ культуры; вопреки мнѣнію такихъ писателей, какъ Мэкъ-Кёллокъ, утверждающій, будто рента не возникнетъ тамъ, гдѣ имѣется неограниченное количество одинаково хорошей земли, ростъ населенія повышаетъ ренту безъ всякаго отношенія къ природнымъ качествамъ земли, ибо возросшія силы коопераціи и обмѣна, являющіяся съ ростомъ народонаселенія, эквивалентны улучшенію качества земли и даже, я полагаю, можно сказать безъ всякой метафоры, непосредственно ведутъ къ улучшенію ея качества.

Я хочу сказать не просто то, что, подобно улучшенію въ способахъ и орудіяхъ производства, увеличеніе производительности труда, являющееся слѣдствіемъ роста населенія, приводитъ къ возростанію продуктовъ труда, совершенно равносильному улучшенію природныхъ качествъ земли; но хочу сказать, что это повышеніе производительности сообщаетъ высшую силу труду, локализированному въ извѣстной мѣстности, силу, которая дѣлается достояніемъ не труда вообще, но лишь того труда, который расходуется на извѣстной землѣ, силу, которая такимъ образомъ является достояніемъ земли въ такой же мѣрѣ, какъ качества почвы, климатъ, минеральныя богатства или естественное положеніе, и передается, какъ передаются и они, вмѣстѣ съ правомъ владѣнія землей.

Улучшеніе въ способахъ обработки, которое при тѣхъ же затратахъ будетъ давать возможность получать двѣ жатвы въ годъ вмѣсто одной, или усовершенствованіе въ орудіяхъ и машинахъ, которое будетъ удваивать результаты труда, очевидно будутъ оказывать на извѣстномъ участкѣ земли тоже дѣйствіе на производство, какъ если бы было удвоено плодородіе земли. Но вотъ въ какомъ отношеніи будетъ разница: улучшеніе въ способахъ обработки или въ орудіяхъ можетъ быть утилизируемо на какой угодно землѣ; а улучшеніе плодородія можетъ быть утилизируемо только на извѣстномъ участкѣ земли, на которомъ оно было достигнуто. Такимъ же вотъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, увеличеніе производительности труда, которое вытекаетъ изъ роста народонаселенія, можетъ быть утилизировано только на опредѣленной землѣ, и на опредѣленной землѣ въ весьма различной степени.

Представимъ себѣ безграничную степь; куда ни погляди, вездѣ одно и то же, та же трава, тѣ же цвѣты, тѣ же ручьи, вездѣ однообразіе, утомительное для путешественника. По ней тянется телѣга перваго поселенца. Гдѣ ему поселиться, онъ и не знаетъ,—каждый участокъ кажется столь же

хорошимъ, какъ и всякій другой. Въ отношеніи топлива, воды, плодородія, положенія, абсолютно нѣтъ выбора, поселенецъ совсѣмъ теряетъ голову отъ изобилія благъ. Утомленный поисками мѣста, которое было бы лучше прочихъ, онъ останавливается гдѣ нибудь, гдѣ попало,—и принимается строить себѣ домъ. Почва—богатая цѣлина, кругомъ изобиліе дичи, а въ рѣчкахъ множество чудныхъ форелей. Природа ничего не оставляетъ болѣе желать. Онъ имѣетъ все то, что среди населеннаго округа сдѣлало бы его богачемъ, а онъ—очень бѣденъ. Не говоря уже объ умственной голодухѣ, которая побуждаетъ его радостно привѣтствовать перваго встрѣчнаго, онъ трудится при всѣхъ матеріальныхъ невыгодахъ одиночества. Онъ не можетъ имѣть временной помощи въ какой либо работѣ, для выполненія которой требуется большее соединеніе силъ, чѣмъ то, какое можетъ дать его семейство или тѣ работники, которыхъ онъ можетъ постоянно держать. У него есть скотъ, но онъ не можетъ часто пользоваться свѣжимъ мясомъ, ибо, чтобы зажарить кусокъ мяса, онъ долженъ убить цѣлаго быка. Онъ долженъ быть собственнымъ кузнецомъ, телѣжникомъ, плотникомъ и сапожникомъ,—короче долженъ знать всѣ ремесла, не будучи мастеромъ ни въ одномъ. Онъ не можетъ посылать въ школу своихъ дѣтей, ибо для этого ему пришлось бы одному нанимать и содержать учителя. Всѣ тѣ предметы, которые онъ не производитъ самъ, онъ долженъ покупать въ большомъ количествѣ и держать въ запасѣ или, иначе, обходиться безъ нихъ, ибо онъ не можетъ постоянно отрываться отъ работы и совершать длинные переѣзды къ крайнимъ пунктамъ цивилизаціи, а когда и принужденъ бываетъ къ этому, то стклянка лѣкарства или замѣна изломавшагося бурава обходится ему въ нѣсколько дней работы, его и лошадей. При такихъ обстоятельствахъ, хотя природа и щедра, но человѣкъ бѣденъ. Ему не трудно прокормить себя; но, сверхъ этого, его труда хватаетъ лишь на удовлетвореніе самыхъ простыхъ потребностей самымъ грубымъ образомъ.

Вскорѣ приходитъ новый поселенецъ. Въ какую бы сторону ему не направиться по безграничной равнинѣ, всюду одинаково хорошо, но онъ уже не смущается вопросомъ о томъ, гдѣ ему поселиться. Хотя земля вездѣ одна и таже, но есть однако одно мѣсто, которое во всякомъ случаѣ для него лучше всякаго другого, и именно то, гдѣ уже есть поселенецъ и гдѣ онъ можетъ имѣть сосѣда. Онъ устраивается рядомъ съ первымъ пришельцемъ, жизненныя условія котораго сразу значительно улучшаются при этомъ и который теперь можетъ имѣть многое такое, что ранѣе было для него невозможно, ибо два человѣка могутъ помогать другъ другу въ такихъ дѣлахъ, которыхъ никогда не можетъ выполнить одинъ человѣкъ.

Приходитъ еще одинъ поселенецъ и, руководствуясь тѣми же выгодами, селится тамъ, гдѣ уже есть двое. Приходятъ еще и еще, пока вокругъ пер-

ваго поселенца не соберется десятка два сосѣдей. Трудъ теперь имѣетъ такую производительность, о какой при уединенной жизни невозможно было и думать. Предстоитъ выполнить какую нибудь тяжелую работу, поселенцы собираютъ помочь, толоку, и вмѣстѣ дѣлаютъ въ одинъ день то, чего одинъ человѣкъ не осилилъ бы и въ цѣлые годы. Когда одинъ убиваетъ быка, прочіе пользуются мясомъ, возвращая его, когда они сами убьютъ быка, и такимъ образомъ все время они имѣютъ свѣжее мясо. Вмѣстѣ они нанимаютъ учителя, и дѣти каждаго изъ нихъ обучаются лишь за нѣкоторую долю того, во что обошлось бы такое обученіе для перваго поселенца. Становится сравнительно легкимъ дѣломъ послать за чѣмъ нибудь въ ближайшій городъ, ибо всегда кто нибудь да собирается ѣхать туда. Да становится и меньше нужды въ такихъ поѣздкахъ. Кузнецъ, колесникъ, вскорѣ открываютъ тамъ заведенія, и нашъ поселенецъ можетъ чинить свои орудія лишь за малую долю того труда, какого стоило ему это прежде. Открывается лавочка, и онъ можетъ получать все, что ему нужно, какъ разъ въ то самое время, когда является нужда; потомъ прибавляется почтовая контора и ставитъ поселенца въ непосредственное и регулярное сообщеніе со всѣмъ остальнымъ міромъ. Затѣмъ являются сапожникъ, плотникъ, шорникъ, докторъ; и вскорѣ устраивается маленькая церковка. Становятся доступными такія вещи, которыя были совершенно недоступны при жизни въ уединеніи. Становится возможнымъ удовлетвореніе потребностей общественной и интеллектуальной природы,—той части человѣка, которая ставитъ его выше животнаго. Сила симпатіи, сознаніе общности интересовъ, вліяніе сравненія и контраста, придаютъ жизни болѣе шири, полноты и разнообразія. Въ радости радуются и другіе; въ горѣ, плачущіе плачутъ не одни. То собираются у одного, чтобы щелушить кукурузу, то у другого, чтобы чистить яблоки, а тамъ собрались сосѣдки стегать одѣяло и пировать по этому случаю. Хоть танцовальная зала и представляетъ изъ себя лишь неоштукатуренную комнату и весь оркестръ состоитъ изъ одного самодѣльнаго скрипача, но волшебную силу имѣютъ звуки его скрипки и съ танцующими парами танцуетъ Купидонъ. Когда гдѣ свадьба, приходятъ туда другіе посмотрѣть и порадоваться; умираетъ кто, и другіе приходятъ посидѣть у его постели, и у открытой могилы сочувствіе людей поддерживаетъ плачущихъ. По временамъ является странствующій лекторъ и вводитъ своихъ слушателей въ таинственныя области науки, литературы или искусства; во время выборовъ появляются ораторы, путешествующіе съ избирательными цѣлями, и гражданинъ съ сознаніемъ достоинства и власти видитъ, что міровые вопросы рѣшаются передъ нимъ въ борьбѣ Джона Ду и Ричарда Ру изъ за его поддержки и голоса. А тамъ пріѣзжаетъ циркъ, о которомъ еще за цѣлые мѣсяцы несется молва, и дѣтямъ, ничего не видѣвшимъ кромѣ степи, пред-

ставляются всѣ царства фантазіи,—принцы и принцессы волшебныхъ сказокъ, крестоносцы въ кольчугахъ и мавры въ чалмахъ, волшебная карета Сандрилльоны, и великаны изъ былинъ; львы, такіе же какъ тѣ, которые лежали передъ Даніиломъ и терзали въ Римскомъ Колизеѣ христіанскихъ мучениковъ; страусы, напоминающіе о песчаныхъ пустыняхъ; верблюды, такіе же какъ тѣ, что стояли кругомъ, когда нечестивые братья вынимали Іосифа изъ колодца и продавали его въ рабство; слоны, такіе же какъ тѣ, что переходили Альпы съ Ганнибаломъ или шли противъ меча Маккавеевъ; и чудная музыка ласкаетъ ухо дѣтей, рисуя въ ихъ воображеніи картину того, какъ возвышался лучезарный замокъ Кублай-Хана.

Подите теперь къ нашему поселенцу и скажите ему: «У васъ столько то фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ вами; столько-то заборовъ, такой-то колодецъ, житница, домъ,—короче вы увеличили вашимъ трудомъ на столько-то цѣнность вашей фермы. Земля ваша уже не такъ хороша. Вы сняли съ нея уже не одну жатву, и вскорѣ она будетъ нуждаться въ удобреніи. Я заплачу вамъ всю стоимость вашихъ построекъ и улучшеній, если вы отдадите ее мнѣ и снова отправитесь съ вашимъ семействомъ за предѣлы заселенной земли». Онъ станетъ смѣяться надъ вами. Его земля приноситъ ему пшеницы и картофеля не болѣе, чѣмъ прежде, но даетъ ему гораздо болѣе всего необходимаго для жизни и благосостоянія. Его трудъ на ней приноситъ не болѣе богатыя, допустимъ что и не болѣе цѣнныя жатвы, но этотъ трудъ приноситъ гораздо болѣе всѣхъ прочихъ вещей, изъ-за которыхъ люди работаютъ. Присутствіе другихъ поселенцевъ,—ростъ народонаселенія,—увеличилъ, по отношенію къ этимъ вещамъ производительность труда, затрачиваемаго на той же землѣ, и эта увеличенная производительность даетъ данной землѣ превосходство надъ землей равнаго качества находящейся тамъ, гдѣ еще нѣтъ поселенцевъ. Если не остается свободной земли, кромѣ столь же отдаленной отъ поселеній, какъ была земля нашего поселенца, когда онъ впервые занялъ ее, то цѣнность или рента его земли будетъ равняться всей этой прибавки въ ея производительности. Если же, какъ было предположено нами, имѣется сплошное протяженіе одинаковой земли, по которой теперь и распространяется населеніе, то всякому новому поселенцу уже не будетъ необходимости уходить въ даль, какъ это сдѣлалъ первый поселенецъ. Онъ можетъ поселиться какъ разъ по сосѣдству съ прочими и пользоваться выгодами отъ близости къ нимъ. Цѣнность земли нашего поселенца или ея рента будетъ въ этомъ случаѣ зависѣть отъ того преимущества, какое имѣетъ ея положеніе въ центрѣ населеннаго округа предъ положеніемъ земли на границѣ его. Въ первомъ случаѣ, предѣльная норма производства оставалась бы прежней; во второмъ—она была бы повышена.

Народонаселеніе еще продолжаетъ рости, а по мѣрѣ того какъ оно рас-

тетъ, увеличиваются и тѣ сбереженія, которыя дѣлаетъ возможными этотъ ростъ, и которыя въ сущности повышаютъ производительность земли. Такъ какъ земля нашего поселенца оказывается въ центрѣ населеннаго округа, то лавочка, кузница, колесное заведеніе, устраиваются на ней или на границѣ ея, гдѣ вскорѣ образуется деревня, которая быстро растетъ и превращается въ городокъ, центръ мѣновыхъ сдѣлокъ для населенія цѣлаго округа. Обладая не большей земледѣльческой производительностью, чѣмъ ранѣе, данная земля теперь начинаетъ проявлять производительность болѣе высокаго порядка. Труду, затраченному на воздѣлываніе кукурузы, или пшеницы, или картофеля, она будетъ давать всѣхъ этихъ вещей не болѣе, чѣмъ прежде; но труду, затрачиваемому въ послѣдующихъ отрасляхъ производства, которыя требуютъ близости къ другимъ производителямъ, и особенно труду, затрачиваемому въ той конечной фазѣ производства, которая состоитъ въ распредѣленіи, она будетъ давать гораздо бо́льшій доходъ. Воздѣлывающій пшеницу можетъ пойти нѣсколько далѣе и найти землю, на которой его трудъ будетъ производить такое же количество пшеницы, и приблизительно столько же богатства; но ремесленникъ, фабрикантъ, лавочникъ, люди свободныхъ профессій знаютъ, что трудъ ихъ, затраченный здѣсь, въ центрѣ мѣновыхъ сдѣлокъ, будетъ приносить имъ гораздо болѣе, чѣмъ если они будутъ затрачивать его даже на небольшомъ разстояніи отъ этой земли; и на этотъ излишекъ производительности для такихъ цѣлей землевладѣлецъ можетъ предъявить свои права, все равно какъ онъ могъ бы предъявить свои права на излишекъ въ ея производительности для цѣлей воздѣлыванія пшеницы. И, такимъ образомъ, нашъ поселенецъ получаетъ возможность продать подъ постройку домовъ нѣсколько десятинъ своей земли за такія деньги, какихъ никогда ему бы не дали ради воздѣлыванія пшеницы, даже если бы плодородіе его земли увеличилось во множество разъ. На вырученныя отъ продажи деньги, онъ строитъ себѣ красивый домъ и заводитъ прекрасную обстановку. То-есть, сводя все дѣло къ самому простому выраженію, люди, желающіе пользоваться землей, строятъ и меблируютъ для него домъ, съ условіемъ, что онъ дозволитъ имъ пользоваться болѣе высокой производительностью, которую сообщилъ этой землѣ ростъ народонаселенія.

Населеніе все продолжаетъ рости, все болѣе и болѣе увеличивая полезность земли и увеличивая все болѣе и болѣе богатство ея собственника. Городокъ выросъ и превратился въ крупный городъ,—Сенъ-Луисъ, Чикаго или Санъ-Франциско,—и знай себѣ растетъ. Производство ведется здѣсь на большую ногу, съ лучшими машинами и наибольшими усовершенствованіями, раздѣленіе труда становится крайне дробнымъ, необыкновеннымъ образомъ увеличивая производительность; мѣновыя сдѣлки совершаются въ такомъ размѣрѣ и съ такой быстротой, что треніе и потери спускаются до минимума.

Здѣсь сердце, мозгъ огромнаго общественнаго организма, выросшаго изъ зародыша перваго поселенія; здѣсь развился одинъ изъ великихъ нервныхъ узловъ человѣческаго міра. Сюда бѣгутъ всѣ дороги, сюда направляются всѣ теченія, со всѣхъ окружающихъ мѣстъ на обширномъ пространствѣ. Если вы хотите что нибудь продать, то здѣсь рынокъ; если вы хотите что нибудь купить, то здѣсь самый обширный и отборный складъ. Здѣсь, какъ на фокусѣ, собирается интеллектуальная дѣятельность, и здѣсь возникаетъ тотъ стимулъ, который рождается изъ столкновенія мнѣній. Здѣсь огромныя библіотеки, складочныя мѣста и житницы знанія, ученые профессора, знаменитые спеціалисты. Здѣсь музеи и картинныя галлереи, собранія физическихъ приборовъ и всего рѣдкаго, цѣннаго, лучшаго въ своемъ родѣ. Сюда являются со всего свѣта великіе актеры, ораторы, пѣвцы. Здѣсь, словомъ, центръ человѣческой жизни, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Выгоды, которыя представляетъ теперь эта земля для приложенія труда уже такъ велики, что тамъ, гдѣ прежде одинъ человѣкъ съ парой лошадей возился на нѣсколькихъ десятинахъ, вы насчитываете мѣстами на нѣсколькихъ стахъ саженей цѣлыя тысячи рабочихъ, размѣщенныхъ рядами въ нѣсколько ярусовъ, въ пяти, шести, семи и восьми этажныхъ зданіяхъ, въ подвалахъ которыхъ мѣрно покачиваются машины, развивающія силу нѣсколькихъ тысячъ лошадей.

Всѣ эти выгоды неразрывно связаны именно съ этой землей; только на этой землѣ и ни на какой другой можно пользоваться ими, ибо тутъ центръ населенія,—средоточіе мѣновыхъ сдѣлокъ и промышленной дѣятельности высшаго типа. Производительная сила, которую сообщила этой землѣ плотность народонаселенія, однозначуща умноженію ея первоначальнаго плодородія въ сотню и въ тысячу разъ. И рента, которая выражаетъ собой разницу между увеличенной производительностью этой земли и производительностью наименѣе производительной земли, соотвѣтственно возрасла. Нашъ поселенецъ или тотъ, кто наслѣдовалъ его право на землю, теперь милліонеръ. Какъ второй Рипъ-Ванъ-Винкль онъ можетъ себѣ лежать да спать; однако онъ богачъ, богачъ не отъ чего либо такого, что онъ дѣлалъ, а отъ роста народонаселенія. Есть такіе участки, что съ каждаго фута ихъ, по фасаду, собственникъ можетъ получать больше, чѣмъ зарабатываетъ мастеровой средней руки; есть такіе участки, что купить ихъ стоитъ дороже, чѣмъ вымостить золотыми монетами. На главныхъ улицахъ города возвышаются зданія изъ гранита, мрамора, желѣза и зеркальнаго стекла, отдѣланныя въ самомъ роскошномъ стилѣ, обставленныя со всѣми удобствами. Однако они стоятъ дешевле, чѣмъ земля, на которой они построены, та самая земля, ничѣмъ не измѣненная, которая новсе ничего не стоила, когда занялъ ее нашъ первый поселенецъ.

И всякій человѣкъ, живущій въ прогрессирующей странѣ, оглянувшись кругомъ себя, замѣтитъ съ своей стороны, что именно этимъ путемъ ростъ народонаселенія оказываетъ могущественное вліяніе на повышеніе ренты. Этотъ процессъ совершается у всѣхъ на глазахъ. Увеличивающаяся разница въ производительности земли, находящейся въ употребленіи, причина прогрессивнаго повышенія ренты, вытекаетъ не столько изъ необходимости для растущаго населенія обращаться къ обработкѣ худшихъ земель, сколько изъ увеличенной производительности, какую даетъ возросшее народонаселеніе землѣ, уже бывшей въ употребленіи. Самыми цѣнными землями на свѣтѣ, землями, дающими наивысшую ренту, являются не тѣ земли, которыя обладаютъ чрезвычайнымъ природнымъ плодородіемъ, а тѣ земли, которымъ чрезвычайная полезность придана была ростомъ народонаселенія.

Увеличеніе производительности или полезность, которая придается нѣкоторымъ землямъ ростомъ народонаселенія, способомъ о которомъ я говорилъ, связывается только со свойствомъ протяженія. Драгоцѣннымъ качествомъ земли, которая становится центромъ народонаселенія, оказывается именно ея свойство быть поверхностью, — при чемъ безразлично, есть ли это плодородная, наносная земля, какъ та, что въ Филадельфіи, или богатая низменность, какъ въ Нью-Орлеанѣ; засыпанное болото, какъ въ С.-Петербургѣ, или песчаная пустыня, какъ въ большей части Санъ-Франциско.

Да и гдѣ цѣнность повидимому зависитъ отъ выдающихся природныхъ качествъ, какъ въ случаѣ глубокаго залива или отличнаго якорнаго мѣста, богатыхъ залежей угля или желѣза, или огромныхъ лѣсовъ, — то все же и тамъ качества эти, какъ показываетъ наблюденіе, обнаруживаются, становятся осязательными, лишь благодаря росту народонаселенія. Земли въ Пенсильваніи, содержащія въ себѣ залежи каменнаго угля и желѣза, стоящія теперь огромныхъ денегъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совсѣмъ ничего не стоили. Отчего зависѣла эта перемѣна? Да просто отъ роста народонаселенія. Залежи угля и желѣза въ Уайоменѣ и Монтанѣ, ничего не стоющія теперь, будутъ стоить черезъ пятьдесятъ лѣтъ цѣлые милліоны, просто потому, что за этотъ промежутокъ времени, народонаселеніе значительно возрастетъ.

Корабль, на которомъ мы несемся въ пространствѣ, въ изобиліи снабженъ припасами. И если на верху оказывается мало хлѣба и мяса, то стоитъ только открыть люкъ, чтобы замѣтить такое количество пищи, какого намъ ранѣе никогда и не снилось. И великую власть надъ другими получаютъ тѣ люди, которымъ при открытіи люка позволяютъ сказать: «Это мое!»

Повторимъ вкратцѣ сказанное: Вліяніе роста народонаселенія на распредѣленіе богатства выражается въ томъ, что онъ увеличиваетъ ренту (и,

слѣдовательно, уменьшаетъ ту долю производимаго, которая достается труду и капиталу), двумя путями: Во-1-хъ, раздвигая предѣлъ культуры на земли худшаго качества. Во-2-хъ: обнаруживая въ землѣ особыя качества, которыя иначе оставались бы сокрытыми въ ней, и придавая особыя качества нѣкоторымъ землямъ.

Я склоненъ думать, что этотъ послѣдній путь, которому экономисты такъ мало удѣляютъ вниманія, имѣетъ на дѣлѣ наибольшую важность. Но для нашего изслѣдованія вопросъ этотъ не имѣетъ особаго значенія.

ГЛАВА III.

Вліяніе техническихъ усовершенствованій на распредѣленіе богатства.

Мы разсмотрѣли вліяніе роста народонаселенія на распредѣленіе богатства, оставляя въ сторонѣ техническія усовершенствованія. Разсмотримъ теперь вліяніе техническихъ усовершенствованій на распредѣленіе богатства, оставляя въ сторонѣ ростъ народонаселенія.

Мы видѣли, что ростъ народонаселенія повышаетъ ренту, скорѣе увеличивая, чѣмъ уменьшая производительность труда. Если бы теперь возможно было доказать, что, независимо отъ роста народонаселенія, усовершенствованія въ способахъ производства и обмѣна стремятся къ тому, чтобы повышать ренту, то теоріи Мальтуса и всѣмъ тѣмъ доктринамъ, которыя опираются на нее или связаны съ нею, было бы нанесено окончательное и полное пораженіе, ибо мы объяснили бы тогда стремленіе матеріальнаго прогресса къ пониженію заработной платы и ухудшенію положенія низшихъ классовъ, безъ всякаго обращенія къ теоріи возрастающаго стѣсненія въ средствахъ къ жизни.

Что такъ это на самомъ дѣлѣ и есть, въ этомъ, я полагаю, можно убѣдиться, путемъ самаго несложнаго разсужденія.

Вліяніе изобрѣтеній и усовершенствованій въ области техники сводится къ сбереженію труда, другими словами, сводится къ тому, что становится возможнымъ достигать того же результата съ меньшей затратой труда или большаго результата при той же затратѣ.

Далѣе, при такомъ состояніи общества, когда труда имѣющагося въ наличности было бы достаточно для удовлетворенія всѣхъ матеріальныхъ желаній, и когда возможность возникновенія новыхъ желаній была бы исключена вслѣдствіе большей легкости ихъ удовлетворенія, вліяніе сберегающихъ трудъ

усовершенствованій вело бы просто къ уменьшенію суммы затрачиваемаго труда. Но такое состояніе общества, если и существуетъ гдѣ либо (а этому я не вѣрю), возможно лишь тамъ, гдѣ человѣкъ всего болѣе приближается къ животному. При томъ состояніи общества, которое называютъ цивилизованнымъ и котораго собственно и касается наше изслѣдованіе, имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное. Спросъ не есть постоянное количество, которое увеличивается лишь съ ростомъ народонаселенія. Спросъ каждаго человѣка увеличивается вмѣстѣ съ его способностью добывать требующіеся предметы. Человѣкъ не волъ, который, наѣвшись досыта, ложится и жуетъ жвачку; онъ ненасытное животное и постоянно добивается бо́льшаго. «Когда у меня будутъ деньги», говорилъ Эразмъ, «я куплю себѣ греческихъ книгъ и затѣмъ кое-чего изъ платья». Сумма производимаго богатства нигдѣ не соразмѣряется съ желаніемъ богатства, и желаніе растетъ съ каждымъ увеличеніемъ способности къ его удовлетворенію.

А разъ это такъ, то и дѣйствіе сокращающихъ трудъ усовершенствованій будетъ направлено къ увеличенію производства богатства. Но для производства богатства требуются двѣ вещи: трудъ и земля. Слѣдовательно, дѣйствіе усовершенствованій сокращающихъ трудъ будетъ направлено къ тому, чтобы расширять спросъ на землю и, гдѣ только достигнутъ предѣлъ земли обычнаго качества, вызывать обработку земель меньшей естественной производительности, или доводить обработку тѣхъ же самыхъ земель до уровня меньшей естественной производительности. И такимъ образомъ, въ то время какъ первичный результатъ введенія усовершенствованій сокращающихъ трудъ будетъ состоять въ увеличеніи силы труда, вторичнымъ результатомъ того-же будетъ расширеніе обработки, а гдѣ это ведетъ къ распространенію культуры на земли худшаго качества,—повышеніе ренты. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ земля цѣликомъ сдѣлалась собственностью частныхъ лицъ, какъ въ Англіи, а также тамъ, гдѣ она или сдѣлалась такой собственностью или способна сдѣлаться ею тотчасъ же, какъ она понадобится для обработки, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, конечнымъ результатомъ введенія машинъ или усовершенствованій сокращающихъ трудъ будетъ повышеніе ренты безъ увеличенія заработной платы или процента.

Полное пониманіе этого положенія имѣетъ важное значеніе, ибо изъ него явствуетъ, что результаты, приписываемые господствующими теоріями росту народонаселенія, въ дѣйствительности зависятъ отъ прогресса въ сферѣ изобрѣтеній, и этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ, иначе непонятый фактъ, что сокращающія трудъ машины нигдѣ не бываютъ благодѣяніемъ для трудящихся.

Однако, чтобы вполнѣ понять эту истину, необходимо имѣть въ виду обмѣниваемость богатства, свойство на которое я уже не разъ указывалъ.

Я говорю о немъ снова единственно потому, что оно слишкомъ часто забывается или игнорируется писателями, которые говорятъ о земледѣльческомъ производствѣ, какъ будто оно есть что-то отличное отъ производства вообще, и о пищѣ или средствахъ къ жизни, какъ будто они не обнимаются терминомъ богатство.

Я просилъ бы читателя не упускать изъ виду того, уже достаточно выясненнаго, обстоятельства, что обладаніе богатствомъ въ какой либо одной формѣ или производство богатства въ какой либо одной формѣ есть въ сущности обладаніе богатствомъ во всякой другой формѣ или производство богатства во всякой другой формѣ, какую только оно можетъ принять при обмѣнѣ,—и тогда читатель будетъ ясно видѣть, что стремятся поднять ренту не одни только усовершенствованія, сокращающія трудъ непосредственно примѣняемый къ землѣ, но и всѣ усовершенствованія, сокращающія трудъ вообще.

Что трудъ каждаго индивидуума прилагается исключительно къ производству одной формы богатства, — это зависитъ только отъ раздѣленія труда. Цѣлью труда со стороны каждаго индивидуума есть не добываніе богатства въ какой-либо одной опредѣленной формѣ, но добываніе богатства во всѣхъ формахъ, соотвѣтствующихъ его желаніямъ. И стало-быть, усовершенствованіе, ведущее къ сокращенію труда, потребнаго для производства одного изъ желаемыхъ предметовъ, является въ дѣйствительности увеличеніемъ способности производить всѣ прочіе предметы. Если половина труда человѣка уходитъ на снабженіе себя пищею, а другая половина на добываніе одежды и жилища, то усовершенствованіе, которое увеличивало бы способность человѣка производить пищу, увеличивало бы также его способность снабжать себя одеждой и помѣщеніемъ. Если бы стремленіе человѣка къ большему количеству или лучшему качеству пищи было равно его стремленію къ большему количеству и лучшему качеству одежды и помѣщенія, усовершенствованіе въ одномъ отдѣлѣ труда было бы какъ разъ эквивалентно такому же усовершенствованію въ другомъ. Если бы усовершенствованіе было такого рода, что удваивало бы способность производить пищу, то человѣкъ сталъ бы отдавать на одну треть менѣе труда производству пищи и на одну треть болѣе добыванію одежды и жилища. Если бы усовершенствованіе было такого рода, что удваивало бы способность добывать одежду и жилище, то человѣкъ сталъ бы отдавать на одну треть менѣе труда производству этихъ вещей и на одну треть болѣе производству пищи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ результатъ былъ бы одинъ и тотъ же, — человѣкъ имѣлъ бы возможность съ той же затратой труда получать на одну треть болѣе по количеству или по качеству желаемыхъ имъ вещей.

И такимъ образомъ, всюду гдѣ производство ведется при раздѣленіи

труда между индивидуумами, увеличеніе способности къ произведенію одного предмета изъ общаго числа производимыхъ продуктовъ увеличиваетъ способность получать прочіе, и увеличиваетъ производство прочихъ въ размѣрѣ, который опредѣляется отношеніемъ количества сберегаемаго труда къ общей суммѣ затрачиваемаго труда и относительной силой желаній. Я не въ состояніи представить себѣ ни одной формы богатства, спросъ на которую не увеличивался бы сбереженіемъ труда, потребнаго для производства другихъ формъ. Намогильные кресты и гробы приводились иногда въ примѣръ тѣхъ предметовъ, спросъ на которые не могъ-бы увеличиваться вслѣдствіе сбереженія труда въ другихъ областяхъ производства; однако это вѣрно только лишь въ отношеніи количества. Что увеличившаяся способность къ производству повела бы къ спросу на болѣе дорогіе кресты и гробы, въ этомъ не станетъ сомнѣваться никто изъ тѣхъ людей, которые имѣли случай наблюдать, какъ сильно бываетъ желаніе выказать свою любовь къ умершему дорогими похоронами.

Спросъ на пищевыя вещества то же не есть что-либо ограниченное, какъ это часто, но ошибочно, допускается въ политико-экономическихъ разсужденіяхъ. О средствахъ пропитанія часто говорятъ такъ, что какъ будто они представляютъ изъ себя постоянное количество, но на самомъ дѣлѣ они могутъ считаться постояннымъ количествомъ лишь въ томъ смыслѣ, что имѣютъ опредѣленный минимумъ. Менѣе извѣстнаго количества пищи уже не сохраняетъ человѣка въ живыхъ, и менѣе нѣсколько большаго количества не поддерживаетъ его въ добромъ здоровьѣ. Но, свыше этого минимума, средства пропитанія, которыя можетъ потреблять человѣкъ, могутъ увеличиваться почти до безконечности. Адамъ Смитъ утверждаетъ, а Рикардо присоединяется къ его мнѣнію, что потребность въ пищѣ ограничивается для каждаго человѣка малой вмѣстимостью человѣческаго желудка; но это само собой разумѣется, вѣрно только лишь въ томъ смыслѣ, что голодъ бываетъ утоленъ, когда человѣческое чрево наполнено. Спросъ человѣка на пищу не имѣетъ такого предѣла. Желудокъ Вителлія могъ вмѣстить или переварить не болѣе пищи, чѣмъ желудокъ тогдашняго крестьянина такого-же сложенія, однако, въ то время какъ маленькаго клочка земли было достаточно чтобы снабжать крестьянина хлѣбомъ и овощами, составлявшими его пропитаніе, требовались сотни тысячъ десятинъ, для удовлетворенія потребностей Вителлія, который, помимо самаго отборнаго качества пищи для собственнаго расточительнаго потребленія, требовалъ еще огромныхъ запасовъ для своихъ слугъ, лошадей и собакъ. Да и по самымъ обыкновеннымъ фактамъ повседневной жизни, по тѣмъ неудовлетвореннымъ, хотя можетъ быть и дремлющимъ, желаніямъ, которыя есть въ каждомъ человѣкѣ, мы уже можемъ видѣть, что всякое увеличеніе способности къ произведенію какой либо формы

богатства должно вести къ увеличенному спросу на землю и на непосредственныя произведенія земли. Человѣкъ, который теперь ѣстъ грубую пищу и живетъ въ маленькомъ помѣщеніи, если увеличатся его доходы, будетъ, какъ правило, питаться болѣе дорогой пищей и займетъ бо́льшую квартиру. Если онъ будетъ дѣлаться все богаче и богаче, то онъ заведетъ лошадей, слугъ, сады и цвѣтники, и его спросъ на землю будетъ постоянно возрастать вмѣстѣ съ его богатствомъ. Въ городѣ, гдѣ я пишу, живетъ человѣкъ, — а такихъ всюду можно встрѣтить, — который нѣкогда самъ варилъ себѣ бобы и жарилъ свинину, а теперь, разбогатѣвъ, онъ живетъ зимою въ домѣ, занимающемъ цѣлый кварталъ и выглядывающемъ первоклассным отелемъ, да имѣетъ двѣ или три дачи съ обширными парками, огромными заводами рысистыхъ лошадей и племенныхъ породъ скота, съ собственнымъ бѣговымъ кругомъ и т. д. и т. д. Конечно, чтобы удовлетворить спросъ этого человѣка въ настоящее время, требуется по меньшей мѣрѣ въ тысячу разъ, а можетъ быть, и въ нѣсколько тысячъ разъ больше земли, чѣмъ сколько нужно было въ то время, когда онъ былъ бѣднякомъ.

Такимъ образомъ, всякое усовершенствованіе или изобрѣтеніе, все равно въ чемъ бы оно ни состояло, дающее труду возможность производить болѣе богатства, вызываетъ увеличенный спросъ на землю и ея непосредственныя произведенія и стремится оттѣснить предѣлъ культуры, совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ этотъ предѣлъ оттѣснялъ бы спросъ, вызванный увеличившимся народонаселеніемъ. А потому всякое сберегающее трудъ изобрѣтеніе, будь то паровой плугъ, телеграфъ, новый способъ выплавки рудъ, усовершенствованный печатный станокъ, или швейная машина, стремится къ повышенію ренты.

Или, давая сжатое выраженіе этой истинѣ:

Такъ какъ богатство во всѣхъ его формахъ есть продуктъ труда, приложеннаго къ землѣ или къ произведеніямъ земли, то и всякое увеличеніе силы труда, разъ спросъ на богатство не удовлетворенъ, будетъ уходить на добываніе большаго богатства и такимъ образомъ будетъ увеличивать спросъ на землю.

Чтобы пояснить это вліяніе машинъ и усовершенствованій сберегающихъ трудъ, предположимъ страну, гдѣ, какъ во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, земля находится во владѣніи лишь нѣкоторой части населенія. Предположимъ, что дальнѣйшему росту народонаселенія поставлена тамъ непреодолимая преграда, или благодаря изданію и точному примѣненію закона Ирода или благодаря тѣмъ перемѣнамъ въ нравахъ и обычаяхъ, къ которымъ могло бы повести широкое распространеніе памфлетовъ Анны Бизентъ. Пусть предѣлъ культуры или производства будетъ выражаться тамъ числомъ 20. При этомъ условіи, земля или другія естественныя рессурсы, ко-

торые, благодаря примѣненію труда и капитала, приносятъ доходъ, опредѣляемый числомъ 20, давали бы лишь обычную норму заработной платы и процента, не принося никакой ренты, а всѣ земли, приносящія при такомъ же примѣненіи труда и капитала доходъ, превышающій цифру 20, давали бы этотъ излишекъ въ видѣ ренты. Предполагая народонаселеніе этой страны постояннымъ, допустимъ, что тамъ будутъ сдѣланы изобрѣтенія и усовершенствованія, которыя сократятъ на одну десятую расходъ труда и капитала, необходимый на произведеніе опредѣленной суммы богатства. Тогда, или могла бы быть освобождена одна десятая труда и капитала, и производство осталось бы такимъ же, какъ прежде; или могло бы примѣняться тоже количество труда и капитала, и производство соотвѣтственно увеличилось. Но промышленная организація, существующая во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, такова, что трудъ и капиталъ, и особенно трудъ, должны добиваться занятія на какихъ бы то ни было условіяхъ,—промышленная организація такова, что простые рабочіе поставлены въ невозможность требовать своей доли въ новыхъ порядкахъ, и всякое сокращеніе въ примѣненіи труда къ производству выразится сначала, по крайней мѣрѣ, не въ томъ, что рабочій будетъ получать туже сумму продукта при меньшей затратѣ труда, а въ томъ, что нѣкоторые рабочіе лишатся занятія и совсѣмъ ничего не получатъ. Между тѣмъ, благодаря увеличенной призводительности труда, вызванной новыми усовершенствованіями, возможно получать такой же доходъ при нормѣ естественной производительности, оцѣниваемой цифрой 18, какой прежде при 20. При такомъ полученіи дѣла, неудовлетворенное желаніе богатства, конкурренція труда и капитала изъ-за занятія, понизили бы предѣльную линію производства, согласно предположенію, до цифры 18, при чемъ рента должна бы была увеличиться на разницу между 18 и 20, тогда какъ заработная плата и процентъ количественно не увеличились бы, не поднялись бы выше, чѣмъ прежде, а въ отношеніи ко всему продукту, уменьшились бы. Наступило бы большее производство богатства, но вся выгода (за нѣкоторыми временными вычетами, о которыхъ мы будемъ говорить потомъ), досталась бы землевладѣльцамъ.

Если бы изобрѣтенія и усовершенствованія продолжались еще далѣе, то производительность труда еще болѣе возрасла бы, а количество труда и капитала, необходимое для производства даннаго количества богатства, еще болѣе уменьшилось. Тѣ же причины опять привели бы къ тому, что и этотъ новый приростъ производительныхъ силъ ушелъ бы на производство большаго количества богатства; предѣлъ производства снова расширился бы, а рента возрасла бы относительно и абсолютно, безъ всякаго повышенія заработной платы и процента. И такимъ образомъ, все время какъ вводились бы изобрѣтенія и усовершенствованія, постоянно увеличивая производитель-

ность труда, предѣльная норма производства оттѣснялась бы все ниже и ниже, а рента постоянно возрастала бы, хотя бы народонаселеніе и оставалось постояннымъ.

Я отнюдь не хочу сказать, чтобы это пониженіе предѣльной линіи производства было всегда въ точномъ соотвѣтствіи съ ростомъ производительныхъ силъ, не хочу сказать и того, чтобы самый процессъ этотъ совершался съ ясно опредѣленной постепенностью. Будетъ ли въ извѣстномъ случаѣ пониженіе нормы производства отставать отъ увеличенія производительныхъ силъ или будетъ обгонять его, это зависитъ, по моему мнѣнію, отъ того, что можетъ быть названо площадью извѣстной производительности, которая можетъ быть утилизируема, прежде чѣмъ культура должна будетъ опуститься до ближайшей низшей точки; напримѣръ, если бы предѣлъ культуры опредѣлялся цифрою 20, то улучшенія, которыя давали бы возможность получать такое же количество продуктовъ съ затратой на одну десятую меньшаго количества капитала и труда, не понизили бы предѣла культуры до 18, если бы площадь, имѣющая производительность 19-ти была бы достаточна для того, чтобы дать занятіе всему труду и капиталу, устраненному отъ обработки земель высшаго качества. Въ этомъ случаѣ предѣлъ культуры остановился бы на 19, рента увеличилась бы на разницу между 19 и 20, а заработная плата и процентъ на разницу между 18 и 19. Но если бы, при томъ же увеличеніи производительной способности, площадь производительности между 20 и 18 оказалась бы недостаточной, чтобы дать занятіе всему освободившемуся труду и капиталу, тогда предѣлъ культуры, предполагая, что тоже количество труда и капитала стремилось бы получить занятіе, долженъ бы былъ опуститься ниже 18. Въ этомъ случаѣ рента выиграла бы больше, чѣмъ все увеличеніе въ производствѣ, а заработная плата и процентъ стали бы ниже, чѣмъ до тѣхъ усовершенствованій, которыя увеличили производительную силу.

Да и не вполнѣ вѣрно, чтобы трудъ, освобождаемый каждымъ новымъ усовершенствованіемъ, цѣликомъ принужденъ былъ искать себѣ примѣненія въ производствѣ большаго богатства. Увеличившаяся способность удовлетворенія желаній, которую каждое новое усовершенствованіе дастъ извѣстной части общества, будетъ также утилизироваться въ спросѣ на досугъ и разнаго рода услуги, какъ и въ спросѣ на богатство. Нѣкоторые работники, слѣдовательно, сдѣлаются праздными, а другіе перейдутъ изъ разряда производительныхъ въ разрядъ непроизводительныхъ работниковъ, — пропорція которыхъ, какъ показываетъ наблюденіе, стремится увеличиваться съ прогрессомъ общества.

Но такъ какъ я сейчасъ буду говорить объ одной причинѣ, до сихъ поръ еще не разсмотрѣнной, которая постоянно стремится понижать предѣлъ

культуры, поддерживать повышеніе ренты и даже подымать ее выше той нормы, которая опредѣляется дѣйствительнымъ предѣломъ культуры, то и нѣтъ никакого интереса изслѣдовать эти пертурбаціи въ нисходящемъ движеніи предѣла культуры и восходящемъ движеніи ренты. Я желалъ бы выяснить лишь то положеніе, что безъ всякаго увеличенія въ народонаселеніи прогрессъ изобрѣтеній постоянно стремится давать все большую и большую долю продуктовъ собственникамъ земли и все меньшую и меньшую долю труду и капиталу.

И, какъ мы не можемъ назначить предѣла изобрѣтеніямъ, такъ мы не можемъ назначить предѣла росту ренты, кромѣ суммы всего производства. Ибо, если бы сокращающія трудъ изобрѣтенія продолжались до тѣхъ поръ, пока не было бы достигнуто совершенство и необходимость труда для производства богатства была бы цѣликомъ устранена, то все, что только можетъ производить земля, стало бы получаться безъ труда, и предѣлъ культуры былъ бы отодвинутъ до нуля. Заработная плата была бы равна нулю, и процентъ былъ бы равенъ нулю, тогда какъ рента поглощала бы все. Ибо собственники земли имѣли бы возможность безъ труда получать все то богатство, какое можетъ давать природа, а трудъ и капиталъ ни на что не были бы нужны и никоимъ образомъ не могли бы требовать себѣ доли въ производимомъ богатствѣ. И это независимо отъ того, какъ бы мало ни было народонаселеніе; если бы кто, кромѣ землевладѣльцевъ, продолжалъ существовать, то только лишь благодаря прихоти или милости землевладѣльцевъ,—содержался бы или для увеселенія землевладѣльцевъ, или, какъ нищій, на счетъ ихъ подаянія.

Эта точка абсолютнаго совершенства, повидимому, весьма еще далека, если не недостижима; тѣмъ не менѣе, именно къ этой точкѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе стремится ходъ изобрѣтеній. И по уменьшенію народонаселенія земледѣльческихъ округовъ въ Великобританіи, гдѣ маленькія фермы превращаются въ болѣе крупныя, и по огромнымъ обработываемымъ машинами полямъ, засѣяннымъ пшеницею, въ Калифорніи и Дакотѣ, гдѣ миля за милей ѣдешь среди колышащихся хлѣбовъ, не встрѣчая нигдѣ человѣческаго жилья, можно уже судить о той конечной цѣли, къ какой быстрымъ шагомъ подвигается весь цивилизованный міръ. Паровой плугъ и жатвенная машина создаютъ въ современномъ мірѣ латифундіи того же рода, какъ тѣ, которыя создавалъ въ древней Италіи наплывъ рабовъ изъ завоеванныхъ странъ. И многіе изъ тѣхъ бѣдняковъ, которые принуждены бываютъ бросать свои родныя мѣста и уходить на всѣ четыре стороны, какъ уходили римскіе фермеры, пополняя собой пролетаріатъ великаго города или продавая себя изъ-за хлѣба въ ряды легіоновъ,—многіе изъ нихъ смотрятъ на эти сберегающія трудъ изобрѣтенія такъ, какъ будто они были сами по себѣ про-

клятіемъ, и люди говорятъ о трудѣ такъ, какъ будто томительное мускульное напряженіе само по себѣ есть нѣчто желательное.

Въ предшествующемъ изложеніи рѣчь шла объ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ, конечно, въ томъ предположеніи, что они получаютъ общее распространеніе. Едва ли нужно говорить, что разъ какое либо изобрѣтеніе или усовершенствованіе является достояніемъ столь малаго числа лицъ, что лица эти извлекаютъ изъ него особую выгоду, то, въ предѣлахъ этой особой выгоды, изобрѣтеніе уже не можетъ вліять на общее распредѣленіе богатства. Въ такомъ положеніи находится дѣло въ случаѣ замкнутыхъ монополій, создаваемыхъ законами о патентахъ или тѣми причинами, которыя придаютъ характеръ монополіи желѣзнодорожнымъ и телеграфнымъ линіямъ и пр. Но особыя выгоды, возникающія такимъ образомъ, хотя ихъ вообще и принимаютъ неправильно за доходы съ капитала, суть въ сущности доходы отъ монополіи, какъ это было объяснено въ одной изъ предшествующихъ главъ, и поскольку онѣ поглощаютъ выгоды отъ усовершенствованія, онѣ не могутъ вліять на распредѣленіе вообще. Напримѣръ, выгоды отъ желѣзной дороги или другого подобнаго предпріятія, удешевляющаго перевозку товаровъ, могутъ быть распространены или монополизированы, смотря по тому, будутъ ли тарифы понижены до той нормы, при которой получается лишь обычный процентъ на вложенный въ дѣло капиталъ, или повышены до такой точки, что будетъ получаться чрезвычайный доходъ, или покрываться воровство строителей или директоровъ. И какъ хорошо извѣстно, повышеніе ренты или земельныхъ цѣнностей стоитъ въ соотвѣтствіи съ пониженіемъ тарифныхъ ставокъ.

Какъ уже было ранѣе сказано, въ число усовершенствованій, которыя повышаютъ ренту, слѣдуетъ включить не только тѣ усовершенствованія, которыя прямо увеличиваютъ производительную силу, но также и такія усовершенствованія въ дѣлѣ управленія, обычаевъ и нравовъ, которыя косвенно увеличиваютъ ее. Разсматриваемыя съ экономической точки зрѣнія, всѣ они въ результатѣ увеличиваютъ производительныя силы, и все то благо, которое они приносятъ съ собой, какъ и въ случаѣ техническихъ усовершенствованій, въ концѣ концовъ монополизируется владѣльцами земли. Выдающійся примѣръ этой истины представляетъ отмѣна таможеннаго покровительства въ Англіи. Свободная торговля въ огромной степени увеличила богатство Великобританіи, вовсе не уменьшивъ пауперизма. Она просто увеличила ренту. И если бы испорченная администрація нашихъ крупныхъ американскихъ городовъ сдѣлалась образцами чистоты и экономіи, въ результатѣ получилось бы просто увеличеніе стоимости недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго повышенія заработной платы или процента.

ГЛАВА IV.

Вліяніе надеждъ, порождаемыхъ матеріальнымъ прогрессомъ.

Сейчасъ мы видѣли, что какъ увеличивающееся народонаселеніе стремится повышать ренту, такъ стремятся повышать ее, не повышая заработной платы или процента, и всѣ тѣ причины, которыя при прогрессивномъ состояніи общества вызываютъ увеличеніе производительной силы труда. Всякій приростъ въ производствѣ богатства достается въ концѣ концовъ землевладѣльцамъ въ видѣ увеличенной ренты; и хотя, въ то время когда вводится извѣстное усовершенствованіе, нѣкоторыя выгоды могутъ достаться также другимъ лицамъ, —не изъ землевладѣльцевъ,—собравшимъ въ своихъ рукахъ значительныя запасы продуктовъ, цѣнность которыхъ должна повыситься, тѣмъ не менѣе ни одно изъ усовершенствованій такого рода не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что стремилось бы вообще увеличить доходы труда или капитала.

Но чтобы вполнѣ уяснить себѣ вліяніе матеріальнаго прогресса на распредѣленіе богатства, намъ необходимо будетъ принять въ соображеніе еще одну причину повышенія ренты, еще не разсмотрѣнную нами.

Причина эта — твердая надежда на будущее повышеніе земельныхъ цѣнностей, вызываемая во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ постояннымъ ростомъ ренты и приводящая къ спекуляціи или предложенію земель за болѣе высокую цѣну, чѣмъ та, какую онѣ имѣли-бы иначе.

До сихъ поръ мы допускали, какъ это и вообще допускается при истолкованіяхъ теоріи ренты, что дѣйствительный предѣлъ культуры, всегда совпадаетъ съ тѣмъ предѣломъ культуры, который можетъ быть названъ необходимымъ,—другими словами, мы допускали, что культура захватываетъ менѣе производительныя пункты только лишь тогда, когда это становится необходимымъ вслѣдствіе того факта, что всѣ естественныя удобства въ пунктахъ болѣе производительныхъ уже вполнѣ утилизированы.

Такъ, вѣроятно, оно и бываетъ въ отсталыхъ или очень медленно прогрессирующихъ странахъ; но въ быстро прогрессирующихъ странахъ, гдѣ быстрый и постоянный ростъ ренты даетъ возможность увѣренно разсчитывать на дальнѣйшій ростъ ея, дѣло стоитъ иначе. Въ этихъ странахъ твердая надежда на повышеніе цѣнъ создаетъ какъ бы стачку между землевладѣльцами и ведетъ къ тому, что земля, подъ вліяніемъ надежды на болѣе высокія цѣны, остается внѣ обработки, и предѣлъ культуры такимъ образомъ оттѣсняется далѣе, чѣмъ это требуется естественными условіями производства.

Эта причина должна обнаруживать свое дѣйствіе въ извѣстной степени

во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ, хотя въ такихъ странахъ, какъ Англія, гдѣ въ земледѣліи преобладаетъ арендная система, ея дѣйствіе будетъ замѣтно болѣе на продажныхъ цѣнахъ на землю, чѣмъ на предѣлѣ земледѣльческой культуры или на существующей рентѣ. Но въ странахъ подобныхъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ человѣкъ, пользующійся землей, предпочитаетъ, если возможно, быть и собственникомъ ея, и гдѣ имѣется огромное пространство пригодныхъ для заселенія земель, она сказывается съ огромной силой.

Это доказываетъ уже огромное пространство, по какому разсѣяно народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ. Человѣкъ, который съ восточнаго побережья отправляется въ поиски за предѣломъ культуры, гдѣ онъ могъ бы добыть земли, не платя ренты, долженъ, подобно человѣку, переплывающему рѣку, чтобы напиться, сдѣлать длинный переходъ по полуобработаннымъ полямъ и миновать обширныя пространства дѣвственной почвы, прежде чѣмъ достигнетъ того пункта, гдѣ онъ можетъ имѣть землю, не платя ренты, т. е. въ силу перваго занятія. Такой человѣкъ (а вмѣстѣ съ нимъ и предѣлъ культуры), оказывается оттѣсненнымъ гораздо дальше, чѣмъ это дѣйствительно необходимо благодаря спекуляціи, которая держитъ въ своихъ рукахъ эти необрабатываемыя земли въ надеждѣ на повышеніе ихъ цѣны въ будущемъ. И когда этотъ человѣкъ поселится гдѣ нибудь, то онъ захватываетъ, въ свою очередь, если возможно, больше земли, чѣмъ сколько въ силахъ обработывать, въ надеждѣ, что земля скоро получитъ цѣну; и такимъ образомъ тотъ, кто идетъ за нимъ, снова бываетъ принужденъ идти дальше, чѣмъ это требуется въ силу естественныхъ условій производства, относя предѣлъ культуры къ еще менѣе производительнымъ, ибо еще болѣе отдаленнымъ пунктамъ.

То же самое можно наблюдать и во всякомъ быстро ростущемъ городѣ. Если бы земля высшаго качества, въ смыслѣ ея положенія, повсюду вполнѣ утилизировалась прежде чѣмъ обращались бы къ землѣ худшаго качества, то въ расширяющемся городѣ не оставалось бы незастроенныхъ участковъ и нигдѣ не попадалось бы жалкихъ хижинъ среди дорогихъ построекъ. Эти участки, иногда чрезвычайно цѣнные, остаются незанятыми или не вполнѣ занятыми потому, что ихъ собственники, не имѣя возможности или не желая строиться, предпочитаютъ, въ надеждѣ на повышеніе земельныхъ цѣнностей, удерживать ихъ въ своихъ рукахъ, выжидая болѣе высокой цѣны, чѣмъ та, по какой участки эти въ данное время могутъ быть проданы лицамъ, желающимъ ими воспользоваться. А вслѣдствіи того, что эти земли оставляются внѣ употребленія или внѣ полнаго употребленія, къ какому онѣ пригодны, окраины города отодвигаются отъ центра дальше, чѣмъ слѣдовало бы.

А затѣмъ, когда мы достигаемъ предѣловъ растущаго города, — дѣйствительнаго предѣла построекъ, соотвѣтствующаго предѣлу культуры въ земледѣліи, — то не находимъ тутъ земли, которую можно бы было купить по

той цѣнѣ, какую она имѣетъ для земледѣльческихъ цѣлей, какъ это должно бы быть въ томъ случаѣ, если бы рента опредѣлялась просто теперешнимъ спросомъ на эту землю; но замѣчаемъ, что на большомъ разстояніи отъ города земля имѣетъ спекулятивную цѣнность, основанную на томъ предположеніи, что она потребуется въ будущемъ для городскихъ цѣлей, и чтобы достигнуть той точки, гдѣ землю уже можно купить по цѣнѣ, не основанной городской рентѣ, мы должны бы были отойти много дальше дѣйствительнаго предѣла городскаго пользованія землей.

Или возьмемъ примѣръ въ другомъ родѣ, примѣръ, подобный которому можно, безъ сомнѣнія, встрѣтить повсюду. Въ графствѣ Маринъ, въ удобномъ сообщеніи съ Санъ-Франциско, имѣется прекрасный строевой лѣсъ. Естественно было бы ожидать, что будутъ вырубить этотъ лѣсъ, прежде чѣмъ обращаться для снабженія лѣснаго рынка въ Санъ-Франциско къ лѣсамъ, расположеннымъ на гораздо болѣе далекомъ разстояніи. Но лѣсъ этотъ однако остается нетронутымъ, и лѣсной матеріалъ, заготовленный на разстояніи многихъ миль, ежедневно провозится мимо этого лѣса по желѣзной дорогѣ, потому что владѣлецъ этого лѣса предпочитаетъ сохранять его ради болѣе высокой цѣны, которую онъ можетъ получить въ будущемъ. Такимъ образомъ, благодаря недопущенію до пользованія этимъ лѣсомъ, предѣлъ производства лѣсныхъ матеріаловъ оттѣсняется много дальше, къ склонамъ Костъ-Ренджа. Что земли, содержащія въ себѣ минеральныя богатства, будучи обращены въ частную собственность, часто недопускаются до эксплоатаціи, тогда какъ болѣе бѣдныя залежи разрабатываются,—это фактъ общеизвѣстный, и въ новыхъ штатахъ часто можно встрѣтить индивидуумовъ, извѣстныхъ подъ именемъ нищенствующихъ землевладѣльцевъ «land poor», людей, которые остаются бѣдными, иногда даже почти терпятъ лишенія, потому что крѣпко держатся за землю, которой они и сами не могутъ пользоваться, и всякій другой человѣкъ не можетъ съ выгодой владѣть при той цѣнѣ, какую они назначаютъ.

Вернемся теперь къ тому примѣру, который мы разсматривали въ предыдущей главѣ. Положимъ, что при предѣлѣ культуры, стоящемъ на 20, наступаетъ повышеніе производительности, которое даетъ возможность достигать того же результата съ затратой на одну десятую меньшаго количества труда. Въ силу указанныхъ ранѣе причинъ, предѣлъ производства долженъ бы былъ понизиться, и если бы онъ остановился на 18, то вознагражденіе труда и капитала осталось бы такимъ же какъ и прежде, когда предѣлъ этотъ стоялъ на 20. А будетъ ли онъ оттѣсненъ до 18 или будетъ принужденъ опуститься еще ниже, это зависѣло бы отъ того, что я назвалъ площадью производительности, лежащей между 20 и 18. Но если твердая надежда на будущій ростъ ренты будетъ побуждать землевладѣльцевъ тре-

бовать ренты, равной 3 съ земли, оцѣниваемой въ 20, равной 2 при 19 и 1 при 18, и удерживать эти земли внѣ обработки до тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты эти условія, то площадь производительности можетъ настолько сократиться, что предѣлъ культуры долженъ будетъ упасть на 17 и даже ниже; и такимъ образомъ, въ результатѣ увеличенія производительности труда, представители труда станутъ получать менѣе, чѣмъ прежде, процентъ пропорціонально понизился бы, а рента возрастетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ увеличилась производительная способность.

Вліяніе земельной спекуляціи на повышеніе ренты есть великій фактъ, который не можетъ быть игнорируемъ въ сколь нибудь полной теоріи распредѣленія богатства въ прогрессивныхъ странахъ, все равно будемъ ли мы формулировать его, какъ распространеніе предѣла производства, или какъ переходъ линіи ренты за предѣлъ производства. Спекуляція эта представляетъ изъ себя силу, развиваемую матеріальнымъ прогрессомъ, которая стремится постоянно увеличивать ренту въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ производство расширяется, благодаря прогрессу, силу которая, такимъ образомъ, съ развитіемъ матеріальнаго прогресса и ростомъ производительныхъ силъ, постоянно стремится уменьшить заработную плату не только относительно, но и абсолютно. Это та возрастающая сила дѣйствующая особенно энергично въ новыхъ странахъ, вызываетъ тамъ общественныя болѣзни болѣе старыхъ странъ, повидимому, еще преждевременныя; разводитъ бродягъ на дѣвственной почвѣ и пораждаетъ бѣдность на полуобработанной землѣ.

Словомъ, общее и постоянное повышеніе земельныхъ цѣнностей въ прогрессирующей странѣ необходимо вызываетъ то добавочное стремленіе къ повышенію, какое наблюдается по отношенію къ товарамъ, когда какая либо общая и постоянная причина вліяетъ на повышеніе ихъ цѣны. Какъ во время быстраго паденія денежнаго курса, которымъ ознаменованы были послѣдніе дни Южной Конфедераціи, тотъ фактъ, что всякая вещь, купленная сегодня, могла быть продана завтра по болѣе высокой цѣнѣ, вызывалъ такое повышеніе цѣнъ товаровъ, которое опережало даже паденіе курса, такъ и постоянное повышеніе земельныхъ цѣнностей, которое производится прогрессомъ, вызываетъ еще болѣе быстрое повышеніе ихъ. Мы видимъ дѣйствіе этой вторичной причины въ полной силѣ во время тѣхъ бѣшеныхъ приступовъ земельной спекуляціи, которыми сопутствуется развитіе новыхъ странъ; и хотя эти приступы представляютъ изъ себя ненормальныя и случайныя явленія, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что самая причина ихъ дѣйствуетъ постоянно, съ большей или меньшей силой, во всѣхъ прогрессирующихъ странахъ.

Та причина, которая ограничиваетъ спекуляцію съ товарами, а именно тенденція возрастающей цѣны вызывать добавочное предложеніе, не можетъ

ограничивать спекулятивнаго роста земельныхъ цѣнностей, такъ какъ земля представляетъ изъ себя постоянное количество, котораго человѣческая дѣятельность не можетъ ни увеличить, ни уменьшить; тѣмъ не менѣе существуетъ предѣлъ и для цѣны земли, въ томъ минимумѣ, какого требуютъ трудъ и капиталъ, какъ условія ихъ участія въ производствѣ. Если бы было возможно непрерывно сокращать заработную плату до тѣхъ поръ, пока она не достигла бы до нуля, то было бы возможно непрерывно повышать ренту до тѣхъ поръ, пока она не поглотила бы всего производимаго. Но такъ какъ и заработная плата не можетъ быть опущена на болѣе или менѣе долгое время ниже той точки, при которой рабочіе соглашаются работать и поддерживать свою численность, и процентъ — ниже той точки, при которой капиталъ будетъ обращаться на производство, то и существуетъ нѣкоторый предѣлъ, которымъ ограничивается спекулятивное повышеніе ренты. Потому-то спекуляція не можетъ имѣть такого простора въ дѣлѣ повышенія ренты въ странахъ, гдѣ заработная плата и процентъ уже близки къ ихъ минимуму, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ они значительно выше его. Тѣмъ не менѣе, что во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ спекулятивное повышеніе ренты имѣетъ тенденцію перейти тотъ предѣлъ, за которымъ производство должно останавливаться, въ этомъ, я полагаю, вполнѣ убѣждаютъ насъ повторяющіеся отъ поры до времени періоды промышленнаго застоя, — предметъ, который будетъ болѣе подробно разсмотрѣнъ въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА V.

Рѣшеніе проблемы.

Кому въ какое либо время принадлежитъ земля, тому принадлежатъ и плоды ея. Бѣлые зонтики и слоны, безумные отъ гордости, суть цвѣты жалованной грамоты на землю.

Вил. Джонсъ.

Переводъ одной индійской жалованной грамоты на землю, найденной въ Таннѣ.

Вдова собираетъ крапиву на обѣдъ своимъ дѣтямъ; раздушенный господинъ, весело и беззаботно проводящій время въ Версали, знаетъ алхимію, при помощи которой онъ отбираетъ отъ нея третью часть всего, что она соберетъ, и называетъ это рентою.

Карлейль.

ГЛАВА I.

Первичная причина повторяющихся приступовъ промышленнаго застоя.

Наше долгое изслѣдованіе окончено. Мы можемъ теперь привести въ порядокъ результаты.

Займемся сначала промышленными застоями, для объясненія которыхъ выдвигается такое множество взаимно противорѣчивыхъ и внутренно противорѣчивыхъ теорій.

Разсмотрѣніе того способа, посредствомъ котораго спекулятивный ростъ земельныхъ цѣнностей поглощаетъ всѣ пріобрѣтенія труда и капитала и задерживаетъ производство, я полагаю, неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что въ этомъ-то ростѣ и кроется главная причина тѣхъ періодическихъ застоевъ промышленности, къ которымъ любая цивилизованная страна, да и всѣ цивилизованныя страны вмѣстѣ, повидимому, выказываютъ все бо́льшую и бо́льшую наклонность.

Я не хочу сказать, чтобы не было другихъ ближайшихъ причинъ. Возрастающая сложность въ механизмѣ производства и увеличивающаяся взаимная зависимость между его частями, ведущія къ тому, что всякій толчокъ или задержка начинаютъ чувствоваться все на большемъ и большемъ протяженіи; недостатокъ, присущій всѣмъ системамъ денежнаго обращенія,

заключающійся въ уменьшеніи денегъ въ обращеніи какъ разъ въ то время, когда онѣ наиболѣе нужны; поразительныя колебанія въ размѣрахъ коммерческаго кредита, въ его болѣе простыхъ формахъ, кредита, который является въ гораздо большей степени, чѣмъ денежные знаки какого-то ни было вида, посредникомъ и орудіемъ обмѣна; покровительственные тарифы, которые представляютъ изъ себя искусственныя преграды къ взаимодѣйствію производительныхъ силъ, и другія подобныя причины, безъ сомнѣнія, играютъ видную роль въ созданіи и поддержаніи промышленныхъ застоевъ. Но какъ изъ разсмотрѣнія принциповъ, такъ и изъ наблюденія фактовъ, ясно, что великая основная причина промышленныхъ застоевъ кроется все же въ спекулятивномъ ростѣ земельныхъ цѣнностей.

Въ предыдущей главѣ я показалъ, что спекулятивный ростъ земельныхъ цѣнностей стремится отодвигать границу культуры или производства далѣе ея нормальнаго предѣла, принуждая такимъ образомъ трудъ и капиталъ довольствоваться меньшимъ вознагражденіемъ, или (единственный способъ, которымъ они могутъ давать отпоръ этому стремленію) прекращать производство. Нельзя не признать вполнѣ естественнымъ, что трудъ и капиталъ сопротивляются пониженію заработной платы и процента вслѣдствіе спекулятивнаго роста ренты; ихъ побуждаетъ къ этому простое самосохраненіе, ибо существуетъ извѣстный минимумъ вознагражденія, перейдя за который трудъ не можетъ существовать и капиталъ не можетъ поддерживаться. Отсюда, изъ факта существованія спекуляціи на землю, мы можемъ вывести всѣ тѣ явленія, которыми характеризуются эти періодическіе промышленные застои.

Возьмемъ какую либо прогрессивную страну, въ которой народонаселеніе увеличивается, усовершенствованія слѣдуютъ за усовершенствованіями, а земля постоянно повышается въ цѣнѣ. Это постоянное повышеніе естественно вызываетъ спекуляцію, которой предваряется будущее повышеніе, и цѣны на землю начинаютъ переходить за ту точку, при которой, согласно существующимъ условіямъ производства, трудъ и капиталъ могли бы получать свое обычное вознагражденіе. Производство, слѣдовательно, начинаетъ останавливаться. Отнюдь не необходимо и далеко не всегда оказывается при этомъ абсолютное уменьшеніе производимыхъ продуктовъ; но обыкновенно оказывается то, что для прогрессивнаго общества равносильно абсолютному уменьшенію производства въ отсталомъ обществѣ, оказывается, что производство не въ состояніи увеличиваться въ должной пропорціональности, вслѣдствіе невозможности для возрастающаго труда и капитала находить себѣ занятіе на обычныхъ условіяхъ.

Эта задержка производства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должна необходимо выразиться въ прочихъ пунктахъ промышленной сѣти прекращеніемъ спроса,

который опять въ свою очередь будетъ оказывать задерживающее вліяніе на производство въ этихъ послѣднихъ пунктахъ, и такимъ образомъ, парализованное состояніе будетъ распространяться по всѣмъ отраслямъ промышленности и торговли, растраивая согласіе между производствомъ и обмѣномъ и приводя къ явленіямъ, которыя, смотря по тому съ какой точки зрѣнія ихъ разсматривать, будутъ казаться то зависящими отъ перепроизводства, то отъ перепотребленія.

Возникшій такимъ образомъ періодъ застоя будетъ продолжаться 1) до тѣхъ поръ, пока не минуетъ спекулятивное повышеніе ренты, или 2) до тѣхъ поръ, пока увеличеніе производительности труда, зависящее отъ роста народонаселенія и прогресса техники, не сдѣлаютъ того, что нормальная граница ренты расширится до границы, созданной спекуляціей, или 3) до тѣхъ поръ, пока трудъ и капиталъ не согласятся участвовать въ производствѣ за меньшее вознагражденіе. Или, всего вѣроятнѣе, всѣ эти три причины будутъ работать совмѣстно надъ установленіемъ новаго равновѣсія, при которомъ всѣ производительныя силы снова получатъ занятіе, и тогда наступитъ періодъ дѣятельности; вслѣдъ затѣмъ рента снова начнетъ подыматься, снова появится спекулятивное повышеніе, снова окажутся задержки въ производствѣ, и снова завершится тотъ же кругъ.

При чрезвычайно выработанной и сложной системѣ производства, которой характеризуется современная цивилизація, да притомъ еще въ такое время, когда въ сущности нѣтъ раздѣльныхъ и независимыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ, и страны, географически и политически отдѣльныя, разнообразными способами и въ разнообразныхъ степеняхъ перепутываются и переплетаются своей промышленной организаціей, нельзя ожидать того, чтобы слѣдствіе можно было прослѣдить до его причины съ такою же ясностью и опредѣленностью, съ какой это было бы возможно, при подобномъ же развитіи промышленности, въ странѣ, образующей замнутое и независимое промышленное цѣлое; тѣмъ не менѣе, явленія, въ дѣйствительности представляемыя этими чередующимися періодами дѣятельности и застоя, вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя были выведены нами изъ спекулятивнаго возвышенія ренты.

Дедукція, такимъ образомъ, объясняетъ намъ существующія явленія, какъ вытекающія изъ нѣкотораго принципа. Если мы пойдемъ обратнымъ путемъ, то намъ также легко будетъ, исходя изъ явленій, посредствомъ индукціи, достигнуть до этого принципа.

Этимъ періодамъ застоя всегда предшествуютъ періоды дѣятельности и спекуляціи, и всюду признается связь между этими двумя состояніями, — застой разсматривается, какъ реакція, наступающая вслѣдъ за спекуляціей, все равно какъ головная боль утромъ является реакціей, слѣдующей за

кутежомъ ночью. Но что касается того пути, какимъ застой вытекаетъ изъ спекуляціи, то тутъ мнѣнія дѣлятся на два класса или школы, насколько можно судить по попыткамъ, которыя дѣлаются на обѣихъ сторонахъ Атлантическаго океана для объясненія настоящаго промышленнаго застоя.

Одна школа утверждаетъ, что спекуляція произвела застой, вызвавъ перепроизводство, и указываетъ на склады, наполненные товарами, которые не могутъ быть проданы по выгодной цѣнѣ, на фабрики закрытыя или работающія только половину времени, на брошенные рудники, на бездѣйствующіе пароходы, на деньги, лежащія безъ движенья въ банковыхъ подвалахъ, и на рабочихъ, осужденныхъ на праздность и лишенія. Приводя эти факты, какъ доказывающіе то, что производство превзошло спросъ со стороны потребителей, указываютъ еще на тотъ фактъ, что когда правительство во время войнъ выступаетъ въ качествѣ крупнаго потребителя, дѣла идутъ прекрасно, какъ это можно было видѣть въ Соединенныхъ Штатахъ во время гражданской войны, или въ Англіи во время борьбы съ Наполеономъ.

Другая школа говоритъ, что спекуляція произвела застой, вызвавъ перепотребленіе, и указываетъ на переполненные склады, на ржавѣющіе пароходы, на закрытыя фабрики и на праздныхъ рабочихъ, какъ на доказательство прекращенія дѣятельнаго спроса, которое, утверждаетъ эта школа, очевидно является послѣдствіемъ того факта, что люди, сдѣлавшись расточительными благодаря мнимому изобилію, жили свыше своихъ средствъ и принуждены теперь сокращать расходы,—другими словами, потреблять менѣе богатства. Она указываетъ, сверхъ того, на огромное потребленіе богатства, на войны, на постройку желѣзныхъ дорогъ, на ссуды обанкрутившимся правительствамъ, и пр., какъ на растраты, которыя, хотя и не были замѣчены въ свое время, какъ мотъ не замѣчаетъ тотчасъ же уменьшенія своего состоянія, тѣмъ не менѣе должны пополниться теперь, благодаря періоду уменьшеннаго потребленія.

Такимъ образомъ, каждая изъ этихъ теорій, очевидно, выражаетъ одну сторону или фазу нѣкоторой общей истины, но каждой изъ нихъ очевидно недостаетъ пониманія истины во всей ея полнотѣ. Какъ объясненіе явленія, обѣ онѣ въ равной мѣрѣ и въ крайней степени несостоятельны.

Ибо какимъ образомъ можетъ оказаться перепроизводство въ то время, когда огромныя массы народа нуждаются въ бо́льшемъ количествѣ богатства, чѣмъ то, какое онѣ могутъ получить, и въ то время, когда онѣ готовы отдавать за него какъ разъ то, что составляетъ основу и сырой матеріалъ богатства,—свой трудъ? И какимъ образомъ можетъ оказаться перепотребленіе въ то время, когда рушится самый механизмъ производства и производители осуждены на невольную праздность?

Когда желаніе болѣе потреблять сопутствуется способностью и готов-

ностью болѣе производить, парализованное состояніе промышленности и торговли нельзя уже относить ни на счетъ перепроизводства, ни на счетъ перепотребленія. Ясно, что причина зла кроется въ томъ, что производству и потребленію невозможно встать въ соотвѣтствіе и удовлетворить другъ друга.

Откуда же происходитъ эта невозможность? Очевидно, да и согласно общему признанію, эта невозможность есть результатъ спекуляціи. Но какого же рода спекуляціи?

Конечно, не спекуляціи на вещи, которыя суть произведенія труда, не спекуляціи на земледѣльческіе или горнозаводскіе продукты, или фабричныя издѣлія, ибо спекуляція на такого рода вещи, какъ это прекрасно объясняется въ общераспространенныхъ трактатахъ,—что и избавляетъ меня отъ необходимости входить въ подробности,—просто ведетъ къ уравненію предложенія и спроса и къ регулированію взаимодѣйствія между производствомъ и потребленіемъ, при чемъ спекуляція въ этомъ скучаѣ играетъ роль аналогичную роли маховаго колеса въ машинѣ.

Слѣдовательно, если причиною этихъ промышленныхъ застоевъ является спекуляція, то именно спекуляція на вещи, которыя не суть произведенія труда, а тѣмъ не менѣе необходимы для того, чтобы трудъ могъ примѣняться къ производству богатства,—спекуляція на вещи, количество которыхъ постоянно; другими словами, причиною ихъ должна быть спекуляція на землю.

Что земельная спекуляція есть истинная причина промышленныхъ застоевъ, это, въ Соединенныхъ Штатахъ, вполнѣ очевидно. Въ каждомъ періодѣ промышленнаго оживленія цѣны на землю постоянно росли, достигая своего кульминаціоннаго пункта при спекуляціи, которая подымала ихъ сильными толчками. Вслѣдъ за этимъ неизмѣнно наступало частичное прекращеніе производства и связанное съ нимъ прекращеніе дѣятельнаго спроса (застой въ торговлѣ), обыкновенно сопровождаемое коммерческимъ кризисомъ; затѣмъ слѣдовалъ періодъ сравнительнаго затишья, въ теченіе котораго равновѣсіе медленно возстанавливалось, а тамъ опять наступалъ тотъ же круговоротъ. Такое теченіе дѣлъ можно наблюдать всюду въ цивилизованномъ мірѣ. Періоды промышленнаго оживленія всегда завершаются спекулятивнымъ ростомъ земельныхъ цѣнностей, за которымъ появляются симптомы задержаннаго производства, обнаруживающіеся сначала въ прекращеніи спроса изъ болѣе новыхъ странъ, гдѣ ростъ земельныхъ цѣнностей бываетъ наибольшимъ.

Что таково должно быть главное объясненіе этихъ періодовъ застоя, въ этомъ можно убѣдиться, анализируя факты.

Всякая торговля, и этого не слѣдуетъ забывать, есть обмѣнъ товаровъ

на товары, и такимъ образомъ, прекращеніе спроса на нѣкоторые товары, которымъ характеризуется застой торговли, есть въ дѣйствительности прекращеніе предложенія другихъ товаровъ. Если торговецъ находитъ, что онъ менѣе продаетъ, а фабрикантъ, что онъ менѣе получаетъ заказовъ, въ то время какъ тѣ предметы, которые они продаютъ или готовы производить, желательны для множества лицъ, то это просто доказываетъ, что уменьшилось предложеніе другихъ предметовъ, которые, при посредствѣ торговли, были бы даны за нихъ. На разговорномъ языкѣ мы говоримъ, что «у покупателей нѣтъ денегъ», или что «денегъ становится мало»; но говоря такъ, мы игнорируемъ тотъ фактъ, что деньги есть лишь посредникъ обмѣна. Чего недостаетъ тѣмъ людямъ, которые могли бы быть покупателями, такъ это не денегъ, а товаровъ, которые они могли бы превратить въ деньги; чего на самомъ дѣлѣ стало меньше, такъ это продуктовъ извѣстнаго рода. Сокращеніе дѣйствительнаго спроса со стороны потребителей есть, слѣдовательно, лишь результатъ сокращенія въ производствѣ.

Это хорошо видятъ лавочники въ какомъ нибудь фабричномъ городѣ, когда фабрики закрываются и распускаются рабочіе. Прекращеніе производства лишаетъ рабочаго средствъ пріобрѣсти то, что онъ желаетъ, и такимъ образомъ оставляетъ торговцевъ, въ виду уменьшеннаго спроса, какъ-бы съ слишкомъ обильными запасами товара и заставляетъ ихъ разсчитывать кой-кого изъ своихъ приказчиковъ, или такъ или иначе сокращать расходы. Такимъ же образомъ возникаетъ и то сокращеніе спроса, которое приводитъ къ скопленію запасовъ у фабриканта и заставляетъ его разсчитывать своихъ рабочихъ [я говорю, конечно, объ общихъ случаяхъ, а не о какомъ либо измѣненіи спроса, зависящемъ отъ перемѣны моды]. Гдѣ нибудь [можетъ быть на другомъ концѣ земли] задержка въ производствѣ произвела задержку въ спросѣ для потребленія. Если уменьшается спросъ, когда нужда остается неудовлетворенной, то, несомнѣнно, гдѣ нибудь производство останавливается.

Люди нуждаются въ тѣхъ предметахъ, которые производитъ фабрикантъ столько же, какъ и прежде, какъ и фабричные нуждаются въ тѣхъ предметахъ, которые имѣются для продажи у лавочника. Но они не могутъ дать за нихъ столько же, сколько давали прежде. Производство гдѣ нибудь задержано, и это уменьшеніе предложенія какихъ либо товаровъ выразилось въ прекращеніи спроса на другіе товары, ибо всякая задержка сказывается на всей системѣ производства и обмѣна. Но промышленная пирамида, очевидно, покоится на землѣ. Первичныя и основныя занятія, которыя создаютъ спросъ на всѣ прочія, очевидно, суть тѣ, которыя извлекаютъ богатство изъ природы, и слѣдовательно, если мы будемъ прослѣживать отъ одного пункта обмѣна до другого и отъ одного занятія до другого эту за-

держку въ производствѣ, сказывающуюся въ уменьшеніи покупательной способности, то мы должны будемъ въ концѣ концовъ найти ее въ нѣкоторомъ препятствіи, которое не допускаетъ того, чтобы трудъ могъ примѣняться къ землѣ. И такимъ препятствіемъ, очевидно, является спекулятивный ростъ ренты или земельныхъ цѣнностей, который производитъ то же самое дѣйствіе [да и на самомъ дѣлѣ есть не что иное], какъ прямое недопущеніе труда и капитала до земли ея владѣльцами. Эта задержка въ производствѣ, начинаясь въ самомъ основаніи промышленности, всѣ отрасли которой переплетены между собою подобно нитямъ сѣтки, распространяется отъ одного пункта обмѣна къ другому, прекращеніе предложенія сказывается въ отсутствіи спроса, пока, такъ сказать, не разладится вся машина, и тогда всюду представляется зрѣлище труда, пропадающаго даромъ, въ то время какъ рабочіе страдаютъ отъ нужды.

Это странное и неестественное зрѣлище огромной масы людей, желающихъ, но немогущихъ найти занятія, само по себѣ уже можетъ указать на истинную причину всякому, кто въ состояніи послѣдовательно думать. Ибо странно и неестественно, хоть мы въ силу привычки и не чувствуемъ этого, видѣть людей, которые желаютъ трудиться, ради удовлетворенія своихъ потребностей, и не имѣютъ къ этому возможности, ибо вѣдь трудъ-то и создаетъ богатство, и рабочій, который ищетъ обмѣнять трудъ на пищу, одежду или иную какую-либо форму богатства, подобенъ человѣку, который предлагаетъ дать слитокъ золота за монету или пшеницы за муку. Мы говоримъ о предложеніи труда и о спросѣ на трудъ, но, очевидно, это не болѣе какъ относительные термины. Предложеніе труда повсюду одно и тоже,—двѣ руки всегда являются на свѣтъ съ однимъ ртомъ, каждые двадцать одинъ мальчикъ съ двадцатью дѣвочками; и спросъ на трудъ долженъ существовать все время, пока люди будутъ имѣть нужду въ тѣхъ вещахъ, которыя можетъ доставить одинъ только трудъ. Мы говоримъ «мало работы», но, очевидно, работы не мало, если существуетъ нужда; очевидно, что и предложеніе труда не можетъ быть слишкомъ большимъ, и спросъ на трудъ слишкомъ малымъ въ то время, когда люди страдаютъ вслѣдствіе отсутствія тѣхъ предметовъ, которые производитъ трудъ. Дѣйствительное затрудненіе должно заключаться въ томъ, что предложеніе такъ или иначе лишено возможности пойти навстрѣчу спросу, что гдѣ нибудь существуетъ нѣкоторое препятствіе, не дозволяющее труду производить предметы, въ которыхъ нуждаются трудящіеся.

Возьмите кого нибудь изъ этой огромной массы незанятаго народа, человѣка, которому кажется, хотя онъ никогда и не слыхалъ о Мальтусѣ, что теперь на землѣ слишкомъ много народа. Въ его собственныхъ нуждахъ, въ желаніяхъ его измученной жены, въ потребностяхъ его полузаброшенныхъ

дѣтей, быть можетъ даже голодныхъ и холодныхъ, видитъ Богъ, какъ много спроса на трудъ. А его рабочія руки представляютъ изъ себя предложеніе. Отправьте его на какой нибудь уединенный островъ, и онъ, лишенный всѣхъ тѣхъ огромныхъ преимуществъ, которыя даютъ въ цивилизованной странѣ производительнымъ силамъ человѣка общественная жизнь и промышленный строй, будетъ однако въ состояніи кормить и одѣвать себя и свою семью. А тамъ, гдѣ производительныя силы находятся въ состояніи самаго высокаго развитія, онъ не можетъ. Почему? Не потому ли, что въ одномъ случаѣ онъ имѣетъ доступъ къ веществу и силамъ природы, а въ другомъ—лишенъ этого доступа?

Развѣ одного факта, что трудъ такимъ образомъ отрывается отъ природы, недостаточно, чтобы объяснить то состояніе вещей, когда остаются праздными люди, которые охотно стали бы удовлетворять свои нужды своимъ трудомъ? Ближайшей причиной вынужденной праздности у одного класса людей можетъ быть прекращеніе спроса со стороны другихъ людей именно на тѣ предметы, которые этотъ классъ производитъ; но прослѣдите эту причину отъ пункта до пункта, отъ занятія до занятія, и вы замѣтите, что вынужденная праздность въ одной группѣ промышленниковъ причиняется вынужденной праздностью въ другой, и что то разстройство, которое вызываетъ застой во всѣхъ отрасляхъ промышленности, не можетъ быть приписываемо ни слишкомъ большому предложенію труда, ни слишкомъ малому спросу на трудъ, но должно быть поставлено въ зависимость отъ того факта, что предложеніе труда не можетъ пойти навстрѣчу спросу на трудъ, что трудъ не можетъ направиться на производство тѣхъ предметовъ, которые пошли бы на удовлетвореніе нужды и были бы объектомъ труда.

Но для того, чтобы сдѣлать трудъ способнымъ производить эти предметы, необходима земля. Когда мы говоримъ, что трудъ создаетъ богатство, мы говоримъ метафорически. Человѣкъ ничего не создаетъ. Весь человѣческій родъ, работай онъ вѣчно, не могъ бы создать и мельчайшей пылинки, плавающей въ солнечномъ лучѣ, не могъ бы сдѣлать нашей планеты ни на одинъ атомъ тяжеле, ни на одинъ атомъ легче. Въ дѣлѣ производства богатства, трудъ, при помощи силъ природы, лишь перерабатываетъ въ желаемыя формы уже существующее вещество, и, чтобы производить богатство, долженъ, слѣдовательно, имѣть доступъ къ этому веществу и къ этимъ силамъ,—то-есть, къ землѣ. Земля есть источникъ всякаго богатства. Она есть рудникъ, изъ котораго должна быть извлечена руда, которую трудъ перерабатываетъ. Она есть то вещество, которому трудъ даетъ форму. И слѣдовательно, если мы видимъ, что трудящійся не можетъ удовлетворить своихъ нуждъ, то развѣ не можемъ мы съ увѣренностью заключить, что это происходитъ не отъ другой какой причины, какъ отъ того, что труду прекращенъ доступъ къ землѣ?

Когда всѣ отрасли промышленности страдаютъ отъ недостатка занятій, когда повсюду трудъ теряется попусту, хотя желанія остаются неудовлетворенными, то не должно ли и препятствіе, мѣшающее труду производить богатство, въ которомъ онъ нуждается, находиться въ самомъ основаніи промышленнаго строя? А такимъ основаніемъ является земля. Модистки, оптическіе мастера, золотильщики и шлифовальщики не бываютъ піонерами въ дѣлѣ заселенія новыхъ странъ. Рудокопы шли въ Калифорнію или въ Австралію не потому, чтобы тамъ были сапожники, портные, слесаря и наборщики. Но эти ремесленники шли вслѣдъ за рудокопами, все равно какъ теперь они идутъ за золотопромышленниками на Черные Холмы или за искателями брилліантовъ въ Южную Африку. Не лавочникъ тянетъ за собой крестьянина, но крестьянинъ лавочника. Не ростъ города вызываетъ развитіе деревни, но развитіе деревни ведетъ къ росту города. И слѣдовательно, когда во всѣхъ отрасляхъ промышленности люди, желающіе работать, не могутъ найти къ тому возможности, то причина этого кроется въ томъ занятіи, которое создаетъ спросъ на всѣ другія занятія, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что трудъ отрѣзанъ отъ земли.

Въ Лидсѣ или Лоуэллѣ, въ Филадельфіи или Манчестерѣ, въ Лондонѣ или Нью-Іоркѣ, нужно бываетъ вникнуть въ основные принципы, чтобы замѣтить это; но тамъ, гдѣ промышленное развитіе не зашло еще такъ далеко, гдѣ крайнія звенья цѣпи не настолько еще удалены, стоитъ только для этого не закрывать глазъ предъ фактами, стоящими на виду. Не имѣя еще и тридцати лѣтъ, городъ Санъ-Франциско, и по своему народонаселенію, и по своему торговому значенію, стоитъ уже въ ряду великихъ городовъ міра, и вслѣдъ за Нью-Іоркомъ является однимъ изъ важнѣйшихъ американскихъ городовъ. Не имѣя еще и тридцати лѣтъ, онъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ имѣетъ дѣло все съ возрастающимъ числомъ людей, не имѣющихъ работы. Въ этомъ случаѣ ясно, что въ городѣ такъ много незанятаго народа именно потому, что люди не могутъ найти себѣ занятія въ деревнѣ; ибо, когда начинается жатва, они уходятъ толпами, а когда кончается, то снова толпами возвращаются въ городъ. Если бы эти теперь незанятые люди производили богатство изъ земли, то они не только сами имѣли бы занятіе, но давали бы занятіе и всѣмъ ремесленникамъ города, дѣлали бы заборы у лавочниковъ, давали дѣло торговцамъ, были посѣтителями театровъ, давали подписчиковъ и объявленія газетамъ, — создавая дѣйствительный спросъ, который чувствовался бы и въ Новой Англіи, и въ Старой Англіи, и повсюду на свѣтѣ, откуда только идутъ тѣ вещи, которыя этотъ людъ потребляетъ, имѣя средства заплатить за нихъ.

Но почему же эти незанятые люди не могутъ примѣнить своихъ силъ къ землѣ? Не потому, чтобы вся земля была уже обработана. Хотя всѣ тѣ

симптомы, которые въ болѣе старыхъ странахъ признаются показателями излишка въ народонаселеніи, начинаютъ обнаруживаться и въ Санъ-Франциско, тѣмъ не менѣе нелѣпо было бы говорить объ излишкѣ народонаселенія въ странѣ, которая при большихъ естественныхъ удобствахъ, чѣмъ Франція, не насчитываетъ въ себѣ еще и милліона жителей. Въ предѣлахъ нѣсколькихъ миль отъ Санъ-Франциско имѣется необрабатываемой земли достаточно, чтобы дать занятіе всякому, кто нуждается въ немъ. Я не хочу сказать, чтобы всякій человѣкъ, не имѣющій занятія, могъ сдѣлаться фермеромъ или выстроить себѣ домъ, имѣй онъ землю; но я хочу сказать, что это могло бы сдѣлать и сдѣлало бы достаточное число лицъ, чтобы дать занятіе всѣмъ остальнымъ. Что же, въ такомъ случаѣ, мѣшаетъ трудящимся приложить свои силы къ этой землѣ? Просто-напросто то, что она монополизирована и сдается за спекулятивныя цѣны, основанныя не на теперешней цѣнности, но на добавочной цѣнности, которая должна явиться при будущемъ ростѣ народонаселенія.

То, что всякій такимъ образомъ можетъ видѣть, если пожелаетъ видѣть, въ Санъ-Франциско, также ясно видно, я не сомнѣваюсь въ этомъ, и въ другихъ мѣстахъ.

Теперешній торговый и промышленный застой, который впервые съ ясностью обнаружился въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1872 году и охватилъ съ большей или меньшей силой весь цивилизованный міръ, обыкновенно приписывается несоразмѣрному развитію желѣзнодорожнаго дѣла, и многіе факты указываютъ на то, что между этими явленіями существуетъ нѣкоторая связь. Я вполнѣ признаю, что постройка желѣзныхъ дорогъ ранѣе того времени, когда въ нихъ чувствуется дѣйствительная надобность, можетъ отвращать капиталъ и трудъ отъ болѣе производительнаго къ менѣе производительному употребленію и дѣлать страну болѣе бѣдной, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ее болѣе богатой; и въ то время, когда желѣзнодорожная горячка достигала своего высшаго развитія, я указывалъ на это въ политической брошюрѣ, обращенной къ населенію Калифорніи («Вопросъ о субсидіяхъ и демократическая партія,» 1871); но приписывать этому истребленію капитала столь широко-распространенный промышленный застой, мнѣ кажется, то же самое, что приписывать необычайно низкій приливъ тому обстоятельству, что изъ моря взято было нѣсколько лишнихъ ведеръ воды. Растрата капитала и труда во время гражданской войны была неизмѣримо больше той, какая могла быть при постройкѣ излишнихъ желѣзныхъ дорогъ, но въ результатѣ она не вела ни къ чему подобному. И конечно, нельзя не считать за безсмыслицу, когда говорятъ, что растрата капитала и труда причинила этотъ застой, когда выдающейся чертой застоя являлось крайнее изобиліе капитала и труда, ищущихъ примѣненія.

Тѣмъ не менѣе существуетъ связь между быстрой постойкой желѣзныхъ дорогъ и промышленнымъ застоемъ, и это легко можетъ замѣтить всякій, кто понимаетъ, что означаетъ собой увеличеніе цѣнности земли и кто слѣдилъ за тѣмъ вліяніемъ, которое оказывала постройка нашихъ желѣзныхъ дорогъ на земельную спекуляцію. Чуть гдѣ строилась или проэктировалась желѣзная дорога, какъ земли сразу подымались въ цѣнѣ, и тысячи милліоновъ долларовъ прикидывались къ тѣмъ номинальнымъ цѣнностямъ, которыя приходилось выплачивать капиталу и труду, разомъ или по частямъ, какъ плату за дозволеніе трудиться и производить богатство. Неизбѣжнымъ результатомъ оказывалась задержка производства, и эта задержка, сказываясь въ прекращеніи спроса, достигала самаго крайняго предѣла обширнаго мѣнового круга, выступая съ особенной силой въ центрахъ того великаго промышленнаго цѣлаго, въ которое торговля объединяетъ цивилизованный міръ.

Ближайшія дѣйствія этой причины, пожалуй, нигдѣ не могутъ быть прослѣжены съ большей ясностью, чѣмъ въ Калифорніи, гдѣ, благодаря ея сравнительно изолированному положенію, всѣ явленія вырисовывались въ высшей степени рѣзко.

Послѣднее десятилѣтіе почти до самаго конца (шестидесятые годы) было отмѣчено въ Калифорніи тѣмъ же промышленнымъ оживленіемъ, какое замѣчалось въ Сѣверныхъ Штатахъ и, въ сущности, повсюду въ цивилизованномъ мірѣ, если исключить тотъ перерывъ въ торговлѣ и то разстройство промышленности, которые вызваны были гражданской войной и блокадой Южныхъ гаваней. Оживленія этого нельзя было приписывать приливу денежныхъ знаковъ или необузданнымъ расходамъ Центральнаго правительства, обстоятельствамъ, которымъ приписывали сравнительное оживленіе того же періода въ Восточныхъ Штатахъ; ибо, не взирая на законы о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, Тихоокеанскій берегъ крѣпко держался звонкой монеты, а налоги Федеральнаго правительства уносили несравненно больше, чѣмъ сколько возвращалось его расходами. Оживленіе это можно было приписать только лишь нормальнымъ причинамъ, ибо, хотя промывка золота и падала, тѣмъ не менѣе въ Невадѣ были открыты серебряные рудники, пшеница и шерсть начинали заступать мѣсто золота въ таблицѣ экспорта, и возрастающее народонаселеніе и улучшенія въ способахъ производства и обмѣна постоянно увеличивали производительность труда.

Матеріальный прогрессъ этотъ сопровождался постояннымъ ростомъ земельныхъ цѣнностей, — его слѣдствіемъ. Этотъ постоянный ростъ повелъ къ спекулятивному повышенію, которое, во время желѣзнодорожной горячки, обнаруживалось съ особенной силой. Если населеніе Калифорніи постоянно росло въ то время, когда путь черезъ Панамскій перешеекъ длинный, дорогой, опасный въ виду свирѣпствовавшихъ лихорадокъ, былъ главнымъ сно-

собомъ сообщенія съ Атлантическими штатами, то, какъ полагали, населеніе должно въ огромной степени возрасти съ открытіемъ желѣзной дороги, которая свяжетъ Нью-Іорскую гавань съ заливомъ Санъ-Франциско и дастъ возможность съ удобствомъ, въ какіе нибудь семь дней, проѣзжать разстояніе между ними, когда и въ самомъ штатѣ локомотивъ замѣнитъ собой дилижансы и фуры. Ожидаемый ростъ земельныхъ цѣнностей, который такимъ образомъ долженъ былъ наступить, учитывался уже напередъ. Участки земли на окраинахъ Санъ-Франциско повышались въ цѣнѣ на цѣлыя сотни и тысячи процентовъ, а земли, пригодныя для обработки, снимались и сдавались по высокимъ цѣнамъ всюду, куда только, по предположенію, могъ направиться переселенецъ.

Предполагавшагося наплыва переселенцевъ, однако, не послѣдовало. А трудъ и капиталъ оказались не въ состояніи платить такъ много за землю и получать должную прибыль. Производство остановилось, если не абсолютно, то по крайней мѣрѣ относительно. По мѣрѣ того, какъ постройка междуокеанской дороги приближалась къ концу, начинали обнаруживаться симптомы не возрастающаго оживленія, а застоя; а когда она была окончена, пора оживленія смѣнилась періодомъ застоя, отъ котораго мы еще не отдѣлались вполнѣ и теперь, и во время котораго заработная плата и процентъ постоянно падали. Теперь то, что я назвалъ дѣйствительной линіей ренты или предѣломъ земледѣльческой культуры, приближается такимъ образомъ къ спекулятивной линіи ренты, чему содѣйствуетъ также развитіе техники и ростъ народонаселенія, который продолжался, хотя и медленнѣе, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ; тѣмъ не менѣе хорошо извѣстно упорство, съ какимъ держится спекулятивное повышеніе цѣнъ на землю въ прогрессирующей странѣ *).

Что совершалось такимъ образомъ въ Калифорніи, совершалось и во всѣхъ прогрессирующихъ мѣстностяхъ Союза. Всюду, гдѣ только проводилась или проектировалась желѣзная дорога, земля уже заблаговременно монополизировалась, и будущія блага учитывались въ повышенныхъ цѣнахъ на нее. Когда, такимъ образомъ, спекулятивное повышеніе ренты заходило далѣе ея нормальнаго повышенія, производство останавливалось, спросъ падалъ, и

---

*) Просто удивительно, какъ стойко удерживаются спекулятивныя цѣны на землю въ новой странѣ, подающей большія надежды. Обычное дѣло слышать такое выраженіе: «Совсѣмъ нѣтъ спроса на помѣстья; вы не можете продать его ни по какой цѣнѣ», но, въ то же время, если вы пожелаете купить землю,—если только вы не встрѣтили человѣка, который неизбѣжно долженъ продать ее — вы должны будете платить по тѣмъ цѣнамъ, которыя преобладали во время разгара спекуляціи. Ибо собственники, увѣренные въ томъ, что земельныя цѣнности должны въ концѣ концовъ повыситься, стараются сколь возможно дольше удержать ихъ въ своихъ рукахъ.

трудъ и капиталъ удалялись отъ занятій, непосредственно связанныхъ съ землей, чтобы переполнять собой тѣ занятія, въ которыхъ земельная цѣнность является менѣе замѣтнымъ элементомъ. Въ этомъ то и состояла связь между быстрымъ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти и послѣдующимъ застоемъ.

И что совершалось въ Соединенныхъ Штатахъ, совершалось въ болѣе или менѣе замѣтной степени и повсюду въ цивилизованномъ мірѣ. Повсюду земельныя цѣнности непрерывно возрастали съ развитіемъ матеріальнаго прогресса, и повсюду это возрастаніе вызывало ихъ спекулятивное повышеніе. Толчекъ со стороны этой основной причины не просто передавался отъ болѣе новыхъ мѣстностей союза къ болѣе старымъ, и отъ Соединенныхъ Штатовъ къ Европѣ, но эта основная причина являлась повсюду и непосредственно дѣйствующей. Такъ что всемірный застой въ промышленности и торговлѣ являлся слѣдствіемъ всемірнаго матеріальнаго прогресса.

Существуетъ одно обстоятельство, которое, можетъ показаться, я упустилъ изъ виду, приписывая промышленные застои спекулятивному повышенію ренты или земельныхъ цѣнностей, какъ главной и основной причинѣ. Дѣйствіе такой причины, хотя и можетъ быть быстрымъ, должно возрастать прогрессивно,—походя на давленіе, а не на ударъ. Тогда какъ промышленные застои, повидимому, наступаютъ внезапно, — они имѣютъ съ самаго начала характеръ пароксизма, за которымъ слѣдуетъ сравнительное затишье, какъ бы отъ истощенія. Все, кажется, идетъ своимъ порядкомъ, торговля и промышленность во всей своей силѣ и развитіи, какъ вдругъ чувствуется ударъ, какъ бы молнія изъ яснаго неба,—лопается банкъ, оказывается несостоятельнымъ крупный фабрикантъ или купецъ, банкротство слѣдуетъ за банкротствомъ, словно внезапный ударъ потрясъ всю промышленную организацію, повсюду разсчитываютъ рабочихъ, и капиталъ не находитъ себѣ болѣе прибыльнаго помѣщенія.

Позвольте же мнѣ объяснить, насколько я понимаю, почему это такъ. Съ этой цѣлью, мы должны будемъ принять во вниманіе самый способъ, какимъ совершаются мѣновыя сдѣлки, ибо именно мѣновыя сдѣлки и объединяютъ всѣ разнообразныя формы промышленности въ одну организацію, всѣ части которой находятся между собою въ тѣсной связи и зависимости. Чтобы дать возможность мѣновымъ сдѣлкамъ совершаться между производителями, которые далеко отстоятъ другъ отъ друга по пространству и времени, необходимы обширные запасы товаровъ въ складахъ и въ дорогѣ, поддерживать которые, какъ уже ранѣе объяснено было мною, я считаю великой функціей капитала, въ прибавку къ его функціи доставлять орудія и сѣмена. Эти мѣновыя сдѣлки, быть можетъ, по необходимости, совершаются

главнымъ образомъ въ кредитъ, — другими словами, выдача съ одной стороны дѣлается ранѣе, чѣмъ получится возвратъ съ другой.

Далѣе, не входя въ разсмотрѣніе причинъ, очевидно, что эти выдачи, дѣлаются какъ правило, въ направленіи отъ выше организованныхъ и позднѣе развившихся отраслей промышленности къ болѣе основнымъ. Житель западнаго побережья Африки, который вымѣниваетъ пальмовое масло и кокосовые орѣхи па пестрый ситецъ или Бирмингамскихъ идоловъ, получаетъ немедленно то, что слѣдуетъ ему въ возвратъ; англійскому купцу, напротивъ того, приходится отпускать товары задолго до полученья того, что ему слѣдуетъ въ возвратъ. Крестьянинъ можетъ продать свой хлѣбъ тотчасъ послѣ уборки и продать его за наличныя деньги; крупный фабрикантъ долженъ имѣть огромный запасъ, пересылать свои товары на далекія разстоянія къ агентамъ и, обыкновенно, продавать на срокъ. Вотъ по этой то причинѣ, потому, что тѣ отрасли промышленности, которыя мы называемъ вторичными, кредитуютъ тѣ отрасли промышленности, которыя можно назвать первичными, всякая остановка въ производствѣ, происходящая въ послѣдней области будетъ не тотчасъ же обнаруживаться въ первой. Система предварительныхъ высылокъ и сдѣлокъ въ кредитъ, представляетъ изъ себя какъ бы эластическую связь, которая будетъ значительно поддаваться, прежде чѣмъ порваться, но которая, если ужъ рвется, то рвется съ трескомъ.

Поясню свою мысль нѣсколько иначе: великая Гизехская пирамида состоитъ изъ слоевъ каменной кладки, такъ что нижній слой поддерживаетъ все остальное. Если бы мы стали какимъ нибудь образомъ постепенно сокращать этотъ нижній слой, то верхняя часть пирамиды въ теченіе нѣкотораго времени сохранила бы свои размѣры, а затѣмъ, когда, наконецъ, сила земного притяженія начала бы преодолѣвать силу сцѣпленія частицъ строительнаго матеріала, пирамида не стала бы правильно и постепенно уменьшаться, но внезапно бы обрушилась огромными глыбами. Промышленная организація и можетъ быть уподоблена такой пирамидѣ. Въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся различныя отрасли промышленности, при данномъ состояніи общественнаго развитія, сказать трудно и, можетъ быть, невозможно; но очевидно, что извѣстная пропорціональность между ними существуетъ, какъ въ комплектѣ типографскаго шрифта существуетъ извѣстная пропорціональность между различными буквами. Каждая отрасль промышленности, развиваясь благодаря раздѣленію труда, возникаетъ и выростаетъ изъ другихъ, а все въ концѣ концовъ опирается на землю; ибо безъ земли трудъ столь же безсиленъ, какъ безсиленъ былъ бы человѣкъ въ пустомъ пространствѣ. Чтобы сдѣлать сравненіе еще болѣе подходящимъ къ условіямъ прогрессирующей страны, вообразимъ пирамиду, составленную изъ ряда лежащихъ одинъ надъ другимъ слоевъ, которая постоянно растетъ и расши-

ряется. Вообразите, что остановился ростъ слоя, ближайшаго къ основанію. Другіе слои въ теченіе нѣкотораго времени будутъ еще расширяться; и какъ обыкновенно бываетъ въ первый моментъ, проявится даже стремленіе къ болѣе быстрому расширенію, ибо жизненныя силы лишившись приложенія въ слоѣ лежащемъ у основанія, будутъ искать себѣ выхода въ вышележащихъ слояхъ, но, наконецъ, равновѣсія нарушится, и послѣдуетъ внезапный обвалъ со всѣхъ сторонъ пирамиды.

Я полагаю, ясно, что эти соображенія объясняютъ главную причину, а также и общее теченіе возвращающихся пароксизмовъ промышленнаго разстройства, пароксизмовъ, дѣлающихся такой выдающейся чертой современной общественной жизни. Пусть читатель только не забываетъ, что мы стремимся прослѣдить съ нѣкоторою точностью лишь главныя причины и общій ходъ такого рода явленій; только это, въ сущности, и возможно. Политическая экономія изучаетъ и имѣетъ надобность изучать только общія стремленія. Производныя же силы столь многообразны, дѣйствія и противодѣйствія ихъ настолько сложны, разнообразны, что точный характеръ явленій никогда не можетъ быть предсказанъ. Мы знаемъ, что если перерубить дерево, то оно упадетъ, а въ какомъ именно направленіи оно будетъ падать, опредѣляется наклоненіемъ ствола, расположеніемъ вѣтвей, мѣстомъ, въ какое наносятся удары, направленіемъ и силою вѣтра, и даже птица, которая садится на сучекъ, или испуганная бѣлка, которая прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, будутъ оказывать свою долю вліянія. Мы знаемъ, что обида воспламеняетъ въ человѣческой груди чувство мести, но чтобы сказать, съ какой силой и какимъ образомъ проявится это чувство, потребовался бы синтезъ, который воспроизвелъ бы всего человѣка и всѣ окружающія его условія, прежнія и теперешнія.

Способъ, какимъ объясняются главныя черты этихъ параксизмовъ промышленнаго застоя помощью этой вполнѣ достаточной причины, къ какой я ихъ отнесъ, представляетъ изъ себя поразительный контрастъ съ тѣми внутренно-противорѣчивыми и взаимно-противорѣчущими попытками, какія дѣлались для объясненія этихъ пароксизмовъ помощью господствующихъ теорій распредѣленія богатства. Что спекулятивный ростъ ренты и земельныхъ цѣнностей неизмѣнно предшествуетъ этимъ періодамъ промышленнаго застоя, это повсюду ясно. Что они стоятъ другъ къ другу въ отношеніи причины къ слѣдствію, очевидно для всякаго, кто приметъ во вниманіе необходимое отношеніе между землею и трудомъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ мы уже можемъ замѣтить, что теперешній застой подходитъ къ концу, и что устанавливается, указаннымъ ранѣе способомъ, новое равновѣсіе, которое приведетъ къ новому періоду сравнительнаго оживленія. Нормальная линія ренты и спекулятивная линія ренты

этремятся совпасть: 1) Вслѣдствіе паденія спекулятивныхъ земельныхъ цѣнностей, которое очень замѣтно на уменьшеніи арендной платы и на упадкѣ цѣнъ недвижимостей въ главныхъ городахъ. 2) Вслѣдствіе возросшей производительности труда, зависящей отъ роста народонаселенія и примѣненія новыхъ изобрѣтеній и открытій, изъ которыхъ нѣкоторыя, почти столь же важныя какъ утилизація пара, повидимому, стоятъ уже на очереди. 3) Вслѣдствіе пониженія обычнаго размѣра процента и заработной платы; это пониженіе, по отношенію къ проценту, можно видѣть изъ факта заключенія правительствомъ займа изъ четырехъ процентовъ, а по отношенію ка заработной платѣ оно слишкомъ очевидно, чтобы нуждаться въ доказательствѣ. Когда равновѣсіе такимъ образомъ возстановится, наступитъ пора возобновленія дѣятельности, завершающаяся спекулятивнымъ ростомъ земельныхъ цѣнностей *). Но заработная плата и процентъ уже не вернутся къ своему прежнему положенію. Конечнымъ результатомъ всѣхъ этихъ пертурбацій или волнообразныхъ движеній, будетъ постепенное оттѣсненіе заработной платы и процента къ ихъ минимуму. Эти временные, повторяющіеся періоды застоя представляютъ изъ себя, какъ то было уже замѣчено во вступительной главѣ, въ сущности, лишь болѣе сильное проявленіе тѣхъ тенденцій, которыми сопутствуется матеріальный прогрессъ.

ГЛАВА II.

Устойчивость бѣдности среди растущаго богатства.

Великая проблема, которой охватываются и эти повторяющіеся періоды застоя, оказывается теперь, я полагаю, вполнѣ рѣшеной, и тѣ общественныя явленія, которыя повсюду въ цивилизованномъ мірѣ заставляютъ блѣднѣть филантроповъ и смущаться государственныхъ людей, которыя, какъ тучи, застилаютъ будущее наиболѣе развитыхъ націй и внушаютъ сомнѣніе въ дѣйствительности и конечной цѣли того движенія, которое мы напрасно величаемъ прогрессомъ, — получаютъ теперь свое объясненіе.

Причина того явленія, что заработная плата, не смотря на ростъ производительныхъ силъ, постоянно стремится къ минимуму, при ко-

---

*) Это было писано годъ тому назадъ. Въ настоящее время (Іюль, 1879) уже очевидно, что начался новый періодъ дѣятельности, какъ выше было предсказано, и въ Нью-Іоркѣ и Чикаго недвижимая собственность уже начинаетъ подвигаться къ прежней цѣнѣ.

торомъ возможно лишь голое существованіе, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что съ ростомъ производительныхъ силъ въ еще большей мѣрѣ стремится расти рента, вызывая такимъ образомъ постоянную тенденцію къ пониженію заработной платы.

Прогрессирующая цивилизація стремится во всѣхъ направленіяхъ увеличить способность человѣческаго труда къ удовлетворенію человѣческихъ желаній,—стремится искоренить бѣдность и прогнать нужду и страхъ нужды. Всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается прогрессъ, всѣ тѣ условія, которыхъ добиваются прогрессивныя страны, имѣютъ своимъ прямымъ и естественнымъ результатомъ улучшеніе матеріальнаго (и, слѣдовательно, интеллектуальнаго и нравственнаго) положенія всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находятся въ сферѣ ихъ вліянія. Ростъ народонаселенія, развитіе и расширеніе торговыхъ сношеній, научныя открытія, успѣхи въ области изобрѣтеній, распространеніе образованія, улучшеніе въ управленіи и облагороженіе нравовъ, разсматриваемыя какъ матеріальныя силы, всѣ непосредственно обнаруживаютъ стремленіе къ увеличенію производительной способности труда, — и не одного какого либо вида труда, но всѣхъ видовъ труда, не въ одной какой либо отрасли промышленности, но во всѣхъ отрасляхъ промышленности, ибо законъ производства богатства въ обществѣ есть законъ «каждый для всѣхъ, и всѣ для каждаго».

Но трудъ не можетъ воспользоваться тѣми благами, которыя приноситъ съ собой развивающаяся цивилизація, ибо эти блага перехватываются по пути. Земля необходима для труда, и разъ она обращена въ частную собственность, всякій ростъ производительной силы труда будетъ лишь увеличивать ренту,— ту цѣну, которую долженъ уплачивать трудъ за возможность пользоваться своими силами; и такимъ образомъ, всѣ выгоды, которыя создаетъ прогрессивное движеніе, достаются собственникамъ земли, а заработная плата не увеличивается. Заработная плата и не можетъ увеличиваться; ибо чѣмъ больше вырабатываетъ трудъ, тѣмъ больше онъ долженъ выплачивать изъ вырабатываемаго имъ за возможность вообще имѣть какую либо работу. Простой рабочій, такимъ образомъ, заинтересованъ въ общемъ повышеніи производительныхъ силъ не болѣе, чѣмъ рабъ на островѣ Кубѣ въ повышеніи цѣнъ на сахаръ. И все равно, какъ повышеніе цѣнъ на сахаръ можетъ ухудшить положеніе раба, понудивъ хозяина предъявлять къ нему большія требованія, такъ и жизнь свободнаго рабочаго, какъ абсолютно, такъ и относительно, можетъ измѣниться къ худшему вслѣдствіе увеличенной производительности его труда. Ибо непрерывный ростъ ренты вызываетъ къ жизни спекуляцію, которая учитываетъ вліяніе будущихъ улучшеній въ видѣ еще бо́льшаго повышенія ренты, и, такимъ образомъ, ведетъ, гдѣ это еще не произошло благодаря нормальному возвышенію ренты, къ пониженію зара-

ботной платы до рабской нормы,—той нормы, при которой рабочій можетъ только лишь существовать.

Лишаемый, такимъ образомъ, всѣхъ благодѣяній отъ увеличенія производительной силы, трудъ предоставляется такимъ вліяніямъ прогрессирующей цивилизаціи, которыя,—безъ тѣхъ выгодъ, которыя являются ихъ естественными спутниками,—оказываются положительнымъ зломъ и которыя, сами по себѣ стремятся низвести рабочаго до безпомощнаго и унизительнаго положенія раба.

Ибо всѣ тѣ усовершенствованія, благодаря которымъ съ развитіемъ цивилизаціи увеличиваются производительныя силы, состоятъ въ еще большемъ подраздѣленіи труда, или необходимо ведутъ къ такому подраздѣленію, и производительная способность всей арміи рабочихъ увеличивается на счетъ независимости составляющихъ ее единицъ. Отдѣльный рабочій пріобрѣтаетъ знаніе или навыкъ только лишь въ безконечно малой части того разнообразія процессовъ, какое необходимо для удовлетворенія даже самыхъ обыкновенныхъ потребностей. Совокупный продуктъ труда какого либо дикаго племени ничтоженъ, но каждый членъ способенъ къ независимому существованію. Онъ можетъ построить себѣ жилище, выдолбить или сколотить лодку, сшить одежду, приготовить для себя оружіе, снаряды, инструменты и украшенія. Онъ обладаетъ всѣми тѣми познаніями о природѣ, которыя доступны его племени,—знаетъ, какія растительныя произведенія годятся въ пищу, знаетъ гдѣ ихъ можно найти; знаетъ, какія имѣютъ привычки и гдѣ держатся звѣри, птицы, рыбы и насѣкомыя; можетъ находить дорогу по солнцу или по звѣздамъ, по наклоненію цвѣтковъ или по мху на деревахъ; короче, онъ способенъ удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ. Онъ можетъ быть отрѣзанъ отъ своихъ товарищей и все же будетъ существовать; такимъ образомъ, онъ обладаетъ независимой силой, которая дѣлаетъ изъ него свободную договаривающую сторону въ его отношеніяхъ къ тому обществу, членомъ котораго онъ состоитъ.

Сравните съ этимъ дикаремъ рабочаго на самыхъ низкихъ ступеняхъ цивилизованнаго общества, рабочаго, жизнь котораго сосредоточивается лишь на производствѣ одного только предмета или, чаще, лишь на производствѣ безконечно-малой части одного предмета изъ всего того разнообразія предметовъ, которые составляютъ богатство общества и идутъ на удовлетвореніе хотя бы самыхъ основныхъ потребностей; который не только не можетъ приготовить инструментовъ, потребныхъ для его работы, но даже часто работаетъ инструментами, которые ему не принадлежатъ, и которыми онъ не можетъ и надѣяться когда либо обладать. Принужденный трудиться неустанно и непрерывно, даже болѣе, чѣмъ дикарь, и зарабатывая при этомъ не болѣе, чѣмъ сколько получаетъ дикарь, — только лишь самое необходимое для

жизни,—онъ утрачиваетъ независимость дикаря. Онъ не только неспособенъ непосредственно примѣнять своихъ силъ къ удовлетворенію своихъ желаній, но безъ содѣйствія множества другихъ лицъ неспособенъ примѣнять ихъ и вообще какъ бы то ни было. Онъ является не болѣе, какъ звеномъ въ огромной цѣпи производителей и потребителей; онъ не можетъ отъ нихъ отдѣлиться и не можетъ двигаться иначе, чѣмъ движутся они. Чѣмъ хуже его положеніе въ обществѣ, тѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ общества и тѣмъ болѣе удаляется отъ возможности дѣлать что-либо отъ себя. Даже самая возможность примѣненія его собственнаго труда къ удовлетворенію его нуждъ становится внѣ его воли и можетъ быть отнимаема у него или возвращаема ему дѣйствіями другихъ лицъ, или дѣйствіемъ причинъ общаго характера, на которыя онъ можетъ оказывать не болѣе вліянія, чѣмъ на движенія солнечной системы. На традиціонное проклятіе начинаютъ смотрѣть какъ на милость, и люди думаютъ, толкуютъ, предъявляютъ требованія и составляютъ законы такъ, какъ будто однообразный ручной трудъ самъ по себѣ есть благо, а не зло, цѣль, а не средство. При такихъ обстоятельствахъ, человѣкъ утрачиваетъ основное свойство человѣческой природы, — утрачиваетъ божественную способность измѣнять свои жизненныя условія и управлять ими. Онъ становится рабомъ, машиной, товаромъ, чѣмъ-то, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, болѣе низкимъ, чѣмъ животное.

Я не изъ числа сентиментальныхъ поклонниковъ дикаго состоянія. И не у Руссо, Шатобріана или Купера заимствовалъ я свои представленія о безъискуственныхъ дѣтяхъ природы. Я сознаю ихъ матеріальную и умственную бѣдность, и ихъ низкое и жалкое положеніе. Я вѣрю, что цивилизація не только есть естественный удѣлъ человѣка, но есть также освобожденіе, возвышеніе и облагороженіе всѣхъ его способностей, и думаю, что человѣкъ, которому доступны блага цивилизаціи, можетъ пожалѣть о дикомъ состояніи, лишь при такомъ настроеніи духа, когда онъ наклоненъ завидовать отрыгающему жвачку скоту. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, ни одинъ человѣкъ, смотрящій на факты открытыми глазами, не станетъ возражать противъ того заключенія, что въ самомъ сердцѣ нашей цивилизаціи имѣются обширные классы людей, съ которыми самый грубый дикарь не помѣнялся бы своимъ положеніемъ. Я глубоко увѣренъ, что если бы такому человѣку, въ преддверіи существованія, предложены были на выборъ жизнь обитателя Огненной земли, жизнь чернокожаго Австралійца, жизнь эскимоса въ Полярной области или жизнь среди нисшихъ классовъ въ такой высоко-цивилизованной странѣ, какъ Англія, то онъ сдѣлалъ бы безконечно лучшій выборъ, избравъ себѣ удѣлъ дикаго. Ибо эти классы, посреди богатства осужденные на нужду, испытываютъ всѣ лишенія дикаря, не имѣя его чувства личной свободы; они осуждены на нѣчто большее, чѣмъ его ограниченность и ничто-

жество, не имѣя возможности развить въ себѣ его грубыхъ добродѣтелей; если и шире ихъ горизонтъ, то только лишь въ томъ отношеніи, что они видятъ блага, которыми они не могутъ пользоваться.

Найдутся люди, которымъ это можетъ показаться какъ-бы преувеличеніемъ; но покажется имъ это преувеличеніемъ только лишь потому, что они никогда не имѣли случая уяснить себѣ истиннаго положенія тѣхъ классовъ, на которыя всей своей тяжестью опирается желѣзная пята современной цивилизаціи. Какъ замѣчаетъ Токквиль, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Г-жѣ Свѣчиной, «мы скоро привыкаемъ къ мысли о нуждѣ, которой мы не испытываемъ, ибо зло, которое для человѣка, испытывающаго его на себѣ, становится все больше и больше, по мѣрѣ того какъ оно продолжается, для наблюдателя становится все меньше и меньше уже въ силу самаго факта своего продолженія», и, быть можетъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ справедливости этого замѣчанія является тотъ фактъ, что въ городахъ, гдѣ есть классъ бѣдняковъ и классъ преступниковъ, гдѣ молодыя дѣвушки разрушаютъ свое здоровье, добывая себѣ пропитаніе иглой, и гдѣ оборванныя и босоногія дѣти проводятъ день и ночь на улицѣ, — регулярно собираются деньги для того, чтобы отправлять миссіонеровъ къ язычникамъ! Это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Ваалъ не простираетъ болѣе своихъ гнусныхъ, ненасытныхъ рукъ; но въ христіанскихъ странахъ матери убиваютъ своихъ дѣтей изъ-за денегъ, выдаваемыхъ на похороны! И я очень сомнѣваюсь, чтобы въ какомъ либо достовѣрномъ описаніи жизни дикихъ можно было натолкнуться на такія картины паденія, какія встрѣчаются въ оффиціальныхъ документахъ высоко-цивилизованныхъ странъ, — въ донесеніяхъ санитарныхъ коммисій и коммисій, изучавшихъ положеніе трудящейся бѣдноты.

Простая теорія, которую я изложилъ [если на самомъ дѣлѣ можетъ быть названо теоріей одно только признаніе самыхъ очевидныхъ отношеній] объясняетъ этотъ союзъ бѣдности съ богатствомъ, низкой заработной платы съ высокимъ развитіемъ производительныхъ силъ, это невѣжество среди просвѣщенія, это рабство, таящееся въ политической свободѣ. Она объединяетъ, какъ слѣдствія, вытекающія изъ общаго и неумолимаго закона, факты, которые иначе кажутся чрезвычайно запутанными, и опредѣляетъ послѣдовательность и отношеніе между явленіями, которыя безъ ея посредства кажутся безсвязными и противорѣчащими. Она объясняетъ, почему процентъ и заработная плата бываетъ въ новыхъ странахъ выше, чѣмъ въ болѣе старыхъ, хотя среднее, такъ же какъ и общее, количество производимаго богатсва бываетъ тамъ меньше. Она объясняетъ, почему усовершенствованія, которыя увеличиваютъ производительную способность труда и капитала, не увеличиваютъ ихъ вознагражденія. Она объясняетъ то,

что обыкновенно называется конфликтомъ между трудомъ и капиталомъ, въ то же время доказывая, что между ихъ интересами въ дѣйствительности существуетъ гармонія. Она лишаетъ послѣдней опоры заблужденія протекціонизма, показывая въ то же время, почему свободная торговля не даетъ болѣе или менѣе постоянныхъ выгодъ для рабочихъ классовъ. Она объясняетъ, почему нужда растетъ вмѣстѣ съ изобиліемъ, а богатство стремится все къ большему и большему скопленію въ рукахъ немногихъ лицъ. Она объясняетъ періодически появляющіеся состоянія застоя промышленности, не прибѣгая ни къ нелѣпицѣ «перепроизводства», ни къ нелѣпицѣ «пере-потребленія». Она объясняетъ, почему огромное число людей, которые могли бы быть производителями, осуждены на невольную праздность, подрывающую производительную силу прогрессирующихъ странъ, обходясь безъ нелѣпаго допущенія, будто требуется слишкомъ мало работы или имѣется слишкомъ много людей, которые ищутъ ея. Она объясняетъ тѣ несчастные послѣдствія, которыя часто испытываютъ на себѣ трудящіеся классы отъ введенія машинъ, не отрицая естественныхъ выгодъ, которыя даетъ употребленіе машинъ. Она объясняетъ порокъ и нищету, которые обнаруживаются среди густаго народонаселенія, не приписывая законамъ Всемудраго и Всеблагого недостатковъ, которые свойственны только близорукимъ и себялюбивымъ установленіямъ людей.

И это объясненіе стоитъ въ согласіи со всѣми фактами.

Взгляните на современный міръ. Въ странахъ чрезвычайно различающихся между собою, — при условіяхъ, въ высшей степени различныхъ, въ отношеніи управленія, промышленной дѣятельности, тарифовъ, денежнаго обращенія, — всюду вы находите бѣдность среди рабочихъ классовъ; но всюду, гдѣ вы находите такимъ образомъ бѣдность и нищету посреди богатства, вы находите и землю монополизированную; земля вмѣсто того, чтобы быть общей собственностью всего народа, считается частной собственностью отдѣльныхъ лицъ; и, чтобы пользоваться ею, трудъ вынужденъ бываетъ отдавать огромную долю производимаго имъ. Взгляните на современный міръ, сравните другъ съ другомъ различныя страны, и вы увидите, что болѣе или менѣе высокій уровень заработной платы зависитъ не отъ большаго или меньшаго изобилія капитала и не отъ большей или меньшей производительности труда, но зависитъ отъ того размѣра, въ какомъ лица, монополизировавшія землю, могутъ облагать въ видѣ ренты налогомъ то, что добывается трудомъ. Развѣ не бросается повсюду въ глаза тотъ фактъ, извѣстный даже людямъ наименѣе свѣдущимъ, что въ новыхъ странахъ, гдѣ общая совокупность богатства незначительна, но гдѣ земля дешева, рабочимъ классамъ во всякомъ случаѣ живется лучше, чѣмъ въ богатыхъ странахъ, гдѣ земля дорога? Развѣ тамъ, гдѣ земля имѣетъ сравнительно малую цѣну, не встрѣ-

чаемъ мы сравнительно высокой заработной платы? И развѣ тамъ, гдѣ земля дорога, не встрѣчаемся мы съ низкой заработной платой? По мѣрѣ того, какъ земля дорожаетъ, усиливается бѣдность и появляется пауперизмъ. Во вновь заселяемыхъ странахъ, гдѣ земля дешева, вы не встрѣтите нищаго, и неравенство состояній бываетъ весьма незначительнымъ. Но вы встрѣтите крайнія степени нищеты и роскоши въ большихъ городахъ, гдѣ земля на столько дорога, что измѣряется футами. И различіе въ положеніи двухъ крайнихъ ступеней общественной лѣстницы всегда можетъ быть измѣряемо цѣною земли. Земля въ Нью-Іоркѣ дороже, чѣмъ въ Санъ-Франциско; и житель Санъ-Франциско, попавъ въ Нью-Іоркъ, придетъ въ ужасъ отъ той грязи и нищеты, которыя онъ увидитъ. Земля въ Лондонѣ дороже, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ; и въ Лондонѣ грязь и нищета страшнѣе, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ.

Сравните одну и ту же страну въ различныя времена, и вы снова замѣтите то же отношеніе. Въ результатѣ длиннаго ряда изслѣдованій, Гелламъ пришелъ къ убѣжденію, что плата за ручной трудъ въ средніе вѣка въ Англіи была въ общемъ выше, чѣмъ теперь. Такъ ли это, или нѣтъ, но очевидно, что она не могла быть значительно ниже, если и была ниже. Огромное увеличеніе производительности труда, которое даже въ земледѣліи оцѣнивается процентовъ въ семьсотъ или восемьсотъ, а во многихъ отрасляхъ промышленности является почти неисчислимымъ, только лишь подымало ренту. Рента съ обрабатываемыхъ земель въ Англіи въ настоящее время, согласно утвержденіямъ профессора Роджерса, будучи исчисляема на деньги, во сто двадцать разъ, а будучи исчисляема на пшеницу,—въ сорокъ разъ больше той, какая существовала пятьсотъ лѣтъ тому назадъ; тогда какъ рента съ земель подъ постройками и рента съ земель, содержащихъ въ себѣ минеральныя богатства, увеличилась за это время значительно больше. Согласно оцѣнкѣ профессора Фосетта, капитализированная рента съ земель Англіи достигаетъ теперь цифры 4,500,000,000 ф. стерлинговъ, или 21,870,000,000 долларовъ,—другими словами, нѣсколько тысячъ жителей Англіи имѣетъ право на такую долю труда остальныхъ, что капитализированная цѣнность ея болѣе чѣмъ вдвое превысила бы цѣнность всего народонаселенія Англіи, если бы оно состояло изъ рабовъ и учитывалось по средней цѣнѣ негра въ Южныхъ Штатахъ за 1860 годъ.

Въ Бельгіи и Фландріи, во Франціи и въ Германіи, рента и продажная цѣна обрабатываемыхъ земель удвоились въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ *). Словомъ, ростъ производительныхъ силъ всюду увеличивалъ цѣнность земли, и нигдѣ не увеличилъ цѣнности труда; ибо, хотя реальная заработная плата кое-гдѣ, можетъ быть, и возрасла, но возрастаніе это,

*) «Системы земельной аренды» изданіе Кобденскаго клуба.

очевидно, должно быть приписано инымъ причинамъ. По большей части заработная плата упала, упала всюду, гдѣ только возможно было для нея упасть,—ибо существуетъ нѣкоторый минимумъ, за предѣлами котораго рабочіе перестаютъ поддерживать свою численность. А какъ извѣстная доля продукта, заработная плата уменьшалась повсюду.

Что чума вызвала огромный ростъ заработной платы въ Англіи въ четырнадцатомъ столѣтіи, ясно можно замѣтить по тѣмъ усиліямъ, съ какими землевладѣльцы добивались регулированія заработной платы правительственными постановленіями. Что эти ужасныя потери въ народонаселеніи, вмѣсто того чтобы увеличить, въ дѣйствительности уменьшили производительность труда, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но уменьшеніе конкурренціи изъ-за земли въ еще того большей степени понизило ренту, и заработная плата поднялась такъ высоко, что для пониженія ея прибѣгли къ силѣ и карательнымъ законамъ. Совершенно противоположное дѣйствіе оказала монополизація земли въ Англіи въ царствованіе Генриха VIII, а именно захватъ общинныхъ земель и раздѣленіе церковныхъ земель между разными случайными лицами, которыя такимъ образомъ получили возможность сдѣлаться родоначальниками аристократическихъ фамилій. Результатомъ было какъ разъ то самое, къ чему ведетъ и спекулятивное повышеніе земельныхъ цѣнностей. Согласно Мальтусу (который, въ своихъ «Принципахъ политической экономіи» упоминаетъ фактъ, не ставя его въ связь съ формами землевладѣнія), въ царствованіе Генриха VII, полъ-бушеля пшеницы равнялось по цѣнности безъ малаго одному рабочему дню простого рабочаго, а въ послѣднее время царствованія Елизаветы полъ-бушеля пшеницы равнялось уже тремъ такимъ рабочимъ днямъ. Я съ трудомъ могу вѣрить, чтобы сокращеніе заработной платы могло быть столь значительнымъ, какъ указываетъ это сравненіе; но что заработная плата падала, и среди рабочихъ классовъ обнаруживалась крайняя бѣдность, ясно уже изъ жалобъ на «упорныхъ бродягъ» и изъ постановленій направленныхъ къ подавленію бродяжничества. Быстрая монополизація земли, переходъ спекулятивной линіи ренты за предѣлы нормальной, вызывали бродяжничество и пауперизмъ, все равно какъ въ недавнее время подобные же результаты и отъ подобныхъ же причинъ проявлялись въ Соединенныхъ Штатахъ.

«Земля, которая ранѣе сдавалась за двадцать или за сорокъ фунтовъ въ годъ», говорилъ Гюго Летимеръ, «теперь сдается за пятьдесятъ или за сто. Мой отецъ былъ арендаторомъ и не имѣлъ собственной земли; онъ только арендовалъ ферму самое большее фунта за три или за четыре въ годъ, обрабатывая столько земли, что кормилъ семейство изъ шести человѣкъ. Онъ имѣлъ пастбище на сто барановъ, а моя мать доила тридцать штукъ коровъ; чтобы служить королю, онъ въ состояніи былъ пріобрѣсти

воинскіе доспѣхи для себя и для своей лошади и надѣвалъ ихъ, когда отправлялся въ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ получать плату отъ своего короля. У меня еще сохранилось въ памяти, какъ я застегивалъ его латы, когда онъ отправлялся на Блекхитское поле. Онъ посылалъ меня въ школу; онъ выдалъ замужъ моихъ сестеръ, давъ за каждой по пяти фунтовъ, и воспитавъ ихъ въ благочестіи и страхѣ божіемъ. Онъ оказывалъ гостепріимство своимъ сосѣдямъ и подавалъ милостыню бѣдняку. И все это онъ дѣлалъ благодаря той фермѣ, за которую теперешній арендаторъ ея уплачиваетъ ежегодно по шестнадцати фунтовъ и болѣе, оказываясь не въ состояніи дѣлать что-либо для своего государя, для себя, или для своихъ дѣтей, не имѣя даже возможности напоить бѣдняка».

«Такимъ-то образомъ и происходитъ», говорилъ Томасъ Моръ, указывая на изгнаніе мелкихъ фермеровъ, которымъ характеризовался ростъ ренты, «что всѣ эти несчастныя существа, мужчины, женщины, супруги, вдовы, родители съ малыми дѣтьми, главы семействъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ богатыхъ,—покидаютъ свои родныя поля, не зная куда имъ дѣваться».

И вотъ изъ плоти и крови Легимеровъ и Моровъ,—изъ того могучаго духа, который далъ силу кричать изъ пламени оксфордскаго костра: «Будь мужчиной, Мистеръ Ридли!», и изъ той смѣси силы и нѣжности, на которую не вліяло богатство и не дѣйствовалъ топоръ палача, — стали вырабатываться воры и бродяги, вся та масса преступниковъ и нищихъ, которая теперь, какъ ржа, поражаетъ самыя нѣжныя лепестки англійской ро и, какъ червь, точитъ ее при самомъ корнѣ.

Впрочемъ, говорить объ этомъ все равно, что приводить историческіе примѣры для силы всемірнаго тяготѣнія. Нашъ принципъ столь же всеобщъ и столь же очевиденъ. Что рента *должна* уменьшать заработную плату, столь же ясно, какъ и то, что остатокъ долженъ уменьшаться, когда увеличивается вычитаемое. Что рента и на самомъ дѣлѣ уменьшаетъ заработную плату, это всякій, гдѣ бы онъ ни былъ, можетъ увидѣть, только оглянувшись вокругъ себя.

Отнюдь не представляютъ изъ себя тайны тѣ причины, которыя такъ внезапно и столь значительно подняли заработную плату въ Калифорніи въ 1849 году и въ Австраліи въ 1852. Именно открытіе розсыпей на никому не принадлежавшихъ земляхъ, къ которымъ трудъ имѣлъ свободный доступъ, подняло заработокъ поваровъ въ ресторанахъ Санъ-Франциско до 500 долларовъ въ мѣсяцъ и сдѣлало то, что судамъ приходилось гнить въ заливѣ безъ офицеровъ или команды, пока ихъ собственники не соглашались платить такого жалованья, какое во всякомъ другомъ мѣстѣ земного шара показалось бы баснословнымъ. Будь эти розсыпи на чьей нибудь землѣ или будь эти земли немедленно монополизированы, такъ что могла бы воз-

никнуть рента, и уже не заработная плата, а земельныя цѣнности устремились бы вверхъ. Кёмстокская залежь была богаче, чѣмъ розсыпи, но Кёмстокская залежь была быстро монополизирована, и только лишь благодаря могущественной организаціи Ассоціаціи Рудокоповъ и опасеніямъ того вреда, какой она можетъ нанести—лишь благодаря этому люди имѣютъ возможность получать четыре доллара въ день за работу, при которой они обливаются потомъ отъ жары на глубинѣ двухъ тысячъ футовъ, куда воздухъ, которымъ они дышатъ, приходится накачивать сверху. Богатство Кёмстока пошло на увеличеніе ренты. Продажная цѣна этихъ копей поднялась до сотенъ милліоновъ, и благодаря имъ въ рукахъ частныхъ лицъ образовались такія состоянія, что одинъ только мѣсячный доходъ съ нихъ оцѣнивается сотнями тысячъ, если не милліонами. Не представляетъ тайны и та причина, которая вызвала пониженіе заработной платы въ Калифорніи отъ максимума прежнихъ временъ почти до одного уровня съ заработной платой въ Восточныхъ Штатахъ, пониженіе, продолжающееся и теперь. Производительность труда не уменьшилась, напротивъ того, какъ было доказано мною ранѣе, увеличилась; но изъ того, что трудъ производитъ, ему приходится теперь уплачивать ренту. По мѣрѣ того какъ истощались розсыпи, труду приходилось обращаться къ рудникамъ и къ полевымъ землямъ, а такъ какъ была допущена монополизація ихъ, то люди и ходятъ теперь по улицамъ Санъ-Франциско, и ищутъ работы хоть-бы за какую нибудь плату, — ибо къ природѣ и ея силамъ трудъ уже не имѣетъ болѣе свободнаго доступа.

Истина очевидна сама по себѣ. Предложите какому нибудь человѣку, способному къ послѣдовательному мышленію, такой вопросъ:

«Предположите, что изъ Ла-Манша или изъ Нѣмецкаго моря показалась бы никому не принадлежащая земля, на которой простые рабочіе и въ неограниченномъ числѣ могли бы зарабатывать по десяти шиллинговъ въ день, и которая оставалась бы никому непринадлежащей и доступной для каждаго, подобно тѣмъ общиннымъ землямъ, которыя нѣкогда составляли столь значительную часть англійской земли. Какое дѣйствіе оказало бы это на заработную плату въ Англіи?»

Всякій человѣкъ вамъ сразу отвѣтилъ бы, что обычная заработная плата повсюду въ Англіи должна бы была вскорѣ возрасти до десяти шиллинговъ въ день.

А въ отвѣтъ на другой вопросъ: «Какое бы дѣйствіе оказало это на арендную плату?», онъ, послѣ минутнаго размышленія, сказалъ бы, что арендная плата необходимо должна бы была упасть, и, вникнувъ въ ближайшія послѣдствія, сказалъ бы, что все это совершилось бы безъ отклоненія сколь нибудь значительной доли англійскаго труда къ этимъ новымъ естественнымъ источникамъ богатства и безъ сколь нибудь серьезнаго измѣненія въ фор-

махъ и направленіи промышленности; и только тотъ родъ производства былъ бы брошенъ, который даетъ теперь труду и собственнику земли вмѣстѣ меньше, чѣмъ сколько трудъ могъ бы добыть себѣ въ этихъ новыхъ областяхъ примѣненія. Огромное повышеніе заработной платы совершилось бы на счетъ ренты.

Возьмите теперь этого человѣка или какого нибудь другого, — какого нибудь крѣпко-головаго дѣловаго человѣка, у котораго нѣтъ теорій, но который умѣетъ наживать деньги. Скажите ему: «Вотъ маленькая деревушка; чрезъ десять лѣтъ она будетъ большимъ городомъ, — черезъ десять лѣтъ желѣзная дорога замѣнитъ собой почтовыя кареты, и электрическій свѣтъ — свѣчу; въ ней будетъ множество разныхъ машинъ и улучшеній, которыя въ такой огромной степени увеличиваютъ производительность труда. Повысится ли на сколько нибудь за эти десять лѣтъ процентъ?»

Онъ вамъ отвѣтитъ: «Нѣтъ»!

«Повысится ли заработокъ простого рабочаго: будетъ ли легче человѣку, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ его труда, устроить себѣ независимую жизнь?»

Онъ вамъ скажетъ, «Нѣтъ, заработная плата обыкновеннаго рабочаго нимало не повысится; напротивъ того, можно думать, что она будетъ ниже; для простого рабочаго не будетъ легче устроить себѣ независимую жизнь; можно думать, что это будетъ труднѣе».

«Что же, въ такомъ случаѣ, повысится?»

«Рента, цѣнность земли. Пріобрѣтайте-ка себѣ участокъ земли, да и держитесь за него».

И если, при такихъ обстоятельствахъ, вы послѣдуете его совѣту, то отъ васъ ничего больше и не потребуется. Вы можете посиживать себѣ, да покуривать трубочку; вы можете улечься въ кружокъ какъ неаполитанскіе лаццарони или какъ мексиканскіе леперосъ; вы можете подняться въ воздушномъ шарѣ или опуститься въ какое нибудь углубленіе въ землѣ; и не ударивъ пальца о палецъ, не прибавивъ ни іоты къ богатству общества, чрезъ десять лѣтъ вы сдѣлаетесь богачемъ! Въ новомъ городѣ вы будете имѣть роскошный дворецъ; но среди его общественныхъ зданій будетъ и богадѣльня.

Въ теченіе всего нашего долгаго изслѣдованія мы приближались къ такой простой истинѣ: такъ какъ земля необходима для затраты труда на производство богатства, то владѣть землею, которая необходима для труда, значитъ владѣть всѣми плодами труда, за вычетомъ той доли, которой достаточно для того, чтобы дать возможность труду существовать. Мы шли впередъ какъ бы по непріятельской землѣ, гдѣ каждый шагъ долженъ быть обезпеченъ, каждая позиція укрѣплена и каждый закоулокъ обысканъ; ибо эта простая

истина, въ ея примѣненіи къ общественнымъ и политическимъ проблемамъ, бываетъ скрыта отъ народныхъ массъ частію вслѣдствіе самой своей простоты, а главнымъ образомъ вслѣдствіе тѣхъ широкораспространенныхъ заблужденій и ошибочныхъ привычекъ мысли, которыя побуждаютъ людей искать во всѣхъ направленіяхъ, за исключеніемъ истиннаго, объясненія тѣхъ золъ, которыя гнетутъ и держатъ въ страхѣ цивилизованный міръ. А за этими выработанными заблужденіями и запутанными теоріями стоитъ дѣятельная, энергичная сила, которая во всѣхъ странахъ, каковы бы ни были ихъ политическія формы,—диктуетъ законы и формуетъ мысль, сила могучаго и властнаго денежнаго интереса.

Но такъ проста и ясна эта истина, что стоитъ ее только разъ замѣтить, чтобы потомъ уже всегда ее узнавать. Есть такія картинки, на которыя смотришь и видишь только какія-то смутныя очертанія или завитки, какой нибудь пейзажъ, деревья или что-нибудь въ этомъ родѣ, — пока не замѣтишь того, что всѣ эти изображенія вмѣстѣ образуютъ какое нибудь лице или фигуру. Разъ замѣчено это отношеніе, и оно уже всегда потомъ остается на виду. Вотъ также и въ нашемъ случаѣ. При свѣтѣ этой истины всѣ общественные факты группируются въ стройномъ порядкѣ, и самыя разнородныя явленія оказываются вытекающими изъ одного великаго принципа. Не въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ и не въ стѣсненіи народонаселенія предѣлами средствъ существованія слѣдуетъ искать объясненія уродливаго развитія нашей цивилизаціи. Великая причина неравенства въ распредѣленіи богатства заключается въ неравенствѣ въ землевладѣніи. Землевладѣніе есть великій основной фактъ, который въ концѣ концовъ опредѣляетъ собой общественное, политическое, а, слѣдовательно, и интеллектуальное и нравственное положеніе народа. Да такъ это и должно быть. Ибо земля есть жилище человѣка; складъ, изъ котораго онъ долженъ получать все необходимое, матеріалъ, къ которому долженъ быть прилагаемъ его трудъ ради удовлетворенія всѣхъ его желаній; ибо человѣкъ не можетъ даже взять того, что даетъ море, не можетъ пользоваться свѣтомъ солнца или утилизировать какую либо изъ силъ природы безъ того, чтобы не пользоваться землею или ея произведеніями. На землѣ мы родимся, отъ нея мы живемъ, въ нее мы возвращаемся; мы дѣти земли, такія же дѣти, какъ какая нибудь былинка или полевой цвѣтокъ. Возьмите отъ человѣка все то, что принадлежитъ землѣ, и останется лишь безплотный духъ. Матеріальный прогрессъ не можетъ освободить насъ отъ нашей зависимости отъ земли; онъ можетъ только увеличивать способность производить богатство изъ земли; и слѣдовательно, когда земля монополизирована, прогрессъ можетъ идти безконечно, нимало не увеличивая заработной платы и

не улучшая положенія тѣхъ, у кого есть только ихъ трудъ. Прогрессъ можетъ лишь увеличивать цѣнность земли и ту власть, какую даетъ владѣніе ею.

Повсюду, во всѣ времена, среди всѣхъ народовъ, владѣніе землею является опорою аристократіи, основою крупныхъ состояній, источникомъ власти. Какъ выразились брамины, вѣка тому назадъ:

«Кому въ какое либо время принадлежитъ земля, тому принадлежатъ плоды ея. Бѣлые зонтики и слоны, безумные отъ гордости, суть цвѣты жалованной грамоты на землю».

КНИГА VI.

Средство избавленія.

Новое и справедливое дѣленіе благъ и правъ этого міра должно быть главной цѣлью тѣхъ, которые руководятъ человѣческими дѣлами.

Токвилль.

Когда цѣль состоитъ въ томъ, чтобы надолго улучшить положеніе народа, тогда незначительныя средства не просто производятъ незначительное дѣйствіе, а вовсе не производятъ никакого дѣйствія.

Джонъ Стьюартъ Милль.

ГЛАВА I.

Неудовлетворительность средствъ, обыкновенно предлагаемыхъ.

Прослѣдивши до источника причину увеличивающейся бѣдности среди растущаго богатства, мы открыли и средство избавленія; но прежде чѣмъ перейти къ этой сторонѣ нашего предмета, будетъ полезно сдѣлать обзоръ тѣхъ мѣропріятій или тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно признаются за дѣйствительныя въ борьбѣ со зломъ, или предлагаются какъ таковыя. Средство, къ которому приводятъ насъ наши заключенія, есть въ одно и то же время и радикальное и простое: настолько радикальное, что, съ одной стороны, оно не будетъ должнымъ образомъ принято во вниманіе, пока будетъ оставаться какая либо вѣра въ дѣйствительность менѣе крутыхъ мѣръ;

настолько простое, что, съ другой стороны, его несомнѣнная дѣйствительность и простота, вѣроятно, не будутъ замѣчены, пока не будетъ оцѣнено дѣйствіе болѣе сложныхъ мѣръ.

Средства и мѣропріятія, которыя, судя по текущей литературѣ и публицистикѣ, болѣе или менѣе признаются и предлагаются, какъ способныя облегчить бѣдность и горе среди народныхъ массъ, могутъ быть раздѣлены на шесть классовъ. Я не говорю, чтобы существовало столько различныхъ партій или политико-экономическихъ школъ, но просто полагаю, что для цѣлей нашего изслѣдованія господствующія мнѣнія и предложенныя мѣры, могутъ быть такимъ образомъ сгруппированы для обзора. Средства, которыя ради большаго удобства и ясности мы будемъ разсматривать отдѣльно, часто комбинируются въ умахъ людей.

Есть много лицъ, которыя еще сохраняютъ ту удобную вѣру, что матеріальный прогрессъ въ концѣ концовъ уничтожитъ бѣдность, и много такихъ которыя въ благоразумномъ ограниченіи роста народонаселенія видятъ самое сильное врачующее средство; однако, ошибочность такого рода взглядовъ была уже достаточно выяснена. Разсмотримъ теперь, чего мы можемъ ожидать:

I. Отъ большей экономіи въ правительственныхъ расходахъ.

II. Отъ высшаго уровня образованія среди рабочихъ классовъ и отъ развитія среди нихъ трудолюбія и бережливости.

III. Отъ соглашенія рабочихъ съ цѣлью поднятія заработной платы.

IV. Отъ коопераціи труда и капитала.

V. Отъ правительственнаго руководства и вмѣшательства.

VI. Отъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія земли.

Подъ этими шестью заголовками мы можемъ, я полагаю, минуя частности, обозрѣть всѣ стремленія и предложенія, имѣющія цѣлью облегчить общественное бѣдствіе, кромѣ той простой, но серьезной мѣры, которую я имѣю предложить.

I. Отъ большей экономіи въ правительственныхъ расходахъ.

Весьма немного лѣтъ тому назадъ основнымъ догматомъ вѣры у Американцевъ, который раздѣлялся и европейскими либералами, было то положеніе, что бѣдность угнетенныхъ массъ Стараго Свѣта зависитъ отъ аристократическихъ и монархическихъ учрежденій. Это вѣрованіе быстро исчезло съ появленіемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при республиканскихъ учрежденіяхъ, общественнаго бѣдствія того же рода, если не той же силы, какъ то, которое замѣчается въ Европѣ. Однако общественное бѣдствіе это еще въ

широкой мѣрѣ приписывается чрезмѣрнымъ тягостямъ, которыя налагаютъ существующія правительства, — огромнымъ долгамъ, военнымъ и морскимъ расходамъ, расточительности, которой характеризуется какъ республиканскіе, такъ и монархическіе правители и, въ особенности, администрація большихъ городовъ. Къ этому, въ Соединенныхъ Штатахъ, слѣдуетъ еще прибавить грабежъ, заключающійся въ покровительственномъ тарифѣ, который ради каждыхъ двадцати пяти сентовъ, которые онъ даетъ казнѣ, беретъ долларъ, а можетъ быть и четыре или пять изъ кармана потребителя. Повидимому, существуетъ явная связь между огромными суммами, которыя такимъ образомъ берутъ съ народа, и лишеніями низшихъ классовъ, и при поверхностномъ взглядѣ естественно предположить, что уменьшеніе чрезмѣрныхъ тягостей, такъ безполезно налагаемыхъ, облегчило-бы бѣдняку добываніе средствъ къ жизни. Однако, разсмотрѣніе предмета при свѣтѣ тѣхъ экономическихъ принциповъ, которые мы передъ этимъ установили, показываетъ, что слѣдствіе будетъ не таково. Уменьшеніе той части, которую берутъ посредствомъ налоговъ съ суммы всего производимаго извѣстнымъ обществомъ, было бы просто равнозначуще увеличенію силы, непосредственно направленной на производство. Оно дѣйствительно подняло бы производительность труда, все равно какъ подняло бы ее увеличивающаяся плотность народонаселенія или развитіе техники. Но какъ въ первомъ случаѣ выгода достается и должна доставаться владѣльцамъ земли въ видѣ увеличенной ренты, такъ эта выгода досталась-бы землевладѣльцамъ и во второмъ случаѣ.

Въ настоящее время на продуктѣ труда и капитала Англіи лежитъ бремя огромнаго долга, установленной церкви, чрезмѣрныхъ расходовъ королевскаго дома, многочисленныхъ синекуристовъ, огромной арміи и флота. Предположите, что долгъ былъ бы отвергнутъ, церковь отдѣлена отъ государства, *королевскому дому предоставлено, какъ и всѣмъ людямъ, добывать себѣ средства къ жизни*, синекуры уничтожены, армія распущена, офицеры и матросы уволены и суда проданы. Такимъ образомъ сдѣлалось бы возможнымъ огромное сокращеніе въ налогахъ. Оказалось бы значительная прибавка къ той части продуктовъ, которая приходится на долю лицъ, принимающихъ участіе въ производствѣ. Однако, это была бы лишь такая прибавка, какую въ теченіе долгаго времени постоянно давали техническія усовершенствованія, притомъ не настолько большая, какъ та, которую дали паръ и машины въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ. И какъ прежнія прибавки не облегчили пауперизма, но увеличили только ренту, такъ не помогла бы и эта. Всю выгоду получили бы англійскіе землевладѣльцы. Не буду оспаривать, что если бы все это могло быть сдѣлано внезапно и безъ разрушенія и излишнихъ издержекъ, связанныхъ съ революціей, то могло бы наступить временное улучшеніе въ положеніи низшаго класса;

но, очевидно, такая внезапная и мирная реформа невозможна. Да будь она и возможна, всё же это временное улучшеніе было бы въ концѣ концовъ поглощенно возросшей стоимостью земли при помощи того процесса, который совершается въ настоящее время на нашихъ глазахъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, если бы мы сократили общественные расходы до возможнаго минимума и стали бы покрывать ихъ посредствомъ подоходнаго налога, то навѣрное отъ такого сокращенія было бы не больше пользы, чѣмъ сколько принесли желѣзныя дороги. Оставалось бы болѣе богатства въ рукахъ народа, въ его цѣломъ, какъ болѣе богатства поступало въ руки народа въ его цѣломъ и благодаря желѣзнымъ дорогамъ, но тѣ же самые неумолимые законы управляли бы его распредѣленіемъ. И положеніе тѣхъ людей, которые живутъ своимъ трудомъ, въ концѣ концовъ нисколько-бы не улучшилось.

Смутное сознаніе этой истины проникаетъ, или, скорѣе, начинаетъ проникать въ массы и является для американской республики однимъ изъ наиболѣе опасныхъ явленій. Тѣ, кто ничего не имѣетъ, кромѣ своего труда, и главнымъ образомъ городскіе пролетаріи,—растущій классъ,—мало тревожатся расточительностью правительства и во многихъ случаяхъ склонны смотрѣть на эту расточительность какъ на нѣчто хорошее, —«даютъ, молъ, работу», или «пускаютъ деньги въ оборотъ». Твидъ, который обобралъ Нью-Іоркъ такъ, какъ могъ обобрать, подъ видомъ дани, захваченный городъ только какой нибудь герильясскій предводитель (а Твидъ былъ лишь однимъ изъ представителей тѣхъ новыхъ бандитовъ, которые захватываютъ въ свои руки управленіе всѣхъ нашихъ городовъ), былъ безъ сомнѣнія популяренъ среди большинства избирателей, хотя воровство его было общеизвѣстно и захваты его всѣмъ бросались въ глаза по крупнымъ бриллiантамъ и чрезмѣрнымъ личнымъ расходамъ. А послѣ того, какъ противъ него было возбуждено судебное преслѣдованіе, онъ былъ съ тріумфомъ избранъ въ сенатъ. И даже когда онъ былъ пойманъ послѣ побѣга, къ нему часто обращались съ радостными привѣтствіями на его пути отъ суда до тюрьмы. Онъ обобралъ общество на много милліоновъ, но пролетаріи чувствовали, что онъ обобралъ не ихъ. И приговоръ политической экономіи таковъ же, какъ ихъ.

Меня могутъ невѣрно понять. Я не говорю, чтобы экономія въ правительственныхъ расходахъ была нежелательна; но говорю только, что сокращеніе въ расходахъ правительства не можетъ оказывать прямого дѣйствія на искорененіе бѣдности и увеличеніе заработной платы до тѣхъ поръ, пока земля будетъ оставаться монополизированной.

И хотя это и вѣрно, однако, даже имѣя въ виду только интересы низшаго класса, не должно щадить никакихъ усилій для того, чтобы устранить безполезные расходы. Чѣмъ сложнѣе и расточительнѣе становится прави-

тельство, тѣмъ болѣе оно стремится сдѣлаться силой, отличной и независимой отъ народа, и тѣмъ труднѣе становится доводить до народнаго рѣшенія вопросы серьезнаго общественнаго значенья. Посмотрите на наши выборы въ Соединенныхъ Штатахъ,—во что они превращаются? Самыя серьезныя проблемы стоятъ передъ нами, однако такъ велико значенье денегъ въ общественной дѣятельности, такъ сильно сказываются личныя интересы, что самые важные государственные вопросы разсматриваются лишь слегка. Средній американскій избиратель имѣетъ предразсудки, партійныя чувства, общія понятія извѣстнаго рода, но онъ думаетъ о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ немногимъ болѣе, чѣмъ лошадь на конножелѣзной дорогѣ о доходахъ линіи. Не будь этого, не могло бы сохраниться такъ много старинныхъ злоупотребленій и не прибавилось бы такъ много новыхъ. Все, что стремится сдѣлать правительство простымъ и недорогимъ, стремится поставить его подъ контроль народа и поставить на очередь вопросы дѣйствительной важности. Но сокращеніе правительственныхъ расходовъ само по себѣ не можетъ устранить или уменьшить зла, которое возникаетъ отъ постояннаго стремленія къ неравномѣрному распредѣленію богатства.

II. Отъ распространенія образованія и развитія трудолюбія и бережливости.

Существуетъ и всегда существовало вѣрованіе широко-распространенное между болѣе зажиточными классами, что бѣдность и страданіе массы зависятъ отъ того, что этой массѣ недостаетъ трудолюбія, бережливости и умственнаго развитія. Это вѣрованіе, въ одно и то же время заглушающее сознаніе отвѣтственности и льстящее своимъ намекомъ на превосходство, вѣроятно, даже болѣе распространено въ такихъ странахъ, какъ Соединенные Штаты,—гдѣ всѣ люди политически равны, и гдѣ, благодаря новизнѣ общества, раздѣленіе на классы касалось скорѣе отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ семействъ,—нежели въ странахъ болѣе старыхъ, гдѣ линіи раздѣла были проведены дальше и глубже. Для тѣхъ, которые могутъ приписать свое собственное лучшее положеніе большему трудолюбію и бережливости, которыя дали имъ возможность стать на ноги, и большему развитію умственныхъ способностей, которое сдѣлало ихъ способными пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ *), вполнѣ естественно вообразить, что другіе остались бѣдными просто вслѣдствіе недостатка въ этихъ качествахъ.

Однако всякій, кто понялъ законы распредѣленія богатства изложенные въ предъидущихъ главахъ, замѣтитъ ошибочность такого взгляда. Заблуж-

*) Не будемъ говорить о большемъ недостаткѣ совѣсти, который часто бываетъ причиной того, что дѣлается милліонеромъ человѣкъ, который иначе могъ бы остаться бѣднякомъ.

деніе это подобно тому, какъ если бы кто сказалъ, что всѣ состязающіеся могутъ обогнать прочихъ. Что каждый можетъ обогнать—вѣрно, но чтобы всѣ могли обогнать другъ друга—это невозможно.

Ибо, какъ скоро земля получила цѣнность, рабочая плата, какъ мы видѣли, уже не зависитъ отъ дѣйствительной доходности или производительности труда, но обусловливается тѣмъ богатствомъ, которое остается на долю труда за вычетомъ ренты; и когда земля совершенно монополизируется, какъ это имѣетъ мѣсто повсюду, кромѣ самыхъ новыхъ странъ, рента должна низвести рабочую плату до такого состоянія, при которомъ наименѣе оплачиваемый классъ будетъ способенъ только существовать и плодиться, и потому рабочая плата неизбѣжно стремится къ минимуму, который опредѣляется тѣмъ что называется уровнемъ существованія, то-есть суммой средствъ для удовлетворенія необходимыхъ и привычныхъ потребностей, которую въ силу обычая требуютъ рабочіе классы, какъ самое меньшее, на что они согласятся, не уменьшаясь въ своей численности. При такомъ положеніи дѣла, трудолюбіе, искусство, бережливость и умственное развитіе могутъ быть выгодны для индивидуума только до тѣхъ поръ, пока онъ стоятъ выше общаго уровня,—все равно какъ во время бѣга быстрота можетъ быть выгодна для состязающагося лишь по стольку, по скольку она превосходитъ быстроту прочихъ участвующихъ въ бѣгѣ. Если какой-либо человѣкъ работаетъ сильнѣе или съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ, чѣмъ другіе, онъ опередитъ ихъ; но если средній уровень трудолюбія, искусства или умственнаго развитія подымается до этой высшей точки, то эта высшая степень прилежанія будетъ обезпечивать лишь прежній размѣръ заработной платы, и кто пожелалъ бы заработать больше, долженъ бы былъ работать еще сильнѣе.

Извѣстное лицо можетъ откладывать деньги изъ своего заработка, слѣдуя тому образу жизни, какой велъ Д-ръ Франклинъ, когда онъ, во время своего ученичества и первое время по окончаніи его, рѣшился придерживаться вегетаріанизма; и многія бѣдныя семейства могли бы жить въ большемъ довольствѣ, если бы научились приготовлять тѣ дешевыя кушанья, которыми Франклинъ пытался ограничивать аппетитъ своего хозяина Кеймера, принявъ на себя, подъ этимъ условіемъ, обязанность опровергать противниковъ той новой религіи, провозвѣстникомъ которой желалъ сдѣлатся Кеймеръ *); но если бы рабочіе классы вообще рѣшились жить такимъ образомъ, то рабочая плата въ концѣ концовъ соотвѣтственно упала бы, и тотъ, кто поже-

*) Франклинъ, съ своимъ неподражаемымъ искусствомъ, разсказываетъ, какъ Кеймеръ, наконецъ, не выдержалъ и, заказавъ жаренаго поросенка, пригласилъ къ себѣ обѣдать двухъ своихъ пріятельницъ; поросенка однако принесли ранѣе, чѣмъ прибыли гости, Кеймеръ не устоялъ противъ искушенія и съѣлъ его одинъ.

лалъ бы увеличить свои средства, придерживаясь экономіи такого рода, или облегчить бѣдность, рекомендуя такую экономію, принужденъ бы былъ придумать еще болѣе дешевый способъ удерживать вмѣстѣ душу и тѣло. Если бы, при существующихъ условіяхъ, американскіе ремесленники опустились до китайской нормы существованія, то они въ концѣ концовъ должны бы были опуститься и до китайской нормы заработной платы; или если бы англійскіе рабочіе удовольствовались небольшой порціей риса и едва прикрывающей тѣло одеждой жителя бенгальской области, то и трудъ въ Англіи въ скоромъ времени сталъ бы также плохо оплачиваться, какъ въ Бенгальской области. Отъ введенія картофеля въ Ирландіи ожидали улучшенія въ положеніи болѣе бѣдныхъ классовъ общества, въ виду увеличенія разницы между заработной платой, которую они получали, и стоимостью ихъ жизни. Послѣдствія, обнаружившіяся на самомъ дѣлѣ, были возвышеніе ренты и пониженіе заработной платы, а при неурожаѣ картофеля ужасы голода среди населенія, которое уже настолько понизило свою норму благосостоянія что ближайшей ступенью сдѣлалось голоданіе.

Такимъ же образомъ, если одинъ какой-либо человѣкъ работаетъ болѣе часовъ, чѣмъ прочіе, то онъ увеличиваетъ свой заработокъ; но заработокъ у всѣхъ не можетъ быть увеличенъ такимъ способомъ. Всѣмъ извѣстно, что въ занятіяхъ, въ которыхъ работаютъ большее число часовъ, заработная плата бываетъ не выше, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ работаютъ меньшее число часовъ; вообще бываетъ наоборотъ, потому что чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ болѣе безпомощнымъ становится рабочій,—тѣмъ менѣе времени имѣетъ онъ, чтобы оглянуться вокругъ себя и развить въ себѣ другія силы помимо тѣхъ, которыя требуются его работой, тѣмъ меньше онъ становится способенъ перемѣнить свое занятіе и воспользоваться обстоятельствами на пользу себѣ; такимъ же образомъ, какой нибудь отдѣльный рабочій, который заставитъ свою жену и дѣтей помогать ему, можетъ тѣмъ самымъ увеличить свой доходъ; однако въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ сдѣлалось обычнымъ для жены и дѣтей рабочаго помогать ему своей работой, какъ всѣмъ извѣстно, заработокъ, добываемый всѣмъ семействомъ, въ среднемъ, не превосходитъ заработка главы семейства въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ существуетъ обычай, чтобы работалъ только онъ. Трудъ швейцарскаго семейства въ часовомъ промыслѣ конкуррируетъ дешевизной съ американскимъ машиннымъ производствомъ. Чешскіе сигарные мастера въ Нью-Іоркѣ, работающіе вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми въ ночлежныхъ пріютахъ, понизили плату за выработку сигаръ до меньшаго размѣра, чѣмъ сколько получали китайцы въ Санъ-Франциско.

Эти общіе факты хорошо извѣстны. Они вполнѣ признаются въ классическихъ политико-экономическихъ сочиненіяхъ, гдѣ, однако, они объясняются на основаніи теоріи Мальтуса — стремленія населенія размножаться свыше

предѣла существованія. Истинное объясненіе, какъ я достаточно показалъ, заключается въ стремленіи ренты понижать заработную плату.

Относительно значенія образованія слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо, въ виду господствующаго расположенія приписывать ему нѣчто вродѣ магическаго вліянія. Вѣдь образованіе лишь постольку можетъ считаться образованіемъ, поскольку оно дѣлаетъ человѣка способнымъ болѣе производительно пользоваться своими природными способностями, а то, что мы называемъ образованіемъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ такого дѣйствія. Я припоминаю одну маленькую дѣвочку, довольно сильную въ своей школьной географіи и астрономіи, которая была весьма удивлена, когда узнала, что поверхность двора ея матери есть на самомъ дѣлѣ часть земной поверхности, и если вы поговорите съ лицами, имѣющими ученыя степени, вы замѣтите, что значительная часть ихъ знаній весьма похожа на познанія этой маленькой дѣвочки. Они рѣдко разсуждаютъ лучше людей, которые никогда не были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, иногда даже уступая имъ.

Одинъ господинъ, который много лѣтъ провелъ въ Австраліи и близко ознакомился съ нравами туземцевъ (Д-ръ Близдель, миссіонеръ), приведя въ разговорѣ со мной нѣсколько примѣровъ ихъ удивительнаго искусства въ употребленіи ихъ оружія, въ предсказываніи перемѣнъ вѣтра и погоды и въ ловлѣ самыхъ пугливыхъ птицъ, выразился такимъ образомъ: «Я считаю большой ошибкой смотрѣть на этихъ чернокожихъ пріятелей какъ на невѣждъ. Ихъ знанія отличаются отъ нашихъ, но они вообще лучше научаются имъ. Едва только они начинаютъ ходить въ дѣтствѣ, какъ уже учатся играть маленькимъ бумерангомъ и прочимъ оружіемъ, наблюдать и разсуждать, а когда достигаютъ возраста, въ которомъ люди уже сами заботятся о себѣ, они бываютъ вполнѣ способны къ этому, бываютъ, дѣйствительно, принимая во вниманіе характеръ ихъ знанія, тѣмъ, что я долженъ бы былъ назвать хорошо образованными людьми; и я могу назвать ихъ такъ съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ многихъ нашихъ молодыхъ людей, которые, какъ мы выражаемся, имѣли всѣ удобства для своего развитія, но которые вступаютъ въ зрѣлый возрастъ неспособными дѣлать что либо для себя или для другихъ».

Какъ бы то ни было, очевидно, что умственное развитіе, которое есть и должно быть цѣлью образованія, до тѣхъ поръ пока оно не побуждаетъ и не дѣлаетъ способной народную массу къ открытію и устраненію причины неравномѣрнаго распредѣленія богатства, можетъ вліять на заработную плату, только лишь увеличивая производительность труда. Оно оказываетъ тоже дѣйствіе, какъ развитіе искусства или трудолюбія, и можетъ повышать заработную плату отдѣльныхъ личностей лишь до тѣхъ поръ, пока эти лица выдѣляются изъ ряда прочихъ. Въ то время, когда чтеніе и письмо были

рѣдкими искусствами, клеркъ пользовался высокимъ уваженіемъ и получалъ высокую плату, а теперь умѣнье читать и писать сдѣлалось настолько распространеннымъ, что почти не даетъ преимущества. Китайцы, кажется, всѣ безъ исключенія умѣютъ читать и писать, однако заработная плата въ Китаѣ стоитъ на самой низкой, какая только возможна, точкѣ. Распространеніе образованія, если исключить то обстоятельство, что оно можетъ дѣлать людей недовольными тѣмъ состояніемъ вещей, при которомъ производители ведутъ труженическую жизнь, а не-производители живутъ-себѣ въ роскоши, не можетъ повсюду повысить заработной платы или какимъ либо способомъ улучшить положеніе низшаго класса,—этого «грязнаго основанія», общества, какъ однажды назвалъ его одинъ сенаторъ изъ южныхъ штатовъ,—остающагося на землѣ, какъ бы высоко не подымалось надъ нимъ зданіе. Никакое увеличеніе производительной силы труда не можетъ въ общемъ увеличить заработной платы до тѣхъ поръ пока рента будетъ поглощать всю выгоду. Это не просто выводъ изъ принциповъ. Это фактъ, извѣданный на опытѣ. Ростъ знанія и прогрессъ изобрѣтеній уже неоднократно въ огромной степени увеличивали производительную силу труда, не повышая заработной платы. Въ Англіи считается свыше милліона жертвъ пауперизма. Въ Соединенныхъ Штатахъ богадѣльни растутъ, а заработная плата падаетъ.

Правда, большее трудолюбіе и искусство, большее благоразуміе и болѣе высокое умственное развитіе встрѣчаются, какъ правило, въ тѣсной связи съ лучшимъ матеріальнымъ положеніемъ рабочихъ классовъ; однако факты показываютъ, что это есть слѣдствіе, а не причина. Всюду за улучшеніемъ матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ слѣдовало повышеніе ихъ личныхъ качествъ, и всюду результатомъ ухудшенія ихъ матеріальнаго положенія былъ упадокъ этихъ качествъ; но нигдѣ нельзя было замѣтить, чтобы улучшеніе матеріальнаго положенія являлось результатомъ развитія трудолюбія, искусства, благоразумія или образованія среди класса общества, осужденнаго на тяжелый трудъ изъ-за самыхъ ограниченныхъ средствъ къ жизни, хотя качества эти, будучи разъ достигнуты (или, скорѣе, сопутствующее имъ повышеніе нормы благосостоянія), оказываютъ сильное и во многихъ случаяхъ достаточное сопротивленіе ухудшенію его матеріальнаго положенія.

Дѣло въ томъ, что тѣ качества, которыя ставятъ человѣка выше животныхъ, покоятся на тѣхъ, которыя онъ раздѣляетъ съ животными, и его умственная и нравственная природа можетъ развиваться лишь тогда, когда онъ освобождается отъ нуждъ своей животной природы. Принудьте человѣка къ тяжелой и грязной работѣ ради удовлетворенія однихъ только животныхъ потребностей, и онъ утратитъ побужденіе къ трудолюбію, этой основѣ искусства,—и будетъ дѣлать лишь то, что его заставляютъ дѣлать. Дове-

дите его до такого положенія, которое не можетъ много ухудшиться, пусть въ то же время у него будетъ мало надежды на то, чтобы все, что онъ можетъ сдѣлать, существенно улучшило его положеніе, и онъ перестанетъ заботиться о завтрашнемъ днѣ. Отымите у людей досугъ, а досугъ означаетъ собой не недостатокъ занятія, а отсутствіе той крайности, которая принуждаетъ людей къ занятію не по душѣ, и вы не можете сдѣлать ихъ просвѣщенными, даже посылая дѣтей въ общественную школу и снабжая каждаго газетой.

Правда, улучшеніе матеріальнаго положенія какого либо народа или класса общества можетъ не обнаружиться непосредственно въ умственномъ и нравственномъ улучшеніи. Увеличеніе заработной платы можетъ сначала сказаться въ праздности и безпутной жизни. Но оно поведетъ въ концѣ концовъ къ развитію трудолюбія, искусства, просвѣщенія и благосостоянія. Сравненіе между различными странами, между различными классами общества въ одной и той же странѣ, между одними и тѣми же людьми въ различные періоды времени и между одними и тѣми же людьми, когда ихъ условія измѣнились вслѣдствіе эмиграціи, показываетъ, что тѣ личныя качества, о которыхъ мы говоримъ, обязательно являются, если улучшаются матеріальныя условія, и неизбѣжно пропадаютъ, когда матеріальныя условія ухудшаются. Бѣдность есть та Бездна Отчаянія, которую въ своемъ воображеніи видѣлъ Бёньэнъ, и въ которую вѣчно можно валить прекрасныя книги безъ всякаго результата. Чтобы сдѣлать людей трудолюбивыми, благоразумными, искусными и просвѣщенными, должно освободить ихъ отъ нужды. И если вы хотите, чтобы рабъ проявилъ доблести свободнаго человѣка, вы должны дать ему сначала свободу.

III. Отъ соглашеній рабочихъ.

Изъ законовъ распредѣленія, которые мы предварительно выяснили, очевидно, что соглашенія рабочихъ могутъ повысить заработную плату, и притомъ не на счетъ другихъ рабочихъ, какъ иногда утверждаютъ, и не на счетъ капитала, какъ вообще полагаютъ; но въ концѣ концовъ на счетъ ренты. Что никакое общее повышеніе заработной платы не можетъ быть достигнуто посредствомъ соглашенія, что всякое повышеніе извѣстнаго вида заработной платы, достигаемое такимъ образомъ, должно понизить другіе виды заработной платы или проценты на капиталъ, или и то и другое, — все это идеи, вытекающія изъ ложнаго взгляда, будто заработная плата берется изъ капитала. Ложность этихъ идей доказывается не только тѣми законами распредѣленія, которые мы установили, но и опытомъ, поскольку онъ имѣлъ мѣсто. Повышеніе заработной платы въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышлен-

ности благодаря соглашеніямъ рабочихъ, а такого повышенія существуетъ много примѣровъ, нигдѣ не обнаруживало какого либо вліянія въ смыслѣ пониженія заработной платы въ другихъ отрасляхъ промышленности или уменьшенія размѣровъ процента. Что касается предпринимателя, то поскольку этимъ не затрогивается его основной капиталъ или текущія обязательства, всякое паденіе заработной платы можетъ быть благодѣтельнымъ для него, а повышеніе вреднымъ лишь до тѣхъ поръ, пока оно даетъ ему выгоду или наноситъ ущербъ сравнительно съ другими предпринимателями. Предприниматель, который первый понижаетъ плату своимъ рабочимъ или который первый бываетъ принужденъ платить имъ больше, получаетъ выгоду или несетъ ущербъ, сравнительно съ своими конкуррентами, но эта выгода или ущербъ прекращается, когда движеніе охватываетъ также и этихъ послѣднихъ. Однако, поскольку измѣненіе заработной платы касается уже заключенныхъ обязательствъ предпринимателя или его запасовъ, измѣняя относительную стоимость производства, постольку измѣненіе это можетъ быть для него дѣйствительной выгодой или потерей, хотя эта выгода или потеря, будучи чисто относительными, исчезаютъ для наблюдателя разсматривающаго цѣлое общество. Если измѣненіе въ заработной платѣ производитъ измѣненіе въ относительномъ спросѣ, оно можетъ сдѣлать основной капиталъ заключающійся въ машинахъ, зданіяхъ или въ чемъ-либо иномъ, болѣе или менѣе прибыльнымъ. Однако, въ этомъ случаѣ вскорѣ наступаетъ новое равновѣсіе; ибо основный капиталъ, особенно въ прогрессирующей странѣ, бываетъ лишь немногимъ менѣе подвиженъ, чѣмъ оборотный. Если его слишкомъ мало въ извѣстной формѣ, то стремленіе капитала принимать эту форму вскорѣ увеличиваетъ количество его до потребной суммы; если его слишкомъ много, то вскорѣ возстановляется уровень остановкой въ приращеніи капитала.

Но, хотя измѣненіе въ размѣрѣ заработной платы въ какомъ либо отдѣльномъ занятіи и можетъ вызвать измѣненіе въ относительномъ спросѣ на трудъ, все же оно не можетъ произвести никакого измѣненія въ спросѣ на трудъ въ его совокупности. — Напримѣръ, предложимъ что стачка рабочихъ, занятыхъ въ какомъ либо отдѣльномъ фабричномъ производствѣ, подымаетъ заработную плату въ одной странѣ, тогда какъ стачка предпринимателей понижаетъ заработную плату въ томъ же самомъ производствѣ въ другой странѣ. Если это измѣненіе будетъ достаточно велико, то спросъ или часть спроса въ первой странѣ будетъ покрываться ввозомъ такихъ-же фабрикатовъ изъ другой страны. Но, очевидно, увеличеніе ввоза извѣстнаго рода товара должно необходимо вызвать или соотвѣтственное уменьшеніе ввоза другихъ товаровъ, или соотвѣтственное увеличеніе вывоза. Ибо всякая страна можетъ требовать или получать произведенія труда и капитала какой либо другой страны въ обмѣнъ лишь на произведенія своего труда. Мысль, что пониженіе зара-

ботной платы можетъ увеличить, или повышеніе заработной платы можетъ уменьшить промышленность какой либо страны, такъ же безосновательна, какъ мысль, что благоденствіе какой либо страны можетъ быть увеличено посредствомъ пошлинъ на ввозимые товары или уменьшено посредствомъ отмѣны ограниченій торговли. Если бы въ какой либо странѣ заработная плата во всѣхъ отрасляхъ промышленности удвоилась, то страна эта продолжала бы вывозить или ввозить тѣ же самые товары и въ одной и той же пропорціи; ибо обмѣнъ опредѣляется не абсолютной, а относительной стоимостью производства. Но если бы заработная плата въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства удвоилась, а въ другихъ не увеличилась, или увеличилась не въ такой мѣрѣ, то измѣнилась бы пропорція ввоза различныхъ товаровъ, хотя и не было бы измѣненія въ пропорціи между ввозомъ и вывозомъ.

Хотя большая часть возраженій, дѣлаемыхъ противъ соглашеній рабочихъ съ цѣлью поднятія заработной платы, оказывается такимъ образомъ лишенной основанія, — успѣхъ такихъ соглашеній не можетъ уменьшить заработка другихъ рабочихъ или понизить процента на капиталъ, или вредно отразиться на національномъ благоденствіи, — тѣмъ не менѣе настолько велики трудности на пути къ соглашеніямъ работниковъ, дѣйствительно достигающимъ цѣли, что то благо, которое можетъ быть достигнуто посредствомъ ихъ, представляется крайне ограниченнымъ, между тѣмъ какъ съ самымъ существомъ дѣла связаны извѣстныя неудобства.

Повысить заработную плату въ одномъ или нѣсколькихъ занятіяхъ, а это все, чего могло добиться какое либо соглашеніе рабочихъ изъ устраивавшихся до сего времени, очевидно составляетъ задачу, трудность которой прогрессивно возрастаетъ. Ибо чѣмъ выше подымается заработная плата въ какой либо отрасли промышленности надъ ея обычнымъ уровнемъ, тѣмъ съ большей силой проявляются стремленія вернуть ее назадъ. Такъ, если какой либо союзъ типографщиковъ посредствомъ осуществленной или угрожаемой забастовки подымаетъ плату за наборъ на десять процентовъ выше ея нормальнаго размѣра, сравнительно въ другими видами зарабтной платы, то это сразу сказывается на относительномъ спросѣ и предложеніи труда. Съ одной стороны, является стремленіе къ пониженію спроса на наборъ, а съ другой, болѣе высокій размѣръ заработной платы стремится увеличить число наборщиковъ, чего самое сильное соглашеніе не можетъ совершенно предупредить. Если бы увеличеніе было на двадцать процентовъ, то эти стремленія были бы еще сильнѣй; если бы оно равнялось пятидесяти процентамъ, то они сдѣлались бы еще сильнѣй, и такъ далѣе. Такъ что практически, — даже въ странахъ, подобныхъ Англіи, гдѣ границы между различными промыслами гораздо рѣзче и гдѣ переходъ отъ одного занятія къ другому труднѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, — то, чего могутъ достигнуть въ дѣлѣ поднятія

заработной платы рабочіе союзы, хотя бы и поддерживая другъ друга, представляетъ изъ себя сравнительно немногое, и это немногое, кромѣ того, ограничивается ихъ собственной сферой и не оказываетъ никакого вліянія на болѣе низкій слой неорганизованныхъ работниковъ, положеніе которыхъ всего болѣе нуждается въ облегченіи и въ концѣ концовъ опредѣляетъ собой положеніе всѣхъ тѣхъ, которые находятся выше ихъ. Единственный путь, посредствомъ котораго, пользуясь этимъ методомъ, заработная плата могла быть повышена до нѣкоторой степени и на болѣе или менѣе продолжительное время, состоитъ въ томъ всеобщемъ соглашеніи рабочихъ, къ которой стремилась Интернаціональ и которое должно было бы включить въ себя рабочихъ всѣхъ родовъ. Но такое соглашеніе можно считать практически невозможнымъ, ибо трудности соглашенія, достаточно большія въ случаѣ наиболѣе высоко оплачиваемыхъ и самыхъ ограниченныхъ промысловъ, становятся все значительнѣе и значительнѣе по мѣрѣ того какъ мы опускаемся до болѣе низкихъ ступеней промышленности.

Не должно забывать и тѣхъ партій, которыя въ дѣйствительности стоятъ одна противъ другой въ упорной и продолжительной борьбѣ, представляющей единственный способъ, посредствомъ котораго соглашеніе не работать за плату меньшую извѣстнаго минимума, можетъ вліять на повышеніе заработной платы. Это не трудъ и капиталъ. Это рабочіе съ одной стороны и землевладѣльцы съ другой. Если бы борьба велась между трудомъ и капиталомъ, она велась бы при значительно болѣе равныхъ условіяхъ. Ибо капиталъ можетъ выдерживать сопротивленіе лишь немногимъ болѣе, чѣмъ трудъ. Капиталъ не только перестаетъ приносить что-либо, когда имъ не пользуются, но даже теряется,—ибо почти во всѣхъ своихъ формахъ онъ можетъ поддерживаться лишь путемъ постояннаго воспроизведенія. Но земля не будетъ голодать подобно рабочимъ и не будетъ теряться подобно капиталу,—ея владѣльцы могутъ ждать. Правда, имъ можно причинить неудобство, но то, что для нихъ неудобство, есть разрушеніе для капитала и голодная смерть для рабочаго.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи земледѣльческіе рабочіе въ настоящее время стремятся соединиться для повышенія ихъ нищенски-низкой платы. Если бы огромная разница между дѣйствительной производительностью ихъ труда и тѣми крохами, которыя они получаютъ, доставалась капиталу, то имъ стоило бы только устроить дѣйствительное соглашеніе, чтобы добиться успѣха; ибо фермеры, ихъ прямые хозяева, могутъ обходиться безъ рабочихъ лишь немногимъ легче, если только легче, чѣмъ рабочіе безъ заработка. Но фермеры не могутъ прибавить многаго къ заработной платѣ безъ пониженія ренты; и такимъ образомъ, въ дѣйствительности, борьба должна завязаться между землевладѣльцами и рабочими. Предположите, что соглашеніе было-бы настолько полно что включало-бы въ себя всѣхъ земледѣльческихъ ра-

бочихъ и воспрепятствовало бы занять ихъ мѣста всѣмъ тѣмъ, которые покушались бы это сдѣлать. Рабочіе отказываются работать безъ значительнаго повышенія заработной платы, фермеры могутъ согласиться на это повышеніе лишь достигнувъ значительнаго пониженія ренты, и не могутъ поддержать своихъ требованій иначе, какъ рабочіе поддерживаютъ свои—отказываясь отъ продолженія производства. Если бы въ земледѣліи такимъ образомъ наступила полная остановка, то землевладѣльцы теряли бы только свою ренту, земля въ это время улучшалась бы, оставаясь невспаханной, тогда какъ рабочіе умирали бы съ голода. И если бы англійскіе рабочіе всѣхъ родовъ соединились въ одну великую лигу съ цѣлью всеобщаго повышенія заработной платы, то борьба, которую имъ пришлось бы вести, въ дѣйствительности была бы тождественна съ этой и велась бы при тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Ибо заработная плата не могла бы увеличиться иначе, какъ при уменьшеніи ренты; а при общей остановкѣ дѣлъ, землевладѣльцы могли бы существовать, тогда какъ рабочіе всѣхъ родовъ должны бы были умирать съ голоду или эмигрировать. Землевладѣльцы Англіи уже въ силу своего владѣнія суть хозяева Англіи. Такъ справедливы слова, «кому принадлежитъ земля въ какое либо время, тому принадлежатъ плоды ея». Бѣлые зонтики и слоны, безумные отъ гордости, явились вмѣстѣ съ пожалованіемъ англійской земли, и народъ въ его цѣломъ никогда не вернетъ своей власти, пока не будетъ это пожалованіе отобрано назадъ. Это вѣрно относительно Англіи, это вѣрно и повсюду.

Могутъ сказать, что такая полная остановка производства никогда не могла бы наступить. Это вѣрно; но вѣрно только потому, что невозможно такое повсемѣстное соглашеніе рабочихъ, которое было бы въ состояніи произвести такую остановку; тогда какъ ограниченность и неизмѣнность земли даетъ возможность землевладѣльцамъ соединяться съ гораздо большей легкостью и успѣшностью, чѣмъ это могутъ дѣлать рабочіе или капиталисты. Насколько исполнимо и дѣйствительно соглашеніе землевладѣльцевъ, этому существуетъ много историческихъ примѣровъ. И абсолютная необходимость пользованія землей, и увѣренность существующая во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ, что земля должна увеличиваться въ цѣнѣ, производятъ среди землевладѣльцевъ, безъ всякаго формальнаго соглашенія, всѣ тѣ дѣйствія, которыя могли бы быть произведены самымъ строгимъ соглашеніемъ среди рабочихъ или капиталистовъ. Лишите работника случая имѣть занятіе, и онъ скоро будетъ радъ взять работу на какихъ бы то ни было условіяхъ; но всякій, кто жилъ въ развивающейся странѣ, знаетъ, съ какой настойчивостью держатся на своемъ землевладѣльцы, когда уходящая волна спекуляціи оставляетъ номинальную цѣнность земли очевидно выше ея дѣйствительной цѣнности.

И кромѣ этихъ практическихъ трудностей, на которыя наталкивается всякій планъ вынудить увеличеніе заработной платы большей выносливостью въ борьбѣ, существуютъ во всѣхъ способахъ такого рода присущія имъ невыгоды, которыхъ не должны скрывать отъ себя рабочіе люди. Я говорю безъ предъубѣжденія, ибо я еще состою почетнымъ членомъ того союза, который я, занимаясь своимъ промысломъ *), всегда честно поддерживалъ. Подумайте только: способы, которыми только и можетъ пользоваться всякій рабочій союзъ, суть неизбѣжно разрушительные способы; а организація этихъ союзовъ по необходимости тираннична. Забастовка, къ которой только и можетъ прибѣгнуть всякій рабочій союзъ для поддержанія своихъ требованій, есть разрушительная борьба,—какъ разъ такая же борьба, какъ та, на которую въ давнее время одинъ чудакъ въ Санъ-Франциско, извѣстный подъ именемъ «Денежнаго короля» вызвалъ однажды какого-то человѣка, подсмѣявшагося надъ его скупостью, — онъ предложитъ, чтобы они вышли на набережную и поочередно бросали двадцатидолларовые монеты въ заливъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не сдастся. Борьба выносливостью, заключающаяся въ забастовкѣ, есть, по самой сущности своей именно то, съ чѣмъ ея часто сравнивали, — война, и, подобно всякой войнѣ, она уменьшаетъ богатство. И организація для нея, подобно организаціи для войны, должна быть тираннической. Даже человѣкъ, который бился бы за свободу, долженъ, когда онъ поступаетъ въ армію, разстаться съ своей личной свободой и сдѣлаться просто частью какой то великой машины; такъ должно быть и съ рабочими, которые организуются для забастовки. Стачки эти, слѣдовательно, неизбѣжно разрушаютъ тѣ самыя вещи, которыхъ рабочіе стремятся достигнуть,—богатство и свободу.

Существуетъ старинный индусскій обычай принудить къ уплатѣ справедливаго долга, обычай, слѣды котораго серъ Генри Мэнъ нашелъ и въ древнихъ ирландскихъ законахъ (Irish Brehons). Онъ называется, сидѣніе *дарна* (dharna),— кредиторъ добивающійся уплаты своего долга усаживается у двери своего должника, и отказывается ѣсть или пить до тѣхъ поръ, пока не получитъ долга.

Способъ борьбы рабочихъ союзовъ похожъ на этотъ способъ. Въ своихъ забастовкахъ рабочіе союзы высиживаютъ *дарна*. Но, въ отличіе отъ Индусовъ, здѣсь нѣтъ силы суевѣрія, которая помогала бы имъ.

---

*) Авторъ былъ типографскимъ наборщикомъ.

IV. Отъ кооперативныхъ обществъ.

Съ нѣкотораго времени вошло въ моду проповѣдывать кооперацію, какъ превосходное средство отъ бѣдствій, угнетающихъ рабочіе классы. Но къ несчастію для дѣйствительности этого средства отъ общественныхъ бѣдствій, бѣдствія эти, какъ мы видѣли, вытекаютъ не изъ столкновенія между трудомъ и капиталомъ; и если бы кооперативныя общества распространились повсемѣстно, они не могли бы поднять заработной платы или уменьшить бѣдности. Въ этомъ не трудно убѣдиться.

Кооперація бываетъ двухъ родовъ: кооперація въ области снабженія, и кооперація въ области производства. Но всякое потребительное и складочное товарищество (кооперація въ области снабженія), допуская, что оно достигаетъ всего, что только возможно для него въ дѣлѣ устраненія посредниковъ, лишь сокращаетъ мѣновыя расходы. Оно есть просто лишь одинъ изъ способовъ сбереженія труда и устраненія риска, и дѣйствіе его на распредѣленіе можетъ быть лишь такимъ, какимъ было дѣйствіе тѣхъ усовершенствованій и изобрѣтеній, которыя въ послѣднее время такъ удивительно удешевили и облегчили обмѣнъ; то-есть, оно можетъ вызвать лишь увеличеніе ренты. А всякое производительное товарищество (кооперація въ области производства) есть не болѣе какъ возвратъ къ той формѣ заработной платы, которая еще господствуетъ въ китобойномъ промыслѣ, гдѣ рабочій получаетъ извѣстную долю добываемаго, есть не болѣе какъ замѣна постоянной платы пропорціональной платой,—замѣна, случайные примѣры которой можно встрѣтить почти во всѣхъ занятіяхъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣдываніе дѣломъ предоставляется рабочимъ, а капиталистъ получаетъ лишь свою долю чистой прибыли, представляется ничѣмъ инымъ какъ примѣненіемъ той системы, которая въ широкой мѣрѣ господствовала въ европейскомъ земледѣліи со временъ Римской имперіи,—системы колоната или испольной системы. Все, что можетъ быть съ полнымъ правомъ относимо на счетъ дѣйствія производительныхъ товариществъ, сводится къ тому, что всякое товарищество такого рода дѣлаетъ рабочихъ болѣе дѣятельными и трудолюбивыми,—другими словами, что оно увеличиваетъ производительность труда. Такимъ образомъ оно дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, какъ паровая машина, какъ хлопкоотдѣлитель, какъ жатвенная машина, короче, какъ все то, что составляетъ матеріальный прогрессъ, и потому оно можетъ произвести лишь тотъ же результатъ,—именно увеличеніе ренты.

Что въ текущей экономической и полуэкономической литературѣ придаютъ такъ много значенья кооперацiи, какъ одному изъ средствъ для повышенія заработной платы и облегченія бѣдности, это служитъ лишь порази-

тельнымъ доказательствомъ того, какъ игнорируются основные принципы при разсмотрѣніи общественныхъ проблемъ. Что кооперація не приводитъ ни къ чему подобному, очевидно.

Оставимъ въ сторонѣ всѣ трудности, съ которыми при настоящихъ условіяхъ должны считаться кооперативныя общества, какъ въ области снабженія, такъ и производства, и предположимъ, что эта форма организаціи труда распространилась такъ, что вытѣснила всѣ прочія,—что кооперативные склады довели расходы на сношеніе между производителями и потребителями до минимума, а кооперативные мастерскія, фабрики, фермы и рудники устранили хозяевъ капиталистовъ, выдающихъ рабочимъ постоянную плату, и значительно увеличили производительность труда,—что было бы тогда? Да просто то, что сдѣлалось бы возможнымъ производить ту же самую сумму богатства съ меньшей затратой труда, и, слѣдовательно, владѣльцы земли, источника всякаго богатства, оказались бы въ состояніи требовать большей суммы богатства за пользованіе ихъ землей. Это не просто теоретическій выводъ; это доказывается опытомъ и существующими фактами. Усовершенствованіе въ методахъ, и машинахъ производятъ то самое дѣйствіе, произвести которое стремятся кооперативныя общества, то-есть, сокращаютъ расходы по снабженію товарами потребителей и увеличиваютъ производительность труда; именно въ этомъ то отношеніи старыя страны и имѣютъ преимущество надъ новыми. Но какъ вполнѣ доказалъ опытъ, усовершенствованія въ методахъ и машинахъ, относящихся къ производству и обмѣну, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго стремленія къ улучшенію положенія самыхъ низшихъ классовъ, и заработная плата бываетъ ниже, а бѣдность глубже именно тамъ, гдѣ обмѣнъ совершается съ наименьшими расходами, а для производства пользуются наилучшими машинами. Вся выгода приводитъ лишь къ увеличенію ренты.

Но если предположить товарищество между производителями и землевладѣльцами? Въ этомъ случаѣ все дѣло сводилось бы къ платежу ренты натурою,—къ той самой системѣ, на основаніи которой сдается множество земли въ Калифорніи и въ Южныхъ штатахъ, гдѣ землевладѣльцы получаютъ извѣстную долю жатвы. За исключеніемъ способа разсчета, система эта ничѣмъ не отличается отъ системы опредѣленной денежной ренты, которая преобладаетъ въ Англіи. Называйте это коопераціей, если вамъ нравится, но условія этой коопераціи все же будутъ устанавливаться тѣмъ закономъ, который опредѣляетъ ренту, и всюду, гдѣ земля монополизирована, увеличеніе производительной силы будетъ лишь давать владѣльцамъ земли возможность требовать большей доли.

Если кооперативныя общества считаются столь многими рѣшеніемъ «рабочаго вопроса», то это происходитъ отъ того обстоятельства, что всюду, гдѣ про-

бовали ихъ устраивать, они въ большинствѣ случаевъ замѣтно улучшали положеніе лицъ, непосредственно принимавшихъ въ нихъ участіе. Но они имѣли такое дѣйствіе лишь отъ того, что стояли изолированно. Все равно какъ трудолюбіе, бережливость или искусство могутъ улучшать положеніе тѣхъ рабочихъ, которые обладаютъ ими въ большей степени, чѣмъ другіе и перестаютъ оказывать это дѣйствіе, когда обладаніе ими въ той же степени становится общимъ, такъ и какое либо особое удобство въ полученіи продовольствія, или какая либо особая производительность, пріобрѣтаемая нѣкоторыми видами труда, могутъ давать до времени преимущество, но перестаютъ давать его, какъ скоро это удобство или высшая производительность становятся въ такой мѣрѣ общими, что уже вліяютъ на весь строй распредѣленія. На самомъ дѣлѣ кооперативныя общества, за исключеніемъ, быть можетъ, ихъ воспитательнаго значенія, не могутъ произвести никакого общаго дѣйствія, котораго не могла бы произвести конкурренція. Дешевые магазины, ведущіе дѣло на наличныя деньги, оказываютъ такое же дѣйствіе на цѣны, какъ и товарищескіе склады, а конкурренція въ производствѣ ведетъ къ такому же распредѣленію силъ и раздѣленію прибылей, какъ и производство на кооперативныхъ началахъ. И то обстоятельство, что ростъ производительныхъ силъ не увеличиваетъ вознагражденія труда, — зависитъ не отъ конкурренціи вообще, но отъ того, что конкурренція одностороння. Земля, безъ которой не можетъ быть никакого производства, монополизирована, и конкурренція между производителями изъ-за пользованія ею гонитъ заработную плату къ минимуму, отдавая всю выгоду отъ увеличенія производительности труда землевладѣльцамъ въ видѣ болѣе высокой ренты и увеличенной стоимости земли. Уничтожьте эту монополію, и конкурренція будетъ существовать, лишь преслѣдуя ту цѣль, къ которой стремится кооперація,—дать каждому то, что онъ дѣйствительно зарабатываетъ. Уничтожьте эту монополію, и промышленность должна будетъ сдѣлаться коопераціей равноправныхъ личностей.

V. Отъ правительственнаго руководства и вмѣшательства.

Размѣры, въ которыхъ я желаю удержать эту книгу, не позволяютъ мнѣ разсмотрѣть въ отдѣльности всѣхъ тѣхъ методовъ, которые предлагаются съ цѣлью уменьшить или уничтожить бѣдность путемъ правительственнаго регулированія производства и накопленія богатства, и которые въ своей наиболѣе развитой формѣ называются соціалистическими. Да въ этомъ и нѣтъ необходимости, ибо всѣмъ имъ присущи одни и тѣ же недостатки. Недостатки эти состоятъ въ замѣнѣ правительственнымъ руководствомъ свободныхъ проявленій индивидуальной дѣятельности и въ попыткѣ достигнуть путемъ ограниченія того, что можетъ быть легче достигнуто путемъ свободы. Относи-

тельно истинъ, заключающихся въ соціалистическихъ идеяхъ, я имѣю нѣчто сказать впослѣдствіи; но, очевидно, все, что отзывается регулированіемъ и ограниченіемъ, само по себѣ уже дурно, и не должно быть пускаемо въ ходъ, если представляется какой либо другой способъ достигнуть той же цѣли. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ самыхъ простыхъ и скромныхъ мѣръ того рода, о которомъ идетъ рѣчь,—прогрессивный подоходный налогъ. Цѣль, къ которой онъ стремится, сокращеніе или предупрежденіе огромной концентраціи богатства, прекрасна; но средство это предполагаетъ назначеніе огромнаго числа чиновниковъ, облеченныхъ инквизиторской властью, поводы къ подкупу, клятвопреступленію и всѣ тѣ способы уклоненія, которые порождаютъ деморализацію общественнаго мнѣнія, выдаютъ награду за обманъ и облагаютъ пошлиной добросовѣстность, и въ концѣ концовъ налогъ этотъ, какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ производитъ свое дѣйствіе,—уменьшаетъ побужденіе къ накопленію богатства, одну изъ могущественныхъ силъ промышленнаго прогресса. Да и всѣ многосложные планы такого рода, все регулирующіе и всякому указывающіе мѣсто, будь они осуществимы, могли бы лишь привести общество къ состоянію, похожему на состояніе древняго Перу и на то состояніе, которое создали и долгое время поддерживали, блаженной памяти, іезуиты въ Парагваѣ.

Я не скажу, чтобы такое общественное состояніе было хуже того, къ которому, кажется, мы стремимся въ настоящее время, ибо въ древнемъ Перу, хотя производство и находилось въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ за неимѣніемъ желѣза и домашнихъ животныхъ, все же не было нужды и народъ шелъ на работу съ пѣснями. Да нѣтъ и необходимости разбирать лучше оно или хуже. Стремленіе къ соціализму такого рода среди современнаго общества не можетъ имѣть успѣха. Единственная сила, которая когда либо была способна провести его въ жизнь,—твердая и ясная вѣра,—теперь слаба и съ каждымъ днемъ убываетъ. Мы уже ушли отъ соціализма родоваго быта и вернуться снова къ нему не можемъ, иначе какъ регрессивнымъ движеніемъ, которое привело-бы къ анархіи и, можетъ быть, къ варварству. Наши правительства, какъ уже теперь можно видѣть, не выдержали бы такой попытки. Вмѣсто разумнаго распредѣленія обязанностей и вознагражденій, мы достигли бы римскаго распредѣленія сицилійскаго хлѣба, и вскорѣ какой нибудь демагогъ сдѣлался бы императоромъ.

Идея соціализма величественна и благородна, и, по моему мнѣнію, осуществленіе ея возможно; но такого рода состояніе общества не можетъ быть сфабриковано,—оно должно постепенно развиться. Общество есть организмъ, а не машина. Оно можетъ жить лишь индивидуальной жизнью своихъ частей. И лишь при свободномъ и естественномъ развитіи всѣхъ частей будетъ достигнута гармонія цѣлаго.

VI. Отъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія земли.

Сознаніе того, что общественная неурядица, которая обнаруживается въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ, нѣкоторымъ образомъ связано съ характеромъ владѣнія землей, уже быстро растетъ; но оно проявляется пока главнымъ образомъ въ предложеніяхъ, направленныхъ къ болѣе общему распредѣленію земельной собственности, каковы, — въ Англіи, — предложенія о свободной торговлѣ землей, о правахъ арендаторовъ или о равномъ дѣленіи земельныхъ владѣній между наслѣдниками, и въ Соединенныхъ Штатахъ, — предложеніе объ ограниченіи размѣра индивидуальныхъ владѣній. Предлагали также въ Англіи, чтобы государство выкупало земли лендлордовъ, и въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы производились денежныя выдачи, неподлежащія возврату, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ учрежденіе колоній на общественныхъ земляхъ. Этого перваго предложенія о выкупѣ мы не будемъ теперь касаться; а послѣднее предложеніе по своему характеру подпадаетъ подъ категорію мѣръ, только что разсмотрѣнныхъ нами. Излишне было бы доказывать неизбѣжность тѣхъ злоупотребленій и деморализаціи, къ которымъ повела бы выдача общественныхъ денегъ или государственный кредитъ.

Какимъ образомъ реформа, извѣстная у англійскихъ писателей подъ именемъ установленія «свободной торговли землей», т. е. отмѣна налоговъ и ограниченій при переходѣ земли изъ рукъ въ руки, — можетъ облегчить дѣленіе сельской земельной собственности, этого я не могу понять, хотя я и допускаю, что она можетъ до нѣкоторой степени оказывать такое дѣйствіе на городскую собственность. Устраненіе ограниченій для покупки и продажи просто позволило бы землевладѣнію съ большей быстротой принимать ту форму, къ которой оно стремится. А въ Великобританіи оно стремится къ концентраціи, въ чемъ нетрудно убѣдиться изъ того факта, что несмотря на затрудненія, какія представляются тамъ въ расходахъ при переходѣ земли отъ одного лица къ другому, земельная собственность тамъ постоянно концентрировалась и концентрируется, и это есть общее стремленье, ибо тотъ же самый процессъ концентраціи наблюдается и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Я не колеблясь утверждаю это относительно Соединенныхъ Штатовъ, хотя иногда ссылаются на статистическія таблицы, чтобы доказать иное стремленіе. Однако нетрудно замѣтить, какимъ образомъ въ такихъ странахъ, какъ Соединенные Штаты, землевладѣніе въ дѣйствительности можетъ концентрироваться, въ то время какъ ревизскія таблицы будутъ указывать пожалуй на уменьшеніе средняго размѣра владѣнія. Когда возникаетъ земледѣліе и когда оно, съ ростомъ народонаселенія, переходитъ отъ низшихъ формъ развитія къ высшимъ и интенсивнымъ, величина владѣній обыкно-

венно стремится уменьшиться. Небольшое пастбище для степи будетъ большой фермой, небольшая ферма будетъ большимъ плодовитымъ садомъ, виноградникомъ, питомникомъ или огородомъ, и клочекъ земли, малый даже для этихъ цѣлей, можетъ составить весьма обширное владѣніе въ городѣ. Такимъ образомъ, ростъ народонаселенія, вызывающій болѣе высокую и интенсивную обработку земли, естественно стремится уменьшить величину владѣній, посредствомъ процесса весьма замѣтнаго въ новыхъ странахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ развиваться стремленіе къ концентраціи земельной собственности, которое, хотя и не будетъ обнаруживаться таблицами, показывающими средній размѣръ владѣній, а все же можетъ быть весьма замѣтнымъ. Средній размѣръ владѣній въ какомъ нибудь большомъ городѣ въ одинъ акръ можетъ указывать на большую степень концентраціи земельной собственности, чѣмъ средній размѣръ владѣній въ 640 акровъ (237 дес.) въ какой либо вновь заселенной странѣ. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы указать на ошибочность заключеній, дѣлаемыхъ на основаніи статистическихъ таблицъ, на которыя часто ссылаются въ Соединенныхъ Штатахъ для доказательства того, что земельная монополія есть одно изъ тѣхъ золъ, которыя излѣчиваются сами собой. Напротивъ того, очевидно, что число землевладѣльцевъ въ отношеніи ко всему народонаселенію постоянно уменьшается.

Что въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Англіи, существуетъ сильное стремленіе къ концентраціи землевладѣнія въ области земледѣлія, это нетрудно замѣтить. Какъ въ Англіи и Ирландіи маленькія помѣстья замѣняются болѣе крупными, такъ въ Новой Англіи, согласно отчетамъ Массачузетскаго бюро статистики труда, размѣры помѣстій увеличиваются. Это стремленіе еще замѣтнѣе въ болѣе новыхъ Штатахъ и территоріяхъ. Всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ ферма въ 320 акровъ (118,4 дес.), при системѣ земледѣлія, господствующей въ сѣверныхъ частяхъ Союза, считалась крупной фермой, вѣроятно настолько крупной, что большей фермой не могъ-бы съ выгодой завѣдывать одинъ человѣкъ. А въ Калифорніи въ настоящее время есть помѣстья (не то, чтобы пастбища) въ пять, десять, двадцать, сорокъ и шестьдесятъ тысячъ акровъ (1850—22,200 дес.), а образцовая ферма въ Дакотѣ должна имѣть сто тысячъ акровъ (37 т. дес.). И причина такой перемѣны очевидна. Она заключается въ примѣненіи машинъ къ земледѣлію и въ общемъ стремленіи производства къ крупнымъ размѣрамъ. То самое стремленіе, которое замѣнило фабрикой съ ея арміею рабочихъ множество независимыхъ ткачей съ ихъ ручными станками, начинаетъ обнаруживаться и въ земледѣліи.

Существованіе этого стремленія доказываетъ двѣ вещи, во-первыхъ, что всѣ тѣ мѣры, которыя просто допускаютъ или облегчаютъ большее подраз-

вленіе земли, будутъ недѣйствительны, и, во-вторыхъ, что всѣ тѣ мѣры, которыя принуждаютъ къ такому подраздѣленію, будутъ задерживать производство. Если земля въ большихъ количествахъ можетъ быть обрабатываема дешевле, чѣмъ въ малыхъ, то ограничиваніе землевладѣнія лишь малыми участками будетъ уменьшать всю сумму производимаго богатства, и въ той мѣрѣ, въ какой налагаются эти ограниченія и производятъ должное дѣйствіе, они будутъ стремиться уменьшить общую производительность труда и капитала.

Слѣдовательно, стараніе достигнуть болѣе справедливаго дѣленія богатства путемъ такого рода ограниченій связано съ той невыгодой, что оно уменьшаетъ самую сумму, которую дѣлятъ. Способъ этотъ подобенъ тому, которымъ пользовалась обезьяна, когда она, раздѣляя сыръ между кошками, уравнивала доли, откусывая кусочекъ отъ самой большой изъ нихъ.

И не одно только это возраженіе, сила котораго возрастаетъ вмѣстѣ съ значеніемъ предложенной мѣры, можно сдѣлать противъ всякаго предложенія къ ограниченію землевладѣнія. Есть другое и роковое возраженіе, то, что это ограниченіе не достигаетъ самой цѣли, которую имѣютъ въ виду,— т. е. справедливаго дѣленія продукта. Оно не уменьшаетъ ренты и, слѣдовательно, не можетъ увеличивать заработной платы. Оно можетъ сдѣлать достаточные классы болѣе многочисленными, но оно не можетъ улучшить положенія низшаго класса.

Если бы арендное право, извѣстное подъ именемъ ольстерскаго (Ulster tenant right) было распространено на всю Великобританію, то оно лишь выкроило бы изъ владѣній помѣщиковъ владѣнія для арендаторовъ. Положеніе рабочаго нисколько не улучшилось бы. Если бы землевладѣльцамъ было запрещено требовать отъ своихъ арендаторовъ увеличенной ренты и прогонять ихъ до тѣхъ поръ, пока они выплачиваютъ установленную ренту, вся масса производителей ничего не выиграла бы отъ этого. Рента, въ политико-экономическомъ смыслѣ, все увеличивалась бы и постоянно уменьшала бы ту часть продукта, которая приходится на долю труда и капитала. Только выгоду отъ этого увеличенія ренты стали бы получать арендаторы первоначальныхъ землевладѣльцевъ, сдѣлавшись въ свою очередь землевладѣльцами, и въ этомъ состояла бы вся разница.

Если бы благодаря ограниченію количества земли, которымъ можетъ владѣть одинъ человѣкъ, благодаря регулированію завѣщаній и наслѣдствъ, или благодаря прогрессивному налогу, нѣсколько тысячъ землевладѣльцевъ превратились въ два или три милліона, то только эти два или три милліона, и оказались въ выигрышѣ. Остальное населеніе ничего не выиграло бы. Его доля въ выгодахъ землевладѣнія оказалась бы не больше, чѣмъ прежде. Допустимъ даже нѣчто невозможное; допустимъ что было бы установлено справедливое распредѣленіе земли среди всего народонаселенія, при чемъ

каждый членъ общества получилъ бы равную съ прочими долю, и были бы изданы законы, которые поставили бы преграду стремленію къ концентраціи, и не дозволяли бы того, чтобы кто либо владѣлъ большимъ количествомъ земли, чѣмъ назначено; что же тогда должно бы было произойти при увеличеніи народонаселенія?

Все то, чего можно бы было достигнуть болѣе дробнымъ дѣленіемъ земли, можно видѣть въ тѣхъ провинціяхъ Франціи и Бельгіи, въ которыхъ преобладаетъ мелкое землевладѣніе. Что такое дѣленіе земли въ общемъ гораздо лучше, и что оно представляетъ гораздо болѣе устойчивое основаніе для государства, чѣмъ господствующее въ Англіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но равнымъ образомъ ясно и то, что оно не повышаетъ сколь нибудь заработной платы и не улучшаетъ положеніе того класса, который живетъ только своимъ трудомъ. Французскіе и бельгійскіе крестьяне соблюдаютъ суровую экономію, неизвѣстную ни въ одной странѣ, гдѣ говорятъ по-англійски. И если тамъ не замѣтно такихъ ужасныхъ проявленій бѣдности и нужды низшаго класса, какъ по другую сторону канала въ Англіи, то это должно быть приписано, я полагаю, не только указанному, но еще другому обстоятельству, которымъ объясняется и фактъ сохраненія въ этихъ странахъ мелкаго землевладѣнія,—именно тому обстоятельству, что матеріальный прогрессъ въ этихъ странахъ не былъ столь быстръ.

И населеніе тамъ не увеличивалось съ такой быстротой (напротивъ оно оставалось почти постояннымъ), и улучшенія въ способахъ производства не были столь замѣтны. Тѣмъ не менѣе, де-Лавелэ, всѣ симпатіи котораго клонятся въ сторону мелкаго землевладѣнія и мнѣніе котораго, слѣдовательно, должно имѣть большій вѣсъ, чѣмъ мнѣніе англійскихъ наблюдателей, которыхъ могутъ заподозрить въ слѣпомъ пристрастій въ системѣ землевладѣнія своего отечества, утверждаетъ въ своей статьѣ о системахъ землевладѣнія въ Бельгіи и Голландіи, изданной Кобденскимъ клубомъ, что положеніе рабочаго при системѣ мелкаго землевладѣнія хуже, чѣмъ въ Англіи; фермеры - арендаторы, (арендованіе земли широко распространено даже тамъ, гдѣ всего болѣе раздроблены земельныя владѣнія) уплачиваютъ такую немилосердную ренту, какой не знаютъ въ Англіи и даже въ Ирландіи, а политическая свобода, «далекая отъ того, чтобы подымать ихъ на общественной лѣстницѣ, является для нихъ лишь источникомъ оскорбленій и униженія, ибо они принуждены бываютъ вотировать согласно указаніямъ землевладѣльца, вмѣсто того чтобы слѣдовать указаніямъ своихъ собственныхъ склонностей и убѣжденій».

И этого мало. Болѣе дробное дѣленіе земли, не устраняя такимъ образомъ золъ земельной монополіи, и не оказывая вліянія на повышеніе заработной платы или на улучшеніе положенія низшихъ классовъ, вмѣстѣ съ

тѣмъ стремится воспрепятствовать принятію или даже защитѣ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ и стремится укрѣпить существующую несправедливую систему, заинтересовывая большее число лицъ въ ея сохраненіи. Г. де-Лавелэ, въ заключеніи той статьи, которую я цитировалъ, указываетъ на болѣе дробное дѣленіе земли, какъ на самое вѣрное средство предохранить крупныхъ землевладѣльцевъ Англіи отъ чего либо болѣе радикальнаго. Хотя въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ земля такъ мелко раздроблена, положеніе рабочаго, утверждаетъ онъ, можно считать наихудшимъ въ Европѣ, а фермеръ, снимающій землю, гораздо болѣе угнетается землевладѣльцемъ, чѣмъ ирландскій арендаторъ, тѣмъ не менѣе, «чувствъ враждебныхъ общественному порядку» продолжаетъ г. де-Лавелэ, «совсѣмъ тамъ незамѣтно», потому что:

«Арендаторъ, хотя и угнетаемый постояннымъ повышеніемъ ренты, живетъ среди ему равныхъ, такихъ же крестьянъ какъ и онъ, которые сами имѣютъ арендаторовъ, съ которыми крестьяне обращаются совсѣмъ такъ, какъ крупный землевладѣлецъ обращается съ своими арендаторами. Его отецъ, его братъ, онъ самъ,—быть можетъ, владѣетъ, ну хоть, однимъ акромъ земли, которую онъ сдаетъ за такую высокую плату, какую только возможно получить. Въ трактирѣ крестьяне собственники хвастаются тѣмъ, за какую высокую плату они сдали свою землю, все равно какъ они хвастались бы тѣмъ, что продали по очень дорогой цѣнѣ своихъ поросятъ или картофель. Сдача земли въ аренду по самой высокой, какая только возможна, цѣнѣ, является такимъ образомъ, для землевладѣльца совсѣмъ обыкновеннымъ дѣломъ, и онъ никогда и не подумаетъ критически отнестись къ существованію класса землевладѣльцевъ или земельной собственности. Его мысль не остановится на представленіи объ особой кастѣ землевладѣльцевъ —господъ, «кровожадныхъ тирановъ», которые живутъ трудомъ разоряемыхъ арендаторовъ, а сами ничего не работаютъ; ибо кто назначаетъ самую безпощадную цѣну, такъ это не крупные землевладѣльцы, а товарищи нашего земледѣльца. Такимъ образомъ, развитіе нѣкотораго количества мелкой собственности среди крестьянъ образуетъ родъ оплота или охраны для владѣльцевъ крупныхъ имѣній, и крестьянская собственность безъ преувеличенія можетъ быть названа громоотводомъ, который отвращаетъ отъ общества тѣ опасности, которыя иначе могли бы повести къ жестокимъ катастрофамъ.

Концентрація земли въ крупныя имѣнія, принадлежащія ограниченному числу семействъ, составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ побужденіе къ уравнивающему законодательству. Положеніе Англіи, столь завидное во многихъ отношеніяхъ, въ этомъ отношеніи кажется мнѣ исполненнымъ опасности для будущаго.

Для меня, по той же самой причинѣ, которую выставляетъ г. де-Лавелэ, положеніе Англіи кажется исполненнымъ надежды.

Оставимъ же всѣ попытки освободиться отъ вредныхъ послѣдствій земельной монополіи помощью ограниченія размѣровъ землевладѣнія. Равное распредѣленіе земли невозможно, а все кромѣ такого распредѣенія будетъ лишь облегченіемъ, а не исцѣленіемъ, и притомъ облегченіемъ, отдаляющимъ исцѣленіе. Никакое средство не заслуживаетъ разсмотрѣнія, если оно не совпадаетъ съ естественнымъ направленіемъ общественнаго развитія и не сливается, такъ сказать, съ теченіями времени. Что концентрація соотвѣтствуетъ ходу развитія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, — ибо она обнаруживается повсюду: концентрація населенія въ большихъ городахъ, концентрація ремесленниковъ на большихъ фабрикахъ, концентрація перевозочныхъ средствъ на желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ линіяхъ, и земледѣльческихъ работъ на обширныхъ поляхъ. Самыя обиходныя занятія концентрируются тѣмъ же путемъ,—въ настоящее время особыя корпораціи посыльныхъ исполняютъ порученія и относятъ по назначенію дорожныя вещи. Всѣ теченія времени направлены къ концентраціи. И чтобы успѣшно противиться ей, мы должны будемъ отстранить паръ и электричество отъ служенія людямъ.

ГЛАВА II.

Истинное средство.

Мы изслѣдовали причину неравномѣрнаго распредѣленія богатства, этого проклятія и угрозы нашей цивилизаціи, и остановились на учрежденіи частной собственности на землю. Мы видѣли, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать это учрежденіе, никакое увеличеніе производительныхъ силъ не будетъ содѣйствовать болѣе или менѣе прочному поднятію благосостоянія народныхъ массъ, а напротивъ должно будетъ все болѣе и болѣе стѣснять ихъ положеніе. Мы разсмотрѣли всѣ средства, которыя обыкновенно предлагаются, какъ пригодныя, или считаются пригодными для облегченія бѣдности и для установленія болѣе справедливаго распредѣленія богатства, за исключеніемъ отмѣны частной собственности на землю, и всѣ ихъ нашли недѣйствительными или невыполнимыми.

Есть только одинъ путь устранить зло, это — устранить причину зла. Бѣдность становится все глубже и глубже по мѣрѣ того, какъ увеличивается богатство, и заработная плата падаетъ въ то время, какъ производительныя силы растутъ, потому что монополизирована земля, которая есть единственный источникъ богатства и единственное мѣсто примѣненія для труда. Чтобы вырвать бѣдность, чтобы сдѣлать заработную плату тѣмъ,

чѣмъ ей по справедливости слѣдуетъ быть, полнымъ заработкомъ работника, мы должны, слѣдовательно, замѣнить личную собственность на землю общей собственностью. Ничто иное не коснется причины зла,—ни на что иное нѣтъ ни малѣйшей надежды.

Вотъ, слѣдовательно, средство избавленія отъ несправедливаго и неравномѣрнаго распредѣленія богатства бросающагося въ глаза среди нашей цивилизаціи, и отъ всѣхъ золъ, которые изъ него вытекаютъ.

Мы должны сдѣлать землю общей собственностью.

Мы достигли этого заключенія путемъ изслѣдованія, во время котораго каждый шагъ былъ сдѣланъ нами осмотрительно и твердо. И въ цѣпи нашего разсужденія нѣтъ ни недостающихъ, ни слабыхъ звеньевъ. И дедуктивнымъ и индуктивнымъ путемъ мы пришли къ одной и той же истинѣ, къ той истинѣ, что неравенство во владѣніи землей неизбѣжно ведетъ къ неравенству въ распредѣленіи богатства. А такъ какъ въ природѣ вещей неравенство владѣній землей неотдѣлимо отъ признанія частной собственности на землю, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что единственное средство противъ несправедливаго распредѣленія богатства должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать землю общей собственностью.

Но эта истина, при настоящемъ положеніи общества, возбудитъ самый острый антагонизмъ и должна будетъ брать съ бою каждый шагъ. Необходимо, слѣдовательно, предупредить возраженія тѣхъ лицъ, которыя, даже будучи принуждены допустить эту истину, станутъ заявлять, что она практически непримѣнима.

При этомъ, мы подвергнемъ наше предшествующее разсужденіе новому и перекрестному испытанію. Все равно какъ мы повѣряемъ сложеніе вычитаніемъ, а умноженіе дѣленіемъ, такъ мы можемъ, испытывая достаточность предложеннаго средства, доказать правильность нашихъ заключеній относительно причины зла.

Законы вселенной исполнены гармоніи. И если то средство, на которомъ мы остановились, есть вѣрное средство; оно будетъ удовлетворять требованіямъ справедливости; оно должно быть практически примѣнимымъ; оно будетъ согласоваться съ стремленіями общественнаго развитія и будетъ гармонировать съ другими реформами.

Все это я и предполагаю показать. Я предполагаю разобрать всѣ тѣ практическія возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы, и доказать, что эта простая мѣра не только легко примѣнима, но и представляетъ изъ себя достаточное средство противъ всѣхъ тѣхъ золъ, которыя возникаютъ вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальнаго прогресса вслѣдствіе все большаго и большаго

неравенства въ распредѣленіи богатства,—что она замѣнитъ неравенство равенствомъ, нужду довольствомъ, несправедливость справедливостью, общественную слабость общественной силой и откроетъ путь къ болѣе величественнымъ и благороднымъ успѣхамъ цивилизаціи.

Я предполагаю такимъ образомъ показать, что законы вселенной не противорѣчатъ естественнымъ влеченіямъ человѣческаго сердца; что прогрессъ общества можетъ совершаться и, если будетъ продолжаться, долженъ совершаться въ направленіи равенства, а не неравенства; и что гармонія экономическихъ отношеній еще разъ доказываетъ истину постигнутую императоромъ—стоикомъ:

«*Мы созданы для совмѣстной дѣятельности,—подобно ногамъ, подобно рукамъ, подобно глазнымъ вѣкамъ, подобно зубамъ верхней и нижней челюсти*».

КНИГА VII.

Справедливость предложеннаго средства.

Справедливость есть отношеніе соотвѣтствія, которое дѣйствительно существуетъ между двумя вещами. Отношеніе это всегда одно и то же, какое бы существо не разсматривало его, будь то Богъ, или ангелъ, или наконецъ человѣкъ.

Монтескье.

ГЛАВА I.

Частная собственность на землю съ этической точки зрѣнія.

Когда предложено будетъ отмѣнить частную собственность на землю, тогда первымъ дѣломъ возникнетъ вопросъ о справедливости такой мѣры. Чувство справедливости, хотя и искажаемое часто обычаями, суевѣріями и себялюбіемъ до самыхъ извращенныхъ формъ, все же есть основное чувство человѣческаго духа, и какой-бы споръ ни возбуждалъ страсти людей, вопросъ о томъ «Разумно-ли это?»—никогда не вызываетъ такого бурнаго столкновенія, какъ вопросъ о томъ «Справедливо-ли это?»

И это стремленіе мысли людей принимать этическую форму имѣетъ свою причину. Она вытекаетъ изъ закона человѣческаго духа; оно покоится на смутномъ и инстинктивномъ признаніи того, что вѣроятно, является, глубочайшей истиной, какую только мы можемъ постигнуть, а именно что только то разумно, что справедливо; что только то имѣетъ продолжительное существованіе, что разумно. Въ тѣсной рамкѣ индивидуальныхъ дѣйствій и индивидуальной жизни истина эта кое-гдѣ можетъ казаться неясной, но она повсюду обнаруживается на широкомъ полѣ національной жизни.

Я преклонюсь предъ приговоромъ справедливости и принимаю это испытаніе. Если наше изслѣдованіе той причины, которая дѣлаетъ низкую заработную плату и пауперизмъ спутниками матеріальнаго прогресса, привело насъ къ правильному заключенію, оно выдержитъ переводъ съ терминовъ политической экономіи на термины этики и укажетъ на несправедливость, какъ на источникъ общественныхъ золъ. Если оно не сдѣлаетъ этого, оно будетъ опровергнуто. Если оно сдѣлаетъ это, оно получитъ окончательно подтвержденіе. Если частная собственность на землю справедлива, то средство, которое я предлагаю, есть негодное средство; если, напротивъ того частная собственность на землю несправедлива, то и средство это есть вѣрное средство.

Что же составляетъ справедливое основаніе для собственности? Что даетъ возможность человѣку справедливо сказать о какой-либо вещи, «она моя»? Откуда возникаетъ то чувство, въ силу котораго признаютъ исключительное право человѣка предо всѣмъ міромъ? Не есть-ли это прежде всего сознаніе права человѣка на самаго себя, на употребленіе своихъ собственныхъ силъ, на пользованіе плодами своихъ собственныхъ трудовъ? Не это ли право личности, имѣющее начало и опору въ естественныхъ фактахъ индивидуальной организаціи, — въ томъ фактѣ, что каждая отдѣльная пара рукъ подчиняется отдѣльному мозгу и соотвѣтствуютъ отдѣльному желудку; въ томъ фактѣ, что каждый человѣкъ есть опредѣленное, связное, независимое цѣлое,—не это ли право только и дѣлаетъ справедливой индивидуальную собственность? Какъ человѣкъ принадлежитъ самому себѣ, такъ ему принадлежитъ и его трудъ, проявленный въ конкретной формѣ.

На этомъ-то основаніи, все, что человѣкъ дѣлаетъ или производитъ, принадлежитъ ему; только онъ одинъ, предъ цѣлымъ міромъ, можетъ пользоваться произведеннымъ имъ предметомъ, уничтожить его, промѣнять или отдать другому. Никто другой не имѣетъ законнаго права на предметъ, а его исключительное право на этотъ предметъ не заключаетъ въ себѣ никакой несправедливости ни для кого другаго. Такимъ образомъ, на все, произведенное человѣческимъ трудомъ, существуетъ ясное и неоспоримое право исключительнаго владѣнія и пользованія, которое вполнѣ согласуется съ справед-

ливостью, такъ какъ право это восходитъ отъ первоначальнаго производителя вещи, который получаетъ его въ силу естественнаго закона. Перо, которымъ я пишу, по справедливости мое. Никакое другое человѣческое существо не можетъ предъявить на него законнаго права, ибо я пользуюсь правомъ производителя, который сдѣлалъ это перо. Перо сдѣлалось моимъ, потому что передано мнѣ мѣстнымъ торговцемъ, которому оно было передано импортеромъ, который получилъ исключительное право на перо отъ фабриканта, которому, путемъ того же процесса покупки, достались права тѣхъ, которые вырыли руду изъ земли и превратили въ перо. Такимъ образомъ, мое исключительное право собственности на это перо вытекаетъ изъ естественнаго права индивидуума на употребленіе его собственныхъ способностей.

И это не только первичный источникъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ представленія объ исключительной собственности,—какъ это очевидно по естественному стремленію мысли обращаться къ этому факту всякій разъ, когда идея исключительной собственности подвергается сомнѣнію, а также очевидно и по ходу развитія общественныхъ отношеній,—но это по необходимости единственный источникъ исключительнаго права собственности. На владѣніе какою-либо вещью не можетъ быть законнаго права, которое не вытекало-бы изъ права производителя и не покоилось-бы на естественномъ правѣ человѣка на самого себя. Не можетъ быть никакого инаго законнаго права, во 1-хъ, потому, что не существуетъ другаго естественнаго права, изъ котораго могло-бы быть выведено какое-либо иное основаніе для права собственности, и, во 2-хъ, потому, что признаніе какого-либо инаго основанія было-бы несостоятельно съ правомъ производителя и уничтожило бы его.

1-е. Не существуетъ никакого другаго права, изъ котораго могло-бы быть выведено право на исключительное владѣніе предметомъ, кромѣ права человѣка на самаго себя. Ибо какой другой властью облеченъ человѣкъ отъ природы, кромѣ власти проявлять свои собственныя способности? Какимъ образомъ можетъ онъ иначе дѣйствовать или вліять на матеріальный міръ или на другихъ людей? Парализуйте двигательныя нервы, и человѣкъ будетъ имѣть не больше внѣшняго вліянія или власти, чѣмъ бревно или камень. Изъ чего же инаго, въ такомъ случаѣ, можетъ быть выводимо право собственности или владѣнія чѣмъ бы то ни было? Если оно возникаетъ не изъ самого человѣка, то изъ чего же еще оно можетъ возникнуть? Природа не признаетъ за человѣкомъ инаго права собственности или права владѣнія, кромѣ какъ на результатъ его труда. Никакимъ другимъ путемъ нельзя добывать ея сокровищъ, направлять ея силъ, пользоваться и владѣть ими. Она не дѣлаетъ различія между людьми и ко всѣмъ абсолютно безпристрастна. Она не знаетъ разницы между хозяиномъ и рабомъ, королемъ и подданнымъ, святымъ и грѣшникомъ. Всѣ люди для нея одина-

ковы и имѣютъ равныя права. Она не признаетъ иного права кромѣ права труда, а это право признаетъ безъ всякаго отношенія къ личности, которая имъ обладаетъ. Когда пиратъ ставитъ паруса, то вѣтеръ надуваетъ ихъ также, какъ онъ надуваетъ паруса мирнаго торговаго или миссіонерскаго судна; если-бы какой-нибудь король и обыкновенный человѣкъ были брошены за бортъ, то ни тотъ, ни другой не могли-бы держаться на водѣ иначе какъ плавая; птицы летятъ на выстрѣлъ собственника земли не скорѣе, чѣмъ они летятъ на выстрѣлъ браконьера; рыба клюётъ или нѣтъ приманку съ полнымъ невниманіемъ къ тому, кто предлагаетъ ее: милый ли мальчикъ, который ходитъ въ воскресную школу, или дрянной мальчишка, который прогуливаетъ уроки; хлѣба подымаются лишь тамъ, гдѣ земля обработана и посѣяно сѣмя; только лишь на призывъ труда руда можетъ подняться изъ рудника; солнце свѣтитъ и дождь падаетъ одинаково на праведныхъ и неправедныхъ. Законы природы суть велѣнія Творца. Въ нихъ не начертано признанія какого-либо инаго права, кромѣ права труда, и въ нихъ широко и ясно начертано право каждаго человѣка пользоваться и владѣть природой, отдавать ей свои труды и брать себѣ ея награду. И такъ какъ природа вознаграждаетъ лишь трудъ, то затрата труда на производство есть единственное законное основаніе для исключительнаго владѣнія.

2-ое. Право собственности, вытекающее изъ труда, исключаетъ возможность всякаго другаго права собственности. Если всякій человѣкъ имѣетъ законное право на произведеніе своего труда, то никто не можетъ имѣть законнаго права собственности на что либо такое, что не есть произведеніе его труда или труда какого-нибудь другаго человѣка, право котораго перешло къ нему. Если затрата труда на производство даетъ производителю право на исключительное владѣніе или пользованіе чѣмъ либо, то по справедливости не можетъ быть никакого исключительнаго владѣнія или пользованія чѣмъ либо такимъ, что не есть произведеніе труда, и признаніе частной собственности на землю есть не справедливость. Ибо право на произведенія труда не можетъ имѣть примѣненія безъ права на свободное пользованіе тѣми удобствами, которыя предлагаетъ природа, и допускать право собственности на нихъ значитъ отрицать право собственности на произведенія труда. Если не-производители могутъ требовать въ видѣ ренты извѣстной доли богатства, создаваемаго производителями, то значитъ, въ извѣстной мѣрѣ отрицается право производителей на плоды ихъ труда.

И нельзя вывернуться изъ этого положенія. Утверждать, что человѣкъ по справедливости можетъ имѣть право исключительной собственности на свой трудъ, когда трудъ воплощенъ въ матеріальныхъ вещахъ, значитъ не признавать, чтобы кто либо могъ имѣть законное право на исключительное владѣніе землей. Утверждать законность собственности на землю,

значитъ поддерживать право, которое не имѣетъ опоры въ природѣ, противъ права, которое основывается на организаціи человѣка и на законахъ матеріальнаго міра.

Что всего болѣе препятствуетъ понять несправедливость частной собственности на землю, такъ это привычка включать все то, что сдѣлано предметомъ собственности, въ одну категорію собственности, или, если и дѣлать какое либо различіе, такъ проводя линію раздѣла, согласно съ нефилософскимъ различіемъ юристовъ между движимостью и недвижимостью. Дѣйствительно и естественно различіе между вещами, которыя суть произведеніе труда, и вещами, которыя суть даровыя предложенія природы, или, пользуясь терминами политической экономіи, между богатствомъ и землей.

Эти два класса вещей въ своей сущности и отношеніяхъ широко различны, и классифицировать ихъ вмѣстѣ какъ собственность значитъ совершенно запутывать мысль при разсмотрѣніи справедливости или несправедливости, законности или незаконности какой либо собственности.

Домъ и участокъ земли, на которомъ онъ стоитъ, суть одинаково собственность, будучи предметомъ владѣнія, и одинаково классифицируются юристами какъ недвижимость. Однако по своей природѣ и отношеніямъ они широко различаются. Одинъ произведенъ человѣческимъ трудомъ и принадлежитъ къ классу, обозначаемому въ политической экономіи терминомъ богатство. Другой есть часть природы и принадлежитъ къ классу, обозначаемому въ политической экономіи терминомъ земля.

Существенная черта перваго класса вещей состоитъ въ томъ, что онѣ воплощаютъ въ себѣ трудъ, созданы человѣческой дѣятельностью, и ихъ существованіе, или несуществованіе, ихъ увеличеніе или уменьшеніе зависитъ отъ человѣка. Существенная черта втораго класса вещей состоитъ въ томъ, что онѣ не воплощаютъ труда, существуютъ независимо отъ человѣческой дѣятельности и независимо отъ человѣка, являясь пространствомъ или средой, въ которой находится человѣкъ, складомъ, изъ котораго должны удовлетворяться его нужды; сырымъ матеріаломъ, на который можетъ воздѣйствовать, и силами, съ помощью которыхъ можетъ дѣйствовать трудъ.

Лишь только будетъ усвоено это различіе, какъ сдѣлается яснымъ что той санкціи, которую даетъ естественная справедливость одному виду собственности, не имѣется для другаго; что законность, присущая личной собственности на произведенія труда, обусловливаетъ собой незаконность личной собственности на землю; что, въ то время какъ признаніе одного вида собственности ставитъ всѣхъ людей въ равное положеніе, обезпечивая за каждымъ должное вознагражденіе за его трудъ, признаніе другаго есть отрицаніе равноправности людей, позволяющее тѣмъ, которые не трудятся брать себѣ естественное вознагражденіе трудящихся.

Чтобы ни говорили въ защиту частной собственности на землю, ясно, слѣдовательно, что ея нельзя защищать съ точки зрѣнія справедливости.

Равное право всѣхъ людей на пользованіе землей столь же ясно, какъ ихъ равное право дышать воздухомъ, — это есть право, устанавливаемое самымъ фактомъ ихъ существованія. Ибо мы не можемъ предположить чтобы нѣкоторые люди имѣли право находиться въ этомъ мірѣ, а другіе не имѣли такого права.

И если мы всѣ находимся здѣсь благодаря въ равной мѣрѣ дозволенію Создателя, то мы всѣ имѣемъ равное право на пользованіе Его благостью, имѣемъ равное право на пользованіе всѣмъ тѣмъ, что такъ безпристрастно предлагаетъ природа *). Это есть право естественное и неотчуждаемое; это есть право, которымъ надѣляется каждое человѣческое существо, когда оно вступаетъ въ міръ, и которое во время его пребыванія въ мірѣ, можетъ быть ограничиваемо лишь равными правами другихъ.

Всемогущій, который создалъ землю для человѣка и человѣка для земли, укрѣпилъ ее за всѣми поколѣніями сыновъ человѣческихъ посредствомъ повелѣнія, начертаннаго на строѣ всего существующаго,—посредствомъ повелѣнія, которое не можетъ быть уничтожено никакимъ человѣческимъ дѣйствіемъ и не можетъ быть ограничено никакимъ правомъ давности.

Наши предшествующія заключенія, неопровержимыя сами по себѣ, такимъ образомъ оправдываются наивысшей и окончательной повѣркой. Переведенные съ терминомъ политической экономіи на термины этики, они указываютъ на несправедливость, какъ на источникъ тѣхъ золъ, которыя увеличиваются вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальнаго прогресса.

---

*) Говоря, что частная собственность на землю, въ конечномъ анализѣ, можетъ быть оправдываема лишь на основаніи теоріи, что одни люди имѣютъ болѣе права на существованіе, чѣмъ другіе, я лишь высказываю то, что замѣтили сами защитники существующей системы. Что дало Мальтусу его популярность среди правящихъ классовъ, что было причиной того, что его нелогичная книга была принята, какъ новое откровеніе, что побуждало монарховъ посылать ему знаки отличія и самыхъ скаредныхъ богачей Англіи предлагать ему пенсіи, какъ не тотъ фактъ, что онъ придумалъ благовидное основаніе для предположенія, что нѣкоторые имѣютъ больше права на существованіе, чѣмъ другіе,— предположенія, которое необходимо для оправданія частной собственности на землю, а его ясно выставилъ Мальтусъ, объявивъ, что ростъ народонаселенія постоянно стремится вводить въ міръ человѣческихъ существъ, которымъ природа отказываетъ въ продовольствіи, и которыя, слѣдовательно, «не имѣютъ ни малѣйшаго права на какую либо долю въ существующемъ запасѣ средствъ существованія», которыхъ она какъ контрабандистовъ обрекаетъ на гибель «и не замедлитъ силою принудить къ повиновенію ея приказамъ,» пуская въ ходъ для своихъ цѣлей, «голодъ и чуму, войны и преступленія, смертность и небрежный уходъ въ младенческомъ возрастѣ, проституцію и сифилисъ». И въ настоящее время именно доктрина Мальтуса является защитой, къ которой прибѣгаютъ лица, оправдывающіе частную собственность на землю. Ни на какомъ другомъ основаніи нельзя логически защищать частную собственность на землю.

Народныя массы, которыя среди изобилія терпятъ нужду; которыя, будучи политически свободными, осуждены на заработную плату рабовъ, которыя не только не получаютъ облегченія въ своихъ трудахъ отъ сберегающихъ трудъ изобрѣтеній, но скорѣе, кажется, теряютъ благодаря имъ свою власть, инстинктивно чувствуютъ, что «тутъ есть какая то неправда». И онѣ правы.

Тяжелыя общественныя бѣдствія, которыя среди развивающейся цивилизаціи всюду угнетаютъ людей, вытекаютъ изъ великой начальной неправды, изъ присвоенія, въ видѣ исключительной собственности нѣкоторыхъ людей, земли, на которой и отъ которой должны кормиться всѣ люди. Въ этой то основной неправдѣ и коренятся всѣ тѣ несправедливости, которыя искажаютъ и ставятъ въ опасное положеніе современную цивилизацію.

И нѣтъ ничего страннаго или необъяснимаго въ тѣхъ явленіяхъ, которыя смущаютъ теперь міръ. Не потому, чтобы матеріальный прогрессъ не былъ самъ по себѣ благомъ; не потому, чтобы природа вызывала къ жизни дѣтей, о продовольствіи которыхъ она не позаботилась бы; не потому, чтобы создатель оставилъ на законахъ природы отпечатокъ несправедливости, которымъ даже человѣческій разумъ можетъ возмущаться; не потому матеріальный прогрессъ приноситъ такіе горькіе плоды. Что среди нашей высокой цивилизаціи люди чахнутъ и умираютъ отъ нужды, зависитъ не отъ скаредности природы, но отъ несправедливости человѣка. Порокъ и страданіе, бѣдность и нужда не суть законныя слѣдствія увеличенія народонаселенія и промышленнаго развитія; они только слѣдуютъ за ростомъ народонаселенія и за промышленнымъ развитіемъ, только потому что земля признаетъ частной собственностью,—они суть прямыя и необходимыя слѣдствія нарушенія верховнаго закона справедливости, заключающагося въ предоставленіи въ исключительное владѣніе нѣкоторыхъ лицъ того, что природа предназначала для всѣхъ людей.

Признаніе личной собственности на землю есть отрицаніе естественнаго права прочихъ лицъ,—есть неправда, которая *должна* проявиться въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства. Ибо трудъ не можетъ производить, не пользуясь землей, и отрицаніе равнаго права на пользованіе землей неизбѣжно является отрицаніемъ права труда на его произведенія. Если одинъ человѣкъ можетъ владѣть землей, на которой другіе люди должны трудиться, онъ можетъ брать себѣ и произведенія ихъ труда, какъ вознагражденіе за то, что онъ позволяетъ имъ работать. И вотъ такимъ образомъ нарушается тотъ основной законъ природы, что удовлетвореніе потребностей человѣка должно быть слѣдствіемъ его труда. Одинъ получаетъ, не производя; другіе производятъ, не получая. Одинъ несправедливо обогащается, другихъ грабятъ. Въ этой то основной неправдѣ и кроется причина того не-

справедливаго распредѣленія богатства, которое раздѣляетъ современное общество на очень богатыхъ и на очень бѣдныхъ. А постоянный ростъ ренты,—той цѣны, которую трудъ принужденъ выплачивать за пользованіе землей, лишаетъ массу честно заработаннаго богатства.

Минутнаго размышленія достаточно, чтобы замѣтить крайнюю нелѣпость тѣхъ юридическихъ актовъ, на которые мы опираемся, дозволяя формальный переходъ отъ Джона Ду къ Ричарду Ру права на исключительное владѣніе землей, дающее абсолютное господство надъ всѣми прочими людьми. Въ Калифорніи наши земельныя права восходятъ до Верховнаго Правительства Мексики, которое получило эти права отъ испанскаго короля, а онъ получилъ ихъ отъ папы, когда тотъ однимъ почеркомъ пера раздѣлилъ земли, которыя еще предстояло открыть, между испанцами и португальцами,—или, если вамъ угодно, права наши покоятся на завоеваніи. Въ Восточныхъ штатахъ они восходятъ до трактатовъ съ индѣйцами и до жалованныхъ грамотъ англійскихъ королей, въ Луизіанѣ до французскаго правительства; во Флоридѣ до испанскаго правительства; тогда какъ въ Англіи они восходятъ до норманскихъ завоевателей. Повсюду они возникаютъ не изъ права, которые обязываетъ, но изъ силы, которая принуждаетъ. А когда право покоится только на силѣ, тогда и жаловаться нельзя, если сила уничтожаетъ его. Когда бы ни пожелалъ народъ, имѣя власть, отмѣнить эти права, никакого возраженія противъ этого нельзя было бы сдѣлать во имя справедливости. Существовали люди, которые имѣли власть удержать за собой или передать другимъ исключительное владѣніе кусочками земной поверхности, но когда и гдѣ существовали люди, которые имѣли на это право?

Право на исключительное владѣніе какимъ либо человѣческимъ произведеніемъ безспорно. Все равно черезъ сколько бы рукъ оно не переходило, но въ этомъ случаѣ въ началѣ цѣпи всегда оказывается человѣческій трудъ, — какой нибудь человѣкъ, который, добывъ или произведя такую-то вещь своими трудами, имѣлъ на нее ясное право предо всей остальной частью человѣческаго рода, и это право по справедливости можетъ переходить отъ одного человѣка къ другому путемъ продажи или даренія. Но въ концѣ какого ряда передаточныхъ или жалованныхъ записей можно доказать или предположить подобное право на какую либо часть земнаго шара? Что касается улучшеній, то за ними подобное первичное право можетъ быть признано, но это право, есть лишь право на улучшенія, а не на самую землю. Если я расчищаю заросль, осушаю болото или засыпаю топь, то все то, на что я по справедливости получаю право, есть цѣнность, создаваемая моими трудами. Но я не получаю никакого права на самую землю, и я вправѣ разсчитывать лишь на равную со всякимъ прочимъ членомъ общества долю цѣнности, прибавляемой къ землѣ ростомъ общества.

Но скажутъ: Существуютъ улучшенія, которыя со временемъ становятся неотличимыми отъ самой земли! Очень хорошо; въ такомъ случаѣ право на улучшенія сливается съ правомъ на землю; индивидуальное право теряется въ общемъ правѣ. Вѣдь меньшее поглощается большимъ, а не большее поглощается меньшимъ. Природа не происходитъ отъ человѣка, но человѣкъ происходитъ отъ природы, и въ нѣдра природы должны снова вернуться и онъ и всѣ его дѣла.

Тутъ мы встрѣчаемъ возраженіе такого рода: Такъ какъ каждый человѣкъ, скажутъ намъ, имѣетъ право пользоваться природой для удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей, то мы, для того чтобы человѣкъ, пользующійся землей, могъ получать полное вознагражденіе за свой трудъ, должны признать за нимъ и исключительное право на пользованіе землей. Однако мы безъ всякаго труда можемъ опредѣлять, гдѣ кончается индивидуальное право и начинается общественное. Тонкое и точное средство для этого находимъ мы въ цѣнности, и съ ея помощью будетъ совсѣмъ не трудно опредѣлять и сохранять какъ точныя права каждаго, такъ и равныя права всѣхъ, все равно сколько бы не увеличивалась плотность народонаселенія. Цѣнность земли, какъ мы видѣли, есть цѣна монополіи. Цѣнность эта опредѣляется не абсолютнымъ, а относительнымъ достоинствомъ земли. Все равно, каковы бы не были внутреннія качества земли, но если она не лучше, чѣмъ какая либо другая земля, которой можно пользоваться, она не имѣетъ цѣнности. И цѣнность земли всегда опредѣляетъ собой разницу въ качествѣ между даннымъ участкомъ и наилучшей землей, которую можно имѣть для обработки безъ платежа ренты. Такимъ образомъ цѣнность земли въ точной и осязательной формѣ выражаетъ собой право общества на землю, которою владѣетъ какой либо индивидуумъ; а рента выражаетъ точную сумму того, что этотъ индивидуумъ долженъ платить обществу для удовлетворенія равныхъ правъ всѣхъ прочихъ членовъ общества. Такимъ образомъ, если мы сохранимъ за лицами, имѣющими первенство владѣнія, безмятежное пользованіе землей, конфискуя ренту въ пользу общества, то мы согласимъ устойчивость владѣнія, необходимую для улучшеній, съ полнымъ и совершеннымъ признаніемъ равныхъ правъ всѣхъ людей на пользованіе землей.

Что касается до обоснованія первенствомъ захвата полнаго и исключительнаго индивидуальнаго права на землю, то такая защита земельной собственности является, если возможно, самой нелѣпой. Первенство завладѣнія даетъ исключительное и вѣчное право на поверхность земли, на которой, слѣдуя законамъ природы, безсчетныя поколѣнія смѣняются одно другимъ! Имѣли ли люди, предшествовавшаго поколѣнія или люди, жившіе сто, тысячу лѣтъ тому назадъ, высшее право на этотъ міръ, чѣмъ какое имѣютъ люди нашего поколѣнія? Или высшее право на этотъ міръ имѣли пещерные

жители, современники мастодонта и трехпалой лошади, или тѣ еще болѣе раннія поколѣнія, которыя, въ тѣ темныя времена, которыя мы можемъ представить только въ видѣ геологическихъ періодовъ, смѣняли другъ друга на землѣ, которой мы теперь владѣемъ въ теченіе нашей короткой жизни?

Имѣетъ ли право пришедшій первымъ на пиръ удалить всѣ стулья и требовать, чтобы никто изъ гостей не ѣлъ приготовленныхъ блюдъ иначе, какъ съ его дозволенія? Пріобрѣтаетъ ли право человѣкъ, представившій первымъ билетъ при входѣ въ театръ и вошедшій въ него, въ силу своего первенства, запереть двери и требовать, чтобы представленіе шло для него одного? Получаетъ ли тотъ пассажиръ, который первымъ входитъ въ желѣзнодорожный вагонъ, право разбросать свои вещи по всѣмъ скамейкамъ и заставить стоять всѣхъ пассажировъ, которые войдутъ послѣ него?

А случаи эти совершенно аналогичны. Мы появляемся и уходимъ, какъ гости на пиру непрерывно продолжающемся, какъ зрители и участники при представленіи, при которомъ для всѣхъ, кто бы ни пришелъ, есть мѣсто; какъ пассажиры отъ станціи до станціи на планетѣ, которая несется въ пространствѣ,— наши права захвата и владѣнія не могутъ быть исключительными, они должны повсюду ограничиваться равными правами другихъ людей. Все равно, какъ пассажиръ въ желѣзнодорожномъ вагонѣ можетъ размѣститься со своими вещами на сколькихъ ему угодно скамейкахъ, пока не явятся другіе пассажиры, такъ и поселенецъ можетъ владѣть и пользоваться какимъ ему угодно количествомъ земли, пока она еще не нужна другимъ,—показателемъ чего является пріобрѣтеніе землей цѣнности,—и тогда право поселенца должно быть ограничено равными правами другихъ людей, и никакое первенство присвоенія не можетъ дать такого права, которое отрицало бы эти равныя права прочихъ. Въ противномъ случаѣ, въ силу первенства присвоенія, одинъ человѣкъ могъ бы пріобрѣтать и могъ бы передавать кому угодно не только исключительное право на 160 акровъ, или на 640 акровъ, но и на цѣлый округъ, на цѣлый штатъ и на цѣлый континентъ.

Признаніе личнаго права на землю, въ его крайнемъ выраженіи, ведетъ къ такой явной нелѣпицѣ, что одно какое либо человѣческое существо, если бы оно могло сосредоточить въ себѣ индивидуальныя права на землю какой либо страны, могло бы прогнать съ земли все остальное ея населеніе; а если бы оно могло такимъ образомъ сосредоточить индивидуальныя права на всю поверхность нашей планеты, то оно одно изъ всего многомилліоннаго населенія земли имѣло бы право жить.

То, что произошло бы при этомъ предположеніи, осуществляется въ маломъ видѣ на самомъ дѣлѣ. Территоріальные властители Великобританіи, которымъ жалованныя грамоты на землю дали «бѣлые зонтики и слоновъ, безумныхъ отъ гордости», то и дѣло сгоняли съ обширныхъ земель

природное населеніе, предки котораго жили на этихъ земляхъ съ незапамятныхъ временъ, заставляя людей эмигрировать, дѣлаться нищими или умирать съ голоду. А на необрабатываемыхъ земляхъ новаго штата Калифорніи виднѣются закоптѣлые очаги жилищъ, обитатели которыхъ были изгнаны силою законовъ, не знающихъ естественнаго права; огромныя пространства земли, которыя могли бы быть населенными, пустынны, потому, что признаніе исключительной собственности на землю дало власть одному человѣческому созданію запрещать другимъ людямъ пользоваться этой землей. Какая нибудь кучка собственниковъ, владѣющихъ поверхностью Британскихъ островов если-бы она захотѣла сдѣлать то, на что англійскій законъ дастъ имъ полное право и что многіе изъ нихъ уже дѣлали въ маломъ размѣрѣ, могла-бы прогнать милліоны британскаго народа съ его родныхъ островов. И такое изгнаніе, при которомъ нѣсколько сотенъ тысячъ людей по своему желанію удалили-бы тридцать милліоновъ человѣкъ изъ ихъ родной страны, хотя и было бы болѣе поразительнымъ, но отнюдь не болѣе противнымъ естественному праву, чѣмъ то зрѣлище, которое совершается въ настоящее время, когда огромная масса британскаго народа принуждена выплачивать громадныя суммы нѣсколькимъ лицамъ изъ своей среды за привилегію жить на той землѣ и пользоваться тою землею, которую этотъ народъ съ такою любовью называетъ своею, которая дорога ему по воспоминаніямъ столь трогательнымъ и столь славнымъ, и за которую онъ долженъ, въ случаѣ надобности, проливать свою кровь и жертвовать своею жизнью.

Я говорю только о Британскихъ островахъ потому, что земельная собственность тамъ болѣе концентрирована и такимъ образомъ они представляютъ болѣе поразительную картину того, къ чему неизбѣжно ведетъ частная собственность на землю. «Кому въ какое либо время принадлежитъ земля, тому принадлежатъ плоды ея» это истина, которая становится все болѣе и болѣе явной по мѣрѣ того, какъ уплотняется народонаселеніе и, вслѣдствіе изобрѣтеній и усовершенствованій, увеличиваются производительныя силы, но она повсюду остается истиной, — какъ въ нашихъ новыхъ штатахъ, такъ на Британскихъ островахъ или на берегахъ Инда.

ГЛАВА II.

Порабощеніе рабочихъ — конечный результатъ частной собственности на землю.

Если рабство несправедливо, то и частная собственность на землю несправедлива.

Ибо, каковы бы ни были прочія обстоятельства, — владѣніе землей всегда приведетъ къ владѣнію людьми, въ той мѣрѣ, которая опредѣляется необходимостью (дѣйствительной или искусственной) пользованія землей. Это есть лишь иная форма выраженія закона ренты.

А когда эта необходимость становится абсолютной, — когда голодная смерть становится альтернативой пользованія землей, тогда и владѣніе людьми, заключающееся во владѣніи землей, становится абсолютнымъ.

Помѣстите сотню людей на какой-нибудь островъ, откуда они не могутъ бѣжать, и сдѣлаете-ли вы одного изъ нихъ абсолютнымъ собственникомъ прочихъ девяносто-девяти или абсолютнымъ собственникомъ земли этого острова,—это не составитъ никакой разницы ни для него, ни для нихъ.

И въ томъ и другомъ случаѣ, одинъ будетъ абсолютнымъ владыкой девяносто-девяти, при чемъ его власть будетъ распространяться на жизнь и смерть, ибо отказать этимъ людямъ въ позволеніи жить на островѣ значило бы ввергнуть ихъ въ море.

Та же самая причина должна обнаруживать свое дѣйствіе такимъ же образомъ и въ томъ же направленіи и въ странѣ болѣе крупнаго размѣра и при болѣе сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ, при чемъ конечный результатъ, порабощеніе рабочаго, будетъ обнаруживаться тотчасъ же какъ увеличится давленіе, принуждающее рабочихъ жить на той землѣ и отъ той земли, которая считается исключительной собственностью другихъ лицъ. Возьмите какую-нибудь страну, гдѣ земля была бы раздѣлена между нѣкоторымъ числомъ собственниковъ, вмѣсто того, чтобы быть въ рукахъ одного, и гдѣ, какъ въ современномъ производствѣ, капиталисты отдѣльны отъ рабочихъ, а промышленность и торговля, со всею массою своихъ подраздѣленій, отдѣлены отъ земледѣлія. И въ этомъ случаѣ отношенія между владѣльцами земли и рабочими, при увеличеніи народонаселенія и усовершенствованіи техники, будутъ стремиться, хотя съ меньшей опредѣленностью и ясностью, къ тому же самому абсолютному владычеству съ одной стороны и къ тому же самому унизительному и безпомощному подчиненію съ другой, какъ и въ случаѣ того острова, который мы предполагали. Рента будетъ возрастать, въ то время какъ заработная плата будетъ падать. Изъ общей суммы производимаго землевладѣльцы будутъ получать постоянно увеличи-

вающуюся долю, а рабочіе постоянно уменьшающуюся. Лишь только переходъ на болѣе дешевую землю сдѣлается затруднительнымъ или невозможнымъ, рабочіе, все равно что бы они не производили, станутъ довольствоваться самыми ограниченными средствами къ жизни, а свободная конкурренція между ними, тамъ, гдѣ земля монополизирована, будетъ доводить ихъ до такого положенія, которое въ сущности будетъ рабствомъ, хотя ихъ и будутъ морочить титулами и эмблемами свободы.

И нѣтъ ничего страннаго въ томъ фактѣ, что вопреки огромному росту производительныхъ силъ, котораго было свидѣтелемъ наше столѣтіе, и который еще продолжается и теперь, заработная плата рабочаго въ болѣе низкихъ и обширныхъ слояхъ промышленности должна была повсюду стремиться къ заработной платѣ раба,—какъ разъ къ тому уровню, при которомъ ея хватаетъ лишь на поддержаніе рабочаго въ состояніи работать. Ибо право собственности на землю, на которой и отъ которой долженъ жить человѣкъ, есть въ сущности право собственности на самаго человѣка, и признавая за нѣкоторыми лицами право исключительнаго владѣнія и пользованія землей, мы осуждаемъ прочихъ людей на рабство столь же полное и совершенное, какъ если бы мы ихъ формально дѣлали движимой собственностью.

Какимъ образомъ при болѣе простомъ состояніи общества, когда производство состоитъ главнымъ образомъ въ непосредственномъ приложеніи труда къ землѣ, рабство является необходимымъ результатомъ дарованія нѣкоторымъ лицамъ исключительнаго права на землю, отъ которой всѣ должны жить, это ясно можно видѣть на возникновеніи илотизма, института вилленовъ, крѣпостнаго права.

Рабство, возникавшее изъ захвата плѣнниковъ на войнѣ, хотя и существовало въ разныхъ формахъ во всѣхъ странахъ земнаго шара, однако имѣло незначительное распространеніе и оказывало ничтожное вліяніе сравнительно съ тѣми формами рабства, которыя вытекали изъ присвоенія земли. Никогда не было того, чтобы какой либо народъ въ своей массѣ превращался въ рабовъ нѣсколькихъ лицъ изъ его же среды или чтобы сколь нибудь многочисленный народъ былъ обращенъ въ рабство путемъ завоеванія. Общее подчиненіе множества лицъ немногимъ лицамъ, съ которымъ мы встрѣчаемся всюду, гдѣ только общество достигало извѣстнаго развитія, всегда являлось результатомъ присвоенія земли въ видѣ индивидуальной собственности. Всюду собственность на землю приводила къ собственности на людей, живущихъ на ней. Именно такого рода было то рабство, о которомъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ многовѣковыя пирамиды и колоссальные памятники Египта; быть можетъ, мы имѣемъ смутное преданіе о томъ, какимъ образомъ возникло это рабство, въ библейскомъ разсказѣ о голодѣ, во время котораго фараонъ скупалъ земли народа. Именно такого

рода было то рабство, въ которое, въ сумракѣ исторіи, завоеватели Греціи обратили первоначальное населеніе этого полуострова, обративши его въ илотовъ, заставивъ уплачивать аренду за его земли. Развитіе латифундій или огромныхъ земельныхъ владѣній, вотъ что превратило населеніе древней Италіи, изъ расы смѣлыхъ крестьянъ земледѣльцевъ, грубыя добродѣтели которыхъ завоевали міръ, въ расу пресмыкающихся рабовъ; присвоеніе земли какъ абсолютной собственности начальниковъ, вотъ что постепенно обратило потомковъ свободныхъ и равноправныхъ галльскихъ, тевтонскихъ и гуннскихъ воиновъ въ колоновъ и вилленовъ; вотъ что превратило независимыхъ членовъ славянскихъ сельскихъ общинъ въ русскихъ мужиковъ и польскихъ холоповъ; вотъ что учредило феодализмъ въ Китаѣ и Японіи, такъ же какъ въ Европѣ, и что сдѣлало Верховныхъ начальниковъ Полинезіи почти абсолютными владыками ихъ земляковъ. И какимъ образомъ произошло, что пастушескія и воинственныя арійскія племена, пришедшія, какъ показываетъ сравнительная филологія, изъ общей родины индо-германской расы въ низменности Индіи, превратились въ покорныхъ и раболѣпныхъ индусовъ, на это даетъ намъ намекъ тотъ санскритскій стихъ, который я ранѣе приводилъ. Бѣлые зонтики и слоны индусскаго раджи, безумные отъ гордости, суть цвѣты жалованныхъ грамотъ на землю. А если бы мы могли найти ключъ къ тѣмъ памятникамъ давно погибшихъ цивилизацій, которыя лежатъ погребенными въ гигантскихъ развалинахъ Юкатана и Гватемалы, свидѣтельствующихъ въ одно и то же время о гордости правящаго класса и о даровомъ трудѣ, на который осуждены были массы, мы прочли бы, по всей человѣческой вѣроятности, о рабствѣ, въ которое обращена была бо́льшая часть народа путемъ захвата земли въ собственность немногихъ лицъ,—натолкнулись бы на новое подтвержденіе той всеобщей истины, что тѣ лица, которыя владѣютъ землей, суть владыки людей, живущихъ на ней.

Необходимое отношеніе между трудомъ и землей, абсолютная власть, которую даетъ владѣніе землей надъ людьми, которые не могутъ жить, не пользуясь ею, и объясняетъ то, что иначе представляется необъяснимымъ,—развитіе и сохраненіе учрежденій, нравовъ и понятій столь глубоко противныхъ естественному чувству свободы и равенства.

Когда понятіе объ индивидуальной собственности, которая столь справедливо естественно пріурочивается къ вещамъ создаваемымъ человѣкомъ, распространяется на землю, тогда и все остальное становится просто дѣломъ времени. Самые сильные и самые ловкіе легко пріобрѣтаютъ львиныя доли въ томъ родѣ собственности, которая получается не путемъ производства, а путемъ присвоенія, и, дѣлаясь властелинами земли, роковымъ образомъ становятся властелинами своихъ земляковъ. Право собственности на землю есть основа аристократіи. Не высшее званіе давало землю, а владѣніе землей

давало высшее званіе. Всѣ огромныя привиллегіи высшаго класса средневѣковой Европы вытекали изъ его положенія, какъ собственника земли. Простой принципъ собственности на землю создавалъ, съ одной стороны, господина, съ другой—вассала,—человѣка, имѣющаго всевозможныя права и человѣка, не имѣющаго никакихъ. Разъ было признано и утверждено за господиномъ право на землю, и тѣ люди, которые жили на ней, могли оставаться на землѣ лишь на его условіяхъ. Нравы и обстоятельства того времени заставляли включать въ эти условія повинности и услуги, наряду съ оброками въ видѣ произведеній или денегъ, но то главное, чѣмъ опредѣлялись эти условія, было право собственности на землю. Власть, какую оно даетъ, существуетъ всюду, гдѣ существуетъ собственность на землю, и можетъ проявиться всюду, гдѣ конкурренція изъ за пользованія землей достаточно сильна, чтобы дать возможность землевладѣльцу выставить свои собственныя условія. Англійскій лендлордъ нашего времени благодаря закону, который признаетъ за нимъ исключительное право на землю, имѣетъ въ сущности всю ту власть, которую имѣлъ его предшественникъ, феодальный баронъ. Тотъ могъ назначать ренту въ видѣ повинностей или услугъ; могъ заставлять своихъ арендаторовъ одѣваться извѣстнымъ образомъ, исповѣдывать извѣстную вѣру, посылать своихъ дѣтей въ извѣстную школу, подчинять свои споры его рѣшенію, падать на колѣна, когда онъ говоритъ съ ними, составлять въ ливреяхъ его свиту или приносить ему въ жертву женскую честь, если только они предпочли бы все это тому, чтобы быть согнанными съ его земли. Онъ могъ поставить, короче, всякія условія, на какихъ только люди согласились бы жить на его землѣ, и законъ могъ бы воспрепятствовать ему не иначе, какъ ограничивъ его права собственности, ибо обязательства эти имѣли бы форму свободнаго договора или добровольнаго дѣйствія. И англійскіе лендлорды нашего времени берутъ себѣ все то, что при современныхъ нравахъ представляетъ для нихъ интересъ. Будучи избавлены отъ обязательства заботиться о защитѣ страны, они болѣе не нуждаются въ военной службѣ своихъ арендаторовъ, а такъ какъ обладаніе богатствомъ и властію теперь выражается иными способами, чѣмъ длинными хвостами челяди, то ихъ не интересуетъ болѣе и личная услуга. Но они обыкновенно слѣдятъ за голосами своихъ арендаторовъ на выборахъ и выражаютъ имъ свою волю множествомъ милыхъ способовъ. Вотъ «его высокопреподобіе отецъ во Христѣ», епископъ Пленкетъ лишаетъ имущества множество своихъ несчастныхъ ирландскихъ арендаторовъ, потому что они не хотѣли посылать своихъ дѣтей въ протестантскія воскресныя школы; а графу Литримъ приписываютъ даже болѣе тяжкія преступленія; и много, много сносилось коттеджей и выгонялось на улицу семей просто изъ-за холодныхъ побужденій жадности. Принципъ, который дѣлаетъ это воз-

можнымъ, есть тотъ самый принципъ, который въ болѣе грубое время и при болѣе простомъ состояніи общества поработилъ огромныя массы простого народа и раздѣлилъ такой огромной пропастью барина и мужика. Крестьянинъ былъ превращенъ въ крѣпостного просто благодаря тому, что ему запрещено было покидать землю, на которой онъ родился, при чемъ искусственно создавалось то положеніе, которое мы предполагали на островѣ. Въ малозаселенныхъ странахъ это было необходимо для того, чтобы создать абсолютное рабство, но, гдѣ земля вполнѣ занята, конкурренція можетъ создать, по существу тѣ же самыя условія. И сравнивая положеніе угнетеннаго рентой ирландскаго крестьянина и положеніе русскаго крѣпостного, нетрудно замѣтить, что преимущество во многихъ случаяхъ оставалось на сторонѣ крѣпостного. Крѣпостной по крайней мѣрѣ не умиралъ отъ голода.

И, мнѣ думается, я вполнѣ достаточно доказалъ, что та причина, которая проявляетъ свое дѣйствіе въ современномъ цивилизованномъ мірѣ, есть именно та самая причина, которая во всѣ времена унижала и порабощала рабочія массы. Личная свобода, — то-есть, свобода передвиженія, — признается повсюду, а отъ политическаго и гражданскаго неравенства въ Соединенныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ, не осталось и слѣдовъ, да немного ихъ найдется и въ самыхъ отсталыхъ цивилизованныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе, великая причина неравенства остается и проявляется въ неравномѣрномъ распредѣленіи богатства. Сущность рабства состоитъ въ томъ, что оно отбираетъ отъ рабочаго все, что онъ производитъ, за исключеніемъ необходимаго для поддержанія голаго животнаго существованія, и къ этому-то минимуму несомнѣнно стремится, при существующихъ условіяхъ, заработная плата свободнаго рабочаго. Какъ бы быстро не возрастали производительныя силы, рента неуклонно стремится поглотить всю выгоду отъ этого возрастанія, и даже болѣе чѣмъ всю выгоду.

Такимъ образомъ, положеніе массъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ превращается или стремится превратиться въ положеніе рабства, скрытаго подъ формами свободы. И, вѣроятно, изъ всѣхъ родовъ рабства этотъ родъ есть самый жестокій и безжалостный. Ибо у рабочаго отнимаютъ произведенія его труда и принуждаютъ его трудиться изъ-за голаго животнаго существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ то, что принуждаетъ его къ этому, является не въ видѣ человѣческаго существа, а въ формахъ какой-то повелительной необходимости. Тѣ люди, которымъ онъ сдаетъ свою работу и отъ которыхъ онъ получаетъ свою плату, часто, въ свою очередь, находятся въ неволѣ, — соприкосновеніе между рабочими и конечными владѣльцами ихъ труда устраняется и утрачивается всякая индивидуальность. Прямой отвѣтственности хозяина по отношенію къ рабу, отвѣтственности, которая оказываетъ столь смягчающее вліяніе на огромное большинство людей, болѣе уже

не существуетъ; повидимому, не человѣкъ понуждаетъ человѣка къ неослабному и плохооплачиваемому труду, но «неизбѣжные законы предложенія и спроса», за которые никто въ частности не отвѣтственъ. Правило Катона Цензора, — правило, на которое смотрѣли съ отвращеніемъ даже въ вѣкъ жестокости и всеобщаго рабовладѣнія, — что послѣ того, какъ отъ раба будетъ взято столько работы, сколько возможно, должно прогнать раба — пусть онъ умираетъ, дѣлается руководящимъ принципомъ; утрачивается даже собственный интересъ, побуждающій хозяина заботиться о жизненныхъ удобствахъ и благосостояніи раба. Трудъ сдѣлался товаромъ, а работникъ машиною. Нѣтъ болѣе хозяевъ и рабовъ, нѣтъ господъ и крѣпостныхъ, а есть только покупатели и продавцы. Рыночные инстинкты заглушаютъ собой всѣ прочія чувства.

И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что рабовладѣльцы Юга, останавливая свое вниманіе на положеніи свободныхъ тружениковъ въ самыхъ передовыхъ цивилизованныхъ странахъ, легко приходили къ убѣжденію въ божественномъ учрежденіи рабства. Что полевые рабочіе Юга въ общемъ лучше питались, имѣли лучшее помѣщеніе и лучше одѣвались; что они имѣли меньше заботы и болѣе наслажденій и радостей жизни, чѣмъ земледѣльческіе рабочіе Англіи, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; и даже въ городахъ Сѣвера пріѣзжавшіе рабовладѣльцы могли видѣть и слышать такія вещи, какія были невозможны притомъ, что они называли ихъ собственной организаціей труда. Въ Южныхъ штатахъ во времена рабства хозяинъ, который принуждалъ бы своихъ негровъ работать и жить такъ, какъ въ свободныхъ странахъ принуждали работать и жить огромныя массы свободныхъ бѣлыхъ мужчинъ и женщинъ, считался бы человѣкомъ безчестнымъ, и если не общественное мнѣніе, то его собственный интересъ заставилъ бы его позаботиться о поддержаніи здоровья и силъ его рабовъ. А въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и Бостонѣ, среди людей, которые жертвовали и всегда готовы жертвовать деньгами и кровью за освобожденіе раба, гдѣ никто не можетъ публично дурно обращаться съ животными, не подвергаясь аресту и наказанію, вы видите даже въ зимнее время босоногихъ и оборванныхъ дѣтей, бѣгающихъ по улицамъ, и на грязныхъ чердакахъ и въ вонючихъ подвалахъ встрѣчаете женщинъ, всю жизнь свою проводящихъ въ работѣ изъ-за платы, которой недостаточно даже для того, чтобы снабдить ихъ должнымъ образомъ тепломъ и пищей. Есть-ли что удивительнаго въ томъ, что требованіе объ уничтоженіи рабства казалось рабовладѣльцамъ Юга выраженіемъ лицемѣрія?

И теперь, послѣ того, какъ рабство было отмѣнено, плантаторы Юга находятъ, что они не потерпѣли убытка. Ихъ право собственности на землю, на которой освобожденные люди должны жить, даетъ имъ практически та-

кую же власть надъ трудомъ, какъ прежде, между тѣмъ какъ они освобождены теперь отъ отвѣтственности, иногда весьма убыточной. Негры пока имѣютъ возможность эмигрировать и повидимому, въ этомъ направленіи начинается великое движеніе, но такъ какъ народонаселеніе растетъ, а земля дорожаетъ, то плантаторы все же будутъ получать относительно бо́льшую долю изъ выработаннаго ихъ рабочими, сравнительно съ той, которую они получали при рабовладѣльческой системѣ, а рабочіе будутъ получать меньшую,—ибо при рабовладѣльческой системѣ рабы всегда получали по меньшей мѣрѣ столько, сколько вообще необходимо для поддержанія ихъ въ добромъ здоровьѣ, а въ такихъ странахъ, какъ Англія, существуютъ огромныя массы рабочихъ, которыя не получаютъ и этого *).

Тѣ вліянія, которыя возникаютъ всюду, гдѣ существуютъ личныя отношенія между хозяиномъ и рабомъ, и которыя смягчаютъ рабство и не дозволяютъ хозяину проявлять во всей полнотѣ свою власть надъ рабомъ, обнаружились также и при болѣе грубыхъ формахъ крѣпостнаго права, которыми характеризуются болѣе ранніе періоды развитія Европы; эти вліянія, укрѣпляемые обычаемъ, поддерживаемыя религіей и, пожалуй, какъ при личномъ рабствѣ, болѣе просвѣщенными, но все же себялюбивыми интересами господина, устанавливали повсюду предѣлъ, далѣе котораго не могъ идти владѣлецъ земли въ своихъ требованіяхъ отъ крѣпостного или крестьянина, такъ что конкурренція людей, не имѣющихъ средствъ существованія и наперерывъ возвышающихъ плату за доступъ къ этимъ средствамъ, нигдѣ не имѣла возможности достигнуть своего предѣла и развить до конца присущую ей способность порождать лишенія и униженія. Илоты Греціи, половники Италіи, крѣпостные Россіи и Польши, крестьяне феодальной Европы, отдавали своимъ помѣщикамъ извѣстную часть своихъ продуктовъ или своего труда, и свыше этой нормы отъ нихъ обыкновенно ничего не требовали. Но смягчающія вліянія такого рода, которыя можно еще наблюдать въ тѣхъ англійскихъ помѣстьяхъ, гдѣ землевладѣлецъ и его семейство думаютъ, что ихъ долгъ требуетъ посылать лѣкарства и пособія больному и слабому и заботиться о благосостояніи своихъ крестьянъ, все равно какъ плантаторы Юга согласно обычаю заботились о своихъ неграхъ, — уже утрачиваются при болѣе утонченной и менѣе явной формѣ, которую крѣпостничество принимаетъ при тѣхъ

---

*) Одинъ изъ анти-невольническихъ агитаторовъ (полков. Дж. А. Коллинзъ) во время поѣздки въ Англію произнесъ рѣчь предъ многочисленнымъ собраніемъ въ одномъ изъ шотландскихъ мануфактурныхъ городовъ и закончилъ ее, какъ онъ часто дѣлалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, приведя тотъ размѣръ ежедневнаго продовольствія, который въ рабовладѣльческихъ кодексахъ нѣкоторыхъ Штатовъ опредѣлялъ собой минимумъ содержанія, даваемаго рабу. Онъ сейчасъ-же замѣтилъ, что на многихъ изъ его слушателей такое заключеніе произвело дѣйствіе обратное ожидаемому.

болѣе усложненныхъ процессахъ современнаго производства, которыя раздѣляютъ такъ широко и такимъ множествомъ промежуточныхъ градацій лицо, трудъ котораго отчуждается, отъ лица, въ пользу котораго происходитъ это отчужденіе, и которыя дѣлаютъ отношенія между членами этихъ двухъ классовъ не прямыми и частными, а непрямыми и общими. Въ современномъ обществѣ конкурренція имѣетъ полный просторъ вынуждать отъ рабочаго все, что онъ можетъ дать, и съ какой ужасной силой конкурренція проявляетъ свое дѣйствіе можно видѣть на положеніи низшаго класса въ центрахъ богатства и промышленной дѣятельности. То обстоятельство, что положеніе этого низшаго класса пока не является еще болѣе общимъ, должно быть приписано обширнымъ пространствамъ плодородной земли, которыя до сего времени оставались свободными на нашемъ континентѣ и которыя не только представляли изъ себя убѣжище для возраставшаго населенія болѣе старыхъ частей Союза, но въ огромной степени смягчали давленіе и въ Европѣ, — гдѣ въ одной только странѣ, въ Ирландіи, эмиграція была такъ велика, что даже сократила народонаселеніе. Но и этотъ путь облегченія не можетъ оставаться вѣчно открытымъ. Онъ уже быстро закрывается, а по мѣрѣ того какъ онъ закрывается, давленіе будетъ все усиливаться и усиливаться.

Мудрая ворона въ Рамаянѣ, ворона Бушанда, «которая живала во всѣхъ частяхъ вселенной и знаетъ всѣ событія отъ начала времени» не безъ основанія заявляетъ, что хотя презрѣніе къ мірскимъ благамъ и необходимо для высшаго счастія, тѣмъ не менѣе самая жестокая мука, какая только возможна, налагается крайней бѣдностью. Бѣдность, на которую съ прогрессомъ цивилизаціи осуждаются огромныя массы людей, не есть та свобода отъ суеты и соблазна, которой искали мудрецы и которую восхваляли философы: бѣдность эта есть унижающее и оскотинивающее рабство, которое гнететъ болѣе высокія натуры, притупляетъ болѣе нѣжныя чувства и своей мукой понуждаетъ людей на поступки, отъ которыхъ отказались бы животныя. Вотъ въ эту то безпомощную, безнадежную бѣдность, которая убиваетъ проявленія мужества и уничтожаетъ женственность, которая даже дѣтство лишаетъ его невинности и радостей, въ эту то бѣдность и низвергаются рабочіе классы силой, которая давитъ на нихъ, подобно непреодолимой и безжалостной машинѣ. Хозяинъ бѣлошвейнаго заведенія въ Бостонѣ, который платитъ своимъ работницамъ по два сента за часъ, можетъ съ сожалѣніемъ относиться къ ихъ положенію, но и онъ, какъ и его работницы, управляется закономъ конкурренціи, и онъ не можетъ платить имъ болѣе и продолжать своего дѣла, ибо обмѣнъ не руководствуется чувствомъ. И такимъ образомъ, черезъ всѣ промежуточныя градаціи вплоть до тѣхъ лицъ, которыя получаютъ въ видѣ ренты за землю безъ всякой оплаты выработанные трудомъ, всюду царятъ—неумолимые законы предложенія и спроса, — сила, съ которой индивидуумъ можетъ спорить и

бороться не болѣе, чѣмъ съ вѣтромъ и морскими приливами, законы которые погружаютъ низшіе классы въ рабство нужды.

Но на самомъ дѣлѣ причиной этой кабалы является то обстоятельство, которое всегда приводило и всегда должно приводить къ рабству,—монополизація нѣсколькими лицами того, что природа предназначила для всѣхъ.

Наша хваленая свобода роковымъ образомъ будетъ приводить къ рабству, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ признавать право частной собственности на землю. До тѣхъ поръ пока это право не будетъ отмѣнено—декларацiи независимости и акты эмансипацiи будутъ тщетны. До тѣхъ поръ пока одинъ человѣкъ будетъ имѣть право требовать исключительнаго владѣнія землей, отъ которой должны кормиться всѣ прочіе люди, рабство будетъ существовать, и вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальнаго прогресса будетъ расти и въ ширь, и глубь.

Процессъ, который мы прослѣдили шагъ за шагомъ въ предыдущихъ главахъ этой книги и который всюду совершается въ цивилизованномъ мірѣ въ настоящее время, можетъ быть представленъ такимъ образомъ. Частная собственность на землю есть нижній жерновъ. Матеріальный прогрессъ есть верхній жерновъ. Между ними, съ возрастающей силой, перетираются рабочіе классы.

ГЛАВА III.

Право землевладѣльцевъ на вознагражденіе.

Нѣтъ и не можетъ быть справедливаго права на исключительное владѣніе землей, и частная собственность на землю есть великая несправедливость, подобная рабству,—это истина, отъ которой никуда не спрячешься.

И большинство людей въ цивилизованныхъ странахъ не признаетъ ея просто потому, что большинство людей живетъ не думая. Для нихъ что существуетъ, то и справедливо, пока несправедливость существующаго не будетъ много разъ доказана, и въ общемъ люди бываютъ готовы хоть бы распять того, кто первый пытается имъ доказать эту несправедливость.

Тѣмъ не менѣе никто не можетъ изучать политической экономіи, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается въ настоящее время, или размышлять сколь нибудь о производствѣ и распредѣленіи богатства, чтобы не замѣтить, что собственность на землю существенно отличается отъ собственности на предметы, произведенные человѣкомъ, и что она не имѣетъ оправданія въ отвлеченной справедливости. И это признается, открыто или мол-

чаливо, во всѣхъ классическихъ сочиненіяхъ по политической экономіи, но признается вообще лишь посредствомъ смутныхъ допущеній или опущеній. Вообще же стараются отвлечь вниманіе отъ этой истины, какъ, профессоръ нравственной философіи въ рабовладѣльческой странѣ могъ-бы отвлекать вниманіе отъ слишкомъ близкаго разсмотрѣнія естественныхъ правъ человѣка, и частная собственность на землю принимается безъ объясненія, какъ существующій фактъ, или предполагается необходимой для надлежащаго пользованія землей и существованія цивилизованнаго общества.

Изслѣдованіе, предпринятое нами, окончательно доказало, что частная собственность на землю не можетъ быть оправдываема на основаніи полезности,—что, напротивъ того, она есть та великая причина, къ которой должны быть отнесены бѣдность, страданія и нравственное паденіе, общественныя разстройства и политическая слабость, которыя проявляются въ столь угрожающемъ видѣ среди прогрессирующей цивилизаціи. Цѣлесообразность, слѣдовательно, не расходится съ справедливостью въ требованіи, чтобы мы отмѣнили частную собственность на землю.

Если и цѣлесообразность, такимъ образомъ, не расходится съ справедливостью въ требованіи, чтобы мы отмѣнили учрежденіе, которое имѣетъ не болѣе широкое основаніе и не болѣе сильную опору, чѣмъ простое общественное постановленіе, то какимъ образомъ можно колебаться?

Что, повидимому, вызываетъ колебаніе, даже со стороны людей, которые ясно видятъ, что земля по праву есть общая собственность, такъ это то соображеніе, что, позволяя обращаться съ землей какъ съ частной собственностью въ теченіе столь долгаго времени, мы поступили бы, отмѣнивши это право, несправедливо по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которымъ дозволялось основывать всѣ свои разсчеты на сохраненіе частной собственности на землю; что разъ мы позволили пользоваться землей, какъ законной собственностью, мы оказали бы несправедливость, возстановивши общіе права, по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя пріобрѣли землю въ обмѣнъ на то, что, безъ всякаго сомнѣнія, было ихъ законной собственностью. Такимъ образомъ полагаютъ, что мы должны по справедливости, при отмѣнѣ частной собственности на землю, вполнѣ вознаградить тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ ею, при чемъ приводятъ въ примѣръ факты вродѣ того, что Британское правительство, отмѣняя покупку и продажу патентовъ на военныя должности, вознаградило тѣхъ лицъ, которыя владѣли патентами, купленными въ увѣренности, что патенты могутъ перепроданы, или что при отмѣнѣ рабства въ Британской Вестъ-Индіи уплочено было 100,000,000 долларовъ рабовладѣльцамъ.

Даже Гербертъ Спенсеръ, который въ своей «Общественной Статикѣ» съ такой ясностью показалъ шаткость всѣхъ основаній, на которыя опи-

рается право исключительнаго владѣнія землей, поддерживаетъ эту мысль (хотя, мнѣ кажется, и неудачно), заявляя, что справедливая оцѣнка и ликвидація правъ теперешнихъ землевладѣльцевъ, «которые или сами, или въ лицѣ своихъ предковъ, получили свои помѣстья въ обмѣнъ на честно пріобрѣтенное богатство», представляетъ изъ себя «одну изъ наиболѣе запутанныхъ задачъ, которую со временемъ придется рѣшать человѣчеству».

Именно эта мысль внушила предложеніе, которое находитъ защитниковъ въ Великобританіи, чтобы правительство скупало, по рыночной цѣнѣ, права индивидуальной собственности на землю страны, и именно эта мысль привела Джона Стьюарта Милля, хотя и ясно видѣвшаго существенную несправедливость частной собственности на землю, къ защитѣ не полнаго отобранія земли, но лишь отобранія возрастающихъ выгодъ отъ земли въ будущемъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы была сдѣлана справедливая и даже щедрая оцѣнка рыночной стоимости всей земли въ королевствѣ, и чтобы будущія прибавки къ этой стоимости, не зависящія отъ улучшеній со стороны собственника, отбираемы были государствомъ.

Не говоря уже о практическихъ трудностяхъ, съ которыми сопряжены такіе громоздкіе планы, не говоря уже о расширеніи функцій правительства, котораго они потребовали бы, и о растлѣніи, которое они причинили бы, неустранимый и существенный недостатокъ ихъ заключается въ невозможности уничтожить путемъ какого-либо компромисса радикальное различіе между справедливостью и несправедливостью. Въ какой мѣрѣ охраняются интересы землевладѣльцевъ, въ той самой мѣрѣ пренебрегаютъ общими интересами и общими правами, и если землевладѣльцы ничего не должны потерять изъ своихъ узкихъ привиллегій, то и народъ, въ его цѣломъ, никогда ничего не можетъ выиграть. Выкупить права индивидуальной собственности просто значило бы дать землевладѣльцамъ въ другой формѣ право того же рода и объема, какъ то, которымъ они въ настоящее время пользуются благодаря владѣнію землей; просто значило бы начать собирать для нихъ посредствомъ налоговъ ту самую долю изъ создаваемаго трудомъ и капиталомъ, которую они въ настоящее время имѣютъ возможность присвоивать въ видѣ ренты. Ихъ несправедливыя выгоды были бы сохранены, и несправедливыя потери не-землевладѣльцевъ продолжались бы. Безъ сомнѣнія, для народа, въ его цѣломъ, была бы выгода, когда, вслѣдствіе роста ренты, та сумма, которую землевладѣльцы получили бы при теперешней системѣ, превысила-бы проценты съ покупной цѣны земли въ настоящее время, но это была бы лишь будущая выгода, а до тѣхъ поръ не только не было бы облегченія, но даже значительно увеличилась бы тягость, налагаемая теперь на трудъ и капиталъ землевладѣльцами. Ибо однимъ изъ элементовъ теперешней рыночной стоимости земли является ожиданіе будущаго увеличенія стоимости

ея, и такимъ образомъ, скупить земли по рыночнымъ цѣнамъ и затѣмъ уплачивать проценты на покупную сумму значило бы взвалить на производителей не только уплату дѣйствительной ренты, но и уплату полностію спекулятивной ренты. Или, выражаясь иначе: земля была бы куплена по цѣнамъ, разсчитаннымъ на размѣръ процента низшій обыкновеннаго (ибо предполагаемое въ будущемъ увеличеніе цѣнности земли постоянно подымаетъ рыночную цѣну земли значительно выше той цѣны, какую имѣла бы какая бы то ни было другая собственность, принося въ данное время такой же доходъ), а проценты на покупную сумму уплачивались бы въ обыкновенномъ размѣрѣ. Пришлось бы уплачивать землевладѣльцамъ не просто то, что земля даетъ имъ въ настоящее время, но значительно бо́льшую сумму. Въ сущности это было бы все равно, какъ если бы государство заключило непрерывный договоръ съ теперешними землевладѣльцами при значительномъ подъемѣ ренты свыше того, что они получаютъ теперь. Въ этомъ случаѣ государство просто сдѣлалось бы агентомъ землевладѣльцевъ по собиранію ихъ ренты, съ обязательствомъ уплачивать имъ не просто то, что они получаютъ, но значительно бо́льшую сумму.

Предложенный Миллемъ планъ національзаціи будущаго «незаработаннаго прироста въ цѣнности земли» посредствомъ фиксированія теперешней рыночной цѣны всѣхъ земель и передачи въ собственность государства будущаго прироста въ цѣнности, не увеличивалъ бы несправедливости теперешняго распредѣленія богатства, но и не устранялъ бы ея. Дальнѣйшее спекулятивное увеличеніе ренты прекратилось бы, и въ будущемъ народъ въ его цѣломъ получалъ бы въ свою пользу разность между приростомъ ренты и той суммой, въ которую этотъ приростъ былъ оцѣненъ при фиксированіи въ настоящее время цѣнности земли, элементомъ которой, является, конечно, какъ настоящая, такъ и будущая цѣнность. Одинъ классъ общества тѣмъ не менѣе остался бы на все будущее время въ обладаніи тѣмъ огромнымъ преимуществомъ надъ прочими, которое онъ имѣетъ теперь. Все, что можно сказать объ этомъ планѣ, это то, что онъ все же лучше чѣмъ ничего.

О такихъ недѣйствительныхъ и невыполнимыхъ планахъ можно говорить лишь тогда, когда не имѣется болѣе дѣйствительнаго предложенія, и ихъ обсужденіе есть хорошій признакъ, свидѣтельствующій о томъ, что тонкій конецъ клина истины уже входитъ. Справедливость въ устахъ людей бываетъ унизительно смиренна, когда она впервые начинаетъ протестъ противъ освященной временемъ неправды, а мы, націи говорящія по англійски, еще носимъ иго саксонскаго рабства и по привычкѣ смотримъ на «законныя права» землевладѣльцевъ съ такимъ же суевѣрнымъ благоговѣніемъ, съ какимъ въ древности египтяне смотрѣли на крокодила. Но когда наступаетъ время, идеи ростутъ, хотя бы онѣ и казались незначительными при своемъ первомъ появ-

ленія. Анти-невольническое движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ началось съ разговоровъ о вознагражденіи владѣльцевъ за отпускаемыхъ рабовъ, а когда были освобождены четыре милліона рабовъ, то владѣльцы не только не получили вознагражденія за нихъ, но даже и не подумали требовать его. И когда населенію такихъ странъ, какъ Англія или Соединенные Штаты, несправедливость и невыгоды частной собственности на землю будутъ настолько бросаться въ глаза, что станутъ побуждать его къ попыткамъ ея національзаціи, оно найдетъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы національзировать ее гораздо болѣе прямымъ и легкимъ способомъ, чѣмъ путемъ покупки. Оно не смутится вопросомъ о вознагражденіи собственниковъ земли.

Да и неправда, будто при этомъ должна быть какая-либо забота о собственникахъ земли. Если такой человѣкъ, какъ Джонъ Стьюартъ Милль, могъ придавать столько значенія вознагражденію землевладѣльцевъ, что требовалъ конфискаціи лишь будущаго прироста ренты, то это можно объяснить лишь его согласіемъ съ общепринятыми ученіями, будто заработная плата получается отъ капитала и будто народонаселеніе постоянно стремится превзойти средства къ существованію. Именно эти ученія недозволили ему замѣтить во всей полнотѣ послѣдствій обращенія земли въ частную собственность. Онъ видѣлъ, что «право землевладѣльца должно быть цѣликомъ подчинено общей политикѣ государства», и что «если частная собственность на землю нецѣлесообразна, то она несправедлива» *), но, запутавшись въ сѣтяхъ доктрины Мальтуса, онъ приписывалъ, какъ это ясно выражено имъ въ ранѣе цитированномъ мною мѣстѣ, нужду и страданія, которыя видѣлъ вокругъ себя «скаредности природы, а не несправедливости человѣка», и потому національзація земли казалась ему сравнительно неважной вещью, которая ничего не могла бы сдѣлать въ смыслѣ радикальнаго исцѣленія отъ пауперизма и избавленія отъ нужды, чего можно было бы достигнуть лишь тогда, когда люди научились бы подавлять свой естественный инстинктъ. Но какъ Милль ни былъ великъ и какъ онъ ни былъ чистъ, съ его горячимъ сердцемъ и благороднымъ умомъ, онъ однако никогда не замѣчалъ истинной гармоніи экономическихъ законовъ и не понималъ, какимъ образомъ изъ одной этой великой основной неправды вытекаютъ нужда и лишенія, порокъ и позоръ. Иначе онъ никогда не могъ бы написать такихъ строкъ: «Земля Ирландіи, земля всякой страны, принадлежитъ населенію этой страны. Индивидуумы, называемые землевладѣльцами, съ точки зрѣнія нравственности и справедливости, имѣютъ право лишь на ренту или на вознагражденіе въ размѣрѣ ея продажной цѣны».

---

*) Принципы политической экономіи, книга I, гл. II, отд. VI.

Ну развѣ это не чепуха! Если земля какой либо страны принадлежитъ населенію этой страны, то какое же право, съ точки зрѣнія нравственности и справедливости, могутъ имѣть индивидуумы, называемые землевладѣльцами, на ренту? Если земля принадлежитъ народу, то почему же народъ во имя нравственнаго закона и справедливости долженъ уплачивать за свою собственность ея продажную стоимость?

Гербертъ Спенсеръ выражается такъ: «Будь передъ нами лица, которыя первоначально похитили у человѣческаго рода его наслѣдіе, мы могли бы быстро покончить съ дѣломъ» *). Почему же не покончить быстро съ дѣломъ и во всякомъ другомъ случаѣ? Вѣдь это похищеніе не похоже на похищеніе лошади или извѣстной суммы денегъ, на похищеніе, которое оканчивается вмѣстѣ съ самымъ актомъ. Это есть все новое и новое непрерывное похищеніе, которое продолжается каждый день и каждый часъ. Вѣдь не изъ произведеній прошедшаго времени берется рента, а изъ произведеній настоящаго. Она есть пошлина, налагаемая на трудъ постоянно и непрерывно. Каждый ударъ молота, каждый взмахъ кирки, каждый толчекъ челнока, каждый оборотъ паровой машины уплачиваетъ свою подать землевладѣльцамъ. Она налагается на заработокъ людей, которые глубоко въ землѣ рискуютъ своею жизнью, и на заработокъ людей, которые среди пѣнящихся волнъ висятъ на качающихся мачтахъ; она захватываетъ справедливое вознагражденіе капиталиста и плоды терпѣливыхъ усилій изобрѣтателя, она отрываетъ малыхъ дѣтей отъ игры и отъ школы и заставляетъ ихъ работать, прежде чѣмъ отвердѣютъ ихъ кости и окрѣпнутъ ихъ мускулы; она похищаетъ тепло у зябнущаго, пищу у голодающаго, лѣкарство у больного и спокойствіе у человѣка страждущаго. Она унижаетъ, ожесточаетъ, огорчаетъ. Она скучиваетъ семейства изъ восьми и десяти человѣкъ въ единственной убогой комнатѣ; она гоняетъ артели земледѣльческихъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, какъ стада свиней; она наполняетъ кабаки и портерныя людьми, которымъ противно у себя въ домѣ, она превращаетъ парней, которые могли бы быть полезными людьми въ кандидатовъ тюрьмы и рабочаго дома; она наполняетъ вертепы дѣвушками, которыя могли бы знать чистыя радости семейной жизни; она высылаетъ жадность и всѣ злыя страсти бродить среди общества, подобно тому, какъ жестокая зима выгоняетъ волковъ къ жилищамъ людей; она гаситъ вѣру въ человѣческой душѣ, и мысль о справедливомъ и милосердомъ Создателѣ замѣняетъ образомъ суровой, слѣпой и жестокой судьбы.

Это не просто похищеніе въ давно прошедшее время; это похищеніе въ

---

*) «Общественная статика», стр. 142 (англ. изд.).

настоящее время, — похищеніе, которое лишаетъ дѣтей, вступающихъ теперь въ міръ, ихъ природнаго права!

Если земля принадлежитъ народу, то зачѣмъ же позволять долѣе землевладѣльцамъ брать ренту, или вознаграждать ихъ какимъ либо способомъ за потерю ея? Вникните, что такое рента. Она не возникаетъ самопроизвольно изъ земли; она не зависитъ ни отъ чего такого, что было бы сдѣлано землевладѣльцами. Она представляетъ собой стоимость, создаваемую цѣлымъ обществомъ. Пусть землевладѣльцы имѣютъ, если вамъ угодно, все то, что владѣніе землей давало бы имъ въ отсутствіи остального общества. Но рента, созданіе всего общества, необходимо должна принадлежать всему обществу.

Примѣните къ данному случаю тѣ положенія гражданскаго закона, которыми опредѣляются права того или другого лица. Гражданскій законъ, говорятъ намъ, есть осуществленіе справедливости и конечно землевладѣльцы не могутъ жаловаться на его рѣшеніе, ибо онъ создавался ими и для нихъ. Что же даетъ законъ добросовѣстному владѣльцу въ томъ случаѣ, когда земля, за которую онъ заплатилъ свои деньги, присуждается другому лицу, какъ законная собственность послѣдняго? Ровно ничего. То обстоятельство, что земля была пріобрѣтена вполнѣ добросовѣстно, не даетъ ея владѣльцу никакихъ правъ. Законъ не касается «запутаннаго вопроса о вознагражденіи» добросовѣстнаго покупателя. Законъ не скажетъ, какъ говоритъ Джонъ Стьюартъ Милль. «Земля принадлежитъ нѣкоему А, слѣдовательно Б, который считалъ себя собственникомъ земли, не имѣетъ на нее никакого права, кромѣ права на ренту или на вознагражденіе въ размѣрѣ ея продажной стоимости». Ибо это было-бы на самомъ дѣлѣ похоже на пресловутый приговоръ по дѣлу о бѣгломъ рабѣ, когда судъ, по преданію, постановилъ отдать законъ Сѣверу, а негра Югу. Законъ просто говоритъ: «Земля принадлежитъ такому то А, пусть шерифъ введетъ его во владѣніе»! Онъ не даетъ неповинному пріобрѣтателю ложнаго права на владѣніе никакого права иска, не назначаетъ ему никакого вознагражденія. Мало того, законъ отбираетъ отъ владѣльца всѣ тѣ улучшенія, которыя онъ, ничего не подозрѣвая, сдѣлалъ на этой землѣ. Вы могли заплатить высокую цѣну за землю, сдѣлавъ все возможное, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности правъ на нее; вы могли безмятежно владѣть ею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безъ мысли, безъ намека о противникѣ, могущемъ потребовать себѣ ее; сдѣлать ее плодородной посредствомъ своего труда или воздвигнуть на ней дорогое зданіе, стоющее больше, чѣмъ сама земля, или построить скромный домикъ, въ которомъ вы надѣялись было, окруженный смоковницами, которыя вы насадили и виноградникомъ, который вы развели, провести закатъ своихъ дней; но если крючкотворству, обману и хищничеству удастся сдѣлать свое дѣло, если имъ представится возмож-

ность откопать какую нибудь чисто формальную ошибку въ вашихъ документахъ или отыскать какого нибудь забытаго наслѣдника, никогда не слыхавшаго о своихъ правахъ, то не только земля, но и всѣ сдѣланныя вами улучшенія могутъ быть отобраны отъ васъ. И этого мало,—согласно гражданскому закону, послѣ того, какъ вы уступите землю и отдадите сдѣланныя вами улучшенія, отъ васъ могутъ потребовать отчета въ тѣхъ доходахъ, которые вы получили отъ земли, за время вашего владѣнія ею. (Русскій гражданскій законъ смотритъ иначе: X т. I ч. ст. 626 и далѣе. Прим. перев.

Такимъ образомъ, если мы приложимъ къ данному случаю, къ отношеніямъ между народомъ и землевладѣльцами, тѣ самые принципы, которые были формулированы землевладѣльцами въ законѣ, и которые прилагаются каждый день въ англійскихъ и американскихъ судахъ къ спорамъ между различными лицами, то мы должны будемъ не только оставить всякую мысль о томъ, чтобы давать землевладѣльцамъ какое либо вознагражденіе за землю, но должны будемъ отобрать всѣ улучшенія и все прочее, чѣмъ они могутъ владѣть.

Тѣмъ не менѣе я не предлагаю, да и не думаю, чтобы другой кто предложилъ, идти такъ далеко. Достаточно, если народъ возстановитъ свои права на землю. Пусть землевладѣльцы удержатъ за собой сдѣланныя ими улучшенія и свою личную собственность въ ихъ непоколебимомъ владѣніи.

И въ этой мѣрѣ справедливости не было бы никакого угнетенія, никакой обиды въ отношеніи какого либо класса общества. Великая причина теперешняго неравномѣрнаго распредѣленія богатства, съ тѣмъ страданіемъ, растлѣніемъ и хищеніемъ, которое имъ обусловливается, была бы устранена. И въ общемъ выигрышѣ имѣли бы долю сами землевладѣльцы: былъ бы осязателенъ даже выигрышъ крупныхъ замлевладѣльцевъ, а выигрышъ мелкихъ былъ бы чрезвычайно великъ. Ибо идя на встрѣчу Справедливости, люди идутъ навстрѣчу Любви. Миръ и Довольство слѣдуютъ за нею, принося не нѣкоторымъ, а всѣмъ свои благіе дары.

Насколько это вѣрно, мы увидимъ потомъ.

Если въ этой главѣ я говорилъ о справедливости и цѣлесообразности такъ, какъ будто бы справедливость была одно, а целесообразность нѣчто другое, то только для того, чтобы предупредить возраженія лицъ, которые придерживаются такого дѣленія. Въ сущности съ справедливостью связана самая высокая и самая вѣрная цѣлесообразность.

ГЛАВА IV.

Частная собственность на землю съ исторической точки зрѣнія.

Что всего болѣе препятствуетъ признанію основной несправедливости частной собственности на землю и безпристрастному разсмотрѣнію предложеній, направленныхъ къ отмѣнѣ ея, такъ эта та умственная привычка, въ силу которой все, существующее въ теченіе долгаго времени, кажется естественнымъ и необходимымъ.

Мы настолько привыкли распоряжаться землей, какъ частной собственностью, этотъ порядокъ такъ полно признается въ нашихъ законахъ, нравахъ и обычаяхъ, что огромному большинству людей никогда и въ голову не приходило усумниться въ немъ; большинство людей смотритъ на него, какъ на нѣчто необходимое для пользованія землей. Люди неспособны представить себѣ, или по крайней мѣрѣ имъ никогда не приходитъ на мысль представить себѣ общество, существующее или могущее существовать безъ обращенія земли въ частную собственность. Первымъ шагомъ къ обработкѣ и улучшенію земли кажется имъ назначеніе ей отдѣльнаго собственника, и земля какого либо человѣка также полно и чистосердечно признается ими его собственностью, если дѣло идетъ о продажѣ, отдачѣ въ аренду, дареніи или завѣщаніи, какъ и его домъ, его скотъ, его товаръ или его движимое имущество. «Святость собственности» проповѣдывалась такъ настойчиво и съ такимъ успѣхомъ, особенно этими «хранителями древняго варварства», какъ Вольтеръ назвалъ юристовъ, что бо̀льшая часть людей смотритъ на частную земельную собственность, какъ на самый фундаментъ общества, а если кто говоритъ о возвратѣ земли снова въ общественную собственность, то видитъ въ этомъ, при первомъ взглядѣ, или химерическую затѣю, которая никогда не была и никогда не можетъ быть осуществлена, или предложеніе, направленное къ тому, чтобы низвергнуть общество съ его основанія и вернуть его къ состоянію варварства.

Но если бы и было справедливо, что съ землей всегда обращались, какъ съ частной собственностью, то это доказывало бы справедливость и необходимость дальнѣйшаго такого обращенія съ ней не болѣе, чѣмъ всеобщее существованіе рабства, наличность котораго нѣкогда можно было признавать съ полнымъ основаніемъ, доказывало справедливость и необходимость обращенія въ предметъ собственности человѣческой плоти и крови.

Немногимъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ епископъ Бётлеръ, авторъ знаменитой «Аналогіи», заявлялъ, «что установленіе гражданскаго управленія

безъ какого либо религіознаго учрежденія есть химерическій проэктъ, которому не было и примѣра». Говоря, что не было примѣра, онъ былъ правъ. Въ то время не существовало ни одного правительства безъ чего либо подобнаго установленной церкви, и не легко было бы назвать такое правительство и изъ числа когда либо существовавшихъ; однако въ Соединенныхъ Штатахъ мы доказали съ тѣхъ поръ столѣтней практикой, что гражданское правительство можетъ существовать и безъ государственной церкви.

Если бы и было доказано, что съ землей всегда и всюду обращались какъ съ частной собственностью, то это все же не доказывало бы, что съ ней навсегда должно обращаться такимъ образомъ. Но этого нельзя доказать. Напротивъ того, первоначально повсюду признавалось общее право на землю, а частная собственность нигдѣ не возникала иначе какъ въ результатѣ узурпацій. Согласно первоначальному и устойчивому представленію человѣчества, всѣ люди имѣютъ равное право на землю, а мнѣніе, что частная собственность на землю необходима для общества есть плодъ невѣжества, которое не видитъ болѣе того, что его непосредственно окружаетъ, — есть идея сравнительно новаго образованія, идея искусственная и неосновательная.

Наблюденія путешественниковъ, критическія изысканія историковъ, которыя въ послѣднее время такъ далеко подвинули впередъ возстановленіе забытыхъ лѣтописей народа, изслѣдованія такихъ ученыхъ, какъ Генри Мэнъ, Эмиль де Лавелэ, боннскій профессоръ Нассэ, а также другихъ ученыхъ, относящіяся къ развитію учрежденій, — доказываютъ, что всюду, гдѣ образовывалось человѣческое общество, признавалось и общее право людей на пользованіе землей, и что нигдѣ свободно не допускалось неограниченное индивидуальное право собственности. — Оно нигдѣ не возникало изъ договора; оно нигдѣ не можетъ быть связано съ понятіями о справедливости и цѣлесообразности; оно повсюду брало свое начало въ войнѣ и завоеваніи, и въ томъ себялюбивомъ употребленіи, которое люди ловкіе дѣлали изъ суевѣрія и закона.

Всюду, гдѣ только мы можемъ прослѣдить раннюю исторію общества, въ Азіи, въ Европѣ, въ Африкѣ, въ Америкѣ или въ Полинезіи, всюду земля разсматривалась, согласно съ тѣми необходимыми отношеніями, какія имѣетъ къ ней человѣческая жизнь, какъ общая собственность, относительно которой равны права всѣхъ, имѣющихъ вообще какія-либо права. То есть, всѣ члены общины (всѣ граждане, какъ мы сказали бы) имѣли равныя права на владѣніе и пользованіе землей общины. Признаніе общаго права на землю не мѣшало полному признанію особеннаго и исключительнаго права на вещи, которыя были результатомъ труда. Признаніе земли общей собственностью не утрачивалось и тогда, когда развитіе земледѣлія приводило къ необходимости признавать исключительное владѣніе землей, съ цѣлью обезпечить

исключительное пользованіе результатами труда, затрачиваемаго на ея обработку. Дѣленіе земли между промышленными единицами, будь то семейство, соединившіеся семьи или индивидуумы, производилось лишь постольку поскольку это было необходимо для этой цѣли: пастбища и лѣсныя земли оставались общими, а равенство въ отношеніи полевой земли обезпечивалось или посредствомъ періодическаго передѣла, какъ среди тевтонскихъ племенъ, или посредствомъ запрета отчужденія, какъ въ законѣ Моисея.

Это первоначальное устройство до сихъ поръ существуетъ, въ болѣе или менѣе неприкосновенной формѣ, въ сельскихъ общинахъ Индіи, Россіи и славянскихъ странъ, еще находящихся или до недавняго времени находившихся подъ турецкимъ управленіемъ; въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи, среди кабиловъ въ сѣверной Африкѣ и каффровъ въ южной; среди природнаго населенія Явы и туземцевъ Новой Зеландіи, — то есть, всюду, гдѣ внѣшнія вліянія оставляли неприкосновенной форму первобытной общественной организаціи. Что оно и повсюду существовало, было за послѣдніе годы обстоятельно доказано независимо другъ отъ друга изысканіями многихъ ученыхъ и наблюдателей. Изысканія эти, насколько мнѣ извѣстно, всего лучше суммированы въ «Системахъ пользованія землей въ различныхъ странахъ», изданныхъ Кобденскимъ клубомъ и въ «Первобытной собственности» Эмиля де Лавелэ, къ нимъ я и отсылаю читателя, желающаго разсмотрѣть эту истину въ ея подробностяхъ.

«Во всѣхъ первобытныхъ обществахъ», такъ резюмируетъ де Лавелэ результатъ изслѣдованія, не оставившаго безъ вниманія ни одной части свѣта, — «во всѣхъ первобытныхъ обществахъ, земля была общей собственностью племени и подвергалась періодическому передѣлу между всѣми семействами, такъ что всѣ могли жить своимъ трудомъ, какъ предписываетъ природа. Благоденствіе каждаго такимъ образомъ соразмѣрялось съ его энергіей и умомъ; никто, какимъ бы то ни было образомъ, не былъ лишенъ средствъ существованія, и противъ неравенства, увеличивающагося изъ поколѣнія въ поколѣніе, были приняты мѣры».

Если де Лавелэ правъ въ этомъ заключеніи, а что онъ правъ, въ томъ не можетъ быть и сомнѣнія, то, спросятъ, какимъ же образомъ обращеніе земли въ частную собственность могло сдѣлаться столь общимъ?

Причины, въ силу которыхъ эта первоначальная идея равнаго права на пользованіе землей вытѣснилась идеею исключительныхъ и неравныхъ правъ, я полагаю, могутъ быть повсюду прослѣжены, хотя и въ общихъ чертахъ, но съ полной точностью. Это повсюду тѣ самыя причины, которыя вели къ отрицанію равенства личныхъ правъ и учрежденію привилегированныхъ сословій.

Причины эти могутъ быть сведены къ концентраціи власти въ ру-

кахъ вождей и военнаго класса, бывшей слѣдствіемъ войнъ, которыя дали имъ возможность монополизировать общія земли; къ дѣйствію завоеванія, когда завоеванные обращались въ состояніе поземельнаго рабства, а земли ихъ раздѣлялись между завоевателями, при чемъ несоразмѣрныя доли доставались начальникамъ; къ дифференціаціи и вліянію священническаго класса и къ дифференціаціи и вліянію класса профессіональныхъ юристовъ, интересамъ которыхъ соотвѣтствовало установленіе исключительной, вмѣсто общей, собственности на землю, — *) а неравенство, разъ возникнувъ, всегда стремится, по закону притяженія, къ еще большему неравенству.

Борьба между этой то идеей равныхъ правъ на землю и стремленіемъ монополизировать землю въ индивидуальной собственности, была причиной внутреннихъ раздоровъ въ Греціи и Римѣ; остановка, вызванная на пути этого стремленія, въ Греціи учрежденіями Ликурга и Солона, а въ Римѣ Лициніевымъ закономъ и послѣдующими дѣленіями земли, дала этимъ странамъ ихъ дни могущества и славы; а конечное торжество этого стремленія привело ихъ къ паденію. Крупныя помѣстья погубили Грецію, какъ послѣ того «крупныя помѣстья погубили Италію» **), и когда земля, несмотря на предупрежденія великихъ законодателей и государственныхъ людей, перешла наконецъ во владѣніе немногихъ лицъ, народонаселеніе уменьшилось, искусство упало, мысль сдѣлалась какъ бы оскопленной, и народъ, въ лицѣ котораго человѣчество достигало наибольшаго блеска, сдѣлался ходячимъ предостереженіемъ и упрекомъ.

Идея абсолютной индивидуальной собственности на землю, которую новая цивилизація наслѣдовала отъ Рима, достигла тамъ своего полнаго развитія въ историческія времена. Когда будущій владыка міра еще только начиналъ свою жизнь въ то время каждый гражданинъ въ Римѣ имѣлъ тамъ свой клочекъ усадебной земли, который считался неотчуждаемымъ, и общественная земля—«земля подъ хлѣбомъ, которая была общественнымъ достояніемъ»,—находилась въ общемъ пользованіи, безъ сомнѣнія, при постановленіяхъ и обычаяхъ, которые обезпечивали равенство, какъ въ тевтонской маркѣ и швейцарской альмендѣ. Это то общественное достояніе, постоянно расширявшееся вслѣдствіе завоеваній, и досталось патриціямъ, выкроившимъ изъ него себѣ крупныя помѣстья. Какъ бы въ силу того закона, что меньшее притягивается бо́льшимъ, эти крупныя помѣстья, несмотря на временныя задержки, въ видѣ законодательныхъ ограниченій и повторявшихся отъ поры до времени раздѣловъ, уничтожили наконецъ всѣхъ мелкихъ соб-

*) Вліяніе юристовъ было весьма замѣтно въ Европѣ, какъ на континентѣ, такъ и въ Великобританіи, въ дѣлѣ уничтоженія всѣхъ слѣдовъ древняго права владѣнія и въ дѣлѣ замѣны его идеей римскаго закона, правомъ исключительной собственности.

**) Latifundia perdidere Italiam. — *Плиній.*

ственниковъ; ихъ маленькія вотчины присоединялись къ *латифундіямъ* огромныхъ богачей, а сами они сгонялись въ толпы рабовъ, становились платящими ренту колонами, а то волей-неволей уходили во вновь завоеванныя провинціи, гдѣ давалась земля ветеранамъ-легіонерамъ, или въ столицу, увеличивая собой ряды пролетаріевъ, которымъ ничего болѣе не оставалось, какъ только торговать своими голосами.

Цезаризмъ, вскорѣ переходящій въ необузданный деспотизмъ восточнаго типа, былъ неизбѣжнымъ политическимъ результатомъ такого положенія дѣлъ, и имперія, даже въ то время, когда она обнимала собой міръ, сохраняла въ дѣйствительности только свой внѣшній видъ, удерживаясь отъ окончательнаго паденія лишь благодаря болѣе здоровой жизни пограничныхъ областей, гдѣ земля была раздѣлена между военными поселенцами или гдѣ больше сохранились первобытные обычаи. Но латифундіи, которыя поглотили силу Италіи, постоянно распространялись все дальше и дальше, раздѣляя поверхность Сициліи, Африки, Испаніи и Галліи на крупныя помѣстья обрабатываемыя рабами или съемщиками-крестьянами. Не стало мужественныхъ доблестей, порожденныхъ личной независимостью, хищническая культура истощила почву и дикіе звѣри стали вытѣснять людей, пока, наконецъ, не ворвались варвары, сила которыхъ основывалась на ихъ равенствѣ. Римъ погибъ и отъ цивилизаціи, нѣкогда столь гордой, не осталось ничего, кромѣ развалинъ.

Такимъ образомъ и свершилось то удивительное событіе, которое во время величія Рима показалось бы такимъ же невозможнымъ, какимъ намъ теперь покажется завоеваніе Соединенныхъ Штатовъ команчами и плоскоголовыми или опустошеніе Европы лапландцами. И основную причину этого событія слѣдуетъ искать во владѣніи землей. Съ одной стороны отрицаніе общаго права на землю вело къ упадку, съ другой равенство давало силу.

«Свобода», говоритъ де Лавелэ («Первобытная собственность», стр. 116 англ. изд.) «свобода и, какъ слѣдствіе ея, владѣніе нераздѣльной долей общей собственности, которой располагаетъ глава каждаго семейства въ племени безразлично, были въ германской деревнѣ основными правами. Эта система абсолютнаго равенства наложила на индивидуума замѣчательный отпечатокъ, которымъ и объясняется то обстоятельство, что маленькія кучки варваровъ сдѣлались хозяевами Римской имперіи, несмотря на ея искусную администрацію, на ея совершенную централизацію и на ея гражданскій законъ, за которымъ сохранилось названіе писанаго разума».

Съ другой стороны, самое сердце было выѣдено изъ великой имперіи. «Римъ погибъ», говоритъ профессоръ Сили, «отъ неурожая на людей».

Въ своихъ лекціяхъ по «Исторіи Цивилизаціи въ Европѣ» и, болѣе полно, въ своихъ лекціяхъ по «Исторіи Цивилизаціи во Франціи» Гизо пред-

ставилъ живую картину того хаоса, который слѣдовалъ въ Европѣ за паденіемъ Римской Имперіи,—хаоса, который, какъ онъ выражается, «несъ все въ своихъ нѣдрахъ», и изъ котораго медленно развился строй современнаго общества. Картина эта не можетъ быть передана въ немногихъ словахъ, но достаточно будетъ сказать, что результатомъ этого воздѣйствія грубой, но сильной жизни на романизированное общество была дезорганизація какъ германскаго, такъ и римскаго строя,—соединеніе и смѣшеніе идеи общихъ правъ на землю съ идеею исключительной собственности; тоже самое произошло и въ тѣхъ провинціяхъ Восточной имперіи, которыя потомъ завоеваны были турками. Феодальная система, такъ легко принятая и такъ широко распространившаяся, явилась результатомъ этого соединенія; но подъ феодальной системой и рядомъ съ ней пустила корни и ожила болѣе ранняя организація, основанная на общихъ правахъ земледѣльцевъ, которая и оставила свои слѣды по всей Европѣ. Эта первоначальная организація, предоставлявшая членамъ общины равныя доли обрабатываемой земли, а необрабатываемую землю оставлявшая въ общемъ пользованіи, которая существовала въ древней Италіи и въ Саксонской Англіи, сохранилась подъ крѣпостнымъ правомъ въ Россіи, подъ мусульманскимъ гнетомъ въ Сербіи, а въ Индіи была смѣтена, но не уничтожена цѣликомъ, рядомъ завоеваній и цѣлыми столѣтіями угнетенія.

Феодальная система, которая не есть что либо исключительно свойственное Европѣ, но является, повидимому, какъ естественный результатъ завоеванія населенной страны расою, среди которой сильны еще равенство и личная независимость, открыто признавала, въ теоріи по крайней мѣрѣ, что земля принадлежитъ обществу, въ его цѣломъ, а не индивидууму. Грубое созданіе вѣка, въ которомъ сила замѣняла собой право такъ полно, какъ только возможно въ какое либо время (ибо идея права неискоренима изъ человѣческаго духа и должна въ той или другой формѣ проявляться даже въ шайкѣ пиратовъ или разбойниковъ), феодальная система однако ни за кѣмъ не признавала неограниченнаго и исключительнаго права на землю. Ленъ былъ въ сущности имѣніемъ, управляемымъ по довѣренности, и пользованіе имъ было связано съ обязательствами. Суверэнъ, теоретически представитель коллективной власти и правъ цѣлаго народа, былъ, съ феодальной точки зрѣнія, единственнымъ абсолютнымъ собственникомъ земли. И хотя земля жаловалась въ индивидуальное владѣніе, однако владѣніе это предполагало обязанности, выполняя которыя лицо, пользующееся доходами съ земли, возвращало обществу эквивалентъ тѣхъ благъ, которыя оно получало отъ передачи ему общаго права.

По феодальной схемѣ, коронныя земли поддерживали общественные расходы, которые въ настоящее время включаются въ такъ называемый «цивиль-

ный листъ» (расходы на содержаніе царствующаго дома), церковныя земли были источникомъ для уплаты расходовъ на общественное богослуженіе и образованіе, на призрѣніе больныхъ и нуждающихся и на содержаніе класса людей, которые, какъ это предполагалось и какъ это безъ сомнѣнія въ значительной мѣрѣ и было, посвящали себя служенію общественному благу, тогда какъ владѣнія военнаго класса доставляли средства для общественной обороны. И въ томъ обязательствѣ, въ силу котораго военный владѣлецъ долженъ былъ выставить въ поле столько то войска, когда въ томъ представится надобность, также какъ и въ той помощи, которую онъ долженъ былъ оказывать, когда посвящался въ рыцари старшій сынъ суверэна, когда выходила замужъ его дочь или когда самъ суверэнъ дѣлался военноплѣннымъ, заключалось грубое и недѣйствительное признаніе, но все же безспорное признаніе того факта, яснаго для естественнаго пониманія людей, что земля есть не индивидуальная, но общая собственность.

Кромѣ того, не допускалась, чтобы власть владѣльца земли переходила за предѣлы его жизни. Хотя принципъ наслѣдованія скоро всталъ на мѣсто принципа избранія, какъ всегда должно случиться тамъ, гдѣ власть концентрирована, однако феодальный законъ требовалъ, чтобы всегда былъ нѣкоторый представитель лена, способный выполнять обязанности и получать доходы, которые были связаны съ земельнымъ владѣніемъ, и кто долженъ быть такимъ представителемъ это зависѣло не отъ личнаго каприза, но строго опредѣлялось напередъ. Отсюда своеобразная опека и прочія феодальныя учрежденія. Система первородства и, какъ ея развитіе, имѣнія съ ограниченіями, касательно перехода по наслѣдству, не были въ своемъ первоначальномъ видѣ тѣми нелѣпицами, какими они сдѣлались потомъ.

Основаніемъ феодальной системы было абсолютное право собственности на землю, идея, которую варвары легко усвоили въ средѣ завоеваннаго населенія, свыкшагося съ ней; но поверхъ этого права феодализмъ установилъ другое высшее право, и процессъ феодализаціи состоялъ въ подчиненіи индивидуальнаго владычества тому высшему владычеству, которое признавалось за обществомъ или націей. Единицами въ феодальной системѣ были землевладѣльцы, которые въ силу своего права собственности считались абсолютными властителями въ своихъ помѣстьяхъ, и которые выполняли тамъ ту обязанность покровительства, которую Тэнъ такъ картинно описалъ, хотя быть можетъ и въ слишкомъ яркихъ краскахъ, во вступительной главѣ своего «Ancient Regime». Дѣло феодальной системы заключалось въ объединеніи этихъ единицъ въ націи, подчиненіи власти и правъ индивидуальныхъ владѣльцевъ земли власти и правамъ коллективнаго цѣлаго, общества, которое представлялось сюзерэномъ или королемъ.

Такимъ образомъ, феодальная система, въ своемъ возникновеніи и разви-

тіи, была тріумфомъ идеи общаго права на землю. Она замѣнила абсолютное владѣніе условнымъ и наложила особыя обязательства въ возмездіе за привилегію получать ренту. Въ тоже время власть землевладѣльца подкапывалась, такъ сказать, и снизу, такъ какъ арендованіе земли крестьянами по добровольному соглашенію весьма обыкновенно отвердѣвало въ аренду согласно обычаю, и рента, которую господинъ могъ требовать отъ крестьянина, становилась постоянной и опредѣленной.

Въ то же время и при феодальной системѣ оставались или возникали, болѣе или менѣе подчиненныя феодальнымъ повинностямъ, общины земледѣльцевъ, которые обрабатывали землю, какъ общую собственность; и хотя господа, гдѣ или когда они имѣли власть, заявляли свои права почти на все, что только казалось имъ цѣннымъ, однако идея общаго права была достаточно могущественна, чтобы удержать силою обычая отъ ихъ захвата значительную часть земли. Общинныя земли въ феодальные вѣка, можно думать, охватывали собой значительную часть поверхности большинства европейскихъ странъ. Во Франціи, хотя захваты этихъ земель аристократіей, до нѣкоторой степени задержанные королевскимъ эдиктомъ, продолжались въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до Революціи, да и за время Революціи и Первой Имперіи сдѣланы были обширныя раздачи и продажи общинныхъ земель, все же еще насчитывается, согласно Лавелэ, до 4,000,000 гектаровъ или до 9,884,400 акровъ общинныхъ земель. А о протяженіи общинныхъ земель въ Англіи въ феодальную эпоху можно судить по такому факту: хотя захваты земельной аристократіи начались тамъ во время царствованія Генриха VII, и не менѣе 7,660,413 акровъ общинныхъ земель было захвачено на основаніи актовъ парламента, изданныхъ между 1710 и 1843 годами, при чемъ до 600,000 акровъ было огорожено уже послѣ 1845 года; тѣмъ не менѣе въ Англіи все же насчитывается до 2,000,000 акровъ, еще остающихся въ общемъ пользованіи, хотя, конечно, земли эти изъ числа самыхъ худшихъ.

Помимо этихъ общинныхъ земель существовалъ обычай, во Франціи до Революціи, а въ Испаніи, мѣстами, и до нашихъ дней, имѣвшій всю силу закона,—въ силу котораго поля, послѣ того какъ снята была жатва, становились общими для пастьбы и прохода, пока не наступало время ихъ снова обрабатывать; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовалъ обычай, въ силу котораго всякій имѣлъ право занять землю, которую собственникъ ее не обрабатывалъ, засѣять ее, снять жатву, безъ всякихъ опасеній. А если этотъ человѣкъ удобрялъ ее подъ первую жатву, то онъ пріобрѣталъ право засѣять и собрать вторую жатву безъ всякаго препятствія или помѣхи со стороны собственника.

Не только швейцарская альмменда, дитмарская марка, сербская и русская сельскія общины; не только длинныя борозды, на англійскихъ земляхъ,

составляющихъ въ настоящее время исключительную собственность отдѣльныхъ лицъ, еще теперь дающіе возможность археологу указать обширныя поля, занятыя въ древнее время трехпольнымъ сѣвооборотомъ, гдѣ каждый поселянинъ ежегодно получалъ въ надѣлъ равную полоску; не только документальныя доказательства, которыя внимательные ученые въ теченіе послѣднихъ лѣтъ извлекли изъ древнихъ лѣтописей; но и тѣ самыя учрежденія, при господствѣ которыхъ развивалась современная цивилизація, указываютъ на повсемѣстное распространеніе и продолжительное существованіе общаго права на пользованіе землей.

На него указываютъ, подобно еще существующимъ остаткамъ древнихъ общинныхъ земель въ Англіи, и остатки прошлаго, утратившіе свое значеніе, которые еще существуютъ въ нашихъ законодательныхъ системахъ. Доктрина верховнаго владѣнія, существующая также въ магометанскомъ законѣ, которая дѣлаетъ монарха теоретически единственнымъ абсолютнымъ собственникомъ земли, вытекаетъ не изъ чего инаго, какъ изъ признанія монарха представителемъ коллективныхъ правъ народа; первородство и ограниченія, касающіяся перехода по наслѣдству имѣній въ нѣкоторыхъ случаяхъ, еще существующія въ Англіи и существовавшія кое-гдѣ въ американскихъ штатахъ сто лѣтъ тому назадъ, суть лишь исковерканныя формы того, что нѣкогда было результатомъ признанія земли общей собственностью. Самое различеніе между реальной и личной собственностью, дѣлаемое въ англійской юридической терминологіи, есть лишь остатокъ первобытнаго различенія между тѣмъ, на что первоначально смотрѣли какъ на общую собственность, и тѣмъ, что по своей природѣ всегда разсматривалось, какъ исключительная собственность отдѣльныхъ лицъ. А большія предосторожности и торжественность, которыя и теперь еще требуются при продажѣ земли, есть лишь остатокъ, теперь безсмысленный и безполезный, болѣе общаго и торжественнаго согласія, нѣкогда требовавшагося для передачи правъ, на которыя смотрѣли, какъ на принадлежащія не одному какому либо члену, но всѣмъ членамъ семейства или племени.

Общій ходъ развитія современной цивилизаціи послѣ феодальнаго періода направленъ былъ къ ниспроверженію этихъ естественныхъ и первоначальныхъ идей коллективной собственности на землю. Хотя это и можетъ показаться парадоксальнымъ, но развитіе свободы, сбрасывавшей феодальныя оковы, сопровождалось стремленіемъ облечь землевладѣніе въ ту форму собственности, которая ведетъ къ порабощенію рабочихъ классовъ и которая въ настоящее время начинаетъ сильно сказываться во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ въ томъ давленіи желѣзнаго ига, которое не можетъ быть ослаблено никакимъ расширеніемъ чисто политическихъ правъ или личной

свободы, и которое экономисты ошибочно принимаютъ за давленіе естественныхъ законовъ, а рабочіе за давленіе капитала.

Ясно, что въ Великобританіи въ наше время право народа, въ его цѣломъ, на территорію родной страны признается менѣе полно, чѣмъ въ феодальныя времена. Крайне малая часть народа владѣетъ землей и ея право собственности является гораздо абсолютнѣе. Общинныя земли, нѣкогда столь обширныя и столь широко содѣйствовавшія независимости и благосостоянію низшихъ классовъ, за исключеніемъ небольшого остатка земли, пока не имѣющей цѣны, захвачены въ частную собственность и огорожены: обширныя церковныя земли, которыя были въ сущности общею собственностью, предназначенной для общественныхъ цѣлей, лишены этого назначенія, чтобы обогащать отдѣльныхъ личностей; обязанности военныхъ владѣльцевъ уничтожены, а расходы на содержаніе войска и на уплату процентовъ по огромному долгу, накопившемуся вслѣдствіе войнъ, взвалены на весь народъ, въ видѣ налоговъ на предметы первой необходимости и жизненныхъ удобствъ. Англійскій мелкій собственникъ, йоменъ,— смѣлый и грубый народъ, одержавшій побѣды при Креси, Пуатье и Азинкурѣ,—вымеръ также, какъ мастодонтъ. Членъ шотландскаго клана, право котораго на землю его родныхъ горъ было въ свое время столь же неоспоримо, какъ право его вождя, прогнанъ, чтобы очистить мѣсто для пастбища барановъ и для охотничьяго парка потомковъ этого вождя; племенное право ирландца превращено въ аренду по соглашенію. Тридцать тысячъ человѣкъ имѣютъ законное право согнать все населеніе съ пяти шестыхъ территоріи Британскихъ острововъ, а огромное большинство Британскаго народа не имѣетъ инаго права на свою родную землю, кромѣ права ходить по улицамъ и таскаться по дорогамъ. Къ нимъ съ полнымъ основаніемъ могутъ быть примѣнены слова трибуна Римскаго народа: «Люди римскіе», говорилъ Тиберій Гракхъ, «люди римскіе, вы называетесь властелинами міра, а не имѣете права даже на квадратный футъ земли! У дикихъ звѣрей есть свои логовища, а у воиновъ италійскихъ есть только вода и воздухъ»!

Результаты стремленія такого рода, пожалуй, болѣе замѣтны въ Англіи, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, но самое стремленіе можетъ быть наблюдаемо повсюду, и въ Англіи оно зашло дальше лишь благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ его болѣе быстрому росту.

Одновременное развитіе идеи личной свободы и идеи частной собственности на землю, мнѣ кажется, обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что за все то время, какъ съ прогрессомъ цивилизаціи, сглаживались, уничтожались или становились менѣе явными болѣе грубыя формы владычества, связанныя съ земельной собственностью, отвлечено было вниманіе отъ болѣе

затаенныхъ, но въ дѣйствительности болѣе могущественныхъ формъ, и землевладѣльцы имѣли полную возможность свести собственность на землю къ тому же основанію, какъ и всякую другую собственность.

Ростъ національной силы, въ формѣ королевской власти или въ формѣ парламентскаго правительства, лишалъ крупныхъ владѣльцевъ индивидуальной власти и значенья, а также юрисдикціи и власти надъ крестьянами, и такимъ образомъ подавлялъ вопіющее зло, какъ и ростъ римскаго имперіализма подавлялъ еще болѣе вопіющую жестокость рабовладѣльцевъ. Распаденіе крупныхъ феодальныхъ помѣстій, увеличивавшее число землевладѣльцевъ,—пока не почувствовалось стремленіе къ концентраціи вслѣдствіе современной тенденціи къ крупному производству—тогда еще не давало себя чувствовать, и отмѣна тѣхъ стѣсненій, которыми землевладѣльцы, при болѣе рѣдкомъ народонаселеніи, старались принудить работниковъ оставаться на своихъ помѣстьяхъ, также съ своей стороны не мало отвлекала вниманіе отъ болѣе существенной несправедливости, заключающейся въ частной собственности на землю; да и постоянный прогрессъ правовыхъ идей римскаго закона, который былъ огромнымъ рудникомъ и запаснымъ магазиномъ нашей юриспруденціи, направленъ былъ къ тому, чтобы сгладить естественное различіе между собственностью на землю и собственностью на все прочее. И такимъ путемъ рядомъ съ расширеніемъ личной свободы шло расширеніе права индивидуальной собственности на землю.

Помимо того, политическая власть бароновъ была сломана не возмущеніемъ тѣхъ классовъ, которые могли ясно чувствовать несправедливость земельной собственности. Возмущенія съ ихъ стороны имѣли мѣсто, и не одинъ, а много разъ, но были подавляемы всегда съ ужасной жестокостью. Власть бароновъ сломила ростъ ремесленнаго и торговаго классовъ, между заработкомъ которыхъ и рентою уже не существуетъ того очевиднаго отношенія. Притомъ, классы эти развились подъ господствомъ системы замкнутыхъ гильдій и корпорацій, которыя, какъ я объяснялъ ранѣе, говоря о промышленныхъ союзахъ и монополіяхъ, давали имъ возможность ограждать себя до нѣкоторой степени отъ дѣйствія общаго закона заработной платы, и поддерживались въ то время съ гораздо большей легкостью, чѣмъ теперь, когда вслѣдствіе улучшенныхъ способовъ передвиженія и большаго распространенія первоначальнаго образованія и разнаго рода свѣдѣній, народонаселеніе дѣлается все болѣе и болѣе подвижнымъ. Классы эти не замѣчали, да и теперь не замѣчаютъ того, что владѣніе землей есть основной фактъ, которымъ должны въ концѣ концовъ опредѣляться условія промышленной, общественной и политической жизни. Такимъ образомъ, съ этой стороны все было направлено къ тому, чтобы ассимилировать идею собственности

на землю съ идеей собственности на вещи, созданныя человѣкомъ, и даже всякій шагъ назадъ дѣлался и привѣтствовался какъ шагъ впередъ. Французское Національное Собраніе, въ 1789 году, думало, что оно уничтожало остатки тиранніи, когда оно отмѣняло десятину и вводило общій налогъ на содержаніе духовенства. Аббатъ Сійесъ стоялъ одиноко, когда говорилъ собранію, что оно просто освобождаетъ собственниковъ отъ налога, который былъ однимъ изъ условій, на которыхъ они владѣли землей, и перелагаетъ его на трудъ націи. Его не слушали. Аббатъ Сійесъ былъ изъ духовенства, и потому рѣшили, что онъ защищаетъ интересы своего сословія, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ защищалъ права человѣка. Въ этихъ десятинахъ французскій народъ могъ бы сохранить обширный общественный доходъ, который не отнималъ бы ни одного сантима отъ заработка труда или отъ доходовъ капитала.

Такимъ же образомъ, отмѣна военныхъ повинностей, лежавшихъ на помѣстьяхъ въ Англіи, отмѣна, произведенная Долгимъ парламентомъ и затѣмъ утвержденная Карломъ II, являвшаяся просто присвоеніемъ общественнаго достоянія феодальными владѣльцами, освобождавшимися такимъ образомъ отъ того обязательства, подъ условіемъ котораго они владѣли тѣмъ, что было общимъ достояніемъ всей націи, съ переложеніемъ этихъ обязательствъ на всю націю, въ видѣ налоговъ на потребленіе, отмѣна эта долго разсматривалась, и теперь еще разсматривается въ юридическихъ книгахъ какъ торжество свободы.

А въ этой отмѣнѣ именно и кроется источникъ огромнаго долга и тяжелыхъ налоговъ Англіи. Если-бы только форма этихъ феодальныхъ повинностей была измѣнена въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися условіями, и Англійскія войны никогда не привели бы къ образованію хотя бы одного фунта стерлинговъ долга, а трудъ и капиталъ Англіи не платили бы ни гроша налога на содержаніе войска. Все это получалось бы отъ ренты, которую съ того времени присвоили себѣ землевладѣльцы,—изъ того налога, который землевладѣніе беретъ изъ добываемаго трудомъ и капиталомъ. Землевладѣльцы Англіи получили свои земли на условіяхъ, которыя обязывали ихъ, даже при рѣдкомъ народонаселеніи норманской эпохи выставлять на поле, по первому требованію, шестьдесятъ тысячъ вполнѣ снаряженныхъ всадниковъ *), и сверхъ того исполнить разныя повинности и уплачивать разные денежные взносы, которые въ суммѣ поглощали значительную часть ренты. По всей

*) Андрей Бисеттъ въ своей поучительной книгѣ «Сила націй», Лондонъ, 1856, гдѣ онъ обращаетъ вниманіе англійскаго народа на ту мѣру, посредствомъ которой землевладѣльцы избавились отъ уплаты націи слѣдуемой ей ренты, оспариваетъ мнѣніе Блэкстона, будто служба рыцаря продолжалась лишь въ теченіе сорока дней, и утверждаетъ, что она продолжалась столько времени сколько требовалось.

вѣроятности, было-бы слишкомъ низкой оцѣнкой оцѣнить денежную стоимость всѣхъ этихъ повинностей и обязательствъ въ половину всей ренты. Если-бы землевладѣльцы были удержаны въ предѣлахъ этого договора и если бы землю дозволялось огораживать не иначе, какъ на подобныхъ условіяхъ, то доходъ, который доставался-бы націи отъ англійской земли, былъ бы теперь на много милліоновъ больше всѣхъ государственныхъ доходовъ Соединеннаго Королевства. Англія въ настоящее время могла бы уже пользоваться абсолютной свободой торговли. Не было бы надобности ни въ таможенныхъ пошлинахъ, ни въ акцизѣ, ни въ патентахъ или подоходномъ налогѣ, и притомъ не только покрывались бы всѣ теперешніе расходы, но еще оставался бы огромный излишекъ, изъ котораго можно бы было удѣлять на всякое дѣло, увеличивающее жизненныя удобства и благосостояніе всего народа.

Обращаясь къ прошлому, мы можемъ видѣть всюду, гдѣ только пробивается лучь свѣта, что всѣ народы, на первыхъ ступеняхъ своего развитія, признавали право общей собственности на землю, и что частная собственность явилась, какъ узурпація, какъ созданіе силы и обмана.

«Свобода — древняго происхожденія» замѣтила Г-жа Сталь. И справедливость, если мы обратимся къ самымъ древнимъ лѣтописямъ, всегда окажется имѣющей право давности.

ГЛАВА V.

О земельной собственности въ Соединенныхъ Штатахъ.

Мы видимъ, что на болѣе раннихъ ступеняхъ цивилизаціи земля повсюду разсматривалась, какъ общая собственность. И обращаясь отъ туманнаго прошлаго къ нашимъ собственнымъ временамъ, мы можемъ замѣтить, что естественныя понятія людей остаются еще все тѣми же, что люди, будучи поставлены въ положеніе, въ которомъ вліяніе воспитанія и привычки бываетъ ослаблено, инстинктивно признаютъ равенство правъ на дары природы.

Открытіе золота въ Калифорніи свело въ новой странѣ людей, которые привыкли смотрѣть на землю, какъ на законный предметъ индивидуальной собственности, и изъ числа которыхъ вѣроятно и одному на тысячу никогда не приходило въ голову проводить какое либо различіе между собственностью на землю и собственностью на что либо иное. Въ первый разъ въ исторіи

Англо-саксонской расы, люди эти очутились на землѣ, изъ которой можно было получать золото посредствомъ простой операціи, путемъ промывки.

Если-бы земля, съ которой имъ такимъ образомъ пришлось имѣть дѣло, была полевой, пастбищной и лѣсной, особенно изобильной; если-бы земля получала особенную цѣнность вслѣдствіе своего положенія въ виду торговыхъ цѣлей, или благодаря водяной силѣ, которая на ней имѣлась бы, или даже вслѣдствіе богатыхъ каменноугольныхъ, желѣзныхъ или свинцовыхъ мѣсторожденій, и къ ней была бы примѣнена земельная система, къ которой эти люди были привычны; на огромныхъ пространствахъ она была бы обращена въ частную собственность, какъ были обращены въ частную собственность, безъ всякаго протеста, достойнаго упоминанія, даже тѣ городскія земли (pueblo lands), въ Санъ-Франциско (въ сущности самыя цѣнныя въ штатѣ), которыя, согласно испанскому закону, были оставлены для снабженія жилищами будущихъ обитателей города. Но новизна случая выбила мысль изъ ея обычной колеи и вернула людей назадъ къ первымъ принципамъ, такъ что съ общаго согласія было объявлено, что золотоносная земля эта должна оставаться общей собственностью, изъ которой никто не можетъ брать больше того количества, какимъ онъ можетъ разумно пользоваться, и удерживать землю въ своемъ владѣніи долѣе того, пока онъ продолжаетъ пользоваться ею. Къ этому рѣшенію, проникнутому сознаніемъ естественной справедливости, не замедлили присоединиться центральное правительство и судъ; и все время, пока промывка золота сохраняла значенье, не было сдѣлано ни одной попытки уклониться отъ этого возврата къ первобытнымъ идеямъ. Право на землю оставалось за правительствомъ, и ни одно лицо не могло пріобрѣсти чего либо большаго, кромѣ права на пользованіе. Золотопромышленники въ каждомъ округѣ опредѣляли количество земли, какое одно лицо могло взять, и количество работы, которое надо было выполнить, чтобы можно было признать фактъ пользованія. И разъ на извѣстномъ участкѣ это количество работы не было выполнено, всякій получалъ право занять его.

Такимъ путемъ никому не было дозволено захватить напередъ въ свои руки естественныя средства страны и преградить къ нимъ доступъ для другихъ людей. Трудъ былъ признанъ творцомъ богатства, ему данъ былъ полный просторъ, и за нимъ сохранена была его награда. Средство это не обезпечило бы полнаго равенства правъ при условіяхъ, господствующихъ въ большинствѣ теперешнихъ странъ; но при условіяхъ, которыя существовали въ томъ мѣстѣ и въ то время,—рѣдкое населеніе, неизвѣданная страна и занятіе, по своей природѣ являвшееся лоттереей,—оно обезпечивало справедливость во всѣхъ существенныхъ нуждахъ. Одинъ человѣкъ могъ натолкнуться на чрезвычайно богатое отложеніе, а другіе могли тщетно искать цѣлые

мѣсяцы и годы, но всѣ имѣли одинаковыя права. Никому не было дозволено разыгрывать относительно милостей Создателя роль собаки на сѣнѣ. Существенной идеей постановленій, регулировавшихъ пріисковое дѣло, было предупрежденіе предварительныхъ захватовъ и монополіи. На томъ же самомъ принципѣ были основаны пріисковые законы Мексики; и тотъ же самый принципъ былъ принятъ въ Австраліи, въ Британской Колумбіи и на алмазныхъ поляхъ южной Африки, ибо онъ согласуется съ естественными понятіями справедливости.

Съ паденіемъ пріисковаго дѣла въ Калифорніи привычная идея частной собственности на землю въ концѣ концовъ одержала верхъ въ изданіи закона, дозволяющаго огражденіе патентомъ земель, содержащихъ ископаемыя. Единственнымъ слѣдствіемъ этого закона было то, что онъ прекратилъ свободный доступъ къ естественнымъ богатствамъ, и далъ собственнику рудоносной земли власть сказать, что никто другой не можетъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ не хочетъ пользоваться самъ. Во многихъ случаяхъ рудоносная земля такимъ образомъ удерживается внѣ употребленія изъ-за спекулятивныхъ цѣлей, все равно какъ удерживаются внѣ употребленія цѣнные участки для построекъ и полевая земля. Препятствуя такимъ образомъ пользованію, это распространеніе на рудоносную землю того самаго принципа частной собственности, которымъ характеризуется владѣніе прочими землями, ничего однако не сдѣлало для обезпеченія за владѣльцами земли сдѣланныхъ ими улучшеній; самые большіе расходы капитала на закладку и на разработку рудниковъ,—расходы въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчисляемые милліонами долларовъ,—были произведены при господствѣ прежняго права, права пользованія.

Если бы обстоятельства побудили первыхъ англійскихъ поселенцевъ въ Сѣверной Америкѣ обратиться de novo къ вопросу о земельной собственности, то, безъ сомнѣнія поселенцы эти при рѣшеніи этого вопроса вернулись бы къ первоначальнымъ принципамъ, все равно какъ они вернулись къ первоначальнымъ принципамъ въ дѣлахъ управленія, и индивидуальная собственность на землю была бы отвергнута, какъ были отвергнуты аристократія и наслѣдственный режимъ. Но они прибыли изъ странъ, гдѣ эта система землевладѣнія еще не достигла своего полнаго развитія, и слѣдствія ея еще не давали себя чувствовать во всей своей полнотѣ, и имѣли передъ собой въ новой странѣ огромный материкъ свободный для переселенія, а потому среди нихъ никому и въ голову не приходило подымать вопросъ о справедливости и цѣлесообразности частной собственности на землю. Ибо въ новой странѣ, равенство кажется достаточно обезпеченнымъ, если никому не дозволяется брать землю при исключеніи всѣхъ прочихъ. Сначала кажется, что не дѣлаютъ никакого вреда, обращаясь съ землей, какъ съ абсолютной

собственностью. Вѣдь остается вдоволь земли для тѣхъ, которые пожелаютъ имѣть ее, и незамѣтно бываетъ рабство, которое необходимо возникаетъ изъ индивидуальной собственности на землю на болѣе поздней ступени развитія.

Въ Виргиніи и на Югѣ, гдѣ колонизація имѣла аристократическій характеръ, естественнымъ дополненіемъ крупныхъ помѣстій, на которыя была раздѣлена земля, явилось рабство негровъ. Но первые поселенцы Новой Англіи раздѣлили землю такъ, какъ за двѣнадцать столѣтій до того времени ихъ предки раздѣлили землю Британіи, давъ каждому главѣ семейства участокъ усадебной и участокъ полевой земли, за которыми была расположена свободная земля, находившаяся въ общемъ пользованіи. Поскольку дѣло шло о крупныхъ собственникахъ, которыхъ англійскіе короли стремились создать своими грамотами, переселенцы видѣли достаточно ясно несправедливость навязываемой монополіи, и ни одинъ изъ этихъ собственниковъ не получилъ многаго отъ своей жалованной грамоты; но изобиліе земли отклоняло вниманіе отъ той монополіи, къ которой должно привести право индивидуальной собственности на землю, даже при незначительныхъ размѣрахъ владѣній, когда станетъ земли мало. И такимъ образомъ произошло, что великая республика новаго міра восприняла вначалѣ своего поприща учрежденіе, которое погубило республики древности: что народъ, провозгласившій неотчуждаемыя права всѣхъ людей на жизнь, на свободу и на стремленіе къ счастію, принялъ, ни мало не задумываясь, принципъ, который, отрицая равное и неотчуждаемое право на землю, въ концѣ концовъ отрицаетъ равное право на жизнь и свободу; что народъ, который цѣною кровавой войны уничтожилъ личное рабство, дозволилъ однако укорениться рабству въ болѣе опасной и глубоко-проникающей формѣ.

Материкъ казался такимъ огромнымъ, поверхность, по которой народонаселеніе могло разливаться, такой обширной, что, освоившись въ силу привычки съ идеею частной собственности на землю, мы и не замѣчали ея существенной несправедливости. Ибо не только этотъ запасъ не населенной земли не давалъ возможности, даже въ болѣе старинныхъ частяхъ союза, почувствовать полнаго дѣйствія обращенія земли въ частную собственность, но и самое позволеніе одному человѣку брать земли больше чѣмъ онъ могъ пользоваться, позволеніе, благодаря которому человѣкъ получаетъ власть принудить тѣхъ, которые послѣ будутъ имѣть надобность въ землѣ, платить ему за привилегію пользованія ею, — не казалось столь несправедливымъ въ то время, когда и другіе въ свою очередь могли дѣлать то же самое, подвинувшись нѣсколько далѣе. Болѣе этого; тѣ самыя состоянія, которыя являлись слѣдствіемъ такого захвата земли, которыя такимъ образомъ въ дѣйствительности получались отъ налога, собираемаго съ пріобрѣтеній труда, казались и провозглашались наградами, предназначенными для

трудящагося. Во всѣхъ болѣе новыхъ штатахъ, и даже въ значительной степени въ болѣе старыхъ, наша земельная аристократія находится еще только въ своемъ первомъ поколѣніи. Тѣ лица, которымъ досталась выгода отъ увеличившейся стоимости земли, были по большей части людьми, которые начали свою жизнь безъ копѣйки. Ихъ крупныя состоянія, а многіе изъ нихъ имѣютъ милліоны, понятно кажутся имъ да и многимъ другимъ людямъ, лучшимъ доказательствомъ справедливости существующихъ общественныхъ условій, награждающихъ благоразуміе, предусмотрительность, трудолюбіе и бережливость; тогда какъ на самомъ дѣлѣ состоянія эти суть лишь плоды монополіи и неизбѣжно создаются на счетъ труда. Тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что лица, которыя такимъ образомъ обогатились, начали свой путь въ качествѣ рабочихъ, заслоняетъ эту истину, и то чувство, которое заставляетъ каждаго владѣльца лоттерейнаго билета наслаждаться въ воображеніи величиною выигрышей, удержало даже бѣдняка отъ сѣтованія на систему, сдѣлавшую многихъ бѣдныхъ людей богачами.

Короче, американскій народъ не замѣчалъ существенной несправедливости частной собственности на землю, потому что онъ пока еще не чувствовалъ ея полнаго дѣйствія. Это общественное достояніе, обширныя земли, которыя еще предстояло обратить въ частное владѣніе, огромныя пространства государственной земли, которую имѣли въ виду всѣ энергичные люди, и было тѣмъ великимъ факторомъ, который, начиная съ того времени какъ первыя поселенія стали окаймлять Атлантическій берегъ, формировалъ нашъ національный характеръ и клалъ свой отпечатокъ на нашу національную мысль. Не потому, что мы избѣгли титулованной аристократіи и уничтожили право первородства; не потому, что мы избираемъ всѣхъ нашихъ должностныхъ лицъ отъ школьнаго директора и до президента; не потому, что наши законы пишутся отъ имени народа, а не отъ имени государя; не потому, что наша страна не знаетъ государственной религіи и наши судьи не носятъ париковъ, — не потому были мы избавлены отъ тѣхъ золъ, на которыя ораторы четвертаго іюля обыкновенно указывали, какъ на принадлежность отжившихъ деспотическихъ правительствъ Стараго Свѣта. Общая образованность, общее благосостояніе, дѣятельная изобрѣтательность, способность приспособленія и ассимиляціи, свободный, независимый духъ, энергія и вѣра въ будущее, которыми отличался нашъ народъ, суть не причины, но результаты, — и они обусловливались существованіемъ свободной земли. Это общественное владѣніе и было той творческой силой, которая превратила безхозяйственнаго, приниженнаго европейскаго крестьянина въ самоувѣреннаго фермера американскаго запада; оно давало сознаніе свободы даже жителямъ многолюдныхъ городовъ, и было источникомъ надежды для тѣхъ, которымъ никогда не пришлось воспользоваться этимъ достояніемъ.

Въ Европѣ, человѣкъ изъ народа, дѣлаясь взрослымъ, находитъ всѣ лучшія мѣста на жизненномъ пиру занятыми и долженъ бороться съ своими товарищами изъ-за крохъ, которыя падаютъ со стола, не имѣя и одного шанса на тысячу пробиться или прокрасться до мѣста. Въ Америкѣ, каково бы ни было положеніе такого человѣка, у него всегда есть сознаніе того, что это общественное достояніе лежитъ у него въ запасѣ; и сознаніе этого факта, въ своемъ дѣйствіи и противодѣйствіи, проникало во всю нашу національную жизнь, внося въ нее элементы великодушія и независимости, подвижности и самолюбія. Все, чѣмъ мы гордимся въ американскомъ характерѣ, все, что дѣлаетъ наши жизненныя условія и учрежденія лучше условій и учрежденій болѣе старыхъ странъ, все мы можемъ свести къ тому факту, что земля была дешева въ Соединенныхъ Штатахъ, потому что новыя земли были открыты для поселенцевъ.

Но вотъ, въ своемъ поступательномъ движеніи, мы достигли Тихаго океана. Далѣе къ западу мы не можемъ идти, и увеличивающееся народонаселеніе можетъ лишь распространяться къ сѣверу и югу и заполнять то, что уже было пройдено. Къ сѣверу оно уже заполняетъ долину Красной Рѣки, вдвигаясь въ долину Саскачевана и территорію Вашингтона; къ югу, оно заселяетъ Западныхъ Техасъ и занимаетъ пригодныя для обработки долины Новой Мексики и Аризоны.

Республика вступила въ новую эру, эру, въ которой монополія земли будетъ сказываться съ возрастающей силой. Великій факторъ, дѣйствіе котораго было столь могущественно, прекращаетъ свое существованіе. Государственной земли почти уже не стало; еще весьма немного лѣтъ, и кончится ея вліяніе, уже быстро падающее. Я не хочу сказать того, что вовсе не будетъ государственной земли. Ибо еще въ теченіе долгаго времени милліоны акровъ государственныхъ земель будутъ значиться въ книгахъ Земельнаго Департамента. Но не должно забывать, что лучшая въ земледѣльческомъ отношеніи часть континента уже занята, и что остается земля самая бѣдная. Не должно забывать, что въ спискѣ остающихся земель числятся огромныя горныя цѣпи, безплодныя пустыни, плоскогорія, годныя только для пастбищъ. Не должно забывать что значительная часть земли, которая фигурируетъ въ отчетахъ, какъ открытая для поселенія, есть земля безъ всякаго публичнаго надзора, которая уже обращена въ частную собственность въ силу владѣльческихъ правъ или поселенія, что не можетъ обнаружиться, пока не будетъ произведена межевая опись земли. Калифорнія фигурируетъ въ книгахъ Земельнаго Департамента, какъ самый многоземельный штатъ Союза, содержащій около 100.000.000 акровъ общественной земли, — чуть не одна двѣнадцатая часть всей государственной земли. Однако такъ много этой земли занято по желѣзнодорожнымъ концессіямъ или перешло уже

въ частное владѣніе разными способами; такъ много состоитъ изъ горъ, которыя не могутъ быть обрабатываемы, или равнинъ, которыя требуютъ орошенія; такъ много монополизировано тѣми владѣніями, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи воду, что на самомъ то дѣлѣ трудно указать прибывшему переселенцу на какое либо мѣсто въ штатѣ, гдѣ онъ могъ бы занять клочекъ земли, на которомъ бы онъ могъ поселиться и содержать семью, и такимъ образомъ люди, утомленные поисками, обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что покупаютъ землю или снимаютъ ее изъ извѣстной доли. Не то, чтобы былъ какой либо дѣйствительный недостатокъ въ землѣ въ Калифорніи, — ибо весь штатъ самъ по себѣ, Калифорнія, будетъ въ состояніи въ свое время прокармливать столь же многочисленное народонаселеніе, какъ народонаселеніе Франціи,—но захватъ земли въ частную собственность опередилъ переселенца и умѣетъ держаться какъ разъ впереди его.

Лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать тому назадъ, покойный Веньяминъ Уэдъ изъ Огейо въ одной изъ своихъ рѣчей въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ замѣтилъ, что къ концу этого столѣтія каждый акръ обыкновенной пахотной земли въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ стоить 50 долларовъ золотомъ. Теперь стало ясно, что если онъ и ошибся, то только лишь въ томъ, что назначилъ слишкомъ далекій срокъ. Если наше народонаселеніе будетъ увеличиваться въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ оно увеличивалось со времени учрежденія республики, за исключеніемъ того десятилѣтія, на которое приходится гражданская война, то въ двадцать одинъ годъ, который остается отъ теперешняго столѣтія, получится прибавка къ нашему теперешнему народонаселенію почти въ сорокъ пять милліоновъ, прибавка милліоновъ на семь превышающая все народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ по переписи 1870 года и приблизительно въ полтора раза превышающая теперешнее народонаселеніе Великобританіи. Не можетъ быть и сомнѣнія въ способности Соединенныхъ Штатовъ поддерживать такое народонаселеніе и еще многія сотни милліоновъ и, при надлежащихъ общественныхъ отношеніяхъ, поддерживать въ большемъ благосостояніи, чѣмъ теперь; но въ виду такого прироста народонаселенія, что станется съ государственной землей, еще не перешедшей въ частную собственность? Въ сущности ее вскорѣ совсѣмъ не будетъ. Пройдетъ еще очень много времени, прежде чѣмъ она вся будетъ въ употребленіи; но чрезъ весьма короткое время, судя по тому какъ идутъ наши дѣла, всякая земля, къ которой люди могли бы обратиться для примѣненія своихъ трудовъ, будетъ уже имѣть собственника.

Пагубныя слѣдствія обращенія земли цѣлаго народа въ исключительную собственность нѣсколькихъ лицъ, чтобы проявить себя, не ждутъ окончательнаго исчезновенія общественной земли. Нѣтъ необходимости созерцать

ихъ въ будущемъ; мы можемъ видѣть ихъ въ настоящемъ. Они выросли вмѣстѣ съ нашимъ ростомъ, и продолжаютъ еще расти.

Мы распахиваемъ новыя поля, мы открываемъ новые рудники, мы основываемъ новые города; мы оттѣсняемъ индѣйцевъ и истребляемъ буйволовъ; мы опоясываемъ землю желѣзными дорогами и пронизываемъ воздухъ телеграфными проволоками; мы прибавляемъ знаніе къ знанію и утилизируемъ изобрѣтеніе за изобрѣтеніемъ; мы строимъ школы и жертвуемъ на университеты; однако для массъ нашего народа не дѣлается легче добываніе средствъ къ жизни. Напротивъ того, оно становится труднѣе. Богатый классъ дѣлается болѣе богатымъ, но болѣе бѣдный классъ дѣлается все болѣе и болѣе зависимымъ. Пропасть между хозяиномъ и работникомъ все расширяется; общественные контрасты становятся болѣе рѣзкими, и вмѣстѣ съ появленіемъ ливрейныхъ экипажей, появляются босоногія дѣти. У насъ уже входитъ въ привычку говорить о рабочихъ классахъ и о классахъ состоятельныхъ; пищіе становятся столь обыкновенными, что тамъ, гдѣ нѣкогда считалось преступленіемъ, немногимъ меньшимъ грабежа на большой дорогѣ, отказать въ хлѣбѣ тому, кто проситъ его, теперь запираютъ ворота и спускаютъ бульдоговъ, а противъ бродягъ издаются законы, напоминающіе законы Генриха VIII.

Мы называемъ себя самымъ прогрессивнымъ народомъ на землѣ. Но какова же конечная цѣль нашего прогресса, если уже теперь онъ приноситъ такіе плоды?

Таковы результаты частной собственности на землю, таковы слѣдствія принципа, который долженъ давать себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Не потому, чтобы рабочіе умножались быстрѣе, чѣмъ капиталъ; не потому, чтобы народонаселеніе выступало за предѣлы средствъ существованія; не потому, чтобы машины уменьшали спросъ на рабочіе руки; не потому, чтобы существовалъ какой либо дѣйствительный антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ; — а просто потому, что земля становится болѣе цѣнной, становятся все болѣе и болѣе тяжелыми тѣ условія, на которыхъ трудъ можетъ получать доступъ къ естественнымъ удобствамъ, безусловно необходимымъ для производства. Общественная земля отодвигается все дальше и количество ея уменьшается. Земельная собственность концентрируется и постоянно увеличивается та часть нашего народа, которая не имѣетъ законнаго права на землю, на которой живетъ.

Какъ выражается Нью-Іоркская газета «World»: «Собственникъ, не живущій въ своемъ помѣстьѣ, какъ въ Ирландіи, становится характеристичнымъ явленіемъ въ обширныхъ земледѣльческихъ округахъ Новой Англіи. Онъ ежегодно увеличиваетъ номинальную стоимость арендуемыхъ участковъ; ежегодно повышаетъ требуемую ренту и постоянно унижаетъ достоин-

ство фермеровъ». А, газета «Nation», ссылаясь на тѣ же мѣстности союза, пишетъ: «Возросшая номинальная стоимость земли, болѣе высокая арендная плата, меньшее число фермъ, занимаемыхъ собственниками, уменьшенная производительность, болѣе низкая заработная плата; болѣе невѣжественное населеніе, увеличивающееся число женщинъ, занятыхъ въ тяжелыхъ работахъ, трудъ внѣ дома (вернѣйшій признакъ падающей цивилизаціи), и постоянное ухудшеніе въ способахъ пользованія землей,—вотъ общественныя перемѣны, описываемыя такой массой свидѣтелей, что не можетъ быть и тѣни сомнѣнія».

Тѣ же самыя стремленія замѣтны въ новыхъ Штатахъ, гдѣ крупные размѣры обработки уже напоминаютъ тѣ *латифундіи*, которыя погубили древнюю Италію. Въ Калифорніи весьма значительная часть обрабатываемыхъ земель сдается изъ году въ годъ по цѣнамъ, измѣняющимся отъ одной четвертой и до половины жатвы.

Разстройства въ дѣлахъ, пониженіе заработной платы, возрастающая бѣдность, замѣтныя въ Соединенныхъ Штатахъ, суть лишь результаты тѣхъ естественныхъ законовъ, которые мы прослѣдили,—законовъ столь же всеобщихъ и непреодолимыхъ, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія. Мы еще не учредили республики, въ тотъ моментъ, когда мы предъ лицомъ державъ и властей выпустили декларацію о неотчуждаемыхъ правахъ человѣка; и мы до тѣхъ поръ не учредимъ республики, пока на дѣлѣ не осуществимъ этой декларацiи, обезпечивъ за самымъ бѣднымъ ребенкомъ, рождающимся среди насъ, равное съ прочими право на родную землю! Мы еще не уничтожили рабства, принявъ Четырнадцатое Дополненіе къ конституціи; чтобы уничтожить рабство, мы должны уничтожить частную собственность на землю. До тѣхъ поръ пока мы не вернемся назадъ къ первичнымъ принципамъ, до тѣхъ поръ пока мы не усвоимъ естественныхъ понятій равенства, до тѣхъ поръ пока мы не признаемъ равнаго права всѣхъ людей на землю, тщетны будутъ наши свободныя учрежденія, тщетны будутъ наши народныя школы, и наши открытія и изобрѣтенія будутъ лишь увеличивать ту силу, которая гнететъ народныя массы.

КНИГА VIII.

Примѣненіе средства исцѣленія.

ГЛАВА I.

Частная собственность на землю несовмѣстима съ наилучшимъ пользованіемъ землей.

Намъ надлежитъ теперь разсмотрѣть заблужденіе, вытекающее изъ склонности смѣшивать случайное съ существеннымъ,—заблужденіе, которое юристы всѣми силами стараются распространять, а экономисты вообще скорѣе поддерживаютъ, чѣмъ разъясняютъ,—будто частная собственность на землю необходима для надлежащаго пользованія землей, и будто сдѣлать снова землю общимъ достояніемъ значитъ уничтожить цивилизацію и вернуться къ состоянію варварства.

Заблужденіе это можетъ быть уподоблено той мысли, которая, слѣдуя Чарльзу Лэмбу долгое время господствовала среди китайцевъ, послѣ того, какъ вкусъ жареной свинины былъ случайно открытъ при пожарѣ хижины Го-ти,—будто для того, чтобы изжарить свинью, необходимо поджечь домъ. Но, въ то время, какъ въ очаровательномъ очеркѣ Лэмба надо было явиться мудрецу, чтобы внушить людямъ какимъ образомъ они могутъ жарить свинину, не сжигая своихъ домовъ, нѣтъ надобности обращаться къ мудрецу, чтобы замѣтить, что для сельскохозяйственныхъ улучшеній требуется не абсолютная собственность на землю, а лишь обезпеченіе этихъ улучшеній. Это станетъ очевиднымъ для всякаго, кто посмотритъ вокругъ себя. Дѣлать человѣка абсолютнымъ и исключительнымъ собственникомъ земли, съ цѣлью побудить его улучшить ее, не болѣе необходимо чѣмъ сжигать домъ съ цѣлью изжарить свинину; и обращеніе земли въ частную собственность является такимъ же грубымъ, хищническимъ и невѣрнымъ способомъ обезпеченія улучшеній. какъ способъ сжиганія дома для жаренія свинины, причемъ, настаивая на немъ, мы не имѣемъ даже того извиненія, какое имѣли китайцы Лэмба. До того времени, какъ явился мудрецъ, который изобрѣлъ грубый рашперъ (слѣдуя Лэмбу, рашперъ этотъ предшествовалъ вертелу и печкѣ), никто изъ нихъ не зналъ и не слыхалъ, чтобы свинину можно было жарить, не сжигая дома. Но среди насъ нѣтъ ничего обыкновеннѣе того, чтобы улучшенія въ землѣ дѣлались тѣми, которые ею не владѣютъ. Большая часть земли въ Великобританіи обрабатывается арендаторами, большая часть зданій въ Лондонѣ построена на наемной

землѣ, и даже въ Соединенныхъ Штатахъ въ большей или меньшей степени таже система господствуетъ повсюду. Для насъ является дѣломъ обыкновеннымъ видѣть пользованіе отдѣленнымъ отъ владѣнія.

Развѣ вся эта земля не была бы обрабатываема и улучшаема столь же старательно, когда рента поступала бы государству или обществу, какъ теперь, когда рента достается частнымъ лицамъ? Если бы частная собственность на землю не была признаваема, а вся земля находилась бы во владѣніи такого рода, что лицо, занимающее землю или пользующееся ею, платило бы ренту государству, то развѣ земля не была бы эксплоатируема и улучшаема столь же хорошо и столь же вѣрно, какъ и теперь? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: конечно такъ. Такимъ образомъ, возвратъ земли въ общую собственность никоимъ образомъ не былъ бы помѣхой для надлежащаго пользованія землей и улучшенія ея.

Что необходимо для пользованія землей, такъ это не частная собственность, а обезпеченіе улучшеній. Нѣтъ необходимости говорить человѣку: «земля эта твоя», съ цѣлью побудить его обрабатывать и улучшать ее. Необходимо только сказать ему: «все, что произведетъ на этой землѣ твой трудъ или капиталъ будетъ твоимъ». Дайте человѣку увѣренность въ томъ, что онъ будетъ имѣть право снять жатву, и онъ будетъ сѣять; обезпечьте за нимъ владѣніе домомъ, который онъ желалъ бы построить, и онъ будетъ строить его. Все это суть естественныя награды труда. Вѣдь для того, чтобы жать, люди сѣютъ; для того, чтобы владѣть домами, люди строятъ. Собственность на землю тутъ не при чемъ.

Именно, для того, чтобы достигнуть такого обезпеченія, въ началѣ феодальнаго періода, столь много мелкихъ землевладѣльцевъ уступали право собственности на свою землю военачальнику, получая взамѣнъ право на пользованіе этой землей въ видѣ лена или довѣренности, и, преклонивъ колѣна передъ сюзерэномъ, обнаживъ голову и сложивъ руки въ его рукахъ, клялись служить ему жизнью, и членами своими, и честью мірской. Подобныя же примѣры уступки права собственности на землю ради обезпеченія въ пользованіи ею можно видѣть въ Турціи, гдѣ особое изъятіе отъ податей и поборовъ примѣняется къ *вакуфамъ*, или церковнымъ землямъ, и гдѣ является обычнымъ дѣломъ, что землевладѣлецъ продаетъ свою землю въ мечеть за чисто номинальную цѣну, при условіи, что онъ останется на ней въ качествѣ арендатора, внося опредѣленную ренту.

Нѣтъ, не магическое вліяніе собственности, какъ выразился Артуръ Юнгъ, превратило фламандскіе пески въ плодоносные поля. Сдѣлало это магическое вліяніе обезпеченія труда. А оно можетъ быть достигнуто инымъ путемъ, помимо обращенія земли въ частную собственность, все равно какъ тепло, необходимое для жаренія свинины, можетъ быть добыто, помимо со-

жиганія домовъ. Простое ручательство ирландскаго лэндлорда, что онъ втеченіе двадцати лѣтъ не будетъ требовать въ видѣ ренты никакой доли продуктовъ, побуждало ирландскихъ крестьянъ превращать голыя горы въ сады; при простомъ обезпеченіи опредѣленной земельной ренты на извѣстное число лѣтъ самыя дорогія зданія такихъ городовъ, какъ Лондонъ и Нью-Іоркъ, воздвигнуты на наемной землѣ. И если мы дадимъ лицамъ, которыя вносятъ въ землю свой трудъ или капиталъ, такое же обезпеченіе, то мы спокойно можемъ отмѣнить частную собственность на землю.

Полное признаніе общаго права на землю никоимъ образомъ не можетъ противорѣчить полному признанію индивидуальнаго права на улучшенія и на произведенія. Два человѣка могутъ владѣть кораблемъ, не разрѣзая его пополамъ. Право собственности на желѣзную дорогу можетъ быть раздѣлено между сотней тысячъ акціонеровъ, а однако поѣзда будутъ ходить съ такой же правильностью и точностью, какъ если бы былъ только одинъ собственникъ. Вѣдь образовывались же въ Лондонѣ акціонерныя общества для пріобрѣтенія и завѣдыванія недвижимой собственностью. Все могло бы идти какъ и теперь, и однако общее право на землю было бы вполнѣ признано, если бы рента поступала въ общую пользу. Въ центрѣ Санъ-Франциско есть участокъ земли, по отношенію къ которому закономъ еще до сихъ поръ признаются общія права населенія этого города. Участокъ этотъ не разрѣзается на безконечно-малыя доли, и не остается пустыремъ. Онъ застроенъ прекрасными зданіями, собственностью частныхъ лицъ, и владѣніе этими зданіями является вполнѣ обезпеченнымъ. Единственная разница между этимъ участкомъ и смежными съ нимъ заключается въ томъ, что рента съ него поступаетъ въ фондъ общественныхъ школъ, тогда какъ рента съ другихъ участковъ поступаетъ въ карманы частныхъ лицъ. Что же можетъ препятствовать тому, чтобы земля цѣлой страны такимъ же образомъ находилась во владѣніи народонаселенія этой страны?

Трудно было бы отыскать часть территоріи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ тѣ условія, которыя, по общему мнѣнію, приводятъ къ необходимости обращенія земли въ частную собственность, осуществлены бы были въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ на маленькихъ островкахъ Святаго Петра и Святаго Павла, въ Алеутскомъ Архипелагѣ, пріобрѣтенныхъ отъ Россіи при покупкѣ Аляски. Острова эти суть лежбища пушнаго тюленя, животнаго столь робкаго и осторожнаго, что малѣйшій испугъ заставляетъ его покидать свое привычное пристанище, чтобы никогда болѣе туда не вернуться. Чтобы предупредить полное разстройство этого промысла, а безъ него острова эти непригодны ни для какого дѣла, не только нужно избѣгать бить самокъ и дѣтенышей, нужно избѣгать даже такого шума, какъ выстрѣлъ изъ пистолета или лай собаки. Убойщики отнюдь не должны торопиться, но должны спокойно про-

гуливаться посреди тюленей, которые лежатъ на каменистомъ берегу, до тѣхъ поръ пока робкія животныя, столь неуклюжія на землѣ, но столь граціозныя въ водѣ, не будутъ болѣе выказывать никакого признака страха, кромѣ какъ лѣниво переваливаться съ дороги. Тогда животныя, которыя могутъ быть убиты безъ уменьшенія будущаго прироста, заботливо отдѣляются и тихонько отгоняются внутрь острова, въ такое мѣсто, гдѣ ихъ уже не можетъ видѣть или слышать стадо; тамъ ихъ и убиваютъ дубинами. Оставить этотъ промыселъ открытымъ для всякаго, кто только пожелалъ бы идти и бить, — и такимъ образомъ сдѣлать выгоднымъ каждой партіи бить столько, сколько возможно въ данное время безъ всякаго отношенія къ будущему, — значило бы въ конецъ уничтожить этотъ промыселъ въ теченіе немногихъ лѣтъ, какъ подобные промыслы и уничтожались въ другихъ океанахъ. Но это обстоятельство не вынуждаетъ къ обращенію этихъ островов въ частную собственность. Хотя по причинамъ гораздо менѣе важнымъ великое общественное достояніе американскаго народа передавалось въ частную собственность тотчасъ же какъ находился кто либо, кто его соглашался взять, тѣмъ не менѣе эти острова были отданы въ аренду за ежегодную плату 317500 долларовъ *), плату, вѣроятно, не на много меньшую той цѣны, за которую ихъ можно бы было продать во время покупки Аляски. Острова эти уже доставили въ общественную казну два съ половиной милліона долларовъ, и все же, сохраняя свою стоимость (ибо при заботливомъ завѣдываніи Аляскинской Мѣховой Компаніи число тюленей скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается) остаются общей собственностью населенія Соединенныхъ Штатовъ.

Признаніе частной собственности на землю не только не необходимо для надлежащаго пользованія землей, но скорѣе какъ разъ наоборотъ. Распоряженіе землей, какъ частной собственностью, является препятствіемъ для надлежащаго пользованія ею. Если бы земля считалась общественной собственностью, то къ ней примѣнялся бы трудъ и капиталъ тотчасъ же, какъ являлась въ томъ надобность, тогда какъ если земля считается частной собственностью, то индивидуальный собственникъ имѣетъ право воспрепятствовать тому, чтобы другія лица примѣняли свой трудъ или капиталъ къ той землѣ, къ которой онъ не можетъ, или не хочетъ примѣнять своего труда и капитала. Чуть начинается споръ изъ-за правъ владѣнія, и самая цѣнная земля лежитъ много лѣтъ безъ надлежащаго примѣненія; во многихъ частяхъ Англіи, улучшеніе земли пріостанавливается, потому что, вслѣдствіе ограниченій въ правѣ наслѣдованія помѣстій, нельзя дать никакого

*) Ежегодная плата на основаніи договора съ Аляскинской Мѣховой Компаніей назначена въ 55000 долларовъ съ уплатою 2 дол. 62½ центовъ съ каждой шкуры; на 100000 шкуръ, которыми ограниченъ промыселъ, приходится 262500 долларовъ, — а вся арендная плата равна 317500 долларовъ.

обезпеченія лицамъ, улучшающимъ землю; а обширныя пространства земли, которыя, были бы застроены или засѣяны, если бы считались общественной собственностью, остаются пустырями, ради удовлетворенія прихоти ихъ владѣльцевъ. Въ густо-населенныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ лежитъ безъ употребленія такое количество земли, что его хватило бы на народонаселеніе втрое или вчетверо превышающее наше теперешнее, и лежитъ безъ употребленія потому, что владѣльцы этой земли держатъ ее, ожидая болѣе высокихъ цѣнъ, и переселенцы принуждены, минуя эти пустующія земли, искать мѣстъ тамъ, гдѣ ихъ трудъ далеко не будетъ такъ производителенъ Да и въ каждомъ городѣ можно видѣть цѣнные участки земли, остающіеся пустырями по той же самой причинѣ. Если наилучшее пользованіе принять за пробный камень, то частная собственность на землю должна быть осуждена, какъ она должна быть осуждена и въ силу всѣхъ прочихъ соображеній. Она представляетъ такой же хищническій и невѣрный способъ для обезпеченія надлежащаго пользованія землей, какъ сожиганіе домовъ для жаренія свинины.

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ равныя права на землю могутъ быть установлены и обезпечены.

Мы видѣли, что нужда и страданія, господствующія повсюду среди рабочихъ классовъ, повторяющіеся отъ поры до времени припадки промышленнаго застоя, трудность находить работу, стѣсненное положеніе капитала, стремленіе рабочей платы къ точкѣ голоданія, которые обнаруживаются все съ бо́льшей и бо́льшей силой по мѣрѣ того, какъ развивается матеріальный прогрессъ, зависятъ отъ того факта, что земля, на которой и отъ которой должны жить всѣ люди, сдѣлана исключительной собственностью немногихъ лицъ.

Мы видѣли, что не можетъ быть иного средства исцѣленія отъ этихъ золъ, кромѣ устраненія ихъ причины; мы видѣли, что частная собственность на землю не имѣетъ никакого оправданія съ точки зрѣнія справедливости, но должна быть осуждена, какъ отрицаніе естественнаго права, что она является извращеніемъ закона природы, которое съ развитіемъ общества должно вести людей къ рабству самому тяжелому и наиболѣе унизительному.

Мы взвѣшивали каждое возраженіе и видѣли, что ни со стороны справедливости, ни со стороны цѣлесообразности нѣтъ ничего такого, что удерживало бы насъ отъ возврата земли въ общую собственность путемъ конфискаціи ренты.

Но является вопросъ о методѣ. Какимъ образомъ мы можемъ сдѣлать это.

Мы выполнили бы законъ справедливости, мы удовлетворили бы всѣмъ экономическимъ требованіямъ, если бы однимъ ударомъ уничтожили всѣ земельныя права частныхъ лицъ, объявили землю общественной собственностью, и стали бы сдавать ее внаймы лицамъ, дающимъ наибольшую цѣну, соотвѣтственными участками, на условіяхъ, которыя свято охраняли бы права частныхъ лицъ на улучшенія.

Такимъ образомъ мы обезпечили бы, при болѣе сложномъ состояніи общества, то самое равенство правъ, которое при болѣе грубомъ его состояніи обезпечивалось равномѣрными раздѣлами земли, а передавая пользованіе землею тому, кто бы могъ получать отъ нея всего болѣе, мы обезпечили бы за трудомъ наивысшую производительность.

И планъ этотъ, далекій отъ того, чтобы быть дикой, невыполнимой фантазіей, поддерживался такимъ выдающимся мыслителемъ, какъ Гербертъ Спенсеръ (съ тѣмъ исключеніемъ, что онъ предлагалъ вознаградить теперешнихъ владѣльцевъ земли,—безъ сомнѣнія такая неосторожная уступка, что онъ отказался бы отъ нея по размышленіи); вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своей «Соціальной Статикѣ» (глава IX, отд. VIII):

«Такой планъ согласуется съ наивысшимъ состояніемъ цивилизаціи; можетъ быть выполненъ, не вводя общности имущества, и не долженъ причинить очень-то серьезнаго переворота въ существующихъ порядкахъ. Требуемая перемѣна была бы просто перемѣной землевладѣльцевъ. Отдѣльная собственность исчезла бы въ соединенной собственности народа. Вмѣсто того, чтобы быть во владѣніи отдѣльныхъ лицъ, страна находилась бы во владѣніи великаго совокупнаго цѣлаго,—общества. Вмѣсто того, чтобы снимать землю у отдѣльнаго собственника, фермеръ снималъ бы ее у народа. Вмѣсто того, чтобы передавать плату агенту какого-нибудь господина или вельможи, онъ передавалъ бы ее агенту или довѣренному лицу общества. Управляющіе сдѣлались бы общественными должностными лицами, вмѣсто частныхъ, а аренда—единственнымъ видомъ землевладѣнія. Порядокъ вещей такого рода былъ бы въ совершенной гармоніи съ нравственнымъ закономъ. При немъ всѣ люди были бы одинаково землевладѣльцами и всѣмъ безъ различія было бы предоставлено право сдѣлаться арендаторами. Ясно, слѣдовательно, что при такой системѣ земля могла бы быть огораживаема, занимаема и обрабатываема въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ равной свободы».

Такой планъ, хотя и совершенно выполнимый, не кажется мнѣ однако наилучшимъ. Или, вѣрнѣе, я предлагаю достигнуть той же цѣли путемъ болѣе простымъ, легкимъ и покойнымъ, помимо формальной конфискаціи всей земли и формальной сдачи ея въ аренду лицамъ, дающимъ наивысшую плату.

Слѣдуя такому плану, пришлось бы безъ нужды сталкиваться съ теперешними обычаями и привычками мысли,—чего слѣдуетъ избѣгать.

Слѣдуя такому плану, пришлось бы безъ нужды расширять правительственный механизмъ,—чего тоже слѣдуетъ избѣгать.

Въ области политики существуетъ аксіома, которую понимали и которой слѣдовали удачные деспоты, — состоящая въ томъ, что великія перемѣны всего лучше могутъ быть совершаемы, сохраняя старыя формы. И мы, желая освободить людей, должны слѣдовать той же истинѣ. Это есть естественный методъ. Когда природа стремится создать высшій типъ, то она беретъ низшій и развиваетъ его. И это, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть законъ общественнаго роста. Будемъ же дѣйствовать согласно съ нимъ. По теченію мы можемъ скользить быстро и далеко. Противъ его и гресть тяжело и впередъ подвигаешься медленно.

Я не предлагаю ни выкупать, ни конфисковать право частной собственности на землю. Первое было бы несправедливо; второе безполезно. Пусть тѣ лица, которыя въ настоящее время обладаютъ этимъ правомъ, сохраняютъ за собой, если имъ это нужно, владѣніе тѣмъ, что имъ угодно называть *своею* землею. Пусть они продолжаютъ называть это *своею* землею. Пусть они покупаютъ и продаютъ, отказываютъ и завѣщаютъ это. Мы спокойно можемъ оставить имъ скорлупу, если возьмемъ зерно, *нѣтъ никакой необходимости конфисковать землю; необходимо только конфисковать ренту.*

Но чтобы взять ренту въ пользу общества, нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы государство путалось со сдачей земель и допускало тѣ случаи фаворитизма, мошенничества и подкуповъ, которые при этомъ могли бы возникать. Нѣтъ необходимости и создавать какой либо новый механизмъ. Механизмъ уже существуетъ. Вмѣсто того, чтобы расширять, намъ предстояло бы только упростить и сократить его. Оставивъ землевладѣльцамъ нѣкоторый процентъ ренты, который будетъ вѣроятно гораздо меньше расходовъ и потерь, связанныхъ съ попыткой сдавать земли посредствомъ государственныхъ агентовъ, и воспользовавшись этимъ уже существующимъ въ ихъ лицѣ механизмомъ, мы могли бы, безъ всякихъ споровъ и столкновеній, возстановить общее право на земли посредствомъ отобранія ренты въ пользу общества.

Мы уже беремъ часть ренты въ видѣ налоговъ. Намъ предстоитъ только

сдѣлать нѣсколько измѣненій въ нашихъ способахъ обложенія, чтобы взять ее всю.

Что я, слѣдовательно, предлагаю, какъ простое, но самое дѣйствительное средство, которое подыметъ заработную плату, увеличитъ доходы капитала, вырветъ съ корнемъ пауперизмъ, уничтожитъ бѣдность, дастъ прибыльное занятіе всякому, кто пожелаетъ его, предоставитъ полный просторъ человѣческимъ способностямъ, уменьшитъ число преступленій, возвыситъ нравственность, вкусъ и образованіе, очиститъ правительство и подниметъ цивилизацію до высотъ еще болѣе благородныхъ, такъ это—*отобрать ренту посредствомъ налога.*

Такимъ путемъ, государство можетъ сдѣлаться всеобщимъ землевладѣльцемъ, не называя такъ себя и не присвояя себѣ ни единой новой функціи. По формѣ, собственность на землю оставалась бы такой же, какъ теперь. Ни одинъ собственникъ земли не лишился бы своего владѣнія, и никакого ограниченія не было бы введено относительно количества земли, которымъ можетъ владѣть одно лицо. Ибо, когда рента была бы взята государствомъ въ видѣ налоговъ, земля, все равно на чье бы имя она ни была и изъ какихъ бы мелкихъ владѣній она ни состояла, сдѣлалась бы въ сущности общей собственностью, и каждый членъ общества участвовалъ бы въ выгодахъ, которыя даетъ право собственности на землю.

Далѣе, такъ какъ обложеніе ренты или земельныхъ цѣнностей должно по необходимости увеличиться постольку, поскольку мы уничтожимъ прочіе налоги, то мы можемъ придать этому предложенію практическую форму, предложивъ:

Отмѣнить всѣ налоги, кромѣ налога на земельныя цѣнности.

Какъ мы видѣли, цѣнность земли въ началѣ развитія общества ничтожна, но затѣмъ, по мѣрѣ развитія общества вслѣдствіе роста населенія и прогресса промышленности, все увеличивается и увеличивается. Во всякой цивилизованной странѣ, даже самой новой, цѣнность земли, взятая въ цѣломъ, достаточно велика, чтобы нести всѣ расходы правительства. А въ болѣе развитыхъ странахъ ея гораздо болѣе, чѣмъ достаточно для этихъ цѣлей. Слѣдовательно, оказалось бы недостаточнымъ просто возложить всѣ налоги на земельную цѣнность. Необходимо было бы тамъ, гдѣ рента превышаетъ теперешніе правительственные доходы, соотвѣтственно увеличить сумму, требуемую въ видѣ налоговъ, и продолжать это увеличеніе все время какъ будетъ прогрессировать общество и расти рента. Но это настолько естественное и простое дѣло, что на него можно смотрѣть какъ на естественно заключающееся въ предложеніи возложить всѣ налоги на земельную цѣнность, или, по крайней мѣрѣ, какъ на предполагаемое этимъ послѣднимъ предложеніемъ. И это предложеніе есть первый шагъ, на которомъ въ сущности должна закончиться борьба. Разъ заяцъ пойманъ и убитъ, то изжа-

рить его будетъ дѣломъ, которое само собой разумѣется. Когда общее право на землю будетъ настолько признано, что будутъ отмѣнены всѣ налоги, кромѣ налоговъ, падающихъ на ренту, тогда уже не будетъ опасности, если у индивидуальныхъ землевладѣльцевъ будетъ оставаться значительно больше того, чѣмъ сколько необходимо, чтобы побудить ихъ собирать общественные доходы.

Опытъ научилъ меня (ибо я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старался популяризировать это предложеніе), что всюду, гдѣ только мысль концентрировать всѣ налоги на земельныхъ цѣнностяхъ достаточно находитъ почву, чтобы вызвать размышленіе, она неизмѣнно прокладываетъ себѣ дорогу, но что среди тѣхъ классовъ общества, которые при этомъ были бы всего болѣе облагодѣтельствованы, встрѣчается немного такихъ людей, которые сначала, или даже долгое время спустя, поняли бы ея полное значеніе и силу. Трудно для рабочихъ людей отдѣлаться отъ мысли, будто на самомъ дѣлѣ существуетъ антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ. Трудно для мелкихъ землевладѣльцевъ или домовладѣльцевъ отрѣшиться отъ мысли, будто возложить всѣ налоги на земельную цѣнность значитъ несправедливо обложить ихъ налогами. Трудно для обоихъ классовъ отдѣлаться отъ мысли, будто изъять капиталъ отъ обложенія значило бы сдѣлать богатаго богаче, а бѣднаго бѣднѣй. Такого рода представленія суть слѣдствія неясности въ мысляхъ. Но помимо невѣжества и предразсудка ихъ поддерживаетъ еще и могущественный интересъ, который до сего времени господствовалъ въ литературѣ, въ дѣлѣ воспитанія общественнаго мнѣнія. Великія несправедливости всегда умираютъ съ трудомъ, и та великая несправедливость, которая во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ обрекаетъ народныя массы людей на бѣдность и нужду, не умретъ безъ жестокой борьбы.

Я не думаю, чтобы тѣ представленія, о которыхъ идетъ рѣчь, могъ раздѣлять читатель, который до сего времени слѣдовалъ за мною; но такъ какъ всякое популярное обсужденіе скорѣе должно имѣть дѣло съ конкретнымъ, чѣмъ съ абстрактнымъ, то я попрошу его послѣдовать за мной нѣсколько далѣе, чтобы мы могли испытать средство, которое я предложилъ, помощью признанныхъ правилъ обложенія. При этомъ могутъ быть замѣчены многія побочныя стороны предмета, которыя иначе могли бы ускользнуть отъ вниманія.

ГЛАВА III.

Повѣрка предложенія помощью правилъ обложенія.

Для признанія какого либо налога наиболѣе пригоднымъ для собиранія общественныхъ доходовъ, надо требовать отъ него возможно болѣе полнаго удовлетворенія слѣдующимъ условіямъ:

1) Чтобы налогъ возможно легче ложился на производство, — чтобы онъ всего менѣе задерживалъ ростъ того общаго фонда, изъ котораго должны уплачиваться налоги и содержаться общества.

2) Чтобы онъ былъ собираемъ легко и дешево, и падалъ, насколько это возможно, прямо на конечныхъ плательщиковъ,—такъ чтобы онъ бралъ отъ народа возможно менѣе сверхъ того, что онъ доставлялъ бы правительству.

3) Чтобы онъ былъ точенъ, — такъ чтобы представлялъ всего менѣе удобствъ для тиранніи и взяточничества со стороны должностныхъ лицъ, и всего менѣе соблазновъ къ нарушенію закона и уклоненіямъ со стороны плательщиковъ.

4) Чтобы онъ ложился равномѣрно, — чтобы никому изъ гражданъ не давалъ преимуществъ и никого не ставилъ въ невыгодное положеніе, сравнительно съ другими.

Посмотримъ же, какого рода налогъ всего болѣе согласуется съ этими условіями. Именно этого рода налогъ очевидно будетъ представлять изъ себя наилучшій способъ собиранія общественныхъ доходовъ.

I. Вліяніе налоговъ на производство.

Всѣ налоги должны, очевидно, браться изъ производимаго землею и трудомъ, такъ какъ не существуетъ иного источника богатства, помимо соединенія человѣческаго труда съ веществомъ и силами природы. Но самый способъ, которымъ могутъ быть собираемы хотя бы и равныя суммы дохода, можетъ весьма различно вліять на производство богатства. Налогъ, который уменьшаетъ вознагражденіе производителя, необходимо ослабляетъ побужденіе къ производству; налогъ, который пріуроченъ къ акту производства или примѣненія какого либо изъ трехъ факторовъ производства, необходимо задерживаетъ самое производство. Такъ налогъ, который уменьшаетъ заработки рабочаго или доходы капиталиста, стремится сдѣлать перваго менѣе трудолюбивымъ и развитымъ, а второго менѣе расположеннымъ сберегать и пускать въ оборотъ капиталъ. Налогъ, который падаетъ на процессы производства, ставитъ искусственное препятствіе къ созиданію богатства. Налогъ,

который падаетъ на трудъ, *поскольку* трудъ примѣняется къ дѣлу, на богатство, *поскольку* имъ пользуются, какъ капиталомъ, на землю, *поскольку* она обрабатывается, очевидно, будетъ стремиться задерживать производство гораздо сильнѣе, чѣмъ налогъ, собираемый въ томъ же самомъ размѣрѣ съ рабочихъ, независимо отъ того, работаютъ ли они или играютъ, съ богатства, независимо отъ того, употребляется ли оно производительно или непроизводительно, или съ земли, независимо отъ того обрабатывается ли она или гуляетъ.

Способъ обложенія бываетъ на дѣлѣ столь же важенъ, какъ и его размѣръ. Какъ небольшой грузъ, неловко положенный, можетъ утомить лошадь, которая несла бы съ легкостью гораздо бо́льшій грузъ, надлежащимъ образомъ прилаженный, такъ и народъ можетъ быть разоренъ и производительныя силы его истощены налогами, которые могли бы выноситься съ легкостью, если бы собирались инымъ способомъ. Пошлина на финиковыя пальмы, наложенная Магометомъ Али, заставляла египетскихъ феллаховъ вырубить свои дерева; а пошлина въ два раза бо́льшая, наложенная на землю, не произвела бы такого дѣйствія. Пошлина въ десять процентовъ на всякую продажу, наложенная герцогомъ Альбою въ Нидерландахъ, если-бы она сохранилась, почти остановила бы торговлю, хотя могла бы доставлять лишь незначительный доходъ.

Но намъ нѣтъ надобности ходить далеко за примѣрами. У насъ въ Соединенныхъ Штатахъ производство богатства въ немалой мѣрѣ терпитъ отъ налоговъ, которые падаютъ на самые процессы производства. Судостроеніе, въ которомъ мы отличались, почти уничтожено, поскольку это касается внѣшней торговли, и многія отрасли производства и обмѣна серьёзно пострадали отъ налоговъ, отклонявшихъ промышленность отъ болѣе производительныхъ къ менѣе производительнымъ формамъ.

И такое стѣсненіе производства является въ бо́льшой или меньшей степени характеристичной чертой большей части налоговъ, посредствомъ которыхъ собираются доходы современныхъ правительствъ. Всѣ налоги на промышленныя заведенія, всѣ налоги на торговлю, всѣ налоги на капиталъ, всѣ налоги на улучшенія, суть налоги именно такого рода. Они имѣютъ то же стремленіе, какъ и налогъ Магомета Али на фруктовыя деревья, хотя ихъ дѣйствіе можетъ быть и не настолько яснымъ.

Всѣмъ такимъ налогамъ присуща тенденція уменьшать производство богатства, и къ нимъ, слѣдовательно, никогда не должно прибѣгать, если есть возможность собирать общественные доходы посредствомъ налоговъ, которые не задерживаютъ производства. И эта возможность является вмѣстѣ съ развитіемъ общества и съ накопленіемъ богатства. Вотъ напр. налоги, которые падаютъ на роскошь; они просто доставляли бы въ государственное казначейство тѣ суммы, которыя иначе были бы растрачены на пустой

блескъ ради блеска; или налоги на завѣщанія богачей, которые, вѣроятно, оказывали бы слабое дѣйствіе, въ смыслѣ уменьшенія желанія накоплять, ибо желаніе это, овладѣвъ человѣкомъ, становится слѣпою страстію. Но огромный классъ налоговъ, отъ которыхъ можетъ получаться доходъ безъ всякаго стѣсненія производства, представляютъ изъ себя налоги на монополіи, ибо доходъ отъ монополіи самъ по себѣ является налогомъ, падающимъ на производство, и облагать его налогомъ, значитъ просто направлять въ общественные сундуки то, что производство должно во всякомъ случаѣ уплатить.

У насъ имѣются различные виды монополій. Существуютъ, напримѣръ, временныя монополіи, создаваемыя законами, ограждающими права на открытія или изобрѣтенія и право литературной собственности. Облагать эти монополіи налогомъ было бы крайне несправедливо и безразсудно, такъ какъ въ нихъ выражается лишь признаніе права труда на его неосязаемые продукты и онѣ представляютъ изъ себя лишь средство для вознагражденія за изобрѣтенія и литературныя произведенія. Существуютъ также тягостныя монополіи, упомянутыя въ IV главѣ, III-ей книги, которыя являются слѣдствіемъ соединенія капитала въ такихъ предпріятіяхъ, которыя по самому своему существу имѣютъ характеръ монополій. Но въ виду того, что было бы крайне трудно, если не совершенно невозможно, вводить налоги путемъ общаго закона, такъ чтобы они падали исключительно на доходы такихъ монополій и не сдѣлались бы налогами на производство или обмѣнъ, то было бы гораздо лучше уничтожить самыя эти монополіи. По большей части монополіи эти берутъ свое начало въ законодательной дѣятельности или бездѣятельности; какъ напримѣръ, конечная причина того, что торговцы въ Санъ-Франциско принуждены платить за пересылку своихъ товаровъ прямо изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско черезъ Панамскій перешеекъ дороже, чѣмъ стоитъ везти эти товары моремъ изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль или Соугамптонъ и оттуда въ Санъ-Франциско, заключается въ «покровительственныхъ» законахъ, которые дѣлаютъ то, что постройка американскихъ пароходовъ обходится столь дорого, и которые запрещаютъ иностраннымъ пароходамъ перевозить товары между американскими портами. Причина того факта, что жители Невады принуждены платить за провозъ товаровъ изъ восточныхъ штатовъ столько же, какъ если бы ихъ везли до Санъ-Франциско и потомъ назадъ, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что власть, которая предупреждаетъ вымогательство со стороны извозчика, бездѣйствуетъ, когда дѣло касается желѣзно-дорожной компаніи. И можно сказать вообще, что дѣла, которыя по природѣ своей суть монополіи, составляютъ собственно часть функцій государства и должны быть взяты на себя государствомъ. Правительство должно пересылать телеграфную корреспонденцію по той причинѣ, по какой оно пересылаетъ письма;

и желѣзныя дороги должны принадлежать народу по той причинѣ, по какой принадлежатъ ему обыкновенныя дороги.

Однако всѣ другія монополіи ничтожны по своему размѣру сравнительно съ земельной монополіей. А цѣнность земли, выражающая монополію въ ея чистомъ и простомъ видѣ, является во всѣхъ отношеніяхъ приспособленной для обложенія. То есть, въ то время какъ цѣнность желѣзной дороги или телеграфной линіи, цѣна газа или патентованнаго лѣкарства, можетъ выражать цѣну монополіи, но выражаетъ также затрату труда и капитала, — цѣнность земли или рента, въ экономическомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, слагается безъ всякаго участія этихъ факторовъ и выражаетъ только лишь выгоду отъ присвоенія. Налоги, падающіе на цѣнность земли, ни въ малѣйшей степени не могутъ задерживать производства, если только они не превосходятъ ренты или ежегоднаго дохода отъ земли, ибо, въ отличіе отъ налоговъ на товары, на мѣновыя сдѣлки, на капиталъ, на орудія или процессы производства, налоги эти не падаютъ на производство. Цѣнность земли не выражаетъ вознагражденія за производство, какъ цѣнность жатвы, скота, строеній и тому подобнаго. Она выражаетъ мѣновую цѣнность монополіи. Она ни въ какомъ случаѣ не есть созданіе того лица, которое является собственникомъ земли; она создается ростомъ общества. Слѣдовательно, общество можетъ брать всю эту цѣнность, ни мало не уменьшая при этомъ побужденія примѣнять къ землѣ трудъ и капиталъ или ни мало не уменьшая производства богатства. Налоги на цѣнность земли могутъ быть повышаемы до тѣхъ поръ, пока вся рента не будетъ взята государствомъ, не уменьшая ни на іоту вознагражденія труда или дохода капитала, не увеличивая цѣны ни одного товара и ни мало не затрудняя производства.

Болѣе того. Налоги на земельную цѣнность не только не задерживаютъ производства, какъ прочіе налоги, но стремятся увеличивать производство, уничтожая спекулятивную ренту. А какъ спекулятивная рента задерживаетъ производство, можно видѣть не только потому, что цѣнная земля остается внѣ пользованія, но и на тѣхъ пароксизмахъ промышленнаго застоя, которые, получая начало въ спекулятивномъ ростѣ земельныхъ цѣнностей, охватываютъ весь цивилизованный міръ, повсюду парализуя промышленность и причиняя болѣе опустошенія и, вѣроятно, болѣе страданія, чѣмъ какая либо всеобщая война. Налогъ, который бралъ бы ренту на общественныя надобности, предупреждалъ бы все это; ибо, если бы земля была обложена приблизительно до размѣра ренты, никто не былъ бы въ состояніи владѣть землею, не пользуясь ею; и, слѣдовательно, земля, находящаяся внѣ употребленія, была бы открыта для пользованія всѣхъ желающихъ. Земля была бы заселена болѣе плотно и, слѣдовательно, явилась бы возможность болѣе производить съ тою же затратой труда и капитала. Такимъ образомъ песъ

на сѣнѣ, который особенно въ нашей странѣ, такъ истощаетъ производительныя силы, былъ бы схваченъ за шиворотъ.

Кромѣ того, отобраніе ренты на общественныя надобности помощью обложенія увеличивало бы производство богатства еще однимъ, еще болѣе важнымъ путемъ, именно, дѣйствуя на распредѣленіе. Но этой стороны вопроса мы пока не будемъ касаться. Уже достаточно ясно, что въ отношеніи производства, налогъ на земельную цѣнность былъ бы наилучшимъ изъ всѣхъ, какіе только возможны. Обложите мануфактуры, и въ результатѣ будетъ задержка производства; обложите примѣненія труда и капитала къ землѣ, и въ результатѣ будетъ уменьшеніе такихъ примѣненій; обложите торговлю, и въ результатѣ будетъ задержка обмѣна; обложите капиталъ, и въ результатѣ будетъ растрата капитала. Но весь доходъ отъ земли можно взять въ видѣ налога, и единственнымъ результатомъ будетъ созданіе лишнихъ стимуловъ для промышленности, открытіе новыхъ примѣненій для капитала и расширеніе производства богатства.

II. Легкость и дешевизна собиранія.

Налогъ на земельныя цѣнности можетъ быть собираемъ изо всѣхъ налоговъ всего легче и дешевле, за исключеніемъ патентныхъ сборовъ и гербовыхъ пошлинъ, которые могутъ собираться почти сами собой, но даютъ лишь незначительную сумму дохода. Земля не можетъ быть ни скрыта, ни унесена; ея цѣнность легко опредѣляется, и разъ сдѣлана оцѣнка, требуется только лишь лицо, которое принимало бы налогъ.

А такъ какъ при всѣхъ финансовыхъ системахъ нѣкоторая часть общественныхъ доходовъ получается изъ налога на землю, и механизмъ для этой цѣли уже существуетъ и можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе для собиранія всего, также какъ для собиранія части, то и издержки на собираніе дохода, получаемаго теперь отъ прочихъ налоговъ, могли бы быть цѣликомъ устранены посредствомъ замѣны налогомъ на земельныя цѣнности всѣхъ прочихъ налоговъ. А объ огромномъ сбереженіи расходовъ, которое было бы сдѣлано при отмѣнѣ этихъ налоговъ, можно судить уже хотя бы по той ордѣ чиновниковъ, которая занята теперь ихъ собираніемъ.

Уже чрезъ одно это сбереженіе сильно уменьшилась бы разница между тѣмъ, во что обходятся въ настоящее время народу налоги, и тѣмъ, что они доставляютъ казнѣ, — но замѣна налогомъ на земельныя цѣнности всѣхъ прочихъ налоговъ повліяла бы на уменьшеніе этой разницы другимъ еще болѣе важнымъ путемъ.

Налогъ на земельныя цѣнности не прибавляется къ цѣнамъ и такимъ образомъ уплачивается прямо тѣми лицами, на которыхъ онъ падаетъ; тогда какъ всѣ налоги на вещи, имѣющіяся въ непостоянномъ количествѣ, повы-

шаютъ цѣны и при обмѣнѣ перелагаются отъ продавца къ покупателю, все возрастая и возрастая. Если мы введемъ налогъ на ссуды денегъ, что нерѣдко пробовали дѣлать, то заимодавецъ переложитъ этотъ налогъ на заемщика, и заемщикъ долженъ будетъ или платить, или не получать ссуды. Если заемщикъ даетъ этой ссудѣ примѣненіе въ своемъ дѣлѣ, то онъ въ свою очередь долженъ будетъ обратно получить этотъ налогъ съ своихъ покупателей, иначе дѣло его стало бы невыгоднымъ. Если мы введемъ налогъ на дома, то его въ концѣ концовъ должны будутъ платить квартиранты, ибо постройка домовъ пріостановится до тѣхъ поръ, пока цѣны на квартиры не повысятся настолько, что дома будутъ давать обычный процентъ плюсъ этотъ налогъ. Если мы обложимъ налогомъ фабричныя издѣлія или ввозимые товары, то фабрикантъ или импортеръ переложатъ ихъ въ видѣ болѣе высокой цѣны на оптоваго торговца, оптовый торговецъ на розничнаго, а розничный на потребителя. Притомъ потребитель, на котораго такимъ образомъ упадетъ налогъ въ концѣ концовъ, долженъ будетъ уплачивать не только сумму налога, но также и процентъ на эту сумму каждому, кто ранѣе затрачивалъ ее, — ибо каждый торговецъ будетъ требовать и процента на капиталъ, который онъ затрачивалъ, уплачивая за товары, и процента на капиталъ, который онъ затрачивалъ, уплачивая налоги. Манилльскія сигары стоятъ, при покупкѣ у импортера въ Санъ-Франциско, 70 долларовъ тысяча, изъ коихъ 14 долларовъ есть цѣна сигары, уплачиваемая въ этомъ портѣ, и 56 долларовъ — таможенная пошлина. Но торговецъ, который покупаетъ эти сигары, чтобы продать ихъ снова, долженъ разсчитывать процентъ не на 14 долларовъ, дѣйствительная стоимость сигаръ, а на 70 — стоимость сигаръ плюсъ пошлина. Такимъ-то путемъ всѣ налоги, которые прибавляются къ цѣнамъ, передаются изъ рукъ въ руки, увеличиваясь вмѣстѣ съ каждой передачей, до тѣхъ поръ, пока въ концѣ концовъ не ложатся на потребителей, и тѣ такимъ образомъ платятъ гораздо болѣе того, что получается правительствомъ. Налоги такого рода повышаютъ цѣны, увеличивая стоимость производства и сокращая предложеніе. Но земля не есть дѣло рукъ человѣка и налоги на ренту не могутъ сокращать предложенія со стороны землевладѣльцевъ. Слѣдовательно, налогъ на ренту, хотя и увеличиваетъ платежи землевладѣльцевъ, тѣмъ не менѣе не даетъ имъ возможности требовать бо́льшаго за пользованіе ихъ землею, ибо онъ никоимъ образомъ не стремится сокращать предложеніе земли. Напротивъ, заставляя людей, которые владѣютъ землею изъ-за спекулятивныхъ цѣлей, продавать или сдавать ее за ту цѣну, которую они могутъ получить, налогъ на земельныя цѣнности стремится увеличивать конкурренцію между собственниками и чрезъ это понижать цѣну земли.

Такимъ образомъ, налогъ на земельныя цѣнности во всякомъ случаѣ

долженъ представлять изъ себя самый выгодный налогъ, посредствомъ котораго можетъ быть собираемъ болѣе или менѣе значительный доходъ, — есть налогъ, дающій правительству всего болѣе чистаго дохода въ отношеніи къ той суммѣ, которая берется отъ народа.

III. Точность.

Точность есть важный элементъ въ дѣлѣ установленія налоговъ, ибо лишь только собираніе извѣстнаго налога ставится въ зависимость отъ усердія и добросовѣстности сборщиковъ и общественнаго духа и чувства чести тѣхъ, которые платятъ его, какъ тотчасъ же открывается просторъ для тираніи и взяточничества, съ одной стороны, и для уклоненій и обмановъ — съ другой.

И вотъ тѣ способы, которыми собирается главная часть нашихъ доходовъ, осуждаются уже на этомъ основаніи, если не на какомъ либо другомъ. Всѣмъ извѣстны крупное взяточничество и обманы, порождаемые въ Соединенныхъ Штатахъ налогами на водку и табакъ; постоянныя оцѣнки ниже стоимости въ таможняхъ, крайняя неправдоподобность показаній, относящихся къ подоходному налогу, и абсолютная невозможность получить что либо похожее на справедливую оцѣнку недвижимой собственности — тоже вещи общеизвѣстныя. Матеріальная потеря, которую причиняютъ такіе налоги, — тотъ излишекъ, который неточность такого рода прибавляетъ къ суммѣ, уплачиваемой народомъ, свыше получаемаго правительствомъ, представляетъ изъ себя весьма значительную цифру. Такъ во времена покровительственной системы въ Англіи, берега ея окаймлены были арміей людей, старавшихся предупреждать контрабанду, и другой арміей людей, старавшихся ускользать отъ нихъ, и содержаніе обѣихъ этихъ армій, очевидно, должно было получаться изъ производимаго трудомъ и капиталомъ; и расходы и барыши контрабандистовъ, также какъ жалованье и взятки таможенныхъ служащихъ, составляли налогъ на промышленность страны, добавочный къ тому, который получался правительствомъ. Такимъ же образомъ и всѣ подарки оцѣнщикамъ; всѣ взятки таможенныхъ служащихъ; всѣ деньги, расходованныя на избраніе податливыхъ чиновниковъ и на изданіе постановленій и разъясненій, дѣлавшихъ недѣйствительнымъ обложеніе; всѣ тѣ дорогіе способы привоза товаровъ, не платя пошлинъ, и производства, не платя налоговъ; всѣ преміи и расходы сыщиковъ и шпіоновъ; всѣ расходы при судебныхъ преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ, не только со стороны правительства, но и со стороны обвиняемыхъ, входятъ въ составъ суммы, которую этотъ налогъ бралъ изъ общаго фонда богатства, не увеличивая дохода государства.

И все это лишь самая малая доля потери. Налоги, которымъ недостает элемента точности, оказываютъ самое ужасное вліяніе на нравственность. Наши законы о налогахъ и пошлинахъ въ ихъ цѣлости можно бы было хорошо озаглавить «Постановленія, изданныя для распространенія взяточничества среди лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, для уничтоженія честности и поощренія обмана, для назначенія награды за клятвопреступленіе и за подущеніе къ клятвопреступленію, и для отдѣленія идеи закона отъ идеи права». Это ихъ истинная роль, и въ ней оказываютъ они удивительные успѣхи. Таможенная клятва у насъ, въ Америкѣ, вошла въ пословицу; наши оцѣнщики регулярно даютъ присягу оцѣнивать товаръ каждый разъ согласно его полной, истинной и торговой цѣнности, а обыкновенно не дѣлаютъ ничего похожаго; люди, которые гордятся своей личной и торговой репутаціей, подкупаютъ чиновниковъ и дѣлаютъ ложныя показанія; и у всѣхъ постоянно на виду деморализующее зрѣлище, какъ одинъ и тотъ же судъ сегодня судитъ убійцу, а завтра—продавца спичекъ безъ бандероли.

Наши обычные способы обложенія являются такими неточными и деморализующими, что Нью-Іоркская коммисія, составленная изъ Давида Уэлльса, Эдвина Доджа и Георга Кейлера, изслѣдовавшая организацію налоговъ въ этомъ штатѣ, предложила замѣнить большую часть налоговъ, собираемыхъ въ настоящее время, за исключеніемъ налога на недвижимость, однимъ измѣняющимся налогомъ съ каждаго гражданина, опредѣляемымъ на основаніи наемной платы за занимаемое имъ помѣщеніе.

Тѣмъ не менѣе нѣтъ необходимости прибѣгать къ какой либо произвольной нормѣ обложенія. Налогъ на земельныя цѣнности, который представляетъ изъ себя наименѣе произвольный изъ всѣхъ налоговъ, обладаетъ въ наивысшей степени элементомъ точности. Онъ можетъ быть назначаемъ и собираемъ съ опредѣленностью, которая подходитъ къ характеру неподвижности и неукрываемости самой земли. Налоги, падающіе на землю, могутъ быть собираемы съ точностью чуть не до одного сента, и хотя обложеніе земли въ настоящее время часто представляетъ случаи неравномѣрности, то все же обложеніе недвижимой собственности представляется гораздо болѣе неравномѣрнымъ, да и неравномѣрность въ обложеніи земли въ огромной мѣрѣ обусловливается обложеніемъ вмѣстѣ съ землей и улучшеніи, вложенныхъ въ землю, и той деморализаціей, которая, возникая изъ вышеуказанныхъ причинъ, вліяетъ на весь строй обложенія. Будь всѣ налоги пріурочены къ земельнымъ цѣнностямъ, минуя всѣ улучшенія, и система обложенія стала бы такъ проста и ясна, а общественное вниманіе настолько чуткимъ, что исчисленіе налога могло бы дѣлаться и дѣлалось бы съ такою

точностью, съ какой агентъ по продажѣ недвижимой собственности опредѣляетъ цѣну, по которой земля можетъ быть продана.

IV. Равномѣрность.

Правило Адама Смита гласитъ: «Подданные всякаго государства должны участвовать въ содержаніи правительства насколько возможно пропорціонально средствамъ каждаго изъ нихъ; то есть, пропорціонально доходу, которымъ каждый изъ нихъ пользуется подъ покровительствомъ государства». Всякій налогъ, говоритъ онъ далѣе, который падаетъ только на ренту, или только на заработную плату, или только на процентъ, необходимо бываетъ неравномѣрнымъ. Въ согласіи съ этимъ стоитъ и господствующая идея, которую тщетно стараются провести въ жизнь наши системы обложенія, — та идея, что каждый долженъ платить налоги пропорціонально своимъ средствамъ или пропорціонально своему доходу.

Тѣмъ не менѣе, даже минуя всѣ непреодолимыя практическія затрудненія, препятствующія обложенію всякаго согласно его средствамъ, нетрудно замѣтить, что и при немъ не была бы достигнута справедливость.

Вотъ, напримѣръ, два человѣка съ равными средствами или съ одинаковымъ доходомъ; у одного многочисленное семейство, а другому не о комъ заботиться, кромѣ какъ о самомъ себѣ. Косвенные налоги на этихъ двухъ людей падали бы весьма неравномѣрно, такъ какъ первый не могъ бы избѣгнуть налоговъ на пищу, платье и пр., потребляемыя его семействомъ, а другому приходилось бы платить лишь налоги на вещи, потребляемыя имъ самимъ. Да и при прямыхъ налогахъ, когда каждый изъ нихъ платилъ бы одну и ту же сумму, мы не избѣгли бы несправедливости. Доходъ одного шелъ бы на содержаніе шести, восьми или десяти человѣкъ; доходъ другого — лишь на содержаніе одного. И если только не давать доктринѣ Мальтуса такого развитія, чтобы воспитаніе новаго гражданина считать за ущербъ государству, то и въ этомъ случаѣ пришлось бы признать крупную несправедливость.

Могутъ сказать однако, что въ этомъ случаѣ мы наталкиваемся на трудность, которой невозможно устранить; что сама природа вноситъ въ міръ безпомощныхъ человѣческихъ существъ и возлагаетъ содержаніе ихъ на родителей, давая имъ въ вознагражденіе за это нѣжныя и великія радости. Отлично, въ такомъ случаѣ обратимся къ природѣ и будемъ искать предписаній справедливости въ ея законѣ.

Природа даетъ труду, и только труду. Въ самомъ Эдемскомъ саду человѣкъ умиралъ бы съ голоду, если бы не человѣческій трудъ. И вотъ передъ нами два человѣка съ одинаковыми доходами,—доходъ одного состоитъ изъ

вознагражденія за его трудъ, доходъ другого—изъ земельной ренты. Справедливо ли, чтобы они несли равныя доли участія въ расходахъ государства? Очевидно, нѣтъ. Доходъ одного представляетъ богатство, которое онъ создаетъ и прибавляетъ къ общему богатству государства; доходъ другого представляетъ просто богатство, которое онъ беретъ изъ общаго имущества, ничего не возвращая. Право одного на пользованіе доходомъ опирается на авторитетъ природы, которая даетъ богатство труду; право другого на пользованіе доходомъ есть чисто фиктивное право, созданіе извѣстнаго общественнаго порядка, которое не вѣдается и не признается природой. Отецъ, которому говорятъ, что онъ долженъ отъ своего труда содержать своихъ дѣтей, долженъ согласиться съ этимъ, ибо дѣйствительно таково предписаніе природы; но онъ можетъ по справедливости требовать, чтобы изъ дохода, который получается благодаря его труду, не брали ни единой копѣйки, пока оставались бы доходы, которые получаются благодаря монополіи на тѣ естественныя богатства, которыя безпристрастно предлагаетъ всѣмъ природа, и въ которыхъ его дѣти должны имѣть по праву рожденія долю, равную съ прочими людьми.

Адамъ Смитъ говоритъ, что доходы «получаются подъ покровительствомъ государства»; и въ силу этого факта обыкновенно настаиваютъ на необходимости равномѣрнаго обложенія всѣхъ видовъ собственности,—ибо всѣ они пользуются одинаковымъ покровительствомъ государства. Въ этомъ случаѣ, очевидно, предполагается, что пользованіе собственностью становится возможнымъ лишь благодаря государству,—что существуютъ цѣнности, создаваемыя и поддерживаемыя обществомъ, и къ нимъ по справедливости можно обращаться для покрытія общественныхъ расходовъ. Что же это за цѣнности? Да только земельныя цѣнности. Именно цѣнность земли является только тогда, когда образуется общество, и только лишь она, въ отличіе отъ прочихъ цѣнностей, растетъ вмѣстѣ въ ростомъ общества. Цѣнность эта существуетъ только постольку, поскольку существуетъ общество. Разсѣйте снова самое крупное общество, и земля, теперь столь цѣнная, потеряетъ всякую цѣну. Съ каждымъ приростомъ въ народонаселеніи возвышается и цѣнность земли, падая съ каждымъ уменьшеніемъ народонаселенія. А это бываетъ лишь съ вещами, которыя, по самой природѣ своей, подобно земельной собственности, суть монополіи.

Налогъ на земельныя цѣнности является, слѣдовательно, самымъ справедливымъ и равномѣрнымъ изъ всѣхъ налоговъ. Онъ падаетъ только на тѣхъ, которые получаютъ отъ общества особое и цѣнное благодѣяніе, и падаетъ на нихъ въ той мѣрѣ, въ какой они получаютъ его. Онъ представляетъ изъ себя отобраніе обществомъ на пользу общества той цѣнности, которая есть созданіе общества. Онъ является примѣненіемъ общей собственности къ удо-

влетворенію общихъ потребностей. Когда налогомъ была бы взята вся рента на нужды общества, тогда достигнуто было бы равенство, предписываемое природой. Ни одинъ гражданинъ не имѣлъ бы никакого преимущества предъ какимъ либо другимъ гражданиномъ, кромѣ того, какое даютъ ему его трудолюбіе, искусство и образованіе; и каждый сталъ бы получать то, что на самомъ дѣлѣ онъ зарабатываетъ. Тогда, но не ранѣе, трудъ сталъ бы получать свое полное вознагражденіе, и капиталъ—свой естественный доходъ.

ГЛАВА IV.

Мнѣнія за и противъ.

Основанія, на какихъ мы вывели заключеніе, что налогъ на земельныя цѣнности или ренту является наилучшимъ способомъ собиранія общественныхъ доходовъ, признавались, явно или неявно, всѣми выдающимися экономистами, со времени опредѣленія природы и закона ренты.

Рикардо говоритъ такъ (гл. X): «налогъ на ренту падалъ бы цѣликомъ на землевладѣльцевъ и не могъ бы перекладываться на потребителей», ибо онъ «оставлялъ бы неизмѣнной разницу между продуктомъ, получаемымъ съ наименѣе производительной находящейся въ обработкѣ земли, и продуктомъ, получаемымъ съ земли всякаго другого качества».... «Налогъ на ренту не препятствовалъ бы разработкѣ новыхъ земель, ибо съ такихъ земель не платилось бы ренты и онѣ были бы свободны отъ налога».

Мэкъ-Келлокъ [примѣчаніе XXIV къ «Богатству Народовъ»] заявляетъ, что «съ практической точки зрѣнія налоги на ренту принадлежатъ къ числу самыхъ несправедливыхъ и неблагоразумныхъ, какія только можно придумать», но онъ утверждаетъ это единственно на основаніи своего допущенія, будто въ налогахъ практически невозможно отличить суммы, платимыя за пользованіе землей отъ суммъ, платимыхъ въ счетъ капитала, положеннаго въ эту землю. Но если же такое отношеніе было возможно, онъ допускаетъ, что сумма, платимая землевладѣльцамъ за пользованіе естественными силами земли, могла бы быть цѣликомъ отобрана въ казну посредствомъ налога, причемъ землевладѣльцы не могли бы взвалить хотя бы части бремени на кого либо другого, и всѣ цѣны продуктовъ оставались бы безъ измѣненія.

Джонъ Стюартъ Милль, допуская все это, не только признаетъ цѣлесообразность и справедливость особаго налога на ренту, но даже спрашиваетъ, какое право имѣютъ землевладѣльцы на то приращеніе богатства, которое до-

стается имъ отъ общаго прогресса общества безъ труда, риска и сбереженій съ ихъ стороны; и безусловно осуждая всякое движеніе противъ права землевладѣльцевъ на теперешнюю цѣнность земли, онъ тѣмъ не менѣе предлагаетъ отобрать въ казну весь будущій приростъ этой цѣнности какъ принадлежащій обществу въ силу естественнаго права.

Г-жа Фосеттъ, въ маленькомъ компендіумѣ сочиненій своего мужа, озаглавленномъ «Политическая экономія для начинающихъ»,—выражается такимъ образомъ: «Налогъ на землю, великъ ли онъ или малъ, подходитъ къ рентѣ, уплачиваемой собственникомъ земли государству. Въ большей части Индіи земля считается собственностью правительства, и потому земельный налогъ является рентой, уплачиваемой прямо государству. Экономическое совершенство такой системы стоитъ внѣ сомнѣнія».

Въ самомъ дѣлѣ, то положеніе, что рента, и съ точки зрѣнія цѣлесообразности, и съ точки зрѣнія справедливости, должна представлять особый предметъ обложенія, уже заключается въ принятомъ ученіи о рентѣ, и можетъ быть найдено въ зародышномъ состояніи въ трудахъ всѣхъ экономистовъ, которые признавали законъ Рикардо. И если самые принципы науки не были доведены до необходимыхъ слѣдствій изъ нихъ, какъ это сдѣлалъ я, то очевидно, это зависѣло отъ нерасположенія подвергать опасности или задѣвать огромные интересы, связанные съ частной собственностью на землю, и отъ тѣхъ ложныхъ теорій, касающихся заработной платы и причинъ бѣдности, которыя руководили экономической мыслью.

Тѣмъ не менѣе существовала школа экономистовъ, вполнѣ понимавшихъ ту истину, ясную для естественнаго разумѣнія людей, на которыхъ не сказалось еще вліяніе привычки,—что доходы отъ общей собственности, земли должны поступать на общую пользу. Французскіе экономисты прошлаго столѣтія, съ Кенэ и Тюрго во главѣ, предлагали какъ разъ то, что предложилъ я,—отмѣнить всѣ налоги, за исключеніемъ налога на земельную цѣнность. Такъ какъ я знакомъ съ ученіями Кенэ и его учениковъ лишь изъ вторыхъ рукъ, при посредствѣ англійскихъ писателей, то я и не въ состояніи сказать, въ какой мѣрѣ разнаго рода своеобразныя мнѣнія Кенэ, каковы напримѣръ, будто земледѣліе есть единственное производительное занятіе и т. под., обусловливаются ошибочными взглядами его и въ какой мѣрѣ они сводятся просто къ особенностямъ его терминологіи. Однако, зная предложеніе, которое является кульминаціоннымъ пунктомъ въ его теоріи,—я увѣренъ, что онъ понималъ основное отношеніе между землею и трудомъ съ тѣхъ поръ упущенное изъ виду, и достигъ практической истины, хотя бы и путемъ несовершенно выраженнаго разсужденія. Причины, въ силу которыхъ остается въ рукахъ землевладѣльца чистый продуктъ—produit net, объяснялись физіократами не лучше, чѣмъ объяснялось поднятіе воды въ на-

сосѣ помощью предположенія, будто природа боится пустоты, но самый фактъ, въ его практическихъ отношеніяхъ къ общественной экономіи, былъ усмотрѣнъ ими, и то благодѣяніе, которое вытекало бы изъ совершенной свободы, предоставленной промышленности и торговлѣ при замѣнѣ налогомъ на ренту всѣхъ тѣхъ поборовъ, которые затрудняютъ и искажаютъ приложеніе труда, они безъ сомнѣнія видѣли такъ же ясно, какъ его вижу я. И если о чемъ приходится особенно пожалѣть, по отношенію къ французской революціи, такъ именно о томъ, что она подавила идеи этихъ экономистовъ въ то самое время, какъ идеи эти стали получать распространеніе среди мыслящихъ классовъ и, повидимому, готовы были оказать вліяніе на ходъ финансоваго законодательства.

Ничего не зная ни о Кёнэ, ни о его ученіяхъ, я достигъ того же самаго практическаго заключенія путемъ, относительно котораго не можетъ быть спора, и утвердилъ его на основаніяхъ, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія со стороны господствующей школы экономистовъ.

Единственное возраженіе противъ налога на ренту или на земельныя цѣнности, которое встрѣчается въ классическихъ политико-экономическихъ сочиненіяхъ, есть въ сущности возраженіе, которое признаетъ преимущества этого налога, — ибо состоитъ оно въ томъ, что облагая налогомъ земельную ренту, мы можемъ обложить, въ виду трудностей отдѣленія, налогомъ и нѣчто иное. Такъ Мэкъ-Кёллокъ заявляетъ, что налоги на земельную ренту неблагоразумны и несправедливы, потому что доходъ получаемый за счетъ естестеенныхъ и постоянныхъ силъ земли не можетъ быть ясно отличаемъ отъ дохода, получаемаго съ сооруженій и мельорацій, а облагать ихъ налогомъ значитъ стѣснять производство. Маколей гдѣ-то выразился, что если бы допущеніе всемірнаго тяготѣнія было враждебно какому либо значительному денежному интересу, то не было бы недостатка въ аргументахъ противъ признанія его, — истина, примѣромъ которой является и это возраженіе. Если и допустить, что невозможно всегда и всюду отдѣлить цѣнность земли отъ цѣнности улучшеній, то все же необходимость облагать налогомъ *нѣкоторыя* улучшенія не можетъ служить оправданіемъ того, чтобы мы продолжали облагать налогомъ *всѣ* улучшенія. Если стѣсняютъ производительную дѣятельность, когда облагаютъ налогомъ тѣ цѣнности, которыя трудъ и капиталъ ближайшимъ образомъ соединили съ цѣнностью земли, то не въ большей-ли мѣрѣ стѣсняютъ ее, когда облагаютъ налогомъ не только эти, но и всѣ прочія, даже ясно отличаемыя цѣнности, создаваемыя трудомъ и капиталомъ?

Но, на самомъ дѣлѣ, цѣнность земли всюду легко отличается отъ цѣнности улучшеній. Въ такихъ странахъ, какъ Соединенные Штаты, есть не мало цѣнныхъ земель, которыя никогда не видали никакихъ улучшеній; и

во многихъ штатахъ цѣнность земли и цѣнность улучшеній обыкновенно опредѣляются отдѣльно оцѣнщиками, и уже потомъ соединяются вновь подъ общимъ названіемъ «владѣнія». Да и въ такихъ странахъ гдѣ земля занята съ незапамятныхъ временъ, не представляетъ никакой трудности опредѣлить цѣнность собственно земли, ибо часто земля состоитъ во владѣніи одного лица, а зданія—во владѣніи другого, и когда случается пожаръ и уничтожаются сооруженія, земля сохраняетъ свою ясную и опредѣленную цѣнность. Даже въ самой древней странѣ на свѣтѣ не встрѣтилось бы никакой трудности на пути такого раздѣленія, если бы все, къ чему стремились при этомъ, состояло лишь въ отдѣленіи цѣнности ясно отличаемыхъ улучшеній, сдѣланныхъ за извѣстный умѣренный періодъ времени, отъ цѣнности земли, въ томъ случаѣ если бы улучшенія эти были уничтожены. А это, очевидно, и есть все, чего требуютъ справедливость и благоразуміе. Абсолютная точность невозможна ни при какой системѣ, и пытаться отдѣлить все, что создалъ человѣческій родъ отъ того, что первоначально дала природа, значило бы стремиться къ нелѣпой и недостижимой цѣли. Болото осушенное или холмъ выравненный римлянами составляютъ въ настоящее время въ такой же мѣрѣ часть естественныхъ богатствъ Британскихъ острововъ, какъ и въ томъ случаѣ, если бы работы эти были выполнены землетрясеніемъ или ледниками. Тотъ фактъ, что спустя извѣстный періодъ времени цѣнность такихъ постоянныхъ улучшеній соединялась-бы съ цѣнностью земли, и соотвѣтственно этому облагалась бы налогомъ, не имѣлъ бы на нихъ задерживающаго вліянія, ибо работы такого рода зачастую предпринимаются и при контрактахъ на извѣстное число лѣтъ. Несомнѣнно, что каждое поколѣніе строитъ и создаетъ улучшенія для самого себя, а не ради отдаленнаго будущаго. И несомнѣнно, также, что всякое поколѣніе должно наслѣдовать не только естественныя силы земли, но и все то, что остается отъ трудовъ минувшихъ поколѣній.

Можетъ быть сдѣлано возраженіе совсѣмъ другаго рода. Могутъ сказать, что тамъ, гдѣ политическая власть не есть достояніе ограниченнаго кружка лицъ, является дѣломъ въ высшей степени желательнымъ, чтобы налоги падали не на одинъ какой либо классъ, хотя бы на землевладѣльцевъ, но на всѣ классы общества, чтобы всѣ тѣ лица, которыя пользуются политической властью, всегда чувствовали собственный интересъ въ бережливомъ управленіи. Налоги и представительство, скажутъ, не могутъ быть раздѣлены другъ отъ друга безъ вредныхъ послѣдствій.

Но какъ бы ни было желательно такое соединеніе политической власти съ сознаніемъ общественныхъ тягостей, тѣмъ не менѣе теперешняя система ужъ ни въ коемъ случаѣ не ведетъ къ нему. Всюду косвенные налоги въ широкой мѣрѣ собираются съ лицъ, которыя мало или ничего не платятъ

сознательно. И въ Соединенныхъ Штатахъ быстро растетъ классъ людей, которые не только ни мало не интересуются налогами, но которымъ и вообще нѣтъ дѣла до хорошаго управленія. Въ нашихъ крупныхъ городахъ выборы уже въ огромной мѣрѣ опредѣляются не соображеніями общественнаго блага, а тѣми вліяніями, какими опредѣлялись выборы въ Римѣ, когда массы перестали заботиться о чемъ либо, кромѣ хлѣба и зрѣлищъ.

Замѣна многочисленныхъ налоговъ, собираемыхъ въ настоящее время, единственнымъ налогомъ на земельныя цѣнности не должна бы была уменьшить число сознательныхъ налогоплательщиковъ, ибо раздѣленіе земли, удерживаемой теперь во владѣніи изъ за спекулятивныхъ цѣлей, значительно увеличило бы число землевладѣльцевъ. И во всякомъ случаѣ замѣна эта настолько уравняла бы распредѣленіе богатства, что подняла бы даже самаго бѣднаго выше состоянія той отвратительной бѣдности, при которой соображенія общественнаго характера уже не имѣютъ цѣны; и въ то же самое время положила бы конецъ тѣмъ огромнымъ состояніямъ, благодаря которымъ ихъ владѣльцы становятся уже выше заботъ объ управленіи. Опасными разрядами людей въ политическомъ отношеніи всегда бываютъ самые богатые и самые бѣдные. Не налоги, плательщикомъ которыхъ сознаетъ себя человѣкъ, заставляютъ его относиться съ участіемъ къ своей странѣ и относиться съ интересомъ къ управленію ею, а наличность сознанія, что онъ есть нераздѣльная часть общества: что преуспѣяніе общества есть его преуспѣяніе, и безчестіе общества—его позоръ. Пусть только гражданинъ будетъ чувствовать это; пусть только онъ будетъ окруженъ всѣми тѣми вліяніями, которыя являются слѣдствіями и спутниками болѣе или менѣе достаточной жизни, и общество можетъ положиться на него, какъ на человѣка, преданнаго ему душею и тѣломъ. Люди вотируютъ патріотически, все равно какъ они сражаются патріотически, отнюдь не потому, что они платятъ налоги. И все то, что ведетъ къ матеріально обезпеченному и независимому положенію массъ, должно всего сильнѣе развивать общественный духъ, и дѣлать конечную правящую силу болѣе просвѣщенной и доблестной.

Но спросятъ: Если налогъ на земельныя цѣнности представляетъ изъ себя столь выгодный способъ собиранія дохода, то почему же такъ много другихъ налоговъ пользуется предпочтеніемъ со стороны всѣхъ правительствъ?

Отвѣтъ ясенъ: налогъ на земельныя цѣнности есть единственный болѣе или менѣе значительный налогъ, который не перелагается. Онъ падаетъ на собственниковъ земли, и они уже никоимъ образомъ не могутъ переложить его тягость на кого либо другого. Такъ что въ недопущеніи налога на земельныя цѣнности и замѣнѣ его, въ качествѣ средства для собиранія потребныхъ расходовъ, другими налогами, непосредственно заинтересованъ обширный и могущественный классъ, тотъ самый классъ, который въ лицѣ

землевладѣльцевъ Англіи, двѣсти лѣтъ тому назадъ, добился учрежденія акциза, падавшаго на всѣхъ потребителей, вмѣсто повинностей, связанныхъ съ феодальными помѣстьями, которыя падали только на этотъ классъ.

Такимъ образомъ, обложенію земельныхъ цѣнностей противодѣйствуетъ опредѣленный и могущественный интересъ; а установленіе прочихъ налоговъ, къ которымъ въ столь широкой мѣрѣ обращаются современныя правительства, не встрѣчаетъ никакого особаго противодѣйствія. Потому-то изобрѣтательность государственныхъ людей и была направлена на придумываніи такихъ системъ обложенія, которыя вытягиваютъ заработокъ труда и доходъ капитала подобно тому, какъ, по разсказамъ, вампиръ высасываетъ кровь своей жертвы. Почти всѣ налоги такого рода уплачиваются, въ концѣ концовъ, какимъ-то неопредѣлимымъ существомъ, — потребителемъ; и онъ платитъ ихъ путемъ, который не останавливаетъ его вниманія на томъ фактѣ, что онъ платитъ налогъ,—уплачиваетъ ихъ такими маленькими сумами и такими предательскими способами, что и не замѣчаетъ ихъ, да, пожалуй, и не сталъ бы безпокоить себя серьезнымъ протестомъ противъ нихъ. А тѣ лица, которыя непосредственно платятъ деньги въ казну, оказываются нетолько не заинтересованными въ противодѣйствіи налогамъ, которые они такъ легко сваливаютъ съ своихъ плечъ, но даже наоборотъ, весьма часто бываютъ сильно заинтересованы въ установленіи ихъ и сохраненіи, получая выгоду или надѣясь получать выгоду отъ повышенія цѣнъ, къ которому ведутъ эти налоги.

Чуть не всѣ многочисленные косвенные налоги, которыми обременено въ настоящее время населеніе Соединенныхъ Штатовъ, вводились скорѣе ради выгоды частныхъ лицъ, чѣмъ ради собиранія дохода, и великимъ препятствіемъ къ упрощенію нашего обложенія всегда являлись именно интересы этихъ частныхъ лицъ, представители которыхъ трутся въ корридорахъ палаты, всякій разъ какъ заходитъ рѣчь о сокращеніи пошлинъ и зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не были уменьшены тѣ изъ нихъ, которыя имъ выгодны. И именно отъ этихъ вліяній, а отнюдь не отъ признанія нелѣпыхъ теорій покровительства, ради ихъ внутреннихъ достоинствъ, зависѣло установленіе въ Соединенныхъ Штатахъ покровительственнаго тарифа. Усиленіе дохода, которое сдѣлала необходимымъ гражданская война, оказалось въ высшей степени благопріятнымъ обстоятельствомъ для разнаго рода частныхъ интересовъ, и пошлины стали наваливать на что ни попадя, не столько для того, чтобы собирать доходъ, сколько для того, чтобы дать возможность нѣкоторымъ классамъ принимать участіе въ выгодахъ собиранія пошлинъ и ихъ прикарманиванія. А со времени войны, именно эти заинтересованныя партіи составляли великую помѣху къ уменьшенію пошлинъ, и потому тѣ пошлины которыя всего дешевле обходятся народу, всегда оказывалось легче

отмѣнять, чѣмъ тѣ, которыя обходятся народу всего дороже. Такимъ образомъ, даже народныя правительства, открыто признающія руководящимъ началомъ своихъ дѣйствій обезпеченіе наибольшаго блага наибольшему числу лицъ, предоставляли обыкновенно, въ дѣлахъ касавшихся ихъ наиболѣе важной функціи, сомнительное благо незначительному числу лицъ, цѣною великаго зла для массы.

Патентные сборы также обыкновенно пользуются большимъ расположеніемъ тѣхъ лицъ, на которыхъ они налагаются, ибо сборы эти въ извѣстной степени удерживаютъ другихъ лицъ отъ занятія ихъ дѣломъ; налоги на фабричныя предпріятія, въ виду подобныхъ же соображеній, тоже нерѣдко выгодны крупнымъ предпринимателямъ, какъ это можно было наблюдать въ Соединенныхъ Штатахъ хотя бы на оппозиціи водочныхъ заводчиковъ сокращенію налога на водку; пошлины на ввозимые товары обыкновенно не только стремятся къ предоставленію извѣстнымъ производителямъ особыхъ выгодъ, но и прибавляются къ прибыли импортеровъ и торговцевъ, у которыхъ уже имѣются значительные запасы; такимъ образомъ, въ установленіи и сохраненіи такого рода налоговъ всегда оказываются заинтересованными обширныя общественныя группы способныя къ быстрой организаціи и дружному дѣйствію, тогда какъ всякая попытка къ введенію налога на земельную цѣнность, задѣвающая сильный и чуткій интересъ, должна роковымъ образомъ вызывать упорное и ожесточенное сопротивленіе.

Но нетрудно видѣть, что разъ только истина, которую я пытаюсь выяснить, будетъ понята массами, какъ станетъ возможнымъ и союзъ политическихъ силъ, достаточно могущественный, чтобы провести ее въ жизнь.

КНИГА IX.

Дѣйствіе предложеннаго средства.

Я не умѣю играть ни на какомъ струнномъ инструментѣ; но я могу научить васъ, какъ можно изъ маленькой деревушки сдѣлать великій и славный городъ.—Ѳемистоклъ.

Вмѣсто терновника выростетъ кипарисъ и вмѣсто крапивы возрастетъ миртъ.

И будутъ строить домы и жить въ нихъ; и насаждать виноградники и ѣсть плоды ихъ. Не будутъ строить, чтобы другой жилъ, не будутъ насаждать, чтобы другой ѣлъ.—Исайя.

ГЛАВА I.

Вліяніе этого средства на производство богатства.

Говорятъ, Мирабо старшій, считалъ предложеніе Кенэ, замѣнить единственнымъ налогомъ на ренту всѣ прочіе налоги (l'impôt unique, единый налогъ) за открытіе, равное по полезности изобрѣтенію письма или монеты.

И всякому, кто вникнетъ въ этотъ предметъ, его выраженіе покажется скорѣе доказательствомъ его проницательности, чѣмъ склонности къ преувеличенію. Выгоды, какихъ можно бы было достигнуть при замѣнѣ многочисленныхъ налоговъ, собираемыхъ въ настоящее время, единственнымъ налогомъ, падающимъ на земельную цѣнность, чѣмъ болѣе вдумываешься въ нихъ, представляются все болѣе и болѣе важными. Въ нихъ то именно и заключается тотъ секретъ, которымъ можно преобразить маленькую деревушку въ великій городъ. Лишь только будетъ устранено бремя, тяготѣющее теперь надъ промышленностью и стѣсняющее обмѣнъ, какъ производство богатства станетъ совершаться съ такою быстротой, о которой теперь мы не можемъ и мечтать. Это, въ свою очередь поведетъ къ повышенію цѣнности земли,—къ новому излишку дохода, который общество можетъ брать для общеполезныхъ цѣлей. А освободившись отъ трудностей, связанныхъ съ собираніемъ дохода тѣмъ способомъ, который вызываетъ нравственную порчу и дѣлаетъ законодательство орудіемъ спеціальныхъ интересовъ, общество можетъ принять на себя отправленіе нѣкоторыхъ новыхъ функцій, что дѣлаетъ желательнымъ возрастающая сложность жизни, но чего въ настоящее время боятся мыслящіе люди въ виду политической деморализаціи, которая присуща теперешней системѣ.

Разсмотримъ то дѣйствіе, которое оказало бы предложенное средство на производство богатства.

Уничтожить налоги, которые, дѣйствуя и противодѣйствуя, тормозятъ теперь каждое колесо обмѣна и гнетутъ всѣ формы промышленности, значило бы сдвинуть огромный грузъ съ могущественнаго источника. Получивши новыя силы, производство вступило бы въ новую фазу, а торговля получила бы толчекъ, который чувствовался бы до самыхъ отдаленныхъ мѣновыхъ артерій. Теперешніе способы обложенія вліяютъ на обмѣнъ подобно искусственнымъ пустынямъ и горамъ; благодаря имъ провезти товары черезъ таможню теперь стоитъ дороже, чѣмъ обвезти ихъ вокругъ свѣта. Они вліяютъ на энергію, на трудолюбіе, на искусство, на бережливость такъ, какъ вліялъ бы денежный штрафъ за эти качества. Если я усерднѣй работалъ и выстроилъ себѣ хорошій домъ, въ то время какъ вы довольствуетесь жизнью въ шалашѣ, то меня ежегодно наказываютъ денежной пеней за мою энергію и трудолюбіе, облагая меня налогомъ болѣе, чѣмъ васъ. Если я сберегалъ въ то время какъ вы расточали, меня наказываютъ штрафомъ, отъ котораго вы избавлены. Если кто-либо строитъ корабль, мы заставляемъ его платить за эту дерзость, какъ будто бы онъ сдѣлалъ какой то вредъ государству; открывается желѣзная дорога, и сейчасъ же является казна со своими поборами, какъ будто здѣсь былъ какой ущербъ обществу; устраивается фабрика, и мы облагаемъ ее ежегоднымъ платежемъ такой суммы, которой было бы за-глаза достатачно, чтобы составить порядочный доходъ. Мы говоримъ, что чувствуется недостатокъ въ капиталахъ, а если кто нибудь скопляетъ капиталъ или является къ намъ съ капиталомъ мы наваливаемъ на него извѣстный платежъ за это, какъ будто бы мы давали ему какую нибудь привилегію. Мы наказываемъ налогомъ человѣка, который покрываетъ голыя поля зрѣющимъ хлѣбомъ; мы налагаемъ штрафъ на того, кто пускаетъ въ ходъ машины, и на того, кто осушаетъ болота. А какимъ тяжелымъ гнетомъ ложатся эти налоги на производство, можетъ представить себѣ лишь тотъ, кто попытается прослѣдить нашу систему обложенія во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, ибо, какъ я говорилъ ранѣе, самая тяжелая часть налоговъ падаетъ на населеніе въ видѣ увеличенныхъ цѣнъ. Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что налоги эти по своей природѣ сходны съ налогомъ египетскаго паши на финиковыя пальмы. Если они и не приводятъ къ тому, чтобы срубали деревья, то во всякомъ случаѣ препятствуютъ насаждать ихъ.

Отмѣнить эти налоги значило бы сложить всю огромную тяжость обложенія съ производительной дѣятельности. Игла швеи и огромная мануфактура, ломовая лошадь и локомотивъ, рыбачья лодка и пароходъ, соха крестьянина и товары купца, одинаково не знали бы налоговъ. Всѣ были бы свободны дѣлать или сберегать, покупать или продавать, не облагаемые штрафомъ

въ видѣ налоговъ, недосаждаемые сборщикамъ податей. Вмѣсто того, чтобы говорить производителю, какъ это дѣлается теперь, «чѣмъ болѣе ты прибавляешь къ общему богатству, тѣмъ болѣе тебѣ слѣдуетъ платить налоговъ», государство говорило бы производителю: «Будь трудолюбивъ, бережливъ и предпріимчивъ въ такой мѣрѣ, въ какой для тебя это возможно, ты будешь получать свою полную награду! Ты не будешь подвергаться пени за то, что заставишь рости двѣ былинки тамъ, гдѣ ранѣе росла одна; ты не будешь платить налоговъ за то, что увеличилъ совокупность богатства».

И развѣ общество ничего не выиграетъ, если оно такимъ образомъ откажется рѣзать курицу, которая несетъ золотыя яйца; если оно такимъ образомъ перестанетъ зажимать ротъ у работающаго вола; если оно такимъ образомъ будетъ оставлять трудолюбію, бережливости и искусству ихъ естественное вознагражденіе, во всей его полнотѣ и неприкосновенности? Вѣдь для общества существуетъ также естественная награда. Законъ общества есть, каждый для всѣхъ, какъ всѣ для каждаго. Никто не можетъ удержать для себя одного то доброе, что онъ можетъ сдѣлать, равно какъ не можетъ удержать и злаго. Каждое производительное предпріятіе, кромѣ того дохода, который оно даетъ участвующимъ въ немъ, доставляетъ побочныя выгоды и другимъ людямъ. Если человѣкъ сажаетъ фруктовое дерево, то выгода этого человѣка состоитъ въ томъ, что онъ собираетъ плоды въ извѣстное время и пору. Но въ добавленіе къ этой выгодѣ, существуетъ выгода и для всего общества. Помимо этого собственника, другіе люди будутъ получать выгоды благодаря увеличенному предложенію плодовъ; птицы, которымъ дерево это будетъ давать пріютъ, будутъ летать повсюду; дождикъ, появленію котораго оно будетъ содѣйствовать, будетъ падать не на одно только поле этого собственника, и даже для глаза, который остановится на немъ издалека, оно будетъ давать ощущеніе красоты. Также и все другое. Постройка дома, фабрики, корабля или желѣзной дороги приноситъ пользу и другимъ, кромѣ тѣхъ, кому оно непосредственно даетъ доходъ. Природа смѣется надъ скрягой. Онъ похожъ бываетъ на бѣлку, которая зарываетъ свои орѣхи, и удерживается, чтобы не выкопать ихъ опять. А между тѣмъ орѣхи прорастаютъ и вырастаютъ въ деревья. Прячутъ мумміію, завернутую въ тонкое полотно, напитанную драгоцѣнными маслами. Проходитъ нѣсколько тысячелѣтій, и бедуинъ готовитъ себѣ обѣдъ на огнѣ отъ ея оболочекъ; а сама она служитъ топливомъ для локомотива, который мчитъ путешественника, или увозится въ далекія страны для удовлетворенія любопытства инаго племени. Пчела наполняетъ дупло медомъ, а его разыскиваетъ медвѣдь или человѣкъ.

Общество съ полнымъ основаніемъ можетъ оставлять индивидуальному производителю все, что побуждаетъ его къ труду; оно съ полнымъ основа-

ніемъ можетъ предоставлять работнику полную награду за его трудъ, а капиталисту полный доходъ на его капиталъ. Ибо чѣмъ болѣе производятъ трудъ и капиталъ, тѣмъ быстрѣе растетъ то общее богатство, въ которомъ каждый можетъ имѣть долю. А свое полное и конкретное выраженіе эта общая выгода получаетъ въ земельной цѣнности или рентѣ. Она то и есть тотъ фондъ, который государство можетъ брать, оставляя въ то же время труду и капиталу ихъ полную награду. А съ возрастаніемъ производительной дѣятельности, долженъ соразмѣрно возрастать и этотъ фондъ.

Переложить тягость обложенія съ производства и обмѣна на земельную цѣнность или ренту значило бы не просто дать новый толчокъ производству богатства; но значило бы также открыть большій просторъ для примѣненія труда. Ибо при такой системѣ никто не имѣлъ бы интереса владѣть землею, не пользуясь ею, и земля, въ настоящее время удерживаемая внѣ употребленія, сдѣлалась бы повсюду доступной для надлежащаго пользованія ею.

Продажныя цѣны на землю упали бы; земельной спекуляціи былъ бы нанесенъ смертельный ударъ, и земельная монополія перестала бы приносить выгоду. Цѣлые милліоны десятинъ, которые вслѣдствіе высокихъ цѣнъ теперь закрыты для поселенцевъ, были бы оставлены ихъ теперешними собственниками или лишь номинально проданы поселенцамъ. И это должно было бы совершиться не только по окраинамъ, но и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считаются теперь вполнѣ заселенными. Въ предѣлахъ одной только сотни миль отъ Санъ-Франциско было бы такимъ образомъ сдѣлано доступнымъ для пользованія такое количество земли, котораго достаточно бы было, даже при теперешнихъ способахъ обработки, для поддержанія земледѣльческаго населенія равнаго тому, которое разсыпано теперь между Орегонской границей и Мексиканской линіей, на протяженіи 800 миль. То же самое и въ той же самой мѣрѣ должно бы было произойти и въ большинствѣ западныхъ штатовъ и въ значительной мѣрѣ въ болѣе древнихъ восточныхъ штатахъ, ибо даже въ Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи населеніе еще рѣдко, сравнительно съ тѣмъ сколько его могла бы прокормить тамъ земля. И даже въ плотно населенной Англіи такая политика сдѣлала бы открытыми многія сотни тысячъ акровъ земли, находящейся теперь подъ парками, оленьими рощами и охотничьими полями частныхъ владѣльцевъ.

Ибо послѣдовать этому простому плану и сосредоточить всѣ налоги на земельной цѣнности значило бы въ сущности установить сдачу земли съ публичнаго торга тому, кто сталъ бы платить государству наивысшую ренту. Цѣнность земли опредѣляется спросомъ на нее, и слѣдовательно, когда налоги были бы установлены такъ, что стали бы поглощать почти всю доходность земли, тогда всякій человѣкъ, желающій владѣть землей не пользуясь ею,

долженъ бы былъ уплачивать почти всю ту цѣну, которую имѣла бы эта земля для человѣка, желающаго пользоваться ею.

Не должно забывать также, что это вліяніе сказывалось бы не только по отношенію къ обрабатываемой землѣ, но и ко всякой другой землѣ. Земли съ залежами минераловъ были бы открыты для пользованія, наравнѣ съ обрабатываемыми землями; также въ центральныхъ частяхъ города никто не былъ бы въ состояніи удерживать землю отъ ея самаго выгоднаго употребленія, или на окраинахъ требовать за нее болѣе того, сколько можно бы было допустить согласно тому употребленію, для котораго она пригодна въ данное время. Всюду, гдѣ только земля получала бы извѣстную цѣнность, налогъ на нее, вмѣсто того, чтобы быть, какъ теперь, штрафомъ за улучшенія, дѣйствовалъ бы такъ, что побуждалъ бы къ возможному пользованію этой землей. Всякій, кто насадилъ бы фруктовый садъ или засѣялъ поле, или выстроилъ домъ, или устроилъ фабрику, все равно сколько бы это ни стоило, долженъ бы былъ платить въ видѣ налоговъ не болѣе того, сколько бы онъ платилъ, если бы держалъ такое же количество земли подъ пустырями. Человѣкъ, монополизирующій обрабатываемую землю, несъ бы тѣ же самыя денежныя повинности, какія онъ несъ бы въ томъ случаѣ, если бы на его землѣ построены были дома и житницы, засѣянъ хлѣбъ, или паслись стада. Владѣлецъ незастроеннаго участка городской земли долженъ бы былъ платить за привилегію недопускать до этого участка другихъ, пока онъ самъ не пожелаетъ пользоваться имъ, столько же, какъ и его сосѣдъ, у котораго на такомъ же участкѣ выстроенъ прекрасный домъ. Имѣй кто нибудь рядъ полуразвалившихся хижинъ на цѣнной землѣ, и это ему стоило бы столько же, какъ если бы земля его была занята великолѣпнымъ отелемъ или множествомъ огромныхъ магазиновъ, наполненныхъ цѣнными товарами.

Такимъ образомъ была бы уничтожена та премія, которая въ настоящее время всюду, гдѣ только трудъ находитъ себѣ наиболѣе производительное употребленіе, должна уплачиваться прежде, нежели будетъ затраченъ самый трудъ. Крестьянину, чтобы добыть земли для обработки, не приходилось бы отдавать половины своего дохода или на нѣсколько лѣтъ закабалять свой трудъ; кто строилъ бы себѣ въ городѣ домъ, не долженъ бы былъ затрачивать на покупку маленькаго участка земли столько же, сколько на постройку самаго дома; компанія, предполагающая устроить мануфактуру, не должна бы была тратить значительной части своего капитала на пріобрѣтенія земли. И та сумма, которую приходилось бы изъ году въ годъ уплачивать государству, заступила бы мѣсто тѣхъ налоговъ, которые теперь падаютъ на улучшенія, машины и капиталъ.

Посмотрите теперь, какое дѣйствіе оказала бы такая перемѣна на рабочій рынокъ. Конкурренція перестала бы быть односторонней, какъ теперь. Вмѣсто рабочихъ, конкуррирующихъ другъ съ другомъ изъ-за занятія, и при

этомъ сбивающихъ заработную плату до нормы, едва дающей возможность существовать, повсюду бы работодатели стали наперерывъ гнаться за рабочими, и заработная плата поднялась бы до дѣйствительнаго вознагражденія труду. Ибо на рабочій рынокъ вступилъ бы величайшій изъ всѣхъ конкуррентовъ, дающихъ занятіе труду, конкуррентъ, котораго спросъ не можетъ быть удовлетворенъ до тѣхъ поръ, пока нужда не будетъ удовлетворена,—спросъ со стороны самихъ трудящихся. Работодателямъ при назначеніи платы пришлось бы считаться не только съ другими работодателями, у которыхъ у всѣхъ одно на умѣ: расширить дѣло и побольше нажить, но пришлось бы считаться и со способностью рабочихъ сдѣлаться своими собственными хозяевами въ тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ они получили бы свободный доступъ благодаря налогу, предупреждающему монополизацію.

Когда естественныя богатства такимъ образомъ были бы открыты для труда: когда капиталъ и его примѣненія къ землѣ были бы изъяты отъ налога, а обмѣнъ освобожденъ отъ ограниченій, тогда зрѣлище людей, желающихъ, но не могущихъ направить свой трудъ на добываніе того, въ чемъ они нуждаются, сдѣлалось бы невозможнымъ; повторяющіеся отъ поры до времени пароксизмы промышленнаго застоя прекратились бы, и каждое колесо обмѣна пришло бы въ движеніе. Спросъ не отставалъ бы уже отъ предложенія, а предложеніе отъ спроса; торговля росла бы во всѣхъ направленіяхъ, и богатство повсюду увеличивалось.

ГЛАВА II.

О дѣйствіи предложеннаго средства на распредѣленіе и черезъ него на производство.

Какой бы великой не казалась выгода отъ замѣны всѣхъ общественныхъ повинностей однимъ налогомъ на земельную цѣнность, она однако не можетъ быть вполнѣ оцѣнена, если не будетъ разсмотрѣно вліяніе этой замѣны на распредѣленіе богатства.

Изыскивая причину неравномѣрнаго распредѣленія богатства, которое обнаруживается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ проявляясь все съ большей и большей силой, по мѣрѣ того, какъ развивается матеріальный прогрессъ, мы нашли ее въ томъ обстоятельствѣ, что земельная собственность, находящаяся въ настоящее время въ рукахъ частныхъ лицъ, даетъ этимъ лицамъ, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, все большую и большую власть захватывать въ свое обладаніе богатство, создаваемое трудомъ и капиталомъ.

Такимъ образомъ, стремясь освободить трудъ и капиталъ отъ всякихъ налоговъ, прямыхъ или косвенныхъ и возложить бремя ихъ на ренту, мы въ сущности, въ той мѣрѣ, въ какой достигали-бы намѣченной цѣли, противодѣйствовали-бы этому стремленію къ неравенству, и если бы мы достигли того, чтобы вся рента стала отбираться въ видѣ налога, то и причина неравенства была бы совершенно уничтожена. Рента, вмѣсто того, чтобы какъ теперь порождать неравенство, стала бы тогда содѣйствовать равенству. Трудъ и капиталъ стали бы получать тогда все, что они производятъ, за вычетомъ той доли, которую брало бы государство въ видѣ налога на земельныя цѣнности, и которая, уходя на общественныя надобности, равномѣрно распредѣлялась бы въ видѣ благодѣяній, доставляемыхъ обществомъ.

Другими словами, богатство, производимое въ каждомъ обществѣ, стало бы раздѣляться тогда на двѣ части. Одна часть распредѣлялась бы, какъ заработная плата и процентъ, между индивидуальными производителями, согласно той долѣ участія, которую каждый имѣетъ въ дѣлѣ производства; а другая часть шла бы обществу въ его цѣломъ, распредѣляясь въ видѣ благодѣяній, оказываемыхъ обществомъ всѣмъ его членамъ. Въ этой послѣдней части всѣ имѣли бы одинаковую долю,—слабый наравнѣ съ сильнымъ, малыя дѣти и дряхлые старики, увѣчные, хромые и слѣпые наравнѣ со здоровыми. И это было бы вполнѣ справедливо, — ибо въ то время какъ первая часть представляла бы результатъ индивидуальнаго усилія въ производствѣ, вторая представляла бы созданіе той возрастающей силы, съ которой общество, въ его цѣломъ, помогаетъ индивидууму.

А такъ какъ матеріальный прогрессъ стремится увеличивать ренту, то стало быть, когда рента была бы взята обществомъ на общія потребности, та самая причина, которая теперь вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальнаго прогресса стремится производить неравенство, стала бы уже все болѣе и болѣе стремиться къ произведенію равенства. Но чтобы вполнѣ уяснить себѣ это дѣйствіе нашего средства, вернемся къ установленнымъ ранѣе принципамъ.

Мы видѣли, что заработная плата и процентъ повсюду должны опредѣляться линіей ренты или предѣломъ обработки,—другими словами, тѣмъ доходомъ, который могутъ получать трудъ и капиталъ на землѣ, за которую не платится ренты; что всей суммой богатства, которую получаютъ въ совокупности трудъ и капиталъ, занятые въ производствѣ, будетъ сумма производимаго богатства (или вѣрнѣе, если мы примемъ во вниманіе налоги, сумма богатства, за вычетомъ налоговъ), минусъ то, что берется въ видѣ ренты.

Мы видѣли, что матеріальный прогрессъ, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, стремится повышать ренту и въ общемъ ведетъ къ увеличенію той доли производимаго богатства, которая идетъ на ренту, и къ уменьшенію

той доли, которая поступаетъ на заработную плату и процентъ. Съ одной стороны, мы замѣчаемъ естественную тенденцію прогресса, вытекающую изъ законовъ общественнаго развитія, повышать ренту, какъ количество, безъ умаленія заработной платы и процента, какъ количествъ, или даже при количественномъ ихъ увеличеніи; а съ другой,—какъ бы неестественную тенденцію, вытекающую изъ захвата земли въ частную собственность, повышать ренту, какъ количество, путемъ абсолютнаго уменьшенія заработной платы и процента. И такимъ образомъ, взять ренту на общественныя надобности въ видѣ налога, мѣра которая въ сущности уничтожала-бы частную собственность на землю, очевидно, значило бы уничтожить это стремленіе къ абсолютному уменьшенію заработной платы и процента, уничтоживъ спекулятивную монополизацію земли и спекулятивное приращеніе ренты—значило бы въ огромной мѣрѣ увеличить заработную плату и процентъ, сдѣлавъ доступными естественныя богатства, теперь монополизированныя, и понизивъ цѣну земли. Трудъ и капиталъ выгадывали бы при этомъ не только то, что теперь берутъ отъ нихъ въ налогахъ, но пользовались бы выгодой и отъ положительнаго паденія ренты, вызваннаго уменьшеніемъ спекулятивной цѣнности земли. Ибо должно бы было установиться новое равновѣсіе, при которомъ общій размѣръ заработной платы и процента былъ бы гораздо выше, чѣмъ теперь.

И разъ установилось бы это новое равновѣсіе, какъ дальнѣйшіе успѣхи въ развитіи производительныхъ силъ (къ которымъ все должно бы было клониться) начали-бы сказываться въ дальнѣйшемъ увеличеніи ренты, не на счетъ заработной платы и капитала, а на счетъ новыхъ выигрышей въ производствѣ, которые, если бы рента отбиралась государствомъ на общественныя надобности, были-бы выгодны всѣмъ членамъ общества. Такимъ образомъ съ развитіемъ матеріальнаго прогресса, постоянно улучшались бы и жизненныя условія массы. Не одинъ только классъ богатѣлъ бы, но всѣ богатѣли бы; не одинъ только классъ сталъ бы имѣть болѣе жизненныхъ необходимостей, удобствъ и прелестей, но всѣ стали бы имѣть ихъ болѣе. Ибо никто не могъ бы монополизировать того прироста въ производительныхъ силахъ, который является съ каждымъ приростомъ въ народонаселеніи, съ каждымъ новымъ открытіемъ въ техникѣ, съ каждымъ изобрѣтеніемъ сокращающимъ трудъ, съ каждымъ расширеніемъ и облегченіемъ обмѣна. Та часть выгоды, которая прямо не доставалась бы въ видѣ увеличеннаго вознагражденія труду и капиталу, доставалась бы государству,—другими словами, всему обществу. И со всѣми огромными выгодами болѣе плотнаго народонаселенія, матеріальнымм и духовными, соединены были бы свобода и равенство, которыя теперь являются достояніемъ лишь новыхъ и мало заселенныхъ странъ.

А затѣмъ подумайте, какъ это уравненіе въ распредѣленіи богатства

стало бы влiять въ свою очередь на производство, всюду предупреждая опустошенiе, всюду увеличивая силы.

Если бы возможно было выразить въ цифрахъ ту прямую денежную потерю, которую общество несетъ теперь вслѣдствiе соцiальнаго неустройства, осуждающаго обширныя классы людей на бѣдность и порокъ, то получился бы ужасающiй итогъ. Только въ Англiи содержится на счетъ общественной благотворительности свыше миллiона бѣдняковъ; одинъ только городъ Нью-Iоркъ тратитъ на этотъ предметъ свыше семи миллiоновъ долларовъ ежегодно. А то, что тратится изъ государственныхъ суммъ, что тратится благотворительными обществами и что тратится индивидуальными благотворителями, составило бы въ суммѣ лишь первую и самую малую статью счета. Теряющiеся при этомъ возможные заработки труда, привычки къ нерадивости и непредусмотрительности, порождаемыя праздностью; денежная потеря (не говоря уже ни о чемъ другомъ), которую предполагаютъ ужасающiя цифры смертности и особенно смертности въ дѣтскомъ возрастѣ среди болѣе бѣдныхъ классовъ; расточенiе, на которое указываютъ кабаки и грязные трактиры, растущiе вмѣстѣ съ усиленiемъ бѣдности; ущербъ, наносимый исчадiями общества, порождаемыми бѣдностью и лишенiями, — ворами, проститутками, нищими и бродягами; стоимость охраны общества отъ нихъ,—все это суть отдѣльныя слагающiя въ той суммѣ, которая вслѣдствiе теперешняго несправедливаго и неравномѣрнаго распредѣленiя богатства теряется изъ того дохода, которымъ, при теперешнихъ способахъ производства, могло бы пользоваться общество. Да мы еще и не исчислили всего. Невѣжество и порокъ, нерадивость и безнравственность, порождаемые неравенствомъ въ распредѣленiи богатства, сказываются также въ безсилiи и испорченности правительства, причемъ расхищенiе общественныхъ доходовъ, и еще бо́льшее расхищенiе, заключающееся въ невѣжественномъ и корыстномъ искаженiи общественныхъ правъ и обязанностей, являются уже не болѣе какъ ихъ слѣдствiями.

Но повышенiе заработной платы и открытiе новыхъ областей для примѣненiя труда, которыя послѣдовали бы за обращенiемъ ренты на общественныя надобности, не просто остановили бы эти опустошенiя и избавили общество отъ этихъ великихъ потерь—вмѣстѣ съ этимъ было-бы придана новая сила труду. Вѣдь это избитая истина, что трудъ бываетъ наиболѣе производительнымъ тамъ, гдѣ онъ всего лучше оплачивается. Плохо оплачиваемый трудъ, всюду на свѣтѣ, бываетъ трудомъ малоуспѣшнымъ.

То, что замѣчаютъ, сравнивая производительность труда въ земледѣльческихъ округахъ Англiи, гдѣ господствуютъ различныя нормы заработной платы; то, что замѣтилъ Брассей, сопоставляя работу, лучше оплачиваемыхъ англiйскихъ землекоповъ съ работою хуже оплачиваемыхъ континен-

тальныхъ рабочихъ; то, что обнаруживалось въ Соединенныхъ Штатахъ при сравненіи рабскаго труда съ свободнымъ трудомъ; то, о чемъ свидѣтельствуетъ огромное число ремесленниковъ и слугъ, потребныхъ въ Индіи или Китаѣ для выполненія какого либо дѣла, то оказывается истиннымъ и повсюду на свѣтѣ. Успѣшность труда всюду возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ обычной заработной платы, — ибо высокая плата означаетъ самоуваженіе, просвѣщенность, надежду и энергію. Человѣкъ не есть машина, которая можетъ производить такую-то работу и не болѣе; онъ не есть животное, котораго силы могутъ достигать извѣстнаго предѣла, его же не прейдеши. Какъ духъ, а не какъ мускулъ, является онъ великимъ дѣятелемъ производства. Физическая сила, развиваемая въ человѣческомъ тѣлѣ, есть одна изъ слабѣйшихъ силъ, но человѣческій разумъ управляетъ непреодолимыми теченіями природы, и матерія подчиняется человѣческой воли. Увеличить удобства, досугъ, независимость народныхъ массъ значитъ увеличить ихъ разумъ, значитъ послать мозгъ на помощь рукѣ; значитъ запречь въ обычныя житейскія дѣла ту силу, которая измѣряетъ инфузоріи и опредѣляетъ орбиты планетъ.

Кто можетъ сказать, до какой безконечной степени можетъ возвыситься производительная способность труда, благодаря тѣмъ общественнымъ порядкамъ, при которыхъ производители богатства получали бы ихъ заслуженную долю преимуществъ и радостей. Уже при теперешнихъ способахъ производства, выгоды были бы просто неисчислимы, но по мѣрѣ того, какъ повышается заработная плата, изобрѣтеніе и утилизація улучшенныхъ способовъ производства и машинъ совершается все съ большей и большей быстротой и легкостью. Что пшеница въ Южной Россіи до сихъ поръ снимается косой и вымолачивается цѣпомъ, зависитъ просто отъ того, что тамъ чрезвычайно низка заработная плата. Американская изобрѣтательность и американская склонность къ процессамъ и машинамъ сокращающимъ трудъ суть не болѣе какъ результаты сравнительно высокой нормы заработной платы, которая держалась въ Соединенныхъ Штатахъ. Будь наши производители осуждены на жалкое вознагражденіе египетскихъ фэллаховъ или китайскихъ куліевъ, и мы наравнѣ съ ними подымали бы воду руками и пользовались человѣческими плечами для перемѣщенія товаровъ. Увеличеніе въ вознагражденіи труда и капитала въ свою очередь вызвало бы новыя изобрѣтенія и ускорило бы принятіе улучшенныхъ способовъ производства, которые и на дѣлѣ являлись бы тѣмъ, что они есть по своей сущности, — несомнѣннымъ благомъ. Машины, сокращающія трудъ, перестали бы оказывать на рабочіе классы то вредное дѣйствіе, которое теперь такъ часто приходится наблюдать, и изъ-за котораго столь многіе видятъ въ машинахъ зло, вмѣсто благословенія.—Каждая новая сила, назначаемая на служеніе человѣку, стала

бы улучшать положеніе всѣхъ. А изъ общей просвѣщенности и умственной дѣятельности, этого слѣдствія повышеннаго уровня благосостоянія, вытекало бы такое развитіе производительныхъ силъ, о какомъ мы теперь не можемъ и мечтать.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не хочу отрицать, и не хочу упускать изъ виду того факта, что уравненіе въ распредѣленіи богатства, которое послѣдовало бы за принятіемъ предлагаемаго мною простаго плана организаціи налоговъ, предупреждая всюду опустошеніе и увеличивая всюду успѣшность труда, должно бы было уменьшить энергію, съ какой люди гонятся за богатствомъ. Мнѣ кажется, что при томъ положеніи общества, когда никому не приходилось бы бояться бѣдности, никто не сталъ бы желать большаго богатства, по крайней мѣрѣ, никто не сталъ бы какъ теперь лишать себя спокойствія въ погонѣ за наживой. Ибо, конечно, зрѣлище людей, весь вѣкъ которыхъ сводится лишь къ немногимъ годамъ, закабаляющихъ свою жизнь ради того, чтобы умереть богатыми, представляется само по себѣ настолько неестественнымъ и нелѣпымъ, что при томъ состояніи общества, когда уничтоженъ бы былъ страхъ нужды и потому разсѣяно было то завистливое удивленіе, съ какимъ массы людей относятся теперь къ владѣнію большимъ богатствомъ, стали бы смотрѣть, на всякаго, кто стремился бы пріобрѣсти болѣе, чѣмъ сколько можетъ ему понадобиться, какъ на человѣка, который покрываетъ свою голову полдюжиной шляпъ или прогуливается подъ полящимъ солнцемъ въ тепломъ пальто. Когда всякій былъ бы увѣренъ въ томъ, что онъ можетъ добыть себѣ все необходимое, тогда никто не сталъ бы превращать себя во вьючную лошадь.

Да хотя бы это побужденіе къ производству и было удалено, развѣ мы не могли бы обойтись безъ него? Каково бы ни было значеніе этого побужденія на болѣе ранней ступени развитія, оно уже не нужно теперь. Опасности, которыя грозятъ нашей цивилизаціи, происходятъ не отъ слабости побужденій къ производству. Отчего она страдаетъ, и отъ чего, если не будетъ принято мѣръ, она должна погибнуть, такъ это только лишь отъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства.

Да даже и по отношенію къ производству, устраненіе этого побужденія не было бы абсолютной потерей. Ибо фактъ, что общая сумма производимаго богатства въ огромной мѣрѣ уменьшается благодаря той жадности, съ какой преслѣдуется богатство, является однимъ изъ наиболѣе бросающихся въ глаза въ современномъ обществѣ. И будь это безумное желаніе сдѣлаться во что бы то ни стало богатымъ уменьшено какъ вся та умственная дѣятельность, которая теперь направлена на накопленіе богатства, стали бы искать себѣ гораздо болѣе высокаго и полезнаго примѣненія.

ГЛАВА III.

О дѣйствіи на отдѣльныхъ лицъ и на различные классы общества.

Когда впервые будетъ предложено переложить всѣ налоги на земельную цѣнность и такимъ образомъ конфисковать ренту, всѣ землевладѣльцы забьютъ, вѣроятно, тревогу, и между прочимъ не будетъ недостатка въ указаніяхъ на опасности, которымъ якобы подвергаются при этомъ мелкіе владѣльцы въ городахъ и деревняхъ; имъ будутъ говорить, что предложеніе это направлено къ тому, чтобы лишить ихъ собственности, пріобрѣтенной столь тяжелымъ трудомъ. Однако достаточно минутнаго размышленія, чтобы замѣтить, что предложеніе это было бы благотворно для всѣхъ тѣхъ, интересы которыхъ, какъ землевладѣльцевъ, не слишкомъ преобладаютъ надъ ихъ интересами, какъ рабочихъ или капиталистовъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. И при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи нетрудно замѣтить, что хотя крупные землевладѣльцы и могли относительно потерять, однако даже и для нихъ была бы абсолютная выгода. Ибо производство возрасло бы столь значительно, что трудъ и капиталъ выигрывали бы гораздо болѣе того, что теряло частное землевладѣніе, а въ этихъ выгодахъ, и въ еще большихъ выгодахъ, связанныхъ съ болѣе здоровымъ общественнымъ состояніемъ, участвовало бы все общество, включая и самихъ землевладѣльцевъ.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ я разбиралъ вопросъ о томъ, что должно быть уплачено теперешнимъ землевладѣльцамъ, и показалъ, что они не имѣютъ права на вознагражденіе. Существуетъ еще другое основаніе, въ силу котораго мы должны отвергнуть всякую мысль о вознагражденіи. Ибо землевладѣльцамъ не было бы въ дѣйствительности нанесено никакого ущерба.

Ясно, конечно, что перемѣна, которую я предлагаю, была бы въ высшей степени благодѣтельна для всѣхъ тѣхъ, которые живутъ отъ своего труда, физическаго или умственнаго,—для чернорабочихъ, фабричныхъ, ремесленниковъ, прикащиковъ и лицъ различныхъ профессій; ясно, также, что она была бы благодѣтельна и для всѣхъ тѣхъ, которые живутъ частію отъ своего труда и частію отъ доходовъ на капиталъ, для розничныхъ и оптовыхъ торговцевъ, фабрикантовъ, хозяевъ и предпринимателей въ различныхъ отрасляхъ производства и обмѣна, — отъ разносчика и ломоваго до желѣзнодорожнаго туза и пароходовладѣльца; равнымъ образомъ ясно, что она увеличила бы доходъ тѣхъ, которые пользуются лишь

процентами на капиталъ или доходами съ капитала, помѣщеннаго въ предпріятія, иныя чѣмъ земля, за исключеніемъ можетъ быть, владѣльцевъ правительственныхъ облигацій и другихъ бумагъ, приносящихъ постоянный процентъ, которыя вѣроятно упали бы въ биржевой цѣнѣ, вслѣдствіе повышенія общаго размѣра процента, хотя доходъ отъ нихъ и оставался бы безъ измѣненія.

Возьмемъ теперь случай мелкаго городского собственника: ремесленника, лавочника или человѣка какой-либо свободной профессіи; онъ пріобрѣлъ себѣ домъ съ землею, въ которомъ живетъ и о которомъ думаетъ съ удовольствіемъ, какъ о мѣстѣ, изъ котораго никто не можетъ выгнать его семейства въ случаѣ его смерти. И онъ не пострадалъ бы: напротивъ того, онъ оказался бы въ выигрышѣ. Продажная цѣна его участка уменьшилась бы, — теоретически, совершенно уничтожилась бы. Но полезность этого участка для его хозяина не уничтожилась бы. Земля служила бы его цѣлямъ такъ же хорошо, какъ и прежде. А за нашимъ собственникомъ, въ виду того, что цѣна всѣхъ прочихъ участковъ уничтожилась или уменьшилась бы въ той же самой мѣрѣ, была бы обезпечена возможность имѣть всегда такой же участокъ. Другими словами, онъ терялъ бы лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ человѣкъ, купившій себѣ сапоги, теряетъ при послѣдующемъ пониженіи цѣнъ на сапоги. Его сапоги будутъ для него одинаково полезны, а слѣдующую пару сапогъ онъ можетъ пріобрѣсть дешевле. Для домохозяина его участокъ оставался бы столь же полезнымъ, а имѣй онъ въ виду пріобрѣсти впослѣдствіи большій участокъ или случись его дѣтямъ, когда они выростутъ, обзаводиться собственными домами, онъ былъ бы въ выигрышѣ, даже и относительно самой земли. Да и теперь, принявъ во вниманіе все прочее, онъ былъ бы пожалуй въ выигрышѣ. Ибо, хотя ему и приходилось бы платить болѣе налоговъ на землю, но онъ былъ бы свободенъ отъ налоговъ на домъ и сооруженія, на обстановку и недвижимость, на все, что онъ и его семейство ѣдятъ, пьютъ или носятъ, и его доходы въ огромной мѣрѣ увеличились бы благодаря росту заработной платы, постоянству занятія и большему оживленію торговли. Онъ терялъ бы единственно въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось продать свой участокъ, не покупая новаго, а это была бы ничтожная потеря сравнительно съ огромнымъ выигрышемъ.

Также и для фермера. Я говорю теперь не о тѣхъ фермерахъ, которые никогда не касаясь плуга, обрабатываютъ тысячи акровъ и пользуются доходами, напоминающими доходъ богатыхъ плантаторовъ Юга, передъ войной, но о тѣхъ работающихъ фермерахъ, которые образуютъ столь обширный классъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—о людяхъ, которые владѣютъ малень-

кими фермами, и обрабатываютъ ихъ при помощи своихъ сыновей и лишь въ крайности при помощи наемной силы, и которые въ Европѣ были бы названы крестьянами-собственниками. Пока люди эти не поймутъ всего значенія нашего предложенія, имъ будетъ казаться парадоксомъ, что изъ всѣхъ классовъ общества, стоящихъ выше простыхъ рабочихъ, именно они должны бы были всего болѣе выгодать отъ перемѣщенія всѣхъ налоговъ на земельную цѣнность. Они вообще сознаютъ, что въ настоящее время не имѣютъ того довольства, какое долженъ бы былъ давать имъ ихъ тяжелый трудъ. Но они не въ состояніи замѣтить причины этого; не замѣчаютъ того, что въ сущности всѣ налоги, при теперешней организаціи и ихъ строѣ, падаютъ на нихъ съ особенной силой. Налогами обложено все ихъ хозяйство,—дома, житницы, загородки, жатва, скотъ. А ихъ собственность не можетъ быть съ такой легкостью скрыта или оцѣнена ниже стоимости, какъ болѣе цѣнные виды собственности, сосредоточивающіеся въ городахъ. Имъ не только приходится уплачивать налоги на строенія и сельскохозяйственныя принадлежности, отъ чего избавлены владѣльцы пустопорожней земли, но и самая земля ихъ сравнительно съ землей, которую держатъ ради спекуляціи, вообще облагается въ большемъ размѣрѣ и просто потому, что на ней имѣются уже разныя улучшенія. Мало этого, на фермера падаютъ безъ всякаго смягченія и всѣ налоги на товары, и особенно налоги, которые, подобно нашимъ покровительственнымъ пошлинамъ, вводятся съ цѣлью поднять цѣны товаровъ. Ибо въ странѣ, подобной Соединеннымъ Штатамъ, которая вывозитъ земледѣльческіе продукты, фермеръ не можетъ пользоваться никакимъ покровительствомъ. Кто бы ни выгадывалъ отъ такого рода покровительства, а фермеръ во всякомъ случаѣ теряетъ отъ него. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Нью-Іоркская Лига Свободной Торговли выпустила въ свѣтъ таблицу, на которой изображены были различные предметы первой необходимости и отмѣчены были пошлины, налагаемыя на нихъ тарифомъ, при чемъ напечатано было нѣчто въ такомъ родѣ: «Фермеръ встаетъ утромъ, надѣваетъ штаны, оплаченные 40 процентами пошлины, и сапоги, оплаченные 30 процентами, зажигаетъ огонь спичкой, оплаченной 200 процентовъ пошлины», и т. д., во весь его день и во всю его жизнь, до тѣхъ поръ пока онъ, убитый налогами, не спускается въ могилу при помощи веревки, оплаченной 40 процентами пошлины. А это есть лишь картинное изображеніе того, какимъ образомъ въ концѣ концовъ распредѣляются такого рода налоги. Фермеръ оказался бы въ огромномъ выигрышѣ отъ замѣны единымъ налогомъ на земельную цѣнность всѣхъ этихъ налоговъ, ибо налогъ на землю падалъ бы съ наибольшей силой не въ земледѣльческихъ округахъ, гдѣ цѣнность земель сравнительно значительна, но въ городахъ, гдѣ цѣнность земли высока; тогда какъ налоги на постройки и содержанія ложатся также тяжело въ

деревнѣ, какъ въ городѣ. Въ мало заселенныхъ округахъ фермеру едва ли бы и вовсе приходилось платить какіе либо налоги и вотъ почему. Налоги, собираемые съ цѣнности одной только земли, падаютъ съ такою же силой на неустроенную землю, какъ и на устроенную. Вполнѣ обставленная и устроенная ферма, съ ея строеніями, загородками, фруктовыми садами, посѣвами и скотомъ, несла бы на себѣ не болѣе налоговъ, чѣмъ такой же по величинѣ участокъ необработанной земли равнаго качества. И въ результатѣ былъ бы уничтоженъ спекулятивный ростъ цѣны земли, и обработаннымъ и благоустроеннымъ фермамъ не приходилось бы платить налоговъ до тѣхъ поръ, пока вся страна кругомъ ихъ не была бы достаточно населена. Для наиболѣе трудящихся фермеровъ, сколько бы парадоксальнымъ на первый взглядъ это не казалось имъ, переложеніе всѣхъ налоговъ на земельную цѣнность въ сущности было бы равнозначно освобожденію отъ всякаго налога.

Однако великій выигрышъ работящаго фермера можно вполнѣ понять, лишь разсмотрѣвъ вліяніе предложенной мѣры на распредѣленіе народонаселенія. Уничтоженіе спекулятивныхъ земельныхъ цѣнностей вело бы къ разсѣянію народонаселенія тамъ, гдѣ оно слишкомъ плотно, и концентраціи его тамъ, гдѣ оно слишкомъ рѣдко; къ замѣнѣ наемныхъ квартиръ домиками, окруженными садами, и къ полному заселенію земледѣльческихъ округовъ, изъ которыхъ люди уходятъ теперь на чужбину въ поискахъ за землей. Городскіе жители такимъ образомъ стали бы имѣть больше чистаго воздуха и солнечнаго свѣта полей, а жители деревень больше жизненныхъ прелестей и удобствъ городской жизни. И если, въ чемъ нельзя сомнѣваться, примѣненіе машинъ наиболѣе выгодно при значительномъ размѣрѣ полей, то и земледѣльческое населеніе можно думать усвоило бы первоначальную форму и стало бы селиться деревнями. Жизнь фермера средней руки въ настоящее время безъ нужды сурова. Они не только принуждены работать рано и поздно, но и лишены тѣхъ удобствъ, увеселеній и преимуществъ, которыя становятся возможными при болѣе тѣсномъ соприкосновеніи людей между собою. Лишены всѣхъ пособій для воспитанія дѣтей и для собственнаго умственнаго и общественнаго развитія. Ихъ положеніе много улучшилось бы во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, и ихъ трудъ сдѣлался бы гораздо болѣе производительнымъ, если бы они и всѣ живущіе вокругъ нихъ имѣли земли не болѣе того, чѣмъ сколько нужно имъ для собственнаго употребленія. А ихъ дѣти, выростая, не увлекались бы надеждами на городъ и не имѣли бы нужды уходить далеко отъ родины, чтобы обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Ихъ средства къ жизни были бы въ ихъ рукахъ и подъ руками.

Вкратцѣ, работающій фермеръ—одновременно рабочій и капиталистъ, также какъ и землевладѣлецъ, и живетъ онъ на счетъ своего труда и ка-

питала. Его потери будутъ чисто номинальны; его выгоды будутъ дѣйствительны и громадны.

Это вѣрно въ различной степени по отношенію ко всѣмъ землевладѣльцамъ. Многіе землевладѣльцы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочіе того или другого рода. Врядъ-ли можно найти землевладѣльца нерабочаго, который въ то же время не былъ-бы капиталистомъ; общее правило, что чѣмъ крупнѣе землевладѣлецъ, тѣмъ болѣе онъ капиталистъ. Это настолько вѣрно, что обыкновенно ихъ и не различаютъ. Поэтому возложеніе всѣхъ налоговъ на землю, хотя благодаря ему крупныя состоянія и сократились-бы, отнюдь не оставило-бы богатыхъ людей безъ копѣйки. Герцогъ Вестминстерскій, владѣющій значительной частью территоріи Лондона, по всей вѣроятности богатѣйшій землевладѣлецъ міра. Если бы его земельная рента была взята налогомъ, то очень уменьшило-бы его огромный доходъ, но все же ему остались-бы его зданія и весь доходъ съ послѣднихъ, и, безъ сомнѣнія, кромѣ этого много движимой собственности въ самыхъ различныхъ видахъ. У него все-таки осталось-бы вполнѣ достаточно для его личнаго потребленія, и при томъ при такомъ состояніи общества, когда онъ могъ-бы гораздо болѣе наслаждаться тѣмъ, что имѣетъ.

Точно также Асторы въ Нью-Іоркѣ остались-бы очень богаты. Такъ это было бы и въ другихъ мѣстахъ; только тѣ стали-бы бѣднѣе отъ указанной мѣры, кто—могъ бы очень обѣднѣть безъ существеннаго ущерба для себя. Большія состоянія пострадали-бы, но никто бы дѣйствительно не впалъ въ бѣдность.

Не только богатство возрасло-бы чрезвычайно; его распредѣленіе сдѣлалось-бы равномѣрнымъ. Я не думаю, что каждый получилъ-бы одинаковую сумму богатства. Это не было бы равномѣрнымъ распредѣленіемъ, такъ какъ различныя личности имѣютъ различныя силы и потребности. Но я думаю, что богатство было-бы распредѣлено въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько каждый содѣйствовалъ общему производству дѣятельностью, искусствомъ, знаніемъ или благоразуміемъ. Великая причина соединенія богатства въ тѣхъ рукахъ, которые ничего не производили, и лишенія богатства тѣхъ, которыя его производятъ, исчезла бы. Неравенства, которыя продолжали бы существовать, были бы уже естественными, а отнюдь не искусственными, вытекающими изъ отрицанія естественнаго закона. Непроизводитель не могъ бы болѣе утопать въ роскоши, въ то время какъ производитель получаетъ лишь безусловно необходимое для голаго животнаго существованія.

Когда не осталось бы земельной монополіи, тогда уже нечего бы было бояться и крупныхъ состояній. Ибо тогда имущество какого либо индиви-

дуума могло бы состоять лишь изъ богатства, въ собственномъ смыслѣ этого слова,—богатства, которое является продуктомъ труда и которое постоянно стремится къ уничтоженію, да и государственные долги, мнѣ думается, не надолго бы пережили ту систему, которая ихъ порождаетъ. Всякая боязнь крупныхъ состояній утратила бы смыслъ, ибо когда каждый получалъ бы то, что онъ дѣйствительно зарабатываетъ, никто не могъ бы получать болѣе того, что онъ дѣйствительно зарабатываетъ. А много ли найдется людей, которые на самомъ дѣлѣ зарабатывали бы по милліону долларовъ?

ГЛАВА IV.

О перемѣнахъ, которыя должны бы были послѣдовать въ общественной организаціи и общественной жизни.

Мы имѣемъ дѣло лишь съ общими принципами. И хотя при примѣненіи этихъ принциповъ нужно разрѣшить нѣкоторые частные вопросы, хотя бы, касательно дѣленія доходовъ между мѣстнымъ и центральнымъ правительствомъ и т. под., тѣмъ не менѣе всё же намъ нѣтъ никакой необходимости ихъ обсуждать. Разъ будутъ установлены общіе принципы, и съ частностями легко будетъ справиться.

Равнымъ образомъ, мы не могли бы указать не входя въ излишнія

---

*) Рядомъ съ огромнымъ увеличеніемъ производительности труда, которое было бы слѣдствіемъ лучшаго распредѣленія народонаселенія, получилась бы также огромная экономія и производительной силы земли. Концентрація народонаселенія въ городахъ, прокармливающихся на счетъ хищнической культуры обширныхъ малонаселенныхъ пространствъ, ведетъ, буквально къ изверженію въ море элементовъ плодородія. Какъ велико опустошеніе такого рода, можно видѣть изъ тѣхъ вычисленій, которыя сдѣланы относительно клоачныхъ жидкостей нашихъ городовъ, и практическій результатъ этого опустошенія обнаруживается уже въ уменьшенной производительности земледѣлія на обширныхъ районахъ. Замѣчено, что въ большей части Соединенныхъ Штатовъ, земля изъ году въ годъ все тощаетъ и тощаетъ.

подробности и всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя сдѣлались бы необходимыми или возможными, вслѣдствіе преобразованія, касающагося самыхъ основъ общества; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ этихъ перемѣнъ въ главныхъ чертахъ я позволю себѣ отмѣтить.

Между ними заслуживаетъ вниманія чрезвычайная простота, которая сдѣлалась бы возможной въ дѣлѣ государственнаго управленія. Собираніе налоговъ, предупрежденіе и наказаніе за уклоненіе отъ нихъ, учетъ и контроль доходовъ, получаемыхъ изъ великаго множества различныхъ источниковъ, составляютъ теперь, вѣроятно, три четверти, если не семь восьмыхъ, всѣхъ занятій правительства, если не считать охраненія порядка, содержанія войска и отправленія правосудія. И такимъ образомъ была бы сдѣлана излишней обширная и запутанная часть правительственнаго механизма.

Подобное же сбереженіе труда оказалось бы въ отправленіи правосудія. Множество гражданскихъ дѣлъ нашихъ судовъ возникаетъ изъ споровъ относительно права собственности на землю. Дѣлъ этихъ не возникало бы, когда государство признано было бы фактически единственнымъ собственникомъ земли, и лица, занимающіе ее, сдѣлались бы просто арендаторами. Развитіе нравственности, которое послѣдовало бы за прекращеніемъ нужды, повело бы къ подобному же сокращенію другихъ гражданскихъ дѣлъ въ судахъ, при чемъ сокращеніе это можно бы было ускорить, принявъ благоразумное предложеніе Бентама отмѣнить всѣ законы, касающіеся взысканія долговъ и понужденія къ выполненію частныхъ контрактовъ. Повышеніе заработной платы, предоставленіе каждому возможности къ легкой и пріятной жизни, разомъ уменьшило бы, а вскорѣ и вовсе устранило бы изъ общества воровъ, мошенниковъ и прочихъ преступниковъ, которыхъ создаетъ неравномѣрное распредѣленіе богатства. И такимъ образомъ, отправленіе уголовнаго судопроизводства со всѣми его принадлежностями: полицейскими, сыщиками, тюрьмами и исправительными домами, какъ и отправленіе гражданскаго судопроизводства, перестало бы въ такой мѣрѣ высасывать жизненную силу общества и въ такой мѣрѣ привлекать къ себѣ его вниманіе. Мы освободились бы не только отъ множества судей, приставовъ, писарей и тюремщиковъ, но и отъ великой арміи адвокатовъ, которые содержатся теперь на счетъ производителей; и таланты, расточаемые теперь на судейскія тонкости, нашли бы себѣ болѣе возвышенное примѣненіе.

Законодательныя, судебныя и исполнительныя функціи правительства были бы такимъ путемъ въ огромной степени упрощены. Да и не думается мнѣ, чтобы государственные долги и постоянныя арміи, которые исторически являются слѣдствіемъ перехода отъ феодальнаго къ аллодіальному владѣнію землей, надолго пережили такого рода возвратъ къ прежнему взгляду, что земля какой либо страны есть общая собственность населенія этой

страны. Государственные долги легко могли бы быть погашены посредствомъ налога, который не уменьшалъ бы заработной платы и не задерживалъ бы производства, и постоянныя арміи должны бы были вскорѣ исчезнуть благодаря развитію образованія и независимости среди массъ, чему содѣйствовалъ бы, быть можетъ, также и прогрессъ въ сферѣ изобрѣтеній, придающій совершенно новый видъ военному искусству.

Общество приблизилось бы такимъ образомъ къ идеалу Джефферсоновской демократіи, къ обѣтованной землѣ Герберта Спенсера. Всѣ такого рода упрощенія и уничтоженія теперешнихъ функцій правительства дѣлали бы возможнымъ принятіе правительствомъ на себя нѣкоторыхъ другихъ функцій, которыя въ настоящее время еще ждутъ своего признанія. Правительство могло бы принять на себя пересылку телеграфной корреспонденціи, какъ и почтовой, постройку и эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ, наравнѣ съ устройствомъ и содержаніемъ шоссейныхъ. Если-бы теперешнія функціи правительства были такимъ образомъ упрощены и сокращены, функціи подобныя вышеупомянутымъ могли бы быть допущены безъ всякихъ опасеній и неудобствъ, тѣмъ болѣе, что и вниманіе общества, теперь развлекаемое, было бы уже постоянно сосредоточено на нихъ. Сталъ бы получаться огромный и все возрастающій и возрастающій излишекъ дохода отъ обложенія земельныхъ цѣнностей, ибо матеріальный прогрессъ, который развивался бы тогда съ чрезвычайной силой, все время стремился бы къ увеличенію ренты. И этотъ доходъ, отъ общей собственности, могъ бы употребляться на общее благо, какъ доходы Спарты. Намъ можно бы было и не заводить общественныхъ столовъ, — въ нихъ не было бы необходимости; но мы могли бы устраивать общественныя бани, музеи, библіотеки, сады, читальни, концертныя и танцовальныя залы, театры, университеты, техническія школы, галлереи для стрѣльбы, площадки для игръ и атлетическихъ упражненій и т. под. Мы могли бы на общественный счетъ проводить по нашимъ улицамъ тепло, свѣтъ и движущую силу, также какъ и воду; садить по краямъ нашихъ дорогъ фруктовыя деревья; вознаграждать лицъ, дѣлающихъ открытія и изобрѣтенія; оказывать поддержку научнымъ изслѣдованіямъ и тысячами способовъ направлять общественныя доходы на споспѣшествованіе усиліямъ ради общаго блага. Мы достигли бы идеала соціалистовъ, но не путемъ правительственнаго понужденія. Правительство измѣнило бы свой характеръ и сдѣлалось бы правленіемъ великаго кооперативнаго общества. Оно сдѣлалось бы просто учрежденіемъ, которое завѣдывало бы общею собственностью на общую пользу.

Можно ли считать это невыполненнымъ? Примите только во вниманіе тѣ глубокія перемѣны, которыя вызваны бы были въ общественной жизни преобразованіемъ, долженствующимъ обезпечить за трудомъ его полное возна-

гражденіе; прогнать нужду и страхъ нужды и дать самому приниженному полный просторъ развиваться въ естественной симметріи.

Рисуя себѣ возможное будущее нашей общественной организаціи, мы склонны бываемъ считать жадность наисильнѣйшимъ мотивомъ человѣческой дѣятельности, считать единственнымъ надежнымъ основаніемъ какой либо административной системы лишь ту идею, что страхъ наказанія необходимъ, склонны бываемъ думать, что себялюбивые интересы могутъ удерживать людей на пути чести сильнѣе, чѣмъ общій интересъ. Ничто однако не можетъ быть далѣе отъ истины.

Откуда, спрашивается, возникаетъ та жажда наживы, ради удовлетворенія которой люди топчатъ ногами все чистое и благородное; которой въ жертву они приносятъ все болѣе возвышенное, возможное и въ ихъ жизни; которая превращаетъ вѣжливость въ пустую форму, патріотизмъ въ нѣчто позорное, а религію въ ханжество; которая дѣлаетъ зачастую цивилизованную жизнь столь похожею на войну Измаильтянъ съ ея оружіемъ хитрости и обмана?

Развѣ она возникаетъ не изъ существованія нужды? Карлейль гдѣ то выразился, что бѣдность есть тотъ адъ, котораго всего болѣе страшится современный англичанинъ. И онъ правъ. Бѣдность есть ненасытный и неумолимый адъ, зіяющій внизу цивилизованнаго общества. Адъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И глубокую истину высказываютъ Веды, когда мудрая ворона Бушанда говоритъ орлоносителю божества Вишну, что самая жгучая мука есть удѣлъ бѣдности. Ибо бѣдность на самомъ дѣлѣ есть не просто лишеніе, а есть позоръ, униженіе; прижиганіе самыхъ чувствительныхъ частей нашей нравственной и умственной природы, какъ бы раскаленнымъ желѣзомъ; отрицаніе самыхъ сильныхъ побужденій и самыхъ нѣжныхъ душевныхъ движеній; выдергиваніе самыхъ жизненныхъ нервовъ. Вы любите вашу жену, вы любите вашихъ дѣтей; но развѣ не легче видѣть ихъ умирающими, чѣмъ видѣть ихъ доведенными до того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ обыкновенно живутъ обширные классы людей во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ? Самая сильная изъ животныхъ страстей есть та, которая заставляетъ насъ цѣпляться за нашу жизнь, и тѣмъ не менѣе то и дѣло люди въ цивилизованныхъ обществахъ подносятъ ядъ къ своимъ губамъ или пистолетъ къ своему лбу изъ-за страха бѣдности, а на одного, который дѣлаетъ это, приходится, вѣроятно, не менѣе сотни, которые желали бы сдѣлать то же, да удерживаются инстинктивнымъ страхомъ, религіозными размышленіями или семейными связями.

Вполнѣ естественно, что люди бываютъ готовы на все, чтобы избѣжать этого ада бѣдности. Съ стремленіемъ къ само-сохраненію и самоудовлетворенію тутъ комбинируются болѣе высокія чувства; любовь, какъ и страхъ, одинаково побуждаютъ къ борьбѣ. Множество низкихъ, позорныхъ, эгоистичныхъ, хищныхъ или несправедливыхъ вещей дѣлается вслѣдствіе стре-

мленія избавить отъ бѣдности или отъ страха бѣдности мать, жену или дѣтей.

Такое положеніе дѣлъ даетъ начало общественному мнѣнію, которое пускаетъ въ ходъ, какъ понудительную силу къ борьбѣ ради захвата и защиты, одно изъ сильнѣйшихъ побужденій, у многихъ, можетъ быть, самое сильное побужденіе къ человѣческой дѣятельности: желаніе одобренія,—чувство, которое побуждаетъ насъ добиваться уваженія, удивленія или симпатіи нашихъ собратьевъ,—чувство всеобщее и инстинктивное. Хотя и искаженное иногда до самыхъ ненормальныхъ проявленій, чувство это однако, всюду можно наблюдать. Оно могущественно какъ среди самыхъ грубыхъ дикарей, такъ и среди наиболѣе высоко-образованныхъ членовъ самаго утонченнаго общества; оно является съ первымъ проблескомъ разума и остается до послѣдняго издыханія. Оно торжествуетъ надъ любовью къ спокойствію, надъ чувствомъ муки, надъ страхомъ смерти. Оно внушаетъ самыя обыкновенныя и самыя важныя поступки.

Дитя, только что начинающее ходить и говорить, дѣлаетъ новыя усилія, лишь только замѣчаетъ, что его маленькія продѣлки привлекаютъ вниманіе и возбуждаютъ смѣхъ; умирающій повелитель міра собираетъ вокругъ себя свои одѣянія, чтобы отойти, какъ подобаетъ царю; китайскія матери искалѣчиваютъ ноги своихъ дочерей жестокими колодками, а европейскія женщины жертвуютъ своимъ собственнымъ удобствомъ и удобствомъ своихъ семействъ изъ-за подобныхъ же предписаній моды; полинезіецъ, чтобы возбуждать удивленіе красотою своей таттуировки, спокойно стоитъ въ то время, какъ его мясо рвутъ зубомъ акулы; сѣверо-американскій индѣецъ, привязанный къ столбу, будетъ выносить самыя дьявольскія пытки безъ всякаго стона и, чтобы заслужить уваженіе и удивленіе, въ качествѣ великаго храбреца, будетъ издѣваться надъ своими мучителями и подзадоривать ихъ къ новымъ жестокостямъ. Именно это чувство заставляетъ охотниковъ идти первыми на приступъ; именно оно зажигаетъ лампу бѣднаго учащагося; именно оно заставляетъ людей изо всей силы напрягать свои мускулы и мозгъ, мучиться и умирать. Именно оно соорудило пирамиды и сожгло ефесскій храмъ.

Люди восхваляютъ то, въ чемъ они нуждаются. Какой привлекательной кажется безопасная гавань застигнутымъ бурею; пища голодному, питье жаждущему, тепло дрожащему отъ холода, покой усталому, сила слабому, знаніе тому, въ комъ пробудились интеллектуальныя стремленія души. Такимъ же образомъ горечь нужды и страхъ бѣдности заставляютъ людей выше всего цѣнить обладаніе богатствомъ; сдѣлаться богатымъ получаетъ то же значеніе, какъ сдѣлаться уважаемымъ, восхваляемымъ и вліятельнымъ. Наживайте деньги,—честно, если вы можете, но во что бы то ни стало наживайте деньги! Вотъ урокъ, который общество ежедневно и ежечасно твердитъ своимъ членамъ. Люди инстинктивно чтутъ добродѣтель и истину, но горечь нужды и страхъ нужды заставляютъ ихъ еще болѣе почитать богатство и завидовать счастію. Хорошо

если вы честный и справедливый человѣкъ, и люди будутъ одобрять васъ, но того, кто обманомъ или несправедливостью пріобрѣтетъ милліонъ долларовъ, они будутъ болѣе уважать и хвалить, тотъ будетъ имѣть болѣе вліянія, будетъ встрѣчать болѣе почтенія въ глазахъ и устахъ людей, если не въ ихъ сердцахъ, чѣмъ человѣкъ, который откажется отъ милліона. Вы будете имѣть свою награду въ будущемъ; вы можете быть увѣрены, что имя ваше вписано въ книгу жизни, и что вамъ даны будутъ бѣлое одѣяніе и пальмовая вѣтвь побѣдителя надъ искушеніемъ; но тотъ имѣетъ свою награду въ настоящемъ. Его имя значится въ спискѣ «нашихъ состоятельныхъ гражданъ»; онъ окруженъ заискиваніемъ мужчинъ и лестью женщинъ; въ церкви ему предоставлено лучшее мѣсто и съ особеннымъ почтеніемъ относится къ нему краснорѣчивый священникъ, который во имя Христа читаетъ проповѣдь на тему Евангелія о богачѣ и Лазарѣ и сводитъ къ лишеннымъ значенія цвѣтамъ восточнаго краснорѣчія грозную метафору о верблюдѣ и игольномъ ушкѣ. Онъ можетъ быть покровителемъ искусствъ, меценатомъ писателей; можетъ расширить свои познанія благодаря сношеніямъ съ людьми образованными и усвоить изящныя манеры, понатеревшись около воспитанныхъ людей. Своею милостынею онъ можетъ накормить бѣднаго, помочь слабому, направить солнечный свѣтъ въ мѣста унылыя, а когда его не станетъ, благородныя общественныя учрежденія будутъ сохранять память о его имени и о его дѣлахъ. Нѣтъ, не въ шкурѣ отвратительнаго чудовища, съ рогами и хвостомъ, искушаетъ сатана сыновъ человѣческихъ, но какъ ангелъ свѣта. Его обѣщанія касаются не однихъ только царствъ сего міра, но также умственнаго и нравственнаго превосходства и владычества. Онъ обращается не только къ животнымъ инстинктамъ, но и къ тѣмъ чувствамъ, которыя возникаютъ въ человѣкѣ потому, что онъ есть болѣе, чѣмъ животное.

Возьмите хотя-бы тѣхъ несчастныхъ «людей съ навозными вилами», которыхъ можно видѣть во всякомъ обществѣ съ той же отчетливостью, съ какой видѣлъ Беньэнъ ихъ прообразъ въ своемъ видѣніи,—людей, которые давно уже накопили себѣ богатства достаточно, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, но которые продолжаютъ еще работать, строить планы, дѣлать усилія, съ цѣлью прибавить богатства къ богатству. Что направило ихъ на путь денежной наживы, такъ это желаніе «быть чѣмъ нибудь», болѣе того, желаніе дѣлать вещи благородныя и великодушныя. И что удерживаетъ ихъ на этомъ пути долгое время спустя, послѣ того какъ всевозможныя нужды ихъ уже были удовлетворены, что еще поддерживаетъ въ нихъ ненасытную и неотступную жажду, такъ это не просто сила тиранической привычки, но болѣе утонченныя наслажденія, которыя доставляетъ обладаніе богатствомъ,—чувство силы и вліянія, сознаніе того, что ихъ почитаютъ и угажаютъ, сознаніе того, что ихъ богатство не просто ограждаетъ ихъ отъ нужды, но и даетъ имъ высокое положеніе въ обществѣ,

среди котораго они живутъ. Вотъ что дѣлаетъ богатаго столь нерасположеннымъ разставаться съ своими деньгами, столь склоннымъ наживать еще болѣе.

Противъ искушеній, которыя затрогиваютъ такимъ образомъ сильнѣйшія стремленія нашей природы, повелѣнія закона и предписанія религіи могутъ сдѣлать лишь очень немного; и удивительно не то, что люди эгоистичны, а то, что они не эгоистичны въ гораздо бо́льшей мѣрѣ. Что при теперешнихъ обстоятельствахъ люди еще не болѣе хищны, не болѣе безчестны, не болѣе эгоистичны, чѣмъ они есть, доказываетъ доброту и энергію человѣческой природы, неизсякаемую силу тѣхъ источниковъ, на счетъ которыхъ поддерживается нравственность людей. У всѣхъ у насъ есть матери, у многихъ дѣти, и потому вѣрность, чистота и безкорыстіе никогда не могутъ быть совершенно изгнаны изъ міра, какъ бы ни были плохи общественныя учрежденія.

Но все то, что проявляетъ такую силу во злѣ, можетъ проявить ту-же силу въ добрѣ. Перемѣна, которую я предлагаю, уничтожила бы тѣ условія, которыя извращаютъ побужденія благодѣтельныя по своему существу, и тѣ силы, которыя теперь стремятся разъединять общество, преобразила бы въ силы, которыя смремились бы объединять и облагораживать его.

Дайте труду полный просторъ и его полную награду; возьмите въ пользу всего общества тотъ фондъ, который создается ростомъ общества, и не станетъ болѣе нужды и опасеній ея. Производительнымъ силамъ данъ будетъ выходъ, и огромный ростъ богатства обезпечилъ-бы даже за наиболѣе бѣднымъ полное благосостояніе. Люди, чтобы отыскать занятіе, будутъ хлопотать не болѣе, чѣмъ сколько они хлопочатъ, отыскивая воздухъ, которымъ дышатъ; и будутъ заботиться объ удовлетвореніи своихъ физическихъ потребностей не болѣе, чѣмъ лиліи полевыя. Прогрессъ науки, успѣхи изобрѣтеній, распространеніе знаній будетъ благодѣяніемъ для всѣхъ.

Когда такимъ образомъ не станетъ нужды и страха нужды, тогда ослабнетъ и преклоненіе предъ богатствомъ, и люди станутъ добиваться уваженія и одобренія своихъ собратьевъ иначе, чѣмъ пріобрѣтеніемъ и выставленіемъ богатства. Такимъ путемъ въ управленіе общественными дѣлами и въ завѣдываніи общественнымъ достояніемъ внесено было бы столько искусства, вниманія, преданности и честности, сколько возможно встрѣтить теперь лишь въ частныхъ предпріятіяхъ, и желѣзнодорожныя или газопроводныя сооруженія могли бы тогда эксплоатироваться на общественный счетъ не только съ бо́льшей бережливостью и энергіей, чѣмъ теперь при акціонерномъ хозяйствѣ, но даже съ энергіей и бережливостью, возможными лишь при единоличномъ собственникѣ. Наградою на Олимпійскихъ играхъ, вызывавшихъ са-

мыя ревностныя усилія всей Греціи, былъ только вѣнокъ изъ дикой маслины, и изъ-за клочка ленты люди зачастую выполняютъ такія дѣла, къ какимъ не понудишь ихъ никакими деньгами.

Близорука та философія, которая видитъ въ себялюбіи главный мотивъ человѣческой дѣятельности. Она слѣпа къ фактамъ, которыми полонъ міръ Она не вѣдаетъ настоящаго и не понимаетъ надлежащимъ образомъ прошлаго. Случись вамъ побудить людей къ какому либо дѣйствію, и на что вамъ слѣдовало бы опереться въ своемъ призывѣ? Отнюдь не на ихъ денежный интересъ, а на ихъ патріотизмъ; не на ихъ себялюбіе, но на ихъ сочувствіе. Любовь къ себѣ есть, такъ сказать, механическая сила, — могущественная, это правда; способная давать обширные и разносторонніе результаты. Но въ человѣческой природѣ есть нѣчто такое, что можетъ быть уподоблено химической силѣ; что топитъ, плавитъ и поглощаетъ; для чего, повидимому, нѣтъ невозможнаго. «Все, что есть у человѣка, отдастъ онъ за жизнь свою»,— вотъ любовь къ себѣ. Но въ силу болѣе возвышенныхъ стремленій, люди отдаютъ и свою жизнь.

Нѣтъ, не себялюбіе наполняетъ лѣтописи народовъ героями и святыми. Нѣтъ, не себялюбіе выбивается наружу на каждой страницѣ всемірной исторіи въ яркомъ блескѣ благородныхъ подвиговъ и въ мягкомъ свѣтѣ благотворныхъ дѣяній. Не себялюбіе увело Будду изъ его царскаго дома и заставило Орлеанскую Дѣву взять мечь съ престола; не оно удержало триста юношей въ Ѳермопильскомъ ущельѣ, и не оно собрало въ груди Винкельрида цѣлый снопъ копій; не оно приковало Винсента де-Поля къ скамьѣ галеры, и не оно, въ Индіи во время голода, приводило голодающихъ малыхъ дѣтей, едва держащихся на ногахъ, къ пунктамъ помощи съ еще болѣе слабыми голодными дѣтьми въ рукахъ! Называйте это религіей, патріотизмомъ, сочувствіемъ, энтузіазмомъ къ человѣчеству или любовью къ Богу, давайте какія угодно имена, но существуетъ сила, которая побѣждаетъ и оттѣсняетъ себялюбіе; сила, которая есть какъ бы электричество нравственнаго міра; сила, рядомъ съ которой слабы всѣ прочія. Всюду, гдѣ жили люди, она проявляла свое могущество, и теперь, какъ и всегда, міръ полонъ ею. Достоинъ сожалѣнія тотъ человѣкъ, который никогда не видалъ и не чувствовалъ ея. Посмотрите кругомъ. Въ средѣ обыкновенныхъ людей мужчинъ и женщинъ, среди обычной жизненной заботы и борьбы, въ сутолокѣ шумной улицы и среди грязи, окутывающей нужду,—всюду то тамъ, то тутъ тьма освѣщается дрожащими лучами ея мерцающаго свѣта. Тотъ, кто не видѣлъ ее, ходитъ съ закрытыми глазами. И всякій, кто смотритъ, замѣтитъ, какъ выражается Плутархъ, что «душа заключаетъ въ себѣ самой начало доброты, и рождена, чтобы любить, также какъ наблюдать, мыслить или вспоминать».

И этой-то силой силъ,—которая теперь уничтожается или принимаетъ искаженныя формы, — мы, если пожелаемъ, можемъ пользоваться, чтобы усиливать, объединять и облагораживать общество, какъ пользуемся мы теперь физическими силами, которыя нѣкогда представлялись лишь силами разрушительными. И все, что намъ нужно сдѣлать, такъ это только дать ей свободу и просторъ. Несправедливость, которая производитъ неравенство; несправедливость, которая среди изобилія мучаетъ людей нуждою или страхомъ нужды; которая разслабляетъ людей физически, унижаетъ ихъ умственно и развращаетъ нравственно, только она мѣшаетъ гармоническому развитію общества. Ибо «все, что отъ боговъ, исполнено предусмотрительности. Мы созданы для совмѣстной дѣятельности,—подобно ногамъ, подобно рукамъ, подобно глазнымъ вѣкамъ, подобно зубамъ верхней и нижней челюсти».

Есть люди, которымъ и въ голову не приходитъ подумать о состояніи общества сколь-нибудь лучшемъ существующаго теперь,—которые воображаютъ, что мысль, будто возможно такое состояніе общества, когда жадности не было бы болѣе, тюрьмы пустовали бы, личные интересы были бы подчинены общимъ интересамъ, и никто не стремился бы грабить или тѣснить своего сосѣда, что мысль эта есть лишь несбыточная фантазія мечтателей, къ которымъ эти практичные люди, съ своимъ шаблоннымъ мозгомъ, гордящіеся тѣмъ, что они вѣдаютъ факты такими, каковы они есть, питаютъ глубокое презрѣніе. Но люди эти, хоть они и пишутъ книги, занимаютъ каѳедры въ университетахъ и произносятъ публичныя рѣчи,—неспособны думать. Если бы имъ приходилось обѣдать въ такихъ кухмистерскихъ, какія встрѣчаются въ грязныхъ кварталахъ Лондона и Парижа, гдѣ ножи и вилки привязываютъ цѣпочками къ столу, то они стали бы считать естественнымъ, неискоренимымъ расположеніемъ человѣка, утаскивать съ собой ножикъ и вилку, которыми онъ ѣлъ.

Возьмите общество благовоспитанныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, обѣдающихъ вмѣстѣ. Тутъ вы не встрѣтите никакой борьбы изъ-за ѣды, ни малѣйшей попытки со стороны кого либо взять больше, чѣмъ его сосѣдъ; ни малѣйшей попытки къ захвату или воровству. Напротивъ, каждый стремится передать своему сосѣду, прежде чѣмъ положить чего либо себѣ, предложить другимъ что получше, скорѣе чѣмъ взять для себя; и случись кому выказать малѣйшее расположеніе предпочитать удовлетвореніе своего собственнаго аппетита удовлетворенію аппетита другихъ или какъ бы то ни было показать себя свиньей или нечистымъ на руку, какъ быстрое и тяжелое наказаніе въ видѣ общественнаго презрѣнія и остракизма дастъ понять, насколько такое поведеніе осуждается общественнымъ мнѣніемъ.

Все это такъ обыкновенно, что и не возбуждаетъ вниманія и кажется

какъ бы естественнымъ положеніемъ вещей. Однако, людямъ быть не жадными къ ѣдѣ не болѣе естественно, чѣмъ быть не жадными къ богатству. Они бываютъ жадны къ ѣдѣ, когда они не увѣрены въ томъ, что все будетъ распредѣлено равномѣрно и справедливо, и всякому будетъ дано достаточно. Но когда эти условія на лицо, они перестаютъ быть жадными къ ѣдѣ. Такимъ же образомъ въ обществѣ, при его теперешнемъ складѣ, люди жадны къ богатству, ибо условія распредѣленія настолько несправедливы, что никто не можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ получитъ достаточно, и многіе знаютъ напередъ, что они осуждены на нужду. Вотъ этотъ-то «дьяволъ, хватающій послѣдняго», при теперешнихъ общественныхъ порядкахъ, и порождаетъ ту гонку, и борьбу изъ-за богатства, при которой всѣ соображенія справедливости, милосердія, религіи и чувства топчатся подъ ногами, при которой люди забываютъ свои собственныя души и борятся до самой могилы ради того, чего они не могутъ взять съ собой. Но справедливое распредѣленіе богатства избавило бы всѣхъ отъ страха нужды и жадность къ богатству уничтожилась бы, какъ уничтожилась въ приличномъ обществѣ жадность къ ѣдѣ.

На биткомъ-набитыхъ пароходахъ, прежнихъ калифорнійскихъ линій, часто бросалось въ глаза различіе въ поведеніи пассажировъ перваго и второго класса, которое можетъ наглядно пояснить то начало человѣческой природы, о которомъ идетъ рѣчь. Пищи на пароходахъ заготовлялось въ изобиліи какъ для перваго, такъ и для второго класса, но во второмъ классѣ не было правилъ, которыя мало-мальски обезпечивали бы порядокъ за столомъ, и обѣдъ превращался въ свалку. Тогда какъ въ первомъ классѣ, гдѣ каждому назначено было мѣсто и гдѣ не могло быть опасенія, что кому либо не хватитъ, не было и того карабканья и опустошенія, какое приходилось наблюдать во второмъ классѣ. Разница обусловливалась не характеромъ пассажировъ, но именно этимъ обстоятельствомъ. Пассажиры перваго класса, переведенные во второй, бросались бы къ пищѣ съ такою же жадностью, какъ и пассажиры второго, а пассажиры второго, переведенные въ первый, сразу сдѣлались бы приличными и учтивыми. Разница того же рода обнаружилась бы и въ обществѣ, во всей его массѣ, будь теперешнее несправедливое распредѣленіе богатства замѣнено справедливымъ.

Примите также во вниманіе фактъ существованія образованнаго и утонченнаго общества, въ которомъ всѣ болѣе грубыя страсти сдерживаются не силой, не закономъ, но общественнымъ мнѣніемъ и взаимнымъ желаніемъ нравиться. И если это возможно для извѣстной части человѣчества, то это возможно и для человѣчества во всей его совокупности. Существуютъ такія состоянія общества, когда каждый носитъ оружіе, когда каждый долженъ

быть наготовѣ сильною рукою защищать свою личность и собственность. Если мы оставили уже ихъ позади, то мы можемъ пойти и еще далѣе.

Но можетъ быть скажутъ, что прогнать нужду и страхъ нужды значило бы уничтожить стимулъ къ труду; люди сдѣлались бы просто лѣнтяями, и такое счастливое состояніе общаго благосостоянія и довольства было бы смертью прогресса. Это старинный рабовладѣльческій аргументъ, что людей можетъ понудить къ труду лишь одинъ кнутъ. Ничто не можетъ быть болѣе невѣрнымъ.

Нужды могло бы и не быть и все же остались бы желанія. Человѣкъ есть ненасытное животное. Онъ только еще вступаетъ на свою дорогу, и цѣлый міръ лежитъ передъ нимъ. Каждый шагъ, который онъ дѣлаетъ, открываетъ передъ нимъ новыя перспективы и возбуждаетъ въ немъ новыя желанія. Онъ есть созидающее животное; онъ строитъ, онъ улучшаетъ, изобрѣтаетъ и комбинируетъ, и чѣмъ больше то, что онъ дѣлаетъ, тѣмъ большаго онъ желаетъ достигнуть. Онъ есть болѣе, чѣмъ животное. Какой бы разумъ ни сквозилъ всюду въ природѣ, но нѣчто ему подобное есть достояніе человѣка. Пароходъ, движимый своими сотрясающимися машинами, бѣгущій по волнамъ, по роду, хотя не по степени, такое же созданіе, какъ китъ, который плаваетъ въ морѣ. Телескопъ и микроскопъ суть, въ сущности, добавочные глаза, которые человѣкъ сдѣлалъ для себя; а нѣжныя ткани и прекрасные цвѣта, въ которыя рядятся наши женщины, развѣ не соотвѣтствуетъ оперенію, которое природа даетъ птицамъ? Человѣкъ всегда долженъ что нибудь дѣлать или воображать, что что-то дѣлаетъ, ибо въ немъ бьется творческій импульсъ; простой лежебока на солнышкѣ не есть естественный человѣкъ, а есть нѣчто ненормальное.

Лишь только ребенокъ оказывается въ состояніи управлять своими мускулами, какъ уже начинаетъ выдѣлывать пироги изъ песку и одѣвать куколъ; его игра есть лишь подражаніе дѣлу его старшихъ; самыя его разрушительныя наклонности возникаютъ изъ желанія дѣлать что-либо, изъ удовлетворенія, которое онъ получаетъ, видя себя выполняющимъ что-то такое. И никогда не бываетъ того, чтобы кто-либо стремился къ удовольствію ради самаго удовольствія. Самыя наши увеселенія лишь въ томъ случаѣ увеселяютъ насъ, если они являются, или кажутся, изученіемъ или выполненіемъ какого либо дѣла. Въ ту самую минуту, какъ они перестаютъ затрогивать нашу любознательную или нашу созидающую способность, они перестаютъ и увеселять. Сказать читателю романа чѣмъ окончится разсказъ—значитъ уничтожить въ немъ интересъ; только лишь неизвѣстность и искусство, связанныя съ игрой, даютъ возможность картежнику «убивать время», тасуя кусочки картона. Роскошныя затѣи Версаля были возможны для человѣческихъ существъ только потому, что король воображалъ, будто они входятъ въ кругъ

его дѣлъ по управленію государствомъ, а придворные добивались чрезъ нихъ новыхъ отличій и крупныхъ пенсій. Люди, которые ведутъ то, что называется жизнью по модѣ и въ свое удовольствіе, всегда должны имѣть въ виду какой либо иной объектъ, а не самую эту жизнь, или они будутъ умирать отъ скуки, они поддерживаютъ такую жизнь только потому, что воображаютъ, будто они добиваются положенія въ обществѣ, пріобрѣтаютъ друзей, улучшаютъ шансы своихъ дѣтей. Заприте куда нибудь человѣка и лишите его занятія, и онъ долженъ будетъ умереть или сойти съ ума.

Не трудъ самъ по себѣ отвратителенъ для человѣка; не естественная необходимость трудиться есть проклятіе. Но лишь трудъ, который ничего не производитъ,—усилія, результата которыхъ человѣкъ не можетъ замѣтить. Трудиться изо дня въ день, и все же получать лишь безусловно необходимое для жизни, вотъ что дѣйствительно тяжело; вотъ что похоже на адское наказаніе заставить человѣка откачивать воду, чтобы его не затопило, или ступать въ мельничномъ колесѣ, чтобы его не раздавило. Но избавленные отъ такой необходимости, люди стали бы работать и сильнѣе и лучше, ибо они стали бы работать такъ, какъ указываютъ имъ ихъ наклонности, и стали бы замѣчать, что они дѣйствительно дѣлаютъ нѣчто и для себя и для другихъ. Развѣ жизнь Гумбольдта была праздная жизнь? Развѣ Франклинъ не нашелъ себѣ дѣла, когда онъ бросилъ типографію, имѣя средствъ, достаточно чтобы существовать? Развѣ Герберта Спенсера можно назвать праздно шатающимся? Развѣ изъ-за пищи и одежды писалъ Микель Анджело?

Въ сущности трудъ, который улучшаетъ положеніе человѣческаго рода трудъ, который расширяетъ значеніе и увеличиваетъ силы, обогащаетъ литературу и возвышаетъ мысль, выполняется не ради пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Это не трудъ рабовъ, понуждаемыхъ къ работѣ или кнутомъ хозяина, или животными потребностями, а трудъ людей, которые трудятся ради своей собственной цѣли, отнюдь не для того чтобы получать больше на ѣду, на питье, на одежду и на хвастовство. А при состояніи общества, когда нужда была бы уничтожена, въ огромной степени увеличился бы и трудъ такого рода.

Я склоненъ думать, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ результатѣ конфискаціи ренты предложеннымъ мною способомъ, было бы то, что и организація труда всюду, гдѣ примѣняются крупные капиталы, должна бы была принять кооперативную форму, такъ какъ болѣе равномѣрное распредѣленіе богатства стало бы соединять капиталиста и работника въ одномъ лицѣ. Но было бы это такъ или нѣтъ, — не имѣетъ большаго значенія. Мученія рутиннаго труда во всякомъ случаѣ не стало бы болѣе. Заработная плата была бы слишкомъ высока и возможность найти занятіе слишкомъ велика, чтобы кто либо сталъ подавлять или убивать въ себѣ высшія качества своей природы,

и въ каждомъ занятіи мозгъ сталъ бы помогать рукѣ. Трудъ, даже болѣе грубыхъ родовъ, сталъ бы представлять изъ себя нѣчто веселое, а стремленіе теперешняго производства къ подраздѣленію не приводило бы болѣе къ однообразію и не съуживало бы способностей работающаго; а было бы облегчено сокращеніемъ рабочихъ часовъ, перемѣной и чередованіемъ умственныхъ занятій съ физическими. При этомъ не только стали бы утилизироваться производительныя силы, теряющіяся теперь даромъ; не только стали бы прилагаться въ полной мѣрѣ наши теперешнія знанія, въ настоящее время столь несовершенно примѣняемыя; но благодаря подвижности труда и оживленію умственной дѣятельности, которое при этомъ должны бы были возникнуть, обнаружились бы еще новые успѣхи въ способахъ производства, какихъ мы теперь не можемъ себѣ и представить.

Ибо наибольшая изъ тѣхъ огромныхъ растратъ, къ которымъ неминуемо ведетъ теперешній строй общества, есть растрата умственной силы. Какъ безконечно малы еще всѣ тѣ силы, которые двигаютъ теперь цивилизацію, сравнительно съ тѣми силами, которыя еще остаются въ бездѣйствіи. Какъ ничтожно число мыслителей, изслѣдователей, изобрѣтателей, организаторовъ. сравнительно съ огромной массой всего народа. А тѣмъ не менѣе такіе люди родятся въ изобиліи, и только лишь жизненныя условія позволяютъ развиться столь немногимъ. Разнообразіе способностей и склонностей, среди людей столь безконечно, какъ и разнообразіе ихъ физическихъ особенностей; мы знаемъ, что изъ милліона людей не найдется и двоихъ, которыхъ нельзя бы было отличить по ихъ внѣшности. Однако, насколько я въ состояніи понимать, разница въ естественныхъ способностяхъ людей бываетъ не больше разницы въ ихъ ростѣ или въ физической силѣ. Обратитесь къ жизни великихъ людей и посмотрите, какъ легко могло бы случиться, что о нихъ никто ничего и не слышалъ бы. Произойди Цезарь изъ семьи пролетарія; явись на свѣтъ Наполеонъ нѣсколькими годами ранѣе; вступи Колумбъ въ церковь вмѣсто того, чтобы уйти на море; будь Шекспиръ отданъ въ сапожники или въ трубочисты, а Исаакъ Ньютонъ обреченъ судьбой на воспитаніе и на трудъ земледѣльческаго рабочаго; будь Адамъ Смитъ рожденъ углекопомъ, а Гербертъ Спенсеръ принужденъ зарабатывать себѣ пропитаніе въ качествѣ фабричнаго рабочаго; и какую бы цѣну имѣли ихъ таланты? Но, скажутъ, были бы другіе Цезари или Наполеоны, Колумбы или Шекспиры, Ньютоны, Смиты или Спенсеры. Это правда. И это доказываетъ, лишь богатство человѣческой природы. Какъ обыкновенная рабочая пчела въ случаѣ надобности преобразуется въ царицу; такъ и человѣкъ, который могъ бы остаться въ числѣ обыкновенныхъ людей, когда обстоятельства благопріятствуютъ его развитію дѣлается героемъ или предводителемъ, ученымъ или учителемъ, мудрецомъ или святымъ. Такъ широко разбросалъ сѣятель сѣмя

такъ сильна производительная сила, развивающая почки и цвѣты. Но, увы, то каменистая почва, то птицы, то плевелы... И, сколько на одно сѣмя, которое достигаетъ своего полнаго развитія и роста, приходится такихъ, которыя останавливаются въ ростѣ или выростаютъ въ изуродованномъ видѣ.

Воля внутри насъ есть конечный фактъ сознанія. Однако, какъ мало найдется хотя бы у наилучшихъ изъ насъ, въ ихъ познаніяхъ, въ ихъ положеніи, даже въ ихъ характерѣ, чего либо такого, что можно бы было цѣликомъ приписать имъ самимъ; и сколько всего такого, что можно относить лишь на счетъ тѣхъ вліяній, которыя формировали ихъ? Найдется ли такой человѣкъ, мудрый, ученый, разсудительный, или энергичный, который, случись ему прослѣдить внутреннюю исторію своей жизни, не обратился бы, подобно стоику императору, къ богамъ съ восхваленіемъ за то, что благодаря тому то и тому то, то здѣсь, то тамъ, ему приходилось видѣть благіе примѣры, до него достигали благородныя мысли и ему представлялись разнаго рода счастливые случаи? Какой человѣкъ, зорко слѣдя за собою и достигнувъ зенита своей жизни, не повторялъ бы иногда въ душѣ словъ сказанныхъ какимъ то благочестивымъ англичаниномъ, когдъ передъ нимъ вели преступника на висѣлицу: «Если бы не милость Божія, такъ и я шелъ бы такъ то». Какое малое значеніе межетъ имѣть наслѣдственность сравнительно съ окружающими условіями. Вотъ этотъ человѣкъ, говоримъ мы, есть результатъ тысячалѣтняго европейскаго прогресса, а тотъ вотъ тысячалѣтняго китайскаго застоя: однако отправьте какого нибудь младенца въ сердце Китая, и, если исключить личной уголъ и оттѣнокъ волосъ, онъ, не смотря на свою принадлежность къ кавказской расѣ, выростетъ совсѣмъ такимъ же какъ и окружающіе его, будетъ пользоваться тѣмъ же самымъ языкомъ, имѣть тѣ же самыя мысли, и обнаруживать тѣ же самыя вкусы. Пусть бы лэди Виръ-де-Виръ еще съ колыбели попала на мѣсто какого нибудь ребенка въ захолустьѣ, и дала ли бы вамъ кровь сотни графовъ изящную и образованную женщину?

Устранить нужду и страхъ нужды, дать всѣмъ классамъ общества досугъ, благосостояніе и независимость, приличную и приглядную жизнь въ обстановкѣ, благопріятствующей умственному и нравственному развитію, значило бы сдѣлать нѣчто подобное тому, какъ воду направить въ пустыню. Безплодная степь одѣлась бы яркою зеленью, и оголенныя мѣста, надъ которыми какъ будто тяготѣло проклятіе вскорѣ поросли бы тѣнистыми деревьями и огласились пѣніемъ птицъ. Таланты, теперь таящіеся, доблести неподозрѣваемыя, выступили бы наружу, чтобы дѣлать человѣческую жизнь богаче, полнѣе, счастливѣе, благороднѣе. Ибо въ этихъ круглыхъ людяхъ, забитыхъ въ трехъугольныя отверстія, и трехъугольныхъ людяхъ, вдавленныхъ въ круглыя отверстія; въ этихъ людяхъ, растрачивающихъ попусту

свои силы въ погонѣ за богатствомъ; въ этихъ людяхъ, превращенныхъ въ машины на фабрикахъ или приковыванныхъ необходимостью къ верстакамъ и плугамъ; въ этихъ дѣтяхъ, растущихъ въ грязи, въ нуждѣ, въ невѣжествѣ, кроятся способности высочайшаго порядка, таланты наиболѣе блестящіе. И требуется лишь благопріятная обстановка, чтобы они выступили наружу.

Подумайте о томъ, что сдѣлалось бы возможнымъ для общества, когда всѣмъ членамъ его дана бы была такого рода обстановка. Пусть воображеніе дополнитъ картину; ея краски слишкомъ ярки, чтобы словами можно было передать ихъ. Подумайте о нравственномъ возвышеніи, объ умственномъ оживленіи, объ общественной жизни. Подумайте о томъ, какъ тысячею дѣйствій и взаимодѣйствій связываются вмѣстѣ члены каждаго общества, и какъ при теперешнемъ положеніи вещей даже счастливое меньшинство, стоящее на вершинѣ общественной пирамиды, должно страдать, хотя бы бы оно и не знало этого, отъ нужды, отъ невѣжества и отъ нравственной порчи людей, которые образуютъ ея основаніе. Подумайте обо всемъ этомъ, и тогда скажите, точно ли преобразованіе, которое я предлагаю, не будетъ на пользу каждому человѣку, хотя бы даже самому крупному землевладѣльцу? Развѣ онъ не былъ бы болѣе спокоенъ за будущее своихъ дѣтей, оставляя ихъ безъ копѣйки при такомъ положеніи общества, чѣмъ оставляя имъ самое крупное состояніе при теперешнемъ положеніи его? И если бы такое общество гдѣ либо существовало, развѣ онъ не пріобрѣлъ бы доступъ въ него за дешевую цѣну, отдавъ всѣ свои владѣнія?

Я прослѣдилъ теперь до ихъ источника общественную слабость и болѣзни. Я указалъ врачующее средство. Я внимательно изучалъ каждый представлявшійся вопросъ и заботливо предупреждалъ возможныя возраженія. Но проблемы, которыя мы разсматривали, въ высшей степени важныя сами по себѣ, нечувствительно переходятъ въ проблемы еще того болѣе важныя,—въ величайшія проблемы, какихъ только можетъ касаться человѣческій умъ. И я намѣренъ просить читателя, который слѣдовалъ за мною такъ далеко, послѣдовать за мною еще далѣе, въ еще болѣе возвышенную область. При этомъ, однако, я попрошу его сохранить въ памяти, что въ виду малаго мѣста, которое остается въ тѣхъ предѣлахъ, которыми должна ограничиваться моя книга, я не могу во всей полнотѣ разсмотрѣть представляющихся вопросовъ. Я могу лишь набросить нѣкоторыя мысли, надѣясь что они послужатъ читателю какъ бы вѣхами для дальнѣйшихъ размышленій.

КНИГА X.

Законъ человѣческаго прогресса.

ГЛАВА I.

Господствующая теорія человѣческаго прогресса; ея неудовлетворительность.

Если заключенія, которыхъ мы достигли, правильны, то они будутъ совпадать и съ болѣе широкимъ обобщеніемъ.

Обратимся же къ нашему изслѣдованію съ новой точки зрѣнія, посмотримъ съ болѣе высокаго пункта, откуда открывается болѣе обширный горизонтъ. Спросимъ:

Въ чемъ состоитъ законъ человѣческаго прогресса?

На этотъ вопросъ, который явно или скрытно обнимаетъ собой нѣкоторыя изъ наиболѣе возвышенныхъ задачъ, доступныхъ человѣческому разумѣнію, я отнюдь не рѣшился бы отвѣчать, въ особенности въ виду малаго мѣста, которое я могу ему отвести, не будь это необходимо въ виду всего предыдущаго. Тѣмъ не менѣе это вопросъ, который возникаетъ самъ собою. Совмѣстимы или несовмѣстимы съ великимъ закономъ, по которому совершается человѣческое развитіе, тѣ заключенія, къ которымъ мы пришли?

Что же это за законъ? Мы должны сами заняться его изысканіемъ; ибо господствующая философія, хотя открыто и признаетъ существованіе такого закона, тѣмъ не менѣе даетъ о немъ не болѣе отчетливое представленіе, чѣмъ политическая экономія—о причинахъ бѣдности, упорно развивающейся среди растущаго богатства.

Будемъ же, насколько возможно, держаться твердой фактической почвы. Намъ нѣтъ необходимости знать, развился ли постепенно человѣкъ изъ животнаго или нѣтъ. Какъ ни близка связь между вопросами о человѣкѣ въ его теперешнемъ видѣ, и вопросами о его происхожденіи, тѣмъ не менѣе только лишь вопросы перваго рода могутъ проливать свѣтъ на вопросы втораго. Въ мышленіи нельзя идти отъ неизвѣстнаго къ извѣстному. И только лишь по фактамъ доступнымъ наблюденію мы можемъ судить о томъ, что ускользаетъ отъ наблюденія.

Все равно какимъ бы образомъ ни произошелъ человѣкъ, но все, что мы знаемъ о немъ, относится лишь къ теперешнему состоянію человѣка. Преданій или памятниковъ, которые указывали бы на состояніе человѣка низ-

шее, чѣмъ то, въ которомъ находятся теперь дикари, не существуетъ. Не сохранилось даже и слѣдовъ того моста, по которому человѣкъ могъ перейти когда-то страшную бездну, которая въ настоящее время опредѣляетъ его отъ животнаго. А теперь между самымъ низшимъ изъ извѣстныхъ намъ дикарей и самымъ высшимъ животнымъ существуетъ непримиримое различіе,—различіе не просто въ степени, но различіе въ родѣ. Многія изъ душевныхъ особенностей человѣка, изъ его дѣйствій и чувствъ обнаруживаются также и низшими животными; но ни одно животное не выказываетъ и малѣйшихъ признаковъ одного свойства, безъ котораго никто никогда не видалъ человѣка, на какой бы то ни было низкой ступени развитія, того легко узнаваемаго, но почти неопредѣлимаго свойства, которое дѣлаетъ человѣка способнымъ къ улучшеніямъ,—дѣлаетъ его прогрессивнымъ животнымъ.

Бобръ строитъ плотину, птица вьетъ гнѣздо, а пчела выкладываетъ ячейки; но и плотины бобровъ, и гнѣзда птицъ, и ячейки пчелъ строятся всегда на одинъ и тотъ же ладъ, тогда какъ жилище человѣка измѣняется отъ грубой хижины изъ листьевъ и вѣтвей до великолѣпнаго дворца, обставленнаго со всѣми современными удобствами. Собака также можетъ до извѣстнаго предѣла связывать причину со слѣдствіемъ, и ее можно обучить разнымъ штукамъ; но такого рода способности ея ни мало не развились за всѣ вѣка ея совмѣстной жизни съ человѣкомъ, все это время совершенствовавшимся, и собаки цивилизованныхъ народовъ по своему уму и образованію стоятъ не выше собакъ бродячихъ дикарей. Мы не знаемъ ни одного животнаго, которое носило бы одежду, варило бы пищу, приготовляло бы для себя орудія и оружіе, выращивало бы для своего прокормленія другихъ животныхъ, или которое владѣло бы членораздѣльной рѣчью. Но людей, которымъ было бы недоступно всё это, и не видано и не слыхано, — кромѣ какъ въ сказкахъ. Другими словами, всюду, гдѣ только мы знаемъ человѣка, всюду онъ пользуется способностью дополнять то, что даетъ ему природа, тѣмъ, что онъ дѣлаетъ для себя самъ; да въ сущности, человѣкъ такъ слабъ отъ природы, что безъ этой способности онъ едва ли бы могъ въ какой либо части земнаго шара, если только исключить нѣкоторыя мелкія острова Тихаго океана, поддерживать свое существованіе.

Во всѣ времена и всюду обладалъ человѣкъ этой способностью и, насколько мы знаемъ, во всѣ времена и всюду такъ или иначе примѣнялъ ее къ дѣлу. Но онъ примѣнялъ и примѣняетъ ее въ весьма различной степени, что можно видѣть хотя бы изъ огромной разницы между грубымъ челнокомъ и пароходомъ, между бумерангомъ и магазиннымъ ружьемъ, между грубо вырѣзаннымъ изъ дерева идоломъ и дышащимъ мраморомъ греческаго художника, между познаніями дикихъ и современной наукой, между индѣйцемъ и

бѣлымъ переселенцемъ; между готтентотской женщиной и изящной свѣтской дамой.

Различія въ степени примѣненія этой способности не могутъ быть относимы на счетъ различій природнаго дарованія,—народы, въ настоящее время наиболѣе развитые, еще въ историческое время были дикарями, и народы одного и того же племени въ самой широкой мѣрѣ различаются между собой. Различія эти не могутъ быть цѣликомъ относимы и на счетъ различій въ физической обстановкѣ: тамъ, гдѣ была колыбель нашихъ знаній и искусствъ, въ настоящее время обитаютъ полудикія племена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ охотились дикари, въ короткое время выростаютъ обширные города. Всѣ эти различія очевидно связаны съ развитіемъ общества. Выйти за предѣлы, пожалуй, самыхъ зачаточныхъ улучшеній или усовершенствованій человѣкъ можетъ, лишь живя вмѣстѣ съ другими людьми. И потому всѣ улучшенія или усовершенствованія въ добываніи средствъ жизни и въ условіяхъ существованія человѣка мы опредѣляемъ словомъ цивилизація. Люди совершенствуются, цивилизуясь, т. е. научаясь совмѣстной дѣятельности въ обществѣ.

Въ чемъ состоитъ законъ этого совершенствованія? Помощью какого руководящаго начала можемъ мы объяснить различіе ступеней цивилизаціи, которыхъ достигли различныя общества? Въ чемъ заключается самая суть этого поступательнаго движенія цивилизаціи и гдѣ тотъ принципъ, опираясь на который мы могли бы сказать, что такое-то измѣненіе въ общественныхъ обычаяхъ будетъ содѣйствовать этому движенію, а такое-то нѣтъ, и объяснить, почему въ одномъ случаѣ такое-то учрежденіе или условіе ускоряетъ прогрессъ, а въ другомъ тормозитъ?

По этому предмету господствуетъ мнѣніе, что прогрессъ цивилизаціи есть развитіе или эволюція; способности человѣка увеличиваются и качества его улучшаются благодаря дѣйствію факторовъ подобныхъ тѣмъ, на которые ссылаются при объясненіи происхожденія видовъ, т. е. путемъ переживанія способнѣйшаго и путемъ наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ качествъ.

Что цивилизація есть развитіе, что она есть, говоря языкомъ Герберта Спенсера, движеніе отъ неопредѣленной и безсвязной однородности къ опредѣленной и связной разнородности,—въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія; тѣмъ не менѣе сказать это отнюдь еще не значитъ отмѣтить или выставить на видъ причины, которыя ускоряютъ или замедляютъ прогрессъ. Въ какой мѣрѣ обширныя обобщенія Спенсера, стремящіяся объяснить всѣ явленія въ терминахъ матеріи и силы, могутъ, надлежащимъ образомъ понятыя, дать отчетъ обо всѣхъ этихъ причинахъ, я не берусь сказать; но философія развитія въ своемъ научномъ изложеніи или не рѣшила вполнѣ опредѣленно поставленнаго вопроса или являлась только исходнымъ, вѣрнѣе—опорнымъ пунктомъ для мнѣнія, которое расходится съ фактами.

Обычное объясненіе прогресса, на мой взглядъ, очень похоже на то объясненіе причинъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства, котораго обыкновенно придерживаются дѣловые люди. Согласно ихъ теоріи, если только таковая существуетъ, обыкновенно выходитъ, что всякій энергичный и способный человѣкъ можетъ заработать вдоволь денегъ, а различіе между бѣднымъ и богатымъ создаютъ или невѣжество, или лѣнь или мотовство. Такъ и согласно обычному объясненію выходитъ, что различія въ цивилизаціи зависятъ отъ различій въ дарованіи. Цивилизованныя націи это высшія расы и ихъ успѣхи въ цивилизаціи суть слѣдствія ихъ превосходства, совсѣмъ такъ, какъ бывало побѣды англичанъ, въ глазахъ англичанъ, являлись слѣдствіемъ ихъ природнаго превосходства надъ лягушатниками-французами; или какъ народное правленіе, духъ избрѣтенія и болѣе высокій уровень благосостоянія американцевъ признаются или до послѣдняго времени признавались въ средѣ американцевъ слѣдствіемъ большей энергіи и предпріимчивости, вообще свойственной янки.

И вотъ, также какъ политико-экономическія ученія, которыя мы разбирали и опровергали въ началѣ нашего изслѣдованія, оказывались въ гармоніи съ обычнымъ представленіемъ людей, будто рабочую плату уплачиваютъ капиталисты, а конкурренція лишь уменьшаетъ ее; какъ теорія Мальтуса оказывалась въ гармоніи съ существующими предразсудками людей и богатыхъ и бѣдныхъ насчетъ излишка въ народонаселеніи земли; — такъ и теорія прогресса, какъ постепеннаго улучшенія расы, оказалась въ гармоніи съ общераспространеннымъ мнѣніемъ, согласно которому различія въ цивилизаціи опредѣляются различіемъ въ самихъ расахъ. Теорія эта лишь придала связность и научное выраженіе и безъ того уже господствовавшимъ мнѣніямъ. И ея удивительное распространеніе съ того времени, какъ Дарвинъ впервые поразилъ міръ своимъ «Происхожденіемъ видовъ», было не столько завоеваніемъ, сколько ассимиляціей.

Среди людей мысли теперь установился такой взглядъ. Борьба за существованіе, усиливаясь все болѣе и болѣе, побуждаетъ людей все къ новымъ и новымъ трудамъ и изобрѣтеніямъ. Человѣкъ совершенствуется. Его совершенствованіе и способность къ таковому сохраняется путемъ наслѣдственной передачи и захватываетъ все большій и большій кругъ, благодаря тому обстоятельству, что наиболѣе приспособленные и наиболѣе совершенные индивидуумы переживаютъ и вытѣсняютъ другихъ индивидуумовъ, а наиболѣе приспособленныя и совершенныя племена и народы въ борьбѣ общественныхъ группъ переживаютъ другіе племена и народы. Всѣ различія между человѣкомъ и животными и различія въ относительномъ прогрессѣ людей объясняются теперь этой теоріей также увѣренно и почти также

просто, какъ незадолго передъ тѣмъ объяснялись они теоріей спеціальнаго творенія и божественнаго вмѣшательства.

Практическимъ слѣдствіемъ этой теоріи является тотъ исполненный надежды фатализмъ, какимъ пропитана текущая литература *). Выходитъ, что прогрессъ есть результатъ силъ, которыя медленно, неуклонно и безучастно работаютъ на возвышеніе человѣка. Война, рабство, тиранія, суевѣріе, голодъ, моръ, нужда и нищета, эти ужасные спутники современной цивилизаціи, — оказываются обстоятельствами, которыя двигаютъ впередъ человѣчество, выбрасывая болѣе слабые типы, и давая ходъ болѣе сильнымъ; а наслѣдственная передача—тѣмъ факторомъ, который сохраняетъ достигнутые успѣхи и дѣлаетъ ихъ опорой при достиженіи новыхъ. Индивидуумъ оказывается результатомъ перемѣнъ, такимъ образомъ отпечатывавшихся и закрѣплявшихся на длинномъ рядѣ прежде жившихъ индивидуумовъ, а отъ индивидуумовъ получаетъ свою форму и общественная организація, которая изъ нихъ бываетъ составлена. Такъ что теорія эта, какъ говоритъ Гербертъ Спенсеръ **), представляется радикальной въ большей мѣрѣ, чѣмъ можетъ даже вообразить обычный радикализмъ, такъ какъ она указываетъ на измѣненія въ самой природѣ человѣка; но въ то же время представляется и «консервативной въ большей мѣрѣ, чѣмъ можетъ вообразить обычный консерватизмъ», такъ какъ она придаетъ значенье лишь этимъ медленнымъ измѣненіямъ въ человѣческой природѣ. Философы могутъ учить, что такого рода взглядъ не умаляетъ обязанности стремиться къ искорененію злоупотребленій, все равно какъ и богословы, проповѣдуя вѣру въ предопредѣленіе, учили, что каждый обязанъ бороться ради спасенія души; но, при обычномъ пониманіи, въ результатѣ все же получается фатализмъ — «мы будемъ дѣлать, что возможно, а мельницы боговъ будутъ молоть, не заботясь ни о нашемъ содѣйствіи, ни о помѣхѣ». О такого

---

*) Въ полунаучной или популярной формѣ и въ самомъ откровенномъ и, потому, наилучшемъ выраженіи его можно, пожалуй встрѣтить у Уинвуда Рида, писателя замѣчательной живости и силы, въ его «Мученичествѣ человѣка». Книга эта есть въ сущности исторія прогресса или, вѣрнѣе, изслѣдованіе причинъ и хода прогресса и, какъ бы ни цѣнили способность автора къ философскому обобщенію, но его книга все же вполнѣ заслуживаетъ вниманія изъ-за тѣхъ яркихъ картинъ, на которыя то и дѣло наталкиваешься въ ней. Связь между заглавіемъ ея и предметомъ объясняется въ заключеніи: «Я даю всеобщей исторіи странное, но вѣрное названіе—«Мученичество человѣка». Каждое поколѣніе человѣческаго рода претерпѣвало страданія съ тѣмъ, чтобы цѣною этихъ мукъ могло совершенствоваться слѣдующее за нимъ поколѣніе. Наше собственное процвѣтаніе основано на агоніи нашихъ предшественниковъ. А потому, можно ли считать несправедливымъ, что и мы должны страдать ради блага будущихъ поколѣній?»

**) «Изученіе соціологіи»,—заключеніе.

рода взглядахъ я упоминаю только потому, что ими, какъ мнѣ кажется, уясняется нѣсколько та теорія, которая теперь быстро распространяется и становится общимъ достояніемъ, а отнюдь не потому, чтобы съ ними надо было считаться при изслѣдованіи истины. Все же я признаю господствующимъ взглядомъ на цивилизацію тотъ взглядъ, что она есть результатъ силъ, дѣйствующихъ указаннымъ путемъ, которыя медленно измѣняютъ характеръ и улучшаютъ и возвышаютъ силы человѣка; что разница между цивилизованнымъ человѣкомъ и дикаремъ создалась вслѣдствіе долгаго воспитанія расы, которое клало неизгладимый отпечатокъ на душевную организацію человѣка, и что усовершенствованіе людей, возрастая, будетъ вести все къ высшимъ и высшимъ формамъ цивилизаціи. Мы достигли такой точки, что прогрессъ представляется какъ бы присущимъ намъ и мы увѣренно видимъ впереди еще большія успѣхи грядущихъ поколѣній, — нѣкоторыя изъ насъ даже увѣрены, что прогрессъ науки дастъ въ концѣ концовъ людямъ безсмертіе и возможность лично посѣтить не только планеты, но и неподвижныя звѣзды, а напослѣдокъ и самимъ выдѣлывать солнца и планетныя системы *).

Но оставимъ звѣзды въ сторонѣ; эта теорія прогресса, кажущаяся намъ среди прогрессивной цивилизаціи столь естественной, уже и на нашей планетѣ наталкивается на серьезныя противорѣчія, — я говорю о неподвижныхъ, окаменѣвшихъ цивилизаціяхъ. Большая часть современнаго человѣчества и понятія не имѣетъ о прогрессѣ; большая часть современнаго человѣчества видитъ только въ прошломъ время человѣческаго совершенствованія (какъ въ прошломъ видѣли его нѣсколько поколѣній тому назадъ и наши предки). Разницу между дикимъ и цивилизованнымъ человѣкомъ можно, пожалуй, объяснить тѣмъ, что дикарь до сихъ поръ еще слишкомъ несовершенно развился, и прогрессъ его едва замѣтенъ; но какимъ образомъ на основаніи теоріи, что человѣческій прогрессъ есть результатъ повсемѣстныхъ и постоянныхъ силъ, можемъ мы объяснить фактъ существованія цивилизацій, которыя такъ далеко заходили впередъ и затѣмъ останавливались? Вѣдь нельзя же сказать о китайцѣ или индусѣ, какъ говорятъ о дикарѣ, что наше превосходство предъ нимъ есть результатъ продолжительнаго воспитанія расы, мы, молъ, взрослые люди въ природѣ, а они — дѣти. Индусъ и китаецъ были цивилизованными людьми въ то время, когда мы еще были дикарями. У нихъ были большіе города, высоко организованныя и могущественныя правительства, литература, философскія системы, утонченныя нравы, значительное дѣленіе труда, обширная торговля и выработанныя ремесла въ то время, когда наши предки пребывали бродячими варварами, жили въ землянкахъ и кожа-

*) Уинвудъ Ридъ, «Мученичество человѣка».

ныхъ палаткахъ и по своему развитію были не выше американскихъ индѣйцевъ. И всё то время какъ мы прогрессировали отъ этого дикаго состоянія до цивилизаціи девятнадцатаго столѣтія, они оставались на мѣстѣ. Если прогрессъ есть результатъ неизмѣнныхъ законовъ, неизбѣжныхъ и вѣчныхъ, двигающихъ впередъ человѣчество, то какъ же объяснить себѣ этотъ фактъ?

Одинъ изъ наилучшихъ популярныхъ истолкователей теоріи развитія, Вальтеръ Бэджготъ [«Естествознаніе и политика»], признаетъ силу этого возраженія и такимъ образомъ пытается разъяснить дѣло: чтобы цивилизовать человѣка, сначала необходимо приручить его; необходимо побудить его жить въ обществѣ себѣ подобныхъ въ повиновеніи закону; отсюда возникновеніе строя или слоя законовъ и обычаевъ, который все укрѣпляется и увеличивается въ силу естественнаго подбора, вслѣдствіе перевѣса надъ другими племенами народа, объединеннаго такимъ образомъ. Этотъ слой обычаевъ и законовъ въ концѣ концовъ становится настолько плотнымъ и твердымъ, что уже не допускаетъ дальнѣйшаго прогресса, который становится возможнымъ лишь тогда, когда обстоятельства нѣсколько размягчаютъ этотъ «слой» и такимъ образомъ даютъ свободу и подвижность необходимую для улучшеній.

Это объясненіе, которое Бэджготъ предлагаетъ, какъ онъ выражется, съ нѣкоторыми опасеніями, по моему мнѣнію, вноситъ разладъ въ самую теорію. Но мы не имѣемъ надобности распространяться объ этомъ, такъ какъ объясненіе это очевидно, не вяжется фактами.

Наклонность къ затвердѣнію, о которой говоритъ Бэджготъ, проявилась бы уже въ самомъ раннемъ періодѣ развитія, и примѣры ея, приводимые имъ, почти всѣ взяты изъ дикой или полудикой жизни. Тогда какъ эти застывшія цивилизаціи прошли долгій путь, прежде чѣмъ остановиться. Было время, когда онѣ находились уже далеко отъ дикаго состоянія, и все еще оставались пластичными, свободными и прогрессирующими. Эти застывшія цивилизаціи остановились въ то время, когда онѣ были едва ли чѣмъ ниже, а во многихъ отношеніяхъ были выше европейской цивилизаціи, ну такъ, шестнадцатаго, и во всякомъ случаѣ, пятнадцатаго вѣка. А до той поры застоя не было тамъ замѣтно, люди спорили, любили новизну, увлекались умственной дѣятельностью разнаго рода. Тамъ были архитектора, которые конечно посредствомъ цѣлаго ряда нововведеній и улучшеній довели строительное искусство до весьма высокаго состоянія; кораблестроители, которые, безъ сомнѣнія тоже послѣ цѣлаго ряда нововведеній, стали строить примѣрно такіе же суда, какъ военные корабли Генриха VIII; изобрѣтатели, которые немного не добрались до нашихъ самыхъ важныхъ усовершенствованій и отъ которыхъ могли бы поучиться кой чему и мы; тамъ были инженеры, которые строили обширные оросительные и судоходные каналы; тамъ боролись философскія школы и сталкивались религіозныя убѣжденія. Вотъ

въ Индіи хотя бы возникаетъ великая религія, во многихъ отношеніяхъ похожая на христіанскую, вытѣсняетъ прежнюю религію, переходитъ въ Китай, распространяется по этой странѣ, и въ свою очередь вытѣсняется съ своей родины, подобно тому какъ и христіанство было вытѣснено съ своей. Тамъ была дѣятельная жизнь, тамъ были и нововведенія, создававшія прогресъ— уже много спустя послѣ того, какъ люди научились жить вмѣстѣ. Да, кромѣ того, и въ Индію и Китай вливалась новая жизнъ вмѣстѣ съ народами, покорявшими эти страны, народами, имѣвшими иные обычаи и иной складъ мысли.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ цивилизацій самой неподвижной и наиболѣе окоченѣвшей была цивилизація Египта: тамъ даже искусство приняло условную и неизмѣнную форму. Но мы знаемъ, что нѣкогда и тамъ была пора жизни и силы, что нѣкогда и тамъ, какъ теперь у насъ, цивилизація росла и крѣпла, иначе искусства и науки никогда не достигли бы тамъ столь высокой ступени. А недавнія раскопки показали намъ еще болѣе ранній Египетъ, чѣмъ тотъ, о которомъ мы что либо знали; найденные при нихъ статуи и барельефы, не похожіе на неподвижныя и формальныя типы послѣдующаго времени, блещутъ жизнью и выраженіемъ и указываютъ на сильное, страстное, естественное и свободное искусство, несомнѣнный признакъ дѣятельной и кипучей жизни. Такъ должно было быть и со всѣми теперь непрогрессивными цивилизаціями.

Но ни однѣ только эти остановившіяся цивилизаціи не находятъ себѣ объясненія съ точки зрѣнія господствующей теоріи развитія. Мало того, что люди заходили такъ далеко по пути прогресса и затѣмъ останавливались; бывало и такъ, что люди далеко заходили по пути прогресса и шли потомъ назадъ. И это не просто единичный случай, на который натолкнулась бы теорія—это универсальное правило. Каждая цивилизація, которую до сихъ поръ видѣлъ міръ, имѣла свое время могучаго роста, остановки и застоя, склоненія и упадка. Изъ всѣхъ возникавшихъ и процвѣтавшихъ цивилизацій къ нашему времени остались только тѣ, которыя остановились, и наша собственная, которая еще не такъ стара, какъ были стары пирамиды, когда на нихъ смотрѣлъ Авраамъ,—ибо позади пирамидъ было двадцать вѣковъ писаной исторіи.

Что наша цивилизація имѣетъ болѣе широкое основаніе, что она принадлежитъ къ болѣе совершенному типу, что она движется быстрѣе и несется выше, чѣмъ любая изъ предъидущихъ цивилизацій,—все это безъ сомнѣнія вѣрно; но въ этихъ отношеніяхъ она едва ли настолько опередила греко-римскую цивилизацію, насколько та опережала азіатскую; да если бы и такъ, такъ все же ничто не говорило бы въ пользу ея прочности и будущихъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока не было бы доказано, что

цивилизація наша выше своихъ предшественницъ и въ тѣхъ вещахъ, которыя причинили ихъ конечное паденіе. А общепринятая теорія не можетъ дать такого доказательства.

Въ сущности, факты всемірной исторіи отнюдь не объясняются теоріей, по которой цивилизація есть результатъ естественнаго подбора, улучшающаго и возвышающаго силы человѣка. То обстоятельство, что цивилизація возникала въ различныя времена, въ различныхъ мѣстахъ и подвигалась съ различной быстротой,—еще не находится въ противорѣчіи съ теоріей. Его еще можно объяснить различіемъ соотношенія между силой движущей впередъ и силой сопротивленія; но фактъ, что прогрессъ, начинаясь повсюду (ибо полагаютъ, что даже и среди самыхъ отсталыхъ племенъ имѣлъ мѣсто нѣкоторый прогрессъ), тѣмъ не менѣе нигдѣ не былъ непрерывнымъ, а вездѣ приводилъ къ застою или регрессу, этотъ фактъ уже совершенно несовмѣстимъ съ теоріей. Если бы прогрессъ дѣйствовалъ, накопляя улучшенія въ человѣческой природѣ и черезъ это производя дальнѣйшій прогрессъ, то, хоть и можно бы было допустить случайный перерывъ, но было бы общимъ правиломъ постоянство прогресса: одно улучшеніе вело бы къ другому, и цивилизація подымалась бы все выше и выше.

Между тѣмъ, это не только общимъ правиломъ, но міровымъ правиломъ оказывается какъ разъ прямая противоположность этому. Земля представляется могилой не только умершихъ людей, но и умершихъ царствъ. Прогрессъ не подготовлялъ людей къ еще большему прогрессу, и цивилизаціи, бывшія въ свое время столь же сильными и бодрыми, какъ теперь наша, сами собой приходили къ концу. Шагъ за шагомъ падало искусство, утрачивались знанія, слабѣли силы, рѣдѣло населеніе, и отъ народа, который строилъ величественные храмы и обширные города, измѣнялъ направленія рѣкъ и пронизывалъ горы, превращалъ пустыни въ сады и вводилъ крайнюю утонченность во всѣ мелочи жизни, оставалась лишь кучка грязныхъ варваровъ, которые утрачивали даже воспоминаніе о дѣлахъ своихъ предковъ, и въ сохранившихся остаткахъ ихъ величія видѣли работу геніевъ или какого то могущественнаго допотопнаго племени. Это такъ вѣрно, что представляется, когда мы думаемъ о прошедшемъ, какъ бы неумолимымъ закономъ, избавиться отъ котораго у насъ можетъ быть не болѣе надежды, чѣмъ сколько можетъ быть надежды у молодаго человѣка, чувствующаго жизнь во всѣхъ своихъ членахъ, — избѣгнуть разложенія, которое есть общій удѣлъ всѣхъ... «О Римъ, когда нибудь тоже будетъ и съ тобою!» съ грустію произнесъ Сципіонъ на развалинахъ Карѳагена, а нарисованная Маколеемъ картина новозеландца, задумавшагося предъ развалившейся аркой Лондонскаго моста, должна подѣйствовать на воображеніе даже тѣхъ, которые видятъ возникновеніе городовъ въ пустынѣ и содѣйствуютъ основанію новыхъ государствъ.

И недаромъ закладывая какое нибудь публичное зданіе, дѣлаемъ мы углубленіе въ самомъ широкомъ краеугольномъ камнѣ и заботливо задѣлываемъ въ него на память о нашемъ времени разныя вещицы, предвидя время, когда наши постройки будутъ разрушены, а мы будемъ забыты.

Но, скажутъ, не есть ли этотъ попеременный подъемъ и упадокъ цивилизаціи, этотъ обратный ходъ, всегда слѣдующій за движеніемъ впередъ,— ритмическое движеніе въ восходящемъ направленіи? Я не стану рѣшать этого вопроса; но думаю, что утвердительный отвѣтъ гораздо труднѣе обосновать, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ. И отрицательный и положительный отвѣты для насъ безразличны; въ обоихъ случаяхъ общепринятая теорія рушилась бы. Цивилизаціи безслѣдно погибали и съ трудомъ достигнутый прогрессъ терялся для расы навсегда; и если бы даже мы допустили что каждая волна прогресса дѣлала возможной болѣе высокую волну и каждая цивилизація прокладывала путь для другой болѣе высокой цивилизаціи, то все же и тогда теорія, согласно которой цивилизація подвигается впередъ, опираясь на перемѣны, вызванныя въ самой природѣ человѣка. оставалась бы несовмѣстимой съ фактами; такъ какъ во всякомъ случаѣ начало новой пивилизаціи кладетъ не та раса, которая воспитывалась и изъ рода въ родъ измѣнялась старой цивилизаціей, а какая нибудь другая раса, стоявшая на болѣе низкой ступени развитія. Варвары— сначала, становятся потомъ цивилизованными людьми, и въ свою очередь уступаютъ мѣсто новымъ варварамъ. И до сего времени всегда было такъ, что люди подъ сложнымъ вліяніемъ цивилизаціи, хотя сначала и совершенствовались, но затѣмъ выраждались. Современный цивилизованный человѣкъ на много превосходитъ нецивилизованнаго; но въ свое время такое же превосходство было и на сторонѣ цивилизованнаго человѣка любой изъ погибшихъ цивилизацій. И тѣмъ не менѣе всегда наступалъ извѣстный моментъ и обнаруживались порча, разложеніе, разслабленіе цивилизаціи. И въ сущности любая изъ уничтоженныхъ варварами цивилизацій погибала отъ внутренняго растлѣнія.

Признавая этотъ міровой фактъ, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ теорію прогресса чрезъ наслѣдственную передачу. Просматривая всемірную исторію, мы видимъ, что линія наибольшаго прогресса никогда не совпадаетъ на продолжительное время съ линіей наслѣдованія. И каждой отдѣльной линіи наслѣдованія, повидимому, всегда соотвѣтствуетъ упадокъ цивилизаціи, слѣдующій за ея прогрессомъ.

Мы могли бы сказать, что существуютъ различные возрасты національной или расовой жизни, подобно возрастамъ индивидуальной жизни, что каждый общественный аггрегатъ имѣетъ какъ бы опредѣленный запасъ силы, за израсходованіемъ котораго наступаетъ разложеніе. Это старое и широко распространенное представленіе; оно еще крѣпко держится, и ча-

стенько, хоть и случайно встрѣчается въ сочиненіяхъ сторонниковъ философіи развитія. А въ сущности, я не вижу почему бы его нельзя было выразить въ терминахъ матеріи и движенія, и черезъ то прямо подвести подъ общія положенія теоріи развитія. Принявъ индивидуумовъ хотя бы за атомы, мы могли бы опредѣлить ростъ общества какъ «интеграцію матеріи и сопутствующее ей разсѣяніе движенія, при которомъ матерія переходитъ отъ состоянія неопредѣленной, безсвязной однородности къ состоянію опредѣленной, связной разнородности, а задержанное движеніе подвергается параллельному преобразованію» *). Такимъ же образомъ можно бы было провести аналогію между жизнью общества и жизнью солнечной системы, положивъ въ основу гипотезу туманныхъ массъ. Тепло и свѣтъ солнца производятся аггрегаціей атомовъ, развивающихъ движеніе, движеніе это прекращается наконецъ, когда атомы со временемъ приходятъ въ состояніе равновѣсія или покоя; и тогда наступаетъ состояніе неподвижности, могущее снова нарушиться лишь отъ толчка внѣшнихъ силъ, которыя, объединивъ движеніе и разсѣявъ въ формѣ газа матерію, направили бы эволюціонный процессъ на развитіе движенія при конденсаціи матеріи; такъ, могли бы мы сказать, и объединеніе индивидуумовъ въ общество развиваетъ силу, производящую свѣтъ и тепло цивилизаціи; а когда этотъ процессъ объединенія прекращается и индивидуальныя слагающія приходятъ въ состояніе равновѣсія, занявъ постоянныя мѣста, тогда наступаетъ окаменѣніе, и для возобновленія процесса и новаго роста цивилизаціи являются уже необходимыми разрушеніе и разсѣяніе, причиняемыя нашествіемъ варваровъ.

Однако аналогія — одинъ изъ опаснѣйшихъ пріемовъ въ мышленіи. Она можетъ связать подобное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извратить или скрыть истину. Да и всѣ такія аналогіи поверхностны. Такъ какъ члены общества постоянно возобновляются со всею свѣжей энергіей молодости, то и общество не можетъ старѣться, какъ старится человѣкъ съ упадкомъ его силъ. Такъ какъ составная сила общества должна быть суммою силъ ея индивидуальныхъ слагающихъ, то и общество не можетъ терять жизненной силы до тѣхъ поръ, пока не уменьшатся жизненныя силы его составляющихъ.

Тѣмъ не менѣе, и въ обычной аналогіи, когда жизненная сила общества уподобляется индивидуальной жизненной силѣ, и въ той аналогіи, которую строилъ я, въ нихъ обоихъ кроется признаніе одной очевидной истины, той истины, что помѣхи, приводящія наконецъ прогрессъ къ остановкѣ, вызываются теченіемъ прогресса, что причиной, разрушившей всѣ прежнія цивилизаціи, были условія, созданныя ростомъ самой цивилизаціи.

---

*) Опредѣленіе эволюціи Герберта Спенсера, «Основныя начала», p. 396.

Вотъ эту-то истину и игнорируетъ господствующая философія; тѣмъ не менѣе это весьма важная истина. И всякая сколь нибудь устойчивая теорія человѣческаго прогресса должна дать въ ней отчетъ.

ГЛАВА II.

Различія въ цивилизаціи: чѣмъ они обусловливаются.

Приступая къ изысканію закона человѣческаго прогресса первымъ дѣломъ слѣдуетъ опредѣлить сущность и природу тѣхъ различій, которыя мы называемъ различіями въ цивилизаціи.

Мы уже видѣли, что господствующая философія, приписывая общественный прогрессъ перемѣнамъ въ природѣ человѣка, расходится съ историческими фактами. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы можемъ также замѣтить, что различія между обществами, стоящими на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, не могутъ быть приписываемы врожденнымъ различіямъ индивидуумовъ, составляющихъ эти общества. Что существуютъ природныя различія, — это вѣрно; что существуетъ и наслѣдственная передача особенностей, также внѣ сомнѣнія, вѣрно; но однако нельзя, опираясь на нихъ, объяснить громадныя различія между человѣкомъ при различныхъ состояніяхъ общества. Вліяніе наслѣдственности, которое теперь въ модѣ оцѣнивать такъ высоко, ничто сравнительно съ тѣми вліяніями, которыя формуютъ человѣка ужъ послѣ его появленія на свѣтъ. Что напримѣръ обращается въ привычку болѣе, чѣмъ языкъ, который становится не просто автоматичной работой мускуловъ, но и посредникомъ мысли? Что долѣе держится и быстрѣе выказываетъ національность? И однако мы не рождаемся съ предрасположеніемъ къ какому либо языку. Нашъ родной языкъ только потому нашъ родной языкъ, что мы научились ему въ дѣтствѣ. И ребенокъ, не смотря на то, что предки его думали и говорили на какомъ либо языкѣ безсчетное число поколѣній, можетъ съ равной легкостью научиться всякому другому языку, если съ самаго начала не будетъ слышать инаго. Тоже и другія національныя, мѣстныя или классовыя особенности. Онѣ видимо являются результатомъ воспитанія или привычки, а вовсе не наслѣдственной передачи. Это доказываютъ хотя бы случаи бѣлыхъ дѣтей, захваченныхъ въ дѣтствѣ индѣйцами и воспитанныхъ въ ихъ хижинахъ. Они совершенно становились индѣйцами. Подобное же, я полагаю, бываетъ и съ дѣтьми, воспитанными цыганами.

Что это замѣчаніе не въ такой мѣрѣ оправдывается на дѣтяхъ индѣйцевъ

или другого какого либо рѣзко отличающагося племени, воспитанныхъ бѣлыми, это, я полагаю, зависитъ отъ того обстоятельства, что съ ними никогда не обращаются совершенно одинаково съ ихъ бѣлыми товарищами. Мой знакомый, одно время преподававшій въ негритянгской школѣ, какъ то говорилъ мнѣ, что по его мнѣнію дѣти негровъ лѣтъ до десяти или двѣнадцати бывали развитѣе и охотнѣй учились, чѣмъ дѣти бѣлыхъ, но потомъ становились глупыми и нерадивыми. Онъ принималъ это за доказательство врожденной неспособности расы, и я въ то время раздѣлялъ съ нимъ его мнѣніе. Но позднѣе мнѣ пришлось слышать замѣчаніе одного высокообразованнаго господина (епископа Хиллери), негра, которое, въ моихъ глазахъ дало болѣе удовлетворительное объясненіе указанному факту. «Наши дѣти, говорилъ онъ пока они еще малы, бываютъ такъ же живы, какъ и дѣти бѣлыхъ, и учатся такъ же охотно; но когда они подростаютъ настолько, что начинаютъ оцѣнивать свое положеніе и замѣчать, что на нихъ смотрятъ, какъ на людей низшей расы, что для нихъ не можетъ быть надежды на что либо большее, какъ сдѣлаться поварами, лакеями или кѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, тогда они теряютъ самолюбіе и становятся вялыми». Къ этому онъ могъ бы прибавить, что на нихъ, какъ дѣтей бѣдныхъ, необразованныхъ и невзыскательныхъ родителей, и домашняя обстановка вліяетъ неблагопріятно. Ибо, мнѣ кажется, это общеизвѣстный фактъ, что на первыхъ ступеняхъ образованія, дѣти необразованныхъ родителей бываютъ совершенно такъ же воспріимчивы, какъ и дѣти образованныхъ, но затѣмъ послѣднія, какъ общее правило, болѣе выдаются впередъ и становятся болѣе образованными людьми. Очевидна и причина этого явленія..Относительно тѣхъ первыхъ простыхъ вещей, которымъ дѣти учатся только въ школѣ, они находятся въ одинаковомъ положеніи; но чуть школьныя занятія становятся болѣе сложными, и у тѣхъ дѣтей, которыя у себя дома выражаются правильнымъ языкомъ, слышатъ умные разговоры, имѣютъ доступъ къ книгамъ, и получаютъ объясненія на интересующіе ихъ вопросы, и пр., — оказываются уже значительныя преимущества. Тоже самое можно замѣтить и у взрослыхъ людей. Возьмите человѣка собственными силами выдвинувшагося изъ ряда обыкновенныхъ рабочихъ; лишь только онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ людьми образованными и дѣловыми, какъ и самъ дѣлается болѣе развитымъ и ловкимъ. Возьмите двухъ братьевъ, сыновей бѣдныхъ родителей, воспитанныхъ совершенно одинаково въ одной и той же семьѣ. Одинъ изъ нихъ занятъ, положимъ какимъ нибудь грубымъ промысломъ и не можетъ подняться выше необходимости зарабатывать себѣ дневное пропитаніе тяжелымъ трудомъ; другой, начавъ съ побѣгушекъ, идетъ инымъ путемъ и наконецъ дѣлается извѣстнымъ адвокатомъ, купцомъ или политическимъ дѣятелемъ. Къ сорока или пятидесяти годамъ разница между ними станетъ поразительной, и неразмышляющій человѣкъ скажетъ, что это большая врожденная даровитость втораго,

дала ему возможность такъ выдвинуться впередъ. Столь же поразительное различіе въ манерахъ и развитіи обнаружится и между двумя сестрами, изъ которыхъ одна вышла, скажемъ, замужъ за человѣка, живущаго въ бѣдности, проводитъ жизнь, исполненную мелкихъ заботъ и лишеній, а другая вышла замужъ за болѣе счастливаго человѣка, который поднявшись, ввелъ ее въ образованное общество и далъ ей возможность развить свой вкусъ и расширить кругозоръ. Можно было бы привести подобные же примѣры и ухудшающаго вліянія среды. Извѣстная сентенція: «дурное знакомство портитъ хорошія манеры» есть только лишь одно изъ выраженій того общаго правила, что условія жизни и все окружающее глубоко измѣняетъ характеръ человѣка.

Мнѣ припоминается такой случай. Въ одной бразильской гавани вижу я негра, одѣтаго съ очевидной претензіей на самую залихватскую моду, но щеголяющаго безъ башмаковъ и безъ чулокъ. Одинъ изъ моряковъ, принимавшій нѣкоторое участіе въ торговлѣ неграми, бесѣдуя со мной, сильно настаивалъ на теоріи, что негръ не человѣкъ, а обезьяна, вотъ онъ и указалъ на этого негра, какъ на очевидное доказательство любезной ему истины, замѣтивъ, что негру несвойственно носить башмаки и что въ своемъ дикомъ состояніи онъ вовсе обходился бы безъ платья. Послѣ я узналъ, что въ Бразиліи было не «принято», чтобы рабы носили башмаки, какъ теперь въ Англіи не «принято», чтобы безукоризненно одѣтые слуги носили цѣнныя украшенія (потомъ мнѣ случалось видать и бѣлыхъ людей, во власти которыхъ было одѣться согласно своему вкусу, но которые однако имѣли не менѣе несообразный видъ, чѣмъ тотъ бразильскій рабъ). Въ сущности и большая часть фактовъ, приводимыхъ какъ доказательство наслѣдственной передачи, имѣетъ такое же значеніе, какъ и фактъ, указанный нашимъ корабельнымъ послѣдователемъ Дарвина.

Было показано, напримѣръ, что у значительнаго числа преступниковъ и лицъ, прибѣгающихъ къ общественной благотворительности въ Нью Іоркѣ, имѣется три или четыре поколѣнія предковъ, входившихъ въ составъ пауперовъ, и на это обстоятельство часто ссылаются, какъ на примѣръ наслѣдственной передачи. Однако въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего подобнаго, и для этого факта существуетъ болѣе подходящее объясненіе. Бѣдняки выростятъ бѣдняковъ, даже если бы дѣти были не родныя имъ, также какъ постоянное соприкосновеніе съ преступниками сдѣлаетъ преступниками и дѣтей честныхъ родителей. Привыкнуть жить на счетъ благотворительности значитъ по необходимости потерять самоуваженіе и независимость, необходимыя для самозащиты въ тяжелой борьбѣ. Это настолько справедливо, что, какъ хорошо извѣстно, благотворительность въ результатѣ увеличиваетъ спросъ на благотворительность, и остается открытымъ вопросомъ, не приносятъ ли такимъ путемъ общественная помощь и частная милостыня болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Тоже можно сказать и относительно наклонности дѣтей выказывать чувства, вкусы, предразсудки или таланты. своихъ родителей. Они всасываютъ ихъ совершенно такъ, какъ они усвоиваютъ привычки своихъ близкихъ товарищей. И тѣ исключенія, гдѣ пробуждается непріязнь и отвращеніе къ такимъ привычкамъ, только подтверждаютъ правило.

Кромѣ этого вліянія среды, мнѣ кажется, существуетъ еще одно болѣе тонкое вліяніе, которымъ часто объясняются черты характера принимаемыя за наслѣдственныя,—то вліяніе, которое вызываетъ желаніе сдѣлаться морскимъ разбойникомъ у мальчика, читающаго романы съ необычайными приключеніями. Я зналъ нѣкогда одного господина, въ жилахъ котораго текла кровь индѣйскихъ начальниковъ. Онъ нерѣдко разсказывалъ мнѣ преданія, слышанныя имъ отъ его дѣда, въ которыхъ обыкновенно обнаруживались особенности индѣйскаго характера, столь-мало понятныя бѣлымъ: сильная, и упорная жажда крови у преслѣдователя и твердость духа у погибающаго на кострѣ. Въ виду той страстности, съ какой онъ выражался, я не сомнѣваюсь, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ, высокообразованный, цивилизованный человѣкъ, выказалъ бы такія черты характера, которыя приписали бы его индѣйской крови, но которыя на самомъ дѣлѣ достаточно объяснялись бы тѣмъ обстоятельствомъ, что его воображеніе слишкомъ долго останавливалось на подвигахъ его прадѣдовъ *).

Въ каждой крупной странѣ, между различными классами и группами ея населенія, мы можемъ замѣтить различія того же рода, какъ различія между странами, о которыхъ мы говоримъ какъ о различныхъ по цивилизаціи, — различія въ знаніи, вѣрѣ, обычаяхъ, вкусахъ и рѣчи, различія среди одного и того же племени, живущаго въ одной и той же странѣ почти столь же значительныя въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ, какъ и различія между цивилизованнымъ населеніемъ и дикарями. Какъ всѣ стадіи общественнаго развитія, начиная съ каменнаго вѣка, можно еще встрѣтить въ различныхъ странахъ, существующихъ въ настоящее время, такъ и въ одной и той же странѣ, въ одномъ и томъ же городѣ можно встрѣтить, бокъ о бокъ, группы людей столь же далекія одна отъ другой по своему развитію. Въ такихъ странахъ, какъ Англія или Германія, дѣти одного и того же племени, рожденныя и воспитанныя въ одномъ и томъ же мѣстѣ, выростаютъ, говоря различно на своемъ языкѣ, придерживаясь различныхъ вѣрованій, слѣдуя различнымъ привычкамъ и выказывая различные вкусы;

---

*) Водсвортъ въ своей «Пѣсни на пиру въ Бругамскомъ замкѣ» въ высокопоэтической формѣ рисуетъ это вліяніе: «Заржавленныя латы, висящія въ залахъ, волнуютъ кровь Клиффорда. «Уничтожь шотландцевъ», вопіетъ копье, «Неси меня въ самое сердце Франціи», умоляетъ щитъ».

и даже въ такой странѣ, какъ Соединенные Штаты, между различными слоями и группами общества еще можно встрѣтить различія въ томъ же родѣ, хотя и не въ той же степени.

И эти различія, конечно, не врожденны. Ребенокъ не родится методистомъ или католикомъ, съ простонароднымъ или утонченнымъ произношеніемъ. Всѣ эти особенности, отличающія различные слои или группы общества, усвоиваются входящими въ ихъ составъ индивидуумами лишь благодаря ихъ пребыванію въ этихъ группахъ или слояхъ.

Янычары составлялись изъ молодыхъ людей, въ раннемъ возрастѣ оторванныхъ отъ ихъ христіанскихъ родителей; тѣмъ не менѣе они становились фанатичными мусульманами и обладали всѣми особенностями турецкаго характера; іезуиты и другіе монашескіе ордена обнаруживаютъ характерныя особенности, но эти особенности, конечно, удерживаются не путемъ наслѣдственной передачи; даже ассоціаціи такого рода, какъ школы или полки, въ которыхъ составляющія ихъ единицы остаются лишь короткое время и постоянно мѣняются, проявляютъ характеристичныя особенности, которыя являются результатомъ душевныхъ впечатлѣній, сохраняемыхъ ассоціаціей.

Всѣ эти преданія, вѣрованія, обычаи, законы, привычки и ассоціаціи, возникающіе въ каждомъ обществѣ и окружающіе каждаго индивидуума, вся эта «надорганическая среда», какъ ихъ называетъ Гербертъ Спенсеръ, вотъ что, по моему мнѣнію, составляетъ великій элементъ, опредѣляющій національный характеръ. Вотъ что скорѣе, чѣмъ наслѣдственная передача, дѣлаетъ англичанина отличнымъ отъ француза, нѣмца отъ италіанца, американца отъ китайца и цивилизованнаго человѣка отъ дикаря. И вотъ благодаря чему удерживаются, развиваются и измѣняются національныя черты характера.

Наслѣдственная передача въ извѣстныхъ предѣлахъ (а, пожалуй, сама по себѣ и безпредѣльно) можетъ развивать или измѣнять разнаго рода качества, но это вѣрно гораздо болѣе относительно физической природы человѣка, чѣмъ относительно его духовной природы, и вѣрно гораздо болѣе относительно животныхъ, чѣмъ даже относительно физической природы человѣка. Опыты надъ разведеніемъ голубей и скота не позволяютъ еще дѣлать никакихъ выводовъ по отношенію къ человѣку, и ясно почему. Жизнь человѣка, даже въ его самомъ грубомъ состояніи, является безконечно болѣе сложной. Онъ постоянно находится подъ дѣйствіемъ безконечно большаго числа вліяній, среди которыхъ относительное вліяніе наслѣдственности все уменьшается и уменьшается. Порода людей не большей душевной дѣятельностью, чѣмъ животныя,—людей, которые только бы ѣли, пили, спали и размножались, безъ сомнѣнія могла бы быть доведена, съ теченіемъ времени, помощью заботливаго ухода и подбора при размноженіи, до того, что

стала бы обнаруживать столь же значительныя различія во внѣшнемъ видѣ и характерѣ, какъ тѣ различія, которыя вызваны бы были подобными же средствами въ домашнихъ животныхъ. Но такихъ людей не существуетъ; а у людей такихъ, каковы они есть, душевныя вліянія, дѣйствуя на тѣло, постоянно прерывали бы процессъ. Вы не можете откармливать человѣка душевно-здороваго, заключивъ его въ клѣтку и подавая ему пищу, какъ вы откармливали бы свинью. Люди существовали на землѣ по всей вѣроятности болѣе долгое время, чѣмъ многіе виды животныхъ. Раздѣленные между собой, они жили при такихъ различіяхъ въ климатѣ, которыя вызывали самыя рѣзкія различія въ животныхъ; и однако физическое различіе между различными племенами людей едва ли больше различія между бѣлыми лошадьми и черными,—и, во всякомъ случаѣ не больше различія между собаками одного и того же подвида, хотя бы между разновидностями таксы или сеттера. И даже эти физическія различія между племенами, какъ утверждаютъ лица, объясняющія ихъ естественнымъ подборомъ и наслѣдственной передачей, возникли въ то время, когда человѣкъ стоялъ еще гораздо ближе къ животному, то-есть, когда онъ былъ еще въ меньшей мѣрѣ духовнымъ существомъ.

И если это вѣрно относительно физической природы человѣка, насколько болѣе это вѣрно относительно его духовной природы? Всѣ части нашей физической природы мы приносимъ съ собой въ міръ; духъ же развивается лишь потомъ.

Въ развитіи каждаго организма существуетъ такая стадія, когда еще нельзя бываетъ сказать, иначе какъ по окружающей обстановкѣ, чѣмъ будетъ развившееся животное, рыбой или пресмыкающимся, обезьяной или человѣкомъ. Такъ и новорожденный ребенокъ; будутъ ли душевныя способности его, развиваясь и усиливаясь, душевными особенностями англичанина или нѣмца, американца или китайца, особенностями цивилизованнаго человѣка или дикаря,—цѣликомъ будетъ опредѣляться той общественной средой, которой онъ будетъ окруженъ.

Возьмите нѣсколько человѣкъ дѣтей, рожденныхъ отъ наиболѣе цивилизованныхъ родителей, и отправьте ихъ въ какую нибудь необитаемую страну. Предположите, что какимъ нибудь чудомъ они дожили бы тамъ до того возраста, когда люди уже сами заботятся о себѣ;—скажите, что представляли бы они изъ себя? Да болѣе безпомощныхъ дикарей, чѣмъ тѣ, которыхъ мы знаемъ. Имъ предстояло бы открыть огонь, изобрѣсти самыя грубыя орудія и оружіе, создать языкъ. Короче, имъ пришлось бы, спотыкаясь на каждомъ шагу, какъ ребенокъ, который учится ходить, добираться до тѣхъ наипростѣйшихъ знаній, которыми уже обладаютъ теперь самыя низшія племена. Что они современемъ добрались бы до всего этого, въ этомъ

я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо способность выполнить все это присуща человѣческому духу, все равно какъ способность ходить присуща человѣческому тѣлу; но я не могу вѣрить, чтобы они сдѣлали все это сколь нибудь лучше или хуже, медленнѣе или быстрѣе, чѣмъ дѣти нецивилизованныхъ родителей, поставленныя въ тѣ же условія. Допустите, что человѣческій родъ надѣленъ бы былъ самыми высшими способностями, какими когда либо обладали исключительныя личности, и подумайте, что съ нимъ сталось бы, если бы одно поколѣніе было отдѣлено отъ другаго нѣкоторымъ промежуткомъ времени, какъ саранча, являющаяся черезъ семьнадцать лѣтъ? Одинъ такой промежутокъ довелъ бы человѣческій родъ не просто до дикаго состоянія, но до такого состоянія, сравнительно съ которымъ и дикое состояніе, какимъ мы его знаемъ, показалось бы цивилизаціей.

И наоборотъ, предположимъ, что нѣсколько дѣтей какого либо дикаго племени, удалось бы подмѣнить, невѣдомо для ихъ матерей (обстоятельство необходимое, чтобы сдѣлать опытъ сколь нибудь убѣдительнымъ), дѣтьми цивилизованныхъ родителей, можемъ ли мы допустить, чтобы эти послѣднія, выростая, стали выказывать какія либо особенности? Я думаю, ни одинъ человѣкъ, много бывавшій среди различныхъ народовъ и классовъ общества, не сталъ бы утверждать этого. А отсюда слѣдуетъ тотъ великій урокъ, что «человѣческая природа на всей землѣ остается человѣческой природой». Тому же можно научиться также и изъ книгъ. Я говорю не объ отчетахъ путешественниковъ, ибо очерки быта дикарей, дѣлаемые цивилизованными людьми, пишущими книги, бываютъ обыкновенно очень похожи на описанія нашей жизни, которыя сдѣлали бы дикари, если бы они ѣздили къ намъ на короткое время и писали потомъ книги; но главнымъ образомъ о тѣхъ памятникахъ жизни и мысли другихъ временъ и другихъ народовъ, которые, будучи выражены на нашемъ современномъ языкѣ, являются какъ бы проявленіемъ нашей собственной жизни и проблесками нашей собственной мысли. Чувство, какое они внушаютъ, есть сознаніе близкаго сходства людей во всемъ существенномъ. «Въ концѣ всякаго изслѣдованія по исторіи или искусству, говоритъ Эммануилъ Дейчъ, всегда приходишь къ такому заключенію: *И они были тѣмъ же, что и мы*».

Есть народъ, разсѣянный по всѣму свѣту, на которомъ прекрасно можно прослѣдить, какія особенности зависятъ отъ наслѣдственной передачи и какія передаются при посредствѣ общества, я говорю объ евреяхъ. Евреи сохраняли чистоту своей крови съ большей щепетильностью и втеченіе болѣе долгаго времени, чѣмъ какой либо изъ Европейскихъ народовъ, и тѣмъ не менѣе, единственной характеристичной чертой ихъ, которая являлась бы слѣдствіемъ этого обстоятельства, мнѣ думается можно считать лишь осо-

бенность ихъ физіономіи, да и она въ сущности гораздо менѣе выдѣляется, чѣмъ обыкновенно думаютъ, въ чемъ можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ лично наблюдать. Но хотя евреи и вступали въ бракъ всегда только лишь съ лицами своей національности, они однако всюду измѣнялись подъ вліяніемъ окружающей обстановки, и англійскіе, русскіе, польскіе, нѣмецкіе и восточные евреи различаются между собой во многихъ отношеніяхъ столь же значительно, какъ и другіе народы тѣхъ странъ. Безспорно между евреями есть и много общаго, и они всюду сохранили свою индивидуальность. Но не трудно замѣтить причину этого. Она кроется въ іудейской религіи, и конечно религія передается не чрезъ наслѣдственность, а при посредствѣ общества. Именно благодаря своей религіи еврейскій народъ повсюду сохранялъ свои отличительныя черты. Его религія, которую дѣти наслѣдуютъ не такъ, какъ они наслѣдуютъ свои физическія особенности, но лишь путемъ обученія и чрезъ общество, не только исключительна по своимъ постановленіямъ, но даже оказываетъ на ея адептовъ чисто внѣшнее давленіе, порождая подозрѣніе и отвращеніе, которое даже болѣе, чѣмъ ея постановленія, дѣлало повсюду изъ евреевъ государство въ государствѣ. Религіей создалась и поддерживалась нѣкоторая своеобразная среда, а она-то и клала свой отпечатокъ. Браки евреевъ исключительно въ средѣ своей національности можно разсматривать скорѣе, какъ слѣдствіе, а не какъ причину. И чего не могло сдѣлать преслѣдованіе, доходившее до того, что отрывали еврейскихъ дѣтей отъ родителей и воспитывали внѣ этой своеобразной среды, то сдѣлается само собой при менѣе страстномъ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ, что уже можно наблюдать въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ почти совсѣмъ сглаживается различіе между евреями и лицами другихъ вѣроисповѣданій.

И именно вліяніемъ общественной среды такого рода объясняется, по моему мнѣнію то обстоятельство, которое такъ часто принимаютъ за доказательство существованія расовыхъ особенностей,—та трудность, съ какою менѣе цивилизованныя расы усвоиваютъ болѣе высокую цивилизацію, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ даже вымираютъ подъ ея вліяніемъ. Пока еще держится извѣстная общественная среда, для лицъ, входящихъ въ ея составъ, переходъ къ иной средѣ бываетъ дѣломъ труднымъ или невозможнымъ.

Китайскій характеръ постояненъ, какъ только можетъ быть постояненъ характеръ какого либо народа. Однако китаецъ въ Калифорніи научается американскимъ пріемамъ работы, торговли, употребленію машинъ и т. под., съ легкостью, которая доказываетъ, что у нихъ нѣтъ недостатка ни въ гибкости, ни въ природномъ дарованіи. И если они не измѣняются въ другихъ отношеніяхъ, то только потому, что ихъ китайская среда все же еще держится и тамъ все еще окружаетъ ихъ. Пріѣзжая изъ Китая, они

всегда имѣютъ въ виду возвратиться въ Китай и во время своего пребыванія здѣсь (въ Соед. Шт.) образуютъ свой собственный маленькій Китай, все равно какъ англичане въ Индіи образуютъ тамъ маленькую Англію. Уже въ силу естественнаго влеченія люди ищутъ общества тѣхъ, которые раздѣляютъ ихъ особенности, и благодаря этому сохраняется языкъ, религія и обычаи всюду, гдѣ только люди не совершенно разобщены, а тутъ еще является внѣшнее давленіе, создаваемое особенностями людей той или иной національности, которое еще того сильнѣе побуждаетъ ихъ искать общества себѣ подобныхъ.

Этими простыми принципами вполнѣ объясняются всѣ тѣ явленія, какія наблюдаются при встрѣчѣ какой либо культуры съ другою культурою или иной ступенью той-же культуры, помимо всякаго обращенія къ теоріи прирожденныхъ различій. Такъ напримѣръ, сравнительная филологія доказала, что индусъ одного племени съ его англійскимъ завоевателемъ, а примѣры отдѣльныхъ личностей то и дѣло показываютъ, что, если бы можно было помѣстить индусовъ вполнѣ и исключительно въ англійскую среду, а это, какъ было ранѣе указано, могло бы быть сдѣлано какъ слѣдуетъ, только помѣстивъ дѣтей въ англійскія семьи, да такъ, чтобы ни эти дѣти, выростая, ни окружающіе ихъ, не знали объ ихъ чужеземномъ происхожденіи, — такъ потребовалось бы только одно поколѣніе, чтобы вполнѣ насадить среди нихъ европейскую цивилизацію. Однако на дѣлѣ прогрессъ англійскихъ понятій и обычаевъ въ Индіи долженъ быть по необходимости весьма медленнымъ, такъ какъ они встрѣчаютъ тамъ понятія и обычаи, которые упорно сохраняются среди многочисленнаго населенія, обнимая всѣ случаи его жизни.

Г. Бэджготъ («Естествознаніе и Политика») старается объяснить причину того, что нецивилизованныя племена исчезаютъ передъ нашей цивилизаціей, хотя передъ цивилизаціей древнихъ они не исчезали, исходя изъ предположенія, что прогрессъ цивилизаціи выработалъ въ насъ болѣе гибкую физическую организацію. Отмѣтивъ тотъ фактъ, что ни у одного классическаго писателя не встрѣчается указаній на вымираніе варваровъ, но что варвары, видимо, повсюду выдерживали соприкосновеніе съ римлянами, а римляне соединялись съ варварами, онъ разсуждаетъ такимъ образомъ (стр. 47—8).

«Дикари въ началѣ христіанской эры были тѣмъ же, чѣмъ они были и въ восемьнадцатомъ столѣтіи; и изъ того, что они выдерживали соприкосновеніе съ древнимъ цивилизованнымъ человѣкомъ и не выдерживаютъ соприкосновенія съ нами, мы вправѣ заключить, что наша раса гибче древнихъ расъ; что намъ приходится переносить и мы переносимъ болѣе тяжкія болѣзни, чѣмъ тѣ, которыя выносили древніе. Мы можемъ, пожалуй, пользо-

ваться неизмѣняющимся дикаремъ, какъ мѣриломъ для опредѣленія крѣпости организаціи тѣхъ расъ, въ соприкосновеніе съ которыми онъ приходитъ».

Г. Бэджготъ не пытается объяснить, почему это восемьнадцать вѣковъ тому назадъ цивилизація не давала такого относительнаго преимущества надъ варварствомъ, какое она даетъ теперь. Однако было бы безполезно толковать объ этомъ, какъ безполезно было бы толковать и объ недостаткѣ доказательствъ того, чтобы человѣческая организація сколь нибудь улучшалась. Всякій, кто видалъ какъ дѣйствуетъ на низшія расы соприкосновеніе съ нашей цивилизаціей, остановится на болѣе простомъ, хотя и на менѣе лестномъ для насъ объясненіи.

Не потому, чтобы наша организація была отъ природы болѣе гибкой, чѣмъ организація дикаря, болѣзни, которыя для насъ сравнительно безвредны, бываютъ безусловно смертельны для него; но потому, что мы знаемъ какъ надо обращаться съ этими болѣзнями и имѣемъ средства для борьбы съ ними, тогда какъ дикарь лишенъ и знанія и средствъ. Тѣ самыя болѣзни, которыми заражаютъ дикаря подонки цивилизаціи, плывущія впереди ея, оказались бы столь же опустошительными и среди цивилизованныхъ людей, если бы они не знали ничего лучшаго, какъ предоставлять этимъ болѣзнямъ течь своимъ порядкомъ, какъ это дѣлаетъ дикарь въ своемъ невѣжествѣ; да на самомъ дѣлѣ болѣзни эти и были столь же опустошительны, пока мы не узнали какъ надо обращаться съ ними. Но этого мало; цивилизація, проникая въ дикія страны, обыкновенно только ослабляетъ силы дикаря, но отнюдь не ставитъ его въ тѣ условія, которыя даютъ силу цивилизованному человѣку. Въ то время какъ дикарь еще стремится сохранить свои привычки и обычаи и, поскольку это возможно, дѣйствительно ихъ сохраняетъ, условія, къ которымъ эти обычаи и привычки были приспособлены, могущественно измѣняются. Онъ оказывается охотникомъ въ странѣ, лишенной дичи; воиномъ, лишеннымъ оружія и принужденнымъ путаться въ судейскихъ формальностяхъ. И онъ не только отстаетъ отъ одного берега и не пристаетъ къ другому въ отношеніи культуры, какъ выразился г. Бэджготъ о смѣшанныхъ потомкахъ европейцевъ въ Индіи, но отстаетъ отъ одного берега и не пристаетъ къ другому и въ отношеніи нравственности, и научается порокамъ цивизованныхъ людей, не усваивая ихъ добродѣтелей. Онъ утрачиваетъ свои привычныя средства существованія, теряетъ самоуваженіе, теряетъ нравственность; онъ падаетъ и вымираетъ. Тѣ несчастныя созданія, которыхъ можно видѣть скитающимися близъ пограничныхъ городовъ и желѣзнодорожныхъ станцій, готовыя нищенствовать, воровать и промышлять еще того болѣе подлымъ ремесломъ, еще не суть дѣйствительные представители индѣйцевъ, какими они были до того времени, какъ бѣлые захватили земли, на которыхъ они охотились. Они утратили уже

силу и добродѣтели своего прежняго состоянія, не пріобрѣтя силы и добродѣтелей свойственныхъ болѣе высокой культурѣ. Да въ сущности цивилизація, которая устремляется на краснокожихъ, и не выказываетъ никакихъ добродѣтелей. Для пограничнаго англо-сакса, какъ общее правило, туземцы не имѣютъ правъ, которыя долженъ бы былъ уважать бѣлый. Ихъ разоряютъ, преслѣдуютъ, обманываютъ. Они вымираютъ, какъ при подобныхъ обстоятельствахъ вымирали бы и мы. Они исчезаютъ предъ цивилизаціей, также какъ исчезали романизированные бритты предъ варварствомъ саксовъ.

Истинная причина того, что ни у одного классическаго писателя не встрѣчается жалобъ на вымираніе варваровъ, истинная причина того, что римская цивилизація усвоивала вмѣсто того, чтобы истреблять, заключается, по моему мнѣнію, не только въ томъ обстоятельствѣ, что древняя цивилизація была гораздо болѣе доступна варварамъ, которыхъ встрѣчала, но также и въ томъ болѣе важномъ обстоятельствѣ, что она и распространяласъ иначе, чѣмъ наша. Она подвигалась впередъ не надвигающейся линіей колонистовъ, а путемъ завоеванія, которое только подчиняло новую провинцію общей власти, оставляя общественную и вообще политическую организацію народа неизмѣнною въ сколь нибудь значительной степени, и процессъ ассимиляціи совершался своимъ порядкомъ, нигдѣ не вызывая никакихъ разрушеній или потрясеній. Кажется нѣсколько подобнымъ путемъ цивилизація Японіи воспринимаетъ теперь основные элементы европейской цивилизаціи.

Въ Америкѣ англо-саксы истребляли индѣйцевъ, вмѣсто того чтобы цивилизовать ихъ, просто потому, что они не вводили индѣйцевъ въ свою среду, и соприкосновеніе совершалось такимъ образомъ, что не вызывало и не допускало въ привычныхъ индѣйскихъ понятіяхъ и обычаяхъ перемѣнъ достаточно быстрыхъ для того, чтобы дикари могли освоиться съ тѣми новыми условіями, въ которыя они были поставлены близостью новыхъ и могущественныхъ сосѣдей. Что не существуетъ врожденной помѣхи къ принятію этими нецивилизованными расами нашей цивилизаціи — это неоднократно обнаруживалось въ отдѣльныхъ случаяхъ. Это было доказано въ достаточной мѣрѣ и опытами іезуитовъ въ Парагваѣ, францисканцевъ въ Калифорніи и протестантскихъ миссіонеровъ на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана.

Допущеніе какого либо физическаго усовершенствованія расы за то время, о какомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, крайне произвольно, а за то время, о какомъ говоритъ Г. Бэджготъ, и вовсе несостоятельно. По классическимъ статуямъ, по тяжестямъ, которыя переносили древніе воины, и переходамъ, которые они совершали, по преданіямъ о состязаніяхъ въ бѣгѣ, о подвигахъ гимнастовъ мы знаемъ, что за двѣ тысячи лѣтъ люди нашей расы не измѣнились ни въ ростѣ, ни въ силѣ. А допущеніе какого либо душевнаго усовершенствованія, которое дѣлаютъ даже болѣе увѣренно и часто, яв-

ляется еще болѣе нелѣпымъ. Можно ли среди нашей цивилизаціи указать изъ числа поэтовъ, художниковъ, архитекторовъ, философовъ, ораторовъ, государственныхъ людей или полководцевъ личностей съ большей умственной силой, чѣмъ тѣ, какихъ знала древность? Нѣтъ надобности напоминать ихъ имена,—они извѣстны каждому школьнику За образцами и примѣрами выдающейся умственной силы мы обращаемся къ древнимъ, и если бы мы могли на минуту признать возможнымъ то, чему учитъ одно изъ самыхъ древнихъ и наиболѣе распространенныхъ вѣрованій,—вѣрованіе, которое Лессингъ, въ виду этого признавалъ наиболѣе правдоподобнымъ, хоть и допускалъ его на чисто метафизическихъ основаніяхъ,—и предположили, что Гомеръ или Виргилій, Демосоенъ или Цицеронъ, Александръ, Ганнибалъ или Цезарь, Платонъ или Лукрецій, Евклидъ или Аристотель возвратились бы снова къ жизни въ девятнадцатомъ столѣтіи, то развѣ могли бы мы допустить, что они оказались бы сколь нибудь ниже теперешнихъ людей? И взявъ какой либо періодъ изъ слѣдующихъ за классическимъ вѣкомъ, даже одинъ изъ самыхъ невѣжественныхъ, или какой либо періодъ до классическаго вѣка, о которомъ мы что либо знаемъ, развѣ мы не нашли бы людей, которые при условіяхъ и уровнѣ знаній своего времени проявляли умственную силу столь же высокаго порядка, какъ та, которую обнаруживаютъ люди теперь? Да и среди наименѣе развитыхъ расъ нашего времени, всюду гдѣ только мы останавливаемъ наше вниманіе, развѣ мы не встрѣтимъ людей, которые въ своихъ условіяхъ выказываютъ душевныя качества столь же выдающіяся, какъ тѣ, которыя обыкновенно считаются достояніемъ цивилизованныхъ людей? Развѣ изобрѣтеніе желѣзной дороги въ наше время указываетъ на изобрѣтательность, большую той, какая требовалась для изобрѣтенія тачки, въ то время, когда тачки еще не существовало? Мы, люди новой цивилизаціи, замѣтно возвышаемся надъ нашими предшественниками и надъ нашими современниками изъ среды менѣе развитыхъ расъ. Но возвышаемся лишь потому, что стоимъ на пирамидѣ, а не потому, чтобы мы были выше ростомъ. Минувшіе вѣка не увеличивали нашего роста, а лишь строили тѣ подмостки, на которыхъ мы можемъ стоять.

Повторяю сказанное: я вовсе не думаю утверждать, чтобы всѣ люди обладали одинаковыми способностями или въ умственномъ отношеніи были одинаковы, какъ я не думаю утверждать, чтобы они были одинаковы въ физическомъ отношеніи. Среди всѣхъ тѣхъ безсчетныхъ милліоновъ, которые приходили на землю и уходили съ нея, вѣроятно, не нашлось бы и двухъ человѣкъ, которые были бы совершенно сходны, по своимъ физическимъ или по душевнымъ особенностямъ. Я не думаю утверждать и того, чтобы душевныя особенности расы были менѣе ясно выражены, чѣмъ ея физическія особенности. Я не отрицаю вліянія наслѣдственности на передачу душев-

ныхъ особенностей, которое проявляется въ этомъ случаѣ тѣмъ же путемъ и, возможно, въ такой же мѣрѣ, какъ при передачѣ тѣлесныхъ особенностей. Но тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что и для духа, какъ для тѣла, существуетъ нѣкоторый общій образецъ и естественная симметрія, къ которымъ все стремится возвращаться въ случаѣ отклоненія. Условія, въ которыя мы бываемъ поставлены, могутъ производить въ насъ такія же уродства, какія производятъ Плоскоголовые, сдавливая головы своихъ дѣтей, или китайцы, перевязывая ноги своихъ дочерей. Но какъ дѣти Плоскоголовыхъ продолжаютъ родиться съ правильно развитыми головами и дѣти китайцевъ съ правильно развитыми ногами, такъ и душевная природа человѣка видимо всюду возвращается къ нормальному типу. Дитя не наслѣдуетъ знаній отца такъ, какъ онъ не наслѣдуетъ его стекляннаго глаза или искусственной ноги; и ребенокъ самыхъ невѣжественныхъ родителей можетъ впослѣдствіи сдѣлаться піонеромъ науки или передовымъ мыслителемъ.

Но вотъ великій фактъ, который наиболѣе важенъ для насъ: Различія между народами различныхъ странъ и различныхъ эпохъ, которыя мы называемъ различіями въ цивилизаціи, коренятся не въ личностяхъ, а въ обществѣ; различія эти не вытекаютъ, какъ утверждаетъ Гербертъ Спенсеръ, изъ различій въ единицахъ; но вытекаютъ изъ тѣхъ условій, въ которыя эти единицы бываютъ поставлены обществомъ. Короче, я принимаю такое объясненіе различій, замѣчаемыхъ между обществами: Каждое общество, маленькое или большое, необходимо вырабатываетъ для себя ткань знаній, вѣрованій, обычаевъ, языка, вкусовъ, учрежденій и законовъ. Въ эту ткань, вырабатываемую каждымъ обществомъ (или, скорѣе, въ эти ткани, такъ какъ каждое общество, кромѣ самыхъ простѣйшихъ, составлено изъ меньшихъ обществъ, которыя охватываются другъ другомъ и переплетаются между собой), принимается личность при рожденіи и въ ней пребываетъ до смерти. Эта-то ткань и является той формой, въ которую отливается духъ и отъ которой онъ получаетъ свои особенности. Именно при посредствѣ этой ткани развиваются и поддерживаются обычаи, религіи, предразсудки, вкусы и языкъ. Именно при посредствѣ ея передаются навыки и накапливаются знанія, и открытія одного времени становятся въ будущемъ общимъ достояніемъ и опорой для дальнѣйшихъ открытій. Хотя ткань эта и ставитъ часто самыя серьезныя препятствія къ прогрессу, но съ другой стороны именно она дѣлаетъ возможнымъ прогрессъ. Именно она дѣлаетъ способнымъ всякаго школьника въ наше время узнать въ нѣсколько часовъ о вселенной болѣе, чѣмъ сколько зналъ о ней Птоломей, и ставитъ самаго заурядного ученаго гораздо выше уровня, достигнутаго могучимъ духомъ Аристотеля. Ткань эта для расы тоже, что память для индивидуума. Наши утонченныя искусства,

наша все-объемлющая наука, наши чудныя изобрѣтенія—стали возможными лишь благодаря ей.

Человѣческій прогрессъ подвигается впередъ, по мѣрѣ того какъ успѣхи, достигнутые однимъ поколѣніемъ, становятся такимъ путемъ общимъ достояніемъ слѣдующаго поколѣнія и дѣлаются исходнымъ пунктомъ для новыхъ успѣховъ.

ГЛАВА III.

Законъ человѣческаго прогресса.

Въ чемъ же состоитъ тогда законъ человѣческаго прогресса,—законъ, слѣдуя которому подвигается впередъ цивилизація.

Законъ этотъ долженъ быть такого рода, чтобы исходя изъ него, можно было просто и опредѣленно, а не путемъ смутныхъ обобщеній и поверхностныхъ аналогій объяснить тотъ фактъ, что теперь существуютъ столь значительныя различія въ общественномъ развитіи, хотя человѣчество, вѣроятно, начало свой путь всюду въ одно и то же время, и обладая всюду одинаковыми способностями; чтобы можно было дать отчетъ въ остановившихся цивилизаціяхъ и въ цивилизаціяхъ, пришедшихъ въ упадокъ и погибшихъ; въ общихъ явленіяхъ, относящихся къ возникновенію цивилизаціи и къ той каменѣющей и мертвящей силѣ, которую до сего времени повсюду развивалъ прогрессъ цивилизаціи; чтобы можно было дать отчетъ въ движеніи назадъ, какъ и въ движеніи впередъ; въ различіяхъ общаго характера между азіятской и европейской цивилизаціями, въ различіи между классической и современной цивилизаціей; въ различной быстротѣ, съ какою идетъ прогрессъ, и въ тѣхъ взрывахъ, толчкахъ и остановкахъ прогресса, которые бываютъ столь замѣтны, какъ менѣе важныя явленія.—Такимъ образомъ, законъ этотъ долженъ уяснить существенныя условія прогресса и дать возможность различать, какіе общественные порядки ускоряютъ прогрессъ и какіе замедляютъ его.

Нетрудно открыть такой законъ. Будемъ только смотрѣть и мы его замѣтимъ. Я не имѣю притязанія выразить его съ научной точностью, но постараюсь лишь нѣсколько выяснить его.

Побудителями къ прогрессу являются желанія, присущія человѣческой природѣ: желаніе удовлетворить потребностямъ животной природы, потребностямъ умственной природы и потребностямъ чувства; желаніе существо-

вать, знать и дѣлать, желанія, которымъ нѣтъ предѣла и которыя никогда не могутъ быть удовлетворены, такъ какъ они все растутъ, по мѣрѣ того какъ ихъ удовлетворяютъ.

Интеллектъ человѣка есть тотъ снарядъ, посредствомъ котораго онъ подвигается впередъ и посредствомъ котораго каждый успѣхъ его обезпечивается и становится опорнымъ пунктомъ для достиженія новыхъ успѣховъ. И хотя человѣкъ своею волею не можетъ прибавить и одного локтя къ своему росту, тѣмъ не менѣе онъ можетъ своею волею расширять свое познаніе вселенной и свою власть надъ ней и, насколько мы можемъ судить, расширять до безконечности. Скоротечность человѣческой жизни дозволяетъ отдѣльной личности пройти лишь короткое разстояніе, и, что можетъ сдѣлать каждое поколѣніе, сводится лишь къ очень немногому; однако передавая свои пріобрѣтенія изъ поколѣнія въ поколѣніе, люди могутъ подыматься все выше и выше, какъ подымаются со дна моря коралловые полипы, у которыхъ тоже одно поколѣніе продолжаетъ работу другаго.

Умственная сила, стало-быть, есть двигатель прогресса, и люди стремятся къ усовершенствованію въ той мѣрѣ, въ какой ихъ умственная сила расходуется на поступательное движеніе — т. е. въ какой мѣрѣ она посвящается на расширеніе знаній, на усовершенствованіе способовъ производства и на улучшеніе общественныхъ условій.

Но умственная сила представляетъ изъ себя нѣкоторое постоянное количество, — то-есть, существуетъ нѣкоторый предѣлъ для работы, которую можетъ выполнить человѣкъ своимъ духомъ, какъ существуетъ нѣкоторый предѣлъ для работы, которую онъ можетъ выполнить своимъ тѣломъ; и стало-быть, количество умственной силы, которое можетъ расходоваться на прогрессивное движеніе, всегда будетъ лишь нѣкоторой частью всей умственной силы остающейся отъ того, что будетъ расходоваться изъ нея на непрогрессивныя примѣненія.

Непрогрессивныя примѣненія, на которыя уходитъ умственная сила, могутъ быть раздѣлены на два класса. Къ первому мы отнесемъ поддержаніе существованія, сохраненіе общественнаго состоянія и успѣховъ уже достигнутыхъ; ко второму войну и приготовленіе къ войнѣ и случаи расходованія умственной силы въ погонѣ за удовлетвореніемъ желанія на счетъ другихъ и на сопротивленіе такому посягательству.

Сравнимъ общество съ лодкой: ея движеніе впередъ зависитъ не вообще отъ работы ея экипажа, а лишь отъ той работы, которая уходитъ на приведеніе ея въ движеніе. А эта работа будетъ уменьшаться всякимъ расходомъ силы на вычерпываніе воды, на ссоры экипажа между собой, и на греблю въ различныхъ направленіяхъ.

Такъ какъ всѣ силы человѣка, когда онъ живетъ отдѣльно, уходятъ на

поддержаніе существованія, и умственная сила становится свободной для высшаго примѣненія только при соединеніи людей въ общество, которое дѣлаетъ возможнымъ раздѣленіе труда и всѣ сбереженія, присущія совмѣстной дѣятельности значительнаго числа лицъ, то, стало быть, ассоціація есть первое существенное условіе прогресса. Всякій разъ какъ люди соединяются въ мирную ассоціацію, становится возможнымъ и ихъ совершенствованіе, и вѣроятность такого усовершенствованія тѣмъ выше, чѣмъ обширнѣе и тѣснѣе ассоціація. А такъ какъ разорительная затрата умственной силы на столкновенія между людьми увеличивается или уменьшается въ той мѣрѣ, въ какой игнорируется или признается нравственный законъ, дающій всѣмъ равенство правъ, то, стало быть равенство (или справедливость) оказывается вторымъ существеннымъ условіемъ прогресса.

И такимъ образомъ ассоціація въ равенствѣ есть законъ прогресса. Ассоціація освобождаетъ умственную силу для расходованія на улучшенія, а равенство (или справедливость, или свобода, — слова эти въ нашемъ случаѣ означаютъ одно и то же, признаніе нравственнаго закона) предупреждаетъ разсѣяніе этой силы на безплодную борьбу.

И такъ, вотъ законъ прогресса, которымъ объясняются всѣ различія въ цивилизаціи, всѣ ея успѣхи, всѣ остановки прогресса и регрессъ. Люди стремятся къ прогрессу всякій разъ, какъ вступаютъ въ болѣе тѣсное общеніе между собой и чрезъ совмѣстную дѣятельность увеличиваютъ ту умственную силу, которая можетъ удѣляться на усовершенствованіе; но лишь только возникаетъ столкновеніе между ними или чуть только ассоціація начинаетъ развивать неравенство правъ или положеній, какъ это стремленіе къ прогрессу начинаетъ уменьшаться, останавливаться, и наконецъ замѣняется прямо противоположнымъ стремленіемъ.

При наличности одной и той же врожденной способности, общественное развитіе будетъ идти быстрѣе или медленнѣе, остановится или пойдетъ назадъ, очевидно, въ зависимости отъ того сопротивленія, которое оно будетъ встрѣчать. А разнаго рода препятствія къ усовершенствованію вообще, могутъ быть раздѣлены, по отношенію къ самому обществу, на два класса, на внѣшнія и на внутреннія,—первыя дѣйствуютъ съ большей силой на болѣе раннихъ ступеняхъ цивилизаціи, послѣднія пріобрѣтаютъ болѣе значенія при позднѣйшемъ ея развитіи.

Человѣкъ по своей природѣ есть общественное животное. Его не надо ловить и приручать, чтобы заставить жить съ своими собратьями. Крайняя безпомощность, съ какою онъ вступаетъ въ міръ, и долгій періодъ, потребный для развитія его силъ, дѣлаютъ необходимымъ семейный союзъ, который, какъ мы можемъ наблюдать, захватываетъ болѣе обширныя группы и имѣетъ большую силу среди болѣе грубыхъ, чѣмъ среди болѣе культур-

ныхъ народовъ. Первыми обществами бываютъ семьи, которыя разрастаются въ племена, еще признающія взаимное кровное родство и сохраняющія память объ общемъ происхожденіи даже тогда, когда они становятся великими націями.

Предположите, что существа такого-то рода помѣщены на планету, столь различающуюся по своей поверхности и климату, какъ наша, и вамъ станетъ очевиднымъ, что даже при равныхъ способностяхъ и одной и той же исходной точкѣ общественное развитіе ихъ будетъ идти весьма различно. Первыя ограниченія или помѣхи къ ассоціаціи они встрѣтятъ въ условіяхъ окружающей природы, а такъ какъ эти условія весьма сильно различаются, смотря по мѣстности, то и въ общественномъ прогрессѣ будутъ обнаруживаться соотвѣтственныя различія. Ростъ народонаселенія и та близость, съ какою люди при увеличеніи народонаселенія могутъ держаться вмѣстѣ, при томъ грубомъ состояніи знанія, когда средствами существованія являются главнымъ образомъ добровольныя дары природы, въ весьма широкой мѣрѣ зависитъ отъ климата, почвы и физическаго устройства. Гдѣ требуется много животной пищи и теплой одежды, гдѣ земля имѣетъ видъ бѣдный и скупой, гдѣ роскошная жизнь тропическихъ лѣсовъ насмѣхается надъ слабыми усиліями дикаго человѣка властвовать надъ нею, гдѣ горы, пустыни или моря раздѣляютъ и уединяютъ людей, тамъ ассоціація и способность къ улучшеніямъ, которую она создаетъ, можетъ развиться сначала только лишь очень слабо. Тогда какъ на плодородныхъ равнинахъ теплыхъ странъ, гдѣ для прокормленія требуется и мельше силы и меньше земли, люди могутъ тѣснѣе держаться вмѣстѣ, и умственная сила, которая съ самаго начала можетъ удѣляться на усовершенствованіе, бываетъ значительно больше. Потому-то цивилизація естественно сперва и возникаетъ въ обширныхъ долинахъ и на плоскогоріяхъ, гдѣ и встрѣчаются ея самыя ранніе памятники.

Но эти различія въ естественныхъ условіяхъ вліяютъ на прогрессъ, не только непосредственно вызывая различія въ общественномъ развитіи, но вліяютъ на него также, и вызывая при этомъ въ самомъ человѣкѣ нѣкоторое препятствіе или скорѣе нѣкоторое активное противодѣйствіе усовершенствованію. Когда семьи или племена отдѣляются другъ отъ друга, общественное чувство между ними перестаетъ дѣйствовать, и возникаютъ различія въ языкѣ. въ обычаяхъ, въ преданіяхъ, въ религіи, короче, во всей той общественной ткани, которую постоянно ткетъ каждое общество, какъ бы оно ни было велико или мало. А вмѣстѣ съ этими различіями ростутъ предразсудки, разгорается вражда, соприкосновеніе легко произво-

дитъ раздоры, на вызовъ отвѣчаютъ вызовомъ и обида возбуждаетъ месть *). И такимъ образомъ между отдѣленными общественными аггрегатами развивается чувство Измаила и духъ Каина, война становится постояннымъ и, повидимому, естественнымъ явленіемъ, и силы людей начинаютъ расходоваться на нападеніе и защиту, на взаимное избіеніе, и истребленіе богатства или на военныя приготовленія. И какъ долго держится эта враждебность, о томъ свидѣтельствуютъ покровительственные тарифы и постоянныя арміи современнаго цивилизованнаго міра; какъ трудно отдѣлаться отъ мысли, что кража у иностранца не есть воровство, показываетъ трудность добиться международнаго права литературной собственности. Можемъ ли мы удивляться постоянной враждѣ древнихъ племенъ и родовъ? Можемъ ли мы удивляться, что въ то время, когда каждое общество было уединено отъ другихъ и, находясь внѣ вліянія другихъ, вырабатывало себѣ отдѣльную ткань общественныхъ условій, выйти изъ которой не можетъ ни одинъ индивидуумъ, война была правиломъ и миръ исключеніемъ? «И они были тоже, что мы».

А война есть отрицаніе ассоціаціи. И потому раздѣленіе людей на различныя племена, увеличивая число войнъ, тѣмъ самымъ задерживаетъ прогрессъ; и въ мѣстностяхъ, гдѣ возможенъ значительный приростъ народонаселенія безъ значительнаго разъединенія послѣдняго, цивилизація уже имѣетъ за собой то преимущество, что бываетъ исключена между-родовая война, хотя бы общество, въ его цѣломъ, еще и продолжало вести войны внѣ своихъ границъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ встрѣчается всего менѣе препятствій къ тѣсной ассоціаціи людей со стороны природы и, противодѣйствіе прогрессу со стороны войнъ, сначала по крайней мѣрѣ, бываетъ наименѣе ощутительнымъ, и на плодородныхъ равнинахъ, гдѣ обыкновенно возникаетъ сперва цивилизація, люди могутъ подняться до высокихъ ступеней ея, въ то время какъ разбросанныя и разъединенныя племена будутъ еще оставаться въ варварскомъ состояніи. Такимъ же образомъ, тамъ, гдѣ малень-

*) Какъ легко невѣжеству перейти въ презрѣніе и отвращеніе; какъ естественно для насъ разсматривать всякую разницу въ нравахъ, обычаяхъ, религіи и т. под., какъ доказательство болѣе низкой степени развитія людей отличающихся отъ насъ,—можетъ наблюдать въ любой цивилизованной странѣ всякій человѣкъ, который въ извѣстной степени освободился отъ предразсудковъ и вращается въ различныхъ классахъ общества. Въ религіи, напримѣръ, во всѣхъ сектахъ можно замѣтить тотъ духъ, который выражается въ извѣстномъ гимнѣ: «Лучше быть баптистомъ, чтобы имѣть свѣтлый ликъ, чѣмъ быть методистомъ и навсегда лишиться благодати».—«Истинная вѣра — это моя вѣра, а иновѣріе есть всякая другая вѣра», выразился одинъ англійскій епископъ, тогда какъ всѣ-то вообще бываютъ склонны считать всякое отклоненіе отъ ортодоксіи и всякую иную вѣру, кромѣ господствующей, за язычество или атеизмъ. Подобная же наклонность проявляется и въ отношеніи всѣхъ другихъ различій.

кія, разъединенныя общества пребываютъ въ состояніи постоянныхъ войнъ, не допускающемъ усовершенствованія, первымъ шагомъ къ цивилизаціи бываетъ появленіе какого нибудь завоевывающаго племени или народа, который объединяетъ эти болѣе мелкія общества въ одно болѣе крупное, и обезпечиваетъ среди него внутренній міръ. А чуть разстраивается эта умиротворяющая ассоціація вслѣдствіе ли внѣшнихъ нападеній, или вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, какъ прекращается и прогрессъ, замѣняясь регрессивнымъ движеніемъ.

Но не одно только завоеваніе содѣйствуетъ ассоціаціи людей и, освобождая умственную силу отъ военныхъ примѣненій, двигаетъ впередъ цивилизацію. Содѣйствуютъ ей также и различія въ климатѣ, почвѣ и очертаніяхъ земной поверхности; правда сначала они оказываютъ разъединяющее вліяніе на людей, но затѣмъ вліяютъ уже въ смыслѣ покровительства обмѣну. А торговля, которая сама по себѣ является нѣкоторой формой ассоціаціи или коопераціи, содѣйствуетъ распространенію цивилизаціи не только прямо, но также и косвенно, вызывая интересы, направленные противъ войны, и разгоняя невѣжество, этотъ великій источникъ предразсудковъ и вражды.

Также и религія. Хотя формы, которыя она принимала, и вражда, которую она возбуждала, нерѣдко разъединяли людей и приводили къ войнамъ, тѣмъ не менѣе въ иныя времена религія тоже являлась факторомъ содѣйствующимъ распространенію ассоціаціи. Для примѣра укажемъ на грековъ, у которыхъ общность богослуженія часто смягчала войны, и давала основу союзамъ, и на нашу собственную цивилизацію, которая возникла благодаря торжеству христіанства надъ варварами Европы. Если бы христіанской церкви не существовало въ то время, когда Римская имперія распадалась на части, то Европа, лишенная всякой ассоціирующей связи, могла бы впасть въ состояніе немногимъ высшее того, въ какомъ пребываютъ сѣверо-американскіе индѣйцы, или приняла бы цивилизацію съ азіатскимъ отпечаткомъ отъ побѣдныхъ мечей нахлынувшихъ ордъ, которыя были сплочены въ могущественную силу тоже религіей, возникшей въ пустыняхъ Аравіи и соединившей разъединенныя племена, и объединившей съ незапамятнаго времени въ своемъ дальнѣйшемъ распространеніи, въ ассоціацію на основѣ общей вѣры значительную часть человѣчества.

Обращаясь къ тому, что намъ извѣстно изъ исторіи міра, мы всюду замѣчаемъ, что цивилизація возникаетъ лишь только люди сходятся въ ассоціацію, и обязательно исчезаетъ, лишь только ихъ ассоціація распадается. Такъ римская цивилизація, распространилась по Европѣ благодаря завоеваніямъ, которыми обезпечивался внутренній миръ, и была опрокинута набѣгами сѣверныхъ народовъ, снова разбившихъ общество на безсвязныя части; а прогрессъ современной цивилизаціи начался лишь только феодальная си-

стема снова стала собирать людей въ болѣе обширныя группы, а духовное главенство Рима стало объединять эти группы такъ, какъ объединяли ихъ ранѣе римскіе легіоны. По мѣрѣ того какъ феодальные союзы разростались до національныхъ автономій, а христіанство оказывало смягчающее вліяніе на нравы, распространяло знанія, которыя въ теченіе смутныхъ временъ оно скрывало, подготовляло мирный союзъ своей всеобъемлющей организаціей и въ своихъ религіозныхъ орденахъ научало ассоціаціи, становился возможнымъ и большій прогрессъ, тѣмъ болѣе быстрый, чѣмъ тѣснѣе становилось общеніе и сотрудничество людей.

Но мы никогда не поняли бы хода цивилизаціи и различныхъ явленій, которыя представляетъ ея исторія, безъ разсмотрѣнія того, что я хотѣлъ бы назвать внутренними сопротивленіями или противодѣйствіями прогрессу, возникающими въ средѣ прогрессирующаго общества, которыми только и можно объяснить, почему цивилизація, начавшись должнымъ образомъ, можетъ или сама собой прійти къ остановкѣ, или погибнуть отъ варваровъ.

Умственная сила, этотъ двигатель общественнаго прогресса, освобождается ассоціаціей людей, или точнѣе ихъ интеграціей. Общество при этой интеграціи становится болѣе сложнымъ; его индивидуумы болѣе зависимыми другъ отъ друга. Занятія и назначенія его членовъ спеціализируются. Вмѣсто кочеваго, населеніе становится осѣдлымъ. Вмѣсто прежняго порядка, когда каждому человѣку приходилось самолично удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, выдѣляются разные промыслы и ремесла, и одинъ человѣкъ дѣлается искуснымъ въ одномъ дѣлѣ, другой—въ другомъ. Знаніе, кругъ котораго постоянно стремится расшириться за предѣлы того, что можетъ обнять одинъ человѣкъ, также разбивается на отдѣльныя части, которыя изучаются и разрабатываются различными индивидуумами. Отправленія религіозныхъ обрядовъ тоже сремится перейти въ руки людей, спеціально посвящающихъ себя этому дѣлу, а сохраненіе порядка, отправленіе правосудія, назначеніе общественныхъ повинностей и исполненіе приговоровъ, веденіе войны и т. под. дѣла, стремятся сдѣлаться особыми функціями организованнаго правительства. Короче, пользуясь выраженіемъ Герберта Спенсера — его опредѣленіемъ эволюціи развитіе общества является, по отношенію къ составляющимъ его индивидуумамъ, переходомъ отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности. Чѣмъ ниже ступень общественнаго развитія, тѣмъ болѣе общество походитъ на тѣхъ низшихъ животныхъ, безъ органовъ и членовъ, отъ которыхъ можно отсѣчь часть и оно еще будетъ жить. Чѣмъ выше общественное развитіе, тѣмъ болѣе общество походитъ на тѣ болѣе высшіе организмы, которыхъ функціи и способности уже спеціализированы, и каждый членъ которыхъ находится въ жизненной зависимости отъ прочихъ членовъ.

А этотъ процессъ интеграціи, спеціализаціи функцій и способностей, среди человѣческаго общества, всегда сопровождается, въ силу одного изъ глубочайшихъ повидимому законовъ человѣческой природы, постоянной наклонностью къ неравенству. Я не хочу сказать, чтобы неравенство было необходимымъ слѣдствіемъ общественнаго роста, но хочу сказать только, что къ нему всегда стремится общественный ростъ, разъ онъ не сопровождается перемѣнами въ общественныхъ учрежденіяхъ, обезпечивающими равенство при новыхъ условіяхъ, создаваемыхъ ростомъ общества. Общество, такъ сказать, стремится выростать изъ той ткани законовъ, обычаевъ и политическихъ учрежденій, которую оно вырабатываетъ для себя,—она становится слишкомъ узкой для него. Человѣкъ, когда онъ совершенствуется, проходитъ какъ бы лабиринтъ, гдѣ онъ непремѣнно потеряетъ свою дорогу, если будетъ идти все прямо, и гдѣ только разумъ и справедливость могутъ держать его все время на истинномъ пути.

И такимъ образомъ, хотя интеграція, которой сопутствуется ростъ общества, сама по себѣ и стремится къ освобожденію умственной силы для работы на усовершенствованіе, тѣмъ не менѣе съ увеличеніемъ народонаселенія и съ осложненіемъ общественной организаціи всегда возникаетъ обратная склонность, обратное стремленіе, наступаетъ состояніе неравенства, которое ведетъ къ расточенію умственной силы и при дальнѣйшемъ развитіи къ остановкѣ прогресса.

Дать наиболѣе общее выраженіе тому закону, согласно которому выростаетъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ прогрессомъ сила, останавливающая прогрессъ, значило бы, мнѣ кажется, близко подойти къ рѣшенію вопроса болѣе сложнаго, чѣмъ вопросъ о происхожденіи вещественнаго міра, къ рѣшенію вопроса о происхожденіи зла. Я удовольствуюсь лишь тѣмъ, что намѣчу тотъ способъ, какимъ, при развитіи общества, возникаютъ стремленія останавливающія его развитіе.

Двѣ особенности присущи человѣческой природѣ, о которыхъ полезно будетъ для нашихъ цѣлей сначала напомнить. Во-первыхъ, сила привычки,—стремленіе продолжать все по-прежнему; во-вторыхъ, возможность умственнаго и нравственнаго вырожденія. Въ силу первой особенности съ развитіемъ общества продолжаются привычки, обычаи, законы и методы еще долгое время послѣ того, какъ они уже утрачиваютъ свою первоначальную полезность, въ силу второй дѣлается возможнымъ ростъ общественныхъ учрежденій и понятій, отъ которыхъ инстинктивно отвращается нормальное чувство человѣка.

Далѣе, ростъ и развитіе общества не только дѣлаютъ каждаго все болѣе и болѣе зависимымъ отъ всѣхъ и не только уменьшаютъ власть индивидуума даже надъ его собственными условіями сравнительно съ властью общества, но

вызываютъ также къ дѣйствію нѣкоторую коллективную силу, отличную отъ суммы индивидуальныхъ силъ. Явленіе аналогичное, и пожалуй даже тождественное тому, что можно наблюдать и повсюду въ природѣ. Когда, напримѣръ, осложняются животные организмы, то возникаютъ, сверхъ жизни и силы частей, жизнь и сила составнаго цѣлаго; сверхъ способности къ невольнымъ движеніямъ, способность къ произвольнымъ движеніямъ. Дѣйствія и побужденія группы людей, какъ то зачастую бываетъ замѣтно, отличаются отъ дѣйствій и побужденій, которыя при тѣхъ же обстоятельствахъ были бы вызваны въ отдѣльныхъ личностяхъ. Боевыя качества полка могутъ весьма сильно отличаться отъ боевыхъ качествъ составляющихъ его солдатъ. Да и нѣтъ надобности далеко ходить за примѣрами. Въ нашемъ изслѣдованіи природы и возникновенія ренты, мы имѣли дѣло какъ разъ съ тѣми явленіями, о которыхъ идетъ рѣчь. При рѣдкомъ населеніи земля не имѣетъ цѣнности; но лишь только люди ближе сходятся вмѣстѣ, какъ возникаетъ и растетъ цѣнность земли, нѣчто рѣзко отличающееся отъ цѣнностей, производимыхъ индивидуальнымъ трудомъ; цѣнность, которая вытекаетъ изъ ассоціаціи, которая растетъ, когда растетъ ассоціація, и пропадаетъ, когда ассоціація разстрачивается. Тоже бываетъ съ этой коллективной силой и въ тѣхъ случаяхъ, когда о ней приходится говорить иначе, чѣмъ въ терминахъ богатства.

И вотъ съ ростомъ общества первая изъ указанныхъ особенностей, расположеніе продолжать прежнія общественные порядки, стремится сосредоточивать эту коллективную силу по мѣрѣ ея возникновенія въ рукахъ лишь нѣкоторой части общества; а возникающая такимъ образомъ неравномѣрность въ распредѣленіи богатства и силъ, являющихся съ ростомъ общества, роковымъ образомъ ведетъ все къ бо̀льшему и бо̀льшему неравенству, ибо посягательства растутъ по мѣрѣ того, какъ они удаются, а идея справедливости утрачиваетъ свою ясность среди обычной терпимости къ неправдѣ.

Такимъ-то путемъ патріархальная организація общества можетъ легко вырости въ азіатскую деспотію, въ которомъ властелинъ будетъ какъ бы богомъ на землѣ, а массы народа просто рабами его каприза. Естественно, чтобы отецъ былъ правящей главою семьи, и чтобы по его смерти наслѣдовалъ его главенство старшій сынъ, какъ самый пожилой и наиболѣе опытный членъ маленькаго общества. Но продолжать такой порядокъ и тогда, когда семейство становится уже цѣлымъ родомъ или племенемъ, значитъ сосредоточивать власть въ отдѣльной линіи, а власть, такимъ образомъ сосредоточенная, необходимо будетъ усиливаться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будетъ увеличиваться составъ семьи или рода и усиливаться власть общества. Глава семьи превратится въ наслѣдственнаго властелина, который начнетъ смотрѣть на себя и на котораго начнутъ смотрѣть другіе какъ на существо съ высшими правами. И чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться коллективная сила об-

щества, сравнительно съ силой индивидуума, тѣмъ болѣе будетъ увеличиваться и власть властелина награждать и наказывать, а съ ней вмѣстѣ будутъ расти побужденія льстить ему или бояться его, а наконецъ, если процессъ этотъ не будетъ нарушенъ, дѣло дойдетъ до того, что вся нація будетъ ползать у подножія властелина и цѣлыя тысячи народа будутъ работать въ теченіе десятковъ лѣтъ надъ сооруженіемъ гробницы для подобнаго имъ смертнаго существа.

Такимъ же образомъ предводителемъ небольшой толпы дикарей бываетъ лишь одинъ изъ ихъ числа, за которымъ они слѣдуютъ, какъ за самымъ храбрымъ и благоразумнымъ. Но когда начинаютъ дѣйствовать совмѣстно обширныя группы, тогда личный выборъ становится затруднительнымъ, дѣлается необходимымъ и возможнымъ слѣпое повиновеніе, и уже самыя потребности войны, разъ ее ведутъ въ большомъ размѣрѣ, создаютъ абсолютную властъ.

То же можно замѣтить и на спеціализаціи общественныхъ функцій. Выигрышъ въ производительныхъ силахъ очевиденъ, когда общественный ростъ заходитъ такъ далеко, что можетъ спеціализироваться регулярное войско и каждый производитель уже не отрывается отъ своей работы ради военныхъ цѣлей; тѣмъ не менѣе эта спеціализація неизбѣжно приводитъ къ концентраціи власти въ рукахъ военнаго класса или военныхъ начальниковъ. Охрана общественнаго порядка, отправленіе правосудія, устройство путей сообщенія и завѣдываніе ими и, какъ замѣчено, и религіозные обряды, все стремится подобнымъ же путемъ перейти въ руки отдѣльныхъ классовъ, склонныхъ увеличивать свои Функціи и расширять свою власть.

Но великой причиной неравенства всюду является та естественная монополія, которая создается владѣніемъ землей. Первичнымъ представленіемъ людей, кажется, всегда бываетъ то, что земля есть общая собственность, однако тѣ грубыя средства, какими обезпечиваютъ сначала общее право на нее, какъ-то ежегодные передѣлы или обработка сообща, бываютъ совмѣстимы только съ низкимъ уровнемъ развитія. А потомъ понятіе о собственности, которое естественно возникаетъ въ отношеніи вещей, производимыхъ людьми, легко переносится на землю, и учрежденіе, которое, при рѣдкомъ народонаселеніи, только обезпечиваетъ за человѣкомъ, улучшающимъ и обрабатывающимъ землю, должное вознагражденіе за его трудъ, въ концѣ концовъ, когда населеніе уплотняется и когда возникаетъ рента, начинаетъ уже отнимать у производителя его заработокъ. Мало этого, даже присвоеніе ренты въ пользу общества, единственный способъ, посредствомъ котораго, при мало-мальски высокой цивилизаціи, за землею можетъ быть легко упроченъ характеръ общей собственности, даже это присвоеніе становится уже, когда политическая и религіозная власть переходитъ въ руки одного класса, актомъ передачи земли въ собственность этого класса, при чемъ

все остальное общество превращается просто въ классъ арендаторовъ. А войны и завоеванія, стремящіяся къ концентраціи политической власти и къ учрежденію рабства, естественно приводятъ къ захвату земли, лишь только земля, вслѣдствіе роста общества, получаетъ цѣнность. Господствующій классъ, который сосредоточиваетъ власть въ своихъ рукахъ, скоро также сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ и право собственности на землю. Ему достаются обширные участки завоеванной земли, которую первоначальные владѣльцы обрабатываютъ уже какъ арендаторы или рабы, ему же достаются также и государственныя имущества или общественныя земли, которыя при естественномъ ходѣ общественнаго роста еще сохраняются на нѣкоторое время въ каждой странѣ (и которыя при первоначальной системѣ сельскохозяйственной культуры остаются подъ пастбищами и лѣсами), а какъ легко они прибираются къ рукамъ, тому было не мало примѣровъ и въ недавнее время. А разъ неравенство установилось, земельная собственность будетъ стремиться все къ большей и большей концентраціи, по мѣрѣ того какъ будетъ подвигаться впередъ развитіе общества.

Я лишь пытаюсь установить тотъ общій фактъ, что съ развитіемъ общества всегда возникаетъ неравенство, не касаясь самой послѣдовательности явленій, которая необходимо будетъ различаться въ зависимости отъ различія въ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе этотъ главный фактъ дѣлаетъ понятными всѣ явленія застоя и регресса. Неравенство въ распредѣленіи власти и богатства, возникающее при интеграціи людей въ общество, стремится сдерживать и наконецъ совсѣмъ уравновѣшиваетъ ту силу, которая создаетъ улучшенія и двигаетъ впередъ общество. Съ одной стороны, масса народа бываетъ вынуждена расходовать свою умственную силу единственно на поддержаніе существованія. Съ другой стороны, идетъ расходъ умственной силы на сохраненіе и усиленіе системы неравенства, на тщеславіе, роскошь и войну. Общество, раздѣленное на очень богатыхъ и очень бѣдныхъ, можетъ «строить подобно гигантамъ и отдѣлывать подобно ювелирамъ»; но то будутъ памятники надменной гордости и безсмысленной суеты, или религіи, отклонившейся отъ своего долга возвышать человѣка. Изобрѣтенія до извѣстной степени еще могутъ нѣкоторое время продолжаться; но то будутъ изобрѣтенія по части утонченностей роскоши, а не тѣ изобрѣтенія, которыя облегчаютъ трудъ и увеличиваютъ силу. Въ глубинѣ храмовъ или въ кабинетахъ придворныхъ врачей знаніе еще можетъ находить пріютъ; но оно будетъ удерживаться въ тайнѣ, какъ нѣчто секретное, а если отважится показаться на свѣтъ, чтобы возвысить народную мысль или облагородить народную жизнь, то будетъ преслѣдуемо, какъ нѣчто опасное. Ибо неравенство не только стремится уменьшить умственную силу, посвящаемую на усовершенствованіе, но стремится также сдѣлать людей враж-

дебными усовершенствованіямъ. Какъ сильно расположены придерживаться старыхъ порядковъ тѣ классы общества, которые удерживаются въ невѣжествѣ, будучи принуждены трудиться изо всѣхъ силъ, ради одного только насущнаго пропитанія, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы объ этомъ нужно было распространяться; съ другой стороны, не менѣе извѣстенъ и консерватизмъ тѣхъ классовъ, которымъ существующій общественный строй даетъ особыя выгоды. Такая склонность противиться нововведеніямъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются улучшеніемъ, замѣчается въ каждой спеціальной организаціи, среди духовенства, юристовъ, врачей, ученыхъ и торговцевъ, и выражается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе замкнутой является самая организація. Замкнутая корпорація питаетъ всегда инстинктивное отвращеніе къ нововведеніямъ и къ нововводителямъ, это отвращеніе есть не болѣе какъ выраженіе инстинктивной боязни за то, какъ бы эти перемѣны не повели къ разрушенію той стѣны, которая отгораживаетъ эту корпорацію отъ массы простыхъ смертныхъ, и такимъ образомъ не лишили бы ея значенія и власти; и она всегда бываетъ склонна заботливо оберегать свои исключительныя знанія или искусство.

Вотъ какимъ путемъ окаменѣніе заступаетъ мѣсто прогресса. Развитіе неравенства необходимо ведетъ къ остановкѣ усовершенствованій, а продолжаясь далѣе, или вызывая лишь безсильное противодѣйствіе, начинаетъ поглощать даже умственную силу, необходимую для текущихъ дѣлъ, и вызываетъ регрессъ.

Эти принципы дѣлаютъ понятной исторію цивилизаціи.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ, почва и устройство поверхности наименѣе способствовали разъединенію растущаго народонаселенія и гдѣ, стало-быть, впервые возникала цивилизація, внутреннія сопротивленія прогрессу должны были естественно развиваться болѣе правильнымъ и совершеннымъ образомъ, чѣмъ тамъ, гдѣ болѣе мелкія общества, врозь развившіяся на различный ладъ, были потомъ сдвинуты въ болѣе тѣсную ассоціацію. Этимъ обстоятельствомъ, мнѣ кажется, и объясняются общія характеристическія черты, отличающія раннія цивилизаціи отъ болѣе позднихъ европейскихъ. Однородныя общества, развиваясь съ самаго начала помимо всякаго столкновенія различающихся обычаевъ, законовъ, религій и т. под., должны обнаруживать во всемъ гораздо бо́льшее однообразіе. Концентрирующія и консервативныя силы, всѣ, такъ сказать, толкаютъ въ одну сторону. Соперничествующіе начальники не сдерживаютъ друга друга, различія въ вѣрѣ не задерживаютъ растущаго вліянія духовенства. Политическая и религіозная власть, богатство и знаніе, такимъ образомъ, стремятся сосредоточиться въ однихъ и тѣхъ же центрахъ. Тѣ самыя причины, которыя создаютъ наслѣдственныхъ правителей или наслѣдственныхъ жрецовъ, стремятся создать

наслѣдственнаго ремесленника или земледѣльца и раздѣлить общество на касты. Сила, которую ассоціація освобождаетъ для прогресса, такимъ образомъ расточается, и мало-по-малу начинаютъ воздвигаться преграды для дальнѣйшаго прогресса. Избытокъ народной силы уходитъ на постройку храмовъ, дворцовъ и пирамидъ; на служеніе гордости и на удовлетвореніе роскоши правителей; и если среди классовъ общества имѣющихъ досугъ возникаетъ какое нибудь расположеніе къ усовершенствованію, то оно тотчасъ же подавляется изъ-за боязни нововведеній. Общество, развивающееся такимъ путемъ, должно наконецъ остановиться на консерватизмѣ, не допускающемъ дальнѣйшаго прогресса.

Какъ долго можетъ тянуться такое состояніе полнаго окаменѣнія, разъ наступивъ, это, повидимому, зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, ибо желѣзныя оковы возникающей общественной среды подавляютъ какъ дезинтегрирующія силы, такъ и всякое усовершенствованіе. Такое общество можетъ быть чрезвычайно легко завоевано, такъ какъ массы народа пріучаются лишь къ пассивному повиновенію при жизни въ безнадежномъ трудѣ. Если завоеватели просто займутъ мѣсто правящаго класса, какъ гиксы въ Египтѣ или татары въ Китаѣ, то все пойдетъ по прежнему. Если же они станутъ опустошать и разрушать, то отъ великихъ дворцовъ и храмовъ останутся только развалины, населеніе сдѣлается рѣдкимъ, а знанія и искусства утратятся.

Европейская цивилизація имѣетъ иной характеръ, сравнительно съ цивилизаціями египетскаго типа, потому что она возникла не при ассоціаціи однороднаго населенія, развивавшагося съ самаго начала или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе долгаго времени въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, но при ассоціаціи народовъ, которые въ разъединеніи пріобрѣтали различныя соціальныя особенности и среди которыхъ, благодаря ихъ незначительной численности, долгое время не могла установиться полная концентрація власти и богатства. На Греческомъ полуостровѣ уже вслѣдствіе устройства поверхности народонаселеніе съ самаго начала должно было образовать множество мелкихъ странъ. А какъ только эти маленькія республики и номинальныя царства перестали расточать свои силы на войну и начали развивать мирныя торговыя сношенія, заблестѣлъ среди нихъ и свѣтъ цивилизаціи. Однако въ Греціи принципъ ассоціаціи никогда не былъ достаточно силенъ, чтобы предупредить междуусобныя войны, а когда имъ положенъ былъ конецъ завоеваніемъ, наклонность къ неравенству, съ которой боролись различными средствами греческіе мудрецы и государственные люди, сдѣлала свое дѣло, и греческая доблесть, искусство и литература стали достояніемъ прошлаго. Также и на возникновеніи и ростѣ, на упадкѣ и окончательномъ паденіи римской цивилизаціи можно прослѣдить дѣйствіе

этихъ двухъ принциповъ ассоціаціи и равенства, комбинація которыхъ ведетъ къ прогрессу.

Возникнувъ изъ ассоціаціи независимыхъ крестьянъ и свободныхъ гражданъ Италіи и получивъ новую силу отъ завоеваній, объединявшихъ враждебные народы подъ общей властью, римское владычество дало человѣчеству миръ. Но наклонность къ неравенству, задерживая съ самаго начала истинный прогрессъ, возрастала въ Римѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ его цивилизаціи. Римская цивилизація не могла окаменѣть, какъ каменѣли однородныя цивилизаціи, гдѣ крѣпкія оковы обычая и суевѣрія, удерживая народъ въ подчиненіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько защищали его отъ притѣсненій и, во всякомъ случаѣ, сохраняли миръ между управителями и управляемыми; она гнила, постепенно приходила въ упадокъ и наконецъ пала. Римъ былъ въ сущности мертвъ задолго до того, какъ готы или вандалы прорвались сквозь цѣпь его легіоновъ, былъ мертвъ даже въ то время, когда границы его еще расширялись. Крупныя помѣстья погубили Италію. Неравенство изсушило силу и уничтожило доблесть римскаго міра. Управленіе превратилось въ деспотизмъ, который не могли умѣрить даже тайныя убійства; патріотизмъ выродился въ раболѣпство; самые грязные пороки вошли, такъ сказать, въ домашній обиходъ; литература занялась ребячествами; науку бросили; плодородныя области, не вѣдая опустошеній войны, стали превращаться въ пустыню; неравенство всюду производило упадокъ, политическій, умственный, нравственный и матеріальный. Варварство, погубившее Римъ, пришло не извнѣ, а изнутри. Оно было необходимымъ послѣдствіемъ системы, которая замѣняла рабами и колонами независимыхъ крестьянъ Италіи и разбивала провинціи на помѣстья сенаторскихъ родовъ.

Наша новая цивилизація обязана своимъ превосходствомъ развитію равенства вмѣстѣ съ расширеніемъ ассоціаціи. А этому развитію содѣйствовали двѣ великія причины: распаденіе концентрированной силы на множество мелкихъ центровъ, причиненное наплывомъ сѣверныхъ народовъ, и вліяніе христіанства. Безъ перваго наступило бы окаменѣніе и медленный упадокъ, какъ это имѣло мѣсто въ Восточной имперіи, гдѣ церковь и государство были тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой и гдѣ потеря внѣшней власти не вела къ облегченію внутренней тиранніи. А безъ втораго наступило бы такое состояніе варварства, исключающее начало ассоціаціи или улучшенія. Мелкіе вожди и владѣтельные господа, повсюду захватывавшіе верховную власть при ея распаденіи въ свои руки, стали обуздывать другъ друга. И вотъ Итальянскіе города вернули свою древнюю свободу, основались вольные города, стали укрѣпляться сельскія общины, и крѣпостные стали пріобрѣтать права на землю, которую они обрабатывали. Закваска тевтонскихъ идей равенства производила свое дѣйствіе и среди

разстроеннаго и разъединеннаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ хотя все общество и было разбито на безчисленное множество отдѣльныхъ частей, тѣмъ не менѣе среди нихъ все же жива была идея болѣе тѣсной ассоціаціи,—она сохранялась въ воспоминаніяхъ о всемірной имперіи, она поддерживалась и въ стремленіяхъ къ установленію всемірной церкви.

Хотя христіанство среди разлагавшейся цивилизаціи искажалось и утрачивало свою чистоту, хотя языческіе боги проникали въ его пантеонъ, языческіе обряды въ его богослуженіе, а языческія понятія въ его вѣрованія, тѣмъ не менѣе его основная идея равенства людей никогда совершенно не утрачивалась. Между прочимъ особенное значенье для возникавшей цивилизаціи получили два обстоятельства: учрежденіе папства и безбрачіе духовенства. Первое удержало духовную власть отъ концентраціи въ однихъ и тѣхъ рукахъ со свѣтской властью; а второе воспрепятствовало учрежденію жреческой касты въ такое время, когда всякая власть стремилась къ наслѣдственной формѣ.

Въ своихъ усиліяхъ къ отмѣнѣ рабства, въ своихъ Божіихъ перемиріяхъ, въ своихъ монашескихъ орденахъ; въ своихъ соборахъ, объединявшихъ націи, и въ своихъ эдиктахъ, разсылавшихся безъ всякаго вниманія къ политическимъ границамъ; въ тѣхъ простолюдинахъ, которымъ она вручала символъ, заставлявшій преклонять колѣна самыхъ гордыхъ, и епископахъ, которые чрезъ одно ея посвященіе становились равными съ самыми знатными; въ своемъ «рабѣ рабовъ», какъ гласилъ оффиціальный титулъ папы который требовалъ въ силу кольца простого рыбака, права быть третейскимъ судьей между націями, и стремя котораго поддерживали цари; въ силу всего этого церковь, не смотря ни на что, все же являлась проводникомъ ассоціаціи, защитницей естественнаго равенства людей; и именно церковь на первыхъ порахъ поддержала тѣ стремленія, которыя затѣмъ, когда было уже почти завершено ея первое дѣло ассоціаціи и освобожденія,—когда окрѣпъ союзъ, ею установленный, и распространилось знаніе, ею сохраненное, — разбили оковы, наложенныя было ею на человѣческій духъ, и въ большей части Европы опрокинули ея организацію.

Возникновеніе и ростъ Европейской цивилизаціи — предметъ слишкомъ обширный и сложный, чтобы его можно было представить въ немногихъ словахъ въ надлежащемъ видѣ и отношеніи, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ случаѣ, какъ на главномъ, такъ и на частностяхъ, подтверждается та истина, что прогрессъ продолжается лишь тогда, когда общество стремится къ болѣе тѣсной ассоціаціи и болѣе полному равенству. Цивилизація есть кооперація. Единеніе и свобода суть ея факторы. Великое развитіе принципа ассоціаціи, выразившееся не только въ образованіи обширныхъ и плотно населенныхъ государствъ, но также въ развитіи торговли и разнаго рода мѣновыхъ сдѣлокъ,

которыя являются связующимъ элементомъ внутри каждой страны и какъ бы объединяютъ страны, даже отдѣленныя другъ отъ друга огромными разстояніями; развитіе международнаго и общественнаго права; развитіе имущественной и личной безопасности, личной свободы и демократическаго управленія,—короче, успѣхи на пути признанія равныхъ правъ на жизнь, свободу и исканіе счастія,—вотъ что дѣлаетъ нашу новую цивилизацію столь великой и высокой, сравнительно съ прежде существовавшими цивилизаціями. И именно эти успѣхи освобождали умственную силу, открывавшую завѣсу невѣжества, которая скрывала отъ человѣческаго познанія все, кромѣ маленькой части земли, измѣрившую орбиты обращающихся небесныхъ тѣлъ и позволившую намъ видѣть движущуюся и бьющуюся жизнь въ каплѣ воды, открывшую намъ путь къ таинствамъ природы и разгадавшую тайны давно минувшихъ временъ, предоставившую въ наше распоряженіе физическія силы, рядомъ съ которыми человѣческія усилія ничтожны, и увеличившую производительность труда множествомъ великихъ изобрѣтеній.

Въ духѣ того фатализма, которымъ, какъ я указывалъ, пропитана текущая литература, принято говорить даже о войнѣ и рабствѣ, какъ о средствахъ человѣческаго прогресса. Но война, противникъ ассоціаціи, можетъ только тогда содѣйствовать прогрессу, когда ею предупреждаются дальнѣйшія войны или разрушаются антисоціальныя преграды, которыя сами по себѣ являются какъ бы пассивной войной.

Что же касается рабства, то я рѣшительно отказываюсь понять, какимъ образомъ оно могло когда либо содѣйствовать установленію свободы, а свобода, синонимъ равенства, уже начиная съ самаго грубаго состоянія, въ какомъ только можно представить себѣ человѣка, всюду является двигателемъ и необходимымъ условіемъ прогресса. Идея Огюста Конта, что учрежденіе рабства уничтожило людоѣдство—столь же фантастична, какъ и забавный разсказъ Чарльза Лэма о томъ, какъ человѣчество узнало вкусъ жаренаго поросенка. Эта идея признаетъ за самобытное побужденіе ту наклонность, которая никогда не проявлялась въ человѣкѣ, иначе какъ вслѣдствіе самыхъ неестественныхъ условій, — вслѣдствіе самой ужасной нужды или самыхъ грубыхъ суевѣрій *), и допускаетъ, что человѣку, который даже въ его самомъ низкомъ состояніи является наивысшимъ изъ всѣхъ животныхъ, присущи такія желанія, какихъ не обнаруживаютъ и болѣе или менѣе благородныя животныя. Не болѣе основательна и та мысль,

*) Жители Сандвичевыхъ острововъ оказывали честь своимъ добрымъ начальникамъ, съѣдая ихъ тѣла. До своихъ плохихъ и тиранических начальниковъ они и не коснулись бы. Новозеландцы воображали, что поѣдая своихъ враговъ, они пріобрѣтали ихъ силу и храбрость. И видимо, именно эта мысль вызывала повсюду возникновеніе обычая поѣдать военно-плѣнныхъ.

будто рабство дало начало цивилизаціи, предоставивъ рабовладѣльцамъ досугъ для усовершенствованія.

Рабство никогда не содѣйствовало и никогда не могло содѣйствовать усовершенствованію. Будетъ ли общество состоять изъ одного господина и одного раба, или изъ тысячи господъ и милліона рабовъ, рабство неизбѣжно будетъ вызывать расточеніе человѣческой силы; ибо и трудъ раба бываетъ менѣе производительнымъ, сравнительно съ трудомъ свободнаго человѣка, да и сила господина уходитъ лишь на поддержаніе власти надъ рабами и на надзоръ за ними, отвлекаясь отъ того направленія, въ которомъ возможны серьозныя усовершенствованія. Всюду и во всѣ времена, рабство, подобно всякому другому отрицанію естественнаго равенства людей, подавляло прогрессъ и служило помѣхой къ нему. Чуть только оно принимало гдѣ либо болѣе или менѣе значительные размѣры, какъ немедленно останавливалось и усовершенствованіе. И несомнѣнно столь всеобщее распространеніе рабства въ классическомъ мірѣ было причиной того явленія, что умственная дѣятельность его, такъ возвысившая литературу и облагородившая искусство, не натолкнулась ни на одно изъ тѣхъ великихъ открытій и изобрѣтеній, которыми отличается новая цивилизація. Ни одинъ рабовладѣльческій народъ не былъ изобрѣтательнымъ народомъ. Въ рабовладѣльческомъ государствѣ высшіе классы могутъ дойти до роскоши и утонченности; но никогда не дойдутъ до изобрѣтеній. Все, что принижаетъ трудящагося человѣка и отнимаетъ у него плоды его трудовъ, губитъ также и духъ изобрѣтенія, не дозволяя пользоваться даже открытіями и изобрѣтеніями уже сдѣланными. Только свобода обладаетъ чудесной властью повелѣвать духами, которые охраняютъ сокровища земли и невидимыя силы неба.

Да и можетъ ли законъ человѣческаго прогресса быть чѣмъ либо инымъ, какъ не нравственнымъ закономъ? Если общественныя учрежденія опираются на справедливость, если они признаютъ равенство правъ между всѣми людьми и обезпечиваютъ за каждымъ гражданиномъ полную свободу, ограниченную лишь такою же свободой прочихъ гражданъ, то и цивилизація должна прогрессировать. А разъ этого нѣтъ, то развивавшаяся цивилизація начнетъ склоняться къ упадку и перейдетъ въ регрессъ. Политическая экономія и общественная наука не могутъ учить ничему такому, что не заключалось бы въ тѣхъ простыхъ истинахъ, которымъ училъ бѣдныхъ рыбаковъ и еврейскихъ крестьянъ Распятый на крестѣ восемнадцать вѣковъ тому назадъ—въ тѣхъ истинахъ, которыя можно усмотрѣть подъ слоемъ себялюбивыхъ извращеній и суевѣрныхъ искаженій въ основѣ всякой религіи, когда либо стремившейся дать удовлетвореніе высшимъ потребностямъ человѣческаго духа.

ГЛАВА IV.

Какимъ образомъ современная цивилизація можетъ прійти въ упадокъ.

Заключенія, которыхъ мы достигли, оказываются такимъ образомъ въ полномъ согласіи съ нашими прежними заключеніями.

Изучая законъ человѣческаго прогресса, мы не только свели къ нѣкоторому высшему закону,—быть можетъ наивысшему закону, какой только можетъ постигнуть человѣческій духъ, изученные нами ранѣе политико-экономическіе законы, но и доказали также, что сдѣлать землю общей собственностью путемъ, предложеннымъ мною, значило бы дать цивилизаціи огромный толчекъ, безъ котораго она неминуемо должна повернуть назадъ. Цивилизація подобная нашей не можетъ стоять на мѣстѣ. Она должна или идти впередъ или идти назадъ. Она непохожа на тѣ однородныя цивилизаціи, подобныя цивилизаціи Нильской долины, которыя формовали людей примѣнительно къ ихъ мѣстамъ и укладывали ихъ, какъ кирпичи, въ пирамиду. Она болѣе похожа на ту цивилизацію, ростъ и паденіе которой завершились въ предѣлахъ историческаго времени, на ту цивилизацію, которая дала ей начало.

Теперь люди склонны смѣяться надъ каждымъ, кто усумнится въ томъ, что мы во всѣхъ отношеніяхъ прогрессируемъ; и духъ нашего времени есть духъ указа, написаннаго льстивымъ премьеромъ для Китайскаго императора, сжегшаго древнія книги:—«всѣ тѣ, которые дерзнутъ говорить между собой о Ши и о Шу, будутъ преданы смерти; а тѣ, которые будутъ упоминать о прошломъ съ тѣмъ, чтобы порицать настоящее, будутъ преданы смерти вмѣстѣ съ ихъ сродниками».

Очевидно, несомнѣнно, что времена упадка существовали, какъ существовали времена прогресса; и несомнѣнно тоже,—что такія эпохи упадка не могли быть узнаны всѣми съ самаго же начала.

Когда при Августѣ кирпичный Римъ превращался въ Римъ мраморный, когда богатство росло и роскошь увеличивалась, а побѣдоносные легіоны расширяли границы государства, когда нравы становились болѣе утонченными, языкъ болѣе изящнымъ, а литература достигала наивысшаго блеска, тогда только человѣкъ безразсудносмѣлый могъ бы сказать, что Римъ вступилъ въ періодъ упадка. А на дѣлѣ было именно такъ.

И всякій, кто вглядится, замѣтитъ, что и среди нашей цивилизаціи, повидимому движущейся теперь впередъ съ большей быстротой, чѣмъ когда бы то ни было, обнаруживаетъ уже свое дѣйствіе та самая причина, которая привела къ упадку римскую цивилизацію.

Что губило всѣ прежнія цивилизаціи,—такъ это стремленіе къ неравно-

мѣрному распредѣленію богатства и власти. И это самое стремленіе, дѣйствующее съ возрастающей силою, можно замѣтить среди нашей современной цивилизаціи; оно обнаруживается само собой во всякой прогрессивной странѣ, и съ тѣмъ большей силой, чѣмъ болѣе она прогрессивна. Заработная плата и процентъ всюду падаютъ, рента возрастаетъ, богатые дѣлаются еще богаче, бѣдные—еще болѣе безпомощными и безнадежными, а средній классъ—совершенно уничтожается.

Я прослѣдилъ это стремленіе до его причины. Я указалъ какимъ простымъ средствомъ мы можемъ устранить эту причину. Теперь я хочу показать *какимъ образомъ*, если этого не будетъ сдѣлано, прогрессъ долженъ будетъ достигнуть поворотнаго пункта, а современная цивилизація впасть въ состояніе варварства, подобно всѣмъ прежнимъ цивилизаціямъ. Показать *какимъ образомъ* можетъ это случиться—дѣло далеко не лишнее, такъ какъ многіе, не будучи въ состояніи видѣть тотъ путь, какимъ прогрессъ можетъ перейти въ регрессивное движеніе, считаютъ и самый этотъ переходъ невозможнымъ. Гиббонъ, напримѣръ, полагалъ, что современная цивилизація никакъ не можетъ погибнуть, уже потому, что не осталось болѣе варваровъ, которые могли бы ее опрокинуть, а вообще господствуетъ то мнѣніе, что изобрѣтеніе книгопечатанія, увеличивъ въ огромной мѣрѣ число книгъ, тѣмъ самымъ устранило уже самую возможность того, чтобы знаніе когда либо снова утратилось.

Условія общественнаго прогресса, согласно найденному нами закону, состоятъ въ ассоціаціи и равенствѣ. И стремленіе нашей цивилизаціи, начиная съ того времени, въ которомъ мы впервые можемъ различить ея проблески среди мрака, слѣдовавшаго за паденіемъ западной Имперіи,—въ общемъ было направлено къ установленію политическаго и гражданскаго равенства,—къ уничтоженію рабства, крѣпостной зависимости, къ болѣе равному обезпеченію личности и собственности, высшаго и низшаго, слабаго и сильнаго; къ большей свободѣ передвиженія и занятія, слова и печати. Исторія современной цивилизаціи есть исторія успѣховъ въ этомъ направленіи, исторія борьбы и побѣдъ личной, политической и религіозной свободы. А общность этого закона видна изъ того факта, что когда только это стремленіе поддерживалось, цивилизація прогрессировала, а когда оно подавлялось или пересиливалось, останавливалась и цивилизація.

Это стремленіе достигло своего полнаго выраженія въ Американской республикѣ, гдѣ политическія и гражданскія права приведены къ абсолютному равенству, и гдѣ, благодаря порядку замѣщенія государственныхъ должностей, предупрежденъ даже ростъ бюрократіи, гдѣ всякая религіозная вѣра или невѣріе пользуется полной свободой, гдѣ каждый мальчикъ можетъ надѣяться сдѣлаться президентомъ, каждый человѣкъ имѣетъ равный

съ прочими голосъ въ общественныхъ дѣлахъ, и гдѣ каждый чиновникъ на короткій срокъ своей службы избирается прямо или косвенно чрезъ народное голосованіе. Соединенные Штаты представляютъ изъ себя, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи націю, наиболѣе подвинувшуюся изъ всѣхъ великихъ націй въ направленіи, въ которомъ всѣ онѣ двигаются, и именно на Соединенныхъ Штатахъ мы можемъ видѣть, что можетъ сдѣлать само по себѣ это стремленіе къ личной и политической свободѣ.

Первымъ слѣдствіемъ этого стремленія къ политическому равенству было болѣе равномѣрное распредѣленіе богатства и власти; ибо въ то время, когда населеніе еще сравнительно рѣдко, неравенство въ распредѣленіи богатства обусловливается главнымъ образомъ неравенствомъ личныхъ правъ, и только лишь съ развитіемъ матеріальнаго прогресса начинаетъ рѣзко сказываться то стремленіе къ неравенству, которое обусловливается переходомъ земли въ частную собственность. Но теперь очевидно, что абсолютное политическое равенство отнюдь не можетъ само по себѣ устранить стремленія къ неравенству, зависящаго отъ частной собственности на землю, и далѣе очевидно, что политическое равенство, сопутствуемое усиливающимся стремленіямъ къ неравномѣрному распредѣленію богатства, должно привести въ концѣ концовъ или къ деспотизму организованной тиранніи или къ еще худшему деспотизму анархіи.

Чтобы превратить республиканское правительство въ самый низкій и самый звѣрскій деспотизмъ, нѣтъ надобности въ формальномъ измѣненіи его конституціи или въ уничтоженіи народныхъ выборовъ. Прошли цѣлыя столѣтія послѣ Цезаря, прежде чѣмъ абсолютный властитель римскаго міра вздумалъ управлять иначе, чѣмъ именемъ сената, трепетавшаго передъ нимъ.

Формы—ничего не значатъ, если утратилась сущность, а формы народнаго правленія суть именно тѣ, въ которыхъ сущность свободы всего легче можетъ утратиться. Крайности сходятся, и правительство всеобщаго голосованія и теоретическаго равенства можетъ, при условіяхъ вызывающихъ перемѣну, чрезвычайно быстро превратиться въ деспотизмъ. Ибо въ этомъ случаѣ деспотизмъ развивается именемъ и властію народа. Разъ обезпеченъ единственный источникъ власти, — все прочее обезпечено. Въ этомъ случаѣ нѣтъ несвободнаго класса, къ которому можно бы было обратиться съ призывомъ, нѣтъ привилегированныхъ сословій, которыя, защищая свои права, защищали бы и права всѣхъ. Нѣтъ плотинъ, которыя сдерживали бы разливъ, нѣтъ высотъ, на которыхъ бы можно было спасаться отъ него. Вооруженные бароны, предводительствуемые архіепископомъ въ митрѣ, обуздали Плантагенетовъ Великой Хартіей; средніе классы сломили надменность Стюартовъ; но просто аристократія богатства никогда не вступитъ въ борьбу, пока она можетъ надѣяться подкупить тирана.

А когда растетъ неравенство положеній, тогда само всеобщее голосованіе все болѣе и болѣе облегчаетъ захватъ источника власти, ибо при этомъ все большее и большее количество власти начинаетъ доставаться въ руки людей, которые не видятъ прямаго интереса въ руководствѣ общественными дѣлами, людей, замученныхъ нуждою и одурѣвшихъ отъ бѣдности, готовыхъ продавать свои голоса тому, кто дороже дастъ, готовыхъ слѣдовать за самымъ разъяреннымъ демагогомъ, людей, ожесточенныхъ лишеніями, которые будутъ смотрѣть на разнузданное и тиранническое правительство, пожалуй, даже съ тѣмъ удовольствіемъ, какое, мы можемъ представить себѣ, чувствовали римскіе пролетаріи и рабы, видя какъ Калигула или Неронъ неистовствовали надъ богатыми патриціями. Предположимъ общество съ республиканскими учрежденіями, въ которомъ одинъ классъ былъ бы слишкомъ богатъ, чтобы лишиться своего роскошнаго образа жизни, какъ бы плохо ни шло управленіе общественными дѣлами, а другой былъ бы настолько бѣденъ, что нѣсколько долларовъ въ день выборовъ въ его глазахъ имѣли бы больше значенья, чѣмъ любое отвлеченное разсужденіе, общество, въ которомъ немногіе утопали бы въ богатствѣ, а большинство со злобой смотрѣло бы на положеніе вещей, которому они не знали бы какъ помочь; — и въ такомъ случаѣ власть должна перейти или въ руки барышниковъ, которые покупали бы ее и продавали, какъ преторіанцы продавали римскій пурпуръ, или въ руки демагоговъ, которые захватывали бы ее и удерживали извѣстное время съ тѣмъ, чтобъ уступить свое мѣсто еще худшимъ демагогамъ.

Тамъ, гдѣ существуетъ нѣчто подобное равномѣрному распредѣленію богатства,—другими словами, гдѣ повсюду распространены патріотизмъ, порядочность и образованіе, тамъ правительство будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ оно демократичнѣе; но тамъ, гдѣ существуетъ крупное неравенство въ распредѣленіи богатства, тамъ правительство будетъ наоборотъ чѣмъ демократичнѣе, тѣмъ хуже; ибо, хотя сама по себѣ испорченная демократія и не можетъ быть хуже испорченной аристократіи, тѣмъ не менѣе хуже бываетъ ея дѣйствіе на національный характеръ. Дать право голоса бродягамъ, нищимъ, людямъ, для которыхъ самая возможносмь получить работу есть уже благодѣяніе, людямъ, которые должны просить, воровать или голодать,—значитъ вызвать общественное разложеніе; передать политическую власть въ руки людей ожесточенныхъ и униженныхъ бѣдностью, значитъ привязать горящія головни къ лисицамъ и пустить ихъ въ поля съ созрѣвающимъ хлѣбомъ, значитъ выколоть глаза Самсону и скрестить его руки на колоннѣ національной жизни.

Случайности престолонаслѣдія или избранія по жребію (обычай нѣкоторыхъ республикъ древняго міра) еще могутъ иногда сдѣлать властелиномъ мудраго и справедливаго; но испорченная демократія всегда стремится от-

дать власть наихудшему. Честность и патріотизмъ бываютъ въ угнетеніи, за недобросовѣстностью обезпеченъ успѣхъ. Лучшіе прячутся вглубь, худшіе выплываютъ наружу, и негодяй смѣняется лишь еще большимъ негодяемъ. А такъ какъ національный характеръ долженъ постепенно усвоивать тѣ качества, которыя ведутъ къ власти, и, слѣдовательно, къ уваженію, то при этомъ роковымъ образомъ развивается та деморализація общественнаго мнѣнія, которая, отъ времени до времени въ длинной панорамѣ исторіи, превращаетъ расы свободныхъ людей въ расы рабовъ.

Подобно тому какъ въ Англіи прошлаго столѣтія, когда парламентъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ замкнутой аристократической корпораціей, такъ и всюду испорченная олигархія, рѣздо отдѣленная отъ массы, можетъ существовать, не оказывая значительнаго дѣйствія на національный характеръ, ибо въ этомъ случаѣ власть ассоціируется въ народномъ представленіи отнюдь не съ испорченностью. Но тамъ, гдѣ не существуетъ наслѣдственныхъ отличій, а то и дѣло видишь, что люди благодаря своимъ порочнымъ качествамъ подымаются изъ низшихъ положеній до богатства и власти, — тамъ терпимость къ этимъ качествамъ наконецъ замѣняется удивленіемъ. Порочное демократическое правительство должно въ концѣ концовъ развратить народъ, а гдѣ развращенъ народъ,—тамъ возврата нѣтъ. Жизнь уже вымерла, остаются только развалины; и нужно ждать только лишь удара судьбы, чтобы не стало и ихъ.

То превращеніе народнаго правительства въ самый гнусный и унизительный деспотизмъ, которое должно быть неизбѣжнымъ результатомъ неравномѣрнаго распредѣленія богатства, отнюдь не есть еще дѣло отдаленнаго будущаго. Оно уже началось въ Соединенныхъ Штатахъ и быстро развивается на нашихъ глазахъ. Составъ нашихъ законодательныхъ учрежденій въ общемъ постоянно ухудшается, люди высокаго ума и характера волей-неволей уклоняются отъ политической дѣятельности, пріемы продажныхъ агитаторовъ начинаютъ получать больше значенія, чѣмъ репутація государственнаго мужа, къ голосованію относятся все съ бо́льшимъ равнодушіемъ, сила денегъ растетъ, становится болѣе труднымъ дѣломъ побуждать народъ къ необходимымъ реформамъ и болѣе тяжелымъ ихъ осуществлять; политическія различія перестаютъ быть различіями въ принципахъ, а отвлеченныя идеи теряютъ свою силу въ то время, какъ партіи начинаютъ пользоваться такою властію, какую при обыкновенномъ правительствѣ имѣютъ только олигархія и диктатура. Все это черты политическаго паденія.

Типичнымъ проявленіемъ современной цивилизаціи является большой городъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ самое крупное богатство и самую горькую бѣдность. И здѣсь мы всего яснѣе можемъ видѣть, что сталось съ несчастнымъ народнымъ правительствомъ. Во всѣхъ большихъ американскихъ городахъ въ

настоящее время существуетъ правящій классъ, столь же рѣзко обособленный, какъ и въ наиболѣе аристократическихъ странахъ свѣта. Члены этого класса распоряжаются по своему произволу голосами цѣлыхъ кварталовъ, вписываютъ и вычеркиваютъ имена кандидатовъ на сходкахъ избирателей, распредѣляютъ правительственные должности, какъ бы торгуясь между собой, и невѣдомо изъ какихъ средствъ, одѣваются по послѣдней модѣ и бросаютъ деньгами направо и налѣво. Они люди власти, милости ихъ честолюбивый человѣкъ долженъ искать и гнѣва ихъ долженъ бояться. А что это за люди? Можетъ быть это мудрые, добрые, ученые, люди которые заслужили довѣріе своихъ товарищей-согражданъ чистотою своей жизни, блескомъ своихъ талантовъ, испытанной честностью, глубокимъ изученіемъ государственныхъ вопросовъ? Нѣтъ, это карточные игроки, содержатели вертеповъ, кулачные бойцы или что нибудь и того хуже, которые сдѣлали себѣ промыселъ изъ покупки и продажи избирательныхъ голосовъ, общественныхъ должностей и правительственныхъ распоряженій. Ихъ роль въ управленіи этихъ городовъ та же, что роль преторьянцевъ въ Римѣ въ періодѣ его паденія. Хотѣлъ кто носить пурпуръ, сидѣть въ курульномъ креслѣ или ходить въ свитѣ ликторовъ, такъ отправлялся къ нимъ лично, или посылалъ своего довѣреннаго, дѣлалъ имъ подарки и давалъ обѣщанія. Это люди, чрезъ которыхъ богатыя корпораціи и могущественные денежные интересы имѣютъ возможность наполнять сенатъ и судъ своими креатурами. Это люди, которые даютъ мѣста школьныхъ директоровъ, городскихъ инспекторовъ, оцѣнщиковъ, членовъ законодательнаго корпуса и конгресса. И въ Соединенныхъ Штатахъ найдется не мало избирательныхъ округовъ, въ которыхъ Георгію Вашингтону, Веньямину Франклину или Томасу Джефферсону было бы такъ же трудно попасть въ нижнюю палату законодательнаго корпуса, какъ передъ первой революціей подлому крестьянину сдѣлаться Маршаломъ Франціи. Самая ихъ репутація была бы непреодолимымъ препятствіемъ къ этому.

Въ теоріи мы ярые демократы. Предложеніе принести въ жертву свинью въ храмѣ едва ли бы вызвало въ древнемъ Іерусалимѣ большій ужасъ и негодованіе, чѣмъ среди насъ предложеніе наградить чиномъ самаго выдающагося гражданина. А развѣ не возвышается среди насъ классъ людей, который имѣетъ всю власть аристократіи, не имѣя ни одного изъ ея достоинствъ? У насъ есть простые граждане, которые владѣютъ тысячами миль желѣзныхъ дорогъ, милліонами акровъ земли, средствами существованія огромной массы людей, которые назначаютъ губернаторовъ самодержавныхъ штатовъ, все равно какъ они назначаютъ своихъ прикащиковъ, выбираютъ сенаторовъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ они подыскиваютъ себѣ стряпчихъ, воля которыхъ имѣетъ такое же рѣшающее значенье въ законодательствѣ, какъ и воля французскаго короля, сидѣвшаго на тронѣ въ старинномъ

парламентѣ. Обратнымъ теченьемъ несетъ насъ снова къ тѣмъ старымъ порядкамъ, къ которымъ, казалось, мы никогда не вернемся. Ростъ ремесленнаго и торговаго класса постепенно разрушилъ феодализмъ, достигнувшій такого развитія, что люди даже небо представляли себѣ организованнымъ на феодальный ладъ, а первое и второе лицо Святой Троицы представляли себѣ какъ сюзерена и его главноуправляющаго. Но теперь развитіе мануфактурной промышленности и торговли, совершаясь среди общественной организаціи, въ которой земля сдѣлана частной собственностью, грозитъ заставить каждаго работника искать себѣ хозяина, какъ отсутствіе безопасности, слѣдовавшее за окончательнымъ паденіемъ Римской имперіи, заставляло каждаго свободнаго человѣка искать себѣ господина. Ничто, кажется, не чуждо этого стремленія. Промышленность повсюду клонится къ тѣмъ формамъ, когда одинъ является хозяиномъ, а множество его работниками. А гдѣ одинъ является хозяиномъ, а прочіе лишь исполняютъ, что онъ прикажетъ, тамъ этотъ одинъ будетъ повелѣвать другими, даже и въ такихъ вещахъ, какъ выборы. Все равно какъ англійскій землевладѣлецъ распоряжается голосами своихъ арендаторовъ, такъ въ Новой Англіи фабрикантъ распоряжается голосами своихъ рабочихъ.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что самыя основы общества рушатся на нашихъ глазахъ, въ то время какъ мы спрашиваемъ, *какъ* можетъ погибнуть такая цивилизація какъ наша, съ ея желѣзными дорогами, ежедневными газетами и электрическими телеграфами. Въ то время какъ литература проникнута тѣмъ вѣрованіемъ, что мы удалялись, удаляемся и будемъ удаляться все болѣе и болѣе отъ дикаго состоянія, у насъ на виду появляются несомнѣнные признаки того, что мы въ дѣйствительности возвращаемся снова къ состоянію варварства. Посмотрите: одной изъ характеристичныхъ чертъ варварскаго состоянія признается малое уваженіе къ правамъ личности и собственности. Что законы нашихъ предковъ, Англо-Саксовъ, въ наказаніе за убійство налагали штрафъ, пропорціональный званію жертвы, а наши законы не знаютъ сословнаго различія и защищаютъ низшаго отъ высшаго, самаго бѣднаго отъ самаго богатаго, одинаковой смертной казнью, разсматривается какъ доказательство ихъ варварства и нашей цивилизованности. А то, что пиратство, разбой, работорговля, мародерство нѣкогда считались законными занятіями, считается окончательнымъ доказательствомъ грубости того состоянія развитія, отъ котораго мы далеко ушли впередъ.

И тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ, несмотря на наши законы, всякій, имѣющій значительное состояніе и желающій убить кого либо, можетъ отправиться въ одинъ изъ нашихъ большихъ центровъ народонаселенія и дѣловой жизни и удовлетворить своему желанію, а затѣмъ отдаться въ руки правосудія, имѣя сто шансовъ противъ одного, что онъ будетъ наказанъ не

болѣе, какъ временнымъ тюремнымъ заключеніемъ и потерей суммы денегъ, пропорціональной частію его собственному богатству и частію богатству и общественному положенію убитаго имъ человѣка. Деньги эти отданы будутъ не семейству убитаго человѣка, которое лишилось въ немъ кормилица; не государству, которое лишилось гражданина, а адвокатамъ, которые умѣютъ затянуть дѣло, подыскать свидѣтелей и спутать присяжныхъ.

И такимъ же образомъ, если кто либо украдетъ солидный кушъ, то можетъ быть спокоенъ, что его назазаніе будетъ состоять на самомъ дѣлѣ только лишь въ потерѣ части украденнаго имъ; а если онъ украдетъ столько, что сдѣлается богатымъ человѣкомъ, то его будутъ поздравлять его знакомые, какъ въ прежнее время, вѣроятно, поздравляли пирата послѣ удачнаго разбоя. Даже если бы кто обобралъ людей, которые довѣрились ему, даже если бы кто обобралъ вдову и сироту, но если только онъ укралъ солидный кушъ, онъ можетъ спокойно на глазахъ у всѣхъ хвастаться своимъ состояніемъ.

И стремленіе въ этомъ направленіи все болѣе растетъ. Оно сказывается съ наибольшей силой тамъ, гдѣ всего больше неравенства въ распредѣленіи богатства, и является всюду, гдѣ возникаетъ это неравенство. Если это не возвратъ къ состоянію варварства, то что же это? Недостатки правосудія, на которыя я указывалъ, суть только одно изъ проявленій расшатанности всего состава правительственнаго механизма. Становится дѣломъ обыкновеннымъ слышать такіе разговоры, что лучше бы, молъ, было возвратиться къ первоначальнымъ принципамъ и отмѣнить законъ, такъ какъ тогда народъ для собственной защиты учредилъ бы комитеты общественной безопасности и взялъ бы правосудіе въ свои собственныя руки. На что же это указываетъ, на прогрессъ или на регрессъ?

Все это вещи, которыя можно наблюдать повсюду. Хотя мы этого не говоримъ открыто, но общее довѣріе къ республиканскимъ учрежденіямъ тамъ, гдѣ они достигли своего наиболѣе полнаго развитія, съуживается и слабѣетъ. Мы уже не встрѣчаемъ болѣе той твердой вѣры въ республиканскій принципъ, какъ источникъ національнаго благоденствія, какая нѣкогда существовала. Мыслящіе люди начинаютъ замѣчать его опасности, не понимая какъ ихъ устранить; начинаютъ усвоивать взглядъ Маколея и сомнѣваться во взглядѣ Джефферсона *). А народныя массы начинаютъ свыкаться съ растущей развращенностью. Самый зловѣщій признакъ въ современныхъ Соединенныхъ Штатахъ, это тотъ, что тамъ все болѣе и болѣе начинаютъ сомнѣваться въ существованіи честныхъ людей на общественной службѣ или смотрѣть на нихъ, какъ на дураковъ, которые не умѣютъ воспользоваться выгодами своего положенія. Другими словами, самъ народъ

*) См. письмо Маколея къ Рэндэлю, біографу Джефферсона.

становится развращеннымъ. Такимъ образомъ въ современныхъ Соединенныхъ Штатахъ республиканское правительство вступаетъ на путь, которымъ оно должно неизбѣжно идти при условіяхъ, создающихъ неравенство въ распредѣленіи богатства.

Куда ведетъ этотъ путь,—ясно для всякаго, кто только поразмыслитъ. Когда развращенность становится хронической, когда общественный духъ утрачивается, когда преданія чести, добродѣтели и патріотизма ослабѣваютъ, когда къ закону относятся съ пренебреженіемъ, а реформы становятся безнадежными, тогда въ гноящейся народной массѣ развиваются вулканическія силы, которыя и рвутъ и мечутъ, лишь только подходящій случай дастъ имъ выходъ. Сильные, ни передъ чѣмъ не останавливающіеся люди, являющіеся при этомъ случаѣ, становятся выразителями слѣпыхъ народныхъ желаній или лютыхъ народныхъ страстей, и сбрасываютъ формы, потерявшія свою жизненность. Мечъ снова становится могущественнѣе пера, и, въ чаду разрушенія, неистовства грубой силы и дикаго бѣшенства чередуются лишь съ періодами летаргіи погибающей цивилизаціи.

Откуда же могутъ прійти новые варвары? Прогуляйтесь по грязнымъ кварталамъ большихъ городовъ и вы, уже теперь, можете увидѣть ихъ собирающіяся орды! Но какъ погибнетъ знаніе? Люди перестанутъ читать, а книгами воспользуются для поджоговъ и для изготовленія ружейныхъ патроновъ.

Страшно подумать, какія ничтожныя слѣды остались бы отъ нашей цивилизаціи, если бы она прошла сквозь тѣ муки, которыми сопровождалось паденіе каждой изъ прежнихъ цивилизацій. Бумага не можетъ сохраняться такъ долго, какъ пергаментъ, а наши самые массивные постройки и монументы нельзя и сравнивать по прочности съ храмами, высѣченными изъ скалъ, и титаническими зданіями древнихъ цивилизацій *). Къ тому же наша изобрѣтательность дала намъ не только паровую машину и печатный станокъ, но и керосинъ, нитроглицеринъ и динамитъ.

Тѣмъ не менѣе въ наше время всякій намекъ на возможность того, что наша цивилизація склоняется къ упадку, кажется признакомъ безграничнаго пессимизма. Тѣ особыя теченія, о которыхъ я говорилъ, очевидны для мыслящихъ людей, однако и среди большинства мыслящихъ людей, какъ и среди народныхъ массъ, вѣра въ конечный прогрессъ еще глубока

---

*) При этомъ считаю поучительнымъ замѣтить, какъ недостаточно и какъ обманчиво было бы то представленіе о нашей цивилизаціи, какое могло бы быть составлено по религіознымъ и надгробнымъ памятникамъ нашего времени, а они вѣдь составляютъ единственный источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о погребенныхъ цивилизаціяхъ.

и сильна, и представляетъ изъ себя какъ бы догматъ, недопускающій тѣни сомнѣнья.

Однако всякій, кто вдумается въ предметъ, пойметъ, что такъ въ сущности и должно обстоять дѣло тамъ, гдѣ прогрессъ постепенно переходитъ въ регрессъ. Въ общественномъ развитіи, какъ и повсюду вообще, движеніе стремится сохранить прямолинейность, и потому, гдѣ прежде былъ прогрессъ, тамъ въ высшей степени трудно усмотрѣть упадокъ, даже когда онъ вполнѣ начался,—существуетъ почти непреодолимое влеченіе вѣрить, что поступательное движеніе, бывшее прогрессомъ, и въ своемъ продолженіи остается прогрессомъ. Та ткань вѣрованій, обычаевъ, законовъ, учрежденій и умственныхъ привычекъ, которую постоянно вырабатываетъ каждое общество, и которая производитъ въ личности, окутанной ею, всѣ особенности національнаго характера,—никогда не разбирается въ томъ же порядкѣ, въ какомъ она вырабатывалась Другими словами, при паденіи цивилизаціи, общество не идетъ назадъ тѣмъ самымъ путемъ, какимъ оно шло впередъ. Такъ, по отношенію къ формѣ правленія, паденіе цивилизаціи не поведетъ насъ назадъ отъ республики къ конституціонной монархіи и затѣмъ къ феодальной системѣ; а поведетъ къ диктатурѣ и анархіи. По отношенію къ религіи, оно не поведетъ насъ назадъ къ вѣрѣ нашихъ праотцовъ, къ протестантизму или католичеству, но поведетъ насъ къ новымъ формамъ суевѣрія, смутное представленіе о которыхъ мы можемъ составить себѣ по мормонизму и другимъ, того болѣе грубымъ «измамъ». По отношенію къ наукѣ, оно поведетъ насъ не къ Бэкону, а къ учености Китая. И нетрудно понять, почему регрессъ цивилизаціи, слѣдующій за періодомъ ея прогресса, можетъ быть настолько постепеннымъ, что до извѣстнаго времени будетъ оставаться не замѣченнымъ; нетрудно понять, почему такой упадокъ цивилизаціи неизбѣжно долженъ большинствомъ людей ошибочно приниматься даже за прогрессъ. Существуетъ, напримѣръ, огромная разница между греческимъ искусствомъ классическаго періода и искусствомъ восточной римской имперіи; однако переходъ отъ одного къ другому сопровождался или скорѣе вызывался соотвѣтственной перемѣною вкуса; и потому художники, всего быстрѣе слѣдовавшіе за этой перемѣной вкуса, считались въ свое время за выдающихся артистовъ. То же было и съ литературой. Дѣлаясь все болѣе бездушной, ребяческой и напыщенной, она оставалась въ соотвѣтствіи съ измѣнявшимся вкусомъ; и возраставшую слабость ея принимали за возраставшую силу и красоту. Дѣйствительно—хорошій писатель не нашелъ бы читателей; его сочли бы грубымъ, сухимъ или скучнымъ. Такимъ же образомъ падала драма; не оттого, чтобы былъ бы недостатокъ въ хорошихъ піесахъ, но оттого, что господствующимъ вкусомъ все болѣе и болѣе становился вкусъ менѣе образованнаго класса, который, конечно, смо-

трѣлъ на то, чѣмъ онъ всего болѣе восхищался, какъ на лучшее въ своемъ родѣ. Такъ и въ религіи; суевѣрія, вносимыя въ нее суевѣрной толпой, обыкновенно понимаются ею какъ улучшенія. При томъ же если при паденіи цивилизаціи, возвратъ къ варварскому состоянію и не считается прогрессомъ, то обыкновенно все же представляется необходимымъ для удовлетворенія требованій времени.

Недавно, напримѣръ, были возстановлены въ англійскомъ уложеніи о наказаніяхъ розги, какъ наказаніе за извѣстные проступки, при чемъ ихъ очень настойчиво расхваливали на нашей сторонѣ Атлантическаго океана. Я не стану рѣшать вопроса о томъ, насколько розги, какъ наказаніе за преступленіе, хуже или лучше тюремнаго заключенія. И указываю на этотъ фактъ, только какъ на примѣръ того, какъ увеличивающееся количество преступленій и затрудненія въ содержаніи заключенныхъ (вещи очевидныя въ настоящее время) могутъ повести за собой болѣе полный возвратъ къ физическимъ мученіямъ варварскихъ кодексовъ. Нетрудно также понять, что и употребленіе пытки, при судебныхъ слѣдствіяхъ, постоянно развивавшееся съ паденіемъ римской цивилизаціи, могло казаться въ то время, когда нравы грубѣли, а преступленія увеличивались, необходимымъ улучшеніемъ уголовнаго закона.

Существуютъ ли въ настоящихъ теченіяхъ мысли и вкуса какія либо указанія на регрессъ, этого намъ нѣтъ надобности изслѣдовать; многое тѣмъ не менѣе несомнѣнно указываетъ на то, что наша цивилизація достигаетъ критическаго періода, и что если не будетъ сдѣлано новыхъ усилій въ направленіи общественнаго равенства, то девятнадцатый вѣкъ можетъ для будущаго времени оказаться вѣкомъ наивысшаго ея развитія. Эти промышленные застои, причиняющіе такія же опустошенія и страданія, какъ голодъ или война, подобны болямъ и припадкамъ, предшествующимъ параличу. Повсюду очевидно, что стремленіе къ неравенству, это необходимое слѣдствіе матеріальнаго прогресса тамъ, гдѣ земля монополизирована, не можетъ развиваться значительно далѣе, безъ того, чтобы не выдвинуть нашу цивилизацію на тотъ наклонный путь, на который такъ легко вступить и который такъ не легко покинуть. Возрастающая трудность борьбы за существованіе, увеличивающаяся необходимость напрягать каждый нервъ, чтобы не быть опрокинутымъ и растоптаннымъ подъ ногами въ погонѣ за богатствомъ, всюду высасываетъ тѣ силы, которыя должны бы были служить прогрессу. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ увеличивается нищета, преступленія, сумасшествія и самоубійства. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ увеличиваются болѣзни, происходящія отъ чрезмѣрнаго напряженія нервовъ, отъ недостаточнаго питанія, отъ скверныхъ помѣщеній, отъ нездоровыхъ и однообразныхъ занятій, отъ преждевременной работы дѣтей, отъ

трудовъ и преступленій, на которыя бѣдность обрекаетъ женщинъ. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ средняя продолжительность жизни, постепенно возраставшая въ теченіе многихъ столѣтій и, кажется, достигавшая своей кульминаціонной точки приблизительно въ первой четверти нашего столѣтія, теперь, повидимому, уже уменьшается *).

Нѣтъ, не на прогрессъ цивилизаціи указываетъ все это, а на цивилизацію, въ своихъ низовыхъ теченіяхъ уже начавшую отступать назадъ. Приливъ въ заливѣ или рѣкѣ не весь разомъ переходитъ въ отливъ; тутъ вода еще прибываетъ, а тамъ уже начала упадать. Когда солнце проходитъ чрезъ меридіанъ, можно замѣтить лишь по направленію кратчайшей тѣни; дневной жаръ еще и послѣ того увеличивается. Но мы увѣрены, что кончающійся приливъ скоро долженъ превратиться въ полный отливъ; мы увѣрены, что за склоняющимся солнцемъ должна послѣдовать темнота, и мы увѣрены, что цивилизація уже начала падать, если, по отношенію къ числу народонаселенія, люди должны теперь строить все больше и больше тюремъ, все больше и больше богадѣленъ, все больше и больше домовъ для умалишенныхъ, — хотя бы знаніе росли, изобрѣтенія прибавлялись къ изобрѣтеніямъ, засѣлялись новыя страны и расширялись города. Общество умираетъ не отъ вершины къ корнямъ, но умираетъ отъ корней къ вершинѣ.

Существуетъ однако доказательство стремленія нашей цивилизаціи къ упадку гораздо болѣе ясное, чѣмъ то, какое можетъ намъ дать статистика. Всюду замѣтно смутное, но общее чувство разочарованія, усиливающееся озлобленіе среди рабочихъ классовъ, какое то безпокойство и революціонное броженіе. Если бы такое состояніе сопровождалось опредѣленнымъ представленіемъ о томъ, какъ можно помочь бѣдѣ, то у насъ было бы еще хорошее предзнаменованіе; а этого-то и нѣтъ. Люди имѣли достаточно времени, чтобы научиться, но ихъ способность относить слѣдствіе къ причинѣ видимо ни на чуточку не подвинулась впередъ. И вотъ на нашихъ глазахъ совершается реакція въ направленіи протенціонизма, и въ направленіи другихъ явныхъ политическихъ заблужденій **). А та огромная пере-

---

*) Статистическія данныя, показывающія это, въ удобной формѣ собраны въ книгѣ, озаглавленной «Вырожденіе и воспитаніе расы» Самуила Ройса (Deterioration and Race Sducation, by Samuel Royce), которая получила широкое распространеніе благодаря почтенному Петру Куперу изъ Нью-Іорка. Какъ это ни странно, но единственнымъ средствомъ для борьбы со зломъ, предложеннымъ г. Ройсомъ, является учрежденіе дѣтскихъ садовъ.

**) Въ смыслѣ акта государственной мудрости,—въ отношеніи пониманія основныхъ принциповъ и приспособленія средствъ къ цѣлямъ, конституція Соединенныхъ Штатовъ, установленная сто лѣтъ тому назадъ, стоитъ неизмѣримо выше новѣйшихъ конституцій отдѣльныхъ штатовъ, изъ которыхъ самая новая, конституція Калифорніи, представляетъ изъ себя лишь жалкій наборъ словъ.

мѣна въ религіозныхъ понятіяхъ, которая въ настоящее время совершается въ цивилизованномъ мірѣ, даже и свободомыслящему философу не можетъ не казаться фактомъ ужаснымъ, могущимъ имѣть самыя важныя послѣдствія въ будущемъ. Ибо совершающаяся перемѣна касается не только формы религіи, а является отрицаніемъ и разрушеніемъ самыхъ основъ, на которыя опирается всякая религія. Христіанство не просто освобождается отъ суевѣрій, но въ народномъ сознаніи умираетъ уже въ самомъ корнѣ, какъ умирали древнія языческія вѣрованія, въ то время когда христіанство вступало въ міръ. И нигдѣ ничего не видно, что могло бы занять его мѣсто. Среди народныхъ массъ быстро утрачиваются основныя понятія о разумномъ Творцѣ и о будущей жизни. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ считать ли совершающуюся перемѣну за прогресъ или нѣтъ, мы во всякомъ случаѣ, въ виду той роли, которую религія играла въ міровой исторіи, должны признать эту перемѣну за перемѣну величайшей важности. И если только человѣческая природа не измѣнилась внезапно въ томъ, что за все время, какъ показываетъ исторія человѣчества, являлось ея глубочайшей характеристичной чертой, мы вправѣ ожидать великихъ событій и переворотовъ. И въ прежнее время подобныя состоянія мысли всегда являлись особенностью переходныхъ эпохъ. Менѣе сильное и менѣе глубокое (ибо, въ настоящее время матеріалистическія идеи захватываютъ самую глубь почвы, а не одну только поверхность) подобное же броженіе мысли предшествовало Французской Революціи. А самое близкое подобіе совершающагося теперь крушенія религіозныхъ идей находимъ мы въ томъ періодѣ, когда древняя цивилизація стала переходить отъ блеска къ упадку. Какая перемѣна должна наступить, этого не можетъ сказать ни одинъ смертный; но что *должна* наступить какая-то великая перемѣна, это начинаютъ сознавать всѣ мыслящіе люди. Цивилизованный міръ ждетъ какого-то великаго движенія. Или это будетъ прыжокъ кверху, который откроетъ путь къ успѣхамъ, о какихъ мы и не мечтали, или это будетъ движеніе внизъ, которое вернетъ насъ снова къ варварскому состоянію.

ГЛАВА V.

Центральная истина.

Въ виду того малаго мѣста, какимъ по необходимости я долженъ ограничить эту послѣднюю часть нашего изслѣдованія, я принужденъ опускать многое изъ того, что мнѣ хотѣлось бы сказать, и только слегка касаться того, что заслуживаетъ, пожалуй, всесторонняго разсмотрѣнія.

Тѣмъ не менѣе, полагаю, мнѣ все же удалось показать, что истина, къ которой мы пришли въ политико-экономической части нашего изслѣдованія, также обнаруживается на фактахъ возвышенія и паденія націй, роста и упадка цивилизаціи, и согласуется съ тѣмъ глубоко коренящимся сознаніемъ связи и порядка, которое мы называемъ нравственнымъ чувствомъ. И такимъ путемъ наши заключенія получили наибольшую вѣроятность и наивысшую санкцію.

Истина эта заключаетъ въ себѣ и угрозу и обѣщаніе. Съ одной стороны она убѣждаетъ насъ въ томъ, что зло, происходящее отъ того несправедливаго и неравномѣрнаго распредѣленія богатства, которое выражается все болѣе и болѣе рѣзко, по мѣрѣ того, какъ развивается наша цивилизація, что зло это не есть случайное слѣдствіе прогресса, но есть сила, которая должна остановить прогрессъ; что зло это не пройдетъ само собой, а напротивъ если не будетъ устранена его причина, должно все расти и расти, пока не приведетъ насъ назадъ къ варварскому состоянію тѣмъ путемъ, какимъ проходили и прежнія цивилизаціи. Но съ другой стороны истина эта убѣждаетъ насъ также въ томъ, что зло это не налагается естественными законами; что оно вытекаетъ единственно изъ дурныхъ общественныхъ учрежденій, игнорирующихъ естественные законы, и что устранивъ причину зла мы дадимъ прогрессу огромную силу движенія.

Бѣдность, которая посреди изобилія мучаетъ и ожесточаетъ людей, и всѣ тѣ разнообразныя несчастія, которыя бываютъ ея спутниками, вытекаютъ изъ непризнанія справедливости. Допуская монополизацію благъ, которыя природа щедро предлагаетъ каждому, мы игнорировали основной законъ справедливости,—ибо, насколько мы можемъ видѣть, внимательно вглядываясь въ окружающее насъ, справедливость, внѣ сомнѣнія, составляетъ высшій законъ вселенной. Но устранивъ эту несправедливость и утвердивъ права всѣхъ людей на дары природы, мы станемъ въ соотвѣтствіе съ закономъ, устранимъ великую причину неестественнаго неравенства въ распредѣленіи богатства и власти, уничтожимъ бѣдность, укротимъ безжалостную жадность, изсушимъ источники порока и горя, внесемъ во тьму свѣтъ знанія, дадимъ новую силу изобрѣтательности и свѣжій импульсъ къ открытіямъ, замѣнимъ

политической силой политическую слабость и сдѣлаемъ невозможными тиранію и анархію.

Реформа, которую я предложилъ, согласуется со всѣмъ, что представляется желательнымъ въ политическомъ, общественномъ или нравственномъ отношеніи. Она имѣетъ свойства истинной реформы, ибо она дѣлаетъ всѣ другія реформы болѣе легкими. Она есть ничто иное, какъ примѣненіе, согласное буквѣ и смыслу, истины, провозглашенной въ Декларацiи о Независимости, той «самопонятной» истины, которая составляетъ сердце и душу Декларацiи—«*Что всѣ люди созданы равными, что они надѣлены ихъ Творцомъ извѣстными неотчуждаемыми правами, и между ними правомъ на жизнь, свободу и исканіе счастія!*»

Права эти отрицаютъ, когда отрицаютъ равенство правъ на землю, на которой и отъ которой люди только и могутъ существовать. Равенство политическихъ правъ не можетъ вознаградить за лишеніе равнаго права на щедрость природы. Политическая свобода, когда не признается равное право на землю, становится, по мѣрѣ того какъ растетъ народонаселеніе и совершаются изобрѣтенія, просто свободою доводить конкурренціею заработную плату до точки голоданія. Мы пренебрегли этой истиной. И вотъ являются нищіи на нашихъ улицахъ и бродяги на нашихъ дорогахъ; бѣдность превращаетъ въ рабовъ тѣхъ людей, которыхъ мы величаемъ политическими властелинами; а нужда выращиваетъ невѣжество, котораго не въ силахъ просвѣтить наши школы; граждане вотируютъ такъ, какъ диктуютъ имъ ихъ хозяева; вмѣсто государственныхъ людей дѣлами управляютъ демагоги, и на вѣсахъ правосудія взвѣшивается золото; высшія должности занимаютъ люди, неимѣющіе и понятія о гражданской доблести; и самые устои республики, которые мы считали такими крѣпкими, уже гнутся подъ увеличивающимся давленіемъ.

Мы почитаемъ свободу только по имени и внѣшнимъ образомъ. Мы воздвигаемъ ея статуи и воспѣваемъ ея въ хвалебныхъ гимнахъ. Но мы никогда вполнѣ еще не довѣряли ей. А съ нашимъ ростомъ растутъ и ея требованія. Она не хочетъ болѣе служенія двумъ господамъ.

Свобода! этимъ словомъ слѣдуетъ заклинать, а не раздражать слухъ въ пустыхъ величаніяхъ. Ибо свобода значитъ справедливость, а справедливость есть естественный законъ, — законъ здоровья, красоты и силы, братства и совмѣстной дѣятельности. Тѣ, которые полагаютъ, что свобода уже выполнила свою миссію, уничтоживъ наслѣдственныя привиллегіи и давъ людямъ избирательные шары, тѣ, которые думаютъ, что она не имѣетъ дальнѣйшихъ отношеній къ занятіямъ повседневной жизни, тѣ не поняли ея истиннаго величія, — для нихъ поэты, которые ее воспѣвали, должны казаться рифмоплетами, а ея мученики — безумцами! Какъ солнце въ природѣ

есть владыка жизни и свѣта; какъ его лучи, просвѣчивая сквозь облака, даютъ возможность всему расти, поддерживаютъ всюду движеніе и вызываютъ изъ той массы, которая иначе была бы холодной и недвижимой, безконечное разнообразіе жизни и красоты, такъ и свобода среди человѣчества. Нѣтъ, не ради какой-то отвлеченности люди изнурялись и умирали; нѣтъ, не изъ-за какой-то отвлеченности во всѣ вѣка выступали люди на защиту Свободы и погибали въ мученіяхъ за нее.

Мы говоримъ о свободѣ, съ одной стороны, и о добродѣтели, богатствѣ, знаніи, изобрѣтательности, національной силѣ и національной независимости,—съ другой, какъ о чемъ-то различномъ. Но, вѣдь, свобода есть источникъ всего прочаго, его мать, его необходимое условіе. Она для добродѣтели то же, что свѣтъ для краски; для богатства то же, что солнечное сіяніе для колоса; для знанія то же, что глаза для зрѣнія. Она есть геній изобрѣтенія, мышца національной силы, духъ національной независимости. Гдѣ развивается свобода, тамъ развивается добродѣтель, увеличивается богатство, распространяется знаніе, и изобрѣтательность усугубляетъ человѣческія силы, такъ что народъ болѣе свободный по силѣ и духу выростаетъ въ кругу своихъ сосѣдей подобно Саулу между его братьями,—и болѣе высокимъ и болѣе красивымъ. Гдѣ свобода падаетъ, тамъ блекнетъ добродѣтель, уменьшается богатство, забывается знаніе, изобрѣтательность останавливается, и государства, нѣкогда могущественныя и на войнѣ и въ мирѣ, становятся безпомощной добычей болѣе свободныхъ варваровъ!

До сихъ поръ свобода сіяла между людьми лишь отраженными лучами и неполнымъ блескомъ; тѣмъ не менѣе весь прогрессъ вызывала лишь она.

Свобода явилась къ племени рабовъ, пресмыкавшемуся подъ египетскими плетьми, и вывела его вонъ изъ Дома Неволи. Она закалила его въ пустынѣ и сдѣлала изъ него племя завоевателей. Свободный духъ Моисеева Закона поднялъ его мыслителей до такой высоты, что они постигли единство божіе, и внушилъ его поэтамъ такіе образы, которые еще и теперь выражаютъ самыя возвышенныя настроенія мысли. Заря свободы показалась на Финикійскомъ прибрежьѣ, и корабли прошли за Геркулесовы Столбы, чтобы бороздить невѣдомое море. Она освѣтила неполнымъ свѣтомъ Грецію, и мраморъ превратился въ образы идеальной красоты, слово сдѣлалось выразителемъ самой утонченной мысли, и о немногочисленную милицію свободныхъ городовъ должны были разбиться несмѣтныя полчища Великаго Царя подобно волнамъ объ утесъ. Она бросила свои лучи на полутородесятинныя хозяйства италійскихъ крестьянъ, и изъ ея могущества возникла сила, которая завоевала свѣтъ. Она блеснула на щитахъ германскихъ воиновъ, и Августу пришлось оплакивать свои легіоны. Во мракѣ, который послѣдовалъ за ея затмѣніемъ, косвенные лучи ея упали снова на свободные города, и снова

явилось утраченное знаніе, возникла новая цивилизація, открытъ былъ новый свѣтъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ росла свобода, росло искусство, богатство, могущество, знаніе и утонченность. Да и въ исторіи каждаго народа мы можемъ прослѣдить ту же истину. Развѣ не сила, порожденная Великой Хартіей, побѣдила при Креси и Азинкурѣ? Развѣ не оживленіе свободы вслѣдъ за деспотизмомъ Тюдоровъ прославило вѣкъ Елизаветы. Развѣ не энергія древней свободы сдѣлала Испанію въ тотъ моментъ, когда она достигла единства, могущественнѣйшей державой въ свѣтѣ, только для того, чтобы бросить ее въ самую глубь безсилія въ то время, когда тираннія заступила мѣсто свободы. Посмотрите, какъ во Франціи вся интеллектуальная сила утрачивается при тираніи семьнадцатаго вѣка, и возрождается при пробужденіи свободы въ блескѣ восемьнадцатаго вѣка, какъ изъ освобожденія французскихъ крестьянъ во время Великой Революціи возникаетъ та чудесная сила, которая еще и въ наше время можетъ смѣяться надъ пораженіемъ.

Можемъ ли мы не довѣрять свободѣ?

И въ наше время, какъ бывало и въ прежнія времена, ползутъ отовсюду коварныя силы, которыя, производя неравенство, уничтожаютъ Свободу. И тучи на горизонтѣ начинаютъ принимать мрачный, угрожающій видъ. Свобода снова зоветъ насъ. Мы должны послѣдовать за ней; мы должны довѣриться ей вполнѣ. Или мы должны повсюду допустить ее, или она покинетъ насъ. Еще недостаточно, чтобы люди имѣли право голоса; еще недостаточно, чтобы они были теоретически равными передъ закономъ. Надо еще, чтобы они имѣли свободу пользоваться благами и средствами жизни; чтобы они стояли на правахъ равенства въ отношеніи щедротъ природы. Или это, или Свобода унесетъ свой свѣтъ. Или это, или наступитъ тьма, и тѣ самыя силы, которыя развивалъ прогрессъ обратятся въ силы, направленныя на разрушеніе. Таковъ міровой законъ. Это урокъ столѣтій. Общественный строй не можетъ держаться, если его основы не опираются на справедливость.

Наше основное общественное учрежденіе есть отрицаніе справедливости. Допустивъ одного человѣка владѣть землей, на которой и отъ которой должны кормиться прочіе люди, мы сдѣлали ихъ рабами въ степени, которая увеличивается вмѣстѣ съ развитіемъ матеріальнаго прогресса. Именно это учрежденіе во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ выжимаетъ изъ народной массы, непонятными для нея путями, плоды ея тяжелаго труда; на мѣсто уничтоженнаго рабства ставитъ рабство болѣе жестокое и болѣе безнадежное, вырабатываетъ изъ политической свободы политическій деспотизмъ и вскорѣ замѣнитъ демократическія учрежденія анархіей.

Именно оно превращаетъ благословенія матеріальнаго прогресса въ проклятіе. Именно оно загоняетъ человѣческія существа въ отвратительные подвалы и въ грязные ночлежные дома; наполняетъ тюрьмы и вертепы раз-

врата, мучаетъ людей нуждой и моритъ ихъ голодомъ, лишаетъ женщинъ граціи и красоты совершенной женственности, и отымаетъ у маленькихъ дѣтей радость и невинность жизненнаго утра.

Цивилизація, такимъ образомъ основанная, не можетъ продолжаться. Вѣчные законы вселенной не дозволятъ ей этого. Развалины погибшихъ царствъ свидѣтельствуютъ и внутренній голосъ человѣка подтверждаетъ, что такъ она не можетъ продолжаться. Нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ благотворительность, нѣчто болѣе величественное, чѣмъ милосердіе,—сама справедливость требуетъ отъ насъ устранить указанную неправду. Справедливость, которая не допуститъ чтобъ ею пренебрегали, и съ которой раздѣлаться не легко. Справедливость, которая вмѣстѣ съ вѣсами носитъ мечъ. Творецъ ниспослалъ намъ своихъ даровъ болѣе, чѣмъ достаточно для всѣхъ. А мы, подобно свиньямъ, которыя лезутъ къ ѣдѣ, топчемъ ихъ въ грязи, и въ то же время рвемъ и терзаемъ другъ друга.

Въ самыхъ центрахъ нашей цивилизаціи въ настоящее время столько нужды и страданія, что сердце болитъ у всякаго, кто не закрываетъ своихъ глазъ и не закаляетъ своихъ нервовъ. А дерзнемъ ли мы обращаться къ Создателю и просить его помощи? Предположите, что молитва была бы услышана, и по слову, по которому началъ существовать міръ, солнце стало бы грѣть съ большей силой, воздухъ сдѣлался бы болѣе живительнымъ, почва получила бы свѣжую силу, вмѣсто каждой одной былинки, ростущей теперь, явились бы двѣ, и то сѣмя, которое теперь родится самъ-пятьдесятъ, стало бы родится самъ-сто. Могло ли это уменьшить бѣдность и облегчить нужду? Очевидно, нѣтъ. Какое бы благодѣяніе не было сдѣлано, оно принесло бы только временное облегченіе. Новыя силы, явившіяся въ матеріальный міръ, могли бы быть утилизированы только лишь при посредствѣ земли. А такъ какъ земля составляетъ частную собственность, то тѣ люди, которые въ настоящее время монополизируютъ благость Создателя, монополизировали бы и всякую новую Его благость. Были бы облагодѣтельствованы единственно землевладѣльцы. Рента возрастала бы, а заработная плата все продолжала бы стремиться къ точкѣ голоданія.

Это не просто одинъ изъ выводовъ политической экономіи; это дѣло опыта. Мы знаемъ это потому, что мы видѣли это. Въ предѣлахъ нашего времени, на самыхъ глазахъ у насъ, та Сила, которая выше всего, во всемъ и чрезо все; та Сила, которой весь міръ есть лишь одно изъ проявленій, та Сила, которая создала все и безъ которой ничто не начало быть, умножала благость, которой люди могли пользоваться совсѣмъ такъ же, какъ если бы увеличивалось плодородіе природы. Въ голову одного человѣка пришла мысль, какъ запречь паръ для служенія людямъ. Внутренній голосъ шепнулъ другому секретъ, какъ заставить молнію летать съ вѣстями вокругъ

свѣта. Во всѣхъ направленіяхъ изучались законы матеріи и во всѣхъ отрасляхъ промышленности брались за работу желѣзныя руки и стальные пальцы, а это оказывало то же дѣйствіе на производство, какъ если бы увеличивалась щедрость природы. Что же оказывалось въ результатѣ? Да просто то, что вся выгода досталась землевладѣльцамъ. Чудныя открытія и изобрѣтенія нашего вѣка не увеличивали заработной платы, не облегчали труда. Слѣдствіемъ ихъ оказалось просто то, что немногіе дѣлались болѣе богатыми, а масса становилась всё болѣе безпомощной.

Можетъ ли быть, чтобы дары Создателя могли такимъ образомъ расхищаться безнаказанно? Развѣ ужъ это такая неважная вещь, что трудъ лишается своихъ пріобрѣтеній, въ то время какъ жадность утопаетъ въ богатствѣ, — что масса терпитъ нужду, въ то время какъ немногіе страдаютъ отъ излишества? Обратитесь къ исторіи, и на каждой страницѣ вы будете наталкиваться на доказательства того, что подобная неправда никогда не проходитъ безнаказанной; что Немезида, преслѣдующая несправедливость, никогда не колеблется и никогда не спитъ. Да оглянитесь и теперь кругомъ себя. Можетъ ли продолжаться такое состояніе вещей? Можно ли даже сказать теперь «Послѣ насъ хоть потопъ»? Нѣтъ, устои государства дрожатъ даже теперь, и самыя основы общества начинаютъ колебаться отъ могучихъ силъ, ищущихъ выхода. Борьба, которая должна или дать новую жизнь, или обратить все въ развалины, уже близка, если только не началась.

Приказаніе отдано. Вмѣстѣ съ паромъ, электричествомъ и новыми силами, порожденными прогрессомъ, въ міръ вступили силы, которыя или подымутъ насъ еще выше или низвергнутъ насъ, какъ ранѣе были низвергаемы народъ за народомъ, цивилизація за цивилизаціей. Только обольщеніе, предшествующее пораженію, можетъ видѣть въ томъ лихорадочномъ народномъ безпокойствѣ, какое мы видимъ всюду въ цивилизованномъ мірѣ, лишь преходящее слѣдствіе эфемерныхъ причинъ. Между нашими демократическими идеями и аристократическими учрежденіями общества существуетъ непримиримое разногласіе. И какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и въ Европѣ, оно становится все болѣе и болѣе рѣзкимъ. Мы не можемъ болѣе допускать людей до голосованія и заставлять ихъ бродяжничать; мы не можемъ болѣе воспитывать мальчиковъ и дѣвочекъ въ общественныхъ школахъ и въ то же время лишать ихъ права добиваться независимаго существованія; мы не можемъ болѣе болтать о неотчуждаемыхъ правахъ человѣка и въ то же время не признавать его неотчуждаемаго права на благость Творца. Уже теперь въ старыхъ мѣхахъ новое вино начинаетъ бродить, и стихійныя силы собираются для борьбы.

Но если пока еще есть время, мы обратимся къ Справедливости и под-

чинимся ей, если мы довѣримся Свободѣ и послѣдуемъ за нею, то мы минуемъ опасности, грозящія намъ теперь, и силы, нынѣ враждебныя намъ, сдѣлаются орудіями нашего возвышенія. Подумайте только о тѣхъ средствахъ, которыя теперь растрачиваются; о тѣхъ безконечныхъ поляхъ, которыя еще предстоитъ изслѣдовать знанію; о тѣхъ усовершенствованіяхъ, на которыя лишь намекаютъ чудныя изобрѣтенія нашего вѣка. Пусть не станетъ нужды, пусть замѣнится жадность благородными стремленіями; пусть братство, какъ слѣдствіе равенства, займетъ мѣсто зависти и страха, которые теперь возстановляютъ людей другъ противъ друга; пусть освободится умственная сила вслѣдствіе тѣхъ условій, которыя дадутъ самому малому удобство и досугъ, и кто скажетъ тогда, до какой высоты въ состояніи будетъ подняться наша цивилизація? Словъ не хватаетъ для выраженія ея. То будетъ Золотой Вѣкъ, который воспѣвали поэты и о которомъ говорили въ образахъ вдохновенные пророки. То будетъ то самое, что видѣлъ человѣкъ на островѣ Патмосѣ, глаза котораго закрывались въ изступленіи. То будетъ высшее состояніе Христіанства,—то будетъ Градъ Божій на землѣ, съ его стѣнами изъ яшмы и воротами изъ жемчуга. То будетъ царство Князя Мира!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Проблема индивидуальной жизни.

Я сдѣлалъ свое дѣло и сказалъ всё, что хотѣлъ сказать.

Но мысль однако стремится еще далѣе. Проблемы, изученныя нами, ведутъ насъ къ проблемѣ еще болѣе возвышенной и серьезной. Позади проблемъ общественной жизни вырисовывается проблема индивидуальной жизни. Для меня оказалось невозможнымъ думать о первыхъ не думая о второй, и, я полагаю, окажется это невозможнымъ и для всякаго, кто читая эту книгу, будетъ слѣдовать мысленно за мною. Ибо, какъ выражается Гизо, «когда окончена исторія цивилизаціи, когда не остается ничего болѣе сказать относительно нашего теперешняго существованія, тогда человѣкъ неизбѣжно спрашиваетъ себя, да неужели же все исчерпано, неужели онъ достигъ конца всего»?

Этой проблемы я не могу теперь разбирать во всей ея полнотѣ. Я касаюсь ея только потому, что одна мысль, которая являлась для меня несказанной радостью въ то время, когда я писалъ эту книгу, можетъ оказаться

также радостью и для нѣкоторыхъ лицъ, которыя будутъ читать ее; ибо какова бы ни была судьба моей книги, она во всякомъ случаѣ попадетъ въ руки кой-кого изъ тѣхъ лицъ, которыя въ глубинѣ своего сердца рѣшили принять участіе въ новомъ крестовомъ походѣ. Мысль эта придетъ къ нимъ и безъ моего внушенія; однако, мы бываемъ болѣе увѣрены, что видимъ звѣзду, когда знаемъ, что и другіе видятъ ее.

Истина, которую я пытался выяснить, не встрѣтитъ легкаго пріема. Будь это возможно, такъ она была бы принята давнымъ давно тому назадъ. Будь это возможно, такъ она никогда бы и не затемнялась въ сознаніи людей. Однако она найдетъ друзей, такихъ, которые будутъ трудиться ради нея, страдать ради нея и, если нужно, умирать ради нея. Ибо такова сила Истины.

Но восторжествуетъ ли она наконецъ? Въ концѣ концовъ, да. Но въ наше время или во время, до котораго сохранится какое-либо воспоминаніе о насъ, кто это скажетъ?

Одно лишь разочарованіе и горечь ожидаютъ человѣка который видя нужду и страданіе, невѣжество и грубость, зависящія отъ несправедливыхъ общественныхъ учрежденій, стремится, насколько позволяютъ его силы, исправить зло. Такъ было встарину. Такъ это водится и теперь. Но самая горькая мысль,—а она иногда является къ самому лучшему и самому смѣлому,—это мысль о безнадежности усилія, о безполезности жертвы. Сколь немногимъ изъ тѣхъ, которые сѣютъ сѣмя, дано видѣть, какъ оно всходитъ, или даже съ увѣренностію знать, что оно взойдетъ.

Не будемъ скрывать этого. Много разъ знамя Истины и Справедливости подымалось въ этомъ мірѣ, и много разъ попиралось, нерѣдко въ крови. Еслибъ слабы были силы, враждебныя Истинѣ, то какъ могло бы заблужденіе такъ долго господствовать? Если бы справедливости стоило только поднять голову, чтобы обратить предъ собой въ бѣгство несправедливость, то какъ могли бы такъ долго стонать угнетенные?

Но для тѣхъ людей, которые видятъ Истину и готовы слѣдовать ей; для людей, которые признаютъ справедливость и готовы защищать ее, для такихъ людей успѣхъ не есть еще единственная вещь. Успѣхъ! Какъ часто приводитъ къ нему ложь, какъ часто приводитъ къ нему несправедливость. Но развѣ не дадутъ Истина и Справедливость чего либо такого, что есть ихъ собственность въ силу несомнѣннаго права, ихъ собственность по самому существу, а не въ силу случайности?

Что они должны дать, и притомъ здѣсь и теперь, это знаетъ всякій, кто испыталъ на себѣ ихъ возвышающее дѣйствіе. Но иногда надвигаются тучи. Грустно бываетъ читать біографіи людей, которые желали что нибудь сдѣлать для своихъ собратьевъ. Сократа отравили; Гракха побили палками

и камнями, а Одного, самаго великаго и самаго чистаго изъ всѣхъ, распяли. И это только лишь выдающіеся примѣры. Сколько благородныхъ людей въ каждой странѣ закрывало свои глаза въ бѣдности и нуждѣ, въ пренебреженіи и презрѣніи, нигдѣ не встрѣчая даже симпатіи, которая была бы такъ дорога? Это мы видимъ.

Но все ли мы видимъ?

Въ этомъ изслѣдованіи я держался хода моей собственной мысли. Когда въ душѣ, я приступилъ къ нему, я не имѣлъ ни теоріи, которую мнѣ хотѣлось бы поддержать, ни заключеній, которыя мнѣ хотѣлось бы доказать. Только увидѣвъ впервые отвратительную нищету большого города, я остановился пораженный и встревоженный и сталъ настойчиво думать о томъ, гдѣ ея причина и какъ ей можно помочь.

Но при этомъ изслѣдованіи я натолкнулся на нѣчто такое, чего я отнюдь не ожидалъ, и вѣра, которая была мертва, снова во мнѣ ожила.

Вѣра въ будущую жизнь естественна и глубока. Она растетъ вмѣстѣ съ интеллектуальнымъ ростомъ и можетъ быть никто въ дѣйствительности не чувствуетъ ее сильнѣе тѣхъ людей, которые начали уже понимать, какъ велика вселенная и какъ безконечны тѣ пространства, которыя открываетъ передъ нами каждый успѣхъ въ знаніи, — пространства, изслѣдовать которыя требуется не менѣе, какъ вѣчность. Однако въ умственной атмосферѣ нашего времени, для огромнаго большинства людей, на которыхъ простые догматы утратили свое вліяніе, кажется невозможнымъ смотрѣть на эту вѣру иначе, какъ на пустую и ребяческую надежду, возникающую изъ человѣческаго эгоизма, для которой нѣтъ ни малѣйшаго основанія или оправданія, и которая, напротивъ того, оказывается несовмѣстимой съ положительнымъ знаніемъ.

Тѣмъ не менѣе прослѣдивъ и разобравъ тѣ идеи, которыя разбиваютъ вѣру въ будущую жизнь, мнѣ думается, мы найдемъ ихъ источникъ не въ какихъ либо открытіяхъ физическихъ наукъ, а лишь въ извѣстныхъ ученіяхъ политической и общественной науки, глубоко повліявшихъ на мысль во всѣхъ ея направленіяхъ. Мы найдемъ, что идеи эти коренятся въ ученіяхъ о томъ, будто существуетъ стремленіе къ произведенію большаго числа человѣческихъ существъ, чѣмъ сколько можетъ прокормиться, будто порокъ и нищета суть слѣдствія естественныхъ законовъ, суть средства къ дальнѣйшему развитію и будто человѣческій прогрессъ обусловливается медленнымъ расовымъ улучшеніемъ. Ученія эти, принятыя вообще какъ испытанныя истины, и дѣлаютъ собственно то, чего отнюдь не дѣлаютъ выводы естественныхъ наукъ (если исключить тѣ научныя истолкованія ихъ, на которыхъ сказалось вліяніе упомянутыхъ ученій),—сводятъ человѣка къ ничтожеству; разбиваютъ мысль о томъ, будто въ расположеніи вселенной могло заключаться какое либо отно-

шеніе къ его существованію или какое либо признаніе того, что мы называемъ нравственными качествами.

Трудно примирить мысль о человѣческомъ безсмертіи съ мыслью о томъ, будто природа губитъ людей, постоянно вызывая ихъ къ жизни тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для нихъ. Невозможно согласовать мысль о разумномъ и добродѣтельномъ Творцѣ съ вѣрованіемъ, будто то жалкое и унизительное положеніе, которое есть удѣлъ столь значительной части человѣческаго рода, есть слѣдствіе установленныхъ Имъ законовъ; а та мысль, будто человѣкъ въ умственномъ и физическомъ отношеніи есть результатъ медленныхъ измѣненій, наслѣдственно передаваемыхъ, роковымъ образомъ ведетъ къ заключенію, что цѣлью человѣческаго существованія является не личная жизнь, а жизнь расы. Потому-то у многихъ изъ насъ и исчезло, и у большинства исчезаетъ то вѣрованіе, которое въ жизненныхъ буряхъ и невзгодахъ даетъ самую могучую поддержку и самое глубокое утѣшеніе.

Но въ изслѣдованіи, произведенномъ нами, мы имѣли дѣло съ этими ученіями и видѣли ихъ ложность. Мы видѣли, что народонаселеніе не стремится превзойти средствъ существованія; мы видѣли, что гибель человѣческихъ силъ и чрезмѣрность человѣческаго страданія вытекаютъ не изъ естественныхъ законовъ, но изъ невѣжества и эгоизма людей, не желающихъ слѣдовать естественнымъ законамъ. Мы видѣли, что человѣческій прогрессъ совершается отнюдь не путемъ измѣненія природы человѣка, и что, напротивъ того, природа человѣка остается, говоря вообще, вездѣ и всегда одной и той же.

Такимъ образомъ пропадаетъ кошмаръ, который изгналъ изъ новаго міра вѣру въ будущую жизнь. Этимъ, конечно, не устраняются всѣ трудности, — ибо куда бы мы ни обратились, мы вездѣ приходимъ къ тому, чего мы не можемъ понять, но устраняются трудности, казавшіяся окончательными и непреодолимыми. И, такимъ образомъ, возникаетъ надежда.

Но это не все.

Политическую экономію называли «мрачной» наукой, и въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно излагается, она дѣйствительно лишена надежды и способна привести въ уныніе. Но это, какъ мы видѣли, зависитъ единственно отъ того, что ее унизили и запутали, что ея истины извратили, ея гармоній не признали; заглушили слово, которое она хотѣла произнести, а ея протестъ противъ неправды обратили въ оправданіе несправедливости. Освобожденная, какъ я старался освободить ее, въ своемъ собственномъ видѣ. Политическая экономія исполнена надежды.

Ибо должнымъ образомъ понявъ законы, управляющіе производствомъ и распредѣленіемъ богатства, мы замѣтимъ, что нужда и несправедливость теперешняго общественнаго состоянія не необходимы, и что возможно обще-

ственное состояніе, при которомъ, напротивъ того, бѣдность была бы неизвѣстна и всѣ лучшія качества и высшія силы человѣческой природы имѣли бы полный просторъ для своего развитія.

А видя, что общественное развитіе управляется не спеціальнымъ воздѣйствіемъ Провидѣнія, не безжалостной судьбой, а закономъ, въ одно и то же время неизмѣннымъ и благодѣтельнымъ, видя, что человѣческая воля есть великій факторъ, и что положеніе людей, въ ихъ совокупности, бываетъ такимъ, какимъ они его сами создаютъ; видя, что экономическій законъ и нравственный законъ въ сущности одно и то же, и что истина, которую разумъ схватываетъ послѣ утомительнаго усилія, есть лишь та истина, до которой нравственное чувство достигаетъ путемъ быстраго непосредственнаго воспріятія, мы и самую проблему индивидуальной жизни представимъ себѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Жизнь тѣхъ безсчетныхъ милліоновъ подобныхъ намъ существъ, которыя проходили и проходятъ по нашей планетѣ, съ ихъ радостями и печалями, ихъ трудами и усиліями, ихъ желаніями и опасеніями, ихъ могучимъ воспріятіемъ вещей, болѣе проницательнымъ, чѣмъ разумъ, ихъ обыкновенными чувствами, которыя образуютъ основаніе даже самыхъ расходящихся вѣрованій, жизнь ихъ уже не будетъ казаться столь похожей на безсмысленную гибель.

Великій фактъ, который обнаруживаетъ Наука во всѣхъ своихъ отрасляхъ, это универсальность закона. Всюду, гдѣ наблюдается тяготѣніе, въ паденіи ли яблока или въ обращеніи двойныхъ звѣздъ, астрономъ видитъ дѣйствіе одного и того же закона, имѣющаго силу и въ малѣйшихъ, различаемыхъ нами дѣленіяхъ пространства и въ неизмѣримыхъ разстояніяхъ, съ которыми имѣетъ дѣло его наука. Изъ-за предѣловъ, доступныхъ его телескопу, является движущееся тѣло и снова пропадаетъ. Насколько онъ можетъ слѣдить за его теченіемъ, законъ игнорируется. Говоритъ ли онъ, что тутъ исключеніе? Напротивъ, онъ говоритъ, что видѣнный имъ путь, есть только часть орбиты; что за предѣлами его телескопа законъ оправдывается. Онъ дѣлаетъ свои вычисленія, и спустя столѣтія его предположеніе оправдывается на дѣлѣ.

И вотъ теперь, если мы прослѣдимъ законы, управляющіе человѣческой жизнью въ обществѣ, мы найдемъ, что какъ въ самыхъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ обществахъ, они одни и тѣ же. Мы найдемъ, что всѣ тѣ случаи, которые на первый взглядъ кажутся какъ бы отклоненіями и исключеніями, суть лишь проявленія однихъ и тѣхъ же принциповъ. И мы найдемъ, что общественный законъ всюду, гдѣ мы можемъ наблюдать его, совпадаетъ и согласуется съ нравственнымъ закономъ; что въ жизни общества, справедливость неминуемо получаетъ свою награду, а несправедливость — свое наказаніе. Но мы не увидимъ этого въ индивидуальной жизни. Если

мы обратимъ вниманіе только на индивидуальную жизнь, мы не замѣтимъ, чтобы законы вселенной имѣли хотя бы самое слабое отношеніе къ добру и злу, къ правдѣ или неправдѣ, къ справедливости или несправедливости *). Однако скажемъ ли мы въ такомъ случаѣ, что законъ, которому подчиняются явленія общественной жизни, не оправдывается на явленіяхъ индивидуальной жизни? Ненаучно было бы такъ сказать. Мы не сказали бы такъ относительно чего либо другого. Не должны ли мы скорѣе сказать, что этимъ просто доказывается, что мы еще не видимъ индивидуальной жизни во всей ея цѣлости?

Законы, которые открываетъ Политическая экономія, подобно фактамъ и отношеніямъ физическаго міра, гармонируютъ съ прогрессомъ, который новидимому является закономъ умственнаго развитія, — но не съ необходимымъ и невольнымъ прогрессомъ, а съ прогрессомъ, въ которомъ человѣческая воля представляется основной силой. Однако въ жизни, насколько мы ее знаемъ, умственное развитіе можетъ продолжаться лишь короткое время. Духъ едва начинаетъ пробуждаться, какъ тѣлесныя силы уже приходятъ въ упадокъ, — едва начинаетъ смутно сознавать обширность пространствъ, лежащихъ передъ нимъ, едва начинаетъ изучать свою силу и пользоваться ей, понимать отношенія и расширять свои симпатіи, какъ исчезаетъ вмѣстѣ со смертью тѣла. Если бы не существовало чего либо большаго, то въ этомъ случаѣ оказывался бы перерывъ, недочетъ. Будь то Гумбольдтъ или Гершель, будь то Моисей, смотрящій съ горы Писгахъ, Іисусъ Навинъ, ведущій войско, или одна изъ тѣхъ кроткихъ и терпѣливыхъ личностей, которыя въ тѣсныхъ кружкахъ живутъ сіяющей жизнью, но если бы ихъ разумъ и характеръ, здѣсь развившіеся, не могли имѣть дальнѣйшей будущности, то оказывалась бы нѣкоторая безцѣльность, несовмѣстимая съ той связной послѣдовательностью, которую мы видимъ всегда во вселенной.

Согласно основному закону человѣческаго духа, закону, на который, въ сущности, и политическая экономія опирается во всѣхъ своихъ выводахъ, — мы не можемъ представить себѣ средства безъ цѣли, построеніе безъ идеи. И для всей природы, насколько мы приходимъ въ соприкосновеніе съ ней

---

*) Не будемъ вводить въ заблужденіе нашихъ дѣтей. Даже хотя бы въ силу одного того соображенія, которое приводитъ Платонъ, чтобы они отбрасывая потомъ въ сторону то, что мы передали имъ, какъ благочестивую ложь, не отбросили также и того, что мы передали имъ какъ истину. Добродѣтели, которыя относятся къ собственному я — вообще приносятъ свою награду. Купецъ ли, воръ ли будетъ имѣть болѣе успѣха, если онъ будетъ воздерженъ, благоразуменъ и вѣренъ своимъ обѣщаніямъ; но что касается добродѣтелей, которыя не относятся къ собственному я, то —

«Кажется сказкой изъ міра волшебнаго,
Если кто получаетъ то, что заслуживаетъ;
Или заслуживаетъ то, что получаетъ».

въ этомъ мірѣ, такой цѣлью и идеей является поддержаніе и употребленіе разума, заключеннаго въ человѣкѣ. Но если человѣкъ не можетъ подняться до чего либо высшаго или не можетъ создать чего либо высшаго, тогда непонятно и самое его существованіе. Насколько сильна эта метафизическая необходимость какого-то высшаго состоянія, можно видѣть хотя бы уже изъ того, что люди не допускающіе для индивидуума чего либо большаго, чѣмъ эта жизнь, бываютъ тѣмъ не менѣе принуждены перенести идею усовершенствованія на расу. Однако, какъ мы видѣли (а доказательство могло быть сдѣлано гораздо болѣе полнымъ) не существуетъ ровно ничего такого, что указывало бы на мало-мальски существенное улучшеніе расы. Человѣческій прогрессъ не есть улучшеніе человѣческой природы. Успѣхи, въ которыхъ состоитъ цивилизація, сохраняются не въ организмѣ человѣка, но въ строѣ общества. Такимъ образомъ они не представляютъ изъ себя ничего устойчиваго и постояннаго и могутъ быть во всякое время утрачены, болѣе того, постоянно стремятся утратиться. Да и сверхъ того, признавъ, что человѣческая жизнь не продолжается далѣе того, что мы видимъ здѣсь, мы натолкнулись бы и по отношенію къ расѣ, на тѣ же самыя затрудненія, съ какими мы встрѣчаемся въ отношеніи индивидуума. Ибо, что раса должна умереть, также вѣрно, какъ и то, что индивидуумъ долженъ умереть. Мы знаемъ, что существовали геологическія условія, при которыхъ человѣческая жизнь была невозможна на землѣ. И мы знаемъ, что они снова должны вернуться. Даже теперь, когда земля обращается на своей опредѣленной орбитѣ, ледяная оболочка сѣвернаго полюса медленно утолщается, и постепенно приближается время, когда снова потекутъ его ледники, а южныя моря, передвигаясь къ сѣверу, покроютъ пустынями океана мѣста теперешней цивилизаціи, какъ можетъ быть теперь онѣ покрываютъ мѣста, гдѣ нѣкогда была такая же высокая цивилизація, какъ наша. А за этими періодами наука различаетъ мертвую землю, угасшее солнце и такое время, когда вся солнечная система, столкнувшись воедино, должна будетъ превратиться въ газообразное состояніе, чтобы снова начать свои нескончаемыя измѣненія.

Каковъ же тогда смыслъ жизни,—жизни абсолютно и неизбѣжно кончающейся смертью? Для меня она является понятной единственно только какъ путь къ новой жизни, какъ преддверіе ея. А факты ея кажутся объяснимыми только на основаніи той теоріи, которая можетъ быть выражена лишь миѳомъ и символомъ, и которую повсюду и во всѣ времена выражали такъ или иначе тѣ миѳы и символы, въ которыя люди стремились облечь свои глубочайшія воспріятія.

Писанія людей, которые являлись сюда и уходили, Библія, Зенд-Авеста, Веды, Дгаммапады и Коранъ; тайныя ученія древнихъ философовъ, внутренній

смыслъ причудливыхъ религій, догматическія постановленія Вселенскихъ соборовъ, проповѣди Фокса, Уэсли, Савонаролы, преданія краснокожихъ индѣйцевъ и вѣрованія дикихъ негритянскихъ племенъ, въ своей основѣ, въ своей сущности сходятся между собою, заключая въ себѣ нѣчто такое, что представляется какъ бы на разный ладъ неяснымъ пониманіемъ первоначальной истины. И изъ мыслей, выраженныхъ нами, какъ будто вырывается слабый проблескъ того, что видѣли эти люди, и становится возможнымъ различить слабое мерцаніе конечныхъ отношеній, стремленье выразить которыя неизбѣжно приводитъ къ образу и аллегоріи. То это садъ въ которомъ растутъ дерева добра и зла. То виноградникъ, въ который хозяинъ посылаетъ работниковъ. То переходная ступень отъ одной жизни къ жизни новой и высшей. То испытаніе и борьба, конца которыхъ никто не можетъ видѣть.

И теперь, оглянитесь кругомъ.

Здѣсь, въ наше время, въ цивилизованномъ обществѣ, древнія аллегоріи еще сохраняютъ свой смыслъ, древніе миѳы еще не утратили своего значенья. Въ долину Смертнаго Мрака еще часто ведетъ путь долга, христіане и правовѣрные разгуливаютъ на Ярмаркѣ Тщеславія, а отъ колчуги Великодушія доносится бряцанье отъ ударовъ. Ормуздъ еще сражается съ Ариманомъ, Князь Свѣта съ Силами Тьмы. Того, кто хочетъ слышать, того зовутъ боевые рога.

Они зовутъ, зовутъ и зовутъ, пока не окрѣпнутъ сердца тѣхъ, кто внимаетъ имъ. Могучій духъ и высокое стремленье, вотъ въ чемъ нуждается міръ теперь. Красота еще находится въ заточеніи, и желѣзныя колеса давятъ все то доброе, истинное и прекрасное, что могло бы возникнуть изъ человѣческой жизни.

И тѣ, которые сражались на сторонѣ Ормузда гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, даже не зная другъ друга, всѣ будутъ названы въ спискѣ борцовъ.

Хотя Истина и Справедливость кажутся часто угнетенными, но мы не видимъ однако всего. Да и дано ли намъ все видѣть? Мы не замѣчаемъ даже всего, происходящаго около насъ. Колебанія вещества, которыя вызываютъ ощущенія свѣта и цвѣта, становятся для насъ уже нечувствительными, при переходѣ извѣстный предѣлъ. И также лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ мы слышимъ звукъ. Даже животныя имѣютъ чувства, которыхъ не имѣемъ мы. А далѣе? Въ сравненіи съ солнечной системой наша земля представляется лишь едва различимымъ пятнышкомъ, и сама солнечная система обращается въ ничто предъ звѣздными мірами. Скажемъ ли мы послѣ этого, что уходящее изъ предѣловъ *нашего* зрѣнія приходитъ въ область забвенія? О нѣтъ, не въ область забвенія. Хотя бы далеко, далеко за предѣлами нашего зрѣнія, вѣчные законы должны проявить свою власть.

Надежда, которая возникаетъ, есть сердце всѣхъ религій. Поэты воспѣли ее, пророки говорили о ней, и въ глубинѣ своей души человѣкъ хранитъ убѣжденіе въ ея истинности. Что сказалъ Плутархъ, то во всѣ времена и на всѣхъ языкахъ говорили люди съ чистымъ сердцемъ и проницательнымъ умомъ, которые находясь какъ бы на вершинѣ мысли и вглядываясь въ мрачный океанъ, замѣчали неясное очертаніе земли:

«Души людей, заключенныя здѣсь въ тѣла и страсти, не имѣютъ другаго сообщенія съ Богомъ, кромѣ того, котораго они могутъ достигнуть только въ мысли, посредствомъ философіи, какъ бы посредствомъ какого-то смутнаго сновидѣнія. Но когда онѣ освобождаются отъ тѣла и уходятъ въ невѣдомую, невидимую, непроходимую и чистую область, тогда Богъ тамъ есть ихъ вождь и владыка, тамъ онѣ уже цѣликомъ зависятъ отъ него, пребывая въ страстной любви къ нему и въ неустанномъ созерцаніи той красоты, которой люди не могутъ ни представить, ни выразить».

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
18	21 сверху	своихъ желаній	всѣ свои желанія
23	14 сверху	имѣющейся	имѣющіяся
24	9 сверху	оно занято	они заняты
26	10 сверху	на эти пункты	этимъ пунктамъ
52	14 сверху	произвелъ богатство	произвелъ—богатство
64	2 сверху	самопрялки ручнаго станка	самопрялки и ручнаго станка
71	2 сверху	таковы	каковы
74	3 сверху	оказалось	сказалось
74	11 сверху	содѣйствовали	содѣйствовала
82	1, 2 и 3 сверху	достаточно силенъ, земля вполнѣ не заселилась и даже поскольку мы можемъ это видѣть, чтобы существенно не увеличились и вся совокупность	достаточно силенъ, чтобы вполнѣ заселить землю и даже поскольку мы можемъ это видѣть, чтобы существенно увеличить всю совокупность
90	20 сверху	посредствомъ введенія	благодаря введенію
109	4 снизу	и то не иначе	то не иначе
220	1 снизу	земельной аренды	землепользованія
222	19 снизу	лепзнестки англійской рои	лепестки англійской розы
231	17 сверху	стоятъ	стоитъ
249	19 снизу	землевладѣльца	земледѣльца
249	3 снизу	будущаго	будущаго»
257	9 снизу	человѣческихъ существъ	человѣческія существа
289	14 снизу	сломила	сломилъ

1р60к

K393310